

ПАНТЕОНЪ.

V

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ВЕНЕРА АНАДИОМЕНА. Н. Ф. Щербинѣ. <i>И Кролл.</i>	1 — 6
КИПАРИСЪ. В. Бенедиктова.	7 — 8
II. ГАЙКА. Повѣсть. Н. Кожаковской. (<i>Часть первая</i>).	9 — 88
III. ЖИТЕЙСКІЯ ТРЕВОЛНЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО КОМЕДИАНТА. Соч. Ал. Дюма. Ф. Кони.	1 — 54
IV. СЪВЕРНАЯ АМЕРИКА ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ. Соч. Шарля Олиффа. Часть первая.	1 — 56
V. РУССКОЙ ПОДМАСТЕРЬЕ. Физиологическій очеркъ. П. Алек- сандрова.	57 — 68
VI. ОХОТА НА ВОЛКОВЪ. Разсказъ. М. Подаревскаго.	69 — 78

VII. СОВРЕМЕННОЕ.

I. ЛИТЕРАТУРА: Новѣйшіе англійскіе романисты. Вильямъ Вильки-Кол- микъ и его произведенія. II. ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА: Вокальная му- зыка во Франціи, въ первой половинѣ IX вѣка. III. НАУКИ И ПРОМЫШ- ЛЕННОСТЬ: Разумъ у животныхъ. Любопытные разсказы изъ ихъ жизни. (Изъ новѣйшихъ изданій Бродериса и Томсона).—Нѣчто о производствѣ стеариновыхъ свѣчъ. — Бумага для письма и рисованія изъ хлопчатой бумаги. — Приготовленіе писчей бумаги въ Англіи. — Растеніе Юта. IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И ОЧЕРКИ ПРАВОВЪ: Брусса. (<i>Статья Виконта де-Бо- мона</i>).—Хаджи Насръ-эль-Дине. (<i>Арабское преданіе</i>). V. АНЕКДОТЫ, ЗА- МѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, И НОВОСТИ: Соломонъ Де-Ко, сумазбродъ. (<i>Не- давно найденное письмо Маріоны де-Лорнъ</i>).—Роковой дубъ. (<i>Курляндское преданіе</i>). VI. МЕЛКІЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ: Купеческое сердце. (<i>Раз- сказъ Чарльса Диккенса</i>).—Дѣвичій замокъ. (<i>The Meuden Castle</i>). (<i>Съ ан- глійскаго</i>).	1 — 106
---	---------

VIII. НАСТАВНИЦА, или пансіонъ въ Брюсселѣ. Англійскій романъ. Соч. г-жи Корреръ-Белль (Шарлоты Бронти.) Окончаніе первой части. 101—174

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ № 4.

ПРОСТУДА У КАМИНА. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.
Переводъ съ французскаго, Актера С. Бойкова. 1 — 22

ПРИЛОЖЕНІЯ: ОТСУТСТВУЮТ

1. МУЗЫКА: Токатина. Соч. Гензельта.
 2. ПОРТРЕТЪ капельмейстера и композитора *Иоганна Страуса.*
-

II-9
12-100

О П

ПАНТЕОНЪ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Коки.

7082
2030

ТОМЪ XXVII.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

1856.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕНН. АКАДЕМ.
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. В. ЛУНГИНСКАГО
ТЕАТРЪ ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 20 Іюля 1856 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.

I.

ВЕЩЕРА АНАДИОМЕНА.

Н. Ѧ. ЩЕРБИНЪ.

Извѣство, что оригиналомъ знаменитому куміру Венеры Анадіомены (выходящей изъ волнъ) служила славная Аѣнская прелестница Фрина. Во время торжества элевсинскихъ таинствъ Фрина, при стеченіи многочисленнаго народа, сбросивъ съ себя одежды, кинулась въ волны моря, къ изумленію толпы, пораженной ея прелестями и Праксителя, который воспользовался этимъ обстоятельствомъ, для созданія своей Венеры Анадіомены. Но, и прежде этого случая, Фрина много разъ намекала Праксителю о желаніи ея послужить образцомъ для его вдохновеннаго рѣзца.

Въ часы, какъ на душѣ затихнуть всѣ тревоги,
И погрузится мысль въ таинственные сны,
Отд. I.

Миѣ шепчуть иногда мифическіе боги
 Преданія своей эллинской старины.
 Волшебныхъ призраковъ, міръ свѣтлый и прекрасный,
 Чудесно предо мной животворится вновь;
 И снятся миѣ тогда Элады вѣчно-ясной
 И небо и весна и дѣвы и любовь.
 Давно усталый Фебъ, на ложѣ сладкой лѣни
 Съ Омидой отдыхалъ. Спустились ночи тѣни,
 Сады Серамики пустѣютъ;—пустъ Пирей;
 Разсѣялись толпы съ веселыхъ площадей,—
 Объаты шумныя спокойствіемъ Аѳины.
 Но что за торжество?—звукъ слышенъ флейтъ и лиръ.
 Цереры ль праздникъ тамъ? иль въ честь Киприды пиръ?
 Иль вакханалія въ чертогахъ славной Фрины?
 Войдемъ. Вездѣ огни;—отъ нихъ лучей дрожатъ
 Отявомъ золотымъ пурпуровыя ткани;
 Открытъ между колоннъ курящихся дивный рядъ,
 И вьются тирскихъ смолъ изъ нихъ благоуханья.
 Раскинуть столъ большой,—подъ тяжкимъ серебромъ
 Амфоръ, сосудовъ, чашъ, разставленныхъ на немъ,
 Едва не ломится доска слововой кости.
 Цвѣтами свѣжими увѣнчаны,—кругомъ
 На ложахъ возлежать пирующие гости.
 Хоръ стройный звучныхъ флейтъ, при пляскѣ оллетриль,
 Желанья въ юношахъ и старцахъ кипятить.
 И стонкъ съ сѣяной, забывъ людей ошибки,
 Здѣсь мѣбеть какъ шалунъ, лова гетеръ улыбки.
 Но кто изъ нихъ одна,—на пиръ, полулежа,
 Внимательно глядитъ? Волнуясь покрывало
 Скользитъ къ ея ногамъ, плечъ мраморъ обнажа;
 И на руку она головкою припала.
 Улыбку милыхъ устъ съ отрадою живой

Еще толпа гостей завистливо ловила, —
Вдругъ слѣдъ ея исчезъ, — и чудною рукой
Красавица хоръ флейтъ и лиръ остановила.
Веселье прервано, — смущенный пиръ молчить;
Царица оргіи гостей благодарить:
Архонтовъ, мулрецовъ, притановъ, евнатридъ,
Поэтовъ пламенныхъ, ораторовъ чудесныхъ,
Собранье шумное именъ и лицъ извѣстныхъ,
Стекавшихся въ чертогъ прекрасной на пиры,
Чтобъ расточать дотла и ласки и дары.
«Довольно, — говорить гетера въ заключенье,
Служила я рабой богинѣ наслажденья.
Довольно, до-сихъ поръ, безопасное дитя,
Любила Фрина всѣхъ друзей своихъ шута;
Но сердце женщины проснулось въ вихрѣ оргій,
И просить раздѣлять съ однимъ любви восторги.»
Смутились юноши, упалъ въ собраньи духъ,
Блѣднѣя старики свой напрягаютъ слухъ;
Гетера говорить: — «Ни санъ, и ни порода,
Ни власть, ни красота меня не увлекутъ.
Отыниѣ предложу я споръ другаго рода, —
Высокій споръ ума, — боговъ достойный судъ.
И въ творческой борьбѣ кто будетъ побѣдитель,
Тотъ съ Фриною одинъ раздѣлитъ вѣгу чувствъ.
Кто-жь выступитъ изъ васъ, жрецы святыхъ искусствъ?
Кто Фрины, какъ рабы, быть хочетъ повелитель?»
Умолкла....
Въ одинъ мигъ
Забилися сердца поклонниковъ младыхъ
Отвѣтомъ пламеннымъ на вызовъ прихотливый,
Готовые на споръ, въ борьбѣ самолюбивой.
Тотъ въ головѣ давно кропаетъ страстный стихъ,

Тотъ, кисти властелинъ, расправилъ мысли крылья;
 Тотъ молча, головой надъ чашею поникъ
 И чувствуетъ свою и немощь и безсилъе.
 Но это кто, вдали, всѣхъ болѣе смущенъ?
 Высокое чело рукой сжимаетъ онъ;
 Заранѣ чувствуя всю нѣгу наслажденья,
 Взываетъ мысленно къ богинѣ вдохновенья.
 — Съ красавицы онъ свой не сводитъ страстный взоръ,
 И ловить формы плечъ, лукаво обнаженныхъ,—
 И взглядъ насмѣшливый бросаю на влюбленныхъ,
 Читаетъ Пракситель имъ горькій приговоръ.

Что значить этотъ шумъ? стекается народъ;
 Веселая толпа по улицамъ тѣснится;
 По звонкой мостовой то взадъ, то впередъ
 На бѣшеныхъ коняхъ летаютъ колесницы?
 Какая пестрота! какъ съ горъ прекрасенъ видъ!
 Вотъ въ шитой туникѣ блестящій еватридъ,
 Безпечный юноша,—вотъ старецъ посѣдѣлый,
 Суровый гражданинъ, въ простой одеждѣ бѣлой;
 И нищій и архонтъ, гуляка и мудрецъ,
 И еѳіопскій рабъ и склепъ и хитрый жрецъ,
 Ораторъ площадной и пламенный философъ;
 И всюду слышенъ шумъ догадокъ и вопросовъ.
 Вотъ юный Аристипъ и рядомъ съ нимъ Сократъ;
 И циникъ Діогенъ свой домъ съ собой катящій;
 А вотъ и родственникъ Перикла,—сей блестящій
 Народа баловень, молодой Алкивіадъ.
 И жены,—много ихъ;—нарядами пестрыя,

Здѣсь и затворницы докучной гикенеи,
Съ толпою евнуховъ и илотовъ своихъ;
И тѣ, блестящія, въ одеждахъ дорогихъ,
Въ запыляхъ золотыхъ, гирляндами увиты, —
Поклонницы утѣхъ и жрицы Афродиты.
Вся шумная толпа спѣшитъ въ Венераинъ храмъ.
Сегодня торжество; — народъ вѣнчаетъ тамъ
Художника. Вотъ онъ, — триумфомъ тронуть новымъ,
Счастливый юноша, подъ деревомъ лавровымъ,
У входа въ этотъ храмъ, гражданъ благодарить.
«Безсмертенъ Пракситель!» волнуясь кричить
Толпа, притекшая смотрѣть его Венеру,
Въ прелестной наготѣ изшедшую изъ волъ.
«Да здравствуетъ!» кричитъ бѣснулся народъ,
Узнавшій въ мраморѣ Аѳинскую гетеру!

Прошли вѣка; — въ безсиліи назаль
Мы смотримъ съ завистью холодной и сердитой, —
Боясь ребячески простить имъ ихъ развратъ,
Искушенный цѣной ихъ жизни плодovitой.
Такъ часто думаю въ былое погруженъ,
Люблю я вспоминать жизнь падшихъ тѣхъ племенъ,
Кипѣвшую, полную очарованья.
И мнится часто мнѣ, — возможно-жъ было имъ
Такое мощное подъ небомъ голубымъ
Всѣхъ струнъ ихъ жизни сочетанье.
Пускай они прошли, пусть ржавчина временъ
Изъела мраморы и злато ихъ колоннъ,

Пускай развалины на мѣстѣ ихъ гимназій,
 И ящерицъ гнѣздо въ травѣ, гдѣ былъ чертогъ,
 Гдѣ расточались сокровища у ногъ
 Лапсъ, Тимандръ или Аспазій...
 Но вѣченъ духъ твоихъ, о Греція, сыновъ!
 И миѣи ихъ живутъ и живы пѣснопѣнья.
 И не сотретъ твое съ лица земли значенье
 Полетъ всерушащихъ вѣковъ!

Н. КРОЛЬ.

КИПАРИСЪ.

На югѣ, гдѣ и лавръ съ оливой разрослись,
Манить къ себѣ мое вниманье кипарисъ.
Онъ строенъ; онъ высокъ; раскидистой громадой
Не поражая глазъ, онъ мирною прохладой
Такъ полонъ, такъ легко и сладостно тѣнисты!
Ткань зелени на немъ не жметса въ плоскій листъ
И не щетинится колючею иглою,
Но разбѣгается кудрявой чешуею;
Величественный стволъ такъ благородно прямъ!
Близъ храма Божьяго,—растительности храмъ,
Одѣтый въ темную задумчивую зелень,
Молитвы шепчетъ онъ у келій и молелень;
Порой онъ близъ могилъ, спокойно-величавъ,
Давъ сѣнь покойникамъ, а рамена подъявъ
И вѣтви устремивъ на высоту эфира,
Связуетъ мракъ земли и свѣтъ другаго міра.
Нѣмая проповѣдь! Усопшихъ здѣсь лишь прахъ;
Земля даетъ имъ тѣнь, а свѣтъ ихъ—въ небесахъ.
Но тотъ же кипарисъ я зрѣлъ не на кладбищѣ:
Онъ входы украшалъ въ роскошное жилище,
Въ чертоги богача—и здѣсь онъ былъ хорошъ.
Бывало, дливную аллею перейдешь, —
И вотъ онъ—съ розою махровою сталъ рядомъ,
На прелесть обратясь могущественнымъ взглядомъ
Кокетливый цвѣтокъ свой нѣжный ароматъ
Такъ неразборчиво всѣмъ предлагать былъ радъ
Ликующимъ гостямъ, межъ смѣхомъ и игрою,
А строгій кипарисъ подъ жесткою корою,
Не дѣлая помѣхъ земному торжеству,
Курилъ свой олимпамъ, приличный божеству,

И средь пирующихъ, какъ жрецъ въ одеждѣ темной,
 «Пируйте, говорить, съ умѣренностью скромной!»
 Тогда какъ тѣ цвѣты, неся дары свои,
 Гостей влекли къ мечтамъ и дерзостямъ любви,
 Онъ въ страстный запахъ розъ, и ароматъ лилейный
 Смиренно вмѣшивалъ свой паръ благоговѣйный,
 На краски жизни тѣнь накидывалъ равно,
 И вновь напоминалъ, что жизнь и смерть—одно,
 Что все покорствуешь предвѣчному условию,
 И предъ цвѣткомъ любви дышалъ онъ той любовью,
 Которою дыша, на вѣкъ сомкнулъ уста
 Распятый на тебѣ, о, дерево Креста!

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

ГАЙКА.

ПОВѢСТЬ Н. КОХАНОВСКОЙ.

Часть первая.

— И прекрасно! начто лучше!

— «Что же здѣсь дурнаго?»

— И кончено, ничего дурнаго.

— «Наконецъ, право, что же такое?»

— Что дочь съ матерью спорить, это по-твоему ничего?

— «О, разумѣется, маменька, вы скажете: что это все ученые да воспитанныя; а прежнія дочери не смѣли слова сказать—и я молчу, не скажу болѣе ни слова. Сказала дочь огорченнымъ голосомъ, облокотилась обѣими руками на окошко и замолчала.

Окошко было въ садъ; въ саду цвѣли вишни; подъ вишнями густо засѣла высокая трава, межъ травую пробивалась узенькая дорожка; она, вѣроятнѣе всего, вела къ колодезю и пропадала въ густыхъ вербахъ. Дочь не смотрѣла ни на вишни, ни въ садъ, ни на дорожку.

— Чтожъ? вотъ и хорошо! похвалить можно! начала погдоивши мать. Съ матерью сидишь часъ битый и слова не выговоришь.

— « Ахъ! тихонько проговорила дочь.—Маменька! что же мнѣ дѣлать? начну я говорить—вы сейчасъ едва не сказали мнѣ: молчи! я замолчала—и опять выходитъ что я не хочу говорить съ вами.»

— Гм! мать всегда виновата.

Дочь не отвѣчала. Самоваръ на столѣ тихонько шипѣлъ, вызванивая на разные тоны.

Странно бы было силиться живописать всякую мелочь; но не хорошъ ли былъ этотъ маленькій крадущійся лучъ, проскользнувшій сквозь золотую съ изумрудомъ сережку невесело склонившейся у окна дѣвушки и потянувшійся трепетной подвижною гранью на середину бѣленькой комватки, раздѣлая ее на двѣ случайныя половины. Изъ угловъ выступили ему навстрѣчу баночки, стеклячки, разныя хозяйственныя связочки, большая бутылъ съ уксу-сомъ; на лежанкѣ сидѣла красавица рябенъкая кошка; тонкій лучъ солнца, какъ замороженный, остановился и сверкалъ у нея въ зеленыхъ глазкахъ.

— Брысь ты, поди! усѣлась, вишь, гляди на нее,—ворчала мать, вовсе не въ досадѣ на кошку, а на кого-то другого... Вотъ и теперь я, чай, запрещаю ей говорить. Задумалась какъ! было еще о чемъ думать. Пьетъ, бѣтъ готовое и платье носить—слава Богу, пока мать жива.

— « Ахъ, маменька! Право, иногда слова не приищешь, хотя бы и хотѣла что сказать!» съ грустнымъ нетерпѣньемъ возразила дочь.

— Да такъ, я знаю, съ матерью какія слова! что ей говорить! Много будетъ знать. Известное дѣло, мы сами на ноги поднялись, все знаемъ—люди ученые—гм! что хочешь скажи намъ, порѣшимъ тотчасъ.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ, въ тонѣ, какимъ они были произнесены и еще болѣе въ прикашливаньи многозначительномъ, было что-то особенное, какъ бы намекавшее стороною на что-то и, видно, недаромъ. Дочка у окна пошевелинулась нетерпѣливо; краешки ея тоненькихъ хорошенькихъ ушей медленно засвѣтились ласквозъ розовою краской. Она пристально стала смотрѣть на узенькую дорож-

ку: и куда она идетъ, и гдѣ пропадаетъ, не сводя съ нея глазъ.

— На что это тамъ засмотрѣлась такъ, словно, чего вѣкъ не видала!

— « На дорожку я смотрю, маменька.»

— Подлинно, невидаль. Тебѣ же Дашка каждый день по десяти разъ по воду бѣгаетъ.

— «Бѣгаетъ» машинально повторила дочь.

— А что? скажешь: не бѣгаетъ?

— « Я говорю: что бѣгаетъ.»

— То-то, васъ не разберешь. Вы все по-своему, по ученому; а мы, старые люди, по простотѣ... Хочешь чаю?

— «Благодарю.»

Минуты съ двѣ молчала мать и съ какой-то странно-суровой нерѣшительностію взглядывала на дочь.

— Да что же это, какъ? Благодарю—хочешь, или благодарю—не изволишь хотѣть?

— «Я не хочу, покорно благодарю.»

— Оно, конечно, такъ; материнскій хлѣбъ горекъ. У чужихъ людей, видно, слаще... Вѣдь бы ты обижала меня, дитя мое, да не тѣмъ, что постыла тебѣ моя хлѣбъ-соль.

Дочь оборотилась, и отъ изумленія и въ совершенномъ испугѣ поднялась со стула: въ голосѣ матери слышались почти отчаянныя слезы.

— Развѣ я у тебя мачиха или мать, помилуй Богъ, какая,—горько присовокупила она,—что я пожалѣла бы для тебя чашку чаю. Я, можетъ, душу свою готова тебѣ отдать. Вамъ-то кажется, что неученыя матери и дѣтей своихъ не умѣютъ любить.

Совсѣмъ растерявшаяся, выступивъ на средину комнаты, стояла, опушта руки по своему шелковому переднику, молоденькая дочь и изъ глазъ у нея капали слезы.

Словомъ, здѣсь произошла одна изъ тѣхъ сценъ, такъ частыхъ и неотвратимыхъ между людьми, несходными другъ съ другомъ, часто ни въ чемъ, что можетъ соединять два разумныя существа, и между тѣмъ, какъ эти люди связаны крѣпкой жизненной долей въ одну родную семью, иногда въ одинъ неразрывный союзъ плоти и духа, не имѣя ничего одинаковаго ни въ мысляхъ, ни даже въ наружномъ проявленіи чувствъ, ни въ побужденіяхъ—когда и

самый смысл жизни открывается каждому совершенно иначе. Сколько надобно любви, сколько тихой благодати пролить, какъ елей, на эти мелкія язвыны всевозможныхъ столкновений, недоразумѣній, непонятныхъ одинъ другому оскорблений. Образование сближаетъ людей; но для порядочной доли нашего общества, оно, какъ первопроповѣданное слово, вноситъ знаменательный мечъ, разъединяя мать и дочь, невѣстку и свекровь. Это огонь, вверженный въ средину насъ—и да пылаетъ онъ, разгораясь все полнѣе и шире, и какъ отъ небесной теплоты солнца, никто да не укроется отъ теплоты его! Но у высокаго пламени есть свои мелкія отлетающія искры, которыя могутъ горѣть вдали, зажигать или одиноко гаснуть, не пересиливъ сырости, въ которую попали...

Но куда попали и мы по вольной волѣ нашего разсказа?—Въ Сороковку.—Гдѣ же это, надобно описать, если не назвать прямо... Но что дѣлать съ описаніемъ нашихъ мѣстностей! Вокругъ до-того все широко, привольно и раздольно, что нечѣмъ его обозначить; ничего нѣтъ такого выступающаго, чтобы картинно легло на печатную страницу. Одинъ просторъ да широта западающей дали, да къ тому еще зелень, и зелень какъ яркое море.—Вотъ теперь эта Сороковка... Если, такъ сказать, поселена вдоль по догу—слѣдовательно, можно положить, что довольно живописно по гористымъ скатамъ и рѣчка какая нибудь навѣрное есть; ну, берется во вниманіе оживленіе большаго селенія, на что какъ будто намекаетъ самое имя Сороковки; вѣроятно, церковь гдѣ нибудь на видномъ мѣстѣ сияетъ своей главой, разгорается маковка святаго креста,—словомъ, отчего бы, кажется, не описать и, кто съумѣетъ, хорошо.—Да спрашивается одно: будетъ ли вѣрно?—Догъ ли это по тому картинному понятію, какое мы привыкли имѣть о догахъ? Гдѣ у него заросшая перелѣсками глубь, кудрявый чапыжникъ, крутые скаты, обнаженные бока—эти рывины чернѣющія, повывытыя весенней водой, живописно обозначившійся откосъ глины или мѣла, какое нибудь разнообразіе, что придало бы краски ландшафту и затѣмъ картинность описанію? Ничего не бывало.—Это шла и шла казацкая степь, застилаясь травой, да увидѣли татарина. «Дай-ка,» сказала, «я подползу къ нему»—и поползла, да

такъ тихо, осторожно, понемножку, чтобъ узкоглазый не замѣтилъ ее, что ползла она часть цѣлый, и начала еще медленно, крадась приподниматься—оглянуть хотѣла: «а что вражій татаринъ?» А татарина и слѣдъ простылъ. Степь шелохнулась зеленой травою и пошла своимъ чередомъ.

Вотъ такой это логъ съ чуть-подающимъ, медленными, пологими склонами и рѣчка течетъ по немъ; по у этой рѣчки даже береговъ нѣтъ. Т. е. оно видимо, что когда-то, въ незапамятные времена, рѣчка текла широко, великолѣпной разливной рѣчкой. Пологіе, разлужистые скаты логга были ея тихими зелеными берегами. Теперь берега, какъ небывалые, широко отступили въ степь; рѣчка течетъ прямо по низкой красноватой травкѣ и имени у нея никакого нѣтъ: такъ она себѣ рѣчка, а по ней сидитъ Сороковка.

— Но у Сороковки же, по-крайней-мѣрѣ, есть имя... Есть ихъ сорокъ, если вамъ угодно.

Почти на десять верстъ разбросалась, разсыпалась какъ стадо, заглянула во всѣ отвершки логга, загнулась по вѣтвямъ его вольнымъ кривизнамъ и поворотамъ Сороковки: вотъ вамъ Кутки, а вотъ Дубки; вотъ она кружечкомъ сидитъ, Пичерица; сосѣдка ея-Нетуды хатка; въ ложку прилѣпы.... Всѣ это хуторки и пониже, и повыше; здѣсь живетъ пань, а тамъ сама пани и все, какъ ягоды, паны и пани, и хотя бы дорога соединяла ихъ—зачѣмъ вамъ? нѣтъ. Хуторки сами собою, а дорога сама по себѣ: идетъ низомъ, нигде не заворачивая и мѣры версты ей нѣтъ: только подбываютъ изъ хуторковъ дорожки. И что за чудный, тихенькій, самостоятельный міръ эти хуторки! У каждаго стоитъ на вѣтрѣ своя мельница, свой длинный журавль надъ колодеземъ, и бочкомъ, и передомъ столпились и повытянулись бѣленькія хатки; вишневый садикъ есть у каждаго, у всѣхъ свои высокія вербы; въ саду панскія горенки и даже за солью ѣздить ненадо: чумаки идутъ мимо и завозятъ соль по Куткамъ и Дубкамъ, по всей Сороковкѣ. И что за диво, что здѣсь живутъ и умираютъ люди, не умѣя показать дороги за десять верстъ! Крымъ они знаютъ по соли; свой уздный городъ—по одному имени, да еще они знаютъ славную *Пивтаву*; а что весь естальной міръ? Онъ могъ бы очень легко не существо-

вать для Сороковки. — Что еще? — Во всей Сороковкѣ нѣтъ воротъ; она не знаетъ: что такое заператься? Волы ея ходить — гдѣ и самъ хозяинъ не вѣдаетъ... Залитая зеленой степью, густымъ своимъ вышнячкомъ, Сороковка очень рѣзко и даже картинно выставила на яркомъ сверкающемъ горизонтѣ свои длинныя, всторчъ стоящія взводы надъ колодезями. Почернѣлые отъ времени, какъ обгорѣлые и кажущіеся массивными въ легкомъ, сине-трепетномъ прозрачномъ воздухѣ, они протянулись какъ медвѣжьи лапы и медленно, съ тяжелой усталю бревна опускаются и поднимаются, ведро, покачиваясь, дрожить и брызжетъ сверкающими каплями воды; а свѣтлѣйшій голосокъ поетъ родную задушевную пѣсенку:

Ой, у саду, въ огороли

Я копала вишни —

Ой, дай мени, Боже!

Жевиха пилъ мысли:

Що бъ люечки не куривъ,

Табаву не нюхавъ —

Чужихъ женокъ не любивъ,

Та все мени слухавъ!

Болѣе рѣшительно нечего сказать о Сороковкѣ; кромѣ еще того, что ей удалось привить столько прозвищъ своимъ панямъ и паньямъ, посократить ихъ настоящія имена, кое-что присоединить къ другимъ, что попасть въ Сороковку и отыскать тамъ кого нибудь по тому только, что знаешь его имя, отчество и фамилію, вовсе не легкое дѣло.

Резсказываютъ достовѣрный анекдотъ. — Изъ Сороковки, нѣкто Котовъ, служилъ въ полку, былъ хорошъ съ однимъ офицеромъ и, выходя въ отставку, звалъ его: не будетъ ли когда проздомъ, чтобы навѣстилъ его, Котова, въ Сороковкѣ. Случилось офицеру, чрезъ нѣсколько времени, быть командировану въ эти мѣста; онъ вспомнилъ про пріятеля и поѣхалъ. — «Это Сороковка?» спрашиваетъ. (Малоросіанинъ плугомъ оретъ). — «Да, Сороковка, пане.» — «Гдѣ здѣсь живетъ помѣщикъ Котовъ?» — «Мы и про батька его не слыхали.» — «Вздоръ! ты не знаешь. Пошелъ дальше!» — «Помѣщикъ Котовъ здѣсь близко живетъ? Эй! по-

слушай—слышишь?»—«Да вамъ кого надобно?»—«Котова.»—«Якъ вы его прозываете?»—«Котовъ», съ разстановкою произнесъ офицеръ, сказывая его имя и отчество.—«Ни; не слыхать у насъ, пане, такого.»—«Какъ не слыхать, помилуй! Что это за селеніе?»—«Дубки оно селеніе.»—«Ну, а вонъ то рядомъ!»—«Печерица, пане.»—«Гдѣ же у васъ здѣсь Сороковка?»—«Да оно жъ то, пане, и Сороковка есть... «Офицеръ, кажется, послалъ Сороковку туда, куда подъ досадную руку посылають многое. Такъ Котовъ же здѣсь непремѣнно. Я знаю, онъ въ Сороковкѣ живетъ.»—«А можетъ и живетъ, коли вы, пане, знаете,» отвѣчалъ хохолъ. Офицеръ проѣхалъ едва не всю Сороковку изъ конца въ конецъ; напоследокъ, теряя терпѣніе, онъ поймалъ кого-то среди дороги и, уже не спрашивая про Котова, велѣлъ называть себѣ всѣхъ помѣщиковъ, которые живутъ въ Сороковкѣ.—«Гм!» попался ему настоящій замысловатый хохолъ. «Было бы вамъ, пане, начинать съ зари, вотъ-то бы мы ихъ и пересказали, пока солнышко на обѣдъ станетъ; а теперь уже скоро и свѣтитъ по хатамъ надо; да не погнѣвайтесь, пане, нечѣмъ. Были у насъ прежде свѣчки, а теперь уже стало недогарокъ.»—«Какъ? что такое? расскажи, пожалуйста,» съ серьезной усмѣшкою спрашивалъ офицеръ. (Недогарокъ то же, что по-русски «огарокъ.»)—«Такъ оно, а не... Осталось вдовою, пане, свѣчка — и разгорѣлась; да такъ оно жарко, что на всю Сороковку стало видно. А уже извѣстно, какъ долго погорить свѣчка, то и останется маленькій недогарокъ.» «Хорошо!» улыбался офицеръ. «Ну, а дальше кто еще живетъ у васъ?»—«А вамъ кого надобно. Брехачи у насъ есть, вотъ того стараго Лапка дѣти, что куропачному пану тестъ былъ; — Петренковъ двое, Сидоренки, Трили, панъ Мокрый... А что? можетъ у васъ, пане, мышей много?»—«Что такъ?»—«Да еще *Китъ* у насъ есть»... «Ну, вотъ котъ-то мнѣ и надо,» сказалъ офицеръ. «Веди меня къ Коту.»

Нѣсколько легче, нежели этого «кота» было бы доискаться въ Сороковкѣ тѣхъ лицъ, которыя заговорили въ началѣ этого разказа. Впрочемъ не слѣдовало спрашивать Катерину Логгицовну Ромашенко; а—спросить пани Павлиху-Воеводшу. (Въ Сороковкѣ, между прочимъ и госпожъ,

какъ вообще женщинъ у простонародья по всей Малорос-
сїи, называли по имени ихъ мужей: Павлиха, Петриха); а
Катерина Логгиновна носила еще прозваніе Воеводши отъ
отца своего свекра. Онъ былъ послѣднимъ окружнымъ
воеводою; съ нимъ вмѣстѣ отмѣнилось это званіе; но по
самую смерть онъ его сохранилъ, какъ прозвище, и, умира-
рая, передалъ сыну; отъ сына оно по наслѣдству досталось
внуку; внукъ умеръ, оно перешло къ женѣ его въ полномъ
титлѣ Воеводши и даже къ самой правнучкѣ—молодой Вое-
водовнѣ, дочери Катерины Логгиновны. Но хуторокъ пани
Павлихи былъ Вербовка и это правда: такихъ высокихъ,
прямыхъ и кривыхъ вербъ, и такъ ихъ много не было ни-
гдѣ въ Сороковкѣ. Къ сторонѣ у плетня, надъ колодеземъ,
стояла еще одна старая дупластая верба—«бабуся,» ее на-
зывали. Къ ней кое-какъ, помощію обруча, прицѣплено
было длинное бревно и, съ едва запамятнаго времени ста-
раго воеводы, эта верба пошла всю Вербовку, служа ей
вмѣсто взвода надъ колодеземъ, и другое, что она съ отмѣн-
нымъ успѣхомъ исполняла, это—выводила въ своемъ дуп-
лѣ несчетное множество воробьевъ. Но о положеніи Вер-
бовки надобно сказать пообстоятельнѣе.

Логъ, по которому узорочно лѣпилась Сороковка, заги-
бался при самомъ началѣ, образовывая не очень вѣрный,
холмистый треугольникъ; острую оконечность его состав-
лялъ, вдаваясь въ поле довольно длинный, пологій отвер-
шекъ; по немъ-то пріютились Кутки, такимъ образомъ вѣр-
но носившіе свое имя, отдѣлившись въ уголокъ—въ кутю-
чекъ отъ всей Сороковки. Навскось отсюда, по попереч-
ной кривизнѣ поворота, сыпались Петренки и Сидоренки,
Трили, сидѣлъ въ отдѣлѣ панъ Мокрый и здѣсь же, меж-
ду хатками, мельничками, вербами и будто сторожевыми
взводами надъ колодезями, выказывался ангелъ съ послѣд-
ней трубою, вмѣсто креста, на тоненькой деревянной ко-
локольнѣ и сама церковь стояла такъ низменно, что зеле-
ный куполъ ея, въ прозрачныя сумерки, чуть-чуть не сли-
вался съ зеленою стѣною. А Вербовка открывала уже
вступленіе въ настоящую, безраздѣльную, вдоль по догу
засѣявшуюся Сороковку. Отдѣлившись отъ бѣдныхъ, за-
брошенныхъ Кутковъ почти на цѣлую версту, оставивши
между собою ими такъ называемую Лисью-балку (малень-

кій перелѣсокъ, въ которомъ никто не запомнитъ ни ли-
сиць, ни лѣса, а только зеленый, воспѣваемый въ пѣсняхъ,
барвинокъ устилалъ сырую ложбинку, да по краямъ густо
засѣлъ терпъ и кустились полевья вишни). — Вербовка
вдругъ высоко поднимаетъ свои густыя вербы; чумаки съ
дороги гонятъ поить воловъ къ бабусѣ; церковь Божія въ
самыхъ глазахъ на ту сторону. Зимой, когда ѣздить по
рѣчкѣ прямо чрезъ лугъ, это такъ близко, что можно, не
полѣнившись, дойти пѣшкомъ; но лѣтомъ дорога идетъ по
повороту лога, косогоромъ, загибаясь къ самымъ Куткамъ;
оттуда понизу лугомъ и на Лисью-балку, что составитъ
верстѣ до трехъ; но какая нужда! Изъ Вербовки все видно
по дорогѣ, кто бы ни шелъ, ни ѣхалъ. Съ горшками ли
возъ,—такъ и говорятъ, что съ горшками; а не съ чѣмъ
другимъ.

Дознано и очень вѣрно, что мѣстность: лѣса, поля, вста-
ющіе вокругъ насъ гребни горъ—вся эта, повидимому,
такъ безучастно къ намъ и подвластно нашей рукѣ, окру-
жающая насъ природа имѣетъ неотразимое вліяніе на душу
и характеръ людей. И, обращая это общее положеніе въ
примѣненіе къ частному случаю, не любопытно ли было
видѣть, какъ ровная—не шумящая лѣсомъ—тихо зеленая,
безпредметно въ ширь раскинувшаяся мѣстность Сороковки
такой же неуклонной ровнотою жизни, не многообразной
тишью и раздольной, какъ сама степь, широкой безпеч-
ностью ложилась на своихъ обитателей? Но рѣдко бываетъ
самое общее правило безъ исключеній—и Катерина Логги-
новна Ромашенко, такъ называемая пани Павлиха—Воевод-
ша, довольно замѣтно выступала изъ—подъ помѣстнаго влія-
нія, такъ ладно приходившагося къ Сороковкѣ. Самая ея
наружность вела къ особенностямъ.—Женщина въ пять-
десять лѣтъ и на головѣ ни одинъ черный волосъ не за-
серебрился, высокая, прямая, полная, такая собою хоро-
шая, что дорого было на нее посмотреть! Ротъ свѣжій,
глаза каріе, веселые; сама она чернобровая, бойкая, судя
по виду, можно бы было сказать, если бы бойкость не
предполагала нѣкоторой увертливости движеній и не со-
всѣмъ большой скромности въ словахъ, что никакъ не мог-
ло согласоваться съ прирожденной Малороссійской важ-
ностью всѣхъ пріемовъ Катерины Логгиновны, съ ея сано-

Отд. I.

2

7082

витымъ достоинствомъ и всесовершеннымъ приличіемъ ея разговоръ. По своему состоянію пани Воеводина не могла быть первостатейнымъ лицомъ Сороковки; и панъ Мокрый, Сухомлинка пани—Додуленко, прозываемые Процѣнки въ прилѣпахъ, сама пани Швачка съ своимъ немаловажнымъ родомъ имѣли передъ нею все преимущества земли и людей; Процѣнки—даже преимущество денегъ, которыя они раздавали на проценты, за что и получили свое прозваніе, но за всеѣмъ тѣмъ, Катерина Логвиновна, какъ лебедь величаявая межъ стадомъ сѣрыхъ гусей, выступала впереди всеѣхъ Сороковскихъ господъ. Она, по преимуществу, была пани: и высокій ея воеводскій родъ, и сама она съ виду; держала же она себя такъ сановито важно; гости нигдѣ лучше ея не угощались; пили передъ обѣдомъ водку изъ старинныхъ серебряныхъ чарокъ; но ни передъ обѣдомъ, ни когда бы то ни было, Катерина Логвиновна и въ руки не брала серебряной чары. Это не то, что бы ставилось ей Сороковкою въ достоинство,—скорѣе даже это было недостатокъ: спесивость пани Воеводши; но вмѣстѣ съ чепцомъ Катерины Логвиновны, который, чистый и накрахмаленный, всегда надѣвался въ гости и при гостяхъ, оно составляло ея важное отличіе отъ прочихъ паней, пившихъ по маленькой и по двѣ передъ обѣдомъ и ходившихъ запросто въ платочкахъ, надѣвая чепцы въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, что всегда по большимъ праздникамъ придавало ихъ физиономіямъ страннѣй, какой-то необычайный видъ. Но, кажется, главное отличіе пани Воеводши—по-крайней-мѣрѣ, большая часть правъ ея на первостатейность—едва ли не заключалось въ томъ, чего не было во всей Сороковкѣ. Въ приемной ея для гостей комнаткѣ, надъ окномъ противъ солышка, въ клеткѣ съ кусочкомъ краснаго сукна и кусочкомъ сахара, сидѣла птичка—да не чижъ, или шегликъ, какъ вначалѣ хотѣлъ всеѣхъ завѣрить панъ Мокрый;—а сама канарейка—настоящая, желтенькая пѣвунья—канарейка; и здѣсь же въ углу стояли боевые стѣнные часы... Дѣтей привозили послушать какъ бьютъ часы у Воеводши; какіе постарше, лѣзли на стулья; маленькихъ отцы и матери поднимали выше себя, надъ головами, посмотреть: что за птичка такая канарейка. Одинъ изъ Трилей, называемый обыкновенно въ боль-

шую шутивную ласку Зозуленька-Триль, вспомнилъ, что, когда онъ служилъ въ полку, то слышалъ онъ пѣсню:

Канареечка любезна,
Утѣшай хоть ты меня...

Далѣе онъ зналъ, что какъ-то приходилось: *слеза*; но болѣе ничего не могъ припомнить панъ Триль и, когда бы онъ ни пожаловалъ въ гости къ Катеринѣ Логвиновнѣ, онъ садился, подѣ клѣтку съ канарейкою и заунывно напѣвалъ:

Канареечка любезна,
Утѣшай хоть ты меня...

Словомъ: канареечка и часы были такія вещи, къ которымъ не могла приглядѣться Сороковка.

Этихъ свѣдѣннй довольно, чтобы обратиться къ дочери Катерины Логвиновны. Съ перваго раза кажется невозможнымъ: какими путями Сороковская барышня могла достигнуть того, на что въ досадѣ, съ упрекомъ указывала мать: «люди ученые, воспитанные.» Легко понять, что учености здѣсь никакой не было; известна наша ученость:

Всей Европы географья,
По-французски орографья.

Но дочь Катерины Логвиновны точно была воспитана въ богатомъ домѣ и подѣ надзоромъ очень утонченной, требовательной дамы. Долго будетъ обстоятельно разсказывать, какъ все оно случилось и тѣмъ болѣе, что случай былъ очень простой, выходявшій изъ столкновенія двухъ-трехъ обстоятельствъ.

Василій Петровичъ О—скій, богатый значительно чело-вѣкъ, съ хорошими связями, во время оно, разцвѣтая (даже значительныя связи не могли помочь ему), за невыразимыя шалости переведенъ былъ изъ кавалеріи въ пѣхоту и, по распоряженію ближайшаго начальства, поступилъ на особое попечительное вниманіе въ роту къ штабсъ-капитану Ромашенкѣ. Что еще и здѣсь проказничалъ онъ! что на-

водилъ хлопотъ бѣдному штабсъ-капитану! и что тотъ вытерпѣлъ за него этихъ пріятныхъ выговоровъ по начальству и замѣчаній по службѣ, такъ это — «сила Твоя, Господи!» брался за голову Павелъ Веденеичъ — такъ звали въ Сороковкѣ Ромащенко, вмѣсто Венедиктовича. Можно безъ преувеличенія сказать, что перспектива всегдашнихъ опасеній подвергнуться отвѣтственности за чужую бѣду, утратить свое единственное достояніе, незапятанный формуляръ, побудила штабсъ-капитана, несмотря на то, что ему скоро слѣдовало чинъ и что онъ только лѣтъ трехъ не дослужилъ до пенсіона, оставить все и безъ отлагательства подать въ отставку. Лишне говорить, какъ Павелъ Веденеичъ жилъ въ Сороковкѣ; женился онъ еще въ первый годъ своего производства въ офицеры; дѣтей у него было человекъ съ пять; но вотъ наступилъ грозный, голодный 833 годъ. Въ слѣдующемъ году дожди, казалось, хотѣли омыть землю отъ предшествовавшихъ бѣдствій засухи и холеры; но бѣдствие неурожая явилось то же, только въ слѣдствіе другихъ причинъ. Отъ частыхъ дождей, хлѣбъ выросъ въ ростъ человека и полегъ зеленымъ, сгнилъ на корню. «Божья воля, не переможешь», собираясь тужили люди; и поѣхалъ Павелъ Веденеичъ разжиться гдѣ-нибудь хлѣба. Повезъ серебряныя ложки, часы свои (только не стѣнные), свою военную арматуру, состоявшую въ двустольномъ ружьѣ и въ пистолетахъ, будто бы турецкихъ: не заложить-ли гдѣ это добро, или не закабалить-ли себя въ управляющіе или въ смотрители какіе. Извѣздилъ онъ разными путями верстъ полтора, ничего не вывѣздилъ; добро его было при немъ и уже поворотилъ было онъ, опушта голову, домой, какъ попадаетъ среди бѣлаго дня въ большое селеніе. Другой бы увидѣлъ барскій домъ, великолѣпно расположенный на полугорѣ, салъ какой отъ него книзу! легенькія бесѣдки съ разноцвѣтными стеклами, будто плавающія на широкихъ прудахъ; но въ глазахъ у Павла Веденеича остановились два гумна съ несчетными скирдами хлѣба, хлѣбные амбары и за ними онъ ничего болѣе не видѣлъ. — «Чье такое имѣніе?» спрашиваетъ. «Господа живутъ?» — «Изволятъ жить съ Василіемъ Петровичемъ О—скимъ.» — «Батюшка! скажи еще, какъ зовутъ? точно-ли Василій Петровичъ?» своимъ ушамъ не вѣрилъ

Павель Веденеичъ. «Гдѣ баринъ служилъ? Служилъ онъ въ пѣхотѣ?» — «Всюду-съ,» отвѣчалъ угрюмо старый отставной лакей, сосланный въ деревню на покой. Павель Веденеичъ далъ ему изъ своихъ послѣднихъ денегъ. «Явлюсь, ей Богу явлюсь!» бормоталъ онъ. Хотя оно, того — подъ команду былъ; ну, да... въ карманъ ее, амбицію! Авось ему Господь на мысль наведетъ, что я изъ-за него повытерѣлъ и чай онъ у насъ, бывало, сколько разъ пивалъ; Катюшка, мое сердце, вареничками подчивала.» И еще болѣе голодный отъ воспоминанія того, что прежде въ изобиліи было и чего теперь вовсе нѣтъ, одѣлся въ мундиръ и явился въ домъ Павель Веденеичъ. — «Что вамъ угодно?» довольно рѣзко спросилъ О — скій, показываясь изъ кабинета, съ сигарою и чашкой кофе въ рукахъ. — «Отставной капитанъ Ромашенко.» — «Слышалъ, мнѣ чловѣкъ докладывалъ, что вамъ угодно?» — «Служилъ-съ въ такомъ-то и такомъ-то пѣхотномъ полку, гренадерской второй ротой командовалъ... «Очень хорошо; что же вамъ угодно? Не задерживайте меня; у меня гости.» — «Василій Петровичъ!..» началъ прерывающимся, не своимъ голосомъ Павель Веденеичъ. Онъ думалъ, что его фамилія, потомъ названіе полка и роты напоминаютъ Василію Петровичу... «Извините смѣлость такую... Я имѣлъ честь, когда вы изволили быть переведены въ нашъ полкъ, начальство благоволило прикомандировать васъ состоять при моей ротѣ... «Ба! то-то мнѣ помнится, что-то знакомое: Ромашенко... Садитесь же, садитесь, господинъ командиръ. Извините, что не узналъ. Чловѣкъ! трубку. Остался кофе? Подать сюда кофе... или, можетъ быть, лучше водочки, штабсъ-капитанъ?.. Господа, mesdames! продолжалъ громко со смѣхомъ, по-французски Василій Петровичъ. Извините, въ гостиную не поведу; а не угодно-ли кому пожаловать сюда. Я покажу прелюбопытную вещь: своего ротнаго командира... Да можетъ быть, господинъ Ромашенко, вы не ѣли, ѣсть хотите? Я велю накормить. Безъ церемоніи,» сказалъ обязательный Василій Петровичъ. «Вѣдь нынче, говорятъ, голодный годъ.» Но Павель Веденеичъ послѣ сказывалъ: что Богъ его знаетъ, почему оно? Кажется, еслибы онъ три дня не ѣлъ, то и здѣсь бы всѣми святыми побожился, что покорно благодарю, обедалъ-съ; а

идь ничего, очень добрый человекъ Василій Петровичъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ оказалъ довольно добра Павлу Веденеичу. Не будемъ разбирать, столько-ли онъ его сдѣлалъ, сколько бы могъ Василій Петровичъ при своемъ положеніи, при его средствахъ, въ такомъ рѣдкомъ случаѣ, когда онъ могъ животворно обвѣяться воспоминаніями своей буйной, потерянной молодости и, выкупая ихъ, успокоить эту смиренную сѣдоватую голову, довольно терпѣвшую за вздоры и порывы его, еще необразумленной, невывѣтрившейся, праздною головы...

Но, нѣтъ! ожидая всего, не будемъ слишкомъ много требовать отъ людей. Всякой даетъ, что онъ можетъ дать — и Василій Петровичъ далъ четверти съ три хлѣба Павлу Веденеичу; кажется, стогъ сѣна и принялъ его въ управляющіе въ одно свое по-близу небольшое имѣніе, съ жалованьемъ не много болѣе ста рублей серебромъ. Почти пять лѣтъ управлялъ этимъ имѣніемъ хлопотливо-старательный Павелъ Веденеичъ. Онъ бы уже и воротился въ свои Сороковскія «палестины» (говоря его собственнымъ выраженіемъ), гдѣ завѣдывала всѣмъ и жила одна съ дѣтьми Катерина Логвиновна; но какъ оставить, не зналъ, своего благодѣтеля. Помогъ онъ мнѣ въ лютое время; а теперь я вотъ и брошу его, поминай какъ звали! И Павелъ Веденеичъ продолжалъ жить вдалекѣ отъ своего семейства, одинъ какъ переть, старѣясь въ хлопотливыхъ заботахъ о чужомъ добрѣ и вспоминая съ грустью семью свою милыхъ. О—скіи разчиталъ своего главнаго управляющаго, замѣтивъ его очевидныя шутки и, до присканія на его мѣсто другаго, поручилъ завѣдываніе всѣмъ имѣніемъ Павлу Веденеичу. Какъ возгордился старикъ оказаннымъ ему довѣріемъ! Онъ будто вдругъ помолодѣлъ. Неусыпно старался быть здѣсь и тамъ, за всѣмъ присмотрѣть; все къ лучшему принаровить и устроить. Василій Петровичъ былъ очень доволенъ въ молчаніи и присканіе новаго управляющаго забылось, или замедлилось на цѣлые два года, пока не умеръ Павелъ Веденеичъ. Въ весеннюю распутицу переправлялся онъ изъ одного имѣнія въ другое; завязъ на логу, провозился цѣлую ночь почти по грудь въ водѣ, получилъ горячку и умеръ, все бредя въ безпамятствѣ пшеницей арнауткой, которую онъ располагалъ

гдѣ-то сѣять на избранномъ мѣстѣ. Умеръ старикъ на чужихъ рукахъ, не простившись съ женою, не благословя своихъ пятерыхъ дѣтей! «Жаль, куда какъ мнѣ жаль!» твердилъ О—скій. «Посмотрѣть, онъ будто и не много обѣщаль, а золотой былъ старикъ.» Василий Петровичъ велѣлъ выдать вдовѣ все сто рублей серебромъ сполна, несмотря, что покойникъ не дослужилъ мѣсяцевъ двухъ и со днями до гедичнаго срока и также несморя на то, что въ главномъ завѣдываніи имѣніями, ему можно бы было дать что-нибудь болѣе.

Тѣмъ временемъ, у Василя Петровича начинала учиться его единственная дочка Лена. Къ ней привезли двухъ гувернантокъ; но для дѣвочки это были два разнородныя ига: ей скучно было учиться одной, гулять съ гувернантками одной и всегда одной. Madame О—ская очень хорошо понимала, что для дочери необходима маленькая сверстница, подруга ей въ играхъ и занятіяхъ... «И какъ нарочно», жаловалась она всѣмъ: «у нашего священника все сыновья! Право, батюшка, это ни на что не похоже!» съ большой, серьезной циней говорила Татьяна Николаевна. «Хотя бы у васъ одна маленькая дочь была, чтобы мы могли вотъ теперь взять ее къ Леночкѣ, — все сыновья!» Думали даже взять дочь у дьякона; но *fi done!* Кромѣ всего такая раскормленная блинами и пирогами, жирная дѣвочка! Татьяна Николаевна не любила толстенныхъ здоровыхъ дѣтей. Въ это самое время Катерина Логвиновна привезла всю свою осиротѣлую семью поклониться на могилу отца. Ихъ призвали въ домъ. Хозяйка, какъ увидѣла маленькую, бѣленькую дѣвочку и еще такую худенькую отъ лихорадки, — «это намъ сама судьба посылаетъ!» подумала она по-французски. «Какъ зовутъ вашу маленькую дочку?» — «Людмилочка,» отвѣчала Катерина Логвиновна. «*Quel nom!*» посмотрѣла съ удивленіемъ madame О—ская на мужа. И хорошенькое имя рѣшило судьбу бѣдной осиротѣлой дѣвочки. Супруги переговорили между собою; потомъ Василий Петровичъ, въ ясныхъ, очень благоволительныхъ выраженіяхъ, объявилъ Катеринѣ Логвиновнѣ: что, помня услуги ея мужа, онъ думаетъ сдѣлать доброе дѣло и вмѣстѣ отблагодарить покойника, взявши его маленькую дочь къ себѣ на воспитаніе; что она будетъ учиться и содер-

жаться наравнѣ съ его единственной дочерью — «довольны ли вы, матушка?» добавилъ Василій Петровичъ.

Вотъ въслѣдствіе какихъ мелкихъ, немногозначащихъ обстоятельствъ, дочка Катерины Догвиновны получила одно и то же воспитаніе наравнѣ съ дочерью богатыхъ, важныхъ людей. И несправедливо было бы сказать, чтобы дѣвочка терпѣла суровости, или нападки какія — нѣтъ, этого не было. Что ей почти всегда случалось голодать, такъ это потому, что ихъ кормилъ, какъ мышекъ, почти крупинками: чтобы дѣвочки были легенькія, тоненькія, такъ очень любила Татьяна Николаевна. Она изъ двухъ ихъ именъ составила маленькую фразу и, полулежа на диванѣ, изъ гостиной звала ихъ совершенно дѣтскимъ голоскомъ, будто немного картава: «*Мила-Лена!*» что какъ бы говорила: милая Елена; а между тѣмъ оно было: Мила-Людмила и Лена! подите къ ней Татьяна Николаевна ждетъ васъ, слегка зажмурясь, полу-запрокидывая назадъ голову и, какъ кокошь собираетъ подъ крылья птенцовъ своихъ, такъ она приподнимаетъ и раскидываетъ кружева своей мантильи, чтобы вольнѣе обнять васъ и выказать гостямъ, какъ хороши эти молоденькія головки на груди у ней... И все бы было хорошо, Богъ съ нимъ совсѣмъ! да зачѣмъ это такъ? Взяли маленькую дѣвочку, восемь лѣтъ на глазахъ росла она; вытянулась, какъ стебелекъ въ густой тѣни; ей скоро минетъ семнадцатый годъ—и ничего не видать! На нее не перестаютъ смотрѣть, какъ на ребенка, тѣми же самыми глазами, какъ когда зашнуровали на ней дѣтскій шелковый передничекъ и поучили ее сдѣлать первый реверансъ! Татьяна Николаевна, въ простодушномъ изумленіи, даже замѣчала: откуда вдругъ у Людмилы такіе умные глазки? «Ты философствуешь, Мила?» спрашивала она. Василій Петровичъ мимоходомъ, будто заигрывая съ восьмилѣтней дѣвочкой, показывалъ Милѣ языкъ и щипалъ ей щеки (потому что, вопреки своей супругѣ, онъ любилъ свѣжія румяныя лица еще поболѣе, нежели Татьяна Николаевна томныя, матовой бѣлизны). Щеки у Милы жарко вспыхнули; но отъ одного-ли прикосновенія нецеремонныхъ рукъ Василя Петровича? Она надолго потупляла глаза, можетъ быть, чтобы Татьяна Николаевна не прочла въ нихъ, что она философствуетъ.

Но доброе дѣло было кончено. Если не Мила, то Лена была уже вовсе не ребенокъ, котораго можно забавить молоденькой подругой — отпустили Милу домой; ласкали, цѣловали ее на дорогу. Татьяна Николавна даже расплакалась и вовсе неспроторно. Будь Мила не Мила — не такая она бѣленькая, хорошенькая, легко можетъ быть и не любили бы ее; но Татьяна Николавна очень любила куда-нибѣду въ большое общество, или въ церковь показаться съ двумя молоденькими дѣвушками по сторонамъ. Всѣ такъ широко разступаются; она становится въ городѣ, въ соборѣ на видномъ мѣстѣ; чувствуетъ маленькое безпокойство нервъ отъ духоты *этой толпы...* «Мила, мой ангелъ! вы не забыли?» говоритъ она довольно слышно по-французски. Дочь спѣшитъ принять у нея молитвенникъ, или бинокль Татьяны Николавны, потому что она близорука; а Мила такимъ ловкимъ граціознымъ движеніемъ передаетъ маленькой, затянутой во французской перчаткѣ, рукою граненный хрустальный флаконъ, на которомъ сверкаютъ другими огнями огни церковные. «Какая изысканная группа!» сказано было какимъ-то заѣзжимъ львомъ — и эта группа разстроивалась. Но какъ бы то ни было, а очень нѣжно и съ большой любовью разстались благодѣтели съ своей воспитанницей. «Смотри, Мила, плутовка! ты позабудешь насъ», прищуривался и грозилъ пальцемъ Василій Петровичъ. Лена цѣловала Милу, сжимала ей обѣ руки и требовала писать къ ней, писать... «Нѣтъ, Мила, тебѣ грѣхъ будетъ... я тебя такъ люблю... не забывай насъ,» говорила съ одышкой огорченія Татьяна Николавна. «Ты будешь гостить у насъ, пріѣзжай къ намъ. Мила! Смотри, не выходи же безъ меня замужъ... Бѣдная Мила! гдѣ она тамъ возьметъ себѣ жениха, какъ это деревня, по забываю? Со-ро-ков-ка.»

Но Мила, не безъ слезъ, а рада была, какъ новому платью, своей Сороковкѣ... Нѣтъ, надобно сказать болѣе. У нея были слишкомъ умные, ясные глазки, чтобы они хорошо не видѣли разницы между существованіемъ хотя, повидимому, блестящимъ, но вполне зависимымъ: гдѣ все изъ милости, все не твое, а чужое; гдѣ ничего не хотятъ оставить памяти задушевнаго чувства: а при каждомъ случаѣ, выставляютъ тебя на —показъ, какъ мѣрку

своихъ великихъ благодарній, — разницы, говорю, передъ этой пустой и простой, и очень простой, но вольной, своей собственной, никому необязанной жизнью. — Милу очень впечатлительную, живую, развитую образованіемъ, обступили, какъ навѣвающійся сонъ, воспоминанія почти забытаго дѣтства. Эта старая верба-бабуся! кланялась ей Мила.» Здравствуй, бабуся! и бабуся, будто отвѣчая поклономъ на поклонъ, нагибала къ колодезю ведра. «Дай я напьюсь», нехотя пила, черная изъ ведра прямо горькими веселая, вѣтъ довольная Мила. А сколько она ѣла! Завтракала и прежде еще немножко подзавтраковала, обѣдала, поодичкала, забравшись въ густыя вишни и кормя остатками своихъ трапезъ собакъ, сорокъ и воробьевъ. Воробьи тучами пронесились надъ Вербовкою и спускаясь почти у самыхъ ногъ Милы, оглушали ее крикливымъ, неугомоннымъ чириканьемъ, заводили драки за крошки, потѣшая очень Милу, самымъ забавнымъ образомъ принявшуюся изучать нравы воробьевъ. — Но воробьи, хотя и прожорливые, а слишкомъ маленькія птички. Съ нихъ довольно и однихъ крошекъ; но тѣмъ, кто повыше и позначительнѣе гораздо ста воробьевъ, давала ли чтонибудь щедрая Мила? — напр. своей Сороковкѣ? — Послѣ восьми лѣтъ такъ прекрасно употребленнаго отсутствія на образованіе ума и сердца — возвратившись, что новаго, что хорошаго Людмила Павловна внесла въ свои родныя мѣста? А очень много хорошаго. — Свою хорошенькую развитую талию, свой милый изящный поклонъ, локоны съ умѣньемъ такъ къ лицу легко подвить и откинуть ихъ; наконецъ старое фортепіано безъ двухъ басовыхъ струнъ, подарокъ Татьяны Николавны и новую прелестную шляпку, бѣлую съ тремя мшистыми розами у низенькой тульи, такъ чудно живыми, что двѣ сороковскія барышни просили однимъ пальчикомъ притронуться къ нимъ, чтобы увѣрить себя, точно ли цвѣты дѣланные? О, я еще забыла, какую снисходительную улыбку полупренебреженія привезла Людмила Павловна, и какъ она охотно дарила ея и вѣхъ и все въ Сороковкѣ.

Молода она была, слишкомъ неопытна, чтобы остановить внимательный взглядъ и рассмотреть, что вокругъ нея такое происходитъ. А происходила замѣтная борьба. —

Мать ея, какъ нѣсколько можно было видѣть, женщина съ достоинствомъ и съ характеромъ, съ большимъ самоуваженіемъ къ себѣ, замѣчала, что у нея странное, необычайное водворилось въ воеводской Вербовкѣ. Хозяйка она и словно не хозяйка; дочь ли, мать ли старшая въ домѣ! Людмила Павловна встаетъ поздно и весь домъ поднимается къ ея уходамъ. Чтобы не затѣвать дважды самовара, ея милость ждуть чай пить; она не поспѣвая исподоволь совершаетъ свой туалетъ. Мать успѣла уже устать и нахлопотаться по хозяйству; а Мила, ничѣмъ не озабоченная, свѣженькая, садится у окна, пьетъ непремѣнно жильенькій чай, подиѣваетъ шутя канарейкѣ и не шутя, рассказываетъ, что надобно бы забить и заколотить знаменитые часы, чтобы они не били и не покушались звонить—что это уши разрываются, какъ они шипятъ, хрипятъ и, понатужась, едва ударятъ разъ и потомъ опять жди два, что, пока они пробьютъ двѣнадцать часовъ, какъ уже давно четверть перваго. Людмила Павловна не научилась еще знать, что иногда не такъ обидѣшь человека, обижая его самого, какъ задѣвая его въ чемъ нибудь такомъ, что хотя изъ пустой фантазіи, да дорого ему. Она виновата была неумышленно. Часы именно такъ шипѣли и хрипѣли послѣ каждаго своего удара, какъ-будто дивились имъ, какъ въ С. роковкѣ одна дѣвочка подавилась галушкой; но взять все это вмѣстѣ, оно казалось Катеринѣ Логвиновнѣ чѣмъ-то въ родѣ сильнаго непочтенія, неokaзываемого уваженія. По любви своей, она все бы допустила Людмилѣ Павловнѣ: и поздно вставать, и ничего не дѣлать; готова была не дать на нее порошники съѣсть; но въѣтъ только въ плохихъ романахъ человекъ ведется исключительно однимъ какимъ нибудь чувствомъ, въ дѣйствительной же жизни эти исключенія бывають совсѣмъ рѣдко и ненадолго. Перекрестный огонь нашихъ большихъ и мелкихъ стремленій и ощущеній движетъ насъ и толкаетъ туда и сюда.—Воеводша наталкивалась на подозрительную мысль, какъ сказано выше—что, можетъ, это дочь и не уважаетъ ее, что такіе ея поступки? А не уважаетъ потому, что она, видите, воспитанная; а мать хотя и не воспитанная, да мать... И глубоко огорченная въ душѣ, сознавая свои неотъемлемыя права, пани воеводша рѣ-

шалась показать то, что она мать; но она бралась за это совѣтъ не такъ. Пропуская многое, на чемъ бы точно можно было остановить со всею дѣльностью и разсудкомъ, она, какъ это водится, привязывалась къ совершеннымъ пустякамъ. Мила широко открывала глаза и не вѣрила своимъ ушамъ. Откуда оно? что за поводъ? Нѣсколько разъ ошеломленная, какъ можно было видѣть въ самомъ началѣ разсказа, она рѣшалась молчать и не отмалчивалась. Материнская любовь дѣлала пани воеводу прозорливой. Она понимала, что дочь тѣмъ болѣе терпитъ, чѣмъ покорнѣе молчитъ. Такъ или иначе, часто съ новой болью для себя и для нея, она желала заставить говорить дочь и здѣсь какою ворчливой и придирчивой являлась пани воеводша!

Но любопытно видѣть, какъ люди простые, обыкновенные вѣрные одному своему прирожденному чувству, взволнуются имъ, на шумятъ, какъ буря лѣтомъ и еще скорѣе порыва бури стихнуть; волненіе въ нихъ улетается безъ слѣда, какъ камень брошенный въ воду: разбѣжался кругъ и нѣтъ ничего.

Не прошло и полчаса, какъ мы оставили пани воеводу почти до слезъ взволнованную и разогорченную, какъ ей казалось, въ чувствѣ ея материнской любви; и уже пани воеводша обставилась штофами и полуштофами, и съ преспокойной заботою переливала уксусъ изъ большой бутылки.

Мила, улыбая, сидѣла на прежнемъ мѣстѣ у окошка. Воробей на подоконникѣ чирикалъ передъ нею. Осмѣлившись взлетѣть сюда, завидя крошки, нахаль уже не обращалъ вниманія, что здѣсь лежала рука Людмилы Павловны; выхватывалъ крупинки почти изъ-подъ самыхъ пальцевъ и какъ-то задорно попрыгивалъ и поворачивалъ въ садъ свою кофейную головку, гдѣ на ближней вербѣ съ крикливымъ шумомъ обѣли всѣ нижнія вѣтви ей, испархивали и перелетали воробьи. Это, однако же, мало-по-малу увлекло Милу. Кажется, ей захотѣлось испугомъ наказать самодовольнаго хвастуна и она стала потихоньку пододвигать руку...

— Ахъ, воръ! легонько вскричала она съ шутливой досадою.

Воробей клюнулъ ее въ палецъ и улетѣлъ.

— «Кто воръ? что такое?» отозвалась надъ укусомъ пани воеводша. И когда ей объяснили, въ чемъ дѣло,— «дитя мое, дитя мое!» проговорила она съ тихой нѣжностью: и куры тебя домашнія заклюютъ, когда отъ воровья ты не могла оборониться. . Такъ это ты сама укладывала, что не приходила чай пить и чашка твоя совсѣмъ простыла?

Вопросъ сполна относился къ той первоначальной сценѣ, которая и поднялась-то именно изъ-за этой простылой чашки, что поджидали довольно долго Людмилу Павловну чай пить. Она утвердительно отвѣчала, что—да, укладывала въ дорогу вещи она сама.

— И очень нужно самой! А Даша-то что дѣлаетъ?

Какъ-то Мила не разслышала этого вопроса и заглядывая пристально въ окно, сказала:

— «Какое нынѣче утро тихое, ясное!»

— Утро утромъ; а Даша-то, я спрашиваю: отчего не изволила потрудиться уложить? Эй, кто тамъ? Кликните Дашку.

— «Ея нѣтъ, маменька. Я ее послала въ лугъ за цвѣтами».

— И дѣло, дитя мое. У насъ всегда такіе распорядки: надобно укладываться, а тутъ Дашка иди, цвѣты рви. Балуется Дашка.

— «Утро прекрасное», потирая себѣ слегка лобъ рукою, проговорила Мила.

Но прекрасное замѣчаніе осталось безъ отвѣта. Людмила Павловна въ саду и подъ вишнями, казалось, въ густой травѣ искала, что бы такое сказать, чтобы только заговорить и не сидѣть молча. Нечаянно она взглянула по дорогѣ къ церкви... (Я еще не сказала, что было воскресенье)... Отъ церкви, раздѣляя народъ православныхъ по сторонамъ, показались эти дрожки, называемыя «пролетки», запряженныя тройкой не очень завидной масти, буланыхъ лошадей. Но надобно отдать справедливость, лошади шли отлично, какъ одна, ровной, какой-то веселою рысью. Долгогривая пристяжная, которая съ правой стороны видна была, разсыпала изрѣдка хвостъ; не рвалась она и не прыгала, какъ бываетъ у записныхъ любителей удалой тѣды, а вся понатянувшись, выказывая

широкую грудь и отогнувъ немного голову, и еще слегка понутивъ ее, неслась, забирая крупную рысью и, какъ золотая, отливалась отъ солнца. На дрожкахъ сидѣлъ мужчина въ сѣроватомъ картузѣ, что оказалось послѣ, но теперь въ отдаленіи и при яркомъ свѣтѣ сіяющаго весенняго утра, всѣ цвѣта принимали усиленный блескъ и на господинѣ картузъ казался совершенно бѣлымъ. Фантастически-удлиненные тѣни легенькаго открытаго экипажа и бѣгущихъ широкогрудыхъ, долгогривыхъ лошадей падали внизъ по косоюру и лугомъ, по росистой равнинѣ, черезъ рѣчку, шагая гигантски, неслась эта чудесная, вполне поэтическая тѣнь.

— «Маменька!» сказала вдругъ, живо оборачиваясь, Людмила Павловна и такимъ голосомъ, въ которомъ была своя доля маленькаго испуга и какъ бы досады, небольшого смущенія или, что еще вѣрнѣе, непріятной, внезапной неожиданности, поразившей ее... «Кто-то ѣдетъ, маменька, по дорогѣ отъ церкви».

— Куда же ты идешь? подожди. Кто бы это ѣхалъ? Мужчина, что ли?

— «Мужчина ѣдетъ».

— Да что ты, голубка моя, какъ воды въ ротъ набрала: говоришь и не говоришь? Вотъ бѣда, нельзя мнѣ укуса оставить... Мужчина, да кто такой мужчина? Лошади-то какія?

Очевидно, что по лошадямъ ли, по сѣрому картузу или по чему бы то ни было, только Людмила Павловна знала хорошо, кто это ѣдетъ. Но она избѣгала объявить матери. А пани воеводша, наклонивши съ большимъ трудомъ и предосторожностями почти двухведерную, огромную бутылъ съ укусомъ, не могла же вдругъ бросить все, лейку и штофы, и бѣжать смотрѣть къ окну, кто тамъ такой ѣдетъ.

— Ты мнѣ скажи только: лошади-то какія? допрашивалась она у дочери. Не Мокраго рыжія?

— «Нѣтъ, это не Мокраго».

— Дитя мое, чьи жъ бы это такія? Хвалился Прецѣнко, Яковъ Ивановичъ, себѣ другихъ лошадей купить.

— Нѣтъ, право... Лошади желтыя, что ли? дрянныя какія-то.

— Вотъ тебѣ грѣхъ какой! удивилась пани воеводша. Такой масти лошадей и неслыхано... Ой! что-то ты не то говоришь, Людмила Павловна. На-ка поддержи бутылъ, я сама посмотрю.

Людмилѣ Павловиѣ этого, какъ Богъ знаетъ чего, не хотѣлось. Она немножко покраснѣла; медленно встала отъ окна, чтобы идти къ матери и на двухъ шагахъ у нея что-то сдѣлалось у башмака; она наклонилась и потомъ поднялась, очень милымъ, смущеннымъ маленькимъ движеніемъ, поправляя назадъ небольшіе завиточки волосъ, чуть надавшіе ей на бѣлую шейку.

— «И какая вамъ охота, маменька, беспокоиться! Еще укусъ неравно прольется. Пусть бы ѣхалъ, кто-тамъ ни ѣдетъ. Начто онъ нуженъ намъ?»

— Охота, или неохота, про то я знаю. Изволь-ка поддержать бутылъ; я сію минуту...

Пани воеводша, кажется, что-то догадывалась. Она, вовсе не поспѣшая, подошла къ окну и не ахнула, не оказала никакого знака удивленія, только вздохнула стоя. Ей будто довольно было однимъ глазомъ взглянуть, чтобы увидѣть, кто это ѣдетъ и чьи лошади. Напоследокъ она оборотилась къ дочери.

— Такъ вотъ это — поздравь васъ, Боже, пани воеводовна! — у тебя желтыя лошади? И ты не изволишь знать, кто такой ѣдетъ? Позволь уже я скажу...

— «Не беспокойтесь, маменька,» возразила Людмила Павловна. Я очень хорошо знаю, это ѣдетъ Алексѣй Леонтьичъ.

Отвага ли, или неожиданность, этого отвѣта была такова, что замолчала Катерина Логвиновна.

— Хорошо, сказала она. Прошу тебя теперъ мнѣ толкъ дать, я вѣдь человѣкъ темный, книгамъ не ученый, — какимъ это родомъ такимъ: то вы знаете, а то ты вдругъ не знаешь?

— «Маменька милая! возьмите отъ меня бутылъ, чтобы я могла хотя взглянуть на васъ. Я стою къ печкѣ лицомъ и боюсь пошевелиться.»

Катерина Логвиновна приняла бутылъ.

— Извольте. Вотъ и бутылъ тебя не тяготить... Такъ какъ же это такъ? По какому ученью мать дурой дѣлаютъ?

— «Маменька! вы обижаете самое себя,» сказала дочь. Разумѣется, я знала и сейчасъ увидѣла, что это ѣдетъ Алексѣй Леонтьичъ; но зачѣмъ?.. пріостановилась немного Людмила Павловна... Вы сами знаете, почему я избѣгала сказывать вамъ.»

— Ничего я не знаю! важно возразила пани воеводша. Я только то знаю: что Затолока, Алексѣй Леонтьевичъ, дѣлалъ вамъ честь и намъ, по совмѣстности, тутъ же искалъ согласія вашей руки и что вы, не спросясь ума, не сказавъ матери ни добраго, ни худаго слова, изволили отказъ ему дать на всѣ чстыре стороны и еще ты оскорбила, обидѣла человѣка!..

— «Вотъ чего я избѣгала!» горячо, даже зарумянившись вся, сказала и встала Людмила Павловна. Упрековъ, этихъ разныхъ намековъ и укоризнъ, которые при имени Алексѣя Леонтьевича, третій день осыпають меня... Я не привыкла къ этому.»

— Кчему? спросила пани воеводша. Правду-то слушать? Къ этому, голубка моя, и вѣкъ не привыкнешь. Правда глаза колить.

— «Какая правда, маменька? Разберемъ, перескажемъ, какъ все было. — Я не говорю, чтобы я вовсе была не виновата; но въ чемъ однакоже? Развѣ я обязана выходить за всякаго и кто еще черезъ пятыя руки объявить мнѣ свое удовольствіе имѣть меня женой?»

Молодая дѣвушка, совсѣмъ разогорченная, едва не плакала и только гордость ее удерживала.

— «Маменька! Алексѣй Леонтьевичъ ѣздитъ къ намъ, какъ онъ ѣздитъ ко всѣмъ...»

— Ну, будетъ почаще немножко, остановила ее мать.

— «Пусть и почаще, я не буду спорить. Онъ вашъ старинный знакомый; вы съ нимъ едва не дѣтей крестили...»

— Не крестила, сказала пани воеводша.

— «Очень жаль.—Бываетъ онъ у насъ запросто, прямо отъ обѣдни. Пріѣзжаетъ иногда такъ рано, что я сплю.»

— Ну, да спишь ты всегда допоздна.

— «Хорошо; я и на это согласна... Будетъ ему лѣтъ за сорокъ...»

— И не будетъ, Людмила Павловна, извините. Ну, подь сорокъ будетъ; а за сорокъ—не насчитывай!

— «Подъ сорокъ, за сорокъ—все равно. Могла ли я думать чтонибудь? Миѣ и въ голову не приходило. Мы, случалось, шутили съ нимъ, что онъ вовсе не глупъ, этого никто не отниметь у Алексѣя Леонтьевича. Веселый онъ; вы говорите, что единственный хозяинъ; онъ прекрасно рассказываетъ всякіе малороссійскіе и не малороссійскіе анекдоты и у него ихъ бѣздна. Далѣе, я только знаю, что Алексѣй Леонтьичъ курить тѣ же самыя сигары, какъ тамъ, у О-скихъ, самъ Василій Петровичъ курилъ; что у него на вискахъ сѣдые волосы и его буланья лошади, которыя прославились и перещеголяли по Сороковкѣ Мокраго рыжихъ и Швачкиной, не знаю какихъ лошадей только.»

— Только? спросила Катерина Логвиновна. Говоришь ты хорошо, дитя мое, да не договариваешь.

— «Позвольте, я сейчасъ договорю.—Были мы третьяго дня у Петренковыхъ; я пошла съ барышнями въ садъ,—откуда ни взялся Мокрый, подходитъ ко миѣ. Вы знаете, какой онъ.—«А вы все цвѣточки рвете!» киваетъ миѣ головою. «А нѣтъ, чтобы о дѣлѣ подумать.»—«О какомъ?» Что другое я могла ему сказать?—«О такомъ...» Разогналъ онъ всѣхъ и вдругъ начинаетъ миѣ говорить, что Алексѣй Леонтьичъ поручилъ ему узнать: какого я объ немъ мнѣнія и приму ли я его предложеніе. Я была разсержена, разумѣется, я очень удивилась и не помню, какъ я сказала: «полноте, вздоръ какой! человекъ старый, ему сорокъ лѣтъ, я не хочу..» Да и что другое я могла бы сказать пану Мокрому? Пусть умѣютъ выбирать своихъ ходатаевъ.»

— Ну, сказала, выслушавши все до конца пани воеводша:—теперь ты, голубка моя, совѣмъ оправдалась. виновата та кошка, что бѣжала мимо... Слушала я тебя, не поскучай и ты меня послушать.

Пани воеводша поставила бутылъ, взяла со стола чистое полотенце и утерла имъ губы.

Самая живая житейская мудрость не могла бы говорить наставительнѣе, толковитѣе, такъ чинно, каждое слово къ дѣлу, съ разстановкою, съ чувствомъ достоинства..

— Разогорчила ты меня,—начала пани воеводша... Нѣтъ, стой, мое дитя! обожди говорить... Не тѣмъ ты меня

много огорчила, что тамъ сказала, или не сказала ты, не спросилась матери—это наше дѣло свое, домашнее; сору изъ избы не вынесемъ, да какимъ ты родомъ отказъ дала? Вотъ чѣмъ ты меня, какъ пожемъ, по сердцу прошила! Черныя брови свои сдвинула пани воеводша.

— Кому, кому, голубка моя, уже Богъ и люди простятъ не знать ему благоприличія; да не тебѣ, Людмила Павловна, другъ ты мой! Ты у меня ученая, не за печкой гдѣ у матери жила, а въ большемъ домѣ, между хорошими всегда людьми обхожденіе имѣла,—и тебѣ передаютъ предложеніе, искательство твоей руки отъ прекраснѣйшаго, могу сказать хорошаго такого человѣка,—и ты прамѣхонько въ отвѣтъ (утѣшила мать): «какой старій! я не пойду!..» Да еще почала года ему высчитывать!

— «Маменька! развѣ я хотѣла? Я вовсе не думала. Это нечаянно».

— Чайно, или печаянно, другъ ты мой, да старые люди такъ намъ говорили: что трехъ вещей на свѣтѣ, стало-быть т. е. невинности, да потеряннаго времени, да еще сказаннаго слова—воротить нельзя.

— «Кончили вы, маменька?»

— Нѣтъ еще, дочь моя: я буду говорить.—Все бы еще и то, и се, будь то человѣкъ такой—съ конца свѣта взятый; а то человѣкъ истинно знаемый: съ матерью его мать твоя вѣкъ свой изжила; да и съ нимъ, по какой часъ, не забывали мы родительской пріязни. Вотъ уже болѣе десятка лѣтъ и въ Сороковкѣ не живетъ; Алексѣй-то Леонтьевичъ въ гору пошелъ, съ большими господами вѣдается; а когда онъ не со всякимъ уваженіемъ ко мнѣ—что говорится, почтеніемъ?

— «Маменька, скажите прямо: вы хотѣли бы меня отдать за Алексѣя Леонтьевича?»

— Хотѣла бы, или не хотѣла, дитя мое, не о моемъ хотѣньи рѣчь идетъ; а о томъ, чтобы мнѣ матерински, какъ самъ Богъ повелѣлъ, наставить тебя, оберечь твою молодость. Видно, книги-то не все говорятъ, хотъ и много въ нихъ писано. Міръ умнѣ насъ всѣхъ; а міромъ идутъ поговорки: кто спѣшитъ, людей смѣшитъ; дурной женихъ сватается, хорошему дорогу показываетъ. Что бы тебѣ случилось, убыло ли бы тебя, дорогаго дитя моего,

когда бѣ ты не поспѣшила, да отправила Мокрого, Матѳея-то Яковлевича, ко мнѣ? Я на то на свѣтѣ пожила, чтобы знала этимъ дѣломъ повести какъ и ни да, ни нѣтъ твоего не сказала бы. А заговорила бы, можетъ быть, и такъ: что дѣло оно еще Божіе; что вотъ весна у насъ — сѣнокосы, рабочая пора идетъ; а дѣло это такое, что на свободѣ, гуляючи, пораздумать о немъ; вотъ велитъ Богъ дожидаться намъ осени совѣтливой да привѣтливой... Вотъ тебѣ, дитя мое, и ни приказу, ни отказу ни якого; а Алексѣй-то Леонтьевичъ ѣздилъ бы и люди-то не безъ глазъ смотрѣли бы, что онъ ѣздитъ? А тамъ уже что Богъ далъ бы; отказать всегда будетъ время. А теперь Алексѣй Леонтьевичъ не захочетъ, такъ не скажетъ: что онъ и не думалъ сватать тебя и въ умѣ своемъ не полагалъ; а что это Матѳеій Яковлевичъ Мокрый такъ, изъ своей головы, чтобы посмѣяться только.

Замолкла наконецъ пани воеводша.

Дочка ея сидѣла, перебирая тоненькими пальцами по платью; въ комнатѣ жужжала одна толстая сизая муха.

— «Маменька!»

— Что голубка моя?

— Вѣдь вы именно сказали: что разъ сказаннаго слова воротить нельзя?

— Нельзя, дитя мое, никакъ его нельзя.

— А чего нельзя воротить, — стало: незачѣмъ о томъ беспокоиться. Когда оно было, такъ ему и быть.

— Вишь ты, какое у ней разсужденіе! Нѣтъ о томъ-то жалѣть и беспокоиться должно, чего воротить нельзя.

— «Алексея Леонтьевича!» съ разстановкою произнесла Мила... «Что это Даши такъ долго съ цвѣтами нѣтъ?»

— Нѣтъ, ты, дочь моя, Людмила Павловна! не о Дашкѣ заботься, а поважнѣй о комъ. У меня дѣло на рукахъ; укусъ не доцѣвень... Посмотри ты мнѣ хорошенько: что Алексѣй-то Леонтьевичъ? Бывало это онъ къ намъ заѣзжаетъ. Куда его теперь Богъ несетъ?.. Къ Мокрому не заѣхалъ? къ Матѳею тому? отрывисто спрашивала пани воеводша, видимо нерасположенная къ Мокрому по отношенію его къ сватовству. Кажется, она едва ли не подозрѣвала, что это онъ нарочно исторію такую подвелъ. Какъ будто онъ не могъ прежде этого сказать ей.

— «Нѣтъ.» засматривала въ окно, нельзя сказать, чтобы вовсе безъ вниманія Людмила Павловна. «Онъ проѣхалъ Мокраго и Петренковыхъ вотъ проѣзжаетъ.»

— Ну, знаю: какъ разъ ѣдетъ въ Кутки. Это онъ къ Настинкѣ Алешковой; онъ же такъ ее всегда хвалить.

— «И къ Настинкѣ — что здѣсь такого?» пожала нѣсколько плечомъ Мила. «Пусть его ѣдетъ. Говорить же онъ: что это золотая дѣвушка и цѣны ей нѣтъ; однако ей уже двадцать лѣтъ...»

Къ чему здѣсь упомянулось это: *однако?* Для того надобно заглянуть поглубже въ женское сердце.

— Ну, это еще не какіе года! — спѣшила возразить и говорила какъ-то особенно скоро пани воеводша. — А что хозяйственная, то хозяйственная и добрая, грѣхъ сказать. Весь домъ у матери держать; хотя, правда, и держать-то не много чего есть... Конечно, воспитанія такого нынѣшняго не гдѣ взять; ну, да разумная, толковитая; изъ себя чернобровая...

— «Однакоже, маменька, онъ и Настинку проѣхалъ!» Какъ бы находила особенное удовольствіе Людмила Павловна прервать долгую рѣчь маменьки.

— Алексѣй Леонтьевичъ? говоришь ты: проѣхалъ? подступила къ окну съ бутылкою пани воеводша. Истинно проѣхалъ... Куда жъ бы это онъ ѣхалъ? Ума не приложу. Вотъ ѣдетъ человекъ и не знаешь, куда ѣдетъ?

Къ этому недоумѣнію присоединилось еще другое. — Буланья Алексѣя Леонтьевича, внесшись на-рысяхъ въ Лисью-балку, не вывзжали оттуда, и ничего не показывалось. Вороны и ласточки, которыя любятъ слѣдить за человекомъ въ полѣ, надлетали надъ балку и вертѣлись...

— Вотъ бѣда! Вѣрно, изломалось что, — достовѣрно полагала пани воеводша.

Но пока оно еще не рѣшено и вдоль по дорогѣ къ Сороковкѣ ничего не видно, я воспользуюсь этимъ временемъ, чтобы сказать нѣсколько: что это за лицо Алексѣй Леонтьевичъ? Помѣщикъ, да какой помѣщикъ?

Прежде всего, Алексѣй Леонтьевичъ Затолока былъ древнѣйшимъ Сороковскимъ помѣщикомъ, отъ дѣда и пра-дѣдовъ, жилъ по близу Кутковъ и по сосѣдству съ Мокрыми. Во владѣніи у него было семь душъ крестьянъ, въ

томъ числѣ двѣ мертвыхъ; а сколько земли? Невозможно опредѣлить: потому что о полюбившемъ размежеваніи еще и не думала Сороковка. Кажется, онъ и въ уѣздномъ училищѣ не учился; служилъ въ Поселеніи въ уланахъ и къ нему очень шелъ синій съ красными лапканами мундиръ. Когда его произвели въ офицеры и онъ пріѣхалъ къ старенькой своей матери (которая столько разъ кукушечкамъ и ласточкамъ, и орлу сизому наказывала, чтобы полетѣли къ ея сыну милому, да сказали ему: что старая его мать и поздно ложится, и рано встаетъ все по зарямъ выглядаетъ: когда онъ пріѣдетъ къ ней? чтобъ таки—не умерла она, посмотрѣла на сына во всемъ его великомъ государевомъ одѣяніи) — такъ, когда пріѣхалъ Алексѣй Леонтьевичъ въ Сороковку въ уланскомъ мундирѣ: серебряные аполеты, грудь вся алая и шапка алая, такъ и цвѣтеть важный Мокрый, еще отецъ Матѳея Тимофѣевича, назвалъ Затолоку снегиремъ и позвалъ къ себѣ отъ обѣдни на водку. И куда бы ни шелъ Алексѣй Леонтьевичъ: конопляниками ли, чтобъ пострѣлять воробьевъ, такъ ли куда дорогою — словно кто насылалъ ему такое навожденіе: спереди и съ боковъ, и въ слѣдъ ему—затаясь гдѣ нибудь за вербою, припавши въ высокую траву или наконецъ цѣлою ватагою нахлынувши въ густую коноплию—его высматривали отовсюду зоркіе плауоватыя глазки и когда Алексѣй Леонтьевичъ за-частую самъ хотѣлъ поближе взглянуть на нихъ — отъ него, смѣясь, бросались въ разсыпную бѣжать не одинъ простыя дѣвушки, перекинувъ на плечо цвѣтную отъ косы ленту; но случалось и сороковскія барышни, подбирая свои длинныя платья и хватаясь рукою за гребень, чтобъ на бѣгу не обронить его.

Не разстался бы иной легко съ такимъ чудодѣйственнымъ мундиромъ; но Алексѣй Леонтьевичъ скоро снялъ его. Умерла его старенькая мать, похоронили ее у церкви и вышелъ въ отставку Алексѣй Леонтьевичъ. Встала на него, какъ одинъ человекъ, вся Сороковка. «Уже видно,» говорили, «что умерла старая мать: бо некому поучить молодого сына.» Въмѣсто того, чтобы жить паномъ, хотя маленькимъ — какимъ ни-на-есть: да все паномъ, помнить свое панство, — онъ пошелъ въ купцы: позавелъ компаніи съ купцами: началъ перепрадовывать лошадей, скупать овецъ...

Не зазывалъ уже болѣе Мокрый Алексѣя Леонтьевича на водку: перестали его высматривать изъ конопель дѣвушки, да и самого его почти не видать было въ Сороковкѣ. «Навернется», говорили ближніе сосѣди, «какъ огня ухватить, да и былъ таковъ.» Гдѣ онъ пристанище имѣлъ? что дѣлалъ? Полагали даже, что едвали не подѣ разбой ходилъ; только разбоевъ нигдѣ не слыхать было. Когда на улицѣ начинали пѣть старинную малороссійскую пѣсню:

Нема тыну да вдовиному сыну...
Нѣту удержу да вдовы ли той сыну:
Что полвочъ вступаетъ, разбой разбиваетъ.

«Нема тыну да вдовиному сыну!» важно повторялъ панъ Мокрый. «Вотъ такъ оно, какъ нашему.» Оно и было отчего говорить такъ: то въ хуторочекъ къ вдовиному сыну приведуть лошадей такъ, что, кому не надо, каждая рублей двѣсти и болѣе стоитъ; то пригонить онъ откудова-то воловъ и коровъ на удивленіе, что вся Сороковка сходитса смотрѣть: и гдѣ онѣ росли въ такой роскоши, на какомъ привольи и еще, пуще всего, какъ достались онѣ вдовиному сыну? Гдѣ, гдѣ его нѣтъ, а уже на весеннихъ ярмаркахъ онъ здѣсь: похаживаетъ между купцами, скупаетъ скотъ; завелъ свою отару овецъ въ Сороковкѣ и на Довъ пробивалъ и по Черноморью всѣ мѣста извѣдалъ — нема тыну да вдовиному сыну!

Послѣ пяти шести лѣтъ такой нестѣсняемой жизни, Алексѣй Леонтьевичъ вдругъ явился къ Мокрому и предложилъ ему, какъ сосѣду и достаточному человѣку, купить у него его часть Сороковки. «Такъ я хоть и старый человѣкъ,» рассказывалъ Мокрый, «а у меня морозъ по за свиною пошелъ. Продать отцовщину! Сороковку! Что же вы, молодой мой панычъ, собираетесь жениться, или какъ оно въ пѣсни поется: «або жъ я женюся, або утоплюся?»

«Ни того, ни другаго.» отвѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ. «А вы располагаете купить у меня, или нѣтъ?» — «Нѣтъ!» рѣшительно сказалъ Мокрый. «Ни!» повторилъ старикъ съ

силой задушевнаго убѣжденія. «Грѣху брата моего не послужихъ,» поиѣ-батько въ церкви читаль; а вы, молодой панычъ, сыномъ могли мнѣ быть: такъ мнѣ, старому дѣду, учить васъ; а не подводить на такое богопротивное дѣло — ни! не хочу я. Коли вы не совѣмъ еще отказались отъ Сороковской хлѣба-соли, то оставайтесь, пообѣдаемъ; а сего дѣла — не хочу! дважды повторилъ Мокрый. — «Очень жаль,» кажется, былъ нѣсколько тронуть и вмѣстѣ раздосадованъ молодой Затолока. «Благодарю васъ, панъ Мокрый, что вы захотѣли поучить меня безроднаго. Я самъ дорожу отповщиной на сколько могу. Людей я оставляю за собою, хотя, вы знаете, тамъ немного добра, гдѣ двое старыхъ, да одинъ малый; а на землю у меня покупишкѣ есть. Но я, можетъ быть, потому и пришелъ называться вамъ, что мнѣ хотѣлось бы лучше, чтобы земля моя была у васъ, у нашего стариннаго сосѣда и своего брата помѣщика. Счастливо вамъ оставаться.» — «Съ Богомъ, молодой панычъ. На добрый путь... Такъ кому еѣ вы продаете вашу землю? спросилъ провожая гостя, уже на крыльцѣ панъ Мокрый. — «Мѣшанину изъ города...» Вернемтесь, панъ, въ хату, чтобы вонъ та рябая сорока, что на плетвѣ, не послышала насъ... Садитесь, мой панъ!» сказалъ Мокрый. «Еще какъ стало на свѣтѣ считаться любая Сороковка, не было въ ней того сраму: чтобы жили-жили паны, да замѣшалась сюда... Что вы хотите за вашу землю? Я не торгуюсь плачу. Намъ купцами не быть и на барыши мы не рассчитываемъ. Мы дурни — паны; дѣды наши такъ жили, да и намъ, панъ, заказали... И что за славный старикъ! говорилъ о немъ всегда Алексѣй Леонтьевичъ. Прямой гордый, саво-витый хохоль. Я снимаю ему шапку за цѣлую сажень — и снималъ Алексѣй Леонтьевичъ.

Такъ выбылъ онъ изъ Сороковки. «Батьковщину продалъ,» махали будто въ слѣдъ ему рукою сороковскія пани, «не постоятъ и душу заложить.» — «Ни!» крѣпко раздумывая, напиралъ на свое ни панъ Мокрый. «Еще панычъ нашъ, бачу, не совѣмъ пропалъ. За барыши души не положить. Важность она панская въ немъ есть. Я уже такъ-было и думалъ: возметъ снѣ съ мсея въ три-дорога;

благо, что дурень такой попался сказать: что не торгуясь, плачу — и заплатилъ бы, бисову сыну, слова бѣ не ска- залъ, заплатилъ! «разгорячился панъ Мокрый. «Такъ нѣтъ его, говорить: «кладите вы цѣну: земля вамъ знакомѣе и купчую пополамъ возьмемъ. Такъ оно межъ нами ведется, по-пански оно!» тихонько притопывалъ сапогомъ Мокрый. Алексѣй Леонтьевичъ взялъ въ верстахъ двадцати отъ Сороковки значительную аренду, гдѣ довольно большое количество земли, и сверхъ того, возможность нанимать степь у сосѣдникъ помѣщиковъ, развили его торговые обороты. Онъ скупалъ и выкармливалъ на сало отары овецъ, головъ двѣсти и болѣе украинскихъ быковъ. Алек- сѣй Леонтьевичъ былъ не такой человекъ, чтобы могъ остановиться, когда видѣлась возможность идти впередъ — и онъ завелъ свои бойни, свое небольшое саловаренное заведение: черезъ восемь лѣтъ онъ купилъ свою арен- ду. Казалось бы, такого рода не пустые успѣхи, уста- навливающееся значеніе Алексѣя Леонтьевича, какъ чело- вѣка «при деньгахъ», и самый его новый высшій кругъ сосѣдства и знакомства давали ему все право забыть Соро- ковку и навсегда.

Но вышло совершенно наоборотъ. — Когда Алексѣй Леонтьевичъ жилъ въ ней и принадлежалъ, какъ рыба водъ, своей Сороковкѣ, она точно была ему ни чѣмъ. За- бывалъ онъ про нее и будто немножко презиралъ; по крайней-мѣрѣ, отъ недосуговъ ли, или по чему другому, только вовсе не хотѣлъ знаться съ ея панами и паньями. Теперь совсѣмъ не то. Оставилъ онъ Сороковку и она будто стала ему и близка, и мила. Подъ рядъ перезнако- мился онъ со всѣми ея Петренками, Процѣнками, Сидо- ренками: полюбилъ отъ души еще маленькую и всюду го- ворилъ о ней, расхваливалъ свою бывшую сосѣдку по Куткамъ, бѣдную Алешкову Настинку и случалось, что его звали куда-нибудь въ важный домъ и не совсѣмъ на обыденный случай — «нѣтъ, господа,» говорилъ онъ, «по- ѣду въ свою Сороковку.» — Можно бы сказать: что по- тому онъ любилъ Сороковку, чтобы онъ тамъ разыгры- валъ роль важнаго человекъ, вышедшаго въ люди, раз- богатѣвшаго и вотъ снисходящаго очень милостиво къ сво- имъ прежнимъ собратамъ, помѣщикамъ о четырехъ-пяти

душахъ, между тѣмъ какъ тѣ великодушные * помѣщики, къ которымъ присталъ онъ, его самого не слишкомъ принимаютъ. Такъ ничего этого не было. — Известно, что человѣка, у котораго есть деньги и можно имѣть хотя очень неясную надежду занять ихъ — его вездѣ и всюду принимаютъ; да Алексѣй Леонтьевичъ игралъ въ карты и здѣсь же всегда, вынимая кошелекъ, расплачивался, — следовательно, онъ никакимъ образомъ не могъ быть не у мѣста и лишнимъ гдѣ-нибудь. Даже у него было излишнее, что и очень замѣтно обозначало его на именинныхъ сѣздахъ и обѣдахъ, это — его уменье весело и хорошо, иногда не безъ очень значащей улыбки рассказать то и другое, при случаѣ. Но въ Сороковкѣ все это менѣе. Чѣмъ гдѣ-нибудь являлось на видѣ. Въ Сороковкѣ боялись долговъ, какъ огня: потому что, по старинной вѣрѣ, собираясь взять деньги, прежде всего думали: чѣмъ будетъ отдавать ихъ? а когда нечѣмъ отдать, то нечего, стало, и брать. Простодушно-гордые, старосвѣтскіе паны ея и знать ничего болѣе не хотѣли, какъ: что онъ нашъ, свой братъ-сороковецъ; даже не называли и *паномъ* Алексѣя Леонтьевича, а былъ онъ Затолока-панычъ: потому-что *панъ* тотъ, кто женатъ; а неженатые и умрутъ, свѣкуютъ, все они — панычи.

Но все это не то. — Чтобы настояще видѣть Алексѣя Леонтьевича, сколько въ немъ было самороднаго, своего особеннаго, дѣятельнаго и какъ бы немножко удалаго, это надобно было посмотреть на него на весеннихъ ярмаркахъ, гдѣ обыкновенно продается скоть и большіе и мелкіе торговцы кишатъ по заставленной площади. Приѣзжаетъ Алексѣй Леонтьевичъ. Ему надобно прибыть иногда за осмнадцать и двадцать верстъ. Самая только грязь, весенняя распутица, буланья его взмылены, съдѣютъ отъ пара, но еще рвутся на возжахъ: яремочный шумъ и толкотня горячатъ ихъ. «Берегись, поди!» не замолкаетъ кучерь..., «Прочь съ дороги, баба! зазѣвала — берегись!»

* Наше официальное слово, значащееся въ актахъ при дворянскихъ выборахъ. *Великодушные* помѣщики тѣ, у которыхъ сто и болѣе душъ и они имѣютъ голосъ при выборахъ; *малодушные* — у которыхъ нѣтъ ста душъ и они не имѣютъ голоса.

Еще лошади и не совѣшь остановились, какъ Алексѣй Леонтьевичъ встаетъ. На немъ оригинальный — лоснится весь — какъ смоль вороной, калмыцкій ергакъ забрызганъ мѣстами грязью. Алексѣй Леонтьевичъ веселъ, видимо доволенъ; англійскія невыразимыя опущены въ сапоги съ узенькой сафьянной оторочков; ни что не мѣшаетъ свободнымъ его во все стороны движеніямъ; на головѣ красная кругленькая шапочка, что-то на манеръ ермолки, прина-
двинута на брови и замшевыя темнозеленыя перчатки — нарядъ Алексѣя Леонтьевича. «Наше вамъ нижайшее по-
чтеніе! Всенижайшее наше почтеніе, Алексѣй Леонтьевичъ! по добру ли, т. е. ваша милость, по здорову? «подступа-
ють къ нему съ разныхъ сторонъ. «Матвѣй Ивановъ Скорняковъ всеповорѣйшее свое почтеніе Алексѣю Ле-
онтьевичу!» протискивается въ засаленномъ балаховѣ скудо-
бородый молодець-купчина. «А мы этакъ-съ, того, по-
смотримъ. Не ѣдетъ-съ! говоримъ; а и торгъ бы оно какъ-то вольнѣ пошелъ-съ. Дорога-съ оченно, того, рас-
путная-съ.» Весело, какъ-то особенно довольно, бодро оборачивается по сторонамъ Алексѣй Леонтьевичъ, при-
поднимаетъ свою красную шапочку — «Богъ помочь! А! здравствуйте. Спасино, господа... А! умная голова, не лад-
ная борода — Матвѣй Ивановъ! здорово, братъ. Хозяйка, дѣтки? како о поживаешь? — «Слава Богу, слава Богу! на всемъ-съ слава Богу.» — «Слава Богу!» въ свою очередь го-
воритъ Алексѣй Леонтьевичъ. «Что? Какова площадь, господа? Хорошъ ли товаръ есть? — и отправляется въ кружѣ
бородъ обойти ярмарку, осмотрѣть ее: не потому, чтобы это было ему нужно, — иногда онъ уже накопился, т. е. купилъ все необходимое, ему количество скота и теперь прѣхалъ на ярмарку такъ: — не по чему другому, какъ что въ немъ шевелится живая дѣятельность, и усидѣть дома, не посмотреть скотъ, какъ повдуть свои дѣла другіе. Алек-
сѣй Леонтьевичъ не могъ. И, кажется, онъ вовсе не смот-
ритъ; ѣдетъ по ярмаркѣ, рассказываетъ; кланяется съ своими знакомыми и только, будто мимоходомъ, ударить по бедру рукою то одного, то другаго быка; но торговцы знаютъ это клеймо зеленой перчатки Алексѣя Леонтьевича. Какъ бы ни держался хозяинъ, а скотина у него будетъ куплена: потому что глазъ Алексѣя Леонтьевича въ-

рентъ и рука его мѣтко, обозначаетъ хорошее. И вотъ эта мѣткость вѣрнаго взгляда, дѣльность Алексѣя Леонтьевича, умная голова, не пустозвонная—вовсе не обороты его, не превышавшіе тысячь семи серебромъ на рогатомъ скотѣ—дали ему вѣсь и почетъ между людьми не его сословія, вочаившими десятками тысячь, и вначалѣ очень небрежно посмѣивавшимися надъ нимъ. Но чтобы все сказать объ Алексѣѣ Леонтьевичѣ, надобно не пропустить и тѣхъ слуховъ, которые ходили объ его деньгахъ. Одни говорили, что у него даже тридцать тысячь серебромъ; другіе, по умѣреннѣе, клали только на пятнадцать; разумѣется, то и другое было чистый вздоръ. Вѣриѣ всего можно сказать: что едва ли у него какой десятокъ тысячь, и то не серебромъ, а развѣ ассигнаціями, былъ наличными, лежалъ въ шкатулкѣ; а остальные деньги находились въ оборотѣ: въ скотѣ, въ овцахъ, въ зерновомъ хлѣбѣ, которымъ засыпаны были сплошь амбары и наконецъ не должно забывать, что нѣтъ еще и двухъ лѣтъ, какъ Алексѣй Леонтьевичъ купилъ свою аренду. Но въ томъ и состояла вся задача, что Алексѣй Леонтьевичъ и не было того, что бы когда распространялся о своихъ дѣлахъ: какъ они? удачно, не удачно ли шли? Даже, когда навѣрное знали, что онъ выгодно и превыгодно продалъ свой гуртъ, или овецъ своихъ и только такъ хотѣли спросить: «А что? не хорошъ барышъ? Мало, чай, взяли?» — «Будетъ съ меня,» отвѣчалъ съ своей веселой улыбкою Алексѣй Леонтьевичъ. «Мнѣ не семью кормить.» — «А отчего бы и не семью?» живо вступалась какая-нибудь тутъ бывшая сороковская и несороковская дама, Алексѣй Леонтьевичъ шутилъ и отсмѣивался; но въ этомъ отношеніи судьба его сильно интересовала Сороковку. Его женили, и на вдовѣ какой то, даже княгинѣ, — гдѣ-то она жила, никто не зналъ — и казачку онъ съ Дону привозилъ; Наташеньку Алешкову чуть-чуть только не сваталъ и даже былъ явно помолвленъ — это всѣ знали — на дочери того, у кого онъ держалъ имѣніе на арендѣ; хотя у него всѣхъ дѣтей было только два сына. «Истинно вотще трудишися!» качали головами и въ печали жмурились старушки, приводя очень близко тексты изъ Св. Писанія. «Ныня душу твою истяжутъ отъ тебѣ и вся твоя не въси, кому собираеш. Ни жены, ни близкаго

рода.» Приѣхала Людмила Павловна... Вся Сороковка въ одинъ голосъ положила, что вотъ уже невѣста Алексѣю Леонтьевичу — не идти ему дальше. И Алексѣй Леонтьевичъ, то часто ѣзжалъ въ Сороковку, а то будто и еще чаще сталъ навѣщать того и другаго въ ней, и все по дорогѣ, мимоѣздомъ и такъ прямо, заѣдетъ къ Катеринѣ Логвиновнѣ. Но ѣздитъ онъ мѣсяць и два ѣздитъ мѣсяца — не малое время, и годъ прошелъ; а Алексѣй Леонтьевичъ бываетъ и бываетъ, и будто правъ себѣ, что онъ бываетъ. Потомъ вдругъ — Богъ послалъ весну — и словно ветромъ какимъ махнуло на Алексѣя Леонтьевича: черезъ Мокраго — извольте вамъ—дѣлаетъ предложеніе, или, что одно: просить узнать, какъ примутъ его? Все это, отъ давняго оживленія, пришло совершенно неожиданно, было какъ-то оно странно; не отзывалось дѣльностью, всѣмъ извѣстной послѣдовательностію Алексѣя Леонтьевича.

— «Гм!» часто произносила за это время въ большомъ раздумьи воеводша, и теперь, заглядывая въ окно и не понимая, что такое сдѣлалось въ Лисей балкѣ съ Алексѣемъ Леонтьевичемъ? — «Гм!» сказала она, но здѣсь же увидѣла, какъ вспугнутую ширококрылую птицу, подиавшуюся изъ-за кустовъ балки.

Эта птица была тройка Алексѣя Леонтьевича.

Прямо противъ солнца, румяное, маслянистое лицо кучера яснило, какъ красный мѣди самоваръ; буланья неслись; задержка въ балкѣ, видимо, разгорячила ихъ. Коренной конь, какъ левъ (да онъ и немного похожъ былъ на него золотистой гривой), кажется, отсюда слышно было какъ храпѣлъ, напирая крутою грудью и высокими взмахами коньтъ, загребая подъ себя пыль и дорогу.

— У! добрый конь! — не могла, чтобы не проговорить Катерина Логвиновна, несмотря, что такъ она была озабочена вопросомъ: куда ѣдетъ Алексѣй Леонтьевичъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, куда же это онъ ѣдетъ? Мила! тебѣ будто нужды нѣтъ...

Старые люди! какъ они непременно хотятъ, чтобы и всѣ также суетились и не посидѣли на мѣстѣ!

— «Мнѣ же какая нужда, маменька! сказала Людмила

Павловна.» Вѣдь онъ навѣрное ѣдетъ не къ намъ; да хотя бы и къ намъ...»

— Навѣрное или не навѣрное — не узнаешь ты, дитя мое, что у чловѣка на умѣ. А ѣдетъ, шибко ѣдетъ.

— «Вотъ прекрасно! зачѣмъ же это онъ ѣдетъ къ намъ? требовать объясненій, что ли?»

— Нѣтъ, дитя мое, ты ему все хорошо объяснила. Если онъ ѣдетъ, такъ за чѣмъ другимъ, а уже объясненій твоихъ не надобно.

— «И совершенно ясно, что онъ старъ...»

— Людмила Павловна!..

Но укорительный голосъ пани-воеводши замолкъ. Она вдругъ отступила назадъ отъ окна и проговорила: «новорачиваетъ онъ! къ намъ поворачиваетъ...»

Хотя онъ сей-часъ только передъ этимъ какъ бы полагала это возможнымъ, но на самомъ дѣлѣ, видно, никакъ того не ожидала.

— Что же мы теперь, дитя мое, какими глазами будемъ смотрѣть?

— Я не выиду, сказала Мила.

— И не думай того! возвратилась вдругъ къ пани воеводшѣ вся ея серьезная плавность и чинность рѣчей и пріемовъ. Паварила, сударыня, пива, такъ и пожалуй его распивать, переступила она въ свою пріемную комнату ... Вонъ и Дашка твоя съ цвѣтами идетъ.

Какъ я люблю, когда въ тихую комнату, слышишь идетъ, входитъ чловѣкъ; прислушиваешься, какъ онъ ступаетъ... Неожиданно, начинаешь понимать его. Шаги это такое же разнообразіе, какъ и тоны голоса: подъ инымъ вялъ; чуть движется отголосокъ шага; подъ другимъ онъ звученъ, силенъ... Алексѣй Леонтьевичъ входилъ, неся какую-то бодро веселую звучность по слѣдамъ своимъ.

— А я вотъ отъ обѣдни да и къ вамъ, Катерина Логвиовна. Незваный гость пироги ѣсть.

— И милости просимъ, Алексѣй Леонтьевичъ! Незваный, такъ я теперь зову: милости просимъ, не откажите.

— Извините, право. Нельзя, какъ будто грѣхъ какой: въ церкви былъ и не забрать къ вамъ.

— Видно, не знаетъ онъ, себѣ на умѣ подумала пани воеводша... И помилуй васъ Богъ отъ этого! возразила она. Чтобы однимъ разомъ сказать: да не только я и пироги мои на васъ бы осердились... Одарья! Наталка! давайте намъ, родныя, сюда пироги. Гость пожаловалъ, ждетъ.

Къ пирогамъ явилось все, что подается для закуски.

— Вотъ и канареечка вамъ, Алексѣй Леонтьевичъ, за пѣла. Это она слышала, что тарелки стучать... Съ воскреснымъ днемъ! будьте здоровы! и таки дай Богъ здоровья вамъ! наливала собственноручно въ свою серебряную чару гостю водку пани воеводша.—Вы не забываете нашего храма Божія; вздите помолитесь къ намъ. Просимъ одолженія выкушать.

— Дай же Богъ, чтобы вы были и мы были здоровы, всѣмъ на здоровье! вышилъ чарку Алексѣй Леонтьевичъ и, по приглашенью, придвинулся къ столу съ закускою.

— А вѣдь такъ, Катерина Логвиновна, странное дѣло. Мальчишкой ли я еще; безъ шапки, привыкъ бѣгать въ нашу Сороковскую церковь; бывало матушка дастъ въ руку грошикъ: «бѣги, Алексіе, до Бози. Свѣчечку поставишь, Богъ счастья дастъ»,—или что здѣсь прахъ родительскій; но какъ не въ Сороковской церкви,—нигдѣ будто и не помолишься.

— Родительскій прахъ, повторила пани воеводша, ничего не поясняя болѣе... А вотъ и пирожечекъ съ печеночкою, съ легенькимъ, какъ вы вкусъ имѣете, Алексѣй Леонтьевичъ, съ засушенкою и прирумяненный, какъ и матушка ваша покойница любила.

— Такъ вотъ это мнѣ все, ради матушки, на здоровье скушать? обѣими руками указывалъ на свою наполненную тарелку Алексѣй Леонтьевичъ. Извольте, Катерина Логвиновна. Я мастеръ пироги ѣсть. Матушка спозаранку приучала... Родная моя! когда бъ это она встала, да пожила теперь со мною!

— Порадовалась бы душа ея, истинно порадовалась, отвѣчала пани воеводша.

Затѣмъ только канареечка начала сильно насвистывать, подзадориваемая стукомъ ножей и вилокъ.

Алексѣй Леонтьевичъ, какъ человѣкъ дѣятельный, не могъ быть слишкомъ полонъ и толстъ; и не былъ онъ. Вся верхняя часть его открытаго хорошаго лба на столько, какъ надѣвается картузь и можетъ затѣнять козырекъ, была бѣла и даже очень; остальную часть лица широко захватывалъ румяный весенній загаръ помѣщика, который самъ бываетъ въ полѣ; при немъ орутъ и сѣютъ. Отсутствіе усовъ и бакенбардъ, бѣлокурые мягкіе волосы, сами подвигающіеся леговко на вискахъ, свѣтъ сѣрыхъ глазъ и улыбка веселая Алексѣя Леонтьевича давали ему столько молодости, что грѣхъ было Людмилѣ Павловнѣ назвать его старымъ. Даже самый костюмъ его простой лѣтній, неизмѣнне никакихъ булавокъ и перстней и хорошее бѣлье, дымокъ настоящей гаѣанской сигары говорили довольно въ его пользу...

— А, Алексѣй Леонтьевичъ! а, гость мой! а, нѣтъ! заговорила пани воеводша. Салфетки вовсе не слѣдъ класть. Я васъ еще поподчую.

— Чѣмъ же это, Катерина Логвиновна? я совсѣмъ сытъ. Обѣдъ пропадетъ...

Я, видите, безъ церемоніи у васъ и обѣдать собираюсь.

— Эта статья своимъ чередомъ. Кто бы это и пустилъ васъ безъ обѣда! Коли одолженіе ваше было такое заѣхать ко мнѣ, то и борщъ мой кушать! ужъ такъ водится.

— Покорно благодарю, Катерина Логвиновна.

— Да, Алексѣй Леонтьевичъ, вы на такой часъ поспѣли, что угощенье всякое слѣдуетъ. Мы вѣдь совсѣмъ на выѣздѣ; завтра въ путь пускаемся, туда, къ благодѣтелямъ своимъ. Дочь тамъ имянинница, вотъ царя Константина и матери его Елены, пріятельница дорогая...

Надобно бы было добавить: чья? но пани воеводша, осторожная и совѣтливая, избѣгая всячески напомнить Алексѣю Леонтьевичу... не упомянула имени дочери.

— Такъ, гость мой любезнѣйшій! то вы всегдашніе кушали широги воскресные; а это я васъ своими дорожными поподчую. Уже не обидьте, не откажите и дорожку намъ поглядить... Какъ хотите, Алексѣй Леонтьевичъ:

хотя вы и не пьете двухъ передъ завтракомъ, а другую надобно выпить.

— Да вѣдь я же не пью, Катерина Логвиновна.

— Дорогу вспрыснуть, Алексѣй Леонтьевичъ. Пыль столбомъ—не откажите. А тѣмъ часомъ мы съ вами хорошо сядемъ да побесѣдуемъ; я еще посовѣтываться съ вами хочу.

— Что такое? зорко взглянулъ Алексѣй Леонтьевичъ. За совѣтами, кажись, пани воеводшѣ ни къ кому не ходить.

— Не говорите того, хорошіи мой. Съ совѣтомъ да съ привѣтомъ только человѣку межъ людьми жить... Выкушайте, прошу васъ. Я вамъ лекарственной, человѣчьяго вѣку рюмочку налью. А вотъ и пирожечекъ съ яичками, поджареннымъ на меду макомъ, сдобность какая! такая пріятность въ дорогѣ закусить.

— Пани моя хорошая! я же никуда не ѣду; остаюсь у васъ. Помилуйте.

— Что жъ такое? побезпокойтесь. Пирожечекъ одинъ... Это же мой, Алексѣй Леонтьевичъ, любимые.

— Ну-те, такъ и быть, Катерина Логвиновна! забавно трянулъ головою Алексѣй Леонтьевичъ. Съѣлъ я свои любимые и матушки покойницы пирожки любимые и ѣлъ ваши любимые, это же еще на блюдѣ что за грибочки такіе загнутые, варенье течетъ? вѣрно Людмилы Павловны любимые? Давайте ужъ и ихъ съѣмъ... Кончилъ! сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, веселымъ размахомъ кляла салфетку на столъ. Теперь позвольте покурю.

— Такъ оно по-пріятельски бываетъ! вотъ эта старинная дружба видна, предовольная свободной мѣрой своего гостя, благодарила пани воеводша. Она нѣсколько пріостановлена была вопросомъ о любимыхъ пирогахъ Людмилы Павловны. Но Алексѣй Леонтьевичъ, спокойный и чего-то немного улыбаясь, курилъ свою сигару и похаживалъ... Гдѣ-то ума взялъ Мокрый, не сказалъ ему, или что же это такое? спрашивала себя пани воеводша.

— Такъ что жъ такое, Катерина Логвиновна? о чемъ вы хотѣли поговорить со мною? началъ разговоръ Алексѣй Леонтьевичъ. Душой радъ служить вамъ.

— Всепокорнѣйшую мою благодарность приношу, Але-

ксѣй Леонтьевичъ. Дѣло это такого выходитъ рода—эй! кто вы тамъ? умницы мои. Наталка! подите принять тутъ, —что какъ вамъ сказать? и не хотѣлось бы малостию неравно скуку вамъ навести.

Пани воеводша, какъ настоящая малороссiянка и чинная такая, говорила съ большимъ предисловіемъ.

У васъ и своихъ дѣловъ, Алексѣй Леонтьевичъ, голова не обниметъ; а тутъ мнѣ съ своимъ.

— И слава Богу, Катерина Логвиновна. Лучше много дѣлъ, чѣмъ сидѣть безъ дѣла. Что вамъ такое угодно?.. Позвольте, я вотъ такъ поближе присяду къ вамъ.

Усѣлся на диванчикъ Алексѣй Леонтьевичъ и диванчикъ хорошо рыпнулъ.

— Разскажите—ка.

— Совѣтъ у васъ хочу взять на новое дѣло.

— На какое? позвольте.

— Соблазнили вы насъ всѣхъ, Алексѣй Леонтьевичъ. Въ торгъ хочу пуститься.

— Съ Богомъ!.. Въ какой же это торгъ? послушаемъ.

— Съ весны, знаете, слышать было, что падежъ на скоть идетъ, такъ я и поопаслась: лишній какой по хозяйству скоть и продала, и теперь думаю, мысль мнѣ такая приходитъ: что дай я куплю овецъ. Онѣ къ осени поотгуляются; а тамъ я ихъ и продамъ, и что нибудь, знаете... Деньги теперь становятся нужны.

— Э-хе-хе! да вы совсѣмъ начинаете по-моему. Съ овечекъ, Катерина Логвиновна!

— Смѣйтесь, Алексѣй Леонтьевичъ. Дай Богъ дѣтямъ моимъ скончатъ по-вашему... Такъ вотъ, какъ вы мнѣ благой совѣтъ подадите?

— Слушаю—съ, особенно весело помолчалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Вспомянули вы мнѣ, пани воеводша, хорошее время, какъ я самъ ходилъ за совѣтами... Ишу, гдѣ бы мнѣ потолкаться между купцами. Въ городъ была ярмарка; захожу я въ трактиръ, сидятъ два купца,—здѣсь это я въ первый разъ сошелся съ своимъ пріятелемъ Скорняковымъ,—пьютъ купцы чай и разговоръ дѣловой идетъ. Подсѣлъ и я къ нимъ, и вотъ также, какъ у васъ, у меня въ головѣ овечки бродили. Господа! говорю, вотъ такъ и такъ: что, примѣрно, прибыли? сколько

можно съ овцы нагулу, т. е. сала получить? что вотъ, говорю: хотѣлось бы по осени заняться овцами. Ничего-съ, очень хорошая статья, говорятъ. Посмотрѣли они значительно на меня. Да вы, сударь-съ, это впервые желаете заняться? женаты, смѣю спросить-съ? сказалъ Скорняковъ. Нѣтъ, говорю я. И, примерно положить-съ, не располагаете жениться-съ въ этомъ годѣ? Не думаю. Переглянулись купцы между собою. Ну, говорятъ: барышъ есть. Нагулъ на овцахъ будетъ.

— Какъ же-съ это оно, Алексѣй Леонтьевичъ. Я такой матеріи не понимаю.

— Ну, извольте видѣть, пани воеводша! я и самъ тогда не понималъ. Что вы, говорю, господа честные, посмѣиваетесь надо мною, что ли? какое дѣло нагулу на овцахъ до моей женитьбы? А теперь и я знаю: чтобъ барышнн взять да сало на овцахъ было, такъ и не мѣшаетъ хозяину неженатымъ быть.

— Ну, и воля же ваша, Алексѣй Леонтьевичъ. Миѣ не жениться и замужъ не моя пора итти.

— Э-эхъ, пани воеводша! да мужчиной надобно быть. Не засыпаться до зари, да не пѣжиться; верхомъ ѣздить и атакъ на рукѣ стегачку, чтобъ пошевелить случаемъ, чабана, носить.

Помолчала немного пани воеводша.

— «Стало быть, Алексѣй Леонтьевичъ, такое разсужденіе выходить: что наврядъ миѣ покупать овецъ?»

— Нѣтъ, пустое, сударыня моя! Покупайте смѣло. Прибыльиѣ овцы ничего по хозяйству и въ торговлѣ нѣтъ... А мой-то овцы, Катерина Логвиновна, съ нагульцемъ будутъ?—шутливо и вмѣстѣ серьезно вдругъ спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Слова были шутливыя, но голосъ и то, какъ они сказались, было очень серьезно. Покачалъ онъ головою.

— «Я не знаю... такъ ли оно? Алексѣй Леонтьевичъ, родной мой! понимаю ли я васъ?»

— Понимаете, пани воеводша,

Какъ ни была она неожиданно и врасплохъ застигнута; но пани воеводша не потерялась и сановито повыпрямилась. Разговоръ пошелъ тихимъ голосомъ.

— «Такое произошло дѣло, что какъ и сказать? Простите вы насъ...»

— Да что здѣсь? какое прощенье, пани воеводша! когда человѣку талану нѣтъ.

— «Позвольте; одного я въ разсудокъ не возьму... Можетъ, оно и не такъ бы было... Какъ это вамъ, отецъ мой родной, пріятель мой залушевной! да вздумалось поручить такое дѣло Матею Тимофѣевичу Мокрому?»

— Дѣдъ лысый ему поручалъ! съ комической досадой отвѣтилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Извольте послушать, какъ оно было.—Въ прошлое Воскресенье собралось ко мнѣ человѣкъ шесть нашихъ Сороковскихъ и Мокрый былъ. Ну, и начали они, пристають: не женюсь, да почему не женюсь? Такъ-то бы вотъ и женился, какъ хочется! «Давайте же невѣсту,» говорю я. Мокрый вотъ и называетъ ее... А слышали ли вы, какъ Мокрый, «сказалъ я:» какъ цыганъ сватался за королеву?» Не слыхалъ онъ.

— «И я, чтоже? не слыхала такого», шепотомъ замѣтила пани воеводша.

— Такъ вотъ послушайте, говорю я. — Идетъ цыганъ наряженный .. «Постой! куда ты?» — «Не трогайте меня, братцы. Иду свататься за королеву». — «Съ ума ты сошелъ цыганъ! поидетъ она за тебя?» — «А чтожъ, братцы?» говоритъ цыганъ: уже половина дѣла сдѣлано. «Какъ сдѣлано?» спрашиваютъ.

— «Да я, братцы, со всей душою: только—какъ она?» Вотъ такъ и мы съ вами панъ Мокрый, говорю я: *только какъ она?*

Разсмѣялся Алексѣй Леонтьевичъ.

— Такое горе! сказалъ онъ. Вы знаете: что уже Мокрому въ голову вошло, того и сухимъ клиномъ не выбьешь. «Такъ я же узнаю» — въ одно сталь: спрошу и узнаю: *какъ она?* Вотъ тебѣ и узналъ на мою голову!

Опустилъ свою умную голову Алексѣй Леонтьевичъ.

— Что теперь будемъ дѣлать, Катерина Логвиновна?

— «А чтоже вамъ такое дѣлать, Алексѣй Леонтьевичъ? Я, какъ и постигала все, что это однѣ выдумки Мокраго.»

— Вотъ тебѣ и на! — закусилъ губу Затолока. А я-то что? за болвана сталь? Такъ бы вотъ Мокрый за меня разсказывалъ, и женилъ меня, когда бы я самъ того не хотѣлъ!

Дамы, Катерина Логвиновна, къ этому празднику, какъ говорится, пѣшій бѣ шли. Я рассказываю вамъ, какъ случилось.

— «А случилось оно такъ, Алексѣй Леонтьевичъ, что— не погрѣвайтесь — доброму здѣсь не много чему быть... Позвольте, не потому, чтобы я мать родная того не хотѣла, или бы находила какой порокъ въ васъ Алексѣй Леонтьевичъ! я съ вами, какъ съ другомъ моимъ давнимъ, душу открывши, буду говорить. Жжетъ меня здѣсь, какъ о томъ я подумаю: честь вы намъ какую предлагали... да куда честь? когда здѣсь счастье было моей Людмилочки! Намъ съ вами не первой разъ сегодня знаться. Пусть ваше богатство при васъ; да человекъ-то вы, что другаго въ жизнь не сыщешь, хорошій мой! Сунулъ намъ Богъ счастье, да не умѣли руками взять. Ну, что бы вамъ мнѣ то было сказать? Пошло бы оно тихо и ладно; авось бы что нибудь и вышло. А то дитя молодое, явился тотъ Мокрый, какъ съ пѣши сорвался; она наговорила, не подумавши и не раздумавши; а теперь она еще у меня такая, что отъ своего слова потому одному, что сказала его—не вотъ-то она и отступится.»

— Такъ-то, Катерина Логвиновна: вѣкъ живи, вѣкъ учись; а дуракомъ умрешь и еще скажутъ: старымъ.

Что-то еще другое думалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— Такъ какъ же, пани воеводша? Вотъ мнѣ совѣтъ и чистая отставка?

— «Не отставляю я васъ, другъ вы мой возлюбленный! въ грусти развела руками и сложила ихъ у сердца хорошая пани воеводша. Я объ этомъ дѣлѣ уже и плакала, и Богу милосердому молилась... Помогай онъ вамъ на ваше счастье! А мнѣ здѣсь, сами видите, ничего нельзя Дочери я приневоливать не стану.»

— «Не стану!» повторила пани воеводша, какъ бы она слышала возраженіе какое отъ Алексѣя Леонтьевича; но Алексѣй Леонтьевичъ сидѣлъ и думалъ...» Одна она у меня осталася, послѣдняя; вскормили ее чужіе люди; она материнской ласки и пѣги выросла не видала. За что же мнѣ такъ обижать ее передъ любимъ Богомъ? что и теперь ей у меня радости и воли не будетъ? Положила я, мой панъ дорогой! такъ я на сердцѣ, чтобъ не измѣнить того поло-

жила: что у Бога Великаго всякому свое счастье есть. Пусть не плачется на меня, дитя мое, что я то ея счастье отрѣяла, да по своему уму судьбу ей судила. Сказать слово—другое я могу, совѣтъ подать; а приневоливать, какъ Богъ святъ, Алексѣй Леонтьевичъ, не стану.»

— Что приневоливать, пани воеводша! Здѣсь нужна добрая, вольная воля. Какъ и слуга намъ изъ одной неволи служить, такъ тошно!

Замолкли оба разговаривающіе и не смотрѣли другъ на друга. Часы начали бить двѣнадцать. Били они и били...

— Надѣлалъ мнѣ Мокрый, — въ раздумьи подъ бой ихъ заговорилъ Алексѣй Леонтьевичъ:—какъ медвѣдь тому чело­вѣку: что хотѣлъ ему прислужиться со лба муху согнать, да засадилъ камень въ лобъ—что теперь, умѣючи и выни­май его... Да что же это, Катерина Логвиновна? — не ве­село и грустно, а какъ-то шутливо съ грустью сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. — Людмила-то Павловна раскормила меня въ прахъ, да еще и сердится, глазки свои показать не хочетъ. За что же такъ? Эго и пѣсню нашу пой:

Прости меня мила,

Что ты меня била.

— «Нѣтъ, Алексѣй Леонтьевичъ!» отозвалась со всѣмъ достоинствомъ пани воеводша, даже поднялась она. «Мы вамъ этого оскорбленія не подадимъ... Мила!» возвысила она голосъ: что ты тамъ? Брось. Полно тебѣ въ дорогу собираться. Иди къ намъ; скоро обѣдать пора. Двѣнадцать пробило.—Она еще за цвѣтами послала, «добавила Катерина Логвиновна:» такъ съ ними возится. Мила! пожалуй ты къ намъ.»

Милѣ точно довольно было возни; только не съ цвѣтами, а съ своими не очень пріятными мыслями. Ей ужасъ было неловко остаться одной въ комнатѣ и притомъ, какъ въ засадѣ, вмѣстѣ съ рябинькой кошкой. Выхода не было. Надобно было или лѣзть въ окно, или проходить чрезъ пріемную комнату. Томилась она. Громкій вначалѣ, оживленный говоръ Алексѣя Леонтьевича звучно доходилъ къ ней. «Однако онъ вовсе не огорченъ,» сказала она себѣ. «Разумѣется, я, тѣмъ менѣе, огорчаюсь этимъ. Милѣ какое

дѣло: огорченъ ли онъ, или не огорченъ? Зачѣмъ онъ прїѣхалъ!»—Эти и тому подобныя мысли Мила готова была выбросить, какъ крошки, за окно воробьямъ; но тупые носы воробьевъ не клюютъ мыслей. Прямо сказать: ей тяжела была эта вышедшая непрїятная исторїя съ человѣкомъ, котораго она привыкла такъ часто видѣть и на котораго теперь ей не ловко было взглянуть послѣ своего рѣзкаго, неосторожнаго отвѣта.

— Эта Даша, право, именно балуется. Куда ни пошли ее, не дождешься два часа.

Мила въ первый разъ рѣшилась замѣтить, что Даша балуется: а Даша совсѣмъ избаловалась. Совершивъ вмѣстѣ съ барышнею курсъ воспитанїя въ знатномъ домѣ, смазливенькая какъ горничная, съ выгнутыми бровями, она производила много закулиснаго шума по Сороковкѣ, завоевывавая вниманье панычей и фамильярно предлагая панночкамъ свои неоцѣненные совѣты по части ихъ нарядовъ.

— «Ахъ барышня-съ!» явилась она у окошка совершенно свободно выражая свое удивленїе. «Вы сидите-съ въ заперти; какъ птичка въ клѣткѣ.»

— Пожалуйста, безъ замѣчаній,—была очень недовольна Мила.—Вотъ это и всѣ цвѣты? спросила она.

Даша, не стѣняясь, отвѣчала другимъ вопросомъ:

— «Ахъ! я не знаю, право, барышня: что вы въ нихъ находите хорошаго-съ? Простые цвѣты.»

Мила рѣшилась промолчать, чтобы не вступить съ своей горничной въ споръ о разности вкусовъ.

Та никакъ не унималась.

— «Вы сегодня что-то, Людмила Павловна, не въ духѣ-съ?» замѣтила она.

Зато ты, Даша, слишкомъ въ духѣ! Что это такое? Ты забываешься.

— «Вотъ вы и сердитесь барышня! А я такъ спѣшила къ вамъ-съ. Лѣстила себя надеждою... Я все это время говорила о васъ.»

— Во всякомъ случаѣ было бы не худо, если бы ты меньше говорила.

— «Да я съ кѣмъ говорила барышня, скажу вамъ. Зато-дока нагналъ меня въ Лисей-балкѣ, остановился, спро-

силъ о старой барынь, тутъ мы и о васъ... Онъ, право вовсе не старій мужчина.»

— Поди прочь! даже топнула своей легкой ногою Мила. Принеси мнѣ кружку поставить двѣты.

Мартышка, какъ объяснилось послѣ, не помнила себя и болтала, что ни понало, взнесенная чуть не до облаковъ тѣмъ, что подарилъ ей рубль серебра Алексѣй Леонтьевичъ.

Милѣ надобно было нѣсколько времени, чтобъ успокоиться. Она ходила по комнатамъ. За дверьми тоже говоръ стихъ и слышалось что-то такое на подобіе шептанья листьевъ въ не совѣмъ тихую погоду. Даша распорядилась такъ, занятая въ кухнѣ разказами о своемъ походе, что даже не понесла барышии требуемой кружки; а сунула ее съ толчкомъ и приказомъ встрѣчному мальчишкѣ, чтобы отнесъ онъ—что тотъ и исполнилъ съ большимъ ощущеньемъ удовольствія. У окна мальчикъ остановился выслушать, какъ бьютъ часы и долго слушали его уши, открытый ротъ и даже кверху поднятый носъ; какъ затѣмъ раздался призывающій голосъ пани воеводши: «Мила! пожалуй ты къ намъ.» Надобно было волею, или неволею, выходить... «Вотъ вздоръ какой!» Если это не стѣсняетъ *его*, я зачѣмъ буду стѣсняться? Я будто ничего не знаю, сказала передъ зеркаломъ Мила; поправляя немного свои волосы и вышла.

Въ ней не было никакихъ такъ, чтобы отдѣльно поразительныхъ частности; но общность, полная ея особа была чрезвычайно какъ мила. Вѣленькая, какъ нельзя быть бѣлѣе; длинныя рѣсницы приподнятыя кверху и взглядъ прелестный. Даже Татьяна Николавна замѣчала, что у Милы умные глазки и затѣмъ у Милы была такая хорошенькая улыбка! Мила входила въ комнату, неся кружку съ цвѣтами, кажется, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы отстранить цѣлованіе руки, бывшее въ своей силѣ въ Сорочковкѣ. Не смотря однако на ободрительное: «какой вздоръ!» ушки у ней слегка зарумянились и она смотрѣла на цвѣты прежде, нежели взглянула впередъ.

— Здравствуйте, Людмила Павловна.

— «Здравствуйте, Алексѣй Леонтьевичъ.»

— Что это, сколько вы цвѣтовъ несете? На васъ, право,

надобно жалобу подать; только не знаешь: кому? Всё поля оборвали.

— Не я собственно; мнѣ самой только сейчасъ принесли... Мой любимый барвинокъ; сказала Мила немножко лѣниво, закладывая вѣточку темныхъ листьевъ и темносинихъ цвѣтовъ въ свои русые волосы. — «Вы были у обѣдни у насъ? Кто еще былъ?»

— Вы не были, Людмила Павловна.

— «Я это знаю,» улыбнулась Мила.

— Не грѣхъ ли вамъ, молодымъ такимъ, — въ свою очередь улыбался Алексѣй Леонтьевичъ, — лѣниться въ церковь ходить и еще такъ близко. Започивали, Людмила Павловна?

— «Да-съ, — что и колокола не могли меня разбудить.»

— Нѣтъ, она сегодня рано встала, — сказала пани воеводша.

— Маменька! я немножко ѣсть хочу, я не завтракала, съ той же лѣнивой граціей обратилась къ матери Мила. «Скажите, пожалуйста,» вступила она нѣсколько оживленнѣе въ дальнѣйшій разговоръ, задѣтая, какъ видно, удареньемъ Алексѣя Леонтьевича на слово: молодымъ. — «Это все пріятная Сороковка — преимущественно панъ Мокрый сообщаютъ вамъ такія интересныя свѣдѣнія: что я сплю — что и колокола меня не могутъ разбудить?»

— Помилуйте, Людмила Павловна! Про колокола-то вы сказали сами.

— «Наконецъ я должна была что нибудь сказать, когда вы мнѣ въ глаза только что не сказали: что я заспанная».

— А еще я вамъ этакъ, Людмила Павловна, ничего другаго не сказала? съ пріостановкою и съ улыбкой спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— «Ничего!» поспѣшно возразила Мила... «Ахъ, маменька милая!» улыбаясь говорила она. «Какъ вы добры! самимъ беспокоиться подать мнѣ,» принимала она отъ матери тарелку, полную такихъ и такихъ, просто воскресныхъ и дорожныхъ пирожковъ.

Съ минутою Мила, нѣсколько улыбаясь, смотрѣла на свои пирожки.

— «Вы извините меня,» сказала она въ извиненье передъ своимъ гостемъ. «Я немножко позавтракаю.

— Кушайте, кушайте, Людмила Павловна. На здоровье вамъ. А мнѣ уже позвольте покурить сигару?

— «Извольте.»

— «Пѣтъ, право,» сказала Мила (какіе маменька, вкусныя ваши пирожки)! — «Я вовсе не такъ поздно встаю, какъ Сороковка предполагаетъ, т. е. не потому, чтобы я хотѣла угодить на Сороковку—я этого никакъ не говорю; но что воробьи не даютъ мнѣ, чуть съ зарею, ни малѣйше заснуть.»

— Она бы еще больше ихъ приучила! сказала пани воеводша.

— «Но вѣдь это ужасно! надъ окномъ начинается трещанье, щелетанье, воробьи даже въ стекла ко мнѣ бьются.»

— Любить васъ, Людмила Павловна.

— «Прекрасная однако любовь, что не даетъ покоя.»

— А вогъ вамъ и покой, Людмила Павловна, когда угодно. Извольте знать пани Швачку? спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Прямърь можно получить.

— «Какого рода?»

— Рода такого, Людмила Павловна: — лукаво смотрѣлъ Заголока—чтобы воробьи васъ не беспокоили.—Пани Швачка, когда ложится послѣ обѣда отдыхать, то посылаетъ мужа, вокругъ дома, куръ и воробьевъ отгонять. И славно дозоромъ ходитъ Петръ Тимофѣевичъ! «Кишь! кишь!» помахиваетъ полами—и уже, Людмила Павловна, ни одинъ воробей не смѣетъ чивикнуть.

— «Покорно благодарю,» не смотря проговорила Мила.»

Она чувствовала, что ходитъ по очень зыбкому грунту. Два уже раза Алексѣй Леонтьевичъ, ничего не говоря, умѣлъ подвести разговоръ къ неопредѣленному намеку. «Однако это забавно,» кушала Мила, или по крайней мѣрѣ показывала видъ, что она хочетъ кушать свой пирожекъ.

— Такъ вамъ, Людмила Павловна, надоѣдаютъ воробьи? спросилъ съ небольшимъ роздыхомъ Алексѣй Леонтьевичъ. А я вотъ вамъ расскажу: какъ одному хохлу да надоѣли сороки.

И Алексѣй Леонтьевичъ превосходно рассказалъ: какъ облюбили одинъ дворъ сороки; трещать и прыгаютъ по

плетнямъ. Надоѣли они хозяину до смерти. «А! бѣсъ бы васъ бралъ, коли вы ему на что нужны!» брался за голову хохоль. И пошелъ онъ къ знакомому охотнику, чтобы тотъ выстрѣлялъ ему по сорокамъ. У охотника было ружье, да курка не было. «Пуръ имъ! мы и безъ курка выстрѣлимъ—пойдемъ.» Пришли они въ дворъ и стали прилаживаться стрѣлять. Насыпали побольше пороху; охотникъ сталъ наводить ружье; а хозяйинъ высѣкъ огня, зажегъ поскорѣе труту и ну, къ пороху придувать его! да какъ дунулъ хорошевыко, порохъ весь вспыхнулъ и прямо ему въ лицо. — Охъ, мои очи! пропали мои очи!» упалъ на землю. «А что, братику, погляди: осталася хотъ одна сорока на мѣстѣ?»

— «И ято досадиѣ всего,» сказала Мила; «такъ вѣрно ни одна не осталася?»

— Ну, уже, сударыня, не знаю — что не знаю.

Разговоръ свободно, не стѣсняя никого замолкъ. Потомъ, мало-по-малу, онъ снова заплелся—не такъ узорно, какъ плетутся кружева; а просто, какъ плетется чулокъ: петля за петлю и выходитъ незамѣтный рядъ, и пошли ряды и ряды, всѣ ряды похожіе одни на другіе. Хозяйство, весна, сѣнокосы, хлѣбъ—эта благодать Творца... Любно я эти серьезныя простыя бесѣды въ сосѣдскомъ міру, безъ шума, безъ лишняго хвастовства—гдѣ, какъ перлами, усыпана рѣчь: «Богъ дастъ, какъ Богъ благословитъ; какъ уродитъ Богъ. Не порости, а позерни, Господи; какъ Господь милосердый въ руки влечетъ».

Мила не любила этихъ разсказовъ; они наводили на нее если не сонъ, то постоянную дремоту скуки; но сегодня ей что-то новое дохнуло отъ нихъ. Людмила Павловна усѣлась уютно въ сторонѣ, на большомъ дѣдовскомъ ларцѣ, писанномъ цвѣтами, который парадно былъ выставленъ въ комнатѣ и занималъ мѣсто другаго дивана. Тихо она сидѣла и еще тише улегалась молодая мысль; опустившись на обѣ свои руки головою Мила. Она не видѣла передъ собою разговаривающихъ; но голоса ихъ будто лились на нее. То обдавалъ ее звучный мужской голосъ, полъ полные тоны котораго ниже опускалась ее голова; то опять слегка приподнимала ее мѣрная, шѣвущая рѣчь матери. И за этими голосами слышалась такая полная, обдающая васъ

тишина маленькаго домика, когда прислуга ушла обѣдать; всё случайно проносящіяся перерывомъ звуки имѣютъ силу не пугать, какъ-бы это было вечеромъ; а какъ-то мягко шевелить, раскрывать душу. И въ этомъ маленькомъ обаяннѣ, сложившемся изъ тишины и переливныхъ звуковъ, ведущаго мирную бесѣду, голоса—изъ тепло-грѣющаго свѣта полудня и собственнаго лучшаго обаяннѣ молодой души, раскрывающейся принять полное ощущение земныхъ благъ жизни, сложилась у Милы какая-то новая мысль, осмысленная, какъ казалось, силою простаго здраваго смысла этихъ долгослышимыхъ рѣчей.

— Однако, что же это? сказалъ наконецъ Алексѣй Леонтьевичъ. Мы заговорились и оставили Людмилу Павловну сидѣть одну. Взгляните на насъ, да скажите намъ что-нибудь, Людмила Павловна! поднялся онъ съ мѣста, чтобы подойти къ ларцу.

— «Нѣтъ, пожалуйста!» Остановила Мила. «Продолжайте вы говорить съ маменькою. Мнѣ было такъ хорошо тихо сидѣть и слушать и не слушать васъ».

— Благодарствуемъ за вниманіе. Да что хорошаго тихо сидѣть? Такъ будто и сдается, что помилуй Богъ, съ грусти. Уже какъ хотите, Людмила Павловна, а у меня такой неприятный нравъ и самъ знаю: чуть замѣтилъ, что человекъ попримолкъ, сидитъ, такъ меня будто и толкаетъ что разговорить его. Такъ что же вы намъ скажете?

— «Ничего, право», съ милой серьезностію улыбнулась Мила.

— Какъ ничего? Во всемъ, Людмила Павловна, ей-ей! самое не хорошее слово: ничего. Ну, не хотите говорить и Богъ съ вами! такъ сѣиграйте намъ что нибудь, или пропойте канареечкой.

— А! нѣтъ, сдѣлайте милость! «даже испугалась Мила, чтобы нестройными, нелѣпыми звуками своего еле-живаго фортепіано нарушить эту славную тишину, которая впервые сказала ей и будто приголубила ее молодую головку.—«Нѣтъ! пожалуйста, избавьте».

— Мила, у тебя голова болитъ? спросила мать.

— «Нѣтъ. Что вы меня спрашиваете, маменька? Алек-

сѣй Леонтьевичъ говорить, будто я грущу; вы думаете, что я больна. Я совсѣмъ здорова».

— А и говорить не хотите, Людмила Павловна.

— «Послушайте однако: это же я что дѣлаю?»

— Вотъ это-то? Много, сударыня, воды воробью по колыно!

— «Да воробью и не надо больше».

— А кто же этотъ воробей? Я т. е. старый воробей? спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— «Нѣтъ: я, я!» поспѣшно возразила Мила. «Я люблю воробьевъ».

— Э-эхъ! Людмила Павловна, нашли что любить?

— Одаря, Наталка! дѣти мои, что вы это тамъ? Накрывайте на столъ», озаботилась вдругъ пани воеводша и примолкла затѣмъ, и всѣ немножко примолкли.

— «Вотъ посмотрите, что вы надѣлали», черезъ минуту вызвалась съ шутиливой нянею Мила, глядя и не то, чтобы вовсе глядя на своего гостя. То вы такъ хорошо говорили съ маменькою и мнѣ было хорошо слушать насъ—и зачѣмъ вамъ вздумалось заняться моимъ молчаніемъ? Вотъ мы теперь и всѣ молчимъ, а стѣны насъ прекрасно слушаютъ».

— А мы васъ послушаемъ-съ, съ предовольной миною отиѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— «Т. е. вы находите, что я разговаривалась? Правда. Это я сама вижу. Говорите же теперь вы съ маменькою: а я сяду васъ слушать», подвинулась дальше на своемъ ларцѣ Мила и, будто уже внимательно слушая прислонила къ стѣнѣ свою розовую, довольно разогрѣвшуюся щечку.

— Хорошо, Людмила Павловна. Что же мнѣ вамъ такое говорить, чтобы вы пріятно слушали? спросилъ, раздумывая, Алексѣй Леонтьевичъ.

— Что хотите. Вы только знаете анекдотовъ и разныхъ случаевъ.

— Столько знаете, подтвердила пани воеводша.

— Воля ваша, Людмила Павловна! положимъ и знаю; да вѣдь ихъ не въ мѣшкѣ за собою носить: когда захочешь, не встрясешь. Бываетъ такое приключенье съ чело-вѣкомъ: что и знаетъ онъ, да не знаетъ. Иногда столько

наберется въ голову, что не знаешь, куда дѣть; а теперь что хотите, хоть въ полонъ берите: не знаю ничего.

— Я ничего особеннаго и не прошу у васъ. Говорите, продолжайте разговаривать, какъ вы говорили съ маменькою.

— О чемъ тутъ толковать? сказала пани воеводша. Безпокойствіе только наводитъ Алексѣю Леонтьевичу. Я уже и забыла, родной мой, куда насъ съ вами наша рѣчь привела? И не совѣмъ будто старѣйшій человѣкъ; а куда память не противъ прежнихъ годовъ.

— «Я-то помню», отвѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ». Привела насъ наша рѣчь къ озимой пшеницѣ пана Мокраго.

— Что же эта пшеница? какъ? спросила Мила, не теряя надежды завязать разговоръ.

— «Ничего, Людмила Павловна. Хорошая озимая пшеница».

— Т. е. это такая, маменька—что въ зиму сѣется?

— «Такая, голубка моя—что подъ зиму».

— И Мокрый ее насѣялъ?

— «Посѣялъ».

Разговоръ какъ оборвался. Алексѣй Леонтьевичъ смотрѣлъ въ окно; пани воеводша позвала опять Наталью и Одарью, чтобы накрывали на столъ.

— А вѣдь, скажите-ка вы, панъ Мокрый?... сказалъ раздумывая у окна Алексѣй Леонтьевичъ.

— «Да», сказала Катерина Логвиловна.

— Да, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Не будь у моего батюшки коня-совраска, что боялся всякой кучки земли—вотъ бы вамъ и панъ Мокрый! А славный старикъ отецъ былъ.

— «Поймалъ въ мутной водѣ рыбку и самъ выплылъ».

— А! какъ хотите, пани воеводша, я ничѣмъ не виню! На то щука въ морѣ, чтобъ карась не зѣвалъ.

— «Что это такое?» спросила Мила.

А вы не знаете? Вотъ славно!

— «Я никогда о томъ разговора не имѣю. Что такое вспоминать? Богъ съ нимъ», отвечала за дочь пани воеводша.

— Такъ стало вы, Людмила Павловна, ничего и не слышали, что было между вашимъ дѣдушкою и моимъ батюш-

кою? продолжалъ спрашивать Алексѣй Леонтьевичъ! Э! такъ вамъ же надобно разсказать. Вотъ вамъ и случай, да еще какой?

— «Алексѣй Леонтьевичъ! извините мое слово: что вамъ охота такая поднимать изъ гроба мертвыхъ?»

— Нѣтъ, пожалуйста, маменька! Они не встанутъ просила Мила. Такъ что же вашъ батюшка и мой дѣдушка, Алексѣй Леонтьевичъ? Нынче такъ всѣмъ любопытно слышать про старину.

— «И ничего тутъ любопытствующаго нѣту» даже повела рукою пани воеводша.

Жили люди лучше насъ и померли, царство имъ небесное!

— То-то и любопытно знать: какъ они жили?

— «И скажу вамъ, Людмила Павловна: славно жили по своему», входилъ въ колею разсказа Алексѣй Леонтьевичъ.

На лицѣ его обыкновенно выражалась такое ясное, открытое удовольствіе, когда онъ начиналъ разсказывать что это одно составляло уже удовольствіе слушать его.

«Такъ вотъ я вамъ докладываю», потиралъ онъ руки: вашъ дѣдушка и мой батюшка (на поминъ души ихъ) были хорошіе люди и большіе друзья между собою. Дѣдушка вашъ, Веденей Саввичъ, важный отставной воевода и теперь я еще его иногда во снѣ вижу: въ желтомъ шелковомъ кунтушѣ, сафьянные сапоги на подборахъ и что ни говорить, а усы гладить. Ну, и батюшка мой только что не воевода; а рослый, видный, молодецъ изъ себя, что право, будто подъ стать имъ люди перевелись теперь на бѣломъ свѣтѣ!—Вотъ-съ, была у вашего дѣдушки крашеная таратайка; а у моего батюшки доморослый конекъ-совраско—и мой бат и к, и вашъ дѣдушка влюбилъ этого конька: кажется, потому одному, что его не за что было вовсе любить. Простая толстоногая лошаденка и еще одно ухо, какъ жеребенкомъ совраско былъ, чужая кобыла откусила. Дѣдушка вашъ давалъ за него двухъ лошадей на выборъ, а батюшка просилъ еще одного воеводскаго усана придачу — дѣло не сошлось. Но куда бы ни ѣхалъ батюшка, или приходилось ѣхать воеводѣ, въ таратайку запрягался совраско и нужно-ли было другому изъ

нихъ ѣхать, или не нужно, они оба и вашъ дѣдушка, и мой батюшка садились въ таратайку; батюшка бралъ возжи и они отправлялись вдвоемъ на совраскѣ. Надобно же вамъ объяснить главную матерію, отъ которой сталося все дѣло. — Какая же мудрость водилась за совраскомъ? — Такъ онъ ничего не боялся; но чуть совраско увидѣлъ кучку земли — кончено! уперся передними и задними ногами, наставилъ одно свое ухо и, хоть что вы хотите, ни съ мѣста! Слѣдовало непременно кому-нибудь встать, подойти къ кучкѣ земли и покопать ее немножко палочкою. — Тогда совраско всхрапнетъ, увидитъ, что здѣсь бояться нечего и отправляется далѣе до новой кучки. Кажется, эта потѣха болѣе всего нравилась покойникамъ. — Разъ были они на пиру еще у старой панн Свѣчки на томъ концѣ Сороковки, позасидѣлись тамъ и уже покойники про то знаютъ: какъ они, съ дороги по низу да попали на гору въ степь; это, знаете, было подъ осень, что котурои начали по степи свои кучки рыть. Известно, какія у насъ въ степи дороги? Пишутъ старички вавилонны; какъ вдругъ совраско наткнулся на котуройную кучку и сталъ, не трогается. Батюшка зналъ свое дѣло: слѣзъ съ таратайки, покопалъ кучку. Не проѣхали трехъ сажень, опять кучка и съ другой стороны кучка; уже и совсѣмъ ночь; батюшка то и дѣло, что сядетъ да встанетъ; нанослѣдокъ уже и садиться пересталъ, покапываетъ по всей степи кучки. — «А, можетъ, пане воевода и вы бы не много проходу сдѣлали?» замѣтилъ сильно уставшій батюшка. — «А конь на что?» отвѣтилъ воевода. — «Да оно, пане конь на то чтобъ хозяинъ пѣшкомъ не шель» — «А что же тебѣ? Воевода пѣшкомъ пойдетъ?» — «Всякъ себѣ воевода своего огорода», замѣтилъ батюшка. — «И я панъ моей таратайки!» — «И я же панъ своему коню!» — «А что ты будешь дѣлать съ своимъ конемъ?» насмѣшливо спросилъ воевода. — «Покопай ему». — «Да мы и покопаемо», отвѣчалъ батюшка, уже досада его разобрала. «А что вы будете дѣлать, пане воевода, съ своей таратайкою?» — «Поѣду на ней» — «Повзжайте, какъ повзаете, а съ чужаго коня среди грязи долой. Выпрягъ батюшка своего совраска, слѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Остался, Людмила Павловна, — вы извините — вашъ дѣдушка ночевать въ степи въ своей таратайкѣ. Такъ онъ

всѣхъ Святыхъ молилъ, чтобы пришли волки и его съѣли— чтобы досталось вражьему сыну Затолокѣ! Но, на горе вашему дѣдушки, не съѣли его волки. Наутро нашли его невредимымъ, въ таратайкѣ спящимъ. «А что ты думаешь, брате?» пришелъ онъ къ батюшкѣ. «Я тебѣ этого дѣла не подарю. Ты меня осрамилъ на всю Сорочковку. Не погнивайся, брате, я съ тебя «безчестье» возьму. Да еще какое возьму, пане брате: чтобы ты у меня въ судѣ, при собраньи, прощенье просилъ. «Ой ли?» поднялись брови у батюшки. «Смачнаго захотѣлось пану воеводѣ.—«И дашь, пане брате. Бо скажи: какъ ты не дашь?» спрашивалъ воевода.—«Я не скажу, пане брате; а докажу...»

— А это извѣстно, Людмила Павловна,—говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: и теперь, когда простой хохомъ станетъ что *доказывать*, то онъ залѣзетъ хоть въ петлю... И вашъ дѣдушка и мой батюшка, нимало не сердясь другъ на друга, не измѣняя ни въ чемъ своихъ пріятельскихъ отношеній, завели между собою дѣло.

— «Какъ дѣло?» удивилась Мила. «Изъ чего же здѣсь заводить дѣло?»

— Вотъ легко ли, нашли заботу! Дѣло можно изо всего завести, лишь бы была охота.—«Поѣхалъ вашъ дѣдушка въ городъ, «продолжалъ разсказъ Алексѣй Леонтьевичъ: «и недѣлю слишкомъ тамъ прожилъ, пока ему писали, писали и на цѣлыхъ пяти листахъ написали: «что оный, отъ отца своего ненадежный Затолока, будучи съ нимъ въ пріятельскомъ собесѣдованіи въ-гостяхъ, дьяволу вложившу ему такую чертову думку, завезъ его ночью въ степь и тамъ бросилъ, и что кромѣ всякаго поруганія и посрамленія, и обиды чиненія тѣмъ паче для воеводской чести—и душегубства разныя души христіанской могли изъ онаго воспослѣдовать, яко и усмотрѣть можно: волкамъ нашедшимъ и приключившуся вору, и всякому хотѣнію лихаго человѣка предѣлъ не есть положенъ, а тѣмъ паче ночью...»

Мила любопытно смотрѣла во всѣ глаза, едва схватывая смыслъ этихъ рѣченій.

— Что же это такое? сказала она. Я не вовсе понимаю. Здѣсь будто выходить...

— «Гдѣ вамъ, Людмила Павловна, выходить? Тутъ уже совсѣмъ вышло, что моего батюшку едва ли не обвинили въ томъ, что онъ имѣлъ покушеніе на жизнь воеводы.— «А что ты тамъ, пане брате, накрутилъ на меня?» спрашивалъ батюшка—какъ я теперь могу понимать, говорилъ Затолока; то онъ очень доволенъ былъ тѣмъ, что дѣло пошло такъ широко».

— Но мой, дѣдушка! даже немного смутилась Мила... Какъ онъ могъ обвинять...

— «Что? Богъ съ вами, Людмила Павловна» говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ. «У него и въ помысленія не было. А бѣсъ ихъ знаетъ, что тѣ судейскіе писаки пишутъ? говорилъ онъ, уже хорошаго ничего не напишутъ: не таково ихъ созданье. И мой батюшка, и вашъ дѣдушка прискакали себѣ по «писули», какъ они называли своихъ повѣренныхъ и сказали имъ на-крѣпко: что вотъ *таке дило*: одинъ—чтобъ панъ Затолока попросилъ у него прощенье—непремѣнно. Хочетъ онъ того и ничего больше не хочетъ! а панъ Затолока объявилъ: что пока онъ живъ будетъ, не попросить! Такъ онъ и сдѣлалъ: умеръ и не попросилъ—а чтобы прочее писули дѣлали, какъ знаютъ; то уже ихъ было дѣло... И повезли писулямъ изъ Вербовки и изъ всѣхъ Кутковъ (потому что Кутки когда-то всѣ Затолоковскіе были) повезли муку и пшено, и сало и масло съ яйцами; боченками наливки, кадочками меда. Помню, съ улыбкою говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, покойницѣ матушкѣ не такъ того было жаль, что въ кадочкахъ, какъ самихъ кадочекъ. Было у нашихъ отцовъ, Людмила Павловна, земли довольно—всякія угодыя по Сороковкѣ; ваша Лисья-балка была... Какое насѣчное мѣсто въ лѣсу, подъ Ворсклою, съ лугами по ту сторону было у моего батюшки! Такъ я вамъ говорю, Людмила Павловна: будь оно теперь у меня, я бы васъ силою посадилъ и повезъ посмотреть, что тамъ за рай душѣ былъ!.. «А уже насѣчка-то фить-фить-фить!» привистывалъ вашъ дѣдушка воевода.—«А уже Лисья балка фу, фу, фу!» отвѣчалъ батюшка. «А что, пане брате, мы давно не знаемъ: что тамъ тѣ писули на насъ понаписали? Поѣдемъ, провѣдаемъ—и вдвоемъ они сѣлились въ таратай-

ку и отправлялись на совраскъ. И этакъ они семь лѣтъ ѣздили вмѣстѣ судиться!»

— «На ту пору Мокрый вышелъ изъ службы», говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ;» и привезъ одну ту несчастную тысященку разгоренныхъ денегъ. Нашимъ, Людмила Павловна, то и пало на руку Писули, что ни дальше, все больше подавай имъ денегъ... Разъ чуть, чуть было ни рѣшилось дѣло, что батюшкѣ прощенье просить. Онъ пошелъ къ Мокрому: «брате, бери насѣчное мѣсто хоть за даромъ—что хочешь давай, только не погуби моей головы». Далъ Мокрый одну сотню, какъ теперь знаю, синими бумажками,—дѣло перевернулось. Начались опять справки да выправки. Воевода видитъ, что плохо: дѣло изъ рукъ ушло—онъ къ тому же Мокрому: «Бери Лисью балку». А отчего человеку не брать, когда ему вольной волей даютъ, да онъ еще свои деньги приплачиваетъ? Позабиралъ у насъ Мокрый всѣ наши хорошія мѣста по Сороковкѣ; вишневыя сады, конопляники, огороды съ вербами; пообрѣзали наши кругомъ всю свою землю; да это еще батюшка на седьмой годъ въ концѣ умеръ...»

— И царство ему небесное! повершила пани воеводша, которую видимо томили эти тяжелыя бычины прошлаго. Она все время молчала.—Алексѣй Леонтьевичъ! борщъ настоль простынетъ... Такъ, чтобы не вспоминать уже, выкушайте водочки, да и Богъ съ нимъ, что было!

— «Такъ вотъ что! «сказала не много подумавши Мида...» Однако я еще пользуюсь Лисей балкою. Я тамъ барвинокъ рву.»

Дитя дѣтское и разсуждаетъ... Пожалуйте, гость мой дорогой! попользуемся обѣдомъ, какой намъ Богъ послалъ.

Удивительно, какъ иногда простота можетъ замѣнить самое утонченное искусство—простота силы простаго, вѣрнаго ума. Начто было щекотливѣе положенія Алексѣя Леонтьевича? Отверженный женихъ и еще такъ рѣзко, безпощадно отверженный: «такой старый!» сказали ему. И самый искусство умбющій изворотиться человекъ, ловкій на слова и довольно ловкаго ума, обдержаннаго привычкой общества, постыдился бы чрезъ три дня послѣ отказа явиться въ домъ и быть тамъ тѣмъ же, чѣмъ и былъ прежде:

разговорчивымъ, дѣльнымъ и вмѣстѣ веселымъ, занимательнымъ собесѣдникомъ. Алексѣй Леонтьевичъ чрезвычайно выигралъ во мнѣніи Милы.

Безпокойство ея тотчасъ стихло, когда она только взглянула на довольную и еще какъ бы немножко самодовольную улыбку Алексѣя Леонтьевича. Она перестала упрекать себя въ чемъ бы то ни было и рада его вольной, не приостановленной извѣстнымъ случаемъ, развязной говорливости, дававшей ей полную свободу тоже быть вовсе не стѣсненной. Но за первыми мыслями очень часто слѣдуютъ вторыя и бываютъ довольно противоположными первымъ.

Не въ первый, а можетъ быть, въ сто первый разъ слушала Людмила Павловна рассказы и разговоры Алексѣя Леонтьевича. Особеннаго ума въ нихъ не было; но теперь положеніе свободнаго разскащика заставляло повнимательнѣе вслушиваться въ его слова. Въ нихъ являлась занимательность отъ совершенно посторонняго случая—особенно отъ этой маленькой улыбки, съ которою господинъ какъ будто находилъ удовольствіе намекать на свое печальное отверженіе. Это придавало оригинальную физиономію его рѣчамъ, выраженіе его глазамъ; возбуждало нѣкотораго рода любопытство; а извѣстно что такое маленькое любопытство въ женщинѣ? Мила немножко заинтересовалась Алексѣемъ Леонтьевичемъ по совершенной женской причинѣ: потому, что онъ казался не довольно заинтересованъ ея отказомъ.

Обѣдъ прошелъ чрезвычайно занимательно, обвѣянный веселой свѣжестью разсказа Алексѣя Леонтьевича о памятной проказѣ его дѣтства. Это было въ связи съ тою палкой, которой лишилъ его батюшкынъ любимый конекъ совраско. И какъ былъ отъ сердца милъ, и задушевно веселъ Алексѣй Леонтьевичъ, размахисто, жестами рисуя старые дубы, при—повалившіяся по лѣсу колоды, густую лозу и эту ступу, которую онъ поджегъ, выдолбленную посреди наѣвки въ вѣковомъ пнѣ... Этотъ отблескъ дѣтской свѣжести, радости, дѣтскаго горя на волосахъ мелькающихъ сѣдиною, какая неувядаемая поэзія человѣческой души!

Алексѣй Леонтьевичъ превосходно рассказывалъ; да и было же что рассказать: въ глуши надъ Ворсклою, на мѣстѣ нѣсколько возвышенномъ, ниже запушенномъ лозами,

въ прорѣженныхъ дубовыхъ кустахъ—словомъ: въ томъ затаянномъ прилѣсьи, которыя въ малороссійскихъ пѣнахъ зовутся «темными лугами по надъ берегами,» стояла ихъ насѣлка. И дѣдъ сидѣлъ на насѣлкѣ, и дубъ когда-то стоялъ посреди насѣлки; отъ него остался мохнатый пнище, выдолбленный и выжженный внутри ступою и къ ступѣ, на желѣзной цѣпи, прикованъ былъ толкачъ. Какъ и сказать, что толклось и растиралось въ этой ступѣ?—Порохъ.—Отецъ Алексѣя Леонтьевича былъ большой охотникъ, много стрѣлялъ и, для своего обихода, самъ мастерилъ себѣ на насѣлкѣ порохъ; дѣдъ-насѣчникъ помогать ему; сынъ, десятилѣтній мальчикъ, здѣсь же все зналъ и видѣлъ. Разъ въ сѣнокосную пору отецъ былъ по сторону на лугахъ съ гребцами. Дологъ, жарокъ іюньскій день! птица не очнется, не отзовется по залѣсью. Сывишка-проказникъ бѣгать набѣгался и спать выпался, и даже ѣсть всего набѣлся; два раза былъ у отца, переплывалъ вплавъ и на лодкѣ рѣку; одинъ разъ подкрался, чуть было не схватилъ за хвостъ дикаго селезня и опять воротился на насѣлку—ничего дѣлать. Вотъ уже стало немного вечерѣть; шелохнулись по камышамъ утки и дѣдъ выползъ изъ куреня къ своему огнищу. Ничего ребенку дѣлать. Передъ нимъ ступа и прикованный къ ступѣ толкачъ—и дѣдъ вѣдъ смѣшной: поставь его на ноги, онъ семь верстъ до Сороковки, не присядясь, пройдетъ; а чуть сѣлъ, не поднимется съ ровнаго мѣста... «А что? дѣдъ сидитъ, разводитъ огонь... Дай я подожду ступу: посмотрю, какъ дѣдъ станетъ подниматься?» И обрадованный мальчикъ, что нашлось ему дѣло, забѣжалъ по за кустами, схватилъ пылающую головню, что дѣдъ и не примѣтилъ, и пустилъ ее швыркомъ въ ступу; а самъ однимъ махомъ очутился въ дальнихъ лозахъ и присѣлъ. Посыпались искры, упала головня въ середину ступы—какъ загудеть что-то по лѣсу, какъ сорвется съ желѣзной цѣпи толкачъ и ну! невидимой силой колотить по одному улью, по другому! и девять ульевъ въ рядъ положилъ—и какъ зашевелится земля вмѣстѣ съ жужжаньемъ пчелъ, какъ рванется ступа съ корнями вонъ... всполохнулась вся птица изъ лозъ и камышей. Трескъ и громъ, и ступа жжи-и! И какъ вѣдьма полетѣла по воздуху. Вокругъ лѣсъ осыпался на деревьяхъ... Бѣдный

дѣдъ, въ первую минуту совсѣмъ ошеломленный, метался ползкомъ туда и сюда, стараясь подняться на ноги, попалъ въ свою яму съ огнищемъ, едва не спекся; на четверенькахъ доползъ до перваго дерева, обхватилъ его обѣими руками и здѣсь уже вскочивши на ноги, пустился дѣдъ бѣжать прытче молодого. Но шалуну изъ всей ожидаемой потѣхи недосталось ровно ничего: онъ самъ, на половину живъ, на половину мертвъ, забился въ кусты и ночевалъ тамъ. Отецъ на сѣнокосѣ, по первому треску и грому, объявилъ: «Глядите! Это не что больше, какъ мой Алексѣй ступу подпалилъ.» И вызывая онъ сына изъ кустовъ ласкою и грозой, общалъ ему и ступу простить. «Да выходи! гдѣ же у бѣсова сына запрятался, Алексѣй? тебя волкъ съѣсть.» Но Алексѣй не явился. И только на другой день къ вечеру, когда отецъ выманивая его всѣми способами изъ засады, сказалъ громко: «Вотъ спасибо, дѣдъ, нашей любой пани; прислала намъ пироговъ съ макомъ на ужинъ...» Тогда Алексѣй выставилъ изъ кустовъ голову...

— «Довольно» улыбаясь, слегка похлопывала въ ладони Мила. «Вы остановите здѣсь, Алексѣй Леонтьевичъ, вашъ рассказъ: какъ вы выставились изъ кустовъ за пирогомъ съ макомъ. Это превосходно.»

— Да нѣтъ, не довольно. Зачѣмъ же я остановлю рассказъ? Я еще буду продолжать.

— Пожалуста...

— Да чего вы боитесь?... Э, тэ-тэ? Людмила Павловна! Вы думаете то... а! т. е. того—что лозы-то кругомъ росли? Нѣтъ-съ, докладываю вамъ: извините-съ! не было того увѣрялъ Алексѣй Леонтьевичъ. А батюшка просто легонько потянулъ меня за ухо и сказалъ: «удалой хлопецъ! уже въ пушку научился стрѣлять. А счастливъ ты, сыну, что не попался мнѣ вчера... Да тебѣ за сегодняшнее надобно еще лучшаго лозана дать!» напустился вдругъ на меня батюшка—я не понималъ за что? сказывалъ Затолока. «Поганецъ ты! дурень не хлопецъ! Какъ назвали тебѣ пирогъ съ макомъ, такъ ты и вылѣзъ; а не могъ ты самъ съ собою разсудить: развѣ сегодня постный день, чтобы тебѣ мать пироги съ макомъ пекла? Ты бы еще отцу сказалъ. «подожди, тату, до пятницы; не засмагуи усовъ,» или какъ нибудь по другому; а то-смотрите видѣли дурня и лѣ-

зеть изъ кустовъ!.. Эй, Алексіе! смотри: за ступу простилъ, а уже за пирога съ макомъ дважды не прошу.»

Такъ прошелъ обѣдъ. Вставая изъ-за стола, пани воеводша, съ обычными извиненіями, чтобы не погнѣвались на ея простую хлѣбъ-соль, предложила гостю :

— «А чтоже, Алексій Леонтьевичъ? какъ вы положите? По Сороковскому чину вѣдь оно такъ: послѣ обѣда отдыхъ принять слѣдуетъ. А тамъ вы встанете, опочивши немного и кофій у меня будетъ готовъ.»

— Нѣтъ, пожалуста, пани воеводша! просилъ Алексій Леонтьевичъ. Пусть я лучше не приму отдыха. А мы, позвольте, распорядимся такъ: можетъ, вамъ и отдохнуть угодно; нахлопотались вы по хозяйству съ зари и всякое дѣло и распоряженіе въ домъ есть; вы же уѣзжаете—надолго уѣзжаете, пани воеводша?

— «Такъ-Богъ его знаетъ, какъ выпадетъ; а недѣли на полторы будетъ»

— Вотъ видите. А кто только домою не живалъ, тотъ не знаетъ, сколько въ немъ дѣла. Пожалуста, чтобы я не былъ вамъ помѣхою. Извольте итти себѣ: отдохайте, распорядитесь, кончайте всѣ дѣла до одного и тогда, какъ покончите, пожалуста и на отъѣздѣ побесѣдуемъ, и кофій свой оставьте, право. Мы лучше послѣ по старинному, какъ отцы наши любили, подъ яблонью чаю напьемся—вотъ это такъ.—Оно-то и все такъ. Алексій Леонтьевичъ, коли вы хотите: да какъ-же я васъ оставлю одного.»

— Вотъ маленькій-то ребенокъ, съ печки убьется!.. Да и не одного же меня: вотъ у васъ Людмила Павловна, молодая хозяйка, есть... Можетъ, у Людмилы Павловны свои дѣла есть? И прекрасно. Всякой дѣлай свое дѣло, и я себѣ найду дѣло. Пойду посмотрю лошадей и своихъ, и вашихъ.

— Посмотрите, сдѣлайте одолженіе... Вотъ такъ мы и разойдемся? нервнительно сказала хозяйка.

— И разойдемся, пани воеводша; я только картузь возьму... И вы, Людмила Павловна, за свои дѣла?

— О! у меня большія дѣла; провнесла Мила, обрывая вѣточку своего полузавядшаго барвинка.

— Я думаю, подсказала, уходя, пани воеводша.

— А вы, что же не идете за своимъ дѣломъ?

— Да я уже, Людмила Павловна, картузь взялъ.

— А теперь берете сигару? Это, однако выйдет маленькое замедленіе.»

— Э! да какія же вы прилежныя, Богъ съ вами, Людмила Павловна! И одной минуты не хотите дать человѣку прогулять.

— «Это же вы распредѣлили такъ: всякой дѣлай свое дѣло.»

— Ну-те; а вы же какое будете дѣлать?

— «Свое.»

— Э! да еще какое славное могло бы быть за вами дѣло... Иду, Людмила Павловна.

— «Однако Алексѣй Леонтьевич!» смотрѣла въ слѣдъ ему, забавно улыбаясь Мила.

Она осталась одна въ тишинѣ ненарушаемой своего маленькаго домика. Въ окно видно было, какъ на дворѣ суетилась мать; переходила изъ кладовой въ амбаръ и въ ледникъ; за нею носили мѣшки и разныя кадочки... Ходила по комнатѣ Мила, нося за собою маленькое недовольство: что ей нечего было дѣлать. Подошла она къ фортепіанамъ. Людмила Павловна играла очень хорошо: но фортепіано, ненастроенное съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ оно поступило въ Сороковку, съ разбитымъ басомъ и недостающими струнами, съ какимъ-то старческимъ дребезжаньемъ по клавишамъ вмѣсто звуковъ—на первомъ аккордѣ стала музыкантша и задумалась, сидя за своимъ инструментомъ. Есть очень нелегія думы, которыя выражаются легонькой улыбкой... Почти полчаса за фортепіанами Мила, не принимая рукъ съ пожелтѣвшихъ, изъѣвшихъ, клавишей—тихая, милая. Какою мыслию горѣли ея опущенныя глазки, прикрывшіяся длинными рѣсницами? По-крайней-мѣрѣ эта мысль пробуждена была тѣмъ самымъ ощущеньемъ, на которое я указывала: «Когда въ тихую комнату, слышишь, идетъ-входитъ человѣкъ; прислушиваешься, какъ онъ ступаетъ...»

— «Дѣло идетъ!» сказала Мила, не перемѣняя своего положенія; но съ освѣжившейся улыбкою, вслушиваясь въ отголосокъ свободной, несдерживаемой походки смѣло входящаго Алексѣя Леонтьевича.

— А! вотъ вы и за вашимъ дѣломъ, Людмила Павловна.

— «Ошибаетесь: только *передъ* дѣломъ. Это большая разница.»

— Какая разница?

— «Довольно ощутительная: сидѣть за фортепіано и играть на фортепіано.»

— Развѣ вы все это время не играли?

— «Сидѣла,» сказала Мила.

— Только?

— «Какъ видите, не больше.»

— Фить, фить!—комически просвисталъ Алексѣй Леонтьевичъ.—И теперь не сыграете, когда васъ попросятъ.

— «Не сыграю.»

— Что такъ?

— «Такъ.»

— Такъ, чтобъ я и не слышалъ, какъ вы поете и играете!

— «Именно такъ... Посмотрите, пожалуйста—ну, послушайте! «въ нетерпѣнны ударила рукою по клавишамъ Мила.» Можно ли играть на такомъ разбитомъ, изувѣченномъ скелетѣ? Это все равно, что калѣку недвижимаго заставлять плясать... Съ вашего согласія, Алексѣй Леонтьевичъ,—за то, я сего дня въ другой разъ грубо отказываю вамъ—позвольте мнѣ не только не играть, но даже не сидѣть за фортепіанами.»

Встала Мила и пересѣла на диванчикъ.

— «Что же вы стоите? Садитесь, прошу васъ.»

— Гдѣ прикажете, Людмила Павловна?

— Вотъ вопросъ! Гдѣ вамъ угодно... только, если вы рѣшились просить моего указанія, сказала Мила, пожалуйста не тамъ. Алексѣй Леонтьевичъ—не подъ канарсскою. Во-первыхъ: она осыплетъ васъ своимъ сѣмемъ и обрызжетъ водою; а потомъ—право, это такъ невольно напоминаетъ Якова Ивановича Тривля и какъ онъ поетъ:

Канаречка любезна.

Утѣшай хоть ты меня.

Пропѣла немного Мила.

— Прекрасно! чудесно!—и еще бы что говорилъ, да смѣлся Алексѣй Леонтьевичъ.—Такъ, если не садитесь подъ

канареечкою, позвольте мнѣ уже здѣсь сѣсть возлѣ столика, напротивъ васъ. — Первое-то куда ни шло, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, усѣвшись, гдѣ онъ говорилъ; — пусть брызжетъ водой канарейка, не замочить; а второе, Людмила Павловна — чтоже? вѣдь и мнѣ, какъ пану Трилю приходится зацѣвять:

Канареечка любезна,
Утѣшай хоть ты меня!

— «Никогда!» сказала, немножко краснѣя, Мила; но живо, съ прекраснымъ, открытымъ взглядомъ открыто выражаемой мысли. Вы слишкомъ умны Алексѣй Леонтьевичъ и всегда найдете, чѣмъ утѣшить себя гораздо большимъ канареечки.

— Положимъ и такъ, Людмила Павловна, что я уменъ; да развѣ умъ во всемъ утѣха?

— Во всемъ, Алексѣй Леонтьевичъ, во многомъ; по крайней мѣрѣ, какая же утѣха можетъ быть безъ ума?

— Ахъ! хорошо-съ, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ... Т. е. продолжалъ онъ, подумавши: я говорю, Людмила Павловна: этотъ столъ липовый? А вы мнѣ отвѣчаете: какая же комната будетъ безъ стола?

— «И вы напрасно меня спрашиваете, почтеннѣйшій Алексѣй Леонтьевичъ: липовой ли онъ, или другой какой? Я, право, ничего не знаю»... И сдерживала свою улыбку, и никакъ не могла сдержать ее, разсмѣялась Мила.

Улыбнулся и Алексѣй Леонтьевичъ... Смѣхъ заразительнѣе, или нѣжная, граціозная пріятность смѣющейся Милы вызвала эту добрую, тихую улыбку въ его свѣтящіеся глаза. Смотрѣлъ онъ на Милу.

— Смѣйтесь же, смѣйтесь, Людмила Павловна, повеселѣе. Я подожду, пока вы пересмѣтетесь. Что-то бы сказать вамъ надобно, чтобы случая какого не вышло.

— «Что такое?»

— Вотъ уже у васъ и смѣха не стало! Какъ это все живо, посмотришь: и разсмѣются и не смѣются.

— «Да что такое, Алексѣй Леонтьевичъ?»

— Вамъ очень нужно туда ѣхать, куда вы ѣдете?

— «Очень. А вамъ начто?»

— Пошли вопросы!.. Чтобы узнать, можно ли вам отложить поѣздку?

— «Нельзя.»

— А какъ надобно будетъ отложить?

— «Вовсе не надобно. Мы завтра ѣдемъ.»

— Хорошо, Людмила Павловна. А какъ вы будете ѣхать, ѣхать да и дорога вся, т. е. дорога-то и будетъ передъ вами, да вамъ не на чемъ будетъ ѣхать по дорогѣ?

— «Почему?»

— А вотъ-съ потому... Слыхали вы про такую штуку: гайка?

— «Гайка? Это что-то тамъ, маленькое, у колеса?»

— Оно маленькое, да стоитъ большаго.

— «Ну-те, Алексѣй Леоптьевичъ: пока я еще, ни большаго, ни маленькаго, ничего не вижу. Въ чемъ дѣло?»

— А въ чемъ-съ дѣло? Какъ ходилъ я смотрѣть своихъ и вашихъ лошадей, и бричка ваша выдвинута изъ сарая, въ которой вы поѣдете, я и ее осмотрѣлъ... Ненадежна? Вѣдь вамъ верстъ восемьдесятъ ѣхать? И всѣ гайки посвертелись, никуда: а одна на заднемъ колесѣ просто потому только и держится, что тамъ грязи да мази подъ нее набилось; а очистится, разогрѣется мазь въ дорогѣ, бѣда!

— «Пожалуйста, не пророчьте, Какая же бѣда?»

— Такая: что гайка спадетъ и колесо спадетъ.

— «А Еремей гайку подниметъ, колесо надбьетъ, мы и поѣдемъ.»

— Вы шутите, Людмила Павловна: а съ этимъ въ дорогѣ шутить неловко. А какъ бричка и сами вы попадаете? Все Еремей будетъ поднимать? А лошади дрогнуть да понесутъ?

— «Наши?» съ маленькимъ юмористическимъ изумленьемъ спросила Мила. «На этотъ счетъ я совершенно покойна.»

— Да что вы покойны! Говорятъ люди: на дорогѣ найдешь мертвую лошадиную голову и той не доверяй! Не зануздавши, не ѣзди.

— «На мертвой головѣ?»

— Вотъ то-то и есть! А не то, чтобъ доверять живой тройкѣ.

— «Да вѣдь это наша тройка, Алексѣй Леонтьевичъ. Вы судите по своей.»

— Эхъ! Да не говорите же мнѣ, Людмила Павловна!

— «Только вы, пожалуйста, не говорите этого маменькѣ,» сказала Мила. Поѣхать мы все-таки поѣдемъ, не посмотримъ на пустую гайку. Намъ откладывать никакъ нельзя. Черезъ два дни Леня именинница, да маменька меня за руку поведетъ, если бы я сама не захотѣла идти. Вы только этимъ прибавите суеты и безпокойствъ, поднимете совершенно напрасную тревогу... Я прошу васъ, Алексѣй Леонтьевичъ.»

Вздвигнулъ плечами Алексѣй Леонтьевичъ.

— «Что вы такъ удивляетесь, право!» Убѣждала Мила. «Вѣдь мы сколько времени ѣздимъ въ этой бричкѣ и въ прошломъ году ѣздили.»

— Да, Людмила Павловна! Вѣдь и человѣкъ живетъ, живетъ, пока умретъ. Вы вспомните, сколько она на своемъ вѣку ѣздитъ? Пора ей вовсе перестать ѣздить.

— «Ахъ, Алексѣй Леонтьевичъ! Пусть еще разъ съѣздитъ.»

— Ну-те, Людмила Павловна, напрашиваетесь вы сами на бѣду.

— «Да нѣтъ... Разсудите вы и такъ: все равно въ Сорочковкѣ некому починить брички; а тамъ кузнецы и слесаря намъ въ одинъ мигъ ее справятъ... Видите, доказательно улыбалась Мила, для самой брички намъ необходимо ѣхать и повѣрьте, что, ради собственной пользы, она преисправно доведетъ насъ.»

— Довезетъ! доведетъ!

— «Да, наконецъ, если бы и не довезла? Что это, въ самомъ дѣлѣ? Поѣдешь и пріѣдешь, и больше ничего?»

А какъ, Людмила Павловна? Такъ вы хотѣли бы поѣхать и не пріѣхать?

— А это васъ чрезвычайно удивляетъ? Да. Отчего не испытать чегонибудь? И сего-дня живешь такъ, и завтра такъ это наскучить жить. Надобно, чтобы подтолкнуло чтонибудь. А со мной еще въ жизни никакого происшествія не было ни самаго маленькаго.

— И дай Господи, чтобы во вѣкъ его не было!

— «Прекрасно однако же... Я не говорю за вами ва-

шей молитвы. Развѣ съ вами самими не было никакихъ приключеній въ жизни?»

— Избавилъ Богъ. Никакихъ, слава Богу.

— «Какъ можно? Вы столько ѣздили по разнымъ дорогамъ, на Дону были и по Черноморью и чтобы съ вами никогда ничего не случилось? Это невѣроятно.»

— Что же у насъ-то, Людмила Павловна, въ Россіи можетъ случиться? Ничего такого. Разбойниковъ въ поминѣ нѣтъ. Воришка развѣ стянетъ что, или метель замететъ, вотъ только и всѣ происшествія. Правда... Разъ будто и хотѣло что случиться... Да отошло, благодарить Бога, ничего не было.

— «Что же это такое, что хотѣло съ вами случиться? Вамъ можно рассказать, Алексѣй Леонтьевичъ?» Съ легинькимъ движеніемъ головою спросила Мила.

— Оно можно-съ, отчего нельзя. Да любопытнаго ничего нѣту... т. е. для меня-то оно и очень любопытно: что это первая моя, какъ есть, поѣздка была попытка по торговому дѣлу... Помолодить вы меня хотите, Людмила Павловна, этимъ разговоромъ, замолчалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

.... Истинное диво какое! Сказалъ онъ, подумавши. Вспоминается какъ, будто все и недавно было; а какъ перечесть года—Господи, Твоя воля! Сколько жизни утекло... Чтожъ? говорить вамъ, что ли, Людмила Павловна?

— «Если только это не наведетъ васъ на какія нибудь тяжелыя воспоминанія, Алексѣй Леонтьевичъ,» съ доброю тихаго участія сказала Мила. «Въ послѣднемъ случаѣ будь вашъ рассказъ занимателенъ, какъ лучшая книга, не говорите мнѣ его.»

— И, Людмила Павловна! Черезъ пятнадцать, шестнадцать лѣтъ, какимъ быть слишкомъ тяжелымъ воспоминаніямъ? Все перемелется, мука будетъ...

— «Въ ту пору, правда, было то время тяжелое для меня. Схоронилъ я свою матушку,—спитъ, родная, у церкви... Съ нею я будто еще и богатъ былъ; а какъ воротился съ похоронъ, сѣлъ одинъ въ углу, да взглянулъ вокругъ: пусто; такой я себѣ показался горюнь, бѣдная моя доля, несчастливая! Панскія мои горенки, смотрю, покосились; оглядѣлся, такъ у меня земли и на квасъ нѣтъ.

Живи тутъ, какъ поживется, какъ молодой головѣ надумается! А молода моя голова была, Людмила Павловна; сидѣлъ на мнѣ не плохо офицерскій мундиръ... Надумалъ я такъ: голова и руки есть, не пропадать же человѣку даромъ. И началъ я ко всему присматриваться, и прислушиваться: какъ люди живутъ и чѣмъ промышляютъ. Гдѣ на ярмаркѣ два купца толкуютъ, а уже третій я слушаю тамъ, и взялъ я себѣ за законъ правило:

Во веселыхъ во бесѣдахъ

Не засиживайся;

На хорошихъ, на пригожихъ

Не заглядывайся.

Некогда волю давать глазамъ... Скоро свелъ меня Богъ съ истинно хорошимъ человѣкомъ, теперь моимъ большимъ пріятелемъ, купцомъ Матфѣемъ Ивановымъ Скорняковымъ. Вы бы на него, Людмила Павловна и не взглянули; а человѣкъ что за душа дорогая! Вели ему Богъ на свѣтѣ пожить. Началъ онъ мнѣ совѣты давать, ободрять... «Что жъ? Что съ ничего приходится начинать? Абы воли Божья, и большимъ чѣмъ доведется кончить. Что вотъ такъ и отецъ его: купилъ шапку да продалъ, съ того и торговать пошелъ..» Такъ-то вотъ я, Людмила Павловна, чужимъ умомъ наставляемый и своимъ не плошая, началъ изворачиваться: чтобы мнѣ какую ни на есть себѣ маленькую копѣйку сбить, чтобы было чѣмъ взяться, прислонить руки къ чему. Отъ похоронъ матушки остался у меня цѣлковый рубль, да два старыхъ пятака, вся казна моя. На этотъ рубль купилъ я по Сороковкѣ четвертей семь овса и къ тому купилъ, что была у меня офицерская тройка лошадей. Вотъ я и началъ ее откармливать. Выхолилъ, вычистилъ, вывелъ ее на ярмарку; моя тройка играетъ, какъ солнышко, продалъ! Здѣсь же себѣ другую тройку купилъ и, не сводя съ ярмарки, съ барышами продалъ. Лошадь свою верховую продалъ, перекупилъ ее и опять, сердечную, продалъ. Часы свои, серебро, какое мнѣ досталось, процѣнкамъ заложилъ и перекрестился я: слава Тебѣ, Господи! на тысячу рублей ассигнаціями собралось у меня денегъ, что можно и счастья попытать. Вотъ эту послѣднюю

ночь на выѣздѣ не спится мнѣ, Людмила Павловна, и лѣтняя ночь, да никакъ ее не скоротаю; думы меня разбираютъ. Всталъ я куда до зари, помолился въ родномъ углу... «Эхъ, тысяча моя, тысяча!» Думаю. «Тутъ все, что есть моего. Только самого себя не продалъ, да процѣнку душу не заложилъ. Оборвусь и не за что разу зацѣпиться.. Э! подумалъ: воля Божья! Что будетъ, то будетъ. Уже утопиться не утоплюсь... Запрягай, ѣдемъ. Выѣхали мы, еще и свѣтъ не начиналъ брезжиться; минуемъ церковь, вздумалось мнѣ: пусть-ка отецъ Стефанъ проснется, панихидку мнѣ на могилѣ матушки отслужить. Въ самомъ дѣлѣ! Приниматься за такое важное дѣло, что т. е. жизнь твоя въ томъ и не помянуть родителей. Ровняемся мы съ домосѣдствомъ отца Стефана, (уже онъ тогда вдовъ былъ) соскочилъ я, чтобъ постучать въ окно; а у него окно и на дорогу совсѣмъ открыто, и только ряской его занавѣшано. На сколько я могъ, пролѣзъ къ нему въ окно «вставайте, отецъ Стефанъ!» бужу его «панихидку служить.» «А требникъ гдѣ?» не разобравши, спрашиваетъ онъ меня. «Да то вашъ пономарь долженъ знать,» говорю, «а я Затолока.» Всталъ онъ, спасибо ему; требникъ мы нашли; а пономарь куда-то запропастился, не нашли его. «Да что? Я вамъ самъ сослужу за пономаря и прочитаю не хуже его,» говорю я отцу Стефану. «Пойдемте. «Пришли мы въ ограду; отворили церковь; достали, что было нужно; затеплили свѣчу, я раздулъ угольевъ въ кадило; а ночь, Людмила Павловна, тихая ночь! Что свѣча прямо на могилѣ, поверхъ креста прилѣплена, горитъ. Т. е. какъ вамъ сказать: я будто до тѣхъ поръ въ первый-то разъ и въ послѣдній на своемъ вѣку слышалъ, какъ служится панихида... Умилился отецъ Стефанъ. Сначала старикъ, какъ по привычкѣ, началъ было скоренько читать, но потомъ все тише и тише, будто самъ онъ вслушивался въ свое каждое слово и скажу вамъ: что и ночь вокругъ насъ, и небо кажется, и всѣ святые съ неба слушали насъ! Потекли у старика слезы на требникъ; я тоже въ слезахъ стою; начали мы пѣть *вѣчную память*; а соловей съ нами поетъ, поетъ да такъ сладко переливается, что у насъ своихъ голосовъ не стало... И слова мы не

сказали другъ съ другомъ; обнялись крѣпко на могилѣ, да такъ и разстались молча.»

И замолчалъ Алексій Леонтьевичъ, и Мила тоже ни слова не говорила; канареечка одна посреди тишины тихонько высвистывала.

— «Вотъ такъ я вамъ, Людмила Павловна,» не смотрѣлъ, кому говорилъ онъ, «вызвался говорить одно; а наказыль совѣмъ другаго. Чаятельно, васъ въ скуку ввель, простите великодушно. Я уже ничего больше говорить не буду.»

— Алексій Леонтьевичъ! Отозвалась Мила! а если я вамъ скажу: нѣтъ! Вы не ввели меня въ скуку и вы сами взглянете и увидите, что это такъ вы станете мнѣ продолжать? Скажите мнѣ.

— «Ахъ, Людмила Павловна! голосокъ вашъ сладко, какъ тотъ соловей поеть... Что вамъ угодно: начинать ли, продолжать ли? Я бы передъ вами всю свою душу открылъ.»

— Какъ жарко!.. Позвольте, пожалуйста, я принесу холодной воды для себя и для васъ. Я васъ поподчую вареньемъ... Ускользнула Мила.

— «Вотъ тутъ-то лови такое легкое!» указалъ ей въ слѣдъ рукою и махнулъ Алексій Леонтьевичъ.

Мила воротилась, неся собственноручно на подносѣ ледъ, воду и банку съ вареньемъ.

— Приглашаю васъ, сказала она. Чѣмъ вы безцеремоннѣе, достаточнѣе, будете кушать, тѣмъ болѣе я увижу, что вы цѣните мое угощеніе.

— «Хорошо, Людмила Павловна. А какъ я, подаваясь на ваши слова, да цѣлую банку съѣмъ?»

— Только оставьте мнѣ въ стаканъ немножко, размывалась своей хорошенькой улыбкою Мила. Ничего, кушайте. Это будетъ мое вознагражденіе вамъ за ваши рассказы.

Я не берусь отрицательно утверждать, чтобы здѣсь все не было маленькаго кокетства, чтобы цѣтокъ не какъ пѣвчая птичка не пѣла и хорошенькая дѣвушка не желала нравиться, за немнѣиѣмъ какого другаго, хотя бы тому самому, кому она вовсе не хотѣла нравиться. Къ тому же у Милы этотъ процессъ жизненнаго отправления

женщины совершался такъ просто, легко, безъ малѣйшей натяжки, я думаю потому именно, что въ настоящую минуту ее живо шевелило маленькое чувство. Ея представленью нравился молодой Алексѣй Леонтьевичъ, ничего у него нѣтъ; но онъ рѣшительно положилъ сказать жизни: давай! Взялъ съ собою одну ту бѣдную тысячу и вотъ ѣдетъ заманить на нее свое молодое счастье, и на могилѣ матери ночью, предъ разсвѣтомъ утра, служить самъ за пономаря павнихиду! Милѣ доступна была поэзія жизненныхъ сценъ. Она понимала ее наилучшимъ свободнымъ разумѣньемъ, т. е. чувствомъ молодой души и если она теперь немножко кокетничала, то кокетничала передъ былымъ Алексѣемъ Леонтьевичемъ, а не настоящимъ; кромѣ, разумѣется, невольнаго легонькаго отсвѣта, который всегда бывало наводитъ на наше настоящее.

— А, что же, Алексѣй Леонтьевичъ? Насъ, кажется, разбойники ждутъ? Облокотилась она на столъ и съ улыбкою, повемногу припивала изъ своего стакана воду съ вареньемъ такъ, что капли малиновой влаги оставались на ея свѣженькихъ губкахъ.

— «Нѣтъ же, Людмила Павловна, не разбойники; а такъ, сами вы изволите увидѣть, что за люди.»

Началъ свой рассказъ Алексѣй Леонтьевичъ, съ того маленькаго событія, что подѣзжая къ Б... у него расковалась лошадь и какъ грунтъ дороги каменистый, лошадь до того натрудила ногу, что наутро ни съ мѣста она итти, ни ступить на ногу не можетъ.

— «Оно бѣда не бѣда,» выводилъ онъ такое заключеніе: «да иногда, Людмила Павловна, замедленье въ дѣлѣ пуще всякой бѣды... Вотъ смотрите, чтобы не было того съ вашей гайкою. Не идетъ она у меня съ ума. Я тамъ Еремею наказывалъ, чтобы онъ паклею подвертѣлъ; а то чистая бѣда.»

— Ахъ, Алексѣй Леонтьевичъ! Возразила Мила. Вы не помните своихъ словъ: что замедленье пуще всякой бѣды.

Рассказъ начался простой и именно интересный въ живомъ словѣ мелкимъ перечнемъ всѣхъ обстоятельствъ: какъ нечего было дѣлать Алексѣю Леонтьевичу. Остановился онъ на постояломъ дворѣ, повели лошадь ковать; вступилъ онъ съ хозяиномъ въ разговоръ, чтобы пораз-

спросить о помѣщикахъ и не знаетъ ли онъ того, на кого мѣтилъ Алексѣй Леонтьевичъ, чтобы тамъ овецъ купить. Оказалось будто примѣты тѣ. Затѣмъ привели лошадь; но она и подкованная не могла итти и Алексѣй Леонтьевичъ рѣшился оставить пару лошадей съ своимъ человѣкомъ на постояломъ дворѣ, взять леговъкую телѣжку у хозяина и отправиться самому подъ видомъ настоящаго купца, отыскать того помѣщика и сдѣлать, когда удастся, свое дѣло. Ъдетъ онъ; своротилъ, какъ ему рассказали съ большой дороги въ степь и вотъ что случилось съ нимъ на широкомъ раздольи степи.

— «Задремалъ ли я, Людмила Павловна,» говорилъ онъ: «или я такъ задумался, или, можетъ, пѣсню какую длинную затянулъ, да подъ нее забылся, ничего я не знаю. Когда я очнулся, на всѣ четыре стороны степь, солнце на заходѣ; лошадь моя бѣжитъ рысью подъ длинный, сколько видно, версты на три пологій спускъ и оттуда, изъ самой глубины, показывается мнѣ свѣтлое озерцо, или прудъ. Ъду я, нельзя сказать, чтобы по дорожѣ; но и не вовсе безъ дороги. Открывается мнѣ, какъ я дальше съѣзжаю, бѣлѣть ярко отъ зелени четверугольная каменная ограда занесена; а вокругъ чего? Ничего нѣтъ. Сдерживаю я лошадь, чтобы получше рассмотреть, какъ ударится во что-то напротивъ меня, въ небольшой насыпи, солнце и заиграло, заблестало, точно тамъ золота высыпано съ мѣрку! Вѣрь я кладомъ и подумалъ бы, что это мнѣ кладъ въ степи дается... А это, Людмила Павловна, ничего больше не было, какъ въ степи загорода для скота занесена. Лѣса въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ; а камень во всякой балкѣ, сколько хочешь, его бери. Я увидѣлъ, что и землянка здѣсь же для пастуховъ у загороды выкопана была и это солнышко горѣло такъ, что принаровило къ ней въ самое надъ землей окошечко. Только уже время идетъ и довольно, совсѣмъ на вечеръ подалось солнце; особливо въ логу и пожалуй постемнѣло, пока я подѣхалъ ни души никого нѣтъ и скоту пора бы уже на стойло итти и скота не видать. Всталъ я, чтобы поставить лошадь къ загородѣ; а самому пойти; нѣтъ ли кого въ землянкѣ? поспросить дорогу, будто меня толкнуло что: подсунулъ я свой бу-

мажничъ подь камень, иду... Наружная дверь съ петель сбита, отброшена лежитъ; а въ бокъ къ другой двери по ступенькамъ надобно сойти. Отворилъ я эту дверь—а семь молодцовъ по печи и по лавкамъ сидятъ, да какихъ молодцовъ: любой съ двумя помѣряется. «Здорово, хлопцы!» говорю я, вижу, что здѣсь плохо зѣвать. Молчатъ они и всѣ сидятъ въ высокихъ казацкихъ шапкахъ, у кого на ухо, у кого на брови шапка надвинута, и на столѣ безъ горла штофъ, и выпить весь. «Что вы, хлопцы?» перекрестился я къ образамъ, «съ пожмѣля, что ли? Или вамъ шинкарки за каждое ваше слово по чаркѣ горѣлки даютъ, что такъ вы и говорить не хотите?» «Зозуля!» * Сказалъ мнѣ изъ-за стола одинъ, не обращаясь собственно, что бы ко мнѣ и ни къ кому; а съ печки отозвался не то, чтобы онъ совсѣмъ пѣлъ, а напѣвая другой:

Зозуля ковала,
Всиль долю казала—
Свой биды не знала.

— «Ну!» говорю я: «всякая зозуля знаетъ свою бѣду, какъ придетъ она. Тутъ выручайте меня, хлопцы, изъ моей бѣды,» сажусь я по конецъ стола, подвинулся одинъ, посмотрѣлъ на меня и молчатъ всѣ, ни пара изо рта не выпускаютъ. «Котъ васъ бери, хлопцы!» Сѣлъ, опять говорю я: «что на васъ нѣмота напала?» (Вижу я, что они и засмѣялись бы, да не хотятъ). «Доведется вамъ вотъ этого покупать, что ли?» позвенѣлъ я по штофу, «чтобъ промочить вамъ горла: авось и языки развязались бы. Хоть бы спросили у человѣка, какая его нужда привела?» «А какъ нужда, то и самъ скажетъ,» проговорилъ сквозь зубы одинъ.

— «Вотъ я вамъ и сказываю: затерялся въ степи; выведите на дорогу, хлопцы.» «Гм!» Кашлянули они, да дружно, въ одинъ ладъ! И будто они на меня не смотрятъ; а вижу я, что они все мое малѣйшее движеніе слѣдятъ. «Купецъ самъ всѣ дороги знаетъ». («А я,» говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: «намѣреваясь пуститься въ купеческія дѣла, сшилъ себѣ для дорогъ совершенно ку-

* Кукушка.

печескую сѣренькую сибирку; волосы постресли, я ихъ только что не въ кружокъ подрѣзалъ и этакъ очень походилъ на купца-молодца и сплошь хотѣлъ себя выдавать за него; но только не теперь и не вотъ этимъ молодцамъ..) «Можетъ, купецъ и знаетъ,» отвѣчалъ я: да намъ-то еще далеко до купцовъ.» «А какъ далеко?» все одинъ спрашиваетъ. «А такъ далеко, хлопцы,» протянулъ я руку къ штофу, легонько позваивая въ него, «что нѣту, т. е. маленькая недостача того, что у купцовъ получше этого въ карманахъ звенить.»

— «И, т. е. Богъ его вѣдаетъ,» говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: откуда вдругъ къ человѣку умѣнье приходитъ? Какую я имъ подъ усы исторію пустилъ! говори и будто мнѣ не хочется говорить, подбочась сажу за столомъ: что вотъ я, дескать, молодецъ, недавно принятый къ купцу (и купца по имени и отчеству—Миرونъчемъ какимъ-то назвалъ); что хозяинъ здѣсь года три назадъ покупалъ по господамъ пшеницу: деньги-то отдалъ, а за пшеницею ѣздить; вотъ и меня послалъ. — Молчать они всѣ; только одинъ за столомъ потянулъ усъ и покосился на печь; другой съ печи всталъ и вышелъ. И слышать стало, что скотъ пришелъ; топотъ въ землянкѣ отдается и коровы мычатъ... Я догадываюсь, что то посылавъ былъ осматрѣть мою лошадь: такъ ли оно, какъ я говорилъ? не видать ли чего другаго? А у меня, спасибо, на тельжкѣ, кромѣ бѣлаго войлока, ничего не было. Сажу я, жду... «что же вы, хлопцы?» говорю: «долго будете со мною въ молчанку играть? Вѣдь это и бѣсу надоѣсть.» — «А бисъ его батькови! какой разговорчивый!» сказалъ не такъ, чтобы мнѣ, а что бы я слышалъ, тотъ самый, что и сказалъ «зозулю.» Всѣ немножко, изъ полуглаза посмотрѣли другъ на друга и усмѣхнулись... «По крайности, хоть бы сказали, какъ зовутъ васъ?» не робѣлъ я, а напротивъ отвага меня какая-то забирала. — «Мы всѣ—Вѣтры!» вдругъ съ печки и съ лавокъ мнѣ отвѣтъ дали. «Ой ли? а изъ какой стороны, Вѣтры, повѣваете?» — «Изъ такой—что и смотришь, не увидишь»... Да вѣдь это удивительно, какъ они всѣ одно говорятъ! — «И батько вашъ,» спрашиваю, «Вѣтеръ?» — «Ну, молчите же,» говорю: «хлопцы! а мать вашу я самъ знаю: она—стень; да и вы, не на лихо вамъ,

мудрёные дѣти.» Смѣхъ послышался на печи. Затѣмъ вошелъ тотъ, что выходилъ и я замѣтилъ, какъ онъ моргнулъ одною бровью, и сѣлъ опять на печь. За нимъ вошелъ, по всему видать было, что пастухъ съ толстой дубинкою; шишка на концѣ ея съ голову дитяти будетъ. Внесъ онъ баклагу водки и не взглянулъ даже на меня; поставилъ молча баклагу на столъ, подтолкнулъ отъ порога широкой камень къ столу и сѣлъ съ дубинкою напротивъ меня. Не хорошо сосѣдство! этой бы рождѣ скорѣ рѣзникомъ быть, а не пастухомъ... «А, ну, за батька»... т. е. выпьемъ,—съ того конца стола, сказалъ мнѣ черноусый молодчина, наливая чарку водки.—«А уже за матеръ-степь, хлопцы, моей выпьете,» отвѣчалъ я, возвращая съ спасибомъ чарку.—И началъ я, Людмила Павловна, извините—разстегивать сибирку. Широко разворачиваю объ полы; запустилъ руку въ одинъ карманъ—всѣ могли видѣть, что ничего нѣту; я въ другой и въ другомъ пусто... «Вотъ это! пусть Богъ милуетъ,» проговорилъ я. «Не потерялъ ли я въ степи вмѣстѣ съ дорогою и казны своей?» перенскалъ я во всѣхъ карманахъ въ сибиркѣ и въ жилетѣ, и наконецъ будто нахожу—вытащилъ свой кошелекъ... И хорошо вижу, что всѣ глядятъ на меня, не смигнуть; ну, да тѣ по своему, будто они и не глядятъ; а проклятый пастушище такъ и впился въ меня глазами... Вотъ когда пошевелинулось у меня на сердцѣ и такъ меня всего будто назадъ подало! перемогъ я себя. Вытряхиваю изъ кошелька на руку; а тамъ и трести-то было всего два полтинника. «Вотъ же, хлопцы!» говорю: «поровну подѣлимся; я и сдачи не хочу... Покажите мнѣ кто дорогу—покажи, спасибо тебѣ, козаче!» дотронулся я рукою до того, что сидѣлъ возлѣ меня. Пастухъ было поднялся...

«Не скачи, сорока:
Бо те бѣлобока,»

проговорилъ тотъ, что подчивалъ меня водкою. Пастухъ опустился, опять сѣлъ; а я, слава Тебѣ, Господи! вышелъ изъ землянки; провожатый мой махнулъ мнѣ рукою въ сторону, куда ѣхать; а самъ сейчасъ вернулся. Я поскорѣ къ лошади, да за свой бумажникъ... Не говорите, Людмила Павловна! и лошадь чуетъ недоброе. Едва она

миѣ съѣсть дала. Я хочу ее посдержать немного—чтобы не разомъ пустить отъ землянки; она рветъ и несетъ меня; съ полдороги, бѣдная, храпѣла, насторожа уши.»

— «А то со мной еще другое происшествіе было тоже съ степнымъ гулевымъ Вѣтромъ,» разговорился Алексѣй Леонтьевичъ. «Только здѣсь исторія другаго рода. Я было самъ въ воры попалъ, если, по пословицѣ: не тотъ воръ, кто крадетъ; а—кто краденое принимаетъ.»

..... «Вошелъ я, Людмила Павловна, съ Скорняковымъ въ половину гуртъ воловъ по Дону и Черноморью купить. Онъ миѣ своихъ работниковъ далъ, деньги все въ руки положилъ, чтобы я уже это дѣло самъ обдѣлалъ все, на свое попеченіе взялъ. Покупка на скотъ, могу вамъ сказать, отличнѣйшая была. Вышли мы изъ Ростова... А гурты гоняютъ не по большой дорогѣ; но есть особыя дороги сгонщиковъ сплошь самыми степями: пока догонять гуртъ, такъ онъ на половину отпасется по дорогѣ. Только здѣсь вся задача въ водопояхъ. Такъ рассчитываютъ, чтобы отъ одного мѣста къ другому, гдѣ вода есть, непременно стать.—Вотъ есть тамъ по дорогѣ Байбурова прозываемая балка и Байбуровы на ней одиннадцать колодезей, сгонщиками повырыты, и надобно было намъ на полдень стать къ этой Байбуровой балкѣ. Пришли мы; только впереди насъ со стороны проходилъ другой гуртъ и воды нѣтъ: вода вся вычерпана въ колодезяхъ и не набралась еще. Приходится намъ оставаться до утра, чтобы, пока черезъ ночь наберется вода, хотя съ зарею рано, напоить гуртъ. — Скотъ реветъ, не пасется; разбрелся по балкѣ, мокрую глину лижетъ. На счастье, передъ захожденіемъ солнца перешолъ дождичекъ, пошелъ гуртъ на росу и намъ повеселѣло. Ребята—кто за кашу принялись, разложили огонь; кто пошли съ съѣтью перепеловъ ловить—сиджу я одинъ, прислонился къ колесу повозки, гляжу въ степь... Тогда у меня одна крѣпкая дума была; думаю ее—и въ степи миѣ не пусто.»

Мила почти ожидала, что Алексѣй Леонтьевичъ скажетъ: что это за крѣпкая дума была? Но не сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

«Т. е. вотъ какъ, Людмила Павловна,» говорилъ онъ, раздумывая: «что это съ человѣкомъ дѣлается, какъ оч-

нется онъ отъ какой крѣпкой мысли... а небо и звѣзды будто тихой радостію просіяли надъ нимъ! а тутъ еще степь залегла кругомъ — подъ росой она блеститъ и отъ бѣлыхъ цвѣтовъ блеститъ, и голосомъ человѣческимъ не аукнется, перепела по ней бьютъ и вся она шорохомъ нѣмымъ содрогается, будто Богъ по ней стопами не слышно ходитъ и риза Его широкая пометаетъ степь! Т. е., просто я вамъ говорю, Людмила Павловна, душа мѣзеть-подвигается...

— «Такъ вотъ о чемъ я говорю вамъ,» продолжалъ Алексѣй Леонтьевичъ. «Позвали меня ребята ужинать, сошлись всѣ; сидимъ мы предъ огнемъ, раздобариваемъ; вдругъ зычно что-то пронеслось по степи. Какъ будто нагайкой въ воздухъ хлѣснуло и затѣмъ свиснуло, и разошлось, раздалось по всѣмъ концамъ... Выскакиваетъ-видимъ-изъ балки верховой, несется къ намъ. «Хлѣбъ-соль!» осадилъ онъ у насъ коня надъ самыми головами, что конь на дыбы всталъ.—«Просимъ откушать,» отвѣчаютъ ребята. Гляжу я на него: у, молодець! огнемъ лицо освѣщается... усъ черный, черная бровь, статный какой! Все это на немъ плись; на опашку синяя черкеска накинута; изъ кармана ясная цѣпочка отъ трубки виситъ, да что за нѣга! что за воля такая! Раскинулся передъ огнемъ, оперся на руку, лежитъ, а въ другой на поводу конь стоитъ—истинно, какой князь степной!—«А я вотъ повидѣлъ издалека огонь, да и подумалъ: не мои ли это знакомцы на Байбурь стоятъ?»—«А кто такіе знакомцы?» спрашиваю. — «Купцы, честные господа,—у меня проходили гуртовъ скотъ берутъ.»—«А есть на сбытъ.»—«Будетъ.»—«Гм! помолчалъ я. «Мы и сами такіе, что возьмемъ.» Т. е., Людмила Павловна, это я нѣпросто сказалъ молодцу: «пригоняй, коли раздобудешь на-удалую; я деньги плачу.» А дѣлать было болѣе нечего, какъ говорить такъ. Отправляясь, я узналъ всѣ свѣчаи и обычаи тамошнихъ мѣстъ—что въ степяхъ иногда пошаливаютъ. Вотъ этакой начальникъ молодцовъ отхватить у меня быковъ двадцать-тридцать и еще, какъ по перу, самыхъ лучшихъ выберетъ и сбудетъ въ гуртъ къ другому купцу... «Э-хе! смѣкаю я.» Здѣсь дѣло видимое, прѣхаль онъ, называется: или я у него быковъ бери, или онъ у меня, не спросясь, возьметъ. — «Я, говорить, чест-

но продаю. Поѣдемъ; посмотришь, такого ли купцу товару надо?» Мы съ нимъ вдвоемъ и ударились въ степь; попривстанеть на короткихъ стременахъ, повытянется впередъ, да какъ свиснетъ—Боже, Твоя воля! вся будто степь на пять сотъ верстъ ему отсвистъ даетъ! Надскакали мы надъ степной оврагъ; трава—грудью прорѣзываетъ лошадь; вскакали въ самую середину—лежитъ быкъ въ травѣ, по ногамъ связанъ, мычить. Это, видите, образецъ припасенъ и уговорились мы: что вотъ этакихъ пятнадцать головъ молодецъ на ту ночь къ разсвѣту доставить мнѣ на Байбурову балку и чтобы мнѣ это время ждать его... Тутъ и люди появились; разбитый ящикъ вина въ травѣ лежитъ; запили мы могарычъ; они понеслись въ одну сторону; а я на обратный путь въ другую. Но вмѣсто того, чтобы ждать, я пріѣхалъ говорю: «ребята, подымайся! Ну, поить гуртъ, да въ дорогу поживѣе.»

Еще съ половины этого разсказа пожаловала пани воеводша, принесла за большую рѣдкость моченыхъ грушъ и чай пили въ саду подъ яблонью, и солнце въ глазахъ всѣхъ заходило, великолѣпно-тихое, румяное. Румянецъ его горѣлъ на облакахъ на чайной бѣлой скатерти и на молодомъ лицѣ Милы, одѣвая всю окрестность, всю даль въ рдѣющій, затихающій вечеръ.

— Прощайте, Людмила Павловна!—распростился Алексѣй Леонтьевичъ съ паней воеводшею.—Вотъ завтра васъ здѣсь не будетъ; уѣдете вы... Веселитесь, Людмила Павловна; только ворочайтесь къ намъ поскорѣе, а мы васъ будемъ ждать. А вѣдь, вы знаете, что вамъ мимо меня ѣхать? Другой дороги нѣтъ.

— «Я знаю.»

— Да что это вы все изволите быть въ перчаточкахъ? И чай намъ наливали въ перчаточкахъ—хотя бы вы сняли свои перчатки! Долгъ велитъ на прощаньи ручку поцѣловать; а вы ихъ запрятали.

— «Я избавляю васъ этого долга,» сказала съ обязательной улыбкою Мила.

— Малоль бы чего, вы избавляли! да я-то хочу исполнить свой долгъ.

— «Однако Алексѣй Леонтьевичъ, вѣдь вы не въ Сороковкѣ живете и очень хорошо знаете, что этотъ долгъ вовсе не лежитъ на васъ.»

— Э! Людмила Павловна, мы-люди старые и кому, какъ

не намъ, держаться старины!—Извольте пожаловать вашу ручку,—хитро улыбался Алексѣй Леонтьевичъ.

На минуту въ маленькомъ смущеніи пріостановилась Мила и ея ушки живо зарумянились.

— «Нѣтъ!» сказала она... Вы забываете, что я слишкомъ молода и, изъ уваженія къ вашимъ лѣтамъ, не могу позволить себѣ такой чести. Извините меня.»

— Т. е. въ тупикъ поставили старика! смѣясь, тряхнулъ головою Алексѣй Леонтьевичъ.—Ну-те, какъ же такъ будетъ по вашему? Вы и на прощаньи не протянете мнѣ ручку?

— «Напротивъ, я съ большимъ удовольствіемъ подаю ее вамъ.—Благодарю васъ за ваши рассказы, за день пріятной бесѣды» — пріостановясь немного—«благодарю васъ,» повторила Мила.

— Покорнѣйше благодарю, Людмила Павловна, — сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ... А я вамъ сказку скажу.

— «На вечеръ глядя?»

— Коротенькую. — Жиль-быль, Людмила Павловна, въ пустынь пустынный и медвѣдь присосѣдился къ нему; хотѣлъ услужить пріятелю, со лба муху согнать и засадилъ ему камень въ лобъ... Какъ, вы думаете, теперь должно вынимать его?

— «Я думаю, что это будетъ довольно трудно».

— А почему?

Алексѣй Леонтьевичъ ловилъ легонькую улыбку Милы.

— «Потому—чтобы пустынный не водился съ медвѣдями.»

— А гайка, Людмила Павловна? шопотомъ сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— «А! пустяки..»

— Мила! что это Алексѣй Леонтьевичъ остановился, съ Ерёмой говорить? смотрѣла въ слѣдъ уѣзжающему Алексѣю Леонтьевичу пани воеводша.

Мила догадалась, о чемъ разговоръ долженъ былъ идти, и ничего не сказала.

— Ерёма, стой!—шелъ вдалькъ Ерёма—стой! Что это тебѣ Алексѣй Леонтьевичъ говорилъ?

— «Гайка!» махнулъ рукою Ерёма.

— Что ты говоришь? Галка?

На этомъ недоразумѣнн дѣло и кончилось.

— Гдѣ онъ здѣсь видитъ галку? осмотрѣлась пани воеводша.

II.

ЖИТЕЙСКІЯ ТРЕВОЛНЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО КОМЕДИАНТА.

Соч. Ал. Дюма.

VI.

Труппа даетъ представленія въ Мартиникѣ и на островѣ Сан-Тринидадъ. — Охота за змѣями. — Коралловая змѣя въ банкѣ. — Мамзель Мелани. — Густавъ брѣжетъ отца Вертѣля. — Рейдъ Гаюку. — Возвращеніе въ Мартинику. — Буря. — Трехцвѣтное знамя.

Между тѣмъ герою нашему Густаву представился случай, опять вѣрнуться *впроломной стихии*. Надобно было отправиться въ Мартинику и Тринидадъ, давать тамъ представленія, и Густавъ при всемъ своемъ остроуміи не могъ придумать способа отправиться туда сухимъ путемъ. Въ концѣ іюля труппа сѣла на галють *Графиня де-Буйльи*, капитанъ Мондаръ. На третьи сутки въ ночь они бросили якорь передъ Мартиникой. Съ восходомъ солнца тысяча лодокъ окружили галють. Мартиника не имѣетъ гавани; тамъ есть только рейдъ, ничѣмъ незащищенный отъ ярости вѣтровъ;

такъ, что каждый, сколько-нибудь порядочный порывъ срываетъ корабли съ якоря и мчитъ ихъ, какъ стаю птицъ въ открытое море. Проживъ въ Гваделупѣ два мѣсяца, комедіанты наши уже успѣли совершенно освоиться съ мѣстностью, привыкли ко всему и ни что больше ихъ не удивляло. При высадкѣ въ Мартиникъ, ихъ поразило только одно: именно огромное количество змѣй, висѣвшихъ на деревьяхъ. Здѣсь, кромѣ того, что каждому предоставляется право бить змѣй сколько ему угодно, правительство еще назначило плату за каждую змѣиную голову. И потому негры чрезвычайно усердно преслѣдуютъ змѣй и ловятъ ихъ довольно искусно. Вообще змѣи стараются держаться подалеже отъ людей; несмотря на то, негры умѣютъ отыскивать ихъ и, найдя, хватаютъ за хвостъ; повертвѣвъ ихъ нѣсколько времени у себя надъ головой, ударяютъ со всего размаха о первую стѣну, первое дерево или первый попавшійся камень, и разбиваютъ имъ голову; а если не попадетса ни стѣны, ни дерева, ни камня, то ударяютъ просто объ землю. Въ Мартиникъ такое множество змѣй, что нерѣдко случается видѣть ихъ во время сильнаго дождя несомыхъ потоками воды по улицамъ города въ море. За нѣсколько дней до прибытія комической труппы въ Мартинику, тамъ умеръ негръ отъ ужаленія коралловой змѣи, одной изъ самыхъ ядовитыхъ. Змѣя эта забралась въ сѣно и ужалила въ руку негра, который пришелъ брать сѣно для хозяйскихъ лошадей.

Отецъ Вертѣйлъ съ большимъ стараніемъ собиралъ этихъ змѣй, которыхъ такъ боялись все европейцы. Этотъ Вертѣйлъ былъ красивый, добрый и умный человекъ, съ длинными бѣлыми волосами и лицомъ исполненнымъ необыкновенной пріятности; одна нога его была поражена параличемъ, что нисколько не мѣшало ему играть въ комедіяхъ и въ свободное время сочинять прехорошенькія пѣсенки. Въ Мартиникъ все свободное время посвящалъ онъ собиранію змѣй, ящерицъ и каймановъ, которыхъ онъ хранилъ въ банкахъ въ спирту, или разстигивалъ на доскахъ и такимъ образомъ засушивалъ. Собираніе это онъ назначалъ въ даръ марсельскому музеуму. Вертѣйлъ былъ директоромъ марсельскаго театра и питалъ глубокую привязанность къ древней флорѣ. У него была старуха ключница,

которая, къ-несчастію, не раздвляла страсти его къ естественной исторіи; она даже какъ-то была причиной большаго горя, разбивъ половой щеткой голову гремучей змѣи, которою Вертѣйль очень дорожилъ.

Пробывъ двѣ недѣли въ Мартиникѣ, труппа наша отправилась въ Тринидадъ. Вы, вѣроятно, знаете, что Тринидадъ, несмотря на свое испанское имя, собственно англійскій островъ, лежащій какъ-разъ противъ устья Ориноко. Тамъ-то, на этомъ островѣ, Вертѣйль блаженствовалъ въ полной мѣрѣ, въ то самое время, какъ Мелани, ключница его, была въ состояніи весьма близкомъ къ отчаянію. Мнѣ кажется, что Ноевъ ковчегъ остановился непременно на островѣ Тринидадъ; потому что тамъ и теперь сохранились экземпляры всевозможныхъ породъ животныхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ—надобно отдать имъ справедливость, размножились въ самомъ баснословномъ количествѣ. Особенно замѣчательны животныя тринидадской фауны: обезьяны, попугаи, ящерицы, крокодилы и змѣи. Густавъ во время уединенныхъ прогулокъ своихъ останавливался передъ стаями разноцвѣтныхъ попугаевъ, или колибри, которыя жужжали около цвѣточнаго куста, какъ пчелы надъ ульемъ, или любовался быстрыми, какъ молнія, прыжками огромныхъ ящерицъ, какъ-бы выточенныхъ изъ куска изумруда. Зайдя разъ къ старику Вертѣйлю, онъ засталъ его восхищающимся великолѣпной коралловой змѣей, которая, свернувшись клубкомъ, лежала въ банкѣ. Вертѣйль стоялъ на здоровой ногѣ, опершись обѣими руками на столъ, на которомъ стояла банка со змѣею. Мелани забилась въ уголъ, разсерженная новымъ пріобрѣтеніемъ своего барина, и безъ того незнавшая куда дѣваться отъ множества набитыхъ попугаевъ, крокодиловъ, развѣшанныхъ подъ потолкомъ и ящерицъ, окоченѣвшихъ въ спиртѣ.

— А! Подите-ка сюда, Густавъ! Подите сюда! сказалъ отецъ Вертѣйль, завидѣвъ молодаго человѣка, который несъ ему въ-подарокъ бабочку, величиной съ тарелку, прищипленную булавкой ко дну его соломенной шляпы.

— Посмотрите-ка, г. Вертѣйль, что за чудесная бабочка!..

— Э! Мнѣ теперь не до бабочекъ!

— Развѣ онѣ перестали вамъ нравиться?

— Совѣмъ нѣтъ; отдайте ее Мелани и посмотрите-ка мою коралловую змѣю.

— Она мертвая?

— Надѣюсь.

— Нѣтъ, я не въ вась, и терпѣть не могу змѣй.

— Ахъ, какъ вы основательно говорите, г. Густавъ, вмѣшалась Мелани: право, та женщина очень несчастна, которую судьба свела съ человѣкомъ, надѣленнымъ такими ужасными склонностями.

— Замолчи, старая дура! Поди лучше принеси намъ двѣ бутылки водки.

— Что вы это, отецъ Вертѣйлъ? сказалъ Густавъ, — неужели думаете, что съ насъ мало будетъ одной?

— Но вѣдь это совѣмъ не для васъ, г. Густавъ, сказала Мелани, — а все-таки для этого отвратительнаго животнаго... Онъ тратитъ на нихъ больше, чѣмъ на себя.

— Мелани! грозно сказалъ отецъ Вертѣйлъ, такимъ тономъ, который довольно ясно говорилъ, что онъ готовъ выслушивать замѣчанія во всѣхъ случаяхъ, кромѣ только этого.

Мелани ушла, и Густавъ, не безъ отвращенія, подошелъ къ банкѣ, опустилъ туда палочку, и началъ тормошить змѣю, которая была неподвижна и лежала, какъ мертвая.

— Кажется, она околѣла, сказалъ молодой человѣкъ.

И онъ наклонился къ банкѣ, чтобы поближе разсмотрѣть это великолѣпное, какъ-бы составленное изъ драгоценныхъ камней животное, называющееся коралловой змѣей.

— Меня беспокоитъ одно только, сказалъ онъ отцу Вертѣйлю.

— Что же?

— Обыкновенно, змѣи, околѣвая измѣняются въ цвѣтъ, а эта, смотрите, какъ живая!

— Она околѣла только нынѣшнимъ утромъ, такъ-что не имѣла времени измѣниться. Вотъ почему я хочу ее въ этомъ видѣ положить въ спиртъ... Мелани, подай-ка сюда водку!

Ключница въ эту минуту входила въ комнату: она съ видомъ глубокаго сожалѣнія подала принесенную водку своему хозяину. Густавъ взялъ свою палочку въ зубы, откупорилъ обѣ бутылки и, взявъ ихъ въ руки, началъ лить

въ банку. Едва-только водка коснулась змѣи, какъ та издала пронзительный свистъ и быстро поднявшись на хвостъ, выпрыгнула изъ банки на столъ. По-счастію, Густавъ не потерялся; онъ бросилъ на полъ обѣ бутылки, выдернулъ изо рта свою тросточку и, что было силы, пригиснулъ ею змѣю къ столу. Отецъ Вертейль въ ту минуту, какъ змѣя выпрыгнула изъ банки, сдѣлалъ шагъ назадъ, но больная нога не сдержала его и онъ въ изнеможеніи упалъ въ кресло, не могъ изъ него подняться и сидѣлъ въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ разинутой пасти раздраженнаго животнаго, издававшего какой-то злобщій свистъ. Мелани, замѣтивъ опасность, бросилась изъ комнаты, призывая на-помощь. Густавъ, продолжая держать палочкой змѣю, изо всей силы звалъ какого-нибудь негра, сопровождая призывъ свой самыми энергическими ругательствами.

— Эй! сюда! сюда! негры!—кричалъ Густавъ звучнымъ своимъ голосомъ, по-креольски.

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчалъ какой-то негръ, спѣша къ нему со всѣхъ ногъ.

— Смотри: коралловая змѣя.

Негръ взглянулъ и понялъ всю опасность положенія.

— Будьте покойны, отвѣчалъ негръ,—я съ ней управлюсь!

И ловко схвативъ ее концами пальцевъ за хвостъ, живо заишалъ въ банку и закрылъ пробкой, которая тутъ-же была крѣпко завязана веревкой. Все это было сдѣлано въ одно мгновеніе. Увидѣвъ, что опасности уже нѣтъ никакой, отецъ Вертейль вздохнулъ свободнѣе.

— Спасибо, другъ, сказалъ онъ негру.

— Пожалуйста, сударь, на водку; я ужасно вспотѣлъ, возившись съ вашей змѣей.

— Что ты мелешь! сказалъ ему Густавъ,—на тебѣ не видно ни капельки поту.

— На это нечего смотрѣть, сударь, отвѣчалъ негръ,—я вспотѣлъ внутри.

Ему дали какую-то монету и онъ вышелъ, разсыпаясь въ благодареніяхъ. Змѣя эта, по всей вѣроятности, находится теперь въ марсельскомъ музеумѣ и посѣтителю, оставивающіеся передъ ея банкой, и не подозреваютъ, ка-

кую разыграла она драму, въ послѣднія минуты своей жизни. Это приключеніе охладило рвеніе отца Вертейля къ естественной исторіи, а въ героѣ нашемъ еще болѣе усилило отвращеніе къ пресмыкающимся.

Въ Тринидадѣ труппа наша пробыла двѣ или три недѣли; все свободное время комедіанты проводили въ прогулкахъ по городскимъ улицамъ, гдѣ любовались проказами особеннаго рода птицъ въ родѣ воронъ, которыя водились тамъ въ неимовѣрномъ количествѣ, миллионами; онѣ смело расхаживали между народомъ — убивать ихъ тамъ строжайше запрещено — и пожирали всѣ валявшіяся на мостовой нечистоты и всякую падаль, способствуя такимъ образомъ къ опрятности улицъ. Наѣвшись, онѣ взлетали для сваренія пищи на крыши домовъ или висѣлицу, одиноко возвышавшуюся на большой площади; усѣвшись тѣсной чередой на перекладинѣ ея, онѣ казались словно нанизанными на вертелъ. Ночи актеры проводили въ войнѣ съ крысами, которыя изгрызали туфли комическихъ артистовъ и котурны трагиковъ. Наконецъ рѣшено было оставить это очаровательное мѣсто; труппа съѣла на Элизу, капитанъ Лафоргъ, и отправилась давать представленіе въ другое мѣсто. Въ дорогѣ имъ слѣдовало пробыть четыре или пять дней. На суднѣ все было приспособлено къ тому, чтобы проводить все время и даже спать на палубѣ. Ночи мексиканскія невыносимо душны и жаръ ихъ умѣряется только свѣжестью морскихъ испареній, которыя наносятся на землю вѣтеркомъ. Тѣмъ не меньше, всякій, кто бывалъ въ тѣхъ широтахъ, долженъ согласиться, что ночи эти всегда считаетъ счастливѣйшими часами своей жизни. Уже два раза, комическая труппа наша упивалась этими чудными, дышавшими нѣгой и благоуханіемъ ночами; но на третій день утромъ, капитанъ, замѣтивъ небольшую черную точку, показавшуюся со стороны Новаго Орлеана, обнаружилъ сильное безпокойство. Точка эта быстро приближалась и увеличивалась. Черезъ нѣсколько минутъ она обратилась въ огромную тучу, и закрыла все небо. Замѣтивъ опасность, капитанъ тотчасъ же отдалъ приказаніе направить судно на самую значительную глубину, чтобы оно не разбилось о подводныя скалы, а пассажировъ попросилъ сойти подъ палубу, чтобы

не мѣшать матросамъ. Первое приказаніе исполнить было очень легко, а второе почти невозможно. Подпалубное пространство было набито всякими товарами и не могло помѣстить двадцати или двадцати пяти пассажировъ. Между тюками оставалось незанятаго мѣста фута два съ половиной. Но и тутъ были въ-беспорядкѣ навалены тюфяки, которые ночью выносились наверхъ. Труппа размѣстилась на тюфякахъ, по способу размѣщенія селедокъ въ бочекѣ. Сидѣть было физически невозможно и надобно было только лежать на спицѣ или на животѣ. Выборъ въ этомъ случаѣ предоставленъ былъ вкусу каждаго. Оставаться въ сидячемъ положеніе было запрещено даже тенору, а всѣмъ извѣстно, что директоры ухаживаютъ за теноромъ гораздо больше, чѣмъ за первыми любовницами, даже когда онѣ въ благословенныхъ обстоятельствахъ.

Только-что артисты наши разлеглись, подъ палубой отъ тѣсноты сдѣлалась такая духота, что трудно было дышать, а къ довершенію горя артисты съ ужасомъ увидѣли, что по потолку разгуливали кучами огромные пауки, скорпионы и стоножки. Всѣ ужасно перепугались. Глупая Мелани плакала навзрыдъ. Двое или трое изъ общества были укушены этими насѣкомыми; отецъ Вертейль передалъ имъ флаконъ съ алькали, который носилъ всегда съ собою. Укушенное мѣсто растерли, — сдѣлалась опухоль, потеряли еще — опухоль опала. Кончилось тѣмъ, что надъ всѣми этими пауками, скорпионами и стоножками начинали смѣяться, и не обращали на нихъ болѣе вниманія, что, позволяемъ себѣ думать, было для насѣкомыхъ чрезвычайно оскорбительно. Но болѣе всего безпокоилъ нашихъ пассажировъ возраставшій жаръ и духота, которые почти съ кажлымъ часомъ усиливались. Еслибъ привести туда человѣка со свѣжаго воздуха, то онъ въ ту же минуту лишился бы чувствъ, каково же было просидѣть въ этой зловонной удушающей атмосферѣ двое сутокъ бѣднымъ заключеннымъ! Между пассажирами, наваленными другъ на друга, какъ продажные негры, стиснутыми и сдавленными, какъ грѣшники въ Дантовомъ Адѣ, одинъ старикъ страдалъ болѣе всѣхъ и громко жаловался на судьбу свою. Это былъ Вертейль, которому пораженная парализемъ нога причиняла невыразимую боль.

Кромѣ того мучила его еще борода, небритая уже цѣлую недѣлю. жесткая какъ щетка и блестящая какъ серебряныя иглы; покрывавшая щеки его до самыхъ глазъ; онъ имѣлъ обыкновеніе бриться каждый день, что было довольно удобно даже на морѣ; разумѣется, въ тихую погоду. Во время же сильной качки, непрекращавшейся уже трое сутокъ, да еще лежа въ горизонтальномъ положеніи, обриться ему не представлялось ни малѣйшей возможности. Всѣ непритворно жалѣли бѣднаго старика и наперерывъ старались утѣшить его, но слова для бѣднаго страдальца были бесполезны. Мученія его до такой степени усилились, что онъ началъ просить, какъ милости, чтобъ какая-нибудь сострадательная душа застрѣлила его или выбросила въ море. Стоны и жалобы его сильно растрогали Густава, который любилъ Вертѣйля какъ отца. Кое-какъ онъ дотащился до него.

— Послушайте, папа Вертѣйль, — сказалъ онъ ему, — я хочу попытаться.

— Что такое? Болѣзненнымъ голосомъ спросилъ старикъ. — Прострѣлить мнѣ голову, что ли? Сдѣлай одолженіе, только нельзя ли сразу.

— Совсѣмъ нѣтъ; я хочу попытаться обрить вамъ бороду.

— Ахъ, другъ мой! Если тебѣ удастся это сдѣлать, то ты спасешь меня отъ мучительной смерти.

— Замѣтите, однакожъ, что при этакой качкѣ это почти невозможно.

Судно прыгало по волнамъ какъ будто въ дикой пляскѣ; члены его такъ страшно скрипѣли, что, казалось, оно сейчасъ разсыплется и пойдетъ ко дну.

— Дѣлайте со мной что хотите! Сдерите съ меня, если нужно, всю кожу, только освободите отъ этого огня, который палитъ меня мучительнѣйшимъ образомъ.

— Смотрите же: я не отвѣчаю ни за что.

— Хорошо, хорошо!

— Вы принимаете отвѣтственность на себя?

— Даже въ такомъ случаѣ принимаю, еслибъ вы перерѣзали мнѣ глотку.

— Слышите, господа! сказалъ Густавъ присутствующимъ.

— Слышимъ, слышимъ! отвѣчали пассажиры, и въ случаѣ надобности засвидѣтельствуемъ.

— И такъ мы начнемъ.

Открыли первый попавшійся чемоданъ и достали изъ него бритву.

— Вотъ, возьмите, сказалъ чей-то голосъ.

— Что такое — возьмите?

— Бритву.

— Давайте ее сюда!

И бритва пошла передаваться изъ рукъ въ руки. Долго ли, коротко ли, но она дошла наконецъ до Густава. Гальотъ попрежнему прыгалъ по волнамъ, какъ резиновый мячикъ.

— Гренгале! закричалъ импровизованный брадобрѣй. Густавъ cadaго юнгу непремѣнно называлъ Гренгале, въ память великаго Гренгале Каенскаго. Никто такъ скоро не привыкаетъ къ разнымъ именамъ, которыми честятъ его пассажиры, какъ корабельный юнга. Юнга прибѣжалъ на зовъ со-всѣхъ-ногъ, какъ-будто былъ нареченъ именемъ Гренгале при самомъ крещеніи.

— Скорѣй, мыла и горячей воды!—

— У насъ мыло простое, черное.

— Все равно, все равно! кричалъ страдалецъ.

— Сейчасъ подамъ.

— Поскорѣе, поскорѣе! простоялъ Вертѣйль.

Черезъ минуту юнга воротился съ горячей водой и мыломъ.

— Вы твердо рѣшились? спросилъ Густавъ Вертѣйля.

— Давно, давно рѣшился!

— Ну, такъ лежите спокойно... Не шевелитесь!

Молодой человѣкъ влѣзъ на Вертѣйля, и легъ на него, облокотился на лѣвую руку и принялся концами пальцевъ размазывать ему по щекамъ слегка намыленную воду.

— Ахъ, шепталъ бѣдный мученикъ, какъ это пріятно! Боже мой, какъ это хорошо!

Молодой человѣкъ взялъ бритву и глубоко вздохнулъ.

— Ну, сказалъ онъ, — благослови Господи!

И бритва пошла гулять по щекѣ отца Вертѣйля.

— Ахъ, какъ это хорошо!

— Не бойтесь; покуда дѣло идетъ дѣйствительно хорошо.

И съ неподражаемой твердостью руки, свойственной живописцу, когда онъ прикасается къ полотну кончикомъ кисти, или ваятелю, когда онъ чуть-чуть дотрогивается до каменной глыбы концемъ рѣзца, онъ продолжалъ, при жесточайшей качкѣ и потрясеніяхъ, свое дѣло, и по мѣрѣ того, какъ оно приходило къ концу, страданія Вертѣйля уменьшались и онъ начиналъ громко вздыхать съ чувствомъ чловѣка, возвращающагося къ жизни.

Операция бритья продолжалась цѣлый часъ и кончилась благополучно. Кожа пациента была красна какъ послѣ бани, но царапины не оказалось ни одной.

— Ахъ, любезный Густавъ, сказалъ Вертѣйль, — вы во второй разъ спасаете мнѣ жизнь. Но, Боже мой, продолжалъ Вертѣйль, — вѣдь я совсѣмъ забылъ о своихъ змѣяхъ и ящерицахъ!

— Господи! вскрикнула Мелани, — я чувствую, что у меня что-то живое обвилось около ноги!

— Ты съ ума сошла, отвѣчалъ Вертѣйль, — послѣднюю змѣю мы положили въ спиртъ, неслѣду тому назадъ.

— Это ничего не значить, отвѣчала Мелани, очень мало убѣжденная этимъ хронологическимъ доводомъ, — я читала въ книгахъ, что змѣя самое хитрое животное!

Вертѣйль отчасти былъ правъ, говоря что опасности нѣтъ, потому что большая часть банокъ разбилась, по змѣи и ящерицы лежали мертвыя.

Говорятъ, что чловѣкъ никогда не можетъ быть совершенно счастливымъ. По прошествіи десяти дней по выходѣ въ море, пассажиры наши могли бы почестъся счастливыми, если признать за счастье, — по примѣру философовъ, сравненіе лучшаго состоянія съ худшимъ. Вечеромъ, на десятый день, вѣтеръ стихъ совершенно, море успокоилось, пассажиры вышли изъ своего подполья на палубу и могли свободно вдыхать свѣжій морскій воздухъ, вмѣсто спертыхъ удушливыхъ испареній трюма, и наслаждаться зрѣлищемъ уже не грязнаго потолка, покрытаго скорпионами, стоножками и пауками, а безконечной равниной безпредѣльнаго моря и горизонтомъ, на которомъ величественно сіяло солнце въ пурпурно-золотыхъ облакахъ. Все это заставляло предполагать, что пассажиры должны были считать себя относительно счастливыми. Но, какъ отъ сотво-

ренія міра и до нашихъ временъ, люди постоянно на что нибудь да жалуются, то пассажиры наши, и дамы и мужчины, также несовѣмъ были довольны своею судьбой. Уже пять сутокъ питались они одними сухарями и пили теплую воду, которая съ каждымъ днемъ все больше согрѣвалась и портилась. Съ своей стороны и судно также сильно жаловалось. Одна мачта на немъ переломилась; паруса изорвались въ-кочки; пазы разсѣлись, и въ трюмѣ прибавилось много воды. Капитанъ рѣшилъ держать курсъ на рейдъ Каяку, чтобы пробить тамъ сутки, для исправленія поврежденій. По-мѣрѣ приближенія къ берегу, передъ судномъ мало-по-малу поднималась изъ волнъ корзина съ цвѣтами, между которыми виднѣлась цѣпь небольшихъ горъ, холмы, поросшіе лѣсомъ, полнымъ свѣжести и прохлады, и серебряные извивы рѣкъ и ручьевъ, до-того свѣтлыхъ и прозрачныхъ, что такъ-бы и окунулся въ ихъ чистыя струи. Лѣса, раскинувъ широкія вѣтви свои, манили путника подъ благодатную сѣнь. Капитанъ Лафоржъ бросилъ якорь въ четверти мили отъ берега, и несмотря на мольбы пассажировъ спустить шлюбку, рѣшительно отказалъ въ этомъ. По какой причинѣ, никто не зналъ, да, можетъ быть, причины и не было никакой; капитанъ не хотѣлъ исполнить общей просьбы просто по капризу. Но искушеніе было слишкомъ велико, и Густавъ, съ тремя товарищами, рискуя попасться акуламъ, или кайманамъ, раздѣлись и смѣло бросились съ корабля въ море. Одинъ изъ этихъ удалцовъ опоясаясь платкомъ, завязавъ въ узелокъ на всякій случай пару долларовъ, въ-надежду испытать великодушіе каякутовъ.

Всѣ женщины громко вскрикнули, не понимая, зачѣмъ молодые люди бросились въ море, но когда Густавъ объяснилъ имъ, что они отправляются на берегъ за свѣжей водой, разными принасами и плодами для пассажировъ, то всѣ были очень рады.

Четыре пловца вышли на берегъ въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго; они прямо пошли къ небольшому укрѣпленію, бѣлѣвшемуся вдали. Но укрѣпленіе это было необитаемо. Впрочемъ, оттуда они замѣтили деревню, лежавшую отъ укрѣпленія не больше, какъ въ четверти мили. Они рѣшились туда отправиться. О наготѣ своей они

совершенно не заботились, потому что уже довольно пожили на Антильскихъ островахъ. Припасовъ купили они безъ всякаго затрудненія; на полдоллара приобрѣли они банановъ, манговъ, пальмовой капусты и маньоковаго хлѣба. Теперь встрѣтилось затрудненіе: какимъ образомъ доставить все это на судно. Дикари предложили для этой цѣли челнокъ изъ древесной коры; она была наполнена всякой всячиной: въ ней помѣстились два гребца — каякута, четверо нашихъ европейцевъ, и отправились къ кораблю.

Никогда еще ни одинъ триумфаторъ не былъ принятъ съ такимъ искреннимъ энтузіазмомъ, съ какимъ были встрѣчены наши удалцы пассажирами.

Грузъ челноковъ свалили на палубу, всѣ мушны и женщины усѣлись вокругъ него и затѣмъ начался дѣлежъ припасовъ. Потомъ, притащили изъ трюма тюфяки, отрянули ихъ, выколотили, разостлали по палубѣ и провели одну изъ тѣхъ чудныхъ ночей, которыя когда-то проводила Клеопатра въ Канопѣ.

Наутро подулъ довольно сильной верховой вѣтеръ и быстро понесъ судно по зеркальной поверхности моря. Черезъ двадцать четыре часа они уже возвратились въ Мартинику. Видъ гавани представлялъ самое ужасное зрѣлище. Когда мы говоримъ *гавань*, то надобно разумѣть *рейдъ*; потому что въ Мартиникѣ, какъ извѣстно, — нѣтъ гавани.

Налетѣвшій шквалъ былъ такъ силенъ и появленіе его такъ неожиданно, что суда не имѣли времени выйти въ море.

Два трехмачтовыхъ и два брига были выброшены на берегъ и лежали на боку; они были разбиты, разснащены, съ переломанными мачтами, но людей на нихъ не было видно. При каждомъ ударѣ волнъ, яростно бичевавшихъ ихъ по ребрамъ, полуразрушенныя суда издавали жалобный стонъ. Море на двѣ мили отъ берега было покрыто реями, мачтами, бочками, курятниками и обломками разбившихся судовъ. На морскомъ берегу, эшелонами расположенъ былъ гарнизонъ. Моряки-негры вытаскивали изъ воды все, что только можно было спасти. Капитанъ Лафоржъ не хотѣлъ отставать отъ прочихъ; онъ бросилъ якорь и покуда артистовъ перевозили на берегъ, онъ послалъ свой экипажъ на помощь экипажамъ другихъ судовъ.

Цѣлые три дня нельзя было и подумать дать представленіе. Боялись даже разослать афиши, полагая, что это возбудитъ негодованіе въ жителяхъ, опечалѣнныхъ послѣдней катастрофой. Когда все немножко успокоилось и пришло въ прежній порядкъ, жители нѣкоторымъ образомъ сами стали выражать желаніе, чтобы труппа дала представленіе; они успѣли уже привыкнуть къ театру и онъ слѣдался для нихъ какъ-бы потребностью. На этомъ основаніи, Викторъ Марестъ, по желанію жителей Мартиники, объявилъ, что въ субботу 10 сентября, 1830 года, для открытія представленій, дана будетъ опера *Иосифъ Прекрасный* и комедія *Брюе и Палапра*.

Утромъ 10 сентября, въ то время, когда афишеры приклеивали на углахъ домовъ объявленія о спектаклѣ, выѣхалъ губернаторъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, съ барабаннымъ боемъ вошелъ на главную береговую батарею, снялъ бѣлый флагъ и водрузилъ трехцвѣтное знамя. Народъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, недоумывая: что бы это значило. Но никто не могъ дать объясненія; это значило, что въ Парижѣ вспыхнула революція, извѣстная въ исторіи подъ названіемъ июльской. Губернаторъ приказалъ Маресту отмѣнить объявленное представленіе. Вечеромъ, толпа, по обыкновенію, собралась у театральнаго входа, но двери были заперты, и къ нимъ приклеена афиша, объявлявшая объ отмѣнѣ представленія. Въ тотъ же вечеръ директоръ объявилъ артистамъ своей труппы, что болѣе въ нихъ не нуждается. Нѣкоторые попробовали-было зашумѣть, грозили директору процесомъ, но имъ объявили, что представленія запрещены высшимъ начальствомъ.

Бѣдные артисты, занесенные за тысячу пятьсотъ миль отъ родной страны, принуждены были умолкнуть, и покориться необходимости. Каждый рѣшился предпринять какой нибудь *трикъ*, чтобъ поддержать свое существованіе. Директоръ открылъ кофейню. Первая пѣвица поступила къ нему конторщицей. Эллевіу и мамзель Дюгазонъ съ г-жею Поль, успѣвшіе скопить себѣ кое-что изъ жалованья — возвратились во Францію. Баритонъ Дюнои опредѣлился въ церковные пѣвчіе. Старикъ Вертѣиль отправился съ сыномъ своимъ въ Пуентъ-о-Питръ, гдѣ скоро умеръ, а сынъ его поступилъ факторомъ въ типографію.

Коленъ де-Во сдѣлался учителемъ фехтованія. Первая любовница поступила компаньонкой въ домъ одного изъ мѣстныхъ начальниковъ. Благородный отецъ Салле опредѣлился привратникомъ въ масонскую ложу. Наконецъ, бастъ, Густавъ, послѣ двадцати четырехъ-часоваго размышленія, относительно избранія какого-нибудь изъ множества *триковъ*, рѣшился посвятить себя миниатюрной живописи.

XII.

Густавъ живописецъ. — Исторія одного поединка. — Отецъ Жанъ получаетъ посылку изъ Мартиники. — Письмо въ табакеркѣ. — Портретъ масляными красками. — Остроумная замѣна холста. — Вліяніе сырости на ослиную кожу. — Демонъ актерства. — Новый капитанъ. — Способъ измѣнять погоду. — Знаменитый поварь. — Что говорятъ между собою кухонные снаряды.

Въ тотъ самый день, когда Густавъ рѣшился посвятить себя новому искусству, онъ отправился къ продавцу разныхъ бильярдныхъ принадлежностей, купилъ три костяные шара, отправился къ краснодеревщику и велѣлъ ему распилить каждый шаръ на десять пластинокъ, и такимъ образомъ у него ихъ стало тридцать штукъ, разной величины.

Онъ рѣшился брать за миниатюрный портретъ по два дублона и расчелъ такимъ образомъ, что, нарисовавъ ихъ тридцать штукъ, получить четыре тысячи восемьсотъ франковъ, употребивъ на матеріалъ только двадцать одинъ франкъ, именно: пятнадцать за шары, да шесть за распилку. Ящикъ акварельныхъ красокъ и нѣсколько баночекъ съ гуашью были куплены имъ еще прежде и потому въ счетъ не шли. Когда все было готово, Густавъ написалъ объявленіе и разослалъ его во всѣ лучшіе дома города. Вотъ его содержаніе:

«Г. Густавъ, миниатюрный живописецъ, имѣеть честь «симъ увѣдомить почтенныхъ жителей Гваделупы и Мартиники, что принимаетъ заказы на портреты, съ полнымъ ручательствомъ за сходство.»

Въ наше время уже окончательно доказано, что въ свѣтѣ нѣтъ ни счастья, ни несчастья, и что все зависитъ отъ умѣнья взяться за дѣло. Спекуляція Густава имѣла самое блистательное начало. Первый аматёръ, явившійся къ нему для заказа, былъ мартиникскій городской судья, который ужасно нашумѣлъ своей необыкновенной дуэлью и потому сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія и толковъ. Онъ былъ небольшой, жиденькій человекъ, лѣтъ тридцати-пяти или сорока, съ прехорошенькимъ личикомъ и съ необыкновенно пріятнымъ голосомъ, какъ у всѣхъ креоловъ, которые вообще говорятъ какъ-будто поютъ; звуки ихъ рѣчей мягки и нѣжны и, кажется, будто выходятъ изъ бархатнаго горла. Онъ поспорилъ съ какимъ-то забіякой, давно искавшимъ случая оскорбить его. Судья вызвалъ оскорбителя на дуэль и объявилъ ему, что будетъ стрѣляться черезъ платокъ, то есть, противники возьмутся лѣвой рукой за концы платка, по жеребью выберутъ по пистолету, изъ которыхъ одинъ будетъ заряженъ, а другой нѣтъ, и выстрѣлятъ другъ въ друга. Они выбрали секундантовъ и отправились на условленное мѣсто. Противники стали лицомъ къ лицу, въ трехъ шагахъ одинъ отъ другаго; бросили жребій и секунданты подали каждому по пистолету. Бросили жребій во второй разъ. Судья досталось стрѣлять первому. Онъ спустилъ курокъ, но пистолетъ не выстрѣлилъ: ему достался незаряженный. Противникъ его выстрѣлилъ на-воздухъ. Но судья объявилъ, что не имѣеть надобности въ его великодушій, и потребовалъ, чтобы пистолетъ былъ снова заряженъ при его глазахъ; онъ самъ спустилъ пулю въ дуло и заставилъ своего противника выстрѣлить еще разъ. По правиламъ дуэли, противникъ не могъ отказаться отъ этого требованія: онъ принялъ отъ него пистолетъ, прицѣлился, спустилъ курокъ, раздался выстрѣлъ—и судья упалъ замертво; пуля прошла ему въ грудь на-вылетъ и порохъ опалилъ ему все платье спереди. По какому-то необъяснимому чуду рана оказалась несмертельна, и, мѣсяца черезъ три, судья

уже, какъ ни въ чемъ небывало, прогуливался по улицамъ Мартиники.

Креолы, будучи вообще очень храбры по природѣ, чрезвычайно уважаютъ людей презирающихъ смерть. Хладнокровное мужество судьбы надѣлало, какъ мы уже сказали, много шуму въ городѣ. Снять портретъ съ такой знаменитости было для нашего художника величайшей находкой. Но счастье не ходитъ въ-одиночку: портретъ удался какъ нельзя лучше; онъ былъ выставленъ напоказъ въ одномъ извѣстнѣйшемъ магазинѣ и произвелъ эффектъ необыкновенный.

Съ этой минуты въ мастерской Густава цѣлый день толпился народъ и отъ заказовъ не было, какъ говорится, отбоя. Подъ кистью его воспроизводились десятками человеческіе образы, всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, начиная отъ агатового до блѣдно-розоваго, то есть, отъ лица сенегальскаго негра до свѣженькаго личика англичаночки изъ Плаймузъ или Соутгемптона. Онъ писалъ портреты съ величайшимъ безпристрастіемъ, изображая природу какъ она есть.

Однако, что-то подѣлываетъ отецъ Жанъ въ то время, какъ сынъ его Этьенъ, подъ псевдонимомъ Густава восхищавшій сначала своимъ голосомъ и игрой жителей Антильскихъ острововъ, принялся удивлять ихъ своей живописью?

Онъ принималъ большое участіе въ успѣхѣ работъ церкви св. Магдалины и разспрашивалъ о ходѣ ихъ у всѣхъ прѣзжихъ изъ Парижа. Иногда его брало роздумье, что за-причина, что сынъ ничего ему не пишетъ. Правда, онъ зналъ очень хорошо, что сынъ писать неохотникъ, но все-таки, ему казалось, что написать къ нему два слова «я здоровъ» или «какъ поживаете» не могло составить рѣшительно никакого труда. А между-тѣмъ оно принесло бы старику много удовольствія. Но онъ не жаловался; это было не въ его характеръ; онъ продолжалъ мурлыкать свой маршъ, точно также, какъ и прежде, во времена имперіи, и только иногда съ нѣкоторой досадой говаривалъ:

— Что за неблагодарный народъ дѣти!

Но восклицанія эти повторялись очень рѣдко, никакъ не больше одного раза въ-мѣсяцъ. Разъ, пришли ему ска-

зять съ-почты, что изъ Мартиники получена на его имя посылка.

Изъ Мартиники! Какой-чортъ можетъ прислать мнѣ что-нибудь изъ Мартиники! На Антильскихъ островахъ у него никого не было знакомыхъ. Въ посылкѣ этой была связка журналовъ, боченокъ рома, пятьсотъ сигаръ, двѣ банки нюхательнаго табаку и серебряная табакерка. Папá Жанъ развернулъ пачку журналовъ и прочиталъ:

«Продается домъ... Продается негръ... Продается негр-итянка... Продается негр-итенокъ.»

Очевидно, что изъ объявленій этихъ онъ не могъ почерпнуть никакого объясненія. Онъ продолжалъ читать далѣе, и остановился на статьѣ:

Мартиникскій театръ. — Г. Густавъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ права на благосклонность публики. Онъ пропѣлъ вчера въ «Севильскомъ цирюльникѣ» арію о клеветѣ съ необыкновеннымъ искусствомъ и пріятностью. Его неподражаемая манера совершенно очаровала зрителей...

— Все не то, сказалъ Жанъ, который зналъ своего сына подъ настоящимъ именемъ Этьена. Онъ взялъ другой журналъ и продолжалъ читать.

— «Испанскій Триниладъ.

Французскій театръ въ морскомъ-скверѣ.

Лирическіе и драматическіе артисты, подъ управленіемъ г. Виктора Мореста, будутъ имѣть честь дать: «Магометъ, или фанатизмъ»

Г. Густавъ исполнитъ роль Магомета. Имя Густава, подчеркнутое во второй разъ, бросилось въ-глаза Жану.

— Что за-чортъ, подумалъ онъ,—чего отъ меня хотятъ съ этимъ Густавомъ? Я не знаю никакого Густава! но мнѣ кажется, что въ этомъ Густавѣ и заключается вся разгадка.

Въ двадцати другихъ журналахъ онъ прочелъ то же самое, только съ небольшими варіаціями, и потому бросилъ журналы въ-сторону и принялся разбирать пакетъ съ сигарами. Онъ досталъ одну сигару, выкурилъ ее, и нашелъ превосходной.

— Ого! сказалъ онъ, — теперь можно раскнуть попробовать и нюхательнаго!

И взявъ изъ широкогорлой бутылки добрую шепотку макубскаго табаку, онъ съ наслажденіемъ втянулъ ее въ носъ обѣими ноздрями.

— Славно, чортъ возьми! Славно!.. Давай-ка насыплю въ табакерку.

Онъ открылъ табакерку. Тамъ оказалась записка.

— Смотри, пожалуй! сказалъ старикъ, да это рука Этьени!

Онъ развернулъ записку и прочиталъ: «Это я, папа! По твоему желанію, я отрекся отъ театра, на которомъ игралъ подъ-именемъ Густава, и теперь живу въ Мартиникѣ и рисую миниатюрные портреты.

«Твой почтительный сынъ, зарабатывающій множество денегъ. Этьень.»

Отецъ-Жанъ изумился. Прежде всего поспѣшилъ онъ показать это письмо, или, правильнѣе, записку, двумъ лицамъ: поручику пограничной стражи, съ табакерки котораго его сынъ снялъ первый рисунокъ, и г. Оделли, который доставилъ ему первую награду. Болѣе же всего утѣшала его мысль, что сынъ его бросилъ театръ и сдѣлался живописцемъ.

Въ это время Густавъ, — удивительное дѣло! — сдержалъ обѣщаніе свое, объявленное въ афишѣ. Онъ ручался за сходство портретовъ, и сходство ихъ съ натурой было такъ велико, что разъ явился къ нему богатый колонистъ, съ просьбой, написать его портретъ не гуашью, не акварелью и не въ миниатюрѣ, а масляными красками и въ натуральную величину.

Густавъ принялъ его очень вѣжливо.

— Я произвожу всякія работы, отвѣчалъ онъ, — относящіяся до моего искусства.

— И также можете поручиться за сходство?

— Даже еще болѣе.

— А какая будетъ цѣна?

— Четыре дублона.

— Согласенъ. Можно ли завтра начать?

— Невозможно, я завтра занятъ весь день.

— Ну, такъ послѣ завтра?

— Раньше понедѣльника никакъ не могу.

— Ну, дѣлать нечего, такъ въ понедѣльникъ! со вздохомъ сказалъ колонистъ, такимъ тономъ, который выражалъ глубочайшее сожалѣніе, что сеансъ не можетъ начаться раньше. Онъ ушелъ, взявъ честное слово съ Густава, что въ понедѣльникъ онъ непременно начнетъ рисовать съ него портретъ. Густавъ имѣлъ очень важныя причины отложить сеансъ до понедѣльника. Онъ-хоть и былъ очень занятъ, но все-же не въ такой степени, чтобы не имѣть возможности удѣлить два-три часа. Онъ потребовалъ отсрочки сеанса на четыре дня, потому что боялся ненайти готоваго холста для живописи масляными красками... И въ это время надѣялся придумать что-нибудь такое, чѣмъ бы можно было замѣнить холстъ. Холста годнаго для живописи, точно, нигдѣ не оказалось. Онъ обошелъ и объѣхалъ за нимъ весь островъ, но все поиски его были бесполезны. Онъ рѣшился по-необходимости купить какую-нибудь старую картину, чтобы замазать ее бѣлилами и потомъ употребить въ-дѣло. Но и картины такой величины, какой ему было нужно, онъ не могъ найти на всемъ островѣ.

Эти двѣ неудачи меньше всего способны были опечалить нашего артиста; онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, придумалъ, чѣмъ можно замѣнить холстъ. Густавъ отправился къ капельмейстеру народной стражи и началъ рыться въ кучѣ старыхъ музыкальныхъ инструментовъ. Ему попался турецкій барабанъ, пробитый съ одной стороны. Того-то ему и было надобно. Этотъ барабанъ навелъ его на весьма счастливую мысль. Онъ купилъ выдѣланную ослиную кожу и туго натянулъ ее на большой деревянный обручъ.

Въ назначенный день и часъ колонистъ явился. Густавъ между-тѣмъ приобрѣлъ отъ вывѣсочныхъ маляровъ самыя лучшія краски. Колонистъ сначала очень удивился, узнавъ, что изображеніе его будетъ воспроизведено на ослиной кожѣ; но Густавъ очень хладнокровно увѣрилъ его, что, обладая обширными познаніями въ химіи, онъ открылъ, что на Антильскихъ островахъ, гдѣ воздухъ насыщенъ соляными частицами, для живописи масляными красками нельзя употреблять холстъ, а непременно пужна ослиная кожа. Волей-неволей, колонистъ долженъ былъ покориться не-

обходимости и во всемъ съ нимъ согласиться. Густавъ смѣло взялся за кисть, не подавъ и виду, что онъ отъ роду не писалъ масляными красками. Работа шла несравненно легче, нежели на холстѣ. При каждомъ прикосновеніи кисти къ ослиной кожѣ она издавала громкій звукъ и такимъ образомъ выходила преоригинальная симфонія. На отдѣлку портрета художникъ употребилъ цѣлую неделю, но за-то и вышелъ портретъ! — Истинно образцовое произведеніе! Колонистъ въ величайшемъ восторгѣ воротился къ себѣ домой и, созвавъ всю семью свою, торжественно открылъ передъ ней портретъ. Самособой разумѣется, что онъ не сказалъ, начемъ портретъ былъ нарисованъ. Онъ боялся, что сказавъ женѣ и дѣтямъ про ослиную кожу, уронить свое достоинство и важность.

Но съ изящнѣйшимъ произведеніемъ кисти нашего художника едва не сдѣлалось большаго несчастія, котораго онъ предвидѣть никакъ не могъ. Наступила зима, то есть, дождливое время года. Послѣ продолжительной засухи сдѣлалась страшная сырость и мокрота. Портретъ колониста, при всей своей неподражаемой прелести, вдругъ сталъ какъ-то измѣняться. Лицо, имѣвшее сначала серьезное выраженіе, казалось, состарѣлось и стало смотрѣть какъ-то смѣшно, съежилось и избороздилось морщинами, и что всего удивительнѣе, — не горизонтально, а продольно, что въ дѣйствительности рѣшительно не встрѣчается.

Эта странная перемѣна въ портретѣ навела на все семейство какой-то суевѣрный ужасъ. Послали за живописцемъ.

Онъ явился. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ подошелъ онъ къ картинѣ, и семейство колониста, ободренное его равнодушіемъ, начало понемногу успокаиваться.

— Хорошо еще, сказалъ Густавъ, что я не покрылъ его лакомъ. И тономъ врача, ободряющаго своего пациента, онъ продолжалъ:

— Это бездѣлица; черезъ три дня можете явиться за нимъ ко мнѣ; онъ приметъ опять прежній свой видъ.

Густавъ съ перваго взгляда понялъ, что портретъ сморщился и покособился просто отъ сырой погоды, и надѣялся легко пособить этому горю. Онъ поставилъ портретъ на три дня въ комнату, которая была ватоплена

до-тридцати градусовъ, и черезъ три дня портретъ совершенно просохъ, и всѣ складки, неровности и морщины исчезли совершенно. Семейство колониста было въ восхищеніи, суевѣрный страхъ окончательно разбѣялся; и оно убѣдилось, что провозведеніе Густава имѣетъ двойное достоинство, потому что въ одно и то же время служить и портретомъ и термометромъ.

Густавъ, попросту сказать, открылъ источникъ Пактоля. Но что прикажете дѣлать съ этимъ народомъ, артистами! Они устроены совершенно иначе, нежели остальные люди! У насъ всегда водится: мысли свои подчинять личнымъ своимъ интересамъ, у нихъ такъ совсѣмъ напротивъ — интересы находятся въ полной зависимости отъ мысли. Мы знаемъ, что Густавъ былъ одержимъ страстью, надъ которой даже золото не могло взять перевѣса; это была страсть къ актерству, одна изъ ужаснѣйшихъ страстей въ человѣкѣ, которая постоянно мучить его и не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью. Она однимъ мгновеніемъ волшебнаго жезла превращаетъ салоны въ театры, канделябры — въ лампы, каминны — въ суфлерскія будки; въ одно ухо нашептываетъ вамъ *Сидя*, въ другое *Фшаро*: постоянно отдается за вашей спиной какимъ-то смѣшнымъ шумомъ отдаленныхъ криковъ «браво!» и громкихъ рукоплесканій, и заставляетъ васъ среди блеска и величія, подобно Нинонѣ, повторять: «ахъ, гдѣ то счастливое время, когда я былъ несчастливъ!» Точно-также и герой нашъ, продолжая марать свои миниатюры, приносившіе ему по тридцати тысячъ франковъ въ годъ, съ глубокимъ вздохомъ вспоминалъ о томъ времени, когда ему въ труппѣ Сѣвернаго Зозо обѣщано было пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, которые онъ въ-дѣйствительности получалъ у Севеста.

Когда человѣка посѣтитъ подобное настроеніе духа, будущность его, дурная или хорошая, зависитъ отъ самаго ничтожнаго обстоятельства. Густавъ познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ изъ Руана, который видѣлъ его нѣсколько разъ на сценѣ.

— Эге! сказалъ ему этотъ молодой человѣкъ — теперь вы взяли за миниатюрную живопись?

— Какъ видите.

— Отчего же вы перестали играть?
 — Здѣсь нѣтъ больше театра.
 — Это жаль; тѣмъ болѣе, что дарованіе у васъ очень замѣчательное.

Змѣй-искуситель вильнулъ передъ Густавомъ своимъ хвостомъ, — но онъ не замѣтилъ его, или, по-крайней-мѣрѣ показывалъ, что не замѣчаетъ.

— Что дѣлать! отвѣчалъ онъ, — человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

— Если вы хотите, то я могу....

Змѣй тихонько ползъ къ своей цѣли.

— Я познакомлю васъ съ Вальтеромъ?

— Кто этотъ Вальтеръ?

— Директоръ руанскаго театра.

— Нѣтъ; покорно васъ благодарю.

— Что это значитъ?

— Я ненамѣренъ больше играть въ провинціи.

— И прекрасно! Но-вѣдь Руанъ — на дорогѣ изъ Гавра въ Парижъ; проѣзжая въ Парижъ, вы остановитесь въ Руанѣ... Контракта заключать вовсе неслѣдуетъ; вы просто остановитесь отдохнуть...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ Густавъ, уже вполонину побѣжденный этими неопровержимыми доводами, — это очень соблазнительно; но какъ же мнѣ явиться къ нему безъ всякой рекомендаціи?.. Или вы, можетъ быть, письмо мнѣ дадите!..

— Я хочу сдѣлать гораздо лучше; завтра я самъ ѣду во Францію.

— Неужели! Какъ вы счастливы!

— Счастливъ? — Кто жъ вамъ мѣшаетъ воспользоваться этимъ счастіемъ?

— Мнѣ-то?...

— Послушайте: я уѣду завтра; уѣжайте и вы, недѣлю черезъ двѣ, и когда вы явитесь въ Руанъ, все будетъ уже сдѣлано.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Честное слово!

— Дайте мнѣ немножко подумать; вечеромъ я дамъ вамъ рѣшительный отвѣтъ.

— Сдѣлайте одолженіе! Приневолить васъ я права не имѣю.

Демонъ потихоньку потянулъ изъ воды удочку, замѣтивъ, что поплавочекъ шевелится и рыба стало-быть попалась на крючокъ.

Руанецъ взялся за шляпу и сказалъ:

— Такъ, до вечера.

Но онъ не успѣлъ отойти четырехъ шаговъ отъ двери, какъ Густавъ уже обдумалъ все, что нужно и сказалъ ему въ сѣдѣ:

— Послушайте! Зачѣмъ вамъ ждать отвѣта до вечера.

— А, вы отказываетесь? съ сатанинской улыбкой спросилъ искуситель, и лицо его приняло какое-то мѣфистофельское выраженіе.

— Нѣтъ; соглашаюсь.

— И прекрасно! сказалъ руанецъ.

Съ этими словами онъ повернулся за уголъ и пропалъ изъ виду. Договоръ былъ заключенъ. Руанецъ больше не показывался; онъ уже завладѣлъ душой Густава, и боялся, чтобъ она не выскользнула у него изъ когтей. Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ этого разговора, Густавъ былъ уже на палубѣ *Урсина*. Онъ заплатилъ за переѣздъ четыреста франковъ, полагая въ томъ числѣ и кушанье. Но, повидимому капитанъ заключилъ съ моремъ условіе дѣлать всевозможную экономію насчетъ пассажирскаго продовольствія. Едва-только вышли они изъ рейда, какъ погода сдѣлалась прескверная, ктому же капитанъ былъ не-въ-духъ. Когда погода становилась изъ-рукъ-вонъ гадкою, капитанъ обыкновенно говаривалъ:

— Надобно мнѣ помучить юнга.

Въ этомъ, по его мнѣнію, заключался способъ заставить погоду перемениться.

— Юнга! кричалъ онъ — юнга!

Юнга, знавшій, какъ былъ суевѣренъ капитанъ, не смѣлъ показаться ему на-глаза.

— Юнга! повторялъ капитанъ тономъ въ три діеза въ ключѣ.

Юнга долженъ былъ наконецъ явиться.

— Юнга! — стаканъ рому!

Юнга со всѣхъ ногъ бросился поскорѣй исполнить при-

казаніе и возвратился черезъ минуту, осторожно передвига-
гая ноги, чтобъ не разлить напитка.

— Извольте, господинъ капитанъ, отвѣчалъ онъ съ ви-
димой боязнью.

— Давай сюда, животное!

Подавъ стаканъ, юнга тотчасъ же убѣгалъ подъ палубу.
Но при всей своей поспѣшности ему ниразу не удавалось
увернуться отъ капитанскаго пинька. Если же капитанъ да-
валъ промахъ:

— Вотъ увидите: вѣтеръ непременно переменится.

Опытъ повторялся такъ часто, что изъ десяти разъ вѣр-
ныхъ два вѣтеръ переменялся. И это было слишкомъ мно-
го для того, чтобы совершенно утвердить капитана въ его
суевѣрной примѣтѣ. Къ этому дурному состоянію духа онъ
присоединялъ еще одну страсть. На суднѣ былъ поваръ.
поваръ этотъ ужаснѣйшимъ образомъ одурачилъ капитана.
Передъ отбѣздовъ съ Антильскихъ острововъ онъ пору-
чилъ своему подшкиперу приискать повара. Подшкиперъ
отыскивалъ, разузнавалъ и наконецъ нашелъ человека, ко-
торый объявилъ ему, что отлично умѣетъ готовить ку-
шанье.

— У насъ въ роду всѣ повара; искусство это наслѣд-
ственное, переходитъ отъ отца къ сыну.

Онъ самъ занимался у Брилья Саварена, извѣстнаго ав-
тора гастрономическихъ книгъ, отецъ его служилъ у Кам-
басереса; дѣдъ — у Гримо де Рейниера, а прадѣдъ у
маршала Ришльё. Эта родословная немного испугала ка-
питана; онъ съ нѣкоторой нерѣшительностью спросилъ
его насчетъ жалованья. Но поваръ отвѣчалъ, что съ
малолѣтства имѣлъ пламенное желаніе совершить пу-
тешествіе моремъ, для изученія кухни у разныхъ наро-
довъ, которые ему случится встрѣтить, и потому согласенъ
на самое ничтожное жалованье. Капитанъ положилъ ему
пять сотъ ливровъ въ годъ. Поваръ предупредилъ капита-
на, что первые два-три дня по выходѣ въ море, онъ, мо-
жетъ быть, по непривычкѣ и захвораетъ, но что потомъ,
заплативъ эту дань человѣческой немощи, онъ немедленно
займется своимъ дѣломъ. Капитанъ на все согласился; съ
условіемъ, чтобы поваръ угощалъ его самыми утонченными
блюдами и обратилъ особенное вниманіе на печенья и пи-

рожныхъ, до которыхъ капитанъ былъ страстный охотникъ. Поварь, повидимому, былъ въ восхищеніи, но замѣтилъ капитану, что если готовить къ столу разныя гастрономическія тонкости, то необходимо значительно укомплектовать кухонныя принадлежности, особенно части вертеловъ, кострюль, жаровень и проч. Капитанъ нашелъ, что требованіе это совершенно справедливо и уполномочилъ повара закупить все что нужно, на пятьдесятъ червонцевъ. На другой день поварь возвратился на судно, обвѣшанный какъ панциремъ разными снарядами для печенья и замораживанья. Капитанъ съ изумленіемъ разсматривалъ эти снаряды, которыхъ не зналъ даже и названій и заранѣе облизывался, представляя себѣ, какія будутъ приготовляться у него чудеса. Судно снялось съ якоря и выступило въ море. Капитанъ счелъ долгомъ объявить пассажирамъ, что они будутъ имѣть у него на суднѣ такой столъ, какого рѣдко можно добыть даже на берегу. Въ то же время онъ предупредилъ ихъ, что первые два-три дня имъ придется попоститься, потому что знаменитый поварь, котораго ему удалось нанять, вѣроятно, будетъ не въ состояніи приняться за стряпню, потому что, какъ должно думать, подвергнется морской болѣзни, ибо никогда еще не бывалъ на морѣ. Пассажирамъ все это было слишкомъ понятно, потому что почти всѣ они могли сказать, какъ Дидона Энею:

Несчастная — могу несчастью сострадать!

Три первые дня поварь дѣйствительно былъ болѣнъ, но никто на это и не думалъ роптать. Вечеру третьяго дня капитанъ прислалъ сказать повару, что завтра день его рожденія и потому онъ желаетъ дать большой обѣдъ пассажирамъ. Поварь отвѣчалъ, что онъ теперь здоровъ и съ завтрашняго дня можетъ готовить кушанье. Давно желанный день наступилъ, и обѣдъ былъ изготовленъ, но изготовленъ такъ, что ни къ одному кушанью нельзя было прикоснуться: все было отвратительно скверно, начиная отъ суповъ и кончая пирожнымъ. Словомъ сказать: поварь все перепортилъ, кромѣ однихъ яблоковъ, которыя были испечены какъ слѣдуетъ. Капитанъ пришелъ въ бѣшенство и между кофе и ликеромъ потребовалъ къ себѣ повара, котораго рѣшился наказать примѣрнымъ образомъ.

Несчастный какъ твердо помнилъ, что на кораблѣ и въ открытомъ морѣ капитану предоставлено право распла- тать жизнью и смертию своихъ подчиненныхъ.

Поварь повалился въ ноги капитану и со слезами признался, что очутившись въ тридцать пять лѣтъ безъ занятія и всякихъ средствъ къ жизни, онъ рѣшился посвя- тить себя поваренному дѣлу, но зная, что прежде ежели взяться за какое нибудь дѣло, нужно выучиться ему, вздумалъ начать ученіе на суднѣ такого капитана, ко- торый въ цѣломъ мѣрѣ извѣстенъ своей кротостію и добродушіемъ, и что лучшимъ доказательствомъ твердой рѣшимости его выучиться стряпнѣ можетъ служить то, что онъ склонилъ капитана застаться новыми кухонными принадлежностями. Всѣ эти принадлежности онъ, съ Бо- жіей помощью, надѣялся современемъ употребить въ дѣ- ло, притомъ самымъ достойнымъ образомъ и заслужить милость своего великодушнаго капитана. Всѣ эти доводы были больше трогательны, чѣмъ убѣдительно. Велѣд- ствіе этого поваря получилъ пятьдесятъ ливровъ и былъ закованъ въ цѣпи. Рулевому, умѣвшему немножко гото- вить, было приказано научить повара жарить баранину и варить яйца.

Въ бурные дни, первическая раздражительность капита- на еще болѣе увеличивалась отъ вліянія электричества, которымъ былъ насыщенъ воздухъ: воспоминаніе о сквер- номъ обѣдѣ, который онъ задалъ пассажирамъ, въ день своего рожденія, о бесполезно потраченныхъ пятидесяти червонныхъ на покунку бесполезнѣйшихъ кухонныхъ сна- рядовъ приводило его въ величайшій гнѣвъ и побуждало къ мщению. Мрачныя идеи эти, раздражившіяся обыкно- венно на юнгахъ, имѣли ту хорошую сторону, что произ- воляли всегда переменну погоду. Вообще же онъ обраща- лись, улысь со свойственнымъ челоѣку эгоизмомъ, на удо- влетвореніе личнаго мщенія. Когда дурная погода заклю- чалась въ мимолетномъ порывѣ вѣтра, или облачкѣ, ко- торое вѣтеръ принесетъ и вѣтеръ же развѣетъ, капитанъ, въ изъясненіе радости своей, что небо прояснилось и вѣтеръ переѣмился, имѣлъ обыкновеніе надѣлать юнга пиньками. Но когда вѣтеръ усиливался и поднималась сильная буря, тогда—другое дѣло! вся злоба его, возбуж-

денная предательскимъ поступкомъ повара, переволнивъ сердце его, разливалась неудержимымъ потокомъ. Тогда онъ старался раздражить гнѣвъ свой еще болѣе, подобно льву, который бичуетъ себя хвостомъ, чтобы возбудить въ себѣ ярость.

— Юнга! кричалъ въ подобномъ случаѣ капитанъ. Юнга, по интонаціи голоса знавшій, что буря грозна не ему и что громамъ ея назначено пролетѣть надъ головой его и разразиться надъ кѣмъ-нибудь повыше, прибѣгалъ на капитанскій зовъ съ беззаботнымъ, почти веселымъ видомъ.

— Я здѣсь, капитанъ. Что изволите приказать?

— Подай мнѣ резиновый плащъ!

Юнга убѣгалъ и тотчасъ же возвращался съ плащомъ.

— Извольте, капитанъ.

Капитанъ, проворчавъ сквозь зубы «хорошо», отпускалъ юнгу. Юнга, изъ опасенія, чтобъ расположеніе духа капитана не перемѣнилось, уходилъ не иначе, какъ пятясь задомъ и заложивъ руки за спину. Черезъ пять минутъ капитанъ кричалъ снова: юнга!

— Здѣсь, капитанъ.

— Принеси мнѣ клеенчатую шляпу.

Юнга съ прежней поспѣшностью приносилъ ему шляпу, съ широкими полями, опускавшимися на спину, по которымъ дождь скатывался также ловко, какъ съ панциря черепахи. Капитанъ, надѣвъ клеенчатую шляпу, придававшую ему необыкновенно почтенный видъ, принимался важно расхаживать по шканцамъ. Юнга попрежнему удалялся. Но едва только онъ уходилъ, какъ капитанъ снова кликалъ его. Юнга выросталъ, какъ изъ земли.

— Высокіе сапоги!

Юнга приносилъ ему сапоги, совершенно походившіе на сапоги скорохода сказочнаго людоеда. Капитанъ надѣвалъ сапоги, бросая гнѣвные взгляды на дымящуюся кухонную трубу и ворча про себя.

— Мерзавецъ этотъ поваръ! хоть бы волны когда нибудь разбили его чуланъ и унесли его въ море.

Надѣвъ сапоги, онъ выпрямлялся всѣмъ корпусомъ.

— Юнга!

— Здѣсь, капитанъ.

- Поди сюда, пострѣленокъ!
- Что прикажете, капитанъ?
- Поди скажи отъ меня повару, что онъ мерзавецъ.
- Слушаю, капитанъ!
- Юнга отправлялся исполнить приказаніе, но передавалъ ли онъ повару слова капитана, неизвѣстно.
- Чтожь онъ говоритъ?
- Онъ говоритъ, что хорошо.
- Такъ онъ говоритъ, что *хорошо*; онъ говоритъ *хорошо*? Хорошо для него, да только не для меня! Юнга!
- Здѣсь, капитанъ.
- Поди скажи отъ моего имени повару, что онъ мошенникъ.
- Слушаю капитанъ!
- Повторялась та же самая исторія.
- Ну, что онъ сказалъ?
- Сказалъ, что хорошо, капитанъ.
- Хорошо! ахъ, подлець! хорошо! да страшняго его никуда негодится. Юнга!
- Что прикажете, капитанъ?
- Поди скажи ему отъ меня, понимаешь ли: отъ моего имени, что онъ гнусная собака!
- Слушаю, капитанъ! съ прежнимъ безстрастіемъ отвѣчалъ юнга.
- Ну, что?
- Онъ говоритъ: *прекрасно!*
- Прекрасно? отравитель! А! онъ говоритъ прекрасно! Юнга!
- Я здѣсь, капитанъ.
- Принеси мнѣ молотокъ, гвоздей, веревку и всѣ кухонные снаряды, купленные этимъ мошенникомъ.
- Черезъ пять минутъ юнга возвращался со всѣми этими вещами.
- Извольте, капитанъ! Прикажете пособить вамъ?
- Подай мнѣ гвозди и молотокъ и придѣлай веревочныя петельки ко всѣмъ этимъ мѣднымъ снарядамъ..... Чортъ возьми! сто червонныхъ за мѣдныя вещи! сто червонныхъ! и какъ вспомню, что тутъ больше денегъ, чѣмъ нѣ придется барыша съ шести пассажировъ.....

И набравъ гвоздей въ ротъ и взявъ молотокъ въ правую руку, онъ начиналъ вколачивать гвозди въ наружные борта, дѣлалъ юнгѣ знакъ, подать ему тотъ или другой снарядъ, вѣшалъ ихъ на гвозди и восхищался демонской вакханаліей, которую они разыгрывали, ударяясь одна о другую, при каждомъ движеніи судна, при каждомъ порывѣ вѣтра. По словамъ капитана, звукъ этой нелѣпой Золовой арфы совершенно ясно повторялъ несчастному повару: не умѣешь стряпать! не умѣешь стряпать! не умѣешь стряпать!

XIII.

Густавъ на Руанскомъ театрѣ. — Статуя Корнеля. — Успѣхъ Густава. — Взять отца. — Добрый совѣтъ госпожи Дорваль. — Статуя разыгрывается въ лотерею. — Отъѣздъ въ Парижъ.

Послѣ двухмѣсячнаго странствованія моремъ Густавъ прибылъ наконецъ безъ особенныхъ приключеній въ Гавръ. Еще дорогой, ему удалось найти средство подружиться съ капитаномъ. Онъ написалъ его портретъ. Капитанъ, этотъ волкъ двухъ океановъ, страстно любилъ свою мать, и одна идея, что онъ пошлетъ ей свой портретъ, приводила его въ восторгъ. У него было обыкновеніе не давать обѣда тому изъ пассажировъ, который оставался въ своей койкѣ. Изъ этого правила было сдѣлано исключеніе для одного только Густава. Несмотря на всѣ маленькія удобства, которыми онъ пользовался на *Урсинь*, двухмѣсячное путешествіе показалось ему чрезвычайно лживымъ и скучнымъ. Прибывъ въ Гавръ, онъ, съ радости, что снова ступилъ на родную землю, раздарилъ артистамъ гаврскаго театра весь карельскій арсеналъ, который привезъ съ собою, какъ-то: луки, стрѣлы и головолумы. Желая ознаменовать торжественнымъ образомъ возвращеніе свое на родину, онъ задалъ насчетъ марти-

никскихъ и гваделупскихъ дублоновъ роскошнѣйшій пиръ своимъ товарищамъ по искусству. На слѣдующій день отправился онъ въ Руанъ. Господинъ, еще въ Мартиникѣ обязавшій свести его съ директоромъ руанской труппы, сдержалъ слово. Густавъ былъ заочно ангажированъ на двѣ тысячи франковъ жалованья, съ обязанностью играть всѣ роли, какія будутъ ему назначены, и костюмы имѣть собственные. Последнее обстоятельство было совершенно удобно Густаву: онъ успѣлъ составить себѣ прекрасный гардеробъ, и кромѣ того имѣлъ еще про запасъ около тысячи восьми сотъ франковъ, что составляло весьма порядочную сумму, особенно для артиста, который еще недавно принужденъ былъ прибѣгать къ разнымъ *трикамъ*, и выпрашивать подъ окнами крестьянъ Христа ради кусокъ хлѣба.

Въ это время привели въ Руанъ слона, по имени Кіуни. Объявлено было представленіе, въ которомъ этотъ слонъ долженъ былъ играть вмѣстѣ съ Густавомъ, въ пьесу: *Слонъ Сіамскаго короля*. И слонъ и Густавъ имѣли успѣхъ необыкновенный. Послѣ того Густавъ, говоря сценическимъ языкомъ, создалъ цѣлый рядъ блестящихъ ролей въ новѣйшихъ въ то время драмахъ; именно: герцога Гиза въ *Генрихъ III*, Карла Пятаго въ *Эрнани*, Рафаэля Базаса въ *Клотильдъ* и Бюридана въ *Нельской башнѣ*.

Густавъ по природѣ своей былъ очень дѣятеленъ, если имѣлъ какое нибудь занятіе, и въ то же время лѣнивъ и безнеченъ, какъ неаполитанецъ, если не находилъ работы. Въ бытность свою въ Руанъ, онъ, между дѣломъ, выучился гравировать посредствомъ острой водки, у Бревьера, величайшаго художника по этой части, того самаго, который иллюстрировалъ *Павла иVirginію*, *Наполеона* и въ *Исторіи живописцевъ* вырѣзалъ доску для гравюры, изображающей *Сабинокъ*. И такъ, усовершенствовавшись въ гравировальномъ искусствѣ, онъ, въ свободное время началъ иллюстрировать *Каенское обозрѣніе*. Разъ зашелъ къ нему Вальтеръ. Вальтеръ былъ директоръ труппы. Я зналъ его очень хорошо; онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ славный малый и, бывало, читывалъ мнѣ стихи изъ первыхъ моихъ трагедій. Вальтеръ вошелъ въ комнату Гу-

става въ то самое время, когда тотъ крылъ лакомъ мѣдную, гравировальную доску.

— Нѣтъ, этого мало, сказалъ Вальтеръ.

Густавъ поднялъ голову.

— Что случилось, любезный директоръ? спросилъ онъ его.

— Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ будетъ годовщина дня рождения Корнеля.

— И вы вѣрно хотите, чтобъ я по этому случаю продекламировалъ стишки?

— Нѣтъ; не то.

— Чего же вы еще хотите?

— Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно возлагаютъ вѣнокъ на бюстъ...

— Ну, такъ что же?

— Надобно, чтобъ въ нынѣшнемъ году этимъ торжествомъ ознаменовалъ себя руанскій театръ.

— Какимъ торжествомъ?

— Увѣнчаніемъ статуи.

— Понимаю, и вы хотите, чтобъ эту статую...

— Сдѣлали вы.

— Чтожь, можно.

— Статую нужно колоссальную.

— Выше семи съ половиною футовъ я сдѣлать не могу.

— Почему это?

— Потому что въ моей комнатѣ всего семь футовъ.

— Въ такомъ случаѣ сдѣлайте въ шесть съ половиною футовъ.

Такъ какъ времени терять было невозможно, потому что до праздника оставался какой нибудь мѣсяцъ, то первая глыба ваяльной глины положена было въ тотъ же день. Надобно замѣтить, что Густавъ жилъ въ шестомъ этажѣ. Когда на статую положена была двадцатая глыба, домъ началъ трещать.

— Чортъ возьми! сказалъ Вальтеръ. Нужно быть осторожнѣе.

— Надобно постараться сдѣлать статую изъ двайцати только глыбъ, сказалъ Густавъ.

И онъ принялся за работу. Двадцати глыбъ точно оказалось достаточно; статуя была окончена, сформована и

отлита изъ алебастра къ назначенному дню. Но труда за ней было немало. Отдѣливая ноги статуи, Густавъ долженъ былъ растянуться по полу, какъ во время бритья бороды отцу Вертейлю. Въ день годовщины дано было иреставленіе; статуя поставлена посреди сцены и торжественно открыта среди восторженныхъ кликовъ и громкихъ рукоплесканій зрителей, наполнившихъ театръ сверху до низу. Во весь тотъ вечеръ только и было разговору, что о Густавѣ. На другой день статуя была перенесена въ ратушу и весь городъ стекался смотрѣть на нее. Всѣ журналы прокричали объ этомъ торжествѣ и превознесли Густава до небесъ. Молодой человѣкъ тщательно собралъ всѣ журналы, въ которыхъ упоминалось о немъ съ похвалами и отправилъ ихъ къ отцу Жану.

Черезъ три дня Густавъ былъ еще въ постели, какъ въ дверь его послышался легкій стукъ. Это было часовъ въ шесть утра. Онъ поспѣшно вскочилъ съ постели и кинулся къ дверямъ, съ крикомъ:

— Это папа!

Онъ отворилъ дверь, передъ нимъ дѣйствительно стоялъ отецъ. Отецъ не смѣлся; вы знаете, что онъ разучился смѣяться, но онъ плакалъ. Есть сцены, которыхъ нельзя даже и пытаться описывать; каждый изъ насъ, даже самый злой человѣкъ, непременно хранить въ сердцѣ своемъ воспоминаніе о подобной сценѣ. Пусть постарается онъ воскресить ее въ своей памяти, которая скажетъ ему гораздо больше, чѣмъ бѣдное наше перо. Отецъ пробылъ въ Руанѣ трое сутокъ и видѣлъ сына своего въ трехъ различныхъ роляхъ. Троекратныхъ, дружныхъ рукоплесканій цѣлаго театра слишкомъ было по его мнѣнію достаточно, чтобъ простить сыну, что онъ, вмѣсто того, чтобы гранить капители для церкви Св. Магдалины, актерствовалъ въ Руанѣ и лѣпилъ изъ глины статуи Корнеля. Въ ночь наканунѣ отцовскаго отъѣзда Густавъ легъ въ постель первый. Отецъ закурилъ свою трубку и въ глубокомъ раздумьи присѣлъ къ камину, вперивъ глаза въ облака табачнаго дыма, окружавшаго его своими клубами. Но вдругъ онъ всталъ, помѣстился возлѣ сыновней постели и сказалъ, протянувъ ему руку:

— Слушай, Этьенъ! (Надобно замѣтить, что для Жана

Этьень оставался всегда Этьенемъ и никакъ не могъ превратиться въ Густава). Слушай, Этьень! повторилъ онъ, я завтра уѣду и, быть можетъ, мы ужъ больше не увидимся.

— Какъ, почему? съ удивленіемъ спросилъ молодой человекъ.

— Э, Боже мой! почему знать.....

Этьень замолчалъ; старикъ просвисталъ два или три такта своего марша.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ, невелика важность.

— Какъ невелика важность? спросилъ Густавъ.

— Ну, да; что за важность, что старье отправляется въ вояжъ, лишь бы молодежь оставалась!

— Но, скажи мнѣ, отецъ, к чему ты это говоришь?

— Мнѣ сдается, что завтра я распрощаюсь съ тобой навсегда.

— Сдается, такъ ненужно совсѣмъ и ѣхать.

— А таможня-то какъ же?

— О, если за этимъ только дѣло, такъ оно вздоръ....

Я, своими портретами заработалъ кое-какія деньжонки.

— Молчать!

— Ну, молчу, отецъ!

— Когда ты услышишь, что отецъ Жанъ умеръ....

— Но к чему объ этомъ толковать?

— Говорятъ тебѣ: молчать!

— Молчу, молчу!

— Когда тебѣ придутъ сказать, что отецъ Жанъ умеръ, ты сейчасъ же отправляйся въ Каенну на мою квартиру; войдя въ комнату, прямо ступай къ шкафу изъ орѣховаго дерева и въ томъ самомъ ящикѣ, гдѣ, помнишь, лежала коса, ты найдешь мой колпакъ и въ немъ тысячу двѣсти франковъ.

— Ахъ, какъ ты глупъ, папа, что рассказываешь эти вещи! съ рыданіемъ сказалъ Этьень.

Отецъ грустно улыбнулся.

— Потомъ, продолжалъ онъ, ты перевезешь въ Парижъ мебель и всѣ вещи, которыя тебѣ достались отъ матери... Видишь ли, старинныя, фамильныя вещи сбегать хорошо.

Этьень продолжалъ заливаться слезами.

— Общаешь ли это исполнить? спросилъ отецъ.

— Общаю папа.

— Вотъ что хотѣлъ я тебѣ сказать. Прощай же; теперь я пойду спать.

Отецъ отправился къ своей кровати, и не говоря болѣе ни слова, раздѣлся и легъ. Черезъ десять минутъ онъ уже спалъ. Но не такъ было съ Густавомъ; онъ почти всю ночь не могъ сомкнуть глазъ. На другой день отецъ, по своему обыкновенію въ пять часовъ былъ уже на ногахъ. Дилижансъ отходилъ въ семь. Старикъ былъ не печальнѣе обыкновеннаго. Передъ тѣмъ какъ садиться въ дилижансъ, онъ нѣсколько разъ обнялъ сына. Въ ту минуту, когда дилижансъ тронулся съ мѣста, онъ выставилъ изъ окна свою бѣлую, какъ снѣгъ, голову, и послалъ сыну рукою послѣдній поцѣлуй. Повернувъ за уголъ, карета пропала изъ виду. Мы сказали послѣдній поцѣлуй. Поцѣлуй этотъ дѣйствительно былъ послѣдній. Густавъ воротился домой съ растерзаннымъ сердцемъ.

Въ Руанъ пріѣхалъ Фредерикъ Леметръ давать представленія. Онъ былъ тогда въ полномъ развитіи своего таланта. Онъ игралъ въ *Ричардъ Дарлингтонъ*, *Нельской башни* и въ *Ироку*.

Естественно, что при немъ Густавъ перешелъ на вторыя и даже третьи роли. Въ прологѣ *Ричарда* онъ игралъ доктора; въ *Нельской башни* простолюдина, который начинаетъ піесу крикомъ: «Эй! хозяинъ-Орсенна! Проклятый трактирщикъ!» наконецъ въ *Ироку* онъ игралъ Варнера.

Потомъ пріѣхалъ Потье, съ которымъ онъ игралъ *Свирельныхъ братьевъ*; за Потье явился Арналь, съ которымъ онъ игралъ мальчика въ *Особыхъ комнатахъ*; наконецъ г-жа Дорваль, съ которой онъ игралъ сцену въ *Зажигателяхъ*, — мужа въ *Антони* и т. д.

Разъ пришелъ онъ въ уборную къ великой артисткѣ, выразить ей свое удивленіе.

— Густавъ! сказала она, посмотрѣвъ на него нѣкоторое время своими свѣтлыми, кроткими глазами.

— Что угодно?

— Хотите ли принять отъ меня совѣтъ?

— Разумѣется, хочу.

- Исполните ли вы его?
- Постараюсь.
- Поблизайте въ Парижъ.
- Я бы и самъ непрочь отъ этого.
- Въ провинціи вы не выиграете ничего.
- Я вижу это и чувствую.
- Вы играете здѣсь благородныхъ отцевъ?
- Поневоля. Я чувствую, что назначеніе мое совсѣмъ другое.
- Ваше назначеніе—играть первыя роли въ драмахъ и трагедіяхъ. Въ Парижѣ вы можете имѣть успѣхъ. Но надобно для этого имѣть связи, знакомства. У васъ нѣтъ въ Парижѣ знакомыхъ, которые бы вамъ пособили въ этомъ отношеніи?
- Я знаю мамзель Дюшенуа.
- Ну, чтожъ?
- Она послала меня къ Суме.
- Что же Суме?
- Отправилъ меня къ Севесту.
- Что же Севестъ?
- Принялъ меня на басовыя партіи и на роли благородныхъ отцевъ.
- Знаете вы Дюма?
- Нѣтъ.
- Вотъ кто можетъ открыть вамъ дорогу...
- Но вѣдь я совершенно незнакомъ ему.
- Да я съ нимъ знакома. Я дамъ вамъ къ нему записку.
- Но ангажементъ мой здѣсь кончится еще черезъ полгода.
- Это не бѣда! Вы съ Валтеромъ какъ-нибудь сладите.
- А если онъ заупрямится?
- Развѣ вамъ никогда не случалось дурчить директоръ?
- Густавъ не могъ удержаться отъ смѣха.
- Это—лучшая изъ моихъ ролей, сказалъ онъ.
- Ну, чтожъ тутъ долго думать! Вы завтра же получите отъ меня письмо. На завтра Густавъ чуть свѣтъ явился къ ней за письмомъ, а послѣ завтра отправился въ Парижъ, разыгравъ въ лотерею статуя Корнелия. Ее выигралъ портной, поставилъ у своихъ дверей, и на вывѣ-

скъ своей написалъ: *Въ честь великаго Корнеля*. Статуя десять лѣтъ простояла у дверей портнаго и мало-по-малу совершенно утратила свою форму отъ дождя, вѣтра и снѣга.

Густавъ явился ко мнѣ въ тотъ самый день, какъ пріѣхалъ въ Парижъ.

Посѣщеніе его я уже описалъ; передалъ также и рассказъ о его приключеніяхъ. Рассказъ этотъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, доказательство этому то, что я вспомнилъ его и передалъ читателямъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ слышалъ. Я съ любопытствомъ посматривалъ на молодаго человѣка, который, проживъ всего только двадцать пять лѣтъ, успѣлъ перенести столько горя.

— Чтожъ дальше? спросилъ я его.

— Дальше?.. Вы опредѣлите меня куда-нибудь; вотъ и все.

— Куда бы вы лучше хотѣли поступить?

— На театръ Сен-Мартенскихъ воротъ.

— Хорошо! я слѣлаю все, что только будетъ возможно... Побывайте у меня послѣ завтра, — а я, между тѣмъ, поговорю съ Гарелемъ.

XIV.

Скверное расположеніе духа Гареля. — Густавъ дѣлаетъ визитъ. Мерлю и д'Епаньи. — Недовольные. — Литографическій рисунокъ. — Мамзель Жоржъ.

На другой день послѣ описанія свиданія и разговора, я отправился къ Гарелю, какъ обѣщалъ молодому человѣку. Мимоходомъ я остановился передъ театромъ Сен-Мартенскихъ воротъ. На афишѣ было выставлено: «Послѣднее представленіе *Нельской башни*». И точно, *Нельская башня* была сыграна послѣ того только шесть-сотъ разъ. Бокажъ игралъ свою роль въ послѣдній разъ, потому что оставалъ

театръ Сен-Мартенскихъ воротъ. Гарель былъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Онъ какъ говорится: *осадила* меня на первыхъ словахъ, чуть только я заговорилъ о Густавѣ. Я думалъ-было обратиться съ этимъ дѣломъ къ Жоржъ, но вспомнилъ, что она бываетъ въ дурномъ расположеніи духа рѣшительно въ одни и тѣ же дни съ Гарелемъ. Мнѣ было извѣстно это потому, что я былъ очень коротокъ у нихъ въ домѣ.

Убѣдившись наконецъ, что мнѣ не удастся этимъ путемъ сдѣлать ничего хорошаго, я распрощался и ушелъ. На другой день опять я увидѣлся съ Густавомъ.

— Вѣтеръ повернулъ къ Гюго, сказалъ я ему, — и для меня у Сен-Мартенскихъ воротъ ничего не хотятъ сдѣлать. Должно быть Гюго пишетъ драму.

— Такъ пожалуйста мнѣ письмо къ Гюго.

— Не могу: мы въ ссорѣ.

— Не знаете ли вы г. д'Епаньи? Завтра или послѣ завтра будутъ играть его піесу.

— Да, *Недовольный*. Кажется въ этой піесѣ будетъ прелестная декорация.

— Я спрашиваю: знаете ли вы д'Епаньи?

— Такъ - какъ мы всѣ знаемъ другъ-друга, не такъ коротко, однакожъ, чтобъ рекомендовать когонибудь... Но, стойте: знаете ли вы Мерля, мужа Дорваль?

— Да, жена его дала мнѣ къ нему письмо.

— Побывайте у него.

Онъ отправился къ Мерлю.

— Знакомы ли вы съ д'Епаньи? спросилъ онъ Мерля.

— Еще бы! Мы съ нимъ пріатели.

— Такъ пожалуйста мнѣ къ нему письмо.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Мерль прислалъ къ конторкѣ, чистымъ тонкимъ почеркомъ написалъ письмо къ д'Епаньи и запечатавъ подалъ его Густаву; между-тѣмъ часы пробили два.

— Нынче къ нему не ходите, сказалъ Мерль, — его не будетъ дома: онъ вѣрно отправился куда-нибудь на репетицію, сходите лучше завтра, часовъ въ десять утра.

На другой день, ровно въ десять часовъ утра, Густавъ позвонилъ у д'Епаньи. Ему отворила дверь женщина среднихъ лѣтъ. То была домоправительница автора *Доминика или*

одержимаго бѣсомъ, предестной пѣски, очаровательнымъ образомъ разыгранной на Французскомъ театрѣ, Монрозомъ.

— Можно видѣть г. д'Епаньи?

— Что вамъ угодно?

— У меня есть къ нему письмо.

— Отъ кого?

— Отъ одного его пріятеля.

Домоправительница посмотрѣла на него, какъ бы желая спросить: «отъ кого именно,» но почему-то удержалась. Она отворила дверь въ кабинетъ своего господина.

— Пришелъ какой-то молодой человекъ, сказала она, — съ письмомъ отъ одного изъ вашихъ пріятелей.

— Гдѣ же онъ? спросилъ д'Епаньи, поднявъ голову.

— Здѣсь, отвѣчалъ Густавъ, выступивъ впередъ и стараясь улыбнуться самымъ пріятнымъ образомъ.

— Вы имѣете письмо отъ кого-то изъ моихъ пріятелей?

— Отъ г. Мерля.

— Онъ болѣе не пріятель мой, отвѣчалъ д'Епаньи, возвысивъ голосъ и сверкнувъ глазами; потрудитесь прочитать его статейку о моихъ *Недовольныхъ*, и вы это поймете.

И онъ принялся рыться въ своихъ бумагахъ, стараясь найти нумеръ газеты и нашелъ его не раньше, какъ черезъ четверть часа.

— Потрудитесь прочитать, сказалъ онъ.

— Ай, ай, ай! воскликнулъ Густавъ.

— А! какъ вамъ это покажется?

— Я думаю, что онъ имѣетъ какія-нибудь неудовольствія на дирекцію театра Сен-Мартенскихъ воротъ, что рѣшился такъ дурно отозваться объ этомъ прекрасномъ произведеніи.

— А вы видѣли мою пьесу?

— Вашу пьесу?.. Не пропустилъ ни одного представленія.

Д'Епаньи пристально посмотрѣлъ въ лицо Густаву.

— Э! Да у васъ преприятная наружность. Подайте сюда письмо. — А! Вы—живописецъ?.. Прекрасно!

— Почему же прекрасно? подумалъ Густавъ.

— Знаете ли вы Гареля?

— Не имѣю чести.

— Если вы явитесь къ нему въ качествѣ актера, онъ и знать васъ не захочетъ.

— Неужели?

— Если же представитесь ему какъ живописецъ, онъ будетъ очень жалѣть, что вы не актеръ.

— Такъ вотъ что за человекъ г. Гарель.

— Я знаю его, какъ свои пять пальцевъ. Онъ—не глупъ, но будьте покойны, мы перехитримъ его.

— Какимъ же образомъ?

— Пойдите... Подождите немного.

И д'Епаньи зашевелилъ нижней челюстью, какъ будто что-нибудь жевалъ.

— Я придумалъ одинъ способъ. Умѣете ли вы литографировать?

— Я умѣю все—понемножку.

— Въ такомъ случаѣ будемъ вмѣстѣ завтракать.

— Благодарю васъ; я уже позавтракалъ.

— Что вы кушали?

— Яйцо и котлетку.

— Ну чтожъ, можно будетъ скушать еще яйцо и еще котлету. Въ ваши лѣта у людей всегда славный аппетитъ.

— Даже иногда ужъ черезчуръ славный, такъ что бываютъ случаи, когда это очень стѣснительно.

— Ага! Я вижу, что вамъ случалось пробовать всякой всячины.

Д'Епаньи позвонилъ.

— Подайте намъ четыре яйца и четыре котлетки!

— Но я имѣлъ честь вамъ объяснить...

— Молчите, сдѣлайте одолженіе.

— Извольте; я готовъ дѣлать все, что вамъ угодно, только бы вы опредѣлили меня какъ нибудь въ труппу Сен-Мартенскаго театра.

Въ это время подали четыре яйца и четыре котлетки. Густавъ взялъ яйцо, сваренное въ-смятку и хотѣлъ-было проглотить его.

— Позвольте, позвольте, что вы это дѣлаете? закричалъ д'Епаньи.

— Я?—ничего. Вы видите: хочу съѣсть яйцо, съ испугомъ отвѣчалъ Густавъ.

— Да развѣ такъ бьютъ яйца?

— Извините... право... я не зналъ...

— Пожалуйте мнѣ яйцо...

Густавъ передалъ яйцо г. д'Епаньи.

— Смотрите: вотъ, какъ приготавлиются яйца.

Г. д'Епаньи положилъ въ яйца по равной мѣрѣ, масла, соли, перцу, методически размѣшалъ все это и передалъ обратно Густаву.

Густавъ съѣлъ яйцо съ невозмутимымъ спокойствіемъ и важною.

Послѣ завтрака д'Епаньи позвонилъ.

— Что прикажете? съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросила домоправительница.

— Приготовьте мнѣ одѣваться.

— Начто?

— Мнѣ нужно идти.

— Вы уходите?

— Разумѣется.

— Но, кажется, нынче нѣтъ репетиціи.

— Есть дѣло.

— Дѣло?

— Замолчите, пожалуйста. Повторяю, что мнѣ нужно отправиться со двора.

— Какъ вамъ угодно.

И бѣдная домоправительница, крайне удивленная тѣмъ, что у господина ея было дѣло, котораго она не знала, принесла платье и печально подала его г. д'Епаньи.

Этотъ д'Епаньи въ полномъ значеніи слова — прекрасный человекъ, съ горячимъ сердцемъ и всегда готовый на все доброе. Ему теперь должно быть лѣтъ шестьдесятъ пять или шестьдесятъ шесть; но тогда, двадцать лѣтъ назадъ, — ему было сорокъ пять; онъ былъ еще моложе и еще способенѣе сочувствовать людямъ, чѣмъ теперь. А впрочемъ, можетъ быть, онъ, наоборотъ, — старѣясь сдѣлался еще добрѣе. Онъ взялъ Густава подъ руку и потащилъ его къ каирскому пассажиу. Тамъ была типографія, въ которой печаталась его пьеса. Онъ взялъ листъ бумаги и сложилъ его.

— Вотъ, сказалъ онъ, — форматъ моей брошюры.

— Что же? — хорошъ.

— Видѣли вы мою пьесу?

— Я ужъ вамъ сказалъ, что три раза.

— Да, точно. Налитографируйте-ка мнѣ мамзель Жоржъ въ ея большой сценѣ, и не заботьтесь болѣе ни о чемъ. А на самомъ-то дѣлѣ Густавъ не видалъ ни мамзель Жоржъ, ни пьесы. Но въ тотъ же вечеръ отправился онъ въ театръ и изъ кресель набросалъ портретъ мамзель Жоржъ въ главной ея сценѣ. Три дня сидѣлъ онъ надъ камнемъ и на четвертый картинка была готова; онъ велѣлъ сдѣлать съ нея одинъ оттискъ и понесъ къ д'Епаньи.

— Она и есть, чортъ возьми! она и есть!—Тереза!—Но вы отлично литографируете, молодой человекъ!—Тереза!

— Я—здѣсь.

— Пришей-ка эту литографію къ моей книжечкѣ.

— Сейчасъ!.. Э! Да это мамзель Жоржъ!

— Вы видите?.. А я ей ничего не говорилъ!

— Да; это—мамзель Жоржъ. Какъ ты думаешь, Тереза: понравится ей это?

— Надѣюсь.

— Ну, молодой человекъ, у насъ съ вами все покатится, какъ на колесахъ. Приходите-ка нынче вечеромъ, часовъ въ восемь въ театръ, черезъ актерскій подъездъ. А теперь—прощайте!

— И такъ до вечера, г. д'Епаньи!

— До вечера!

Густавъ распрощался съ нимъ и ушелъ. Сердце его исполнилось радостной надеждой. Вечеромъ, въ назначенный часъ онъ былъ уже въ театрѣ. Разглядѣвъ кое-какъ въ потемкахъ д'Епаньи! онъ подошелъ къ нему.

— Видите: я здѣсь. Пойдемте же.

И они поднялись по лѣстницѣ.

— Ступайте за кулисы; я подожду Жоржъ у ея уборной.

Ростъ и наружность Густава были такого свойства, что незамѣтить его было физически невозможно. Пять минутъ спустя послѣ его прихода за кулисами поднялись толки, распросы и предположенія: кто это такой? .. откуда онъ?.. зачѣмъ здѣсь?.. что ему нужно?—Что за прелестный мужчина! восклицали женщины.—Фи! произносили мужчины!

Между тѣмъ дѣйствіе кончилось и Жоржъ отправилась къ себѣ въ уборную.

— Мамзель Жоржъ!...

— А! Это вы, г. д'Епаньи, спросила артистка, нѣсколько протяжно, своимъ очаровательнымъ голосомъ, который, выходя изъ-за чудныхъ губокъ и единственныхъ въ мѣрѣ зубовъ, казался еще очаровательнѣе...

— Я вамъ кое-что принесъ.

— Что такое?

— Нашу брошюру.

— А!

И она лѣниво протянула руку, готовясь бросить книжку на диванъ.

— Вы не хотите посмотреть картинку?

— А тамъ есть картинка? Что жъ она представляетъ?

— Васъ—въ главной сценѣ.

— А—а! неужели?

Жоржъ развернула книжку. Ахъ, какъ мило! сказала она. Кто это дѣлалъ?

— Одинъ мой пріятель, живописецъ.

— Гдѣ же онъ?

— Здѣсь, за кулисами.

— Чтожъ онъ тамъ дѣлаетъ?

— Онъ въ первый разъ попалъ за кулисы и пользуется этимъ случаемъ...

— Позовите его ко мнѣ.

XV.

Удочка закинута.—Стратегія покровителя Густава.—Пойманный за волосы случай.—Репетиція Вельской башни.—Густавъ играетъ Бюрида на театрѣ Сев-Мартенскихъ воротъ, подъ собственнымъ своимъ именемъ.

Д'Епаньи возвратился черезъ пять минутъ, ведя за руку раскраснѣвшагося, какъ ракъ, Густава.

— Пожалуйте, пожалуйста сюда! сказала Жоржъ чуд-

нымъ своимъ голосомъ. — Вы удивительно рисуете!... Нельзя сдѣлать похожѣ этого!..

Въ эту минуту шелкнулъ ключъ въ двери кабинета Гареля, отдѣлявшагося отъ уборной Жоржъ одной рѣшеткой.

— А вогъ и Гарель идетъ, сказала Жоржъ — Гарель! Гарель!

— Что такое? спросилъ Гарель, черезъ рѣшетку.

— Поди сюда!

— Сейчасъ.

Черезъ пять секундъ, вошелъ Гарель, по привычкѣ потирая руки.

— Да поскорѣе.

Гарель прибавилъ шагу. Жоржъ показала литографию.

— Что ты объ этомъ скажешь?

По обычаю своему Гарель ждалъ, чтобъ прежде Жоржъ выразила свое мнѣніе, чтобы потомъ отвѣчать въ ея тонѣ, и потому онъ глубокомысленно досталъ табакерку и принялся набивать себѣ ноздри табакомъ, внимательно смотря на картинку.

— Объ этомъ-то? Гм! Гм!.. Это — литографія.

— Разумѣется; глупецъ! Что ты скажешь объ этой литографіи?

— Гм! Гем!.. Гом!

— Неправда ли, какъ хорошо?

— Очень хорошо! повторилъ Гарель.

— Даже — прекрасно!

— Истинно — прекрасно! повторилъ опять Гарель.

— Удивительно!

— Да, удивительно! снова повторилъ Гарель.

Густавъ блаженствовалъ въ полной мѣрѣ, то есть, какъ только можетъ блаженствовать человѣкъ, стоящій на-иглакахъ. Д'Епаньи не сводитъ съ него глазъ. Когда все общество довольно налюбовалось картинкой, д'Епаньи тихонько толкнулъ Густава локтемъ. Густавъ взялъ шляпу и раскланялся.

— Что жъ это? Куда же пошелъ вашъ молодой человѣкъ? спросила Жоржъ.

— Я вамъ уже сказалъ, что онъ въ первый разъ на сценѣ... Мысль пробыть вечеръ за кулисами сводитъ его

съ ума в онъ спѣшитъ воспользоваться случаемъ. Потомъ, подойдя къ дверямъ уборной, какъ бы за тѣмъ, чтобы удостовѣриться, точно ли Густавъ ушелъ, онъ прибавилъ:

— Не правда ли, мамзель Жоржъ: какъ жаль, что этотъ молодой человекъ не вступилъ на сцену!

— Именно жаль! отвѣчала Жоржъ.

— Чрезвычайно жаль! сказалъ Гарель.

— Что за дурной голосъ!

— Прекрасный голосъ, сказала Жоржъ.

— Превосходный голосъ, повторилъ Гарель.

— Какая выгодная наружность для первыхъ ролей! — Однако, прощайте, Гарель! Мое почтеніе, мамзель Жоржъ! Пойду искать его за кулисами; я сказалъ, чтобъ онъ держался возлѣ *миры*, но боюсь, что онъ не знаетъ, что такое *мира* и можетъ попасть какъ-нибудь въ *люкъ*.

Д'Епаньи вышелъ.

— Ну, что? спросилъ его Густавъ.

— Червячекъ на крючкѣ, будьте увѣрены, рыбка клюнетъ.

— Вы думаете?

— Не думаю, а твердо увѣренъ. Но въ ожиданіи этого извольте каждый вечеръ, въ восемь или вполонинѣ девятаго являться къ театральному входу.

— Очень радъ, потому-что мнѣ по вечерамъ рѣшительно нечего дѣлать.

И всѣ вечера, въ продолженіи шестидесяти представленій *Недовольныхъ*, Густавъ являлся на театральный подъѣздъ. Каждый разъ авторъ приходилъ за кулисы вмѣстѣ съ живописцемъ. Они являлись на сцену непременно въ междудѣйствіи. Д'Епаньи прямо подходилъ къ дырочкѣ, проверченной въ занавѣскѣ. Если народу было много, онъ обыкновенно говорилъ: — Прекрасно! Можно подойти къ Жоржъ; Гарель нынче въ хорошемъ расположеніи духа. — Если же оказывалось много пустыхъ мѣстъ, онъ говорилъ: — Нынче намъ нечего дѣлать! Оставайтесь тутъ, если хотите, а я отправлюсь домой. — И, въ самомъ дѣлѣ, онъ уходилъ изъ театра. На Густава никто не обращалъ вниманія! потому-что всѣ знали, что онъ — живописецъ. Между тѣмъ дни проходили за днями. Мартиницкіе дублоны были истрачены всѣ, безъ остатка, и

Густавъ принялся продавать свои костюмы. Прежде всего спустилъ онъ генеральскій мундиръ. Эполеты, эксельбанты, серебряныя пряжки, мундиръ, вышитый золотомъ, поступили къ тряпичнику на биржевой площади. — Потомъ, мало-по-малу исчезали и другія вещи. Чѣмъ больше дѣлалось опустошеній въ гардеробѣ, тѣмъ настоятельнѣе становился Густавъ, и тѣмъ чаще повторялъ д'Епаньи:

— Какъ жаль, что мой пріятель не пошелъ въ актеры, а сдѣлался живописцемъ!

Каждый разъ по уходѣ д'Епаньи, Жоржъ спрашивала Гареля:

— Что это д'Епаньи такъ часто повторяетъ эту фразу?

— Какую фразу? спрашивалъ Гарель.

— А ты вѣрно не слышишь?

— Развѣ я когда-нибудь слушаю, что говоритъ д'Епаньи?

— Онъ все повторяетъ: какъ жаль, что мой пріятель не пошелъ въ актеры!

— Это поговорка — капризъ.

— И то правда.

И Жоржъ возвращалась на сцену, кланялась Густаву, который давалъ ей дорогу, и также мало-по-малу приучалась повторять:

— Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ жаль, что г. Густавъ не пошелъ въ актеры: какъ бы онъ былъ хорошъ въ первыхъ роляхъ!

Разъ Гарелю вздумалось возобновить *Нельскую башню*. Театръ былъ биткомъ набитъ зрителями. Роль *Бюридана* долженъ былъ играть — Делестръ. Д'Епаньи съ Густавомъ, по обыкновенію, явились вечеромъ въ театръ. Сначала давали *Жанну Воберье*.

— А! Это вы, Гарель? спросилъ д'Епаньи.

— Здравствуйте! съ сердцемъ сказалъ Гарель.

Д'Епаньи повернулся и увидѣлъ за собой прекрасную и величественную фигуру Жоржъ.

— Мой молодой пріятель... сказалъ онъ Жоржъ.

— Убирайтесь вы съ своимъ пріятелемъ, съ досадой сказалъ Гарель. — Вѣдь онъ мнѣ не сыграетъ нынче *Бюридана*?

— Какъ *Бюридана*?

— Ну, да; Делестръ прислалъ сказать, что болѣнь и не можетъ играть.

— Отчего же! — Густавъ сыграетъ, отвѣчалъ д'Епаньи, обрадованный неожиданнымъ случаемъ.

— Что, онъ можетъ сыграть? закричалъ Гарель, схвативъ д'Епаньи за воротъ.

— Разумѣется — можетъ.

— Какимъ образомъ?

— А такимъ, что онъ игралъ прежде.

— Такъ онъ — артистъ?

— Да, сценической артистъ.

— Но вы мнѣ говорили, что онъ — живописецъ?

— Чтожъ такое? Онъ живописецъ-актеръ или актеръ-живописецъ...

— Гдѣ же, гдѣ же онъ?

— Тамъ, возлѣ *лиры*.

— Позовите мнѣ его.

Д'Епаньи бросился искать Густава. Онъ нашелъ его въ первой кулисѣ съ правой стороны.

— Скорѣй, скорѣй! сказалъ онъ ему — горитъ, кипитъ, пылаетъ! . Подите-ка сюда!

— Куда же?

— Въ уборную къ Жоржъ! кричалъ Гарель.

Они вошли въ уборную Жоржъ. Гарель не далъ Густаву опомниться.

— Можете ли вы сыграть мнѣ Бюридана? спросилъ онъ, лишь только тотъ показался.

— Разумѣется, могу.

— Вы развѣ знаете роль?

— Я игралъ ее больше двадцати разъ.

— Но можете ли сыграть нынче?.. вотъ въ чемъ штука!

— Хоть черезъ десять минутъ.

— Какъ? безъ репетицій?

— Чтожъ такое! Мы срепетуемся позади декораций и дѣло съ концомъ!.. и потомъ...

— Что потомъ?

— Вы потрудитесь приказать, кому слѣдуетъ, объявить публикѣ...

— О, конечно!.. Ступайте въ гардеробную, примѣрить костюмъ.

— Ненужно; у меня есть свой костюмъ.

— Да будетъ ли годиться?

— Не безпокойтесь, я самъ расписалъ его; это и дешевле и красивѣе... Черезъ десять минутъ я явлюсь совсѣмъ готовый.

— Такъ, ступайте, торопитесь.

Густавъ стрѣлою бросился изъ уборной. Гарель обратился къ Жоржъ.

— Слышала ты, Жоржъ, что онъ сказалъ?

— Что сыграетъ роль Бюридана.

— Нѣтъ; это уже кончено, но другое?

— Что же другое?

— Онъ сказалъ, что разрисованные костюмы и красивѣе и дешевле.

— Ну, такъ чтожъ?

— Какъ чтожъ? Не сдѣлать ли съ нимъ условія, чтобъ онъ намъ раскрашивалъ костюмы?

— Перестанешь ли ты, скарелъ! закричала Жоржъ, бросивъ въ него подушку.

— Да ты ничего не понимаешь въ хозяйственномъ отношеніи!

Черезъ пять минутъ Густавъ возвратился. Въ-самомъ-дѣлѣ его костюмъ, какъ ни былъ дурень въблизи — издали производилъ эффектъ необыкновенный. Густавъ расписалъ его по коленкору узорами въ византийскомъ вкусѣ. Мечъ онъ повѣсилъ черезъ плечо, то есть именно такъ, какъ носили въ тринадцатомъ вѣкѣ. Остальная часть наряда его была буквально скопирована въ мастерской Сент-Евра, съ одной фигуры, изображенной на картинѣ его: *Въичаніе Инесы Португальской послѣ ея смерти*. Черезъ четверть часа, Бюриданъ въ полномъ вооруженіи, какъ картинка, сошедшая съ обоевъ, гордо расхаживалъ за кулисами. Жоржъ вскрикнула, увидѣвъ его.

— Ахъ, какъ онъ хорошъ! — Посмотри, Гарель, какой чудесный костюмъ!

— Тебѣ нравится?

— А тебѣ развѣ не нравится?

— О, нѣтъ! Напротивъ! Костюмъ чудесный!

Потомъ въ полголоса прибавилъ:

— А мой все-таки лучше. — Скорѣе, скорѣе, друзья мои, начнемте репетицію!

Артисты пошли за занавѣсъ и повторили тѣ сцены, въ

которыхъ участвуетъ Бюриданъ. Покуда они репетовали, кончился третій актъ комедіи.

— Велите же объявить публикѣ, сказалъ Густавъ.

— Ахъ, да! вскричалъ Гарель.

И началъ звать къ себѣ режиссера.

— Моесарь! Моесарь! Моесарь!

— Здѣсь я, здѣсь, г. Гарель, отвѣчалъ Моесарь, изогнувшись передъ нимъ дугою, несмотря на толщину свою.

— Скорѣ ступайте объявить публикѣ.

— Въ какихъ прикажете выраженіяхъ? спросилъ Моесарь.

— Въ какихъ хотите! чортъ возьми!

— Извините, г. Гарель! Объявлять я объявляю, а сочинять не сочиняю. Извольте сочинить объявленіе и я сейчасъ же произнесу его публикѣ.

— Это очень просто... Скажите хоть вотъ такъ: «По внезапной болѣзни г. Делестра г. такой-то, недавно прибывшій изъ Руана и случившійся, по-счастію, за кулисами, предложилъ услуги свои для исполненія роли Бюридана. Онъ поручаетъ себя списхожденію публики.»

— Но вѣдь господинъ такой-то — не имя? спросилъ Моесарь.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ Гарель.

— Какъ васъ зовутъ?

— Густавъ.

— Это имя — провинціальное и въ Парижѣ оно не годится. Пришлите скорѣ другое имя.

— Зачѣмъ искать: у меня есть свое собственное.

— Какъ же ваше имя?

— Меленгъ.

— Славное имя! Чудесное имя! — Моесарь, слышали? «По внезапной болѣзни г. Делестра г. Меленгъ, прибывшій изъ Руана и случившійся, по-счастію, за кулисами, предложилъ услуги свои для исполненія роли Бюридана.»

— Слушаю, г. Гарель. — Стукните три раза!

— Прибавьте, Моесарь...

— Что прикажете?

— Что онъ будетъ играть въ собственномъ костюмѣ.

- Слушаю, г. Гарель.
— Господинъ Меленгъ, понимаете-ли, Господинъ Меленгъ?
— Понимаю, г. Гарель!
-

Вотъ невымышленная исторія приключеній и бѣдствій г. Этьеня — Моренъ Меленга, бывшаго товарища юности г. Ипполита Тиссерана, нынѣ извѣстнаго артиста парижской сцены, съ самаго дня его рожденія, до того дня, когда онъ выступилъ на сцену театра Сен-Мартенскихъ воротъ, въ роли Бюридана.

Къ этому разсказу г. Александра Дюма рѣшаюсь присоединить нѣсколько словъ отъ себя.

Въ 1846 году, въ августѣ мѣсяцѣ, проживая въ Парижѣ, я старался сблизиться съ нѣкоторыми литературными извѣстностями, которыя меня особенно интересовали. Разумѣется, что это были по большей части драматическіе писатели, обогатившіе репертуары французскій и русскій, у которыхъ я самъ заимствовалъ много пьесъ, для моихъ передѣлокъ и переводовъ, игранныхъ на русской сценѣ.

Скриба я не засталъ въ Парижѣ, Ожье былъ на водахъ. За-то вполнѣ вознаградило меня знакомство съ Александромъ Дюма. Онъ жилъ тогда въ чудесной своей виллѣ, извѣстной подъ названіемъ «Монте-Кристо,» около мили отъ столицы. Знакомство наше произошло просто, безъ рекомендаціи и предварительныхъ спросовъ. Я явился, послалъ мою карточку, на которой подъ именемъ была приписка: «homme de lettres» и двери предо мною распахнулись настезь.

Хозяина не было. Меня принялъ сынъ его Александръ Дюма 2, и ввелъ въ прекрасную диванную, драпированную въ арабскомъ вкусѣ, украшенную персидскими коврами и восточнымъ оружіемъ. Нѣсколько человекъ курили тамъ сигары, другіе занимались поставленнымъ завтракомъ, оживляя его бойкимъ, остроумнымъ французскимъ разговоромъ объ охотѣ за птицами, зайцами и оперными крысами. Разговоръ касался всего слегка, говорили и о теат-

рѣ и объ музыкѣ, только объ литературѣ ни слова, какъ-будто по поговоркѣ: въ домѣ повѣшаннаго не говори о петлѣ.

Я скоро вмѣшался въ общій разговоръ. Явились любопытные вопросы о художествахъ въ Россіи. Въ-особенности интересовался театромъ нашимъ стройный мужчина, лѣтъ сорока, съ прекрасными длинными волосами, въ усахъ и аспаньолкѣ, одѣтый щеголевато, хотя и просто, съ чрезвычайно приятнымъ выраженіемъ довольно мускулистаго лица и необыкновенной ловкостію движеній. Онъ, видимо, былъ весельчакъ и очень удачно перекидывался остротами съ Дюма младшимъ. Онъ освѣдомлялся о г. Carteguiue (Каратыгинѣ), о которомъ много слышалъ хорошаго; но болѣе объ артистахъ французской труппы и о любви русскихъ къ драматическому искусству.

Бесѣда наша длилась незамѣтно до четырехъ часовъ. Новые гости являлись и приносили новые матеріалы для разговора. Среди этого фейерверка словъ и мыслей, вдругъ изъ смежной комнаты, выходящей террасой въ садъ, послышалось мурлыканье пѣни и быстрые шаги. Все вскочили; въ комнату вошелъ быстро, почти въ-припрыжку, полный мужчина, съ смуглой курчавой головой, съ блестящими, огненными глазами, и хотя африканской, но чрезвычайно добродушной физіономіей. Онъ привѣтствовалъ всѣхъ разомъ, кого жестомъ, кого словомъ, кого восклицаніемъ. Наконецъ молодой хозяинъ назвалъ меня и онъ дружески протянулъ мнѣ руку: *confère en l'art, soyez le bienvenu!*

Это былъ самъ Александръ Дюма.

За нимъ слѣдомъ явились и его сотрудники. Дюма имѣлъ привычку запирается съ утра въ бесѣдкѣ, построенной на маленькомъ островѣ среди пруда и работалъ тамъ надъ своими произведеніями до четырехъ часовъ. Въ бесѣдку перебирался онъ на маленькомъ плотикѣ, который привязывалъ у столба близъ бесѣдки, такъ, что сообщеніе съ нимъ такимъ образомъ совершенно прекращалось.

Черезъ десять минутъ, мнѣ казалось, что я знакомъ съ нимъ уже по крайней-мѣрѣ десять лѣтъ, до-того онъ былъ простъ, общителенъ и прямодушенъ въ обращеніи.

Я долженъ былъ остаться обѣдать. Къ обѣду явилась и

мадамъ Дюма, бывшая когда-то очень граціозной и любимой актрисой, но въ то время дама непомѣрной толстоты. Она предсѣдательствовала за столомъ, за которымъ насъ сидѣло человѣкъ восемнадцать.

Послѣ обѣда, предлагая сигару, Дюма объявилъ мнѣ, что перевелъ подстрочно «Гамлета» Шекспира, съ маленькимъ измѣненіемъ конца!!! Это меня поразило и я не могъ воздержаться отъ замѣчанія, что Шекспира вообще измѣнять недолжно, а въ подстрочномъ переводѣ тѣмъ болѣе.

— Что дѣлать! сказалъ онъ. Мы французы иначе созданы! Что поражаетъ англичанъ, на насъ дѣйствуетъ совсѣмъ иначе. Умори я въ концѣ пьесы всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ это сдѣлалъ Шекспиръ, весь театръ расхохочется и превосходная пьеса погибла!

Du sublime au ridicule il n'y a qu'un seul pas. Впрочемъ, посмотрите, и вы сами убѣдитесь, что я неслишкомъ обидѣлъ старика Шекспира. Въ будущій четвергъ у меня здѣсь спектакль: мы сыграемъ въ первый разъ моего Гамлета. Пріѣзжайте. Не такъ-ли? Даете слово?

Само-собою разумѣется, что я далъ слово не задумавшись и твердо рѣшился его исполнить. Такъ мы расстались.

Въ это самое время на бульварѣ *du Temple* возводилось обширное зданіе, еще все прикрытое лѣсами, но уже съ наведенной кровлей. Это былъ театръ, который строилъ Александръ Дюма, предназначая его исторической драмѣ и переводамъ съ другихъ европейскихъ языковъ. Театръ этотъ былъ новинкою и въ архитектурномъ отношеніи: сцена въ немъ занимала одну изъ продольныхъ сторонъ, а не поперечную, какъ это обыкновенно бываетъ въ другихъ театрахъ*. Эта постройка имѣетъ ту выгоду, что зрителямъ отвсюду хорошо видно и слышно, и что они гораздо ближе къ сценѣ. Театръ этотъ долженъ былъ открыться въ ноябрѣ того же года, подъ названіемъ «Театра Монпансье», въ честь принца, который особенно покровительствовалъ Дюма и, кажется, далъ даже ему часть денегъ на расходы этого предпріятія.

Для этого-то театра Дюма набралъ новую труппу, боль-

* Въ этомъ родѣ построены теперь у насъ въ Петербургѣ театръ-циркъ.

шей частію изъ провинціальныхъ артистовъ, да изъ актеровъ, не сошедшихся съ столичными директорами. Къ открытію его предназначался «Гамлетъ». Онъ былъ уже разученъ и сренетованъ и Дюма хотѣлъ предварительно угостить имъ своихъ пріятелей, чтобы вѣрнѣе судить о впечатлѣніи, которое онъ произведетъ на публику и на фельетонный ареопагъ. Но сколько я могъ понять, тутъ крылась и уловка смышленнаго антрепренера, который, показавъ заранѣе предназначенный къ открытію спектакль небольшому числу избранныхъ и притомъ дружественныхъ лицъ, хотѣлъ сдѣлать изъ нихъ живую, заманчивую афишку, подстрекающую городское любопытство.

Наступилъ наконецъ вечеръ, котораго я такъ нетерпѣливо ожидалъ. Въ одной изъ залъ виллы Монте-Кристо былъ устроенъ очень красивый театръ. Публика заняла всѣ мѣста, многіе стояли даже въ дверяхъ и проходахъ. Небольшой оркестръ сыгралъ новую увертюру, какого-то новаго композитора и занавѣсъ взвился. Труппа начала играть Гамлета на французскій ладъ. Французская декламация, полу-нарасивъвъ, изысканность походки и позы, какъ-то дико противорѣчили простому, хотя и глубокому характеру шекспировскаго созданія. Клавдій былъ просто *тиранъ*, взятый со сцены французской комедіи, ни дать ни взять какъ въ любой трагедіи Расина или Вольтера. Королева выпѣвала свои монологи à la Рашель, и нигдѣ этотъ странный и противуестественный родъ игры не былъ такъ рѣзко замѣтенъ и противенъ, какъ въ этой Гертрудѣ. Офелія пѣла по-своему и чуть-чуть не выплясывала превосходную сцену сумасшествія. Лаертъ неистовствовалъ и размахивалъ такъ широко кулаками, что становилось страшно за другихъ дѣйствующихъ лицъ, которые, по тѣснотѣ сцены, отраживались подойти къ нему слишкомъ близко. Одинъ Полоній выполнялъ свое дѣло довольно хладнокровно и разумно, и это, я полагаю, потому-что роль сама по себѣ сбиваетъ нѣсколько на комическій элементъ, въ которомъ французы первые мастера въ мірѣ. Наконецъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о главномъ лицѣ драмы—о Гамлетѣ.

Удивленіе мое было не малое, когда въ лицѣ Гамлета я узналъ того веселаго говоруна, который спрашивалъ меня о Каратыгинѣ и такъ ловко упражнялся въ калам-

бурахъ. Но лицо его приняло совсѣмъ другое выраженіе, права не гамлетовское — сосредоточенное, меланхолическое, но довольно мрачное и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роли желчное. Видно было изъ всего, что этотъ господинъ мыслить и понималъ поэта глубже своихъ сотоварищей, но не менѣе того и онъ не могъ отрѣшиться отъ преданія, и въ немъ проглядывалъ Тальма въ Дюссисовскомъ Гамлетѣ, и онъ въ сценахъ прямого, глубокаго чувства, прибѣгалъ къ декламации и мелодраматическимъ выходкамъ, которыя французы такъ любятъ и на которыхъ основаны эффектъ и слава бѣльшей части ихъ артистовъ и пьесъ. Однакожъ нельзя было не замѣтить, что въ этомъ человѣкѣ преобладала страсть надъ изученіемъ, чувство надъ принятыми формами, проникновеніе надъ сценическою рисовкою. Можно было пожалѣть, что онъ попалъ въ дурную школу, которая, къ-несчастью, несмотря на успѣхи французовъ почти во всѣхъ искусствахъ, существуетъ еще на главной образцовой ихъ сценѣ (Théâtre Français), а вслѣдствіе того наслѣдственно, по преданіямъ, или подражательно, по примѣрамъ, сообщается лучшимъ ихъ молодымъ талантамъ. Манерность, натяжка въ дикціи, въ походкѣ, театральность въ позахъ — не даютъ вырваться наружу живому чувству и увлеченію — свободно, прямо, естественно.

Всѣ эти недостатки, общіе всѣмъ лучшимъ трагикамъ Франціи, за исключеніемъ одного Бокажа, который потому и не признанъ, вѣроятно, французами первымъ трагикомъ, хотя вполне заслужилъ это титуло, были соединены въ новомъ Гамлетѣ, отысканномъ Дюма, съ живою, энергическою натурою, обѣщавшею въ немъ актера замѣчательнаго.

Послѣ спектакля, когда и гости и артисты всѣ собрались въ залѣ, я отыскалъ моего знакомаго, котораго французы закидали уже поздравленіями и похвалами, чтобы скромно изъявить ему мою признательность за нѣкоторыя счастливыя минуты его игры, живо меня затронувшія, и въ то же время сдѣлать нѣсколько коментаріевъ на мѣста, ложно имъ понятыя. Но вскорѣ я увидѣлъ, что имѣю дѣло съ чисто-французскимъ актеромъ, который весь на эффектъ, и все дѣлаетъ для эффекта, который знаетъ, что и пьесы у нихъ пишутся только для эффекта, и что актеры измѣняютъ характеры созданныхъ авторами лицъ.

если находятъ, что этимъ можно придать эффекту на сценѣ. Я повялъ, что говорить съ такимъ человѣкомъ о глубокихъ замыслахъ и внутреннемъ содержаніи Шекспира неприходится. Это значило бы отмывать негра. Я свелъ разговоръ на внѣшнюю обстановку пьесы, и изъявилъ сожалѣніе, что костюмъ Гамлета слишкомъ изысканъ, и что напрасно тѣнь отца появляется ему въ первомъ актѣ въ матеріальномъ видѣ. При галлюцинаціяхъ не должна быть допускаема на сцену живая, движущаяся фигура статиста: отъ этого вводнаго лица исчезаетъ всякое обаяніе и отвлеченность превращается въ грубую, противоестественную матерію. Въ томъ-то и состоитъ способность артиста, чтобы въ данную минуту поразиться не видимымъ (фантомомъ), а отвлеченнымъ, воображаемымъ представленіемъ предмета. Тутъ все дѣло въ идеѣ, а не въ формѣ: идея потрясаетъ зрителя, сочувствующаго настроенію духа героя, а видимая форма—его отвлекаетъ и разочаровываетъ. Онъ согласился со мною, но прибавилъ, что такое появленіе тѣни и провалъ ея сквозь землю производятъ больше эффекта на массу.

Противъ этого опять спорить неприходилось.

— А играютъ-ли у васъ Гамлета? спросилъ онъ меня.

— Болѣе пятидесяти лѣтъ онъ извѣстенъ на нашей сценѣ, отвѣчалъ я.

— Да. Но это переводъ изъ Дюси.

— Нѣтъ, переводъ Шекспира.

— Шекспира! Можетъ-ли это быть! Мы его только собираемся дать въ первый разъ.

Французское самолюбіе никакъ не хотѣло допустить, чтобы народъ, который они считаютъ далеко необразованнымъ, могъ прежде ихъ познакомиться съ Шекспиромъ.

— И Гамлета, вѣрно, играетъ мосье Картегень?

— Вы угадали.

— И производитъ хорошій эффектъ?

— Больше даже, чѣмъ вы. Но у него и ростъ, и средства гораздо значительнѣйшія, чѣмъ у васъ, успѣшилъ я прибавить.

Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился. Актеръ этотъ былъ тотъ самый Меленгъ, котораго жизнь описалъ теперь Александръ Дюма.

III.

СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА

ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ.

Соч. Шарля Олиффа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Флорида Гильштремъ или великое экваторіальное теченіе. Кей-Вестъ (Флорида.) «Источникъ молодости». Жуанъ Понсъ Ледонъ — Флоридскія черепахи. — Индѣйцы Семинолы и начальникъ ихъ, Билли Боу Легсъ — Осцеола. — Островъ Гванагани. — Каналъ десь-Лукайосъ — Прибытіе въ Саваннагъ (Георгія.)

Едва прошелъ часъ тому, какъ мы оставили рейдъ Гаваины — и уже начали чувствовать благотворное вліяніе знаменитаго теченія водъ, извѣстнаго подъ именемъ Гильштремъ. Оно обвивается вокругъ полуострова Флориды огромною буквою S, только наоборотъ, такъ что мы имѣли его еще на кормѣ; а иначе мы были бы отъ сѣвера къ югу въ Мексиканскій за-

ливъ. Здѣсь, въ заливѣ Флориды, напротивъ, теченіе его отъ сѣвера къ югу, и продолжается такимъ образомъ до высоты мыса Гатера, въ Сѣверной Каролинѣ; тамъ оно пересѣкаетъ Атлантическій океанъ косвенною линіей и потомъ теряется за Шотландскими островами на сѣверѣ Шотландіи.

Мы остановились у Кей-Вестъ «ключа запада» самаго важнаго изъ трехъ городовъ Флориды; два другіе: Пенсакола у границъ Алабамы и С. Августинъ на восточномъ берегу полуострова; послѣдній самый древній городъ въ Америкѣ. Какъ сказано выше, климатъ его почитается врачами полезнымъ для излеченія легочныхъ болѣзней. Въ Кей-Вестъ мы набрали на множество черепахъ живыхъ, назначенныхъ для любителей супа въ Южной Каролинѣ, гдѣ мы рѣшительно должны были остановиться. Этихъ черепокожныхъ баснословно много около группы сосѣднихъ острововъ, которые отъ этого обстоятельства получили имя *Тортугасъ*, то есть: черепашные острова. Для ловли ихъ употребляютъ обыкновенно ту мнунту, когда, при отливѣ моря, онѣ собираются у закраины скаль и, кажется, тамъ спать. Иногда ловятъ ихъ и въ глубинѣ воды посредствомъ небольшой рыбки, которой голова имѣетъ множество хоботковъ. Эта рыбка такъ упорно привязывается ко всему, что не принадлежитъ къ ея роду, что скорѣе позволяетъ изрубить себя, чѣмъ оставить добычу. Нетолько огромныхъ черепахъ, но и прожорливыхъ акулъ ловили съ помощью этой небольшой рыбы. Рыбаку для успѣха стоитъ только насадить ее покрѣпче на уду или на конецъ веревки. Между черепахами Тортугасъ есть инья огромной величины. Одно судно, плававшее прошедшаго года у восточнаго берега Флориды, наткнулось на скалу, какъ полагалъ сначала капитанъ по виду и по значительному объему предмета, а это была просто огромная черепаха, уснувшая на берегу океана. И наше судно, въ другой широтѣ залива Флоридскаго, очень далеко отъ всякой земли, встрѣтило гигантскую черепаху, которая плыла съ неслыханною быстротою. Конечно, какъ меня увѣрили, она шла съ одного Багамскаго острова и плыла къ Тортугасъ, гдѣ могла найти своихъ родственниковъ и друзей. Въ какомъ бы множествѣ ни находились черепахи, упомянутыя нами, онѣ не производятъ ни одной, которая бы могла служить по своему верхнему черепу для произведенія чешуйчатыхъ животныхъ. Этотъ послѣдній родъ встрѣчается только на берегахъ Тихаго

океана между Чили и Панамскимъ перешейкомъ. Во Флоридскомъ заливѣ имѣли случай видѣть еще множество *nautilus* или аргонавтовъ, бродившихъ справа и слѣва нашего стимера; какъ будто алебастровыя маленькія суда на всѣхъ парусахъ плывутъ они въ Лиллипуту.

Конечно, простое имя Флориды припоминаетъ любопытныя и случайныя обстоятельства, при которыхъ открыта была эта интересная страна. Въ началѣ 1512 Жуанъ Понсъ де Леонъ узналъ отъ самыхъ старыхъ Индѣйцевъ острова, что въ двухъ недѣляхъ морскаго пути отъ сѣвера къ западу, находилась страна, до той степени плодородная, что ее можно было почесть садомъ всего земнаго шара; что золото, серебро и драгоценныя камни ожидали только, среди вѣчныхъ пустынь, руки для собранія ихъ; но сверхъ того этотъ восхитительный оазисъ окруженъ былъ рѣкою, воды которой имѣли свойство возвращать молодость человѣку. А Жуанъ Понсъ де Леонъ и желалъ только одного: сбросить морщины и сѣдины старости, которая объявила уже свои права на живую свѣжесть, на крѣпкую красоту, какую можетъ доставить заря жизни. И такъ онъ успѣшилъ снарядить на свой счетъ восемь каравеллъ, чтобъ овладѣть моремъ, и отыскать потомъ источникъ молодости.

Встрѣтивъ необычайную бурю и носимый волнами болѣе двухъ недѣль, потерявъ одинъ корабль среди урагана, онъ прибылъ въ воскресенье утромъ 27 марта къ берегу, который его совершенно очаровалъ богатою зеленью живыхъ цвѣтовъ, даже на самомъ концѣ берега, омываемаго моремъ. Эта картина, озлащаемая въ эту минуту блестящимъ солнцемъ, подала ему мысль сочинить для такой удивительной стороны приличное названіе. Такъ какъ нынѣче, сказалъ онъ, Вербное Воскресенье, которое по-латынѣ называется *Pascha Florida* и какъ эта страна убрана блестящими цвѣтами, то отнынѣ будетъ ей имя Флорида. Едва успѣлъ онъ выговорить это имя, какъ изъ глубины лѣса показалась орда татуированныхъ дикарей, бѣжавшихъ съ ужасными криками; не объясняя ничего, не давая ему времени разгадать намѣренія своего мирнаго визита, они пустили на каравеллы тучи стрѣлъ.

Послѣ битвы, отважно выдержанной съ той и другой стороны, дикіе обратились въ бѣгство, — и неустрашимый Понсъ де Леонъ высадился на берегъ и пошелъ отыскивать источ-

никъ молодости. Много дней онъ странствовалъ по лабиринтамъ зелени, почти вераспугываемымъ и неолнажды купался въ той и другой водѣ, но не нашель источника молодости. Напротивъ, по возвращеніи изъ Порторьяко, въ короткое время онъ умеръ отъ раны, нанесенной ему отравленною стрѣлою, во время схватки съ дикарями Флориды.

Кромѣ извѣстности, прибрѣтенной Понсъ де Леономъ въ открытіи Флориды, слѣдующая эпитафія, заслуженная еще прежними подвигами его, занимаетъ важное мѣсто въ морскихъ лѣтописяхъ. *

Флорида была уступлена Испанцами Соединеннымъ Штатамъ въ 1821. Съ того времени союзное правительство поставлено было въ большое затрудненіе со стороны Индѣйцевъ Семинолей, которыхъ племена блуждаютъ во внутреннихъ лѣсахъ полуострова Флориды, называемыхъ Everglades (всегда зелеными прогалинами). Такъ въ 1835, 1836 Семинолы, подъ начальствомъ Осцеолы, чрезвычайно отважнаго вождя своего, постоянно были въ кровавой войнѣ съ правительствомъ. Хотя со смертію Осцеолы, храбрые его товарищи большею частью разсѣялись, однако, во время моего пребыванія въ Америкѣ, какой-то остатокъ этого древняго племени оказался довольно опаснымъ и поставилъ Флориду въ необходимость призвать корпусъ солдатъ изъ Вашингтона. Только недавно кацкъ этого оставшагося племени заключилъ прочный и мирный договоръ съ своими повелителями. Этотъ преемникъ Осцеолы носить имя Billy Bowlegs, то есть, Вильгельма Кривоногого.

Идя вверхъ по Флоридскому заливу (у англичавъ: каналъ Лукайосъ) крайне сожалѣешь, что нельзя глазами открыть острова Гванавани, о которомъ мы упоминали выше. Однако онъ составляетъ часть группы Багамскихъ острововъ, бывшихъ у насъ вправѣ на незначительномъ разстояніи.

Христофоръ Колумбъ, въ знаменитый день открытія его, 2 октября 1492 года, далъ ему имя Сансальвадора, въ честь Того, чей крестъ онъ водрузилъ въ первый разъ на землѣ Нового Свѣта. На английскихъ и американскихъ картахъ его обозначаютъ подъ именемъ *Кошечьяго острова*. Идя постоян-

* Mole sub hac fortis requiescunt ossa Leonis, qui vicis factis nomina magna suis.

но къ сѣверу, мы остановились въ прелестномъ портѣ *Саваннагъ*, въ самомъ большомъ городѣ штата *Георгія*.

Хотя онъ построенъ среди огромной песчаной пустыни, но въ извѣстныя времена года пріѣзжаетъ сюда множество семействъ высшаго сословія изъ штатовъ *Массачузета*, *Конектикута* и *НьюЙорка* пользоваться здоровымъ его климатомъ, пріятною тѣнью въ его улицахъ, отъ алей прекрасныхъ деревьевъ, которыя росли тамъ, безъ-сомнѣнія, задолго еще до перваго дома, построеннаго въ городѣ. Нынѣшнее народонаселеніе *Саваннагъ* простирается до 80,000 душъ. Штатъ *Георгія* еще упорно, и только одинъ, поддерживаетъ невольничество.

Х.

Южная Каролина. Ужасный порывъ вѣтра. Ударъ о скалу.—Смерть лицомъ къ лицу. Центръ невольничества. Плантаторы оклеветанные. Счастливый смѣхъ. Послушность негровъ. Ихъ отношеніе къ бѣлому человѣку. Обхожденіе съ черными. Странная продажа съ аукціона.

Въ ночь, послѣ нашего отправленія изъ *Саваннагъ* въ портъ *Георгія*, гдѣ мы остановились, разразилась надъ нами страшная буря. Какъ-будто по какому злосчастному предзнаменованію, наше судно, вслѣдствіе важнаго удара, оторвало всю корму небольшого парохода, загородившаго ему дорогу, на пути въ заливъ. Темнота была страшная и дежурные вахтенные матросы не могли различить ни одного предмета въ двухъ шагахъ отъ нашего судна.

Наразсвѣтъ вѣтеръ взволновалъ море до той степени, что никто изъ экипажа не могъ держаться на палубѣ; всякаго сильно отбрасывало въ противоположную сторону судна. Первый предметъ, явившійся нашимъ глазамъ на зарѣ, былъ большой трехмачтовый корабль, съ британскимъ флагомъ, который, очевидно, потерялъ мачты при этомъ ужасномъ невзгодѣ. Въ такомъ положеніи мы къ полудню достигли залива *Чарльстауна*, главнаго города *Южной Каролины*. Входъ въ этотъ заливъ, равный устью *Темзы*, запертъ буквально песчаной стѣною; такъ она тверда и плотна. Жители считаютъ эту стѣну лучшею защитою *Каролины* противъ всякаго вѣшняго нападенія,

вмѣстѣ съ тремя твердыми крѣпостями, защищающими портъ Чарльстауна. Во время прилива вода никогда не подымается больше 15 футовъ выше этого, такъ сказать, песчаного рифа; вотъ почему суда съ грузомъ, болѣе 700 и 800 тоннъ, не осмѣливаются плыть чрезъ него, какъ-бы океанъ ни волновался; и такъ, нашъ капитанъ, отличный старѣй морякъ, вслѣдствіе совѣта съ офицерами, рѣшился остановиться въ открытомъ морѣ до вечера, надѣясь, что буря въ это время прекратится. Такая рѣшимость доставила пассажирамъ и матросамъ большое удовольствіе; они знали отважный и неустрашимый характеръ своего палинура, особенно когда дѣло шло о борьбѣ съ моремъ: до сихъ поръ они слишкомъ боялись, чтобы капитанъ, на зло бурямъ и ураганамъ, не продолжалъ неуклонно своего плаванія.

Однако наша самоувѣренность продолжалась недолго; пока въ толпѣ пассажировъ, треть которыхъ состояла изъ дамъ, поздравляли другъ друга, въ большой общей залѣ, и восхищались благоразумною рѣшимостью капитана, вдругъ, съ крайнею поспѣшностью влетѣла камерира дамскаго отдѣленія, блѣдная какъ мраморъ и вскричала: «капитану сейчасъ донесли, что неостаетъ топлива; вѣтъ средствъ дожидаться въ морѣ прекращенія вѣтра, и онъ сей часъ же отправляется.»

Только она произнесла эти слова, не успѣли мы еще опомниться отъ ужаса, какъ всѣ уже очутились на роковомъ пунктѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ ухахъ всѣхъ раздался шумъ отъ ужаснаго удара, съ такимъ потрясеніемъ парохода, что никто не сомнѣвался въ причинѣ. Три раза поднималъ насъ бурувъ и три раза мы снова ударялись о плотину, съ необычайною силою. Чтобы имѣть понятіе объ ужасѣ, который наводили эти потрясенія, пусть представятъ, на примѣръ, безчисленное множество людей, которые бы въ одинъ и тотъ же моментъ разрывали тысячи листовъ картона или толстой бумаги. И мы слышали такое нескончаемое разрываніе. Тотчасъ раздались пронзительные крики тревоги, какъ понятно, въ группѣ дамъ и дѣтей; а побѣлѣвшія лица мужчинъ показывали полное ихъ убѣжденіе, что судно сейчасъ опрокинется. Тогда мы всѣ погибли бы безвозвратно, ибо волны были слишкомъ бурны и ни одинъ штурманъ, при всемъ своемъ самопожертвованіи, не осмѣлился бы придти къ намъ на-помощь.

Среди отчаянныхъ криковъ громче всѣхъ раздавался голосъ

капитана, который кричалъ офицерамъ и матросамъ: «сколько воды въ трюмѣ? всѣмъ приказывается идти къ помпамъ.» Ужасна была эта минута ожиданія; каждый своими глазами старался увѣриться: точно ли вода выходитъ уже за свою черту. Безъ толстой новой мѣлной обшивки пароходъ навѣрно разорвало-бы пополамъ, съ перваго изъ трехъ ударовъ.

Вѣроятно, вслѣдствіе только чрезвычайнаго волненія океана, мы успѣли спастись въ такомъ безнадежномъ положеніи. Еслибы волны были не такъ высоки, думаю, не могли бы ослабить ударовъ; онѣ, поднимая насъ довольно быстро, не позволяли намъ близко касаться роковой преграды и, сильно гоня насъ впередъ, избавили отъ страшнаго несчастія.

Восемь дней назадъ, одно значительное судно совершенно потонуло въ этомъ роковомъ мѣстѣ. Среди всеобщаго волненія боцманъ закричалъ намъ съ верхняго люка: «рифъ назадъ! мы спасены!»

Спустя два дня, послѣ нашей высадки, граждане Чарльстона, встрѣчаясь другъ съ другомъ, говорили о нашемъ приключеніи. Нѣкоторые мѣстные журналы называли капитана слишкомъ безразсуднымъ за то, что онъ подвергалъ и пассажировъ и экипажъ неминуемой гибели, другіе, напротивъ, сильно защищали его, представляя какъ главное извиняющее обстоятельство, что на кораблѣ была его супруга, а слѣдовательно, въ эту страшную минуту онъ дѣйствовалъ въ пользу всѣхъ. Здѣсь, признаюсь, былъ случай превратить смыслъ логической аксіомы: отъ частнаго къ общему нѣтъ заключенія.

Приѣзжающему въ первый разъ въ Южную Каролину первая мысль бросается въ голову: со всѣмъ вниманіемъ изслѣдовать истинное положеніе несчастныхъ созданій, подпавшихъ игу невольничества. Скоро, можетъ быть, увѣрятся, что большая часть декламаторовъ Англичанъ и другихъ, писавшихъ свои впечатлѣнія, наблюдали этотъ предметъ сквозь призму предубѣждений. Я могу утвердительно сказать, что нигдѣ, можетъ быть, между этимъ народонаселеніемъ, во всѣхъ странахъ, принужденныхъ выработывать насущный хлѣбъ въ потѣ лица, нѣтъ класса, болѣе счастливаго во всѣхъ отношеніяхъ, какъ негры невольники Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь, въ Южной Каролинѣ и въ штатахъ Луизианы и Алабамы, главные плантаторы риса, хлопчатой бумаги и сахара напрасно терпятъ клевету подъ перомъ не одного писателя. Если угодно подойти къ

источнику «невыносимыхъ жестокостей,» которыя имъ вѣроятнѣе, то увидѣли бы, что этихъ жестокостей совершенно нѣтъ: жестоки могутъ быть немногіе значительные колонисты, вдругъ обогатившіеся, лица неизвѣстныя, сами бывшіе нѣкогда купцами и продавцами невольниковъ, или, лучше сказать, цвѣтные люди, также случайно нажившіе богатство, но люди безъ всякаго воспитанія; особенно послѣдніе легко могутъ иногда увлекаться до гнусныхъ страстей, даже въ отношеніи къ тѣмъ, которые по крови и по цвѣту кожи, немного разнятся съ ними.

Хотя немного поживете въ Южной Каролинѣ, вы убѣдитесь, что негръ достаточно пользуется свободою у своего господина; имѣетъ право веселиться гдѣ ему угодно, лишь бы вѣрно исполнилъ дневную, урочную работу. Тысячу разъ я имѣлъ случай говорить объ этомъ утвердительно въ Чарльстаунѣ и другихъ мѣстахъ. Въ извѣстные часы дня, а больше всего вечеромъ, если вы идете по публичной городской улицѣ, увидите вдали группы негровъ, услышите въ то же время громкій ихъ смѣхъ, но смѣхъ непринужденный, сердечно, такъ сказать, объясняющій вамъ, что смѣющіеся не терпятъ ни горя, ни печали. Въ другое время, въ углу какой-нибудь улицы, или подъ портикомъ какого-нибудь большаго зданія, веселая толпа негровъ и негрятенокъ, каждую минуту показываютъ прохожему, какъ свидѣтелю своей веселости, свои блестящей бѣлизны зубы. Уваженіе ихъ къ бѣлому человѣку, какой-бы націи онъ ни былъ, очень велико. Какъ ни развлечены они своими играми, какъ ни тѣсны ихъ группы, если увидятъ, что вы проходите между ними, въ-минуту прекращаютъ свои забавы, разступаются и даютъ вамъ свободный проходъ. Идя по набережной, если вы замѣтите, что прямо на васъ несутся двѣ легкія повозки и опережаютъ другъ друга, чтобы какъ можно поскорѣе прибыть къ выгружающемуся судну, вы можете въ полной увѣренности переходить дорогу, или улицу, по вашему произволу; два черные кучера вдругъ останавливаютъ лошадей, при первой минутѣ приближенія къ вамъ; и забывая свое соперничество, заставившее ихъ скакать рядомъ, они будутъ думать только о томъ, чтобы доставить вамъ удобное средство продолжать вашу дорогу.

Законы несвободныхъ еще штатовъ позволяютъ давать рабамъ воспитаніе религіозное. Впрочемъ въ душѣ негровъ

едва-ли могутъ заражаться мысли возмущенія, какъ слѣдствіе ихъ образованія, какъ было нѣкогда въ эпоху, когда союзное начальство (Вашингтоново) освободило невольниковъ сѣверныхъ штатовъ. Въ глазахъ самыхъ недалеконидныхъ людей, невольники, во время своей службы весьма затрудняются въ приобрѣтеніи для себя вещей, даже первой необходимости. Можно съ увѣренностію предположить, что ихъ черные братья на югѣ, которые яснѣ для видать, что ихъ жребій сносите, относительно другихъ, сами захотятъ достигнуть степени подобнаго существованія; я тѣмъ болѣе увѣренъ въ этомъ мнѣніи, что другія различныя обстоятельства и изслѣдованіе, сдѣланное въ послѣднія эти времена, значительными лицами, помогаютъ мнѣ вывести такое отважное заключеніе. Если по какому-нибудь побужденію союзное правительство вздумало бы завтра дать невольникамъ своимъ полную и совершенную свободу, то четыре пятыхъ чернаго народонаселенія отвергнули бы это пожертвованіе; доказательства этому время отъ времени встрѣчаются сами-собою. Сколько этихъ несчастныхъ негровъ, иногда бѣжавшихъ отъ своихъ господъ, по увлеченію ложными разсказами, по обѣщаніямъ хитрыхъ соблазнительей, съ усердіемъ возвращаются опять въ прежнее жилище, проклиная всѣхъ сѣверныхъ утѣшителей, которые ихъ свели съ прямого пути, наивно повторяютъ англійскую пословицу: «мы пошли искать шерсти, и вотъ, къ несчастію, возвратились сами остриженные».

Высказывая эти наблюденія, я нисколько не намѣренъ защищать невольничество негровъ; я просто разсказываю нѣкоторые факты, нисколько не пускаясь въ разысканія объ этомъ вопросѣ.

Суда съ неграми, производящія постыдную торговлю черными, не могутъ высаживать своего африканскаго груза ни въ какой пунктъ Соединенныхъ Штатовъ, даже въ Штаты Невольничьи. Только на берегахъ Кубы и Бразиліи они освобождаются отъ жертвъ, безчеловѣчно исторгнутыхъ изъ ихъ родной земли, съ далекихъ береговъ Гвинеи или Зангвебара *.

* Число невольниковъ, вывезенныхъ съ береговъ Африки и высаженныхъ въ Кубѣ съ 1842 по 1851, простиралось до 43,489. Бразилія получила довольно много изъ этого числа, именно: 325,615. Но все заставляетъ надѣяться, въ отношеніи къ этой имперіи, что ввозъ невольниковъ постоянно уменьшится; потому что въ 1848 число ихъ простиралось только до 60,000; а въ 1851 уменьшилось до 3,287.

Однако торговля невольниками производится обычно, каждый день, въ Новомъ Орлеанѣ и другихъ мѣстахъ, на томъ только условіи, чтобы продаваемый негръ предварительно составлялъ собственность какого-нибудь гражданина, живущаго въ республикѣ.

Я часто съ любопытствомъ смотрѣлъ на эту продажу негровъ въ Чарльстаунѣ; она происходитъ прямо противъ таможни; сначала ставятъ продаваемаго невольника на большую бочку; крикунъ или комиссаръ, съ молоткомъ изъ краснаго дерева, становится съ нимъ рядомъ на столѣ. Потомъ хриплымъ голосомъ, похожимъ на вой, произноситъ формулу обыкновенную во всякой продажѣ:

«Господа! кто дастъ мнѣ сто долларовъ за Сампо, который здѣсь? Посмотрите на него: онъ здоровъ, молодъ и силенъ; любитъ работу, хорошій человекъ. Кто мнѣ за него заплатитъ 150?»

Пока присутствующіе отвѣчаютъ на этотъ вызовъ новыми надбавками, негръ тревожно бросаетъ беспокойный взглядъ на того, кто даетъ цѣну послѣдній; открываетъ ли онъ въ чертахъ этого покупателя добродушіе или строгость—и на его лицѣ разливается удовольствіе или очевидный страхъ. Никогда однако не продаютъ одного отца семейства отдѣльно отъ жены и дѣтей, и наоборотъ.

XI.

Южная Каролина.

(Продолженіе.)

Образцы прислуги. — Дикая поэзія. — Банъѡо. — Негръ въ воскресномъ нарядѣ. — Дамы съ черными камеліями. — Веравдаги въ Чарльстаунѣ. — Рѣдкая капуста. — Мѣшокъ съ плодороднымъ рисомъ. — Гомони или мансъ въ Каролинѣ. — Демаркаціонная линія въ Невольничьихъ Штатахъ. — Штаты, вытянутые въ линію. — Гробница Осцеолы. — Черный соколъ или глава Виннебагосъ.

Во многихъ мѣстахъ невольники обоого пола отдаются вънаймы содержателямъ гостинницъ или къ другимъ частнымъ лю-

дямъ, своими господами, которые, по причинѣ отправки въ путешествіе, могутъ временно обойтись безъ ихъ услугъ. Негръ изъ заработанной суммы получаетъ въ мѣсяць только 75 коп. серебромъ, но при этомъ его довольно снабжаютъ всѣмъ необходимымъ, на счетъ хозяина; а если онъ сдѣлается нездоровъ, то призываютъ къ нему на тотъ же счетъ и врача. Кромѣ негра лучшей прислуги нѣтъ; находятся ли они въ состояніи наемниковъ или въ своемъ обыкновенномъ положеніи. Тысячу разъ сравнивалъ я кротость ихъ характера, внимательность, спѣшную отвѣчать даже на мелочныя требованія, съ этою сухостию, иногда заносчивостию, нерадѣніемъ и продажностию услугъ, которыхъ столько примѣровъ между бѣлою прислугою въ сѣверныхъ провинціяхъ. Теперь эти мѣста вообще заняты европейскими эмигрантами.

Подъ черною оболочкою негра часто вы встрѣчаете истинную поэзію. Перечтите напр. нѣсколько разъ это очаровательное собраніе пѣсень, уже народное въ Сѣверной Америкѣ, подъ названіемъ: «Мелодіи негровъ.» Многое въ этой поэзіи составлено невольниками; замѣьте притомъ, съ какимъ энтузіазмомъ поютъ они эти мелодіи въ гармоническихъ концертахъ, которые даютъ въ тѣни цвѣточныхъ рошъ своей Южной Каролины. Любимый ихъ инструментъ есть банъйо, родъ дикой гитары.

Въ числѣ любимыхъ арій иныя производятъ на негра, случайно удаленнаго отъ плантаціи, на которой онъ родился, такое же магическое дѣйствіе, какое производитъ на швейцарскихъ солдатъ ихъ національная пѣсня. Музыка негровъ какъ и простые «арентосъ» или рукописныя ихъ баллады запечатлѣны какою то жалобною меланхоліею, которой одно слово, одна нота, часто извлекаетъ слезы изъ глазъ путешественника, пробуждая въ немъ воспоминаніе о минувшемъ счастіи уже никогда невозвратимомъ.

Стоитъ еще посмотрѣть на одну замѣчательную картину, когда толпа невольниковъ разгуливаетъ по большимъ улицамъ въ воскресный или другой праздничный день, разодѣвшись въ самое лучшее платье. Изъ всего мужскаго костюма, постоянно разнообразится безконечно, смотря по вкусу cadaго, одна часть, именно, воротникъ рубашки очень бѣлый, очень накрахмаленный, который оканчивается угломъ, выше галстуха, даже около ушей. Что касается до шляпъ, для нихъ выдумывается

новая форма на каждый день. Я насчиталъ болѣе шести различныхъ видовъ; у однихъ шляпы съ широкими полями, у другихъ съ узкими, третій надѣется удивить шляпою безъ одного поля и даже безъ дна. У одного оказывается пристрастіе къ бѣлой шляпѣ, другой предпочитаетъ сѣрыя или желтыя.

Нарядъ негрятенокъ въ воскресенье еще страннѣе, не столько по причудливому покрою ихъ шелкового платья, по цвѣту его болѣе или менѣе живому, сколько по любопытной прическѣ. Ни одна изъ нихъ не носитъ madras, кромѣ тѣхъ, которыя уже старѣются; самыя шляпы на открытомъ воздухѣ чрезвычайно рѣдки. Только изъ подражанія прическѣ кавалеровъ негровъ, онѣ убираютъ голову приличнымъ образомъ для своихъ завоеваній. Но какъ волосы ихъ обыкновенно длиннѣе волосъ мужчинъ, то, понятно, онѣ очень смѣшно убираютъ свою голову, именно: сбѣлваши строгой проборъ, поднимаютъ волосы вправо и влево помалому, и выходятъ что-то въ родѣ конской гривы. Дамскій туалетъ гораздо изящнѣй, изысканнѣй у извѣстнаго рода свободныхъ негрятенокъ, коихъ съ сожалѣніемъ иностранецъ видитъ прогуливающихся, въ-сумерки, по главной улицѣ Чарльстауна.

Народонаселеніе цвѣтушаго Чарльстауна простирается въ настоящее время до 61,000 челов. Если исключить три или четыре улицы, гдѣ коммерція наиболѣе сосредоточена всѣ дома богачей стоятъ отдѣльно одинъ отъ другаго; каждая изъ этихъ роскошныхъ виллъ въ каждомъ этажѣ имѣетъ балконъ, широкій *verandah*, крытый и обращенный на востокъ или западъ, въ защиту отъ солнечнаго зноя. Въ самыя лѣтніе жары жители по произволу могутъ спускать легкія, зеленыя рѣшетки, неизмѣнно находящіяся на одномъ концѣ балкона. При такомъ устройствѣ виноградъ, отѣвняющій край кровли, падаетъ внизъ, вмѣстѣ съ другими вьющимися растеніями, по всей поверхности рѣшетокъ. Садъ, окружающій каждое изъ этихъ очаровательныхъ жилищъ, украшенъ низменною пальмою, довольно рѣдкою во всѣхъ другихъ частяхъ Сѣверной Америки; это *palmetto* (какъ называютъ его) очень пріятно на взглядъ и очень густо. Каролинцы очень много потребляютъ, въ видѣ овощей, весенніе плоды этого дерева; они довольно объемисты, подобно большой дынь; вкусомъ похожи на брюссельскую капушту. Такъ какъ этотъ родъ пальмы встрѣчается довольно часто въ

Южной Каролинѣ, то эта провинція, столь плодородная и въ многихъ другихъ отношеніяхъ, получила прозваніе прекрасной земли Пальметто.

Чтобы составить понятіе объ удивительномъ количествѣ риса, растущаго теперь въ Южной Каролинѣ, достаточно сообразить употребленіе одной только шелухи рисоваго зерна, въ окрестностяхъ Чарльстауна. Въ-самомъ-дѣлѣ, ее употребляютъ, какъ я видѣлъ, на завалку рововъ, на осушеніе болотъ, на которыхъ намѣреваются дѣлать постройки. Отсюда можно заключить, какъ огромно разведеніе этого драгоценнаго растенія, съ эпохи его перевоза въ Новый Свѣтъ въ 1695. Въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года, мадагаскарская бригантна, застигнутая бурей въ портѣ Чарльстауна, подарила англійскому губернатору этой колоніи мѣшокъ рису, объяснивъ ему способъ воздѣланія его на востокѣ Смитъ (губернаторъ) отдалъ рисъ пяти или шести своимъ друзьямъ; каждый посѣялъ свою порцію по наставленію африканскаго капитана. Еслибы захотѣли узнать, до какой степени оказался плодороденъ этотъ знаменитый мѣшокъ, стоитъ спросить не только новое полушаріе, но и всю Европу. Кто не знаетъ славнаго риса каролинскаго?

Впрочемъ, южные американскіе штаты употребляютъ свой прекрасный рисъ во множествѣ видовъ. На столахъ богатыхъ гостиницъ непремѣнно подаютъ къ завтраку и къ чаю вечернему рисовую лепешку; это нѣжное пирожное дѣлается подобно французскимъ *à plomb*, т. е. изъ рису мелко смолотаго и замѣшаннаго потомъ на значительномъ количествѣ масла.

Въ Южной Каролинѣ также умѣютъ хорошо готовить *гомоны*, просто маисъ въ зернѣ, грубо смолотый, по очищеніи своей шелухи, потомъ приготовленный со сливками, съ масломъ и нѣкоторыми жгучими пряностями. Наконецъ въ Чарльстаунѣ, между прочимъ подаютъ вамъ часто пирогъ или кокосовое тѣсто, то есть молодые кокосовые орѣхи, превращенные въ неосвязаемый порошокъ, изъ котораго готовятъ роль пудинга съ прибавкою благовонныхъ вещей. Этотъ кокосовый пирогъ вообще почитается неудобосваримымъ. Если угодно узнать, какіе въ наше время въ американской республикѣ невольничьи штаты и какіе свободные, стоитъ только взглянуть на карту сѣверныхъ штатовъ послѣдняго изданія. Во всѣхъ провинціяхъ къ сѣверу отъ 39°

широты, черное народонаселеніе свободно. Негры, къ югу отъ этой линіи, невольники. Однако, нѣкоторыя мѣста въ Виргиніи, Мариландѣ и Миссури, по сѣверному направленію выходятъ изъ означенной широты, несмотря на усиліе Американцевъ, странное дѣло, вытягивать свои штаты по веревкѣ.

Во время пребыванія моего въ Южной Каролинѣ, по замѣчанію многихъ, часто оправдывались мои слова, сказанныя вообще объ южной части сѣверныхъ штатовъ, что именно большая масса бѣлыхъ гораздо ласковѣе и гостепріимнѣе соответственныхъ классовъ сѣверныхъ штатовъ. И въ Чарльстаунѣ и въ Новомъ Орлеанѣ и въ Мобилѣ я не находилъ и слѣдовъ того эгоизма, который, почти съ немногими исключеніями, какъ бы прирожденъ сынамъ Маммона въ сѣверныхъ провинціяхъ.

Прежде нежели разстанемся съ Южною Каролиндою, не забудемъ, что гробница Осцеолы, главы индѣйскихъ Семиноловъ, упомянутыхъ нами, возвышается на одномъ изъ острововъ, разсѣянныхъ въ заливѣ Чарльстауна. Смертные останки этого храбраго флоридскаго воина покоятся за стѣнами крѣпости, въ которую входъ имъ былъ запертъ американцами 1837, вслѣдствіе кровопролитной битвы, при Окее — Своее. Здѣсь онъ умеръ внезапно отъ жабной болѣзни, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего заключенія. Всѣ нынѣшніе индѣйцы и всѣ бѣлые единодушно признаютъ Осцеолу славнымъ предводителемъ, который являлся когда либо между краснокожими, въ теченіи болѣе двухъ вѣковъ, исключая знаменитаго *чернаго ворона*, или главы Виннебагосовъ. Многіе годы этотъ послѣдній неустрашимый кацикъ держалъ въ нерѣшимости нѣкоторыхъ опытныхъ генераловъ союзнаго правительства; но когда столица его «собачій дугъ» предалась въ руки непріятелей въ 1833 г., отчаяніе его вышло изъ границъ: онъ бросился въ Вашингтонъ, думая найти тамъ смерть. Однако, сверхъ-чаянія, встрѣтилъ тамъ великодушіе. Правительство, не принявъ его добровольной сдачи, приказало съ почетомъ проводить его къ своему племени Виннебагосъ, гдѣ онъ и умеръ, не болѣе пяти лѣтъ назадъ. Этому черному соколу англійскій поэтъ Томасъ Кемпбелъ посвятилъ нѣсколько своихъ прекрасныхъ стихотвореній.

XII.

Виргинія.

Сиръ Вальтеръ Ралейгъ.—Виргинскій табакъ; знаменитые окорока.—
Феноменальный мостъ.—Минеральные воды.—Ричмондская мука.—До-
лина крови.—Южная героиня.—Ужасное убійство.—Плачевная топь.—
Легенда.—Огненные мухи.—Бронзовый змѣй.

Штатъ Сѣверной Каролины, который я проѣзжалъ весь по пути въ Виргинію, представляетъ въ тысячу разъ меньше интереснаго для глазъ путешественника, чѣмъ сестра его Южная Каролина. Въ этой провинціи вы найдете, въ первый разъ, воспоминанія о знаменитомъ Вальтерѣ Ралейгѣ, который столько ихъ оставилъ на другихъ пунктахъ восточнаго берега Сѣверной Америки. Я говорю о столицѣ или главномъ пунктѣ Сѣверной Каролины, получавшемъ имя Ралейга. Это небольшой, очень торговый городъ, содержащій, кромѣ другихъ предметовъ, достойныхъ вниманія, великолѣпную городскую отель, всю изъ гранита, по образцу пареенона въ Афинахъ.

Но только, входя въ эту страну, мы замѣчаемъ глубокіе слѣды отличнаго государственнаго человѣка, котораго мы сейчасъ назвали. Этотъ философъ-воинъ, Ралейгъ, прекрасно изображенный въ Кенильвортѣ, первый основалъ англійскую колонію въ Америкѣ и далъ ей имя *Виргиніи*, въ честь королевы-дѣвы Елисаветы. Кто въ эту знаменитую его жизнь могъ предвидѣть, что впоследствии времени онъ жестоко погибнетъ на эшафотѣ? Кому неизвѣстно, что сиръ Вальтеръ Ралейгъ первый посѣялъ табакъ въ этой провинціи и преодолѣвъ много препятствій, ввелъ его въ Англію?

Въ наше время это наркотическое растеніе, больше нежели когда нибудь, составляетъ главный источникъ богатства Виргиніи. Правда, выдѣлываются здѣсь сигары ниже гаванскихъ, но прекрасенъ виргинскій нюхательный табакъ и также курительный; его превращаютъ иногда въ табакъ для жвачки; но-крайней-мѣрѣ преимущество послѣдняго сорта,

сдѣлавшагося, къ несчастію, потребностію трехъ четвертей мужскаго народонаселенія Америки, производится въ окрестностяхъ С. Луи, въ штатѣ Миссури, откуда вывозятъ его въ видѣ лепешекъ, твердыхъ какъ шоколадъ. Чтобы сообщить ему эту крѣпость, готовятъ густое тѣсто, смѣшивая листья тертаго табаку съ кленовою патокою и небольшимъ количествомъ тонкаго масла, потомъ все сушатъ подъ сильнымъ прессомъ.

Окорока, славящіеся въ Европѣ выше окороковъ байонскихъ и вестфальскихъ, готовятъ въ Виргиніи, въ окрестностяхъ небольшого города Питсбурга.

Этотъ штатъ, столько обильный прелестями всякаго рода, еще превосходить, по протяженію, каждую изъ тридцати одной провинціи Соединенныхъ Штатовъ. Ни одинъ путешественникъ, вѣрно, не откажется сходить поливиться его *natural bridge*, натуральному мосту, который американцы признали первымъ натуральнымъ великимъ феноменомъ своей стороны послѣ Ньягары. По ихъ мнѣнію, онъ въ своемъ родѣ любопытнѣе пещеры Маммотъ въ Кентукки, упомянутой въ прошедшей главѣ. Этотъ натуральный мостъ есть огромная арка, образованная изъ вѣковой скалы, которую природа перебросила чрезъ ея большой потокъ воды. Отъ поверхности этой рѣки до центра моста, высота полагается 235 футовъ, широта 80; наконецъ, этотъ чудесный мостъ имѣетъ 95 футовъ длины.

Можетъ быть не въ одной странѣ, на пространствѣ такомъ ограниченномъ, не находится такого большаго разнообразія минеральныхъ водъ, какъ въ Виргиніи. Вы встрѣтите тамъ источники, содержащіе водосѣристый, односѣристый содій, подобно водамъ Баньерскимъ во Франціи; богатые источники двухъ-углекислой соды, похожіе на воды Виши, воды содержащія въ растворѣ сѣристый кальцій, какъ воды энгіенскія; другія заключаютъ довольно ясные признаки недокислого-угольнаго желѣза, какъ Гарогатскія въ Англіи. Изъ этихъ источниковъ нѣкоторые теплые, довольно высокаго градусуса.

Столица Виргиніи *Ричмондъ* прекрасный городъ, заключающій въ себѣ 26 т. жителей; онъ выстроенъ очень хорошо, на восьми отдѣльныхъ холмахъ, изъ которыхъ между двумя шумно течетъ рѣка Джейль; по быстротѣ теченія она не су-

лоходна, вверхъ и внизъ отъ города, но взаменъ того жители Ричмонда извлекаютъ пользу изъ этого обстоятельства, преобразуя гениально воды рѣки въ двигающую силу, для зерновыхъ мельницъ. Виргинская мука считается первою по своему качеству, послѣ муки штата Огіо на сѣверѣ.

Недалеко отъ Ричмонда вы идете по живописной долиинѣ, называемой долиною «кроваваго гоненія», по средствамъ истребленія, принятымъ некогда бѣлыми противъ орды индѣйцевъ, отчаянно имъ сопротивлявшейся. Въ-самомъ-дѣлѣ, индѣйскія племена Виргиніи стоятъ мѣста въ исторіи, рядомъ съ самыми отважными изъ краснокожихъ, противъ которыхъ бѣлые когда-нибудь сражались. Эта мысль рѣзко представилась нашему воображенію въ ту минуту, когда мы перѣзжали Рапаганокъ. Берега этой прекрасной рѣки управляемы были законными природными повелителями, въ эпоху прибытія туда первыхъ европейцевъ, съ цѣлю изгнать ихъ и обогреть кровію ихъ оба берега; это были, какъ говорятъ хроники, истинные гиганты, которыхъ вигвамы (хижины) танулись по опушкѣ лѣсовъ обширной долины Шенандоагъ, недалеко отъ Рапаганока.

Когда индѣйцы Виргиніи находились еще на высшей точкѣ своего могущества, въ началѣ XVII вѣка, и въ тотъ моментъ, какъ Англичане вовсе не надѣялись спасти отъ нихъ разлагающуюся колонію свою, послѣдніе увидѣли, что среди нихъ возникло неожиданное спасеніе, какъ парусъ на горизонтѣ, какъ блестящій фаросъ для потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и подверженныхъ вѣдмъ ужасамъ разсерженнаго океана. Такая путеводная звѣзда была дочь Поугатама, ужаснаго владыки, какого только имѣли племена Рапаганока съ незапамятныхъ временъ.

Юная принцесса имѣла неболѣе 13-ти лѣтъ какъ въ первый разъ обезоружила руку своего отца; ее звали Покагонта. Разъ, одинъ англійскій капитанъ, взмѣною привлеченный въ станъ Поугатама, ожидалъ смерти и уже положилъ голову на большой камень, какъ-бы на плаху. Въ ту самую минуту, какъ по сигналу, данному владыкою, два индѣйскіе солдата держали томагавки въ рукъ на вѣсу и готовились раздробить ему голову и члены, Покагонта, вырвавшись изъ рукъ прислужницъ, бросилась, подобно молнии, на мѣсто

казни и закрыла собою того, кто готовился принять смертный ударъ. Положивши голову на камень, она вскричала, что томагавки поразятъ за одинъ разъ двѣ жертвы. Три года спустя Поугатамъ составилъ варварскій и довольно умный заговоръ въ Джемстаунѣ; предполагалось воспользоваться безопасностію недавняго мира, захватить и убить всѣхъ колонистовъ безъ исключенія. Во время буря, умножавшей еще болѣе густой мракъ ночи, Покагонта ушла изъ отцовской палатки, успѣла придти во-время въ Джемстаунъ и предостеречь этотъ городъ отъ грозящаго несчастья. Нѣсколько спустя, послѣ этого событія, одинъ молодой англійскій офицеръ, по имени Вольфъ, пораженный восхитительной красотой индѣйской принцессы и еще болѣе необыкновенною силою ея души, просилъ ея руки и получилъ.

Можетъ быть, неумѣстно замѣтить здѣсь, что индѣецъ физически чрезвычайно разнится отъ негра собственно; у него вѣтъ сжюснутаго носа, толстыхъ губъ и щетинъ на головѣ, какъ у негра. Индѣйскія женщины, дѣйствительно прекрасныя (а ихъ очень много), даютъ намъ довольно близкое понятіе, отчего нѣкогда были очаровательны султанши въ позлащенныхъ чертогахъ Алгамбры, во время владычества Мазровъ въ Андалузій. Покагонта, очень сходная съ свѣтиломъ гарема, въ Лалла-Рукъ, эта героиня умерла въ Англіи 22 лѣтъ, въ 1817 г. Отвергнувъ язычество своихъ отцевъ, она приняла имя Ревекки.

Хотя невольники Виргиніи всегда отличались кротостію характера, однако нѣкоторые, по внушенію злодѣя Ната-Турнера, возстали въ 1831 и безжалостно перерѣзали всѣхъ бѣлыхъ, которыхъ могли только захватить; такъ погибли 55 человекъ съ женами и дѣтьми. Къ счастью, число жалкихъ виновниковъ этого несчастья не превышало 70 человекъ. Какъ-бы ни было, Виргинія любимая страна всѣхъ невольниковъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ бы далеко они ни находились отъ ея границъ. Въ собраніи пѣсенника негровъ, о которомъ мы сказали выше, дикіе барды безъ утомленія воспѣваютъ пѣсни своей древней Виргиніи, какъ они называютъ ее.

Городъ *Норфолькъ*, въ Виргиніи, выгодно расположенъ въ заливѣ чезапекскомъ, имѣетъ самый важный морской арсеналъ изъ всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ; народонаселеніе го 14000 душъ. Пока вы блуждаете по окрестностямъ

этого города, побывайте на берегу знаменитой плачевной топи. Отъ своего истока (въ 8 или 9 миляхъ), отъ Норфолька, она тянется къ югу на 40 миль, широтою въ 25. Это огромное болото, на всемъ своемъ протяженіи, съ немногими исключеніями, наполнено обломками растительнаго царства тысячи различныхъ родовъ, обломками гнѣющаго лѣса и колоссальными пнями деревъ, перепутавшихся и переплетенныхъ другъ съ другомъ. На поверхности почвы, состоящей изъ черной грязи, разсыяно тамъ и сямъ множество водорослей и другихъ травянистыхъ растеній, изъ которыхъ многія похожи на мохъ; даже въкоторыя между ними достигаютъ высоты 4 до 5 футовъ: особенно замѣчательно *hidrangea*. Среди этихъ низшихъ родовъ растеній возвышаются, не вдали другъ отъ друга, огромные кипарисы, которые густыми вѣтвями, на всемъ протяженіи плачевной топи, распространяютъ плачевный сумракъ. Но въ центрѣ глубокаго унынія вы, къ крайнему удивленію, открываете то, что мы могли бы назвать жидкимъ оазисомъ. Это зеленое озеро, подобное изумруду, совершенно покрыто мрачнымъ, грязнымъ лѣсомъ, какъ описано выше. Столь величественная скатерть воды, 7 миль длинны и 5½ ширины, получила названіе «*Друмондова озеро*». Знаменитый Ирландскій поэтъ Томасъ Муръ далъ негибнущую память этому *Dis mal Swamp*. Индѣйская легенда, которую ему рассказывали, когда еще онъ юношею посѣщалъ Виргинію, доставила ему сюжетъ для одной очаровательной баллады.

По народному повѣрью, объ которомъ въ ней говорится, одинъ молодой индѣйскій солдатъ, потерявши разсудокъ, по смерти любимой имъ дѣвицы, вдругъ исчезъ изъ вигвама, такъ, что объ немъ не было слуха. Какъ онъ не переставалъ жаловаться въ припадкахъ изступленія, что его подруга не умерла, а отправилась въ ужасную топь, то предполагали, что онъ искалъ ее, увязъ въ этой ужасной пустынѣ и умеръ отъ голода или утонулъ.

Чтобы имѣть понятіе объ этой дикой легендѣ, здѣсь представляется полный переводъ патетической баллады Томаса Мура.

I.
«Они вырыли ей могилу елишкомъ холодную и сляшкомъ сырую, для такой пламенной и вѣрной души, и она пошла къ озеру плачевной топи, гдѣ во всю ночь, при свѣтѣ огненной мухи, она плаваетъ на бѣломъ своемъ челнокѣ.

II.

Я скоро увижу блуждающій пламень ея лампы, услышу скоро шумъ ея весла; жизнь наша будетъ длинна и полна любви; а когда приблизится къ намъ смерть, я скрою дѣвцу въ кипарисномъ дуплѣ.

III.

Онъ торопливо пошелъ къ плачевной топи; тропинка была узкая и трудная; онъ пошелъ сквозь переплетшійся верескъ и группы тростника. Онъ проложилъ себѣ дорогу не чрезъ одно болото, жилище змѣй, куда человѣкъ не могъ проникнуть доселѣ.

IV.

И когда онъ легъ на землю уснуть и сонъ закрылъ его зеницы, внезапно убійственная виноградная лоза источила на него яловитыя слезы и напитала своею жгучею росею члены путника, почивавшаго полъ ея тѣнью.

V.

И близъ него волчица притаилась въ кустарникѣ и зараженное дыханіе мѣднаго змѣя шумѣло въ его ушахъ до тѣхъ поръ, пока онъ вскричалъ въ трепетѣ отъ своихъ сновидѣній: о, когда увижу я бѣлое озеро и бѣлую лодочку моей возлюбленной!

VI.

Онъ увидѣлъ озеро; какой-то блестящій метеоръ быстро пронесся по его поверхности: «привѣтствую тебя, свѣтъ той,

которую я люблю». И не одну ночь эхо черной рѣки повторяло имя дѣвицы, которая теперь умерла водяною смертію.

VII.

Онъ выдолбилъ челнокъ изъ березы, который увлекъ его далеко отъ берега. Долгое время онъ слѣдилъ за блуждающею некрою метеора: буря дула неустово; облака были сини и мрачны,—и лодка уже не возвратилась.

VIII.

Но часто, съ поля индѣйскаго охотники, среди тумана, въ полночь, замѣчаютъ влюбленнаго и его вѣрную дѣвицу, плывущихъ по озеру съ лампою изъ свѣтящейся мухи и правящихъ веслами свою бѣлую лодку.

Огненная муха, о которой говорится въ этой балладѣ, принадлежитъ къ разряду *lampyris* Линнея и встрѣчается только въ Новомъ Свѣтѣ. Готфридъ С. Илеръ и другіе натуралисты называютъ ее ручнымъ фонаремъ, отъ свѣтящагося фонарика, который она носитъ на головѣ; вообще длина ея отъ 3 до 4 дюймовъ. Независимо отъ послѣдняго обстоятельства, т. е. отъ ея колоссальныхъ размѣровъ, она существенно отличается отъ обыкновеннаго блестящаго червяка тѣмъ, что самецъ и самка равно испускаютъ изъ себя свѣтъ. А извѣстно, у свѣтящихся червяковъ самецъ не производитъ его. Во время одной вечерней прогулки по улицамъ Норфолька въ Виргиніи, дорога у меня блистательно освѣщалась толпою этихъ блестящихъ летающихъ искръ. Американцы вообще называютъ ихъ *fire bug*—не поэтическимъ именемъ.

Кажется, нѣтъ надобности припоминать, что бронзовый змѣй, или строго называя его именемъ С. Штатовъ, змѣй съ мѣдною головою, наводитъ на Виргинцевъ страхъ болѣе громкаго змѣя; потому что одно его дыханіе, какъ увѣряютъ, можетъ быть губительно. Этотъ ужасный гадъ часто устраиваетъ свое гнѣздо въ деревцѣ, всегда покрытомъ цвѣтами, которые имѣютъ форму бѣлой бахрамы, блестящей какъ снѣгъ; это *poison alder*,—ядовитый гадъ, котораго простое прикосновеніе обнаруживаетъ самыя очевидныя ядовитыя послѣдствія.

XIII.

Колумбія.

Гробница Вашингтона. — Неоконченная столица. — Рѣка Поттоммакъ. — Американскій парламентъ. — Знаменитые ораторы. — Консерваторія искусствъ и ремеслъ. — Безпрестанный тамтамъ. — Коллегія Джоржъ Тоуна. — Любимый президентъ. Герой внезапно пораженный громомъ. — Негритянка въ слезахъ.

Послѣднее воспоминаніе въ душѣ вояжера, покидающаго Виргинію, конечно, не менѣе интересно. Въ то время, какъ мы плыли къ городу Вашингтону, поднимаясь вверхъ по Поттоммаку, я замѣтилъ, что нашъ стимеръ, выпуская пары, началъ останавливаться противъ Мон-Вернона, возвышающагося на берегу Виргиніи. Въ то же время выставили печальный флагъ; а на концѣ бугшприта большой колоколъ зазвучалъ на погребеніе. Эти символы увѣдомили насъ, что мы стоимъ противъ могилы, заключающей бранные останки знаменитаго генерала Вашингтона; дѣйствительно, съ верьха палубы мы могли ясно различать ивы, отбѣняющія могилу. Безсмертный отецъ отечества, первый президентъ Соединенныхъ Штатовъ умеръ 14-го декабря 1799 г. шестидесяти осьми лѣтъ отъ роду, рядомъ съ мѣстомъ своего погребенія, въ очаровательномъ бѣломъ домѣ, который, подобно вѣнку, украшаетъ гребень этой горы.

На склонѣ горы Вернона великолѣпно возвышается черная мраморная колонна, колоссальнаго размѣра; на ней, со стороны рѣки, начертаны золотыми огромными буквами слова, нѣкогда отнесенныя къ греческому полководцу Леониду:

«Остановись путникъ! передъ тобою герой!»

Мы быстро проѣхали 15 миль, отдѣляющихъ Мон-Вернонъ отъ столицы американской республики, которой первый домъ построенъ былъ самимъ генераломъ въ 1788. Мѣстомъ выбралъ онъ пунктъ прикосновенія между штатами Мариланда и Виргиніи; потомъ отрѣзавши отъ каждаго изъ этихъ штатовъ извѣстную часть территоріи, онъ назвалъ округомъ Колумбія

эту малую провинцію. Великій президентъ, желая создать совершенно новую столицу, хотѣлъ и положеніе ея сдѣлать самымъ центральнымъ, какого не имѣлъ бы ни одинъ большой городъ Соединенныхъ Штатовъ. По такой точно мысли топографически расположены главные пункты штатовъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои законы, свой сенатъ; потому и почли приличнымъ и справедливымъ назначить главные мѣста въ центральномъ пунктѣ, чтобы ни одинъ членъ той или другой палаты не имѣлъ надобности пускаться въ далекія странствованія, отправляясь къ своему посту. Поэтому соображенію многіе большіе города: Ньюйоркъ, Бостонъ, Филадельфія, Чарльстаунъ, Новый Орлеанъ, С. Луи, Цинциннати, Луивилль и др. совсѣмъ не кажутся столицами провинцій, которыхъ они составляютъ богатое украшеніе.

Городъ Вашингтонъ есть и безъ сомнѣнія еще долгое время будетъ неоконченнымъ городомъ, по нездоровому своему климату. Сами американцы называютъ его городомъ «великолѣпныхъ размѣровъ»; дѣйствительно, въ каждой изъ его длинныхъ улицъ и широкихъ аллей безпрестанно замѣчаешь обширные промежутки незанятой земли, между двумя рядами домовъ, которые, въ отношеніи къ пространству, на которомъ разсыяны, кажутся перечными зернами, рассыпанными на необозримой плоскости; потому что уже слишкомъ буквально придерживались границъ широкой черты города, первоначально проведенной отцемъ отечества. Кромѣ того, улицы этой столицы расположены такъ странно, что три или четыре аллеи, составляющія, такъ сказать, большія длинныя артеріи, пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, другими улицами, методически обозначенными двадцатью четырьмя буквами азбуки. Если вамъ вздумается побродить вдоль пенсильванской аллеи, внутри города, въ мѣстѣ свиданія всѣхъ знаменитостей, вы, среди изящно одѣтыхъ дамъ и денди, разряженныхъ по послѣдней модѣ, встрѣтите нѣсколько коровъ и другихъ не слишкомъ интересныхъ животныхъ, которыя прогуливаются на тротуарахъ со всѣмъ комфортомъ.

Главная причина злокачественности Вашингтонскаго климата зависитъ отъ постоянной перемѣны уровня Цотовмака. Всякій разъ, какъ воды этой рѣки перестаютъ омывать толстые слои илестаго берега со стороны столицы, изъ этой грязи поднимается водородный недоугольный газъ, поражающій малярію и

другія лихорадки, болѣе или менѣе пагубныя. Жаль, что эта величественная рѣка нераздѣльна съ такими важными неудобствами, потому что на всемъ теченіи она удерживаетъ названіе «дикого лебедя», по своимъ прекраснымъ изгибамъ и круглотамъ, представляющимся наблюдателю.

Послѣ того, что сказано о вредныхъ дѣйствіяхъ Вашингтонскаго климата, неудивительно, если народонаселеніе Вашингтона много лѣтъ уже стоитъ на одной цифрѣ; въ настоящее время оно содержитъ 36,000 душъ. Величественное зданіе, подъ именемъ Капитолія, имѣетъ обѣ палаты парламента. Зданіе сената есть полуциркуль, въ 87 футовъ длины и 45 высоты. Оно богато и изящно украшено колоннадою и обложено мраморомъ въ копѣй, на различныхъ пунктахъ Потомака. Прямо надъ креслами президента находится прекрасная, отлѣпанная бронзою трибуна, исключительно назначенная для дамъ.

Предъ каждымъ сенаторомъ стоитъ пюльпитръ изъ краснаго дерева, искусно вырѣзанный; и изъ глубины своихъ креселъ, можетъ быть слишкомъ комфортабельныхъ, эти почтенные джентльмены произносятъ свои рѣчи; что касается трибуны, посвященной собственно ораторамъ, то для сенаторовъ нѣтъ, равно какъ и для членовъ представительной палаты. Зада послѣднихъ обширнѣе упомянутой выше; длина ея 96 футовъ, а высота 60. Въ конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ находится теперь извѣстное число знаменитыхъ особъ, которыми соотечественники ихъ могутъ справедливо гордиться, независимо отъ тѣхъ двухъ блестящихъ умовъ, недавно похищенныхъ смертію, *Даніеля Вебстера* и *Генри Клея*. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ живетъ въ великолѣпномъ зданіи, которое называютъ *бѣлымъ домъ*; онъ лежитъ на сѣверной оконечности города, слѣдовательно очень далеко отъ капитолія, который находится на границахъ самаго его южнаго пункта. Вокругъ дома президента два корпуса значительныхъ зданій, гдѣ помѣщаются канцеляріи министровъ: военнаго, финансовъ, морскаго и внутреннихъ дѣлъ.

Въ Вашингтонѣ есть музей, очень любопытный, какъ показываетъ его имя «Бюро патентовъ»; кажется, онъ содержитъ коллекцію моделей всѣхъ родовъ, что напоминаетъ, только въ наибольшемъ размѣрѣ, коллекцію Парижской консерваторіи ремеселъ и искусствъ. Если взойти въ первую галерею, то взоръ поражаетъ портретъ Гизо, во весь ростъ, удивительно на-

писанный американскимъ артистомъ. Въ томъ же этажѣ есть нѣсколько автографовъ государей, царствовавшихъ въ Европѣ, въ прошедшемъ полувѣкѣ; въ той же комнатѣ находятся автографы Наполеона и Людовика Филиппа. Но большая часть этой верхней галлерей посвящена чрезвычайно интересному собранію оружія, костюмовъ отъ всѣхъ дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по всей поверхности земнаго шара.

Публичныя гостинницы въ Вашингтонѣ изящны; въ нихъ останавливаются многіе сенаторы и представители, во все время парламентскихъ засѣданій. Тамъ вы найдете вѣчный gong тамтамъ, замѣняющій колоколъ во всѣхъ гостинницахъ другихъ большихъ городовъ Сѣвѣрной Америки, не потому, чтобы американцы угадали секретъ ихъ отливанія, напротивъ къ нимъ изъ Китая привозятъ огромное количество тамтамовъ. Напрасно химики ихъ и другіе ученые смѣшивали мѣдь и олово въ извѣстныхъ пропорціяхъ (восемьдесятъ мѣди и двадцать олова), показанныхъ Дарсе, въ надеждѣ произвести настоящій слитокъ какъ у китайцевъ, для ихъ колоколовъ: закаливъ и разбивъ молотомъ какъ можно мельче, этотъ новый металлическій сплавъ, они не могли получить ничего кромѣ хрупкой и малозвучной массы. Три раза въ день, въ часъ завтрака, обѣда и ужина необыкновенный звонъ, постепенно ускоряемый, отъ этихъ колоколовъ, приводитъ иностранца, недавно выселившагося, къ мысли, что громъ гремитъ прямо надъ кровлею его гостинницы.

Въ двухъ миляхъ къ сѣверу отъ этой столицы, вы подходите къ одному мѣстечку съ очаровательнымъ положеніемъ, съ климатомъ, который почитается гораздо здоровѣе Вашингтонскаго; это городокъ *Джоржтаунъ*, напоминающій знаменитаго отца отечества; онъ назывался Джоржъ Вашингтонъ (слово *таунъ* означаетъ городъ). Іезуиты имѣютъ здѣсь знаменитую коллегію, въ которой многіе молодые американцы получаютъ прочное образованіе. Оставляя вѣшнюю окружность Вашингтона и отправляясь къ Джоржтауну вы замѣчаете, недалеко влѣвъ, на очаровательномъ углу обсерваторію, чрезъ которую американцы проводятъ меридіанъ и считаютъ отъ него свою долготу; но—ихъ долгота Вашингтона составляетъ нуль, но для Парижа будетъ она 79°20'.

Всѣ, которые посѣтятъ когда-нибудь столицу всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ, не найдутъ тамъ уже того, кто во время

моего пребыванія составлялъ блестящее украшеніе города. Я говорю о генералѣ *Тайлорѣ*, президентѣ самомъ дружелюбномъ и самомъ любимомъ, который когда либо управлялъ республикою съ эпохи Вашингтона. Въ какомъ-то парижскомъ журналѣ, разсуждая о генералѣ Тайлорѣ, сравнивали его съ древнимъ Римляниномъ Куріемъ или Цинциннатомъ, прибавляя, что его простота, его откровенность, величественное обращеніе, рѣшительный языкъ и геройская отважность приобрѣли ему всеобщую любовь и уваженіе. Однажды я имѣлъ счастье говорить съ нимъ, въ его президентскихъ чертогахъ; смотря на него, полного радости, жизни, я не думалъ, чтобы человекъ, приобрѣтшій такое уваженіе въ продолженіи долгой своей жизни, въ столькихъ битвахъ, почти вдругъ похищенъ былъ смертью. Кто бы это сказалъ? Кто бы этому повѣрилъ? Изъ Вашингтона, гдѣ храбрый завоеватель Мексики испустилъ послѣдній вздохъ, смертные останки его перенесены въ его любимую плантацію «киварисную рошу» близъ города Надцеца; часто онъ изъявлялъ желаніе быть тамъ погребеннымъ.

Если вы увидите, далеко отъ Миссиссипи, на этой равнинѣ каску и шпагу, вырѣзанныя на простой гробницѣ, отбываемой сассафрасами и цвѣтами дикаго боярышника, тамъ покоится герой Риогранде и Монтерея, гдѣ онъ одержалъ знаменитыя побѣды.

Тамъ, на зарѣ и въ вечеру каждаго дня собираются въ слезахъ черныя дочери Африки орошать горячею и благодарною слезою камень, покрывающій прахъ того, кто для своихъ невольниковъ былъ отцемъ сироты и подпорою вдовицы, чѣмъ онъ никогда не переставалъ показываться среди огромнаго республиканскаго семейства, врученнаго его управленію.

XIV.

«Монументальный городъ»; посвященный храмъ; небесная музыка.—Изступленная конгрегация.—Дѣвичій хоръ.—Хлористое желѣзо Мариланда.—Огромное потребленіе бѣлаго мрамора.—Гуріи Балтимора.—Филадельфія. Коллегія Жирара.—Тюремныя комнаты; слишкомъ чистыя воды. Осетры.—Епитафія Франклину.

На восточномъ берегу Соединенныхъ Штатовъ многія мѣста напоминаютъ прибытіе Англичанъ на эту часть новаго полу-

шарія. Независимо отъ Виргиніи, обязанной своимъ именемъ королевѣ двѣицѣ (Елисаветѣ), мы видимъ еще двѣ Каролины, получившія имя отъ короля Карла Второго, въ царствованіе котораго онѣ населены колонистами, Георгію отъ Георга II-го; наконецъ Мариландъ обязанъ своимъ именемъ королевѣ Маріи Стюартъ. Хотя многочисленная колонія англійскихъ католиковъ, управляемая Лордомъ Балтиморомъ, основалась только послѣ ея смерти, именно 1633, Лордъ Балтиморъ не забылъ положить тамъ основаніе цвѣтущему городу, который носитъ его имя. Мѣстоположеніе удивительное! Большая часть этого замѣчательнаго города лежитъ на насыпи и на южномъ склонѣ обширныхъ холмовъ, которые возвышаются на сорокъ миль отъ Вашингтона надъ Патапско; эта рѣка вливается въ трехъ миляхъ отсюда въ заливъ Чезапекскій, величественный, ясно-видимый изъ верхней части города. Американцы, которые видятъ во всемъ грандіозное, дали Балтимору титулъ монументальнаго города. Вообще, у нихъ такъ мало настоящихъ монументовъ, что они стараются придать увеличенный терминъ какой нибудь простой кошии, иногда и каррикатурѣ того или другаго изъ европейскихъ зданій, которому они рѣшились подражать.

И такъ, памятники Балтимора ограничиваются двумя или тремя колоннами, градскою гостиницею и нѣсколькими церквами; послѣднія строго предписываются во всѣхъ городахъ. Впрочемъ мраморная бѣлая колонна и со статуею генерала Вашингтона, 16 футовъ высоты, дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе. Собственно высота ея 180 футовъ; но высота почвы, на которой она стоитъ, придаетъ ей еще 100, потому что она стоитъ на вершинѣ холма, объ которомъ мы сказали. Нижній кварталъ города заключаетъ еще башню, которая очень достойна любопытства и это «башня негоціанта;» высота ея 250 футовъ, слѣдовательно выше всякой башни въ мірѣ, одинаковаго назначенія.

Когда подъѣзжаете къ Балтимору съ какой нибудь стороны, первый предметъ представляется вашимъ глазамъ — католическій соборъ, построенный на одномъ уровнѣ съ колонною Вашингтона; эта церковь, видимая издалека, увеличиваетъ красоту панорамы, находящейся предъ вашими глазами. Внутри замѣтилъ я двѣ картины, подаренныя Людовикомъ XVI и Карломъ X. Въ этомъ зданіи является множество зрителей;

кроме огромной обыкновенной массы вѣрующихъ католиковъ, стекается сюда большое количество протестантовъ и методистовъ, жаждущихъ послушать тамошнюю музыку, какъ будто небесную. Что до меня, я нигдѣ не слыхалъ столь прекрасной вокальной гармоніи. Тамъ, какъ и вездѣ въ Америкѣ, женскіе голоса составляютъ существенную часть хора. Къ этой упительной симфоніи, искусно согласенной со звуками органа, (а Балтиморскій органъ больше всѣхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, имѣя шесть тысячъ трубъ) присоединяется еще большее очарованіе: именно, ослѣпительная красота самихъ исполнительницъ. Балтиморскія женщины почитаются прекраснѣйшими, нежели во всѣхъ большихъ городахъ этой страны; и не таясь можно сказать, американки, вообще, чрезвычайно пріятной наружности. Пѣвицы этого собора отъ 16 до 18 лѣтъ; туалетъ ихъ самый изящный. Каждая представляется восхитительною, отдѣльною картиною, вставленною въ бронзовыя позолоченныя рѣшетки балкона, гдѣ надъ ихъ головами развѣваются шелковыя, красныя занавѣсы, поддерживаемыя кольцами изъ полированной стали. Въ Балтиморѣ, въ 1799 году былъ поставленъ первый епископъ для Сѣверной Америки; теперь онъ Архидіоцезъ.

На берегахъ Соединенныхъ Штатовъ нигдѣ нѣтъ такой богатой выгрузки для муки, какъ въ метрополиі Мариланда.

Въ тридцати миляхъ только, вверху отъ города, вы замѣчаете на берегахъ Патапско шестьдесятъ огромныхъ мѣльницъ, благодаря постепенному паденію этой рѣки, особенно здѣсь въ 800 футовъ; эти паденія называютъ «Jones Falls».

Тамъ и сямъ, вдоль Патапско, находятся очень богатые гранитныя ломки гранита шоколаднаго цвѣта; изъ этого-то гранита выстроенъ соборъ. Первые этажи домовъ великаго города Балтимора обложены спереди большимъ мраморомъ и пять или шесть ступеней, идущихъ до наружной двери, состоятъ изъ тѣхъ же камней. Огромное количество хлоровыхъ кислотъ и хлорокислыхъ, употребляемыхъ ежегодно Франціею, приходитъ прямо изъ Балтимора, въ видѣ минерала, о которомъ мы говорили. Здѣсь болѣе, нежели въ другихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, главная улица служитъ общественною прогулкою для модниковъ.

Если въ солнечный день вы смотрите съ одного конца улицы по всей ея длинѣ тротуаровъ, вамъ представляются безъ-

численные радужные цвѣты огромной преломляющей солнечной призмы. А если по любопытству вы съ философическими замѣчаніями пройдетесь между этою веселою группою, то въ теченіи одного часа замѣтите болѣе прелестныхъ лицъ, чѣмъ во всѣ восемь длинныхъ вечеровъ, въ самыхъ многлюдныхъ мѣстахъ Тюльери или Гейде-Парка.

Но что касается до ловкости и изящества походки (несовмѣстныхъ съ явною некрасотою лица), признаемся, это достоинство принадлежитъ французскимъ дамамъ. Американскія сифиды, безъ сомнѣнія пріобрѣли бы европейскую грацію, которою онѣ очарованы, если бы онѣ отказались отъ платьевъ чрезвычайно длинныхъ, занятыхъ у Англичанъ. Имъ бы надобно было вспомнить, что эта длинная одежда не такъ необходима имъ, какъ моимъ соотечественницамъ за Ламаншемъ; потому что американскія дамы, вообще говоря, получили отъ природы почти такія маленькія и прекрасныя ноги, какъ и французскія дамы.

Въ Соединенныхъ Штатахъ приличіе требуетъ, чтобы молодыя особы выходили изъ дома безъ всякаго проводника; и хотя мнѣ казалось, что онѣ въ этомъ отношеніи наслаждаются болшею свободою, чѣмъ въ Англіи, однако изъ этого не происходитъ столько неприятныхъ послѣдствій для нихъ, какъ въ другихъ извѣстныхъ странахъ при бдительности, выходящей уже изъ границъ.

Одинъ изъ самыхъ обильныхъ прохлаждающихъ источниковъ, которые, во время большихъ жаровъ предоставляются народонаселенію Балтимора, какъ и въ другихъ американскихъ городахъ, обыкновенно находится въ распоряженіи фармацевта. Въ центрѣ конторы, исключительно назначенной для этой цѣли, находится родъ небольшого насоса, отлично убраннаго и устроеннаго по началамъ нашей сифонной трубки. Многіе фармацевты готовятъ газовую воду въ погребахъ, представляющихъ контору магазина. Для другихъ достаточно наполнить, смотря по требованію, прелестный резервуаръ, во впадинѣ конторы, желаемымъ количествомъ углекислой воды, которая получается съ главной городской фабрики. Такое удобство получать газовую воду, чрезвычайно выгодно для каждаго путника, истомленнаго жаждою. Тутъ же, около крана, утолившаго его жажду, онъ видитъ еще пять или шесть сортовъ ароматическихъ сироповъ.

При всей умѣренности цѣвъ, именно 6 коп. за огромный стаканъ, у моднаго фармацевта 3 коп. только, у прочей ихъ братіи, каждый приготовитель Зельтерской воды выигрываетъ, какъ увѣрили меня, значительную сумму въ лѣтнее время. Понятно, что газовую жидкость держать постоянно въ самой холодной температурѣ и часто излишней для здоровья нѣкоторыхъ потребителей.

Ни въ одномъ мѣстѣ Европы не найдется льда, столько свободного отъ постороннихъ нечистотъ, представляющаго кристаллизацію чудно прозрачную, какъ въ американскихъ городахъ. Различные торговцы льдомъ въ Ньюйоркѣ собираютъ въ окрестностяхъ города болѣе ста тысячъ тоннъ. Значитъ, для потребленія готовится его по-крайней-мѣрѣ 80 тысячъ тоннъ, на сумму 300 тысячъ рублей серебромъ.

Населеніе изъ 125 тысячъ душъ, находящееся въ Балтиморѣ, болѣе нежели утроилось населеніемъ изъ Филадельфіи, въ которую мы плывемъ теперь. Этотъ городъ, послѣ Ньюйорка, занимаетъ первое мѣсто по числу жителей, которое теперь простирается до 400 тысячъ душъ, подобно Манчестеру въ Англіи. Греческое имя Филадельфіи, означающее, какъ всякому извѣстно, городъ «братской любви», оказывается въ наше время совершенно несвойственнымъ, совершенно въ противоположномъ смыслѣ, ему приданнымъ, нежели какъ понималъ составитель его Гильемъ Пеннъ въ 1682 году. Въ-самомъ-дѣлѣ, ни въ одномъ пунктѣ американской республики не встрѣтите столько безпрерывныхъ несогласій, какъ здѣсь. Особенно въ предмѣстіи Моуатсусингъ совершенно оклиматизировались кулачные бои.

Однообразіе улицъ Филадельфіи, пересѣкающихся подъ прямыми углами, утомительно; во многихъ деревья, посаженные въ два ряда, сообщаютъ пріятную прохладу въ лѣтніе жары, нестерпимые въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, по плоскому свойству почвы, на которой выстроены городъ. Опрятность улицъ вѣроятно обязана частымъ напоминаніямъ полиціи, какъ водится въ большихъ городахъ «Look out delingvents» что буквально значитъ «берегитесь вы, ослушники!» Понятно впрочемъ, эта угроза не всегда приводитъ въ робость упорныхъ.

Одвою чертою эта столица Пенсильваніи походить на Бал-

тичоръ, именно въ украшеніяхъ изъ бѣлаго мрамора, которыя вы увидите на фасадѣ очень многихъ домовъ. Этотъ сахаровидный известнякъ (мраморъ) встрѣчается въ неистощимыхъ количествахъ на разныхъ пунктахъ Мериленда и Кенгукки; только онъ по близости далеко ниже каррарскаго. Въ окрестностяхъ Филадельфій есть огромное зданіе, Коллегія Жирара, все изъ мрамора, чего нельзя найти въ Европѣ. Средняя его часть, потому что у него два огромные флигеля, также изъ мрамора, формою похожа на церковь Магдалины въ Парижѣ и почти тѣхъ же размѣровъ. Другаго камня, кромѣ мрамора, нѣтъ ни внутри, ни снаружи. Это чудесное зданіе обязано постройкою одному французскому филантропу Етьеню Жирару, который, умирая въ 1831 году, завѣщалъ 2½ милліона серебромъ на постройку убѣжищъ для воспитанія сиротъ.

Выходя по улицѣ, на которой находится строеніе Жирара, за городъ, скоро достигаемъ знаменитой темницы покаянія, въ Пенсильваніи, служившей образцемъ столькимъ тюремнымъ зданіямъ въ Европѣ, устроившей у себя какъ бы кельи въ тюрьмахъ. Изучивъ его въ подробности, я не могу согласиться съ мнѣніемъ блестящаго англійскаго романиста, посѣтившаго его, которому одинокое заключеніе казалось отвратительнымъ и жестокимъ.

Дѣйствительно, узники, исполняющіе покорно всѣ приказанія начальства, имѣютъ позволеніе ходить работать въ теченіе дня, въ своего заключенія, въ той или другой части строенія или земель, къ нимъ принадлежащихъ. Такое простое облегченіе суровости заведенія, конечно можетъ доставить осужденнымъ спасительное развлеченіе и достаточно подавить сѣмена страшнаго умственнаго отчужденія, которыя, какъ говорятъ, развиваются здѣсь съ ужасною быстротою. Каждый узникъ, мужчина, кромѣ чистой и удобной своей тюрьмы, имѣетъ еще небольшой лугъ, формою въ ромбъ, гдѣ онъ можетъ дышать свободнымъ воздухомъ, въ извѣстный часъ дня. Каждая женщина имѣетъ двѣ комнаты, въ вознагражденіе за неимѣніе отдѣльнаго луга. Однимъ словомъ, въ са-

На пути изъ Филадельфій въ Балтиморъ переѣзжаютъ чрезъ рѣчку Сусквенну, на берегу которой лежитъ Виомингъ, очень знакомый тѣмъ, которые занимаются британскою литературою; я разумно помню Gertrude of Wyoming знаменитаго Томаса Кемпбеля.

мыхъ образованныхъ городахъ древняго свѣта значительная часть прислуги обоюга пола не помѣщается такъ удобно у своихъ господъ, какъ узники въ покаянныхъ Филadelphin. Директоръ этой тюрьмы—квакеръ.

Выходя изъ тюрьмы и удалясь на двѣ мили, въ направленіи къ сѣверозападу, вы встрѣтите чудный паркъ, среди котораго находится замѣчательная гидравлическая труба, направляющая въ другую сторону теченіе рѣки Шуилкиллъ, въ пользу добрыхъ жителей Филadelphin. Воды величественной рѣки Делававъ, на правомъ берегу которой красуется этотъ городъ, слишкомъ много терпятъ отъ соляныхъ приливовъ океана и негодятся для употребленія.

Но воды Шуилкилла такъ чисты и прѣсны, что не осаждаютъ селитрокислаго серебра. Надобно признаться, что по этому факту онѣ отступаютъ отъ закона вышеупомянутыхъ водъ; потому что наука, особенно опытъ, говоритъ намъ, что присутствіе малѣйшаго количества хлористаго содія или хлористаго потассія въ водѣ очень достаточно для животной экономіи, если эта жидкость только не лишена ихъ. Въ рѣкѣ Делававъ ловятъ очень много осетровъ; но по собранымъ мною свѣдѣніямъ, кажется, не пользуются плавательнымъ пузыремъ ихъ для выработыванія, *ichthysole*, какъ это дѣлается на берегахъ Средиземнаго моря, гдѣ ловится та же рыба. Самый интересный предметъ для наблюденія внутренней части города есть городская отель; одна изъ ея залъ, которую хранятъ въ первоначальномъ состояніи, въ 1776 г. 4 юля ознаменована манифестомъ, которымъ навсегда свергнуто иго Англій и которымъ провозглашена независимая республика; но удивляясь геніямъ прошедшихъ временъ, еще глубже бываешь пораженъ, при видѣ, въ извѣстной улицѣ, домика знаменитаго Франклина, который безъ средствъ, въ званіи типографа, на утро одного дня, былъ выкинутъ въ Делававскій заливъ крушеніемъ на большой шлюпкѣ, несшей его отъ Бостона въ устье этой рѣки, и когда въ другой квартирѣ находишь кровлю, на которую онъ первый поставилъ громовой отводъ,—замѣчательное приложеніе длинныхъ его опытовъ надъ электричествомъ. Наконецъ, на скромной тумбѣ, покрытой дикимъ мохомъ, недалеко отъ дома, въ которомъ испустилъ духъ безсмертный докторъ, вы прочтете любопытную эпитафію, составленную имъ самимъ

залого до своей смерти. «Здѣсь лежитъ тѣло Вениамина Франклина, типографа. Подобно переплету старой книги, у которой оглавленіе вырвано, а буквы стерлись и позолота испортилась, онъ—пища червей. Но самое сочиненіе не погибнетъ и явится въ другомъ форматѣ, въ новомъ изданіи, исправленное и очищенное авторомъ —(Богъ)».

Хотя Франклинъ провелъ въ Филадельфіи большую часть своей жизни, но онъ бостонецъ, по рожденію. Секта квакеровъ, къ которой онъ принадлежалъ, теперь очень уменьшилась, въ сравненіи съ общимъ католическимъ населеніемъ, которое простирается до 53 т. душъ; кромѣ того въ столицѣ Пенсильваніи находится значительное число анабаптистовъ, унитаріевъ, методистовъ и проч.

XV.

Ньюйоркъ.

Гостепріимные пожарные.—Соперницы-компанія.—Частые пожары.—Мгновенное пробужденіе.—Удивительный водопроводъ.—Улицы Ньюйорка.—Французскій и прландскіе епископы.—Безпримѣрный заливъ.—Островъ Маннагата.

Изъ всѣхъ прекрасныхъ учрежденій въ Соединенныхъ Штатахъ, безъ сомнѣнія самое полезное—удивительный корпусъ пожарныхъ, которые въ избыткѣ находятся въ каждомъ городѣ. Филадельфійская компанія стоитъ на первомъ планѣ съ Ньюйоркскою. Муцидиръ пожарныхъ состоитъ въ сюртукѣ нанковаго цвѣта, съ широкимъ воротникомъ, съ кожанымъ позолоченнымъ поясомъ; киверъ, также изъ очень жесткой кожи, напоминаетъ форму лоцмановъ. Въ извѣстныхъ времена года фирмены Филадельфіи и Ньюйорка массою мѣняются визитами, которые продолжаютъ по-крайней-мѣрѣ два дня. Они приходятъ въ гостепріимный городъ обыкновенно съ наступленіемъ ночи, чтобы съ большимъ блескомъ пройти по улицамъ при свѣтѣ факеловъ; въ главѣ этой пожарной арміи влетъ толпа музыкантовъ, остальные шествуютъ попарно и каждый держится за веревку, къ которой привязаны трубы, те-

лѣги съ лѣстницами и проч. Эти трубы и другія машины почти всегда блистательно вызолочены; самолюбіе и хвастовство каждой компаніи выставляютъ ихъ какъ можно великолѣпнѣе на глаза публики. Ньюйоркскіе пожарные раздѣляются на шесть совершенно отдѣльныхъ компаній, соперничающихъ между собою, такъ что когда большая басовая труба городской ратуши возвѣститъ, что гдѣ-нибудь вспыхнулъ пожаръ, тотчасъ, какъ-бы волшебствомъ, трубы компаній выходятъ изъ своихъ скрытыхъ притоновъ и наперерывъ стремятся къ мѣсту несчастія.

Въ самые сильные жары и въ самые сильные холода фирмены безъ усталости тащатъ на себѣ свои тяжелыя машины, бѣгутъ съ удивительною скоростію, что конечно для нихъ чрезвычайно трудно по ихъ костюму; они одѣты въ красную блузу, изъ самой толстой шерсти и очень туго подпоясаны, шляпы ихъ, съ широкими полями, изъ лакированного желѣза. Долгъ чести требуетъ, что-бы которая нибудь компанія прибыла первая на мѣсто пожара, и одна успѣлабы распорядиться: вотъ почему опередившая другихъ имѣетъ право остановить прочія компаніи и не позволить трубамъ ихъ дѣйствовать безъ своего приказанія. Само-собою разумѣется, что отсюда рождаются болѣе или менѣе важныя столкновенія.

Въ этомъ городѣ почти не проходитъ ни одной ночи, что бы васъ не разбудили плачевными криками: пожаръ, пожаръ! криками сотни хриплыхъ людей, которые бѣгають взадъ и впередъ поль вашими окнами. Какъ бы ни была сурова погода, не улежишь въ кровати, поневолѣ взглянешь на чрезвычайную картину. Впереди каждой компаніи идутъ три человѣка, высокаго роста; двое держать надъ головою толстый факель, а третій, всрединѣ, идетъ съ огромнымъ рупоромъ, въ который каждая пять минутъ кричитъ: «впередъ, впередъ, товарищи!» Часто факелы отражаются на блузахъ, красныхъ какъ кровь, носимыхъ этими людьми; и что еще удивительнѣе, иногда свѣтъ факеловъ затмѣваетъ блескъ самаго пожара, который вы съ ужасомъ наблюдаете изъ своего окна.

Царственный городъ, (такъ американцы величаютъ Ньюйоркъ) въ эти послѣдніе годы обильно снабжаемъ былъ прѣсною водою также благодѣтельною заботливостію жителей Филадельфій, и притомъ въ размѣрахъ чрезвычайно обширныхъ, даже величественныхъ. Рѣка *Кротонъ*, изъ которой прово-

лили воду, въ 40 миляхъ отъ Нью-Йорка, значить, нужно было одолѣть важныя препятствія, чтобы устроить чудный водопроводъ, который идетъ къ двумъ резервуарамъ на сѣверо-западной оконечности города. Самая важная часть этого водопровода называется *высокій мостъ*, соединяющій островъ Маннагату, на которомъ выстроены Нью-Йоркъ, съ материкомъ его провинціи: въ этомъ пунктѣ 16 аркъ и водопроводъ идетъ на 114 футовъ надъ уровнемъ воды. На всемъ протяженіи главныхъ лучей водопровода и во всѣхъ его вѣтвяхъ не употреблено вѣроломнаго металла—свинца; его замѣнили: желѣзо, или чугуны. Надобно видѣть собственными глазами эти удивительныя гидравлическія работы Кротона, чтобы понять, какъ онѣ выше всякаго сравненія. Онѣ оцѣниваются въ восемнадцать милліоновъ руб. сер.

Островъ Маннагата, носящій на себѣ городъ Нью-Йоркъ, подходитъ нѣкоторымъ образомъ, на языкъ собаки; средний онъ возвышенъ, почти во всю свою длину, что облегчаетъ стоку нечистой воды и, конечно, могло бы доставить Нью-Йорку славу самаго опрятнаго и здороваго города въ свѣтѣ (особенно при пособіи вѣтровъ съ моря), еслибы высшіе классы народа съ усердіемъ помогали видамъ правительства; къ несчастію, этотъ недостатокъ встрѣчается вездѣ. Большая часть поперечныхъ улицъ этого города обозначена простыми нумерами. Такъ напр. говорятъ: 19, 20 и 21 улица — три самыя многолюдныя улицы.

Независимо отъ большой артеріи, т. е. широкой улицы, которая тянется вдоль города на пять миль, еще четыре проспекта идутъ въ томъ же направленіи. Самый древній между ними называется Зеленымъ лѣсомъ; вмѣсто того, чтобы идти въ параллель съ другими, онъ описываетъ широкую параллельную линію, напоминающую бульваръ въ Парижѣ. Улица Бовери такъ же шумна, какъ и улица Бродвей. Въ Бродвей блестящіе магазины, роскошныя экипажи, наполненные тѣмъ классомъ людей, которыхъ сами американцы величаютъ членами аристократіи. Въ Бовери, напротивъ, вы не увидите магазиновъ, кромѣ лавокъ и вывѣсокъ, съ жизненными потребностями; нѣсколько бакалейныхъ нумеровъ, портныхъ и модистокъ, съ большимъ ассортиментомъ готоваго платья, для обоого пола, сообразно всякому состоянію. Трогуары набиты народомъ, это правда; но только жены и дочери мелкихъ гражданъ или ирландки, нѣм-

ки, да служанки осмѣливаются выбирать тутъ какую нибудь матерію, ленту, или бездѣлку, приличную для нихъ. Потомъ, среди этого же легіона женщинъ, васъ поминутно толкаетъ какой-нибудь молодой повѣса, въ фуражкѣ и панталонахъ, спрятанныхъ въ сапоги; онъ прогуливается съ сигарою во рту, съ важною осанкою, какъ-бы первый мускадинъ Бродвея. Не забудемъ еще, что какой-нибудь изящный экипажъ, катящійся по Бовери, былъ бы истиннымъ феноменомъ въ глазахъ прогуливающихъся; такъ рѣдко появляются здѣсь экипажи!

Въ нѣкоторыхъ отличныхъ лавкахъ Бродвея выставляются напоказъ проходяимъ иногда такіе товары, которые, по нашему мнѣнію, совсѣмъ неумѣстны: то великолѣпные гробы, во всей своей пышности, одни изъ краснаго дерева, другіе изъ палисандроваго, нѣкоторые наконецъ обиты богатыми малиновымъ или чернымъ бархатомъ и усажены гвоздями, съ позолоченными шляпками. Не лучше ли бы перенести эти печальные предметы въ уединенный кварталъ города?

Католическое вѣроисповѣданіе преобладаетъ въ Ньюйоркѣ, какъ и во всей Сѣверной Америкѣ. Въ 1851 году Папа далъ здѣсь Прелату титулъ архіепископа. Изъ тридцати католическихъ епархій Соединенныхъ Штатовъ и Калифорніи—22 управляются ирландскими епископами или архіепископами. Епископствъ три: С. Луи, Цинциннати и Балтиморъ. Архіепископствъ два: Новый Орлеанъ и Орегонъ. Католиковъ въ Соединенныхъ Штатахъ считается три милліона.

Французская колонія въ Ньюйоркѣ имѣетъ прекрасную церковь въ Каналъ-Стритѣ, очаровательномъ и самомъ центральномъ кварталѣ. Во многихъ большихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, въ воскресенье, среди гробоваго молчанія, нѣтъ встрѣтишь многочисленное собраніе въ большихъ улицахъ. Разинувъ ротъ, вытянувъ шею, толпы слушаютъ какого-нибудь холячаго проповѣдника, который взгромоздившись на бочку, или на старыи столъ, поставленный еще на подмостки, со всѣмъ жаромъ краснорѣчія, со всевозможными патетическими жестами объясняетъ слушателямъ избранныя мѣста изъ Евангелія. Въ иныхъ улицахъ, во всякое время года вы увидите большія суда мачтъ, которыя, кончивъ свою долгую службу на морѣ, теперь превращены въ храмы для моряковъ, какъ показываетъ слово «Вещаль» на кормѣ каждаго изъ нихъ. Этотъ

англо-еврейскій терминъ у методистовъ и унитаріевъ епископальныхъ значитъ: «старый корабль на служеніе Богу.»

Въ коммерческомъ отношеніи Ньюйоркъ знаетъ только двухъ соперниковъ: Ливерпуль и Лондонъ; но въ наше время онъ достигъ высшаго значенія между приморскими знаменатостями, безопаснымъ, обширнымъ, глубокимъ своимъ портомъ. Входъ въ него изъ Атлантическаго океана невольно поражаетъ чуднымъ натуральнымъ устройствомъ. Каждый бокъ его состоитъ изъ большаго и весьма плодороднаго острова, вправѣ Long Island, влѣвѣ Staten-Island. Только подойдешь къ одному довольно узкому мѣсту, берега вдругъ расширяются и во глубинѣ залива представляется обширная скатерть воды, въ которой по глубинѣ можетъ удобно помѣститься флотъ всей Европы. Кромѣ прелестной Маннагаты, выѣгающей въ центръ залива, какъ-бы съ приглашеніемъ всего заморскаго купечества, привлеченнаго ея красотою, вы встрѣчаете еще четыре или пять зеленѣющихъ острововъ, вставленныхъ въ различные пункты хрустальной поверхности водъ. На самомъ важномъ изъ двухъ выше названныхъ боковыхъ Long-Island находится предъ Ньюйоркомъ небольшой, но важный городъ Горукелинъ, почитаемый еще предметемъ, и на немъ то устроены Navy-Yard, или морской арсеналъ Ньюйорка.

XVI.

Рѣка Гудзонъ.

Отецъ Лашезъ.—Погибшая въ крушеніи писательница.—Поэтическая эпитафія.—Новый Амстердамъ.—Рѣка Гудзонъ.—Голландецъ, отправляющійся въ Китай.—Совѣ въ двадцать лѣтъ.—Музыкальныя имена.—Волы Саратоги.—Республиканская аристократія.—Озеро Чампленъ.

Въ четырехъ миляхъ отъ Брукелина есть восхитительное кладбище *Гринвудъ*, по мѣстоположенію совершенно затмѣвающее парижское кладбище отца Лашеза. Гринвудъ, или «Зеленый лѣсъ» покрываетъ два склона съ вершиною, образующую длинную плоскость съ очень высокамъ холмомъ, такъ что

ходя по множеству аллей и тропинокъ, вы можете видѣть обширный Атлантическій океанъ и по-временамъ слышать грозный ревъ его волнъ.

На берегу этой части Атлантики, открываемой съ высотъ Гринвуда, погибла въ ужасномъ крушеніи одна знаменитая писательница Соединенныхъ Штатовъ, Маргарита Фуллеръ. Она счастливо отплыла изъ Ливорно въ Италію, съ Маркизомъ Оссоли, за которымъ она была замужемъ полтора года и имѣла дитя, семи мѣсяцевъ. Но прекрасный бригъ, на которомъ она ѣхала, погибъ со всѣмъ экипажемъ и имуществомъ почти у пристани, среди ужаснаго шквала, дувшаго съ континента.

Прогуливаясь по гринвудскому кладбищу, очаровательными лабиринтами, вокругъ параллельно расположенныхъ изящныхъ памятниковъ, часто видишь въ отдаленныхъ тропинкахъ, нѣмецкихъ или ирландскихъ, недавно прибывшихъ эмигрантовъ, которые ищутъ подъ кипарисами слѣдовъ своихъ родственниковъ или друзей, считаемыхъ умершими, потому, что бѣдняки, съ выѣзда ихъ изъ родины цѣлые годы не получали отъ нихъ писемъ. Вообще американцы обнаруживаютъ много поэзіи въ выборѣ мѣстъ подъ свои кладбища. Напр. въ Филадельфіи «Лавровый берегъ», въ Балтиморѣ «Пріятная гора, въ Бостонѣ «Гора Оборнъ» такія волшебныя мѣста, что чуть-чуть не пожелаешь умереть, чтобы только быть тамъ погребеннымъ. Изъ нѣкоторыхъ эпитафій оказывается, что истинная поэзія, поэзія сердца, прирожденна американцу.

Въ доказательство истинны этого сужденія достаточно привесть подражаніе одной мысли Шекспира, замѣченное мною на гробницѣ одной дѣвицы, умершей во всей свѣжести красоты: «Пока на землѣ будетъ лѣто, пока будетъ во мнѣ жизнь, возлюбленная, я буду приходить сюда, смягчать суровость твоей гробницы и украшать ее роскошными цвѣтами. Я набросаю около нея скороспѣлокъ (*primula veris*), блѣдныхъ какъ твое лицо; гіацинтовъ, красныхъ какъ твоя кровь; осыплю могилу твою шиповникомъ, розы котораго издають запахъ, не сладостиѣ твоего дыханія».

Теперешнее населеніе Ньюйорка и его округа Брукеллина, простирается до 600 тысячъ душъ. Какое чудное приращеніе съ 1614, въ которомъ голландцы построили первый домъ Новаго Амстерлама; англичане, замѣтивъ, что юная голланд-

ская колонія начала процвѣтать, рѣшились овладѣть ею въ 1664. Въ этотъ пятидесятилѣтній промежутокъ Новый Амстердамъ управлялся тремя лицами, прозванія которыхъ рѣзко знакомятъ насъ съ фантастическимъ ихъ образомъ жизни и правленія. То были: Валтеръ *Неръшителный*, Вильгельмъ *Угрюмый*, Петръ *Упрямый*. Первый изъ этихъ достойныхъ бургомистровъ, по сказанію историковъ, спалъ въ сутки по восьми часовъ; кушалъ восемь часовъ, въ четыре приема; остальные восемь часовъ курилъ, чтобы лучше направить, какъ говорилъ онъ, голову для размышленія объ интересахъ своей провинціи, новыхъ Нидерландахъ (такъ въ это время звали нынѣшній Нью-Йоркъ). Вильгельмъ Угрюмый безпрестанно выдумывалъ смѣшныя планы противъ нападений сосѣдней шведской колоніи, появленіе жителей которой на его землѣ постоянно сердило его. Наконецъ Петръ «Упрямый» съ серебряной ногой—еще прозваніе, до такой степени предавался всевозможнымъ упражненіямъ истиннаго, по его понятію, рыцарства древнихъ временъ, что почти одинъ хотѣлъ поразить всѣхъ враговъ своихъ: янки, пекодовъ, шведовъ и англичанъ. Но послѣдніе скоро доказали ему, что побѣда не всегда на его сторонѣ; именно въ его правленіе Новый Амстердамъ превратился въ Нью-Йоркъ.

Изъ всѣхъ рѣкъ Сѣверной Америки, вливающихъ въ Атлантическій океанъ, Гудзонъ, по своимъ берегамъ съ самыми живописными пейзажами, вѣрно болѣе всѣхъ достоинъ украситься у залива своего устья городомъ, который славится своимъ титуломъ императорскаго. Отъ Албани, столицы провинціи, до Нью-Йорка, на протяженіи 145 миль, онъ течетъ величественно, въ прямой линіи, подъ охраненіемъ съ обѣихъ сторонъ, высокихъ горъ; нигдѣ ложе его не имѣетъ песчаныхъ отмелей, которыя затрудняютъ и часто дѣлаютъ опаснымъ плаваніе по другимъ большимъ рѣкамъ Америки. Настоящимъ именованъ онъ голландскому капитану *Гендрику Гудзону*, открывшему его въ 1610 году. Этотъ отважный морякъ пустился изъ Гаги на своемъ кораблѣ «Полумѣсяцъ» въ началѣ года, надѣясь переплыть рукавомъ моря, какъ онъ предполагалъ, въ средней широтѣ Сѣверной Америки. Достигши обширнаго устья Могого (прежнее названіе Гудзона), онъ полагалъ, что оно и есть мнимый рукавъ морской, но онъ скоро увидѣлъ свою ошибку, потому что въ

одинъ прекрасный полдень, сѣлъ на мель на самой серединѣ рѣки, которая, какъ увѣрили, въ это время была подвержена песчанымъ наносамъ. Теперь онъ убѣдился, что пройти въ Китай нѣтъ возможности.

На полпути между Ньюйоркомъ и Албани находится Сто-нипуанъ, гдѣ была первая битва за независимость Соединенныхъ Штатовъ; двѣ другія послѣдовали у Лексингтона и Бункеръ-Гилла, недалеко отъ Бостона въ Массачузетъ.

Не доѣзжая до Албани, вы нѣво замѣчаете цѣпь горъ Каасткиллъ. На самой высокой изъ нихъ, по народному повѣрью, знаменитый голландецъ Рипъ-Ванъ-Винкль спалъ цѣлые двадцать лѣтъ. Эта легенда разсказана знаменитымъ американскимъ авторомъ Вашингтономъ Ирвингомъ. Въ очаровательной виллѣ Sunny Side авторъ нынѣ наслаждается спокойною жизнью, далеко отъ шумнаго волненія мірскаго, и это мѣсто подробно изобразилъ онъ въ The Legend Sleepy Hollow.

Разставшись съ Албани, съ его замѣчательнымъ Капитолиемъ, мы отправились къ веселому, небольшому городку Трои, 64 мили далѣе къ сѣверу. Климатъ здѣшній почитается очень здоровымъ; городъ окруженъ холмами; съ вершины каждаго глазъ открываетъ картины разнообразныя и пріятныя. Кромѣ города Трои, въ Ньюйоркскомъ штатѣ многіе другія города носятъ иностранныя имена болѣе или менѣе звучныя. Такъ, мы посѣтили Спракузы, замѣчательныя своими источниками, содержащими хлористый іодій; Димъ, Освею, Рочестеръ съ огромною мучною торговлею; Аѳины; Батавію; Пальмиру; Женеву и проч.

Недалеко отъ Трои находятся замѣчательнѣйшія минеральныя воды въ Соединенныхъ Штатахъ, именно, источники Саратоги. Каждое лѣто, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ избранная американская аристократія пріѣзжаетъ сюда изъ далекихъ концовъ республики; здѣсь самый удобный случай для наблюдателя-европейца изучить нравы и обычаи богатыхъ классовъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Саратогѣ онъ увидитъ, съ какою заботливостію поддерживается раздѣлъ, полагаемый гордыми богачами между двумя мѣстными отелями. Если дама, помѣстившаяся въ отели № 1-й, вздумаетъ дать большой балъ, она никакъ не пригласитъ сосѣдку изъ отели № 2-й, сколько бы ей ни была обязана, и по простой при-

чинъ: потому что отель № 2-й не столько въ модѣ, какъ № 1-й. Главный источникъ Саратоги (источникъ конгресса) состоитъ изъ раствора іодистаго и бромистаго потассія и въ то же время двууглекислой соды и углекислаго желѣза и пр. Замѣчательно, многіе больные, употребляющіе эти воды, находятъ ихъ очень хорошими; но чтобы двѣ трети посѣтителей Саратоги были недѣлительно больные, этого не бываетъ.

Отправляющіеся въ лучшее время года изъ Нью-Йорка въ Монреаль и даже въ Кебекъ въ Канаду, обыкновенно выбираютъ трактъ къ озеру Чамплень, лежащему въ самомъ живописномъ мѣстѣ Нью-Йоркской провинціи; оно имѣетъ 132 мили длины и отъ 9 до 14 миль ширины. Зимой озеро почти всегда совершенно замерзаетъ.

Оставивъ озеро Чамплень, я пробѣхалъ значительную часть страны въ Нью-Йоркскомъ штатѣ, гдѣ Фениморъ Куеръ повѣстивъ главныя событія «Послѣдняго изъ Могикианъ»; но не могъ найти ни одной черты ни въ лицахъ, ни въ пріемахъ жителей, которые бы напоминали мнѣ юнаго, блестящаго Унка или неустрашимаго «Соколиный глазъ».

XVII.

Зло, требующее исправленія.

Безумный образъ мыслей. — Европейскіе нищіе. — Нью-Йоркскій шалунъ. — Зловредныя петарды. — Группа маленькихъ фей. — Обрушивающіеся дома. — Каждый о себѣ. — Черепица на голову. — Взрывы минъ. — Бѣшеные быки. — Электрическій телеграфъ. — Драгоценный минералъ. — Американскіе воры.

Безъ ужаса нельзя смотрѣть, до какой степени, въ наше время, усиливается страсть къ переселенію у низшихъ классовъ въ Германіи, Англии, особенно Ирландіи. Каждый корабль, приходящій въ Нью-Йоркъ изъ Берлина, Лондона, Ливерпуля, высаживаетъ цѣлый легионъ живаго груза. Въ мое время приходили корабли изъ Европы съ 800 человекъ, а другіе ввозили больше тысячи. Еслибы большая часть

этихъ выселенцевъ знала напередъ, какимъ несчастіямъ они обрекаютъ себя, оставляя отечество, они вѣрно согласились бы лучше страдать даже въ Ирландіи, нежели подражать безумцамъ, предварившимъ ихъ въ Новомъ Свѣтѣ. А сколько достойны порицанія люди, которые, не открывая глазъ толпѣ, мѣняющей извѣстное на невѣдомое, напротивъ подстрекаютъ ее оставить отечество, по расчетамъ корыстолюбія! По-крайней-мѣрѣ, совѣтовать переселеніе можно только людямъ съ достаточными денежными средствами; которые, высадившись на Атлантической берегъ Америки, могли бы переѣхать въ безбѣдные три штата *Висконсинъ*, *Юбу*, *Миннесоту*. Но эти провинціи такъ далеко отъ Бостона, Нью-Йорка и Филадельфіи, куда наиболѣе отваживаются эмигранты, что для проѣзда чрезъ всѣ среднія земли потребуется больше, нежели сколько платять за весь атлантической переѣздъ. А между тѣмъ, число пріѣзжающихъ изъ Европы, безъ гроша въ карманѣ, безъ состоянія заплатить за обѣдъ въ день пріѣзда, гораздо выше числа прозорливыхъ вояжеровъ.

Однако, возразите вы, бѣдныя семейства въ Ирландіи, въ Германіи, развѣ не получаютъ богатаго денежнаго пособія отъ родственниковъ, переселившихся въ Соединенные Штаты? Сравните цифру могущихъ доставлять такія пособія съ большинствомъ эмигрантовъ и вы найдете, что она относится какъ 1 къ 10,000. Ниточка свѣта, пробивающагося въ мрачную комнату, сильнѣе поражаетъ глаза, нежели всѣ прочіе предметы остающіеся въ темнотѣ.

Многіе изъ этихъ несчастныхъ, оставляя родину, думаютъ, что американскіе негоціанты и прожектеры съ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ на берегу для своихъ работъ, а не думаютъ того, что, освободившись отъ удушливой атмосферы каютъ, во время долгаго переѣзда, имъ придется, можетъ быть, вымалывать кусокъ хлѣба у прохожихъ, въ улицѣ Бродвей. Если разразится надъ ними какое-нибудь еще большее несчастіе, эта толпа людей праздныхъ, вѣроятно, присоединится къ шайкѣ негодаевъ, промышленяющихъ воровствомъ, а иногда убійствомъ. А бѣдныя матера семействъ не въ опасности-ли видѣть своихъ дѣтей среди новаго поколѣнія Нью-Йорка, которое безъ различія растетъ въ постыдной праздности?

Здѣсь нетрудно замѣтить, что повѣса нью-йоркскій вѣсколь-

ко повыше повѣсы парижскаго и почти равенъ лондонскому; здѣсь профессоры по этому ремеслу.

Посмотрите въ этой категоріи на человѣка, еще неспорченнаго; онъ постоянно въ самыхъ странныхъ занятіяхъ, совершенно тому, какое поприще избереть для своихъ развлеченій. Прогуляйтесь по тротуару многолюдной улицы, не разъ онъ увѣдомитъ васъ о себѣ ударомъ въ колѣно или въ животъ палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ, которую цѣлый день таскаетъ по плечу. Въ мартѣ и апрѣлѣ онъ упорно пускаетъ змѣй съ крыши какого-нибудь высокаго дома, забывавъ, что вчера или третьяго-дня одинъ изъ его товарищей упалъ съ такой-же крыши и разбился въ-дребезги; въ другое время только поворотите за уголъ безопасной улицы, непременно очутитесь между двухъ огней; на томъ и другомъ тротуарѣ стоятъ по двадцати шалуновъ, которые перебрасываются горстями мелкихъ камней и пр. Вообще, для такихъ славныхъ битвъ выбирается воскресенье; тогда улицы молчаливы и пустыни, не какъ въ будни. Прогуливаясь однажды въ одномъ кварталѣ Нью-Йорка, я встрѣтилъ этихъ повѣсъ крѣпко заколачивавшихъ гвоздами ящикъ, въ который они, не думая о послѣдствіяхъ, уложили одного изъ своихъ товарищей. Услышавъ вдали стоны несчастнаго плѣнника, я тотчасъ велѣлъ разломать крышку ящика и едва спасъ несчастному жизнь.

Особенно въ годовую день воспоминанія независимости (4-го іюля) ньюйоркскіе шалуны предаются веселію отъ всего сердца, съ вечера до полночи; полиція разрѣшаетъ имъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія всякаго рода, чѣмъ они и пользуются до-самаго-нельзя; напр. стрѣляютъ пулями въ цѣль, несмотря на множество прохожихъ. Съ наступленіемъ ночи толпы безумцевъ бросали изъ оконъ верхнихъ этажей ежеминутно зажженныхъ шутихъ въ мирныхъ женщинъ и дѣтей, проходящихъ внизу.

Нетолько въ Нью-Йоркѣ, но и въ каждомъ большомъ американскомъ городѣ заведено, чтобы дѣти хорошихъ домовъ обоего пола, даже очень юные, ходили въ пансіонъ безъ провожатыхъ, несмотря ни на какую даль отъ родительскаго дома. Какъ пріятно встрѣчать группы мпыхъ малютокъ отъ 6 до 10 лѣтъ, каждое утро между осмью и девятью часами, а въ

по-девь, въ три часа, идущихъ въ школу или домой съ пачкою книгъ, всящихъ у нихъ на лентъ, на рукъ.

Нѣтъ надобности идти на западъ Америки далѣе НьюЙорка, дабы убѣдиться въ истинѣ пословицы, составившейся о большинствѣ населенія Соединенныхъ Штатовъ, т. е., что жизни подобныхъ намъ ничего не значить, когда дѣло идетъ о выигрышѣ нѣсколькихъ долларовъ.

Въ этомъ городѣ, блестящемъ по наружности, вы найдете тысячи домовъ, построенныхъ наскоро, изъ эковомин; стѣны ихъ тонки; плотничныя работы дурно прилажены, все расположено кое-какъ. Нисколько неудивительно, если развертывая ежедневную газету, васъ поразитъ первое извѣстiе, въ простой статьѣ приключенiй, что вчера въ сумерки, три или четыре дома, иногда и больше, въ улицѣ С. Екатерины внезапно обрушились, и подъ развалинами ихъ погибли два отца семейства съ женами и дѣтьми. Богатые жители НьюЙорка, по рѣкости бѣлаго мрамора, какъ въ Пенсильванiи и Мариландѣ, замѣняютъ его плитами изъ гранита шоколаднаго цвѣта, котораго богатая копи находятся близъ Балтимора.

Во время построекъ домовъ, при набрасыванiи кровли, — берегитесь ходить около зданiя. Тамъ не дѣлаютъ предохранительныхъ заборовъ, какъ у насъ; васъ можетъ убить бревно, кирпичъ, черепица. Еще большей подвергаетесь опасности и днемъ и ночью отъ возможности упасть въ провалъ, въ подземелье, которыхъ такъ много въ НьюЙоркѣ и которые не закрываются по безпечности. Въ верхнихъ этажахъ большихъ магазиновъ подобныхъ проваловъ бездна. Однимъ словомъ, прогуливающийся въ этомъ городѣ никогда не долженъ терять присутствiя духа, потому что рѣдко предупредятъ его о грозящей опасности; ничего не скажетъ и тотъ, кто послужитъ орудiемъ дѣйствiя. Омнибусъ, вагонъ (въ нѣкоторыхъ кварталахъ НьюЙорка на желѣзныхъ рельсахъ, но возимый лошадиными), безъ-сомнѣнiя, раздавитъ васъ, только задумайтесь въ ту минуту, какъ онъ скачетъ около васъ. А если вамъ случится выйти изъ города, полюбоваться на окрестности, романтическiя и живописныя въ высшей степени, васъ вдругъ пробудитъ изъ вашего мечтанiя взрывъ какой-нибудь мины, о близости которой вы никакъ не подозревали.

Я здѣсь не говорю о другихъ подобныхъ случаяхъ, между которыми бы должно упомянуть о частыхъ скачкахъ, по са-

мымъ многолюднымъ улицамъ города; о быкъ, который вырывается изъ стада, когда ведутъ его на бойню. Эти животныя, пригоняемыя изъ западныхъ странъ Миссури или Теннессе, находятъ въ дикомъ состоянн; потому непредвидѣнное вторженіе ихъ въ публичныя мѣста производитъ большія несчастія. Въ этомъ случаѣ одно спасеніе для тѣхъ, кто легче на погу, тотчасъ взлѣзть на дерево, вскочить на фѣлкръ, на омнибусъ, если они невдалекѣ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о чрезвычайныхъ усовершенствованіяхъ электрическихъ телеграфовъ, предпринятыхъ Морсомъ и другими учеными Соединенныхъ Штатовъ. Теперь приходъ въ Ньюйоркъ послѣдняго стимера изъ Ливерпуля, равно и краткія извѣстія, которыя приносятъ онъ, наприм., дѣны на хлопчатую бумагу и проч., помучаются въ Новомъ Орлеанѣ меньше нежели въ 20 минутъ; разстояніе между этими двумя городами 1760 миль. Въ нѣсколько лѣтъ, среди этого гениальнаго народа являлось много изобрѣтеній, болѣе любовитныхъ, нежели полезныхъ. Со времени выставки въ Кристалльномъ дворцѣ, въ провинціи Висконсинъ былъ изобрѣтенъ аппаратъ изъ гутта перчи, посредствомъ котораго изобрѣтатель Фершеръ донтъ разомъ свое стадо, состоящее изъ 500 коровъ, которыя его прежде слишкомъ затрудняли въ этой операціи.

Въ штатѣ Миннесота, сосѣднемъ съ Винконсиномъ, очень недавно сдѣлали болѣе важное открытіе, именно: нашан обильный источникъ борной кислоты, въ состоянн борнокислой извести, которой большее количество доставали прежде изъ Тосканы.

Кажется, здѣсь кстатн будетъ дать совѣтъ европейцамъ, посѣщающимъ Ньюйоркъ, побережся отъ воровъ американскихъ, которыхъ здѣсь страшное обиліе. Особенно берегитесь отъ ложныхъ продажъ съ аукціона, у мелкихъ часовщиковъ и брилліантчиковъ; часто имъ удается совершенно обокрасть своими безчестными продѣлками провинціала или европейца, переступившаго порогъ ихъ лавочки. Также никогда не отвѣчайте этимъ молодымъ *loafers*, которые, поднимая портфель у вашихъ ногъ, спрашиваютъ васъ самымъ учтивымъ образомъ: не вашъ ли? Въ то же время они выставляютъ вамъ на видъ множество банковыхъ билетовъ, конечно, фальшивыхъ. Если скажете да или нѣтъ, они тотчасъ предлагаютъ вамъ порт-

фель за половину того, что въ немъ есть, что вы можете заплатить золотомъ или серебромъ изъ вашего кошелька.

Въ Ньюйоркѣ пять театровъ, независимо отъ Кестль-Гарденъ и Триплер-Галль—двухъ огромныхъ залъ, которыя открываются только, когда директоры увѣрены, что аудиторія будетъ довольно полна, какъ она была полна при посѣщеніи Женни-Линдъ, Екатерины Гей, и Зонтагъ. Кестль-Гарденъ просто огромный циркъ, который удивительно принаровленъ къ концерту; потому что ревъ волнъ во время бури въ заливѣ и плескъ ихъ объ сосѣднія скалы пріятно сочетаются въ ухѣ съ низкими звуками и другими инструментами оркестра. Самый людный театръ въ обыкновенное время *Нибло*, при которомъ находится очаровательный садъ, очень полезный лѣтомъ. Въ этомъ театрѣ представляютъ каждый вечеръ то балеты, то комическія оперы. Обширѣйшій во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ театръ, называемый—Паркъ-театръ, въ Ньюйоркѣ, совершенно сгорѣлъ незадолго до моего прибытія. На немъ игралъ знаменитый ирландскій актеръ Поуеръ, наканунѣ того дня, въ который, сѣвши на корабль Президентъ, онъ утонулъ со всеми своими товарищами. Спекулянты выстроили пять прекрасныхъ домовъ на мѣстѣ Паркъ-театра; конечно, деньги употреблены съ пользою. Можетъ быть, нѣтъ города въ свѣтѣ, гдѣ бы земля была такъ дорога подъ постройку, какъ въ Ньюйоркѣ, и гдѣ квартиры приносили бы такъ много выгодъ своимъ хозяевамъ, особенно въ кварталѣ чиновниковъ и дѣловыхъ людей.

XVIII.

Водопады Ніагары.

Буффало.—Озера Эри и Онтарио.—Канадскій водопадъ, называемый лошадиная подкова.—Американскій водопадъ.—Источникъ водопадовъ.—Каменистый столъ.—Опасный прыжокъ.—Смерть Самъ-Патча.—Внезапная глухота.—Сраженіе.—Рѣка Ніагара.

Еслибы ньюйоркская провинція не имѣла ни блестящаго города этого имени, ни другихъ преимуществъ, выше исчислен-

ныхъ, и тогда бы она въ высшей степени заслуживала прозваніе *Царственной*, только потому, что она, такъ сказать, стражъ великихъ водопадовъ. Вотъ почему мы должны остановиться здѣсь на нѣсколько минутъ и ограничиться только свѣжими подробностями, избѣгая скучнаго повторенія разсказовъ, приводимыхъ прежними путешественниками.

На берегу, или лучше сказать, на самой восточной точкѣ озера Эри, подъ 70° долготы, къ западу отъ Гринича и въ 2° отъ меридіана Вашингтонскаго, возвышается городъ Буффало, новый, разительный примѣръ чрезвычайной предприимчивости американцевъ. Этотъ прекрасный городъ въ нынѣшнее время содержитъ 56,000 душъ; а между тѣмъ человекъ, построившій въ немъ первый домъ, еще живъ; это г. Ратбонъ, всѣмъ извѣстный въ Ньюйоркѣ великолѣпнымъ своимъ отелемъ въ улицѣ Бродвей.

Пробраться изъ Буффало въ деревню Ніагарскую, лежащую у самыхъ водопадовъ, можно двумя способами: на маленькомъ пароходѣ, который васъ доведетъ до Чиппевея или по желѣзной дорогѣ; я предпочелъ послѣдній способъ, какъ болѣе удобный, и потому, что небольшой Чиппевейскій портъ, какъ я узналъ, почти совершенно былъ загороженъ въ эту минуту льдами. Перѣздъ 25 миль.

Чтобы вполне ознакомиться съ силою водопадовъ, необходимо вспомнить, что озера Эри и Онтарио соединяются посредствомъ извивистой рѣки, пробѣгающей около сорока миль. Эта рѣка — *Ниагара*, тихо течетъ по узкому ложу не болѣе 24-хъ миль, потомъ вдругъ расширяется на восемь миль. Здѣсь воды ея, какъ-бы погоняемыя невидимою силою, обратно катятся къ своему истоку и превращаются въ пѣнистыя волны. Такъ, эти волны кружатся на разстояніи 3-хъ и 4-хъ миль, пока встрѣчаютъ два большіе острова. Тогда-то волны этого стремительнаго потока, раздѣлившись, тотчасъ преобразуются въ два огромные водопада, одинъ называется Американскимъ, по близости къ американскому берегу; другой Лошадиною полковою, — будучи запертъ между упомянутымъ островомъ и канадскимъ берегомъ той же рѣки.

Если угодно имѣть точное понятіе о точкѣ разлитія воды составляющей водопады Ніагары, венадобно терять изъ вида, что рѣка, среди которой они находятся, выходя изъ озера Эри въ Буффало, а слѣдовательно, недостигая еще водопада, соб-

ственно принимаетъ всѣ воды великихъ озеръ: Верхняго, Гурона, Мичигана, Эри, * изъ которыхъ каждое есть обширное море. Достоверныя вычисленія говорятъ, что упомянутыя озера съ своими многочисленными притоками составляютъ 150.000 квадратныхъ миль, что равняется половинѣ всѣхъ прѣсныхъ водъ, разбѣянныхъ по поверхности земнаго шара. Замѣчательно, уровень рѣки Ниагары, въ которой течетъ такое удивительное количество воды, не замѣняется ни тающими льдами въ концѣ зимы, ни испареніемъ отъ лѣтняго солнца. Только разъ, каждые семь лѣтъ, замѣтно повышеніе и пониженіе этого уровня, что ученые приписываютъ будто-бы приливу и отливу самыхъ озеръ.

Уровень озера Эри, откуда прямо выходитъ рѣка Ниагара, на 564 фута выше Атлантическаго океана. Это озеро лѣтомъ чрезвычайно бурно, а зимой подвержено сильнымъ вѣтрамъ, болѣе каждаго изъ другихъ четырехъ озеръ. Пока я былъ въ Америкѣ, въ кораблекрушеніяхъ на озерѣ Эри погибла 250 человекъ.

Поэтому неудивительно, что рѣка доставляетъ водопадамъ, въ самомъ ихъ началѣ, почти баснословное количество: 102,093,630 бочекъ воды, среднимъ числомъ, каждый часъ. Хотя берега Ниагары чрезвычайно высоки во многихъ мѣстахъ, но я замѣтилъ, что нигдѣ на нихъ нѣтъ ни одной горы.

Водопадъ «Лошадиная голова», если смотрѣть изъ деревни Ниагары на Американскій берегъ, видѣнъ только въ профиль; вотъ почему, желающему рассмотреть его во всей полнотѣ, необходимо переѣхать на другую сторону рѣки. Переѣзжая это пространство, замѣчаешь, что изъ центрального пункта потоковъ, водопадъ кажется выше другаго пространства водъ. Думаю, очень немногіе не чувствуютъ себя болѣе или менѣе обманутыми, смотря въ первый разъ на это единственное чудо Новаго Свѣта, поражающее ихъ взоры. Въ эту минуту

Прилѣченіе.

	<i>Длина.</i>		<i>Ширина.</i>		<i>Глубина.</i>
Озеро Верхнее . . .	450	миль	100	миль	900 футовъ.
Озеро Мичиганъ . .	300	—	60	—	900 —
Озеро Гуронъ . . .	218	—	180	—	900 —
Озеро Эри	290	—	63	—	200 —
Озеро Онтарио . . .	210	—	40	—	500 —

невольно вспоминаешь все восторженные описанія, все увеличенные расхожденія, которые мы читали въ разсказахъ тысячи путешественниковъ.

Впрочемъ, эта высота не особенная; высота Лошадиной подковы 170 футовъ, Американской около 154 футовъ. Скала, известная подъ именемъ «Круглаго стола,» превышаетъ восточную оконечность Лошадиной подковы; поверхность ея совершенно плоская, а общій видъ издали представляетъ какой-то гигантскій круглый столъ. Иногда отъ корнуса этой скалы отламываются значительные куски, такъ-что ходить тамъ не безопасно, даже и на большомъ разстоянн. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего посѣщенія Ниагары, огромная масса вдругъ отделилась отъ Круглаго стола.

Совершенно рядомъ съ круглымъ столомъ сдѣлали нѣсколько ступенекъ, которыми спускаются до мѣста, гдѣ начинается ужасная прогулка, позади огромной скатерти воль, составляющей Лошадиную подкову. Нерѣдко иностранцы отважно пускаются на эти прогулки, обыкновенно дамъ бываетъ больше; но каждый изъ отважныхъ туристовъ долженъ напередъ одѣться теплѣе, чтобы предохранить себя отъ неизбежныхъ брызговъ холодной пѣны.

Именно, вблизи Круглаго стола смѣлый прыгунъ Самъ-Патчъ, 12 лѣтъ назадъ, бросился въ два прыжка сверху лѣстницы, имѣющей 13 саж. 1 арш. $14\frac{1}{2}$ верш. высоты; онъ направилъ свой полетъ въ самую бурную часть теченія и не потерялъ ни малѣйшаго вреда. Спустя нѣсколько времени онъ не такъ былъ счастливъ и погибъ ужаснѣйшимъ образомъ, избравши самый страшный скачекъ, съ высоты водопада въ Женезе близъ Рочестера, лежащихъ около южнаго берега озера Онтарио.

Что касается до шума, слышимаго вдали Ниагарскаго водопада, трудно дать опредѣленное объ немъ понятіе: важную роль играетъ здѣсь направленіе вѣтра. При первомъ приближенн не различаешь никакого звука, даже на разстоянн 2-хъ или 3-хъ миль. При ясномъ небѣ и спокойной атмосферѣ онъ слышенъ даже въ маленькой деревнѣ Левистонъ, на 7 и миль. Такъ какъ здѣсь провелъ я ночь, въ намѣренн переплыть на озеро Онтарио, то вечеромъ, вышедши изъ моего отеля, я

имѣлъ полную свободу дѣлать свои выводы изъ этого опыта. Дѣйствительно, во все время странствованія вокругъ молчаливой деревни Левистона, я каждую минуту чувствовалъ въ ушахъ шумъ отдаленнаго водопада. Казалось, будто я въ эту минуту нахожусь близъ какой нибудь европейской столицы: такъ похожъ былъ шумъ, слышанный мною, на слытную массу человѣческихъ голосовъ, катящихся экипажей и проч. Нѣкоторые путешественники говорятъ, что шумъ отъ Ниагарскаго водопада достигаетъ до деревни Торонто, лежащей въ 53 миляхъ отсюда, на сѣверномъ берегу озера Онтарио. Говорятъ, что люди, долгое время стоявшіе у водопада, особенно женщины, подвергаются глухотѣ.

Въ концѣ послѣдняго вѣка берега Ниагары были театромъ многихъ кровавыхъ битвъ; историческую извѣстность приобрѣли битвы при Фортѣ—Эри, при Чиппевеѣ и Луплѣ Исландѣ; всѣ эти мѣстности находятся между Буффало и деревнею Ниагарскихъ водопадовъ.

Порогами называется пространство отъ пункта, гдѣ рѣка Ниагара начинаетъ прыгать—и до самыхъ водопадовъ. Безъ сомнѣнія вы угадали, что эти пороги сжаты между островами, упомянутыми выше, и берегами рѣки. Понятно, велика должна быть опасность для того, кто отваживается, въ чемъ бы то ни было, плавать близко около этихъ пороговъ.

Съ половины столѣтія здѣсь много совершилось несчастій. Вообще, я говорю о бѣдныхъ лодочникахъ, у которыхъ, къ сожалѣнію, отрываются внезапно веревки отъ берега; иногда дерзкій контрабандистъ платитъ здѣсь своею жизнью за отвагу переплыть рѣку, увлеченный незаконной добычею. По временамъ люди нетрезвые увеличиваютъ списокъ жертвъ. Всѣ эти несчастные, какъ можете себѣ представить, влекутся по порогамъ до самаго паденія водъ, потомъ низвергаются въ пропасть и никогда не находили ни малѣйшаго лоскута человеческого трупа, ни тончайшей щечки, принадлежащей погибшимъ судамъ.

XIX.

Ниагарскій водопадъ.

(Продолженіе).

Мичиганъ и Лошадиная подкова. — Медвѣди и барсуки. — Дикій конперть. — Стимеръ Каролина и его экипажъ. — Ужасы междоусобной войны. — Вихрь. — Погоня на-смерть. — Полезный бумажный змѣй. — Воздушный мостъ. — Пустынникъ водопадовъ; молодой утонувшій квакеръ.

На всемъ сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ живо хранится еще воспоминаніе объ одномъ событіи на Ниагарѣ, двадцать лѣтъ назадъ. Туземная газета провозгласила объявленіе и въ указанный день, болѣе тридцати тысячъ народу стеклось со всѣхъ сторонъ, ближнихъ и дальнихъ, на берега рѣки. Зрѣлище, на которое они собрались было необыкновенное. Огромный пароходъ «Мичиганъ», служившій давно на озерѣ Эри, положено было пустить на ту часть водъ, гдѣ начинается быстрина. Людей съ парохода высадили, но помѣстили на немъ другихъ пассажировъ; то были два старые медвѣдя; буйволъ со скалистыхъ горъ, два барсука, собака изъ породы Блудъ-гундсъ, большая кошка и гусь.

Въ ту мивиту, какъ стимеръ началъ прыгать въ центрѣ неистоваго воловорота, оба медвѣдя бросились за перегородку и, благодаря неслыханному случаю, успѣли добраться до берега, всѣ прочія погибли, испуская плачевные стоны, каждый по-своему. Мычаніе буйвола, хриплый лай собаки, пронзительный визгъ барсуковъ, плачевное мяуканье кошки, крикъ гуся, рычаніе медвѣдей во все время, пока они отважно боролись съ яростію волнъ, оглушительный шумъ водопада — вотъ симфонія, которую, вѣроятно, рѣдко удается слышать! Самъ пароходъ въ короткое время сплюснулся во всѣхъ своихъ частяхъ; потомъ, разрываемый на куски, былъ истолченъ, какъ въ ступѣ, такъ, что могли отыскать отъ него только два или три тоненькихъ кусочка.

Должно быть, полъ паденіемъ находится почти бездонная

пропасть, имѣющая удивительную силу всасыванія; потому что послѣ произведеннаго опыта здѣсь потерпѣлъ крушеніе «Мичманъ» большой военный корабль и нашли отъ него одинъ кусокъ дерева величиною не больше фута; края этого куска оказались пззубрены въ видѣ пилы, а между тѣмъ хозяева корабля предложили 10-ть піастровъ всякому, кто доставитъ имъ большой кусокъ.

Во время канадскаго возстанія, въ 1840, при Помино и Мекензиі одинъ стимеръ «Каролина» съ провіантомъ для возставшихъ былъ захваченъ англичанами и со всѣмъ экипажемъ направленъ къ водопаду Лошадной подковы. Ужасная катастрофа эта случилась ночью и для большаго эффекта англичане прежде зажгли судно.

Кромѣ самаго водопада рѣка Ніагара обильна и другими очень интересными феноменами. На третьей милѣ паденія вдругъ она кипитъ, обращаетъ волны назадъ, съ силою со-всѣмъ другою, какъ это замѣчаютъ, у пороговъ; такъ что, происходящій отъ того водоворотъ, можно, въ извѣстной степени, уподобить ужасной пучинѣ Мальштрема, столь страшной для плователей, въ водахъ Сѣверной Норвегіи. Въ этомъ мѣстѣ Ніагара составляетъ прямой уголъ и становится уже. Теченіе такъ стремительно, что въ центрѣ вода поднимается на 10 футовъ, выше воды у береговъ. Сколь бы огромное или малое тѣло ни попадало сюда, по несчастію, хотя бы во внѣшній кругъ, мгновенно оно начинаетъ кружиться все бы-стрѣе и быстрѣе, иногда вертится сряду два или три дня. Достигши центрального пункта Whirl Pool, какъ называютъ его, оно мгновенно исчезаетъ конечно въ слѣдствіе вертикальнаго поглощенія этой пропасти.

Идя по этой рѣкѣ къ сѣверу, на одну милю, вы приблизитесь къ демоновой воронкѣ (Devil's Hole); это огромное отверстіе въ утесѣ, почти эллиптической формы; вверху она обнесена скалами, болѣе или менѣе плоскими на поверхности. Отсюда ваши взоры проникаютъ въ глубь на 200 футовъ. Вѣроятно, зловѣщее имя этой пучины произошло отъ одного плачевнаго событія въ 1759 г. Отрядъ британскихъ солдатъ, преслѣдуемый неотступно ордами индѣйцевъ, вмѣстѣ съ французами, былъ прижннутъ къ скалистой тѣснинѣ, вмѣщающей эту пещеру. Въ мгновеніе ока всѣ несчастные солдаты, безъ жалости, штыками были сброшены сверху

и были измолоты на днѣ страшной воронки, кромѣ одного только.

По словамъ американскихъ геологовъ, въ эпоху очень отдаленную, Ниагарскій водопадъ находился въ рѣкѣ, на 5 или на 6 миль ниже нынѣшняго, т. е. противъ небольшого канадскаго города Кингстауна. Это мнѣніе всеобщее.

Изъ предметовъ художественныхъ, стоящихъ вниманія туриста, въ сосѣдствѣ Ниагары, на первомъ плаці, стоитъ висячій мостъ, брошенный въ 1818 году черезъ рѣку. Имъ была рѣшена трудная задача: соединить физически, такъ сказать, Канаду съ Соединенными Штатами. Здѣсь берега рѣки значительно высоки, что, съ рѣдкими исключеніями, замѣтно на всемъ протяженіи отъ озера Эри до озера Онтарио. При этомъ обстоятельствѣ надобно было перебросить съ одного берега на другой веревку или желѣзную проволоку, что и сдѣлано посредствомъ бумажнаго змѣя. Послѣ этой операціи неустранимый гражданинъ Филадельфіи Елле, отправившись въ корзинѣ, провелъ вторую цѣпь обратно. Высота этого граціознаго моста отъ воды гнѣвнаго потока 230 футовъ, длина его 759 футовъ. Проектеры первоначально думали, что ихъ постройка, почти воздушная, выдержитъ и тяжесть паровоза изъ Буффало; но они должны были отказаться отъ своего плана. Конечно, мостъ къ этому ни мало не способенъ, судя по тому, что онъ даже зыблется подъ ногами пѣшехода.

Въ одной бухтѣ Козьяго острова Goat-Island вамъ укажутъ песчаный берегъ, у котораго утонулъ въ 1831 какой-то таинственный обитатель окрестности, извѣстный подъ именемъ «пустынника водопада». За два года до этой трагической эпохи, явился онъ въ одно утро къ добрымъ крестьянамъ. Весь его багажъ состоялъ изъ шерстянаго плаща, свернутаго трубкою, изъ гитары и флейты. Онъ навѣялъ скромную хижину подъ тѣнью Козьяго острова, въ которой, во все время, свободное отъ прогулокъ по чуднымъ окрестностямъ, онъ игралъ на своихъ музыкальныхъ инструментахъ и писалъ музыку. Постоянно уклонялся онъ отъ всякаго знакомства; потому никто и не зналъ его исторіи. Впрочемъ, любовь къ уединенію, казалось, происходила къ нему отъ какой-то тайной свѣдающей его грусти, а не отъ угрызений совѣсти. И не мизантропъ онъ былъ; потому что иногда разговаривалъ

съ нѣкоторыми жителями; причеиъ замѣчали, что онъ былъ образованъ. По нѣкоторымъ свѣдѣнiямъ, собраннымъ послѣ его смерти, полагаютъ, что онъ былъ шотландецъ и принадлежалъ къ сектѣ квакеровъ; отъ роду имѣлъ около двадцати восьми лѣтъ.

XX.

Ниагарскiй водопадъ.

(Продолженiе).

Утонувшiй медикъ.—Нектаръ и ядъ.—Роза Алабамы.—Громы и молнiи.—Бенгальскiй огонь.—Лунный свѣтъ на Ниагарѣ.—Искусственное свѣтило. Чудныя кристаллизацiи.—Галеиранъ и американцы.—Искреннiе друзья.

Печальныя событiя въ области водопадовъ, въ теченiи тридцати или сорока лѣтъ, многочисленны. Привожу тѣ, которыя важнѣе другихъ. Оливъ богатый Балтиморецъ похищенъ былъ какъ бы лавиною изъ пѣны, въ то время, какъ хотѣлъ пройти за большою скатертью воды у Лошадной подковы. Ученый докторъ медицины Гунгерфордъ изъ НьюЙорка, только на нѣсколько метровъ печально подвинулся на своей лодкѣ къ порогамъ и, боровшись больше часа, среди нихъ, погибъ безвозвратно. Дѣвица Рюдждъ собирала цвѣты почти у берега Iris-Island, вдругъ земля обрушилась подъ ея ногами и увлекла ее въ бездну. Въ мое пребыванiе вся окрестность Ниагары была поражена печалiю по слѣдующему плачевному приключенiю. Въ прекрасное июльское утро большая компанiя родственниковъ и друзей отправилась изъ Буффало въ деревню паденiя Ниагары, съ намѣренiемъ провести цѣлый день въ прогулкѣ по волшебнымъ рощамъ, на берегу рѣки, особенно въ островахъ и островкахъ, о которыхъ мы много разъ говорили. Весело позавтракавши въ отели, они отправились искать прохладнаго мѣста на Iris Island, островъ, отдѣляющемъ Лошадную подкову отъ американскаго водопада. Душею этой веселой группы была очаровательная дѣвица Форестъ, 16-ти лѣтъ. Она выбрала скамью у края утеса, самаго живописнаго пункта острова. Въ то время, какъ она вся была углублена въ величественную картину водопада, предъ ея глазами, одинъ молодой

человѣкъ изъ того же общества, подошелъ къ ней украдкой и слегка толкнулъ ее, конечно въ шутку, чтобы испугать.

Она вдругъ пробудилась отъ своей мечтательности, затрепетала всѣмъ тѣломъ, встала, какъ бы желая бѣжать, потеряла равновѣсіе и стремглавъ упала на дно пропасти. Несчастный ея братъ, толкнувшій ее молодой человѣкъ, не слушая ничего, кромѣ неодолимаго своего отчаянія и надѣясь, безъ-сомнѣнія, спасти ту, которую безъ желанія погубилъ, бросился также за нею въ пропасть. Не нужно прибавлять, что оба были страшно изуродованы остріями скалъ, о которыя они ударялись падаая, и потомъ утонули въ глубокихъ водахъ потока; все это произошло такъ быстро, что ни кто не могъ удержать ихъ отъ этой ужасной гибели. Крестьянинъ, рассказывавшій мнѣ эту исторію, прибавлялъ, что никогда не забудетъ раздирающихъ криковъ жертвъ, ни рыданій, послѣ этой катастрофы, матери бѣдной дѣвушки, которую въ жизни прозвали розою Алабамы.

Хотя знаменитые Ніагарскіе водопады не требуютъ никакихъ постороннихъ явленій, чтобы рельефнѣе выставить свое величіе, однако туристъ имѣетъ полное право поздравить себя, если во время его пребыванія близъ этихъ чудесъ разразится сильная гроза въ окрестности. Когда изъ окна вашей отели вы обращаете взоры къ водопадамъ, вамъ кажется, будто предъ вами взрывается магазинъ, съ тѣмъ громоноснымъ порохомъ, который можетъ производить химія, съ помощію хлористокислаго потассія и фосфора. Эта идея пришла мнѣ въ голову при ослабительной желтой краскѣ, которую сообщаетъ молнія огромной массѣ пѣны, составляющей какъ бы снѣговой куполь надъ водами. Прибавьте къ этому громовое эхо, котораго ударъ оглушительнъ и ужасенъ, не такъ, какъ въ Европѣ и которое смѣшивается съ шумомъ самаго водопада. Въ эту минуту зритель испытываетъ непреодолимый трепетъ, и болѣе нежели когда нибудь, располагаетъ къ удивленію, неизмѣющему границъ.

Въ случаѣ, когда ваше посѣщеніе Ніагары встрѣчается съ полнолуніемъ, воспользуйтесь рѣдкимъ феноменомъ: *лунной радугою*, происходящею отъ призматическаго преломленія лучей ночнаго свѣтила сквозь пѣнистое облако водопада. Американскій народъ, чрезвычайно изобрѣтательный, конечно, когда нибудь устроитъ искусственную луну, въ размѣрахъ мѣсяца, по-крайней-мѣрѣ тамъ, гдѣ на твердь не выходитъ истинная луна; онъ воспользуется, конечно, для этого обильнымъ источ-

никомъ дву-углекислаго водороднаго газа, который находится около водопадовъ на небольшомъ островѣ Сиптра. Тогда ему, конечно, останется подражать гениальному способу покойнаго Жонни Бовьгера, гвардіана древняго аббатства Мелозы въ Шотландіи. Почетный его учитель Сиръ Валтеръ Скоттъ въ первомъ своемъ политическомъ произведеніи «плачь послѣдняго Менестреля» совѣтовалъ читателю посѣщать эту гордую развалину, въ то время, когда она серебрится лучами луны; а вѣрный служитель всегда запасался гигантскимъ резиновымъ факеломъ, какъ скоро звѣзда Діаны начинала слишкомъ высоко подниматься въ ночи,—что бы страствующіе поэты могли выполнить предписаніе поэта-автора.

Я также былъ съ своей стороны счастливъ и видѣлъ вліяніе чрезвычайнаго холода на Ніагару. Хотя температура была довольно высокая, во время моихъ странствованій въ этихъ мѣстахъ, однако нѣсколько недѣль сряду ощутительнъ былъ самый рѣзкій холодъ.

Тогда я видѣлъ самый лучший случай наблюдать около меня кристаллизацию и удивляться до мелочей блестящему радужному убору, въ который продолжительный морозъ одѣлъ четыре боковые берега двухъ величественныхъ водопадовъ Ніагары.

Какъ мало знакомъ былъ съ высокимъ классомъ Америки тотъ знаменитый дипломатъ, который на вопросъ питератора Наполеона, что онъ думаетъ объ американцахъ—отвѣчалъ: «Сиръ, я думаю, что они гордыя свиньи и свиньи гордыя (Талеиравъ). Если твѣя этой знаменитой особы могла бы придти възъ жилища умершихъ и посмотреть тебѣрь на эту удивительную страну, она увидѣла бы, что видѣ разнообразіе такъ не велико, какъ у моликовъ Соединенныхъ Штатовъ и что дружество и преданность нигдѣ не являютя въ болѣе истинномъ и въ болѣе прочномъ видѣ. Въ Ньюйоркѣ болѣе избранныя души, послѣдїя отпечатокъ этихъ качествъ, блестятъ въ глазахъ иностранца больше дѣлами, нежели словами; это достойныя дѣти царственнаго города.

РУССКОЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

(Физиологическій очеркъ).

П. АЛЕКСАНДРОВА.

Думаю, что если на лупь есть жители, то и они имѣютъ нужду въ мастеровыхъ, какъ и мы, живущіе подъ луною. Все относящееся къ нашимъ физическимъ потребностямъ, начиная отъ маковки до пятокъ, отъ шляпы до каблучковъ, отъ дивана, на которомъ мы наслаждаемся кейфомъ, до стола, надъ которымъ выгибаемъ спину, все выходитъ изъ-подъ рукъ мастеровыхъ. Но какъ всякому мастеровому пріятно титуловать себя *подмастерьемъ*, то я, желая познакомить читателей съ русскимъ мастеровымъ, постараюсь удержать пріятный для его самолюбія титулъ.

Русскій подмастерье по происхожденію бываетъ или мѣщанинъ, или крѣпостной, или человекъ, не видавшій въ-глаза ни отца, ни матери и названнй въ паспортѣ или незаконнорожденнымъ или непомнящимъ родства, не потому, впрочемъ, чтобы онъ родился не по обыкновенному порядку природы, или не имѣлъ родителей, но единственно потому, что ихъ въ-наличности не оказывается. Вслѣдствіе такихъ разнородныхъ на-

чалъ, производящихъ въ міръ подмастерьевъ, они въ характерѣ и привычкахъ своихъ представляютъ вавилонское смѣшеніе понятій и нравовъ.

Чтобы лучше понять характеръ подмастерья, прослѣдимъ жизнь его отъ начала его поприща до совершеннаго развитія его ремесленной дѣятельности, когда онъ уже начинаетъ мечтать о томъ, какъ бы самому стяжать титулъ хозяина, съ правомъ раздавать тузы и колотушки подчиненнымъ.

Поступивъ по контракту къ хозяину отъ господина, или отъ родителей, или отъ благодѣтелей, лѣтъ на шесть, подмастерье, прежде чѣмъ достигнетъ этого званія, носитъ названіе *мальчика*, невзирая на возрастъ, и проходитъ три степени совершенства, которыя можно опредѣлить относительно величиною къ нему его халата. Мальчики поступаютъ къ хозяину на томъ условіи, чтобы онъ кормилъ ихъ и одѣвалъ, наставлялъ уму-разуму и всяческому художеству. Соблюдая свои выгоды, расчетливый хозяинъ шьетъ мальчику тиковый халатъ такого свойства, чтобы онъ годился ему на весь срокъ контракта. Первую степенъ вступленія на поприще мастераго можно опредѣлить тѣмъ, что халатъ на полъ-аршина больше мальчика; вторую степенъ — что халатъ ему почти впору, т. е. или немного длиннѣе, или немного короче его особы; третью степенъ — тѣмъ, что мальчикъ рѣшительно вырастаетъ изъ своего халата, и халатъ, натянутый на его плеча и до послѣдней крайности растянутый, играетъ на немъ роль — Тришкина кафтана.

Приведенный къ хозяину, мальчикъ получаетъ отъ него программу для своей дѣятельности, въ родѣ слѣдующей: «Вѣдь ты, братъ, ничего еще не смыслишь дѣлать; такъ мы тебя маленько обучимъ. Дѣлай все, что тебѣ велятъ; только держи ухо востро, у насъ вѣдь тоже, что у солдатъ, есть своя дисциплина! Смотри, шельмова голова, слушаться старшихъ, а не то зададимъ трепака!» И мальчикъ, погруженный съ головою въ огромный, полосатый халатъ, торжественно тутъ же вступаетъ въ свою должность.

Начальныя обязанности мальчика мало относятся къ тому ремеслу, къ которому онъ предназначенъ; онъ бѣгаетъ въ мелочную лавочку за квасомъ и ситникомъ — лакомствомъ подмастерьевъ; разноситъ вещи тѣмъ, кто ихъ заказывалъ, чиститъ хозяину сапоги, моетъ горшки на кухнѣ, растапливаетъ

печи и тернить толчки отъ всего окружающаго, не исключая и ухвата, на ковецъ котораго покоится толстый подбородокъ дремлющей кухарки. Онъ есть черствый хлѣбъ, прихлебывая съ аппетитомъ сѣрья щи, изъ сомнительнаго произрастенія, и спитъ на грязномъ полу.

Съ халатомъ вѣрнымъ онъ вдвоемъ:

Халатъ подъ нимъ, халатъ на немъ,

Халатъ его, какъ вѣрный щитъ.

Его и грѣбеть и хранить.

Особенной роскошью считаетъ онъ рогожку, которую удалось ему стянуть въ лабазѣ. Такая жизнь, какъ она ни кажется тягостною съ перваго взгляда, для мальчика трудновата лишь въ продолженіе перваго мѣсяца; потомъ онъ привыкаетъ къ ней также, какъ и къ длинному халату, можетъ быть потому, что лучшей жизни онъ и не видывалъ.

Въ этотъ первый періодъ вступленія въ должность мастера-ваго, удовольствія мальчика заключаются въ слѣдующемъ: когда хозяйка пошлетъ его въ лавочку за фунтомъ патоки, то онъ восьмую долю ея непременно употребитъ въ свою пользу; если за принесенную заказывавшему вещь ему удастся получить на ирники три допѣйки серебромъ, то онъ покупаетъ сайку и наслаждается ею до послѣдней крохи; если какой-нибудь подмастерье разщедрится и возьметъ его съ собою въ Заведеніе или *Растерацію* выпить чаю, тогда онъ чуть не на седьмомъ небѣ. Но главное удовольствіе мальчика состоитъ въ томъ, чтобъ бросить осколкомъ въ голубей, перелетающихъ съ кровель на дорогу, или пугнуть камнемъ мирно лежащую собаку; тутъ онъ забываетъ все, его окружающее, даже кувшинъ съ квасомъ, который въ рукахъ, и присвистывая, весь обращается въ удовольствіе. Съ удивительнымъ проворствомъ онъ выкапываетъ камень изъ мостовой и бросая вмѣ въ голубей или въ собаку, нерѣдко спотыкается на тумбу, падаетъ и возвращается домой съ разбитымъ кувшиномъ и таковымъ-же носомъ. На носъ его, какъ на вещь, не относящуюся къ хозяйству и не купленную на рынкѣ, не обращаютъ вниманія; а за потерю кувшина онъ непременно отвѣчаетъ лохматой головой, причемъ слушаетъ такое назиданіе: «не въ первый разъ, канавля,

ты это дѣлаешь! На тебя и кувшиновъ не напасешься, а вотъ же тебѣ! знай впередъ, какъ квасы разливать!» Такъ-то, во всѣхъ состояніяхъ и возрастахъ, человекъ не дешево платитъ за удовольствія!

Привыкнувъ проворно бѣгать, испытывае на себѣ справедливость пословицы — что волка ноги кормятъ, мальчикъ чрезъ полгода, или ранѣе, или поздѣе, смотря по обстоятельствамъ, садится за работу. Если природную смѣтливость изъ него не выбили, то онъ съ охотою принимается за дѣло и непремѣнно успѣваетъ, потому-что отъ природы онъ доужъ и веремчивъ.

Среди успѣховъ и неудачъ въ работѣ, среди похвалъ и побранокъ хозяина, проходить конецъ перваго и наступаетъ второй періодъ вступленія мальчика на поприще ремесла. Теперь онъ уже зашибаетъ копѣйку, работая украдкой отъ хозяина, и, разумеется, изъ хозяйскаго матеріала, на кучеровъ, дворниковъ, мѣшанъ и на свою братію — мастеровыхъ другаго ремесла; теперь онъ и самъ нерѣдко зазываетъ въ трактиръ подмастерьевъ на дюжину чаю, чрезъ что пріобрѣтаетъ ихъ благосклонность, такъ, что подмастерья иногда называютъ его *малымъ съ толкомъ* и изрѣкаютъ надъ нимъ пророчество: «Строка будетъ, канальскій сынъ; шиломъ патоки хватить — смотри ты!»

Второй періодъ образованія мастераго чуть ли не самый счастливый, какъ вообще всякая золотая середина. Мальчикъ, прежде безъ всякаго значенія въ своемъ обществѣ, теперь уже начинаетъ сознавать свое достоинство: онъ смѣло полагаетъ голосъ въ кругу товарищей, огрызается на подмастерье, иногда перекинется крупнымъ словцомъ съ властительною кухаркою и нерѣдко случается, что и хозяину замѣчаніе отпустить — и голосу его внемлютъ. Сверхъ того, червь недовольства настоящей судьбою въ это время еще не успѣлъ зародиться въ его сердцѣ, и жажда перемѣны состоянія къ лучшему пока еще не томитъ его самолюбія.

Въ эти два періода воспитанія мальчикъ развивается физически; сначала онъ равняется съ своимъ халатомъ, а подъ конецъ втораго періода непремѣнно перешеголяетъ его ростомъ, такъ, что халатъ, прежде казавшійся ему безконечнымъ саваномъ, томившій его своимъ широкимъ раздольемъ и путаншій ему ноги, отъ чего часто впутывалъ въ бѣду и ея ремешья

или палочныя послѣдствія, теперь, едва простираясь до колѣнъ и сжимая плеча, томить его своею короткостью и худобою.

Въ третій, послѣдній періодъ своего воспитанія, мальчикъ въ правахъ своихъ немногимъ чѣмъ отличается отъ подмастерья. Ему даютъ и работу наравнѣ съ подмастерьями, и право не отставать отъ нихъ и въ наслаженіяхъ жизни, т. е. и выпить лишнее и побуянить. Но рѣдко случается, чтобъ мальчакъ, прежде окончанія своего ремесленного курса, пилъ горькую; дѣвственная природа его, несмотря на присутствіе вблизи дурныхъ примѣровъ, не можетъ испортиться вдругъ. Мальчикъ бываетъ очень доволенъ, если ему удастся быть навеселѣ; до рѣшительнаго же ошеломленія онъ рѣдко доходитъ. Можетъ быть, что въ границахъ умѣренности удерживаетъ его воспоминаніе о хозяинѣ, который до самаго окончанія контракта имѣетъ право назидать его самымъ ощутительнымъ образомъ. Въ другой разъ удерживаетъ его и подмастерье, съ которымъ мальчикъ гуляетъ. Въ такихъ случаяхъ они обыкновенно гогорятъ: «слушай, Васька, или Ванька, или Антропка! Смотри, чтобъ худо не было отъ хозяина! полно пить, вишь, вѣдь ты и безъ того сизо!» Вы, можетъ быть, думаете, что подмастерья берегутъ нравы мальчика по добротѣ души или по глубоконравственнымъ правиламъ, запрещающимъ излишекъ въ хмѣльномъ, ни чуть не бывало! Они дѣйствуютъ только по внушенію собственного эгоизма — чего онъ не допьетъ, они сами выпьютъ.

Послѣдній періодъ образованія подмастерья проходитъ не безмятежно. Человѣкъ, во всѣхъ состояніяхъ, чѣмъ ближе подходитъ къ цѣли, тѣмъ дѣлается нетерпѣливѣе. Такъ и мальчикъ считаетъ дни и часы, чтобы сократить время, отдѣляющее его отъ вожделеннаго момента — *жить на жалованьи*. Въ это время мальчикъ частенько *считается* съ подмастерьями и нерѣдко укоряетъ ихъ въ незнаніи дѣла. Иной разъ изливаетъ онъ свое негодованіе и на хозяина, разумѣется, только въ его отсутствіе; казать кукишъ въ карманѣ — въ его природѣ; а когда мальчику случится забыть должную субординацію къ хозяину предъ лицомъ послѣдняго, тогда тишина, покорность и убѣжденіе въ его превосходствѣ — возстаиваются двумя — тремя стѣжками ремнемъ по спинѣ возмутителя.

Занимаясь работою, подмастерья убиваютъ свободное время въ разказахъ о своихъ подвигахъ. Для образца приведу одинъ разговоръ подмастерья — Ловеласа кухарокъ, на пространствѣ двухъ съ половиною кварталовъ. Это былъ портной.

«Послушай-ка Змонь! говорилъ подмастерье Кузьма Семену, герою разказа, котораго хозяинъ-вѣмецъ изъ Семена пере-дѣлалъ въ Змона. Куда ты, братъ, дѣвался вчера вечеромъ, какъ улизнулъ отъ насъ изъ Марьиной?»

— Чего, отвѣчаетъ Семень, вдѣвая нитку въ ушко иглы. Куда дѣвался? Самъ бы попробовалъ, такъ и узналъ бы Кузьку съ роднею. Чуть было въ сибирку не потрафилъ. Хорошо еще, что я не робкаго десятка, да и деньжонекъ осталось съ цѣлковый; а не-то пришлось бы сегодня въ кавалеры обметанія пришпехта.

— Какъ-такъ! вскричали мастеровые, заинтересованные словомъ — сибирка.

— Знаешь! я вотъ какъ пошелъ отъ васъ, такъ у меня ужъ было порядочно засыпано; и ну околесную выписывать посреди пришпехта. А лукавый тутъ и спеси меня съ Федосеей; гляжу, стоитъ дѣвка, словно знакомая, да еще съ извозчиками точить шуры-муры. Нѣтъ, думаю, отобью отъ васъ, сипачи дураки; да и дѣвка-то славная, здоровенная такая. Подошелъ къ ней, хлопъ ее по тому, какъ оно, да и говорю: — эхъ, наше вамъ-съ, куропаточку. «Здорово!» говоритъ она; — а сама смотреть, да ухмыляется. — Чго, говорю, аль не узнали-съ? — «Какъ не узнать? говорить; тебя почти всѣ знаютъ.» — Пойдемъ, говорю, бутылочку Кроновца поставлю. — «Пойдемъ!» говоритъ. Вотъ мы и пошли. Бутылочку, другую, да и третью, знаешь, убрали; смотрю въ оба, а словно вотъ свѣчки не вижу. Плохо! думаю. — Пойдемъ домой! говорю Федосѣ; хоть и шурманщикъ игралъ съ облизяной; а таки вытащилъ ее. Иду, а ноги-то кривули выдѣлываютъ, словно по заказу. Оно бы ничего; куда ни пришли, донесутъ, да на бѣду какой-то писарь-солдатъ привяжись къ Федосѣ; я и говорю ему: — Послушай! кавалеръ, проваливай, не замай чужаго; а онъ въ задоръ полѣзъ, да началъ еще будкой стращать. — Не боюсь! говорю, черта не боюсь! Вишь-то пугало нашелся! — Знаешь, какъ расходился по-свойски; этакъ, хотѣлъ сказать повывразительнѣе, махнулъ рукой, анъ кулакъ-то у меня и завязъ у него подъ

носомъ. Вотъ у насъ и пошло: я его, а онъ меня, я его, а онъ меня. Наконецъ и будочникъ пришелъ, задалъ обоимъ по гузу — и сразу разобралъ дѣло. Федосья тягу, ну да и самъ-то я насилу ноги приволокъ, благо на веревку не попалъ.

— Ну, братъ, богато отдѣлался! говорятъ мастеровые.

— Что тутъ толковать! перебилъ Сементъ. Вѣдь мы мастеровые, а не кто другой. Не мужики какіе-нибудь: знаемъ, гдѣ какого подпустить.

Питая воображеніе подобными разказами, мальчикъ зрѣтъ нравственно и все слышанное имъ по-необходимости входитъ въ составъ его понятій. Счастье для мальчиковъ, если въ числѣ мастеровыхъ найдется старовѣръ; его разказы, полные суевѣрія и невѣжественнаго мистицизма, хотя не много, но все-же лучше пѣсенокъ и разказовъ, которыми тѣшатся мастеровые; въ его повѣствованіяхъ все-таки видна идея чисто нравственная.

Теперь вы знаете, съ какимъ трудомъ и лишеніями мальчики достигаютъ степени подмастерья и изъ какихъ элементовъ составляется внутренняя жизнь ихъ.

Получивъ степень подмастерья, мастеровой гордится своимъ званіемъ. Первою заботою мальчика теперь бываетъ перемѣнить прежній ненавистный костюмъ, напоминающій много горькихъ минутъ его тяжкаго ученія, на болѣе приличный настоящему его званію. Портные и башмачники, по большей части, облакаются въ сюртуки и пальты, купленные, по случаю, за сходную цѣну; мѣдники, слесари и сапожники сохраняютъ неизмѣнную вѣрность къ азіатской модѣ и довольствуются въ перемѣнѣ костюма тѣмъ, что тиковый халатъ мѣняютъ на болѣе модный-нанковый, или изъ другой какой-нибудь пестрой матеріи.

Такъ-какъ мастеровой, будучи мальчикомъ, не можетъ накопить столько денегъ, чтобъ было достаточно наперемѣну костюма, то въ этомъ случаѣ онъ забираетъ отъ хозяина деньги въ счетъ будущаго жалованья. Вслѣдствіе такого образа дѣйствія подмастерье на первомъ шагу, при вступленіи въ должность мастерового, входитъ въ долгъ. Награжденіе же, которое хозяинъ даетъ вногда мальчку за выслугу казенныхъ лѣтъ ученикомъ, состоящее не болѣе какъ изъ 20 рублей сереб-

ромъ, на-радости переходить въ трактиръ и портерную. Къ большей бѣдѣ подмастерья, вещи купленные случайно, какъ все случайное, непочвы, и бѣднякъ изнашиваетъ три вещи во столько времени, на которое достаточно бы было и одной порядочной. Такимъ образомъ, забирая отъ хозяина жалованье впередъ, гуртомъ, по три цѣлковыхъ на сапоги, или прочую потребность, и по мѣлочамъ — по гривенничку на чай, подмастерье входитъ въ неоплатные, по своему состоянію, долги, простирающіеся иногда до двухъ сотъ рублей. Въ такомъ случаѣ, если подмастерье крѣпостной и не вноситъ барину оброчныхъ денегъ, то попадетъ въ исправительное заведеніе.

Мастеровые, можно думать, чувствуютъ инстинктивное отвращеніе отъ чистоты. Рѣдко встрѣтишь подмастерье прилично вымытаго. Причина тому — привычка къ грязи; мальчикъ обыкновенно съ самаго вступленія своего въ мальчики ходитъ въ баню разъ въ двѣ недѣли; поэтому неудивительно, что онъ остается очень равнодушенъ и свыкается съ грязью, какъ съ воздухомъ.

Облеченный въ старомодное пальто, подмастерье преуморительно начинаетъ корчить изъ себя барина; онъ съ самоувѣренностію пѣтуха выступаетъ, бросая вокругъ себя гордые взгляды и шибко размахивая направо и налево большими, грязными руками; его болѣ дерзкій, нежели смѣлый видъ, какъ будто говорить: «ѣду, ѣду, не свишу, а какъ ваѣду не спушу!» Но не бойтесь русскаго подмастерья; онъ храбръ съ одними трусами. Достаточно прикрикнуть на него, чтобъ сбить съ него всю спесь; если же вы вразумительно произнесете слово — «будка», то подмастерье непременно сниметъ шляпу и проговорить; «я-съ, невзначай-съ! извините-съ!» и вы насладитесь зрѣлищемъ примѣрнаго бѣгства на другую сторону дороги. Подмастерье, ретируясь, всегда выказываетъ удивительныя стратегическія способности; если онъ замѣтитъ за собой погоню, которая бываетъ всегда слѣдствіемъ его грубости, то притаится подъ воротами такъ искусно, что вы двадцать разъ пройдете мимо его и не замѣтите, или вмѣшается въ толпу прохожихъ, и пусть будутъ у васъ рысьи глаза, вы все-таки потеряете его изъ виду.

Хотя и рѣдко, но все же случается, что мастеровой, отуманенный чувствомъ самоуноенія, не знаетъ мѣры своему вели-

цію и готовъ надѣлать тѣмъ дерзостей каждому встрѣчному. Когда подмастерью падеть жребій оказать услугу городовому, т. е. зашить ему шинель, или рукавички, или сапогъ, или поправить замокъ отъ шкафа, то онъ непременно напивается, буянитъ и попадаетъ въ часть, и часто тотъ же самый городской наставляетъ его тамъ на путь истинный.

Подмастерьевъ еще можно дѣлать, какъ и прочихъ людей, на *воронъ* и *лисицъ*. Часто случается видѣть, какъ подмастерье-лисица льститъ своему собрату-воронѣ; выхваляетъ дарованія послѣдняго и съ едва замѣтною улыбкою удивляется, какъ онъ до сихъ поръ еще терпѣть и смотреть хозяйну въ зубы; и простофиля вѣритъ всему отъ души; погружается въ размышленіе о своемъ достоинствѣ и потомъ водитъ своего панегириста изъ трактира въ портерную, изъ портерной въ погребъ, изъ погреба обратно въ трактиръ, до тѣхъ поръ, пока не слѣзается въ карманѣ пустота сокрушительная.

Подмастерья всегда предпочитаютъ нѣмцевъ хозяевъ русскимъ. Съ русскимъ хозяиномъ, говорятъ подмастерья, въ вѣкъ не сварить каши; онъ хотя и въ долгъ даетъ, но зато насчитаетъ столько на тебя, что волосы на головѣ станутъ дыбомъ! Мнѣ удалось однажды видѣть расчетъ русскаго хозяина съ подмастерьемъ. Это было въ субботу.

Взявши съ собою рубли ассигнаціями, вооружившись сче- тами и записною книгою, испещренною іероглифами, хозяинъ сѣлъ за столъ и призвалъ недовольнаго.

— Садись, Мартынъ, гость будешь.

Подмастерье, молча, сѣлъ.

— Жена! закричалъ хозяинъ; затепли лампаду, вѣдь завтра праздникъ; да принеси графинъ съ водкою, да рюмку.

Когда все было исполнено, хозяинъ минуты двѣ внимательно но перебиралъ листки записной книги.

— Ты хочешь отойти, Мартынъ, изволь; ты не крѣпостной мой и не мальчикъ. Надо счестся.

Подмастерье взглянулъ на графинъ съ водкой.

Хозяинъ началъ: двадцать пять за тотъ мѣсяць взято гуртомъ; два рубля на сапоги, да одинъ рубль, да два рубля, да два рубля, да три гривенника, да пятиалтынный — тридцать

пять; да четыре—сорокъ; восемь, да два—пятьдесятъ. Да старого долгу пятнадцать рублей, да девять рублей — двадцать пять; да два двугривенныхъ, да три гривенника, да два пятиалтынныхъ, да одинъ гривенникъ, да два рубля, да пять — пятьдесятъ. Пятьдесятъ да пятьдесятъ — сто рублей. Сто рублей, слышишь?

— Боишься ли ты Бога, хозяинъ? Да я всего-то на всё забралъ не болѣе сорока рублей.

— Сорока рублей! Да знай же-ты, дурова голова, что я считалъ на серебро и денежекъ не клалъ въ счетъ; а однихъ денежекъ накопится пять рублей. Ты мнѣ остаешься долженъ тридцать пять рублей, принеси мои деньги и потомъ иди съ Богомъ, куда хочешь.

Тутъ хозяинъ выпилъ рюмку водки, взялъ графинъ и пошелъ въ другую комнату.

— Послушай хозяинъ! закричалъ жалобно подмастерье. Дай хоть рюмку водки.

Но хозяинъ остался глухимъ къ просьбѣ подмастерья.

Последній почесалъ затылокъ и удалился въ свой уголъ, гдѣ и улегся на покой. На лицѣ его не осталось и тѣни той самоувѣренности, которая сіяла на немъ въ то время, когда происходилъ расчетъ. Подмастерье блудливъ, какъ кошка, и трусливъ, какъ заяцъ.

Вообще характеръ подмастерья есть винегретъ, изготовленный изъ стремленій мѣщанина, мужика и ремесленника. Подмастерье любитъ гульнуть и показать себя, какъ мѣщанинъ; въ немъ есть русское молодечество и безотчетная трусость, какъ у мужика; въ иной разъ онъ также расчетливъ и самоувѣренъ, какъ ремесленникъ. Собственное приобрѣтеніе подмастерья въ пользу характера не важно; онъ не видитъ вокругъ себя ничего, кромѣ грубаго, и потому въ подмастерьѣ вы не встрѣтите той юмористической манерности обхожденія, которою отличается лакей; подмастерье не имѣетъ манеръ.

Дружбы между подмастерьями, какъ и во всемъ мірѣ, вы не найдете; ее замѣняетъ пріязнь, выражающаяся въ единодушномъ согласіи пропить мѣсячное жалованье въ одинъ день. Сердце подмастерья грубо и жестко; онъ не видитъ вокругъ себя ни одного вѣчнаго существа и высокія чувства можетъ

почерпнуть только со сцены; но во-первыхъ, онъ заѣзжаетъ въ театрѣ въ раю, откуда не можетъ ничего слышать; во-вторыхъ, и изъ слышаннаго пойметъ очень немногое. Сужденіе о театрѣ подмастерье имѣетъ свое собственное.

— Что, Федотъ, былъ въ кѣтерѣ.

— Былъ.

— Хорошо?

— Несовсѣмъ.

— Что, дрались тамъ ахтеры?

— Нѣтъ, — плакали.

— А плясали?

— Тоже нѣтъ. Просто ничего тамъ не было; да што кѣтеръ! въ балаганахъ — такъ дѣло другое!

Подмастерья не созрѣли еще для театра, и если туда ходятъ, такъ рѣшительно для того только, чтобы на другой день похвастать передъ товарищами. Впрочемъ, это нерѣдко бываетъ и съ нами грѣшными.

Главная цѣль, на которой сосредоточиваются все стремленія подмастерья, состоитъ въ томъ, чтобъ самому *стать хозяиномъ*. Онъ спитъ и видитъ хозяйство. Нерѣдко слышишь отъ подмастерья: «что онъ бородой замаяхалъ, да раскричался! Будь я хозяиномъ, такъ тоже умѣлъ бы бороду поднять не хуже его!» Затѣмъ слѣдуетъ глубокой вздохъ.

Основаніе, на которомъ подмастерье строятъ планы будущаго своего величія, т. е. хозяйства, составляетъ мечта о выгодной женитьбѣ на горничной знатнаго барина. Въ наше время просвѣщеніе заглянуло и въ головы мастеровыхъ; и они уже смотрятъ на женитьбу какъ на выгодную спекуляцію. Любовь же подмастерья не можетъ продолжиться болѣе двухъ мѣсяцевъ. Мастеровой съ предметомъ своей страсти поступаетъ по праву сильного: любя и наказуетъ; поколотить свою возлюбленную для него ничего незначитъ; побой влекутъ за собою ласку примиренія и это составляетъ узелъ, связующій семейное счастье.

Сдѣлавшись хозяиномъ, по случаю, или по милости господской, подмастерье набираетъ себѣ мальчиковъ и повторять

* Техническое выраженіе подмастерьевъ.

надъ ними все испытанное имъ самимъ. Такъ трудится онъ полжизни для того, чтобы въ другую половину заставлять на себя работать другихъ и отрастить себѣ брюшную полость, отъ праздности. Но состоянія онъ почти никогда не наживаетъ: онъ имѣетъ хлѣбъ насушный въ будни, избытокъ же уноситъ Крестовскій островъ — по праздникамъ. Подъ-старость, когда его одолѣетъ болѣзнь, онъ идетъ умирать въ больницу и ложится въ землю на казенный счетъ. Немножко грамотности, поболѣе наставленій въ вѣрѣ — и русскій подмастерье былъ бы золотой человѣкъ.

ОХОТА НА ВОЛКОВЪ.

РАЗСКАЗЪ М. ПОДАРЕВСКАГО.

Иногда во тмѣ, ночной,
Раздается псовъ протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходитъ волкъ кругомъ гумна.
И если въ полѣ тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрипъ, и щелканье зубовъ;
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ прыгаютъ, блестятъ.

Дерковцовъ.

Нѣкоторыя изъ нашихъ западныхъ губерній перерѣзаны въ разныхъ направленіяхъ большими или меньшими возвышенностями, составляющими незначительную отрасль Карпатскихъ горъ и покрыты густыми лѣсами. Послѣдніе были нѣкогда еще гуще, но рука человѣка, вооруженная топоромъ, не пощадила ихъ лѣвственности. Въ этихъ пустынныхъ лѣсахъ, высокихъ и темныхъ, холодныхъ и сырыхъ, гдѣ лучъ солнца не проникалъ во многіе тайники, гнѣздились стада оленей, дикихъ козъ, лосей, кабановъ, медвѣдей и волковъ. Пре-

данія о дремучихъ дѣбряхъ, непроходимыхъ лѣсахъ и безчисленныхъ звѣряхъ, потомство современемъ приметъ, можетъ быть, за сказку, потому что вскорѣ на мѣстѣ ихъ увидятъ однѣ только небольшія рощицы, да обширныя обнаженныя поля.

Что же это были за лѣса за нѣсколько столѣтій, когда они и теперь еще служатъ предметомъ обширной торговли? Послѣ этого неудивительно, что старинныя народныя пѣсни часто упоминаютъ о лѣсахъ кленовыхъ, дубовыхъ, сосновыхъ и липовыхъ, * частію уже истребленныхъ (такъ-что не осталось послѣ нихъ и слѣда), частію оставшихся еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ и понынѣ существуютъ огромные боры.

Недалеко отъ этого бора находится деревня М^{***}. (я позабылъ ея названіе), въ которой стоитъ старый деревянный домъ пана Кулаковскаго. Вѣковыя липы осыпаютъ густыми листьями аллею сада, обнесеннаго кругомъ заборомъ, обсаженнаго высокими тополями, шумящими яворами и терновникомъ. Панъ Кулаковскій былъ большой охотникъ стрѣлять дичь и звѣрей, какъ самъ хвасталъ предъ своимъ сыномъ Яномъ, хотя сосѣди въ-насмѣшку называли его отличнымъ стрѣлкомъ, особенно со времени случившагося съ нимъ несчастія.

Въ окрестностяхъ волки дѣлали страшныя опустошенія и своимъ протяжнымъ жалобнымъ воемъ сильно беспокоили пана Кулаковскаго, полъ самыми почти окнами его дома. Онъ обѣщалъ награду за живаго волка, желая убить его собственною рукою, чтобы показать сыну, какъ онъ мѣтко стрѣляетъ. Лѣсничій отправился въ лѣсъ, поймалъ тамъ капканомъ стараго волка и привелъ его во дворъ. Кулаковскій, обрадовавшись, далъ лѣсничему золотый ** на водку и приказалъ привязать волка самую крѣпкою веревкою къ столбу у амбара; самъ вынесъ изъ комнаты двустволку, изъ которой стрѣлялъ зайцевъ, тетеревей, убивалъ на-лету куропадокъ и куликовъ; однажды даже, какъ онъ хвалился, побившись объ-закладъ, оторвалъ воро-

* Липовые лѣса существуютъ въ губерніяхъ: Волынской, Подольской, Кіевской, Минской и другихъ, также въ южныхъ провинціяхъ Царства Польскаго (особенно около Замостья) и въ Бессарабіи. Владѣльцы этихъ лѣсовъ вырубаютъ ихъ на дрова, или выдѣлываютъ изъ нихъ улья и другіе предметы сельскаго хозяйства.

** 15 коп. сереб.

бью голову за 180 шаговъ. Вышелъ на крыльцо, въ сопровожденіи своего сына, онъ показывалъ ему, какъ держать ружье, училъ сколько нужно положить пороху, какъ прибавить зарядъ и класть пулю. Послѣ всѣхъ этихъ наставленій онъ прицѣлился къ привязанному волку, который постоянно рвался, какъ собака на цѣпи.

Жена Кулаковского, смотрѣвшая на это изъ окна, кричала ему въ испугѣ: «Осторожѣй, ради Бога, осторожѣй, попадай въ голову.»

Панъ Кулаковскій, прицѣливаясь, отвѣчалъ спокойно: не иначе, душечка, я цѣлю прямо въ глаза, пуля пройдетъ навывлетъ!

Молодой Янъ былъ въ большомъ нетерпѣніи, что отецъ его такъ долго прицѣливается. Наконецъ раздался выстрѣлъ и волкъ, совершенно невредимый, подскочилъ еще сильнѣе и пуще прежняго сталъ рваться.

— Чортъ-возьми, закричалъ Кулаковскій сердито, развѣ я не попалъ?

Янъ съ старымъ стрѣлкомъ, служившимъ отцу его около 20 лѣтъ, осмотрѣли волка и нашли, что онъ здоровехонекъ. Кулаковскій прицѣлился въ другой разъ, выстрѣлилъ, волкъ еще выше подскочилъ и все-таки остался цѣлъ и невредимъ. Сгорая отъ стыда и гнѣва, онъ приказалъ женѣ закрыть окно, потому что женщины много вредятъ охотѣ; зарядилъ ружье въ третій разъ; подперъ его къ столбу у крыльца и, прошептавъ какую-то поговорку, спустилъ курокъ: загремѣлъ сильный выстрѣлъ. Въ этотъ разъ панъ Кулаковскій прицѣлился такъ хорошо, что просѣкъ пулею веревку у самого столба, хотя находился не далѣе, какъ на сажень отъ зѣбры, и волкъ, съ веревкою на шеѣ, перескочивши чрезъ высокій заборъ, убѣжалъ въ лѣсъ. Въ поговю за нимъ пустили гончихъ собакъ, но напрасно. Тогда Кулаковскій съ сыномъ и стрѣлкомъ отирались на мѣсто, гдѣ привязанъ былъ волкъ, посмотреть, какъ прошли пули.

Амбаръ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого столба. Они искали признаковъ, гдѣ ударились пули, наконецъ съ великимъ удивленіемъ замѣтили въ стѣнѣ, что онѣ прошли навывлетъ. Панъ Кулаковскій приказалъ подать ключи, отворяютъ амбаръ — новое удивленіе!

— Что здѣсь такъ мокро? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

Идутъ далѣе, смотрятъ — увы, несчастье! Въ амбарѣ стояла большая бочка вина; отъ пераго выстрѣла пуля пробила середину ея, вторая просверлила еще ее ниже и вино залило весь амбаръ.

Кулаковскій, огорченный этимъ, долго не говорилъ ничего о своей охотничей славѣ. Старый стрѣлокъ смѣялся, что волкъ убѣжалъ въ лѣсъ и что панъ самъ себя слѣлалъ столько вреда; Янъ сталъ сомнѣваться въ большомъ значеніи отца своего между охотниками. Старый панъ записалъ въ календарѣ настоящій случай, какъ несчастный, и поклялся ничего не принимать въ этотъ день, даже не выходить вькуда изъ дома.

Настала зима, снѣжная и суровая. Много волковъ попадало въ ямы, нарочно для нихъ выкопанныя; несмотря на все это, они стадами показывались подъ самую ограду господскаго дома и у сельскихъ плетней. Дерзость ихъ достигла однажды до того, что они ворвались во дворъ пана Кулаковскаго и въ глазахъ его растерзали двухъ большихъ собакъ. Онъ приказалъ построить огромныя сани и поручилъ сыну Яну пригласить сосѣдей на охоту съ поросенкомъ. На другой день послѣ Срътенія съѣхалось къ нему шестнадцать охотниковъ изъ околотка. Сани слѣланы были съ скамейками, на которыхъ можно было удобно сидѣть; сзади безопасное мѣсто для стрѣлка, который долженъ былъ прилавливать поросенка, чтобы онъ визгомъ своимъ приманивалъ волковъ; сверхъ того привязали къ санямъ на длинной веревкѣ, тянущейся по землѣ, связку гороховой соломы, чтобы она шорохомъ своимъ обманывала лакомаго звѣря, какъ будто бы сама была вкуснымъ кускомъ, за которымъ онъ гнался. Всѣ усѣлись въ сани, запряженные четверкою хорошихъ лошадей изъ конюшня Кулаковскаго. Каждый, кромѣ двуствольнаго ружья, запасся еще парю пистолетовъ; сверхъ того, по совѣту стараго стрѣлка, взяли въ сани, про-запасъ, еще нѣсколько штукъ заряженныхъ ружей. Съ радостными криками и счастливою надеждою весело пустилась въ путь дружина охотниковъ, выпивши не мало вина изъ башмака госпожи Кулаковской на прощанье и за здоровье хозяевъ. Панъ Кулаковскій благословилъ охотниковъ, перекрестилъ ихъ, а сыну далъ свой завѣтный штуцеръ.

Живо тронулись лошади; скрипъ снѣга подъ тяжелыми санями и прерывистый визгъ поросенка оглашали поѣздку этой

радостной вооруженной ватаги. Кулаковский съ женою, вышедъ за ворота, проводил ихъ глазами, потомъ, возвратясь, приказали приготовить отличный ужинъ.

Чѣмъ ближе подѣзжали къ лѣсу, тѣмъ постепенно прекращался шумный вначалѣ разговоръ и вмѣсто его овладало всѣмъ любопытство скорѣе увидѣть дикаго звѣря; къ этому присоединялось и нѣсколько страха, потому что опытный стрѣлокъ рассказывалъ печальныя повѣсти, которыя заставляли всѣхъ немольно призадуматься. Содержаніемъ ихъ была собственно смерть охотниковъ, отправившихся съ такою же, какъ и они, приманкою на волковъ.

Тому будетъ, говорилъ старый стрѣлокъ, лѣтъ съ десятокъ; мы, какъ теперь, собрались разъ на волка. Запрягли тройку сильныхъ лошадей, насъ сѣло самъ-десять въ сани. Но какъ показалась только наша ватага, на насъ тѣма-тѣмущая волковъ какъ пустится... такъ, повѣрьте честному слову, мы безъ выстрѣла, едва едва успѣли убраться по-любру, по-здорову.

— Трусъ! воскликнулъ Янъ, стоявшій подлѣ стараго стрѣлка, одиннадцать человѣкъ и бояться!

Стрѣлокъ, вмѣсто отвѣта, придавилъ сильнѣе поросенка, который протяжно завизжалъ, потомъ оборотясь къ Яну, сказалъ:

— Дурная примѣта, поросенокъ завизжалъ протяжнымъ голосомъ!

— Что жъ изъ этого? спросили съ улыбкою нѣсколько охотниковъ, сѣдѣвшихъ на скамьяхъ.

— Да, такъ было, продолжалъ далѣе старый стрѣлокъ, когда волки, сѣли 16 охотниковъ, а вотъ самъ одинъ своей душою, только и спасся.

При этихъ словахъ, или вѣтеръ подулъ холоднѣе, или, можетъ быть, какое-то внутреннее волненіе овладѣло нашими охотниками, только всѣхъ морозъ пробралъ по кожѣ.

— Вздоръ мелецъ, старикъ! сказалъ смѣлый Янъ, для этого нужно, по-крайней-мѣрѣ, 100 волковъ.

— Ихъ было гораздо больше, отвѣчалъ спокойно стрѣлокъ. Спасибо гвѣдкѣ, овъ меня живьемъ вынесъ, и то ему, бѣднягѣ, волки чуть хвостъ не оторвали. Такіе пострѣлы!

— Да, да! смѣйтесь, господа, на здоровье, а что правда, то правда! Вотъ какъ стою передъ вами! Назадъ тому будетъ около 15 или 20 лѣтъ, я уже хорошо не припомню; память-то

маленько того — пождѣла... Вотъ мы и отправились такимъ же образомъ, какъ и теперь, съ поросенкомъ, примѣрно. Я былъ еще молодъ и въ первинку собравшись на такую охоту, думалъ, что-де-молъ мнѣ волки! Эка невдаля! Намъ и чортъ не-братъ, и того не испугаемся... Вишь насъ сколько! чего трусить? Однакожъ вышло иначе: всѣхъ косточки волки развесели по свѣту! Умерли безъ погребенія! А сколько осталось вдовъ и сиротъ!

Во время этого разсказа небо покрылось свѣжными тучами, веселость исчезла въ охотничьемъ кружкѣ, самъ Янъ нѣсколько призадумался и всѣ обратили глаза на стараго стрѣлка, невольно чувствуя его превосходство.

— Какъ же это было? спросили нѣсколько голосовъ вмѣстѣ. Стрѣлокъ не сказалъ ни слова, поднялся со скамьи, посмотрѣлъ кругомъ. Мѣлкій, но частый снѣгъ не позволялъ различать вдали ничего. Вдругъ старикъ отвернулся, какъ бы отвѣчая на вопросъ: «Какъ было, такъ и будетъ,» сказалъ онъ угрюмо и указалъ пальцемъ въ туманную даль. Среди свѣжной метели охотники не могли сначала ничего различить.

— Что тебѣ показалось, старикъ? Вотъ, снѣгъ на полѣ растаялъ; это чернѣетъ земля! сказалъ Янъ, продолжая всматриваться сильнѣе.

— Видите ли вы это поле? говорилъ стрѣлокъ; это не поле, а страшная тьма волковъ; стадо, какъ поле, огромное. Они уже почуяли добычу. По лошадямъ! по лошадямъ! не-то, всѣ погибнемъ!

— Стрѣлять! отозвались нѣкоторые, у насъ столько людей и оружія!

— Тихе! закричалъ съ гнѣвомъ стрѣлокъ; присѣсть на скамьяхъ, ружья имѣть на-готовѣ, но не стрѣлять!

Стрѣлять! стрѣлять! кричите, что жъ изъ этого будетъ? Убьемъ 5, или 20, а 100 бросятся на насъ и растерзаютъ!

И всѣ, послѣ грозныхъ словъ стараго стрѣлка, присѣли на скамьяхъ; лошади, какъ бы чувствуя опасность, летѣли, едва дотрогиваясь до земли.

— Если успѣемъ добраться на отпертый дворъ, тогда мы спасены. Считайте теперь, господа, волковъ, вамъ что-то захотѣлось стрѣлять ихъ!

Янъ снова посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда угрожала опасность. Что показывалось издали, среди свѣжной метели, ку-

скомъ поля, дѣйствительно было огромное стадо бурыхъ волковъ: они неслись въ густой массѣ, только нѣсколько изъ нихъ выбѣжали впередъ. Когда стало болѣе смеркаться, глаза свирѣныхъ, голодныхъ волковъ засверкали, какъ свѣчи, въ безчисленномъ множествѣ.

Янъ усѣлся на одной скамьѣ съ стрѣлкомъ, который тихо сказалъ ему:

— Этого волка, что вы видите впереди, убить нетрудно; но тотъ развѣ рѣшится выстрѣлить, кто хочетъ, чтобы кости его остались безъ погребенія и пошли на ужинъ волкамъ и воронамъ.

— Почему такъ? спросилъ Янъ.

— Это волчица! Здѣсь онъ пересталъ говорить, какъ будто все объяснилъ достаточно. Потомъ вдругъ при поворотѣ на лицѣ его показалась смертная блѣдность, губы посинѣли. По лошадямъ! ради Бога, по лошадямъ! закричалъ онъ. Потомъ досталъ охотничій ножъ, сдвинулъ сильно рыло поросенку и закололъ его сразу; не было слышно ни малѣйшаго визга. Онъ подвинулся со скамьи и видя, что уже близко широкая дорога, ведущая въ село, обсаженная липами, которыхъ только сухія вѣтви качались по обѣимъ сторонамъ, перекрестился, схватилъ за ноги окровавленнаго поросенка и съ-размаху далеко выбросилъ его изъ саней.

Волчица, бѣгущая впереди, остановилась, схватила добычу и начала ее рвать; набѣжало еще волковъ, но снѣжная метель не позволяла разсмотрѣть, какъ они дѣлались между собою своей лакомой находкой.

Устрашенные охотники дрожали отъ холода, а еще болѣе отъ страха неизбѣжной смерти. Они уставили глаза въ лицо стараго стрѣлка, желая прочесть на немъ спасеніе или гибель. Кучеръ тихо сказалъ:

— Уже видно въ селѣ колокольню!

Тогда стрѣлокъ всталъ, осмотрѣлъ двустволку; потомъ закричалъ:

— Ну! господа, еще для васъ не пробилъ послѣдній часъ; но держитесь крѣпче: кто выпадетъ изъ саней, того оставимъ на сѣденье волкамъ, хотя бы это былъ мой родной братъ! Теперь Сенюшка-голубчикъ живѣй! крикнулъ на кучера, валай—до-падали! когда не унесетъ Господь, тому тутъ и погостъ!

Кучеръ ударилъ сильно по лошадямъ; отличные рысаки вы-

тянулись и едва только животомъ дотрогиваясь земли, неслись, какъ на соколиныхъ крыльяхъ. Вѣтеръ доносилъ лай собакъ изъ деревни, гдѣ свѣтились огоньки, сквозь маленькія окопечки хатъ; уstraшенные охотники приняли ихъ за пылающіе глаза бѣшеныхъ волковъ.

Стрѣлокъ стоялъ, держась крѣпко въ саяхъ, взвелъ курокъ двустволки и закричалъ:

— Господа! кто хочетъ, пусть обернется ко мнѣ! огня! вмѣстѣ!

Земля затресалась отъ выстрѣловъ; потомъ послышался жалобный вой волковъ.

— Еще огня! кричалъ стрѣлокъ и такъ разъ за разомъ гремѣли выстрѣлы, которыхъ эхомъ было страшное завываніе остервенѣвшихъ волковъ.

— Уже были близко сельскихъ плетней, но преслѣдующее стадо волковъ ни на минуту не остановилось. Собаки со всей деревни, однѣ на крышахъ хлѣбовъ и амбаровъ, другія въ избахъ, жалобно выли; смѣлѣйшія изъ нихъ, которыя показались на улицѣ, въ глазахъ охотниковъ были растерзаны въ куски. Сани летѣли черезъ деревню, гремя выстрѣлами.

Панъ Кулаковскій съ женою, сѣдя у теплаго камна, приняли сначала все это за свистъ и вой бури, но вскорѣ разслышали, что это были выстрѣлы. Почтенная хозяйка стала плакать; Кулаковскій схватилъ ружье и съ слугами выбѣжалъ на крыльцо. Сани съ охотниками влетѣли на дворъ, откуда такъ радостно выѣзжали. Всѣ выскакали изъ нихъ, что есть мочи, бѣгутъ на крыльцо, спѣшатъ въ домъ, — панъ Кулаковскій, испугавшись, вмѣстѣ съ ними дрожитъ отъ страха. Тотчасъ закрыли ставни, стадо бѣшеныхъ волковъ наполнило весь дворъ. Кучеръ Семенъ былъ такъ разсторопецъ и имѣлъ столько присутствія духа, что успѣлъ обрѣзать постромки и увелъ лошадей въ конюшню; самъ по лѣстницѣ взобрался на крышу дома. — Въ одну минуту было растерзано около двадцати большихъ собакъ, дворовыхъ, гончихъ, лагавыхъ, борзыхъ и мордашекъ. Охотники и домашніе, разбѣгившіеся въ окнахъ, поражали волковъ постояннымъ огнемъ. Панъ Кулаковскій едва успѣвалъ заряжать и подносить ружья, ободрялъ всѣхъ и жаловался, что ему самому не откуда стрѣлять. Почти два часа продолжалась баталія. — Луна разлѣсвила темаоту; небо заблестало звѣздами и снова возвратилось

спокойствіе въ это семейство. Разложили большой огонь въ каминѣ, клеили бумагою разбитыя стекла въ окнахъ. Кулаковскій приказалъ подавать ужинъ и пригласилъ стараго стрѣла, которому всё обязаны были спасеніемъ. Янъ, выпивши за его здоровье, просилъ объяснить, для чего онъ такъ напугалъ его, и не велѣлъ стрѣлять въ волчицу.

— О, да! тогда волки впади бы въ величайшее бѣшенство. И въ то время, когда я самъ изъ шестнадцати охотниковъ однакъ только уцѣлѣлъ, молодой баринъ, не слушая совѣта опытнаго охотника, убилъ сперва волчицу и это было причиною, что уже нельзя было ускользнуть отъ ярости остальныхъ волковъ. Защищались, правда, храбро; да недолго. Преслѣдуемый безпрестанно, я летѣлъ на лошади, что было мочи, и два раза долженъ былъ повернуть возлѣ вывороченныхъ саней. Ужъ отъ лошадей бѣлѣлись однѣ только кости, а охотники все еще защищались; когда лошадь моя принуждена была снова поворотиться, лежало только оружіе, а отъ людей я не замѣтилъ уже ничего, даже костей. Я закрылъ лицо руками, схватился за гриву моего гнѣдко, слушая только ужасный вой разсвирѣпѣвшихъ волковъ и прысканье своей лошади. Открывши глаза, я былъ уже въ деревнѣ и волки не гнались за мною далѣе.

— Откуда же ты досталъ себѣ такую лошадь, которая спасла тебя одного? спросилъ панъ Кулаковскій.

— Лошадь эта была господина, у котораго я служилъ; она шла осѣдланная при саняхъ. Когда стало показываться множество волковъ, съдой стрѣлокъ посоветовалъ, чтобъ кто нибудь изъ насъ сѣлъ на нее и далъ знать о бѣдѣ въ село и во дворъ для спасенія; онъ предвидѣлъ тогда, что случится. Но никто не рѣшился; всякій считалъ себя безопаснѣе въ саняхъ. Тогда я усѣлся и всё проѣхал мнѣ отходную. Но едва только успѣлъ я отѣхать нѣсколько сажень, какъ лошадь, увидѣвши стадо волковъ, поворотила назадъ. Но, Боже мой! лошади запутались въ глубокомъ рву, сани перевернулись! все пропало! два раза я смотрѣлъ на ужаснѣйшую смерть столькихъ людей и теперь не разъ они грезятся мнѣ во снѣ. Мы потомъ старались найти хотя кости, чтобы предать ихъ честному погребенію! гдѣтамъ! и слѣда-то не осталось! Грустно было смотрѣть, какъ молодыя вдовы завывали похоронную по мужьямъ и отцамъ семейства.

Панъ Кулаковскій посадилъ стрѣлка подлѣ себя, и когда по-немногу развеселились гости, сталъ рассказывать о пользѣ огнива противъ волковъ.

— Когда я ѣхалъ разъ съ своимъ пріятелемъ, семь волковъ заступили намъ дорогу. Я уже хотѣлъ стрѣлять, но онъ удержалъ меня, вышелъ изъ саней, отдалъ мнѣ возжи, а самъ, заткнувши за поясъ топоръ, перекрестился и пошелъ свободно впереди лошадей, высѣкая постоянно огонь изъ кремня.

Волки, заступившіе намъ дорогу, разбѣжались по сторонамъ. Тогда мы снова усѣлись въ сани и пустились галопомъ; но уже были внѣ всякой опасности; я обернулся назадъ и двумя выстрѣлами положилъ четырехъ волковъ.

— Вы, должно быть, замѣтилъ стрѣлокъ, тогда лучше пріцѣливались, чѣмъ на того, помните, что съ веревкою?

Кулаковскій подавилъ ему тихо ногу, чтобъ онъ замолчалъ и подалъ бокалъ вина.

Наконечъ настала часть отдыха. Усталые охотники спали на соломѣ, какъ послѣ бани. Панъ Кулаковскій вскочилъ чуть-свѣтъ. Онъ едва не плакалъ о потерѣ столькихъ любимыхъ имъ собакъ; но вскорѣ успокоился и даже обрадовался, видя множество убитыхъ волковъ, — счетомъ ихъ оказалось болѣе сотни.

Долго онъ совѣтовался съ поваромъ, потомъ далъ старому стрѣлку охотничій рожекъ, богато обдѣланный въ серебро, а четверемъ домашнимъ роговья и поставилъ ихъ въ передней.

Охотники уже встали; обнесли водку, и Кулаковскій пригласилъ всѣхъ на завтракъ.

На первомъ блюдѣ поданъ былъ большой кусокъ жаркого, съ лукомъ; и когда стали пробовать его, въ передней загремѣли охотничьи трубы. Панъ Кулаковскій бросилъ на столъ волчій хвостъ, въ знакъ того, что это жаркое было изъ волка.

Въ память же счастливаго возвращенія единственнаго сына Яна изъ такой опасной экспедиціи, онъ приказалъ украсить конскую сбрую зубами 20 убитыхъ волковъ и подарилъ ее ему въ день его именинъ.

СОВРЕМЕННОЕ.

I. ЛИТЕРАТУРА: Новѣйшіе англійскіе романисты. *Вильямъ Вильки-Коллинсъ и его произведенія*. II. ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА: *Вокальная музыка во Франціи*, въ первой половинѣ IX вѣка. III. НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: *Разумъ у животныхъ*. Любопытные рассказы изъ ихъ жизни. (Изъ новѣйшихъ изданій Бродериса и Томсона).—*Нѣчто о производствѣ стеариновыхъ свѣчъ*. — Бумага для письма и рисованія изъ хлопчатой бумаги. — Приготовленіе писчей бумаги въ Англии. — Растеніе *Юта*. IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И ОЧЕРКИ ПРАВОВЪ: Брусса (*Статья Виконта де-Бомона*).—*Хаджи Насръ-эль-Диве*. (*Арибское преданіе*). V. АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, И НОВОСТИ: *Соломонъ Де-Ко*, сумазбродъ. (*Недавно найденное письмо Маріоны де Лормъ*).—*Роковой дубъ*. (*Курляндское преданіе*). VI. МЕЛКІЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ: *Купеческое сердце*. (*Разсказъ Чарльса Диккенса*).—*Дѣвичій замокъ*. (*The Meyden Castle*). (*Съ англійскаго*).

I. ЛИТЕРАТУРА.

НОВѢЙШІЕ АНГЛІЙСКІЕ РОМАНИСТЫ.

ВИЛЬЯМЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНСЪ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Должно отдать справедливость англійской школѣ живописи, о которой съ такимъ пренебреженіемъ говорятъ многіе судьи по этой части, что начиная со второй половины прошлаго столѣтія, она произвела многихъ художниковъ, замѣчательныхъ и по таланту и по добросовѣстности своихъ трудовъ. Отрицать это можетъ только тотъ, кто не читалъ біографіи Констебеля, Стотарда, Рейнольдса, Лауренса, Вильки и др. Особенно драгоцѣнныя извѣстія объ англійской живописи и о Вильки въ-особенности, находимъ мы въ новомъ сочиненіи

молодаго романиста Вильяма Вильки Колливса «Life of William Collins.»

Тѣсная дружба соединила Колливса и Вильки отъ самой школьной скамьи. У обоихъ были одни намѣренія, одни планы, одно честолюбіе; оба одинаково пользовались покровительствомъ и любовью къ искусству англійской аристократіи. Когда въ 1824 г. у Вильяма Колливса родился сынъ, Вильки крестилъ его, оттого-то этотъ писатель носить вмѣстѣ два столь славныя имени. Если Вильки пользовался большою популярностью, такъ это потому, что его родъ живописи находилъ болѣе сочувствія; Вильки, какъ и Вальтеръ Стоттъ, изучалъ природу одушевленную, онъ передавалъ полотно нравы и дѣйствія людей. Колливсъ же былъ болѣе поэтъ, пейзажистъ. На его картинахъ живыя существа играютъ второстепенную роль, тутъ восхищаемся моремъ, одѣтымъ въ утренній туманъ, рядомъ приморскихъ скалъ, или блестящею отмелью. Если же иногда увидишь рыбаковъ, возвращающихся домой, сгибаясь подъ тяжелыми неводами, молодую рыбаку, высматривающую парусъ своего отца, или мужа, группу дѣтей; рѣзвящихся у порога хижины, то эти фигуры служатъ болѣе для дополненія эффекта, для вѣкотораго оживленія картины, можетъ быть, для болѣе точнаго опредѣленія мѣстности или времени изображенныхъ на картинѣ. Это, такъ сказать, комментаріи на текстъ, который однако можетъ быть понять и безъ нихъ. У Вильки, напротивъ, лица и вообще живыя существа занимаютъ первое мѣсто, все прочее служитъ только декораціею, драпировкою. Потому-то картины Вильки всегда находили болѣе любителей, выше цѣвившихъ сцены изъ простой жизни, такъ вѣрно и отчетливо переланные имъ въ его: *День платежа за квартиру*, *«Жмуркахъ»* *«Слѣпому скрипачу»* и др., нежели поэтическіе пейзажи Колливса, которые только недавно стали находить справедливую оцѣнку, но были въ пренебреженіи въ свое время.

Колливсъ, какъ природный англичанинъ, всегда пользовался и долго еще будетъ пользоваться уваженіемъ знатоковъ. Его сынъ, по всей справедливости, можетъ съ гордостью упомянуть въ біографіи своего отца о продажѣ его картинъ, которыя покупались гораздо дороже, нежели за нихъ платили прежніе меценаты живописи, Жоржъ Бмонъ, Томасъ Хэкотъ,

Самуилъ Роджерсъ, и др. Гораздо ранѣе назначенія Коллинса академикомъ (въ Февралѣ 1820 г.) его картины продавались за 100, 140 и 150 фунтовъ стерлинговъ (1 фунтъ стерл. или гинея слишкомъ 6 р.). Позже онѣ еще болѣе поднялись въ цѣнѣ и продавались по 250, 300 и 400 фунтовъ, а иногда даже и выше. Такъ Робертъ Пиль за его картину *A Frostscene* (зима) далъ 500 гиней. Эти высокія цѣны доказываютъ, что все-таки были люди, вполне понявшіе талантъ Коллинса и достоинство его картинъ.

Говоря о Вильки Коллинсѣ, нельзя не упомянуть объ отцѣ его, потому что первый трудъ этого писателя была біографія его отца, изъ которой въ то же время можно почерпнуть многія свѣдѣнія и о первоначальномъ развитіи таланта этого даровитаго писателя; потому, занимаясь Вильки Коллинсомъ, не будетъ лишнимъ познакомиться съ его біографіею.

Вильки Коллинсу, родившемуся въ 1824 г., было только 12 лѣтъ, когда его отецъ, увлеченный примѣромъ Вильки и желаніемъ развить и усовершенствовать свой талантъ, отправился въ Италію, со всею своимъ семействомъ. Они были въ Женевѣ, Пизѣ, Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ. Это путешествіе развило въ молодомъ крестникѣ Вильки страсть къ бродячей жизни артиста. Увлекаясь этими воспоминаніями, онъ въ біографіи отца иногда упоминаетъ о своихъ тогдашнихъ впечатлѣніяхъ; все восхищало его, живописность мѣстъ и костюмовъ, беспрестанныя перемѣны окружающихъ лицъ и частыя приключенія въ дорогѣ. Вильки не забывалъ своего крестника, и въ своихъ письмахъ изъ Англіи, среди разсужденій объ италіанской живописи, часто упоминалъ о молодыхъ джентльменахъ, называя такъ дѣтей своего друга. Вообще это путешествіе имѣло сильное вліяніе на развитіе воображенія и умственныхъ способностей молодого Вильки Коллинса. Изучая на мѣстѣ классическій міръ, живопись и скульптуру подъ руководствомъ такого артиста, каковъ былъ его отецъ, Вильки Коллинсъ не могъ не сохранить глубокаго впечатлѣнія отъ этого путешествія и оно вполне выразилось въ его первомъ произведеніи; пылкое воображеніе перенесло его за 14 вѣковъ, въ страну, гдѣ растутъ оливы и воскресило давно минувшія событія въ его романѣ *«Анто-*

нина, или паденіе Рима», надъ которымъ онъ написалъ эпитафію изъ трагедіи Скудери «Аларидъ»:

Могущественный Римъ сталъ мертвая обитель:
Римлянинъ нынѣ рабъ, а Готъ его властитель.

Этотъ романъ напоминаетъ отчасти «Мучениковъ» Шатобриана, отчасти романъ Бульвера «Послѣдній день Помпей» (The last days of Pompei), но составилъ блестящій дебютъ молодому романисту и предсказалъ его успѣхи въ будущемъ.

Въ одинъ изъ сѣрыхъ осеннихъ дней, на берегу небольшого озера, которыя встрѣчаются иногда на вершинахъ Альпъ, у входа въ пещеру стояла женщина, нетерпѣливо обращая взоры къ горизонту, гдѣ разстилались италянскія провинціи Римской имперіи. Недалеко отъ нея, на кучѣ вѣтвей и листьевъ, лежалъ изуродованный, взранный ребенокъ, едва согрѣваемый тощимъ огнемъ, съ трескомъ перебѣгавшимъ по сырому хворосту.

Черты лица, одежда матери и сына обнаруживаютъ ихъ германское происхожденіе. Они еще недавно были заложниками у Римлянъ въ обезпеченіе договора съ Готами и жили въ Аквилеѣ. Мужъ женщины и отецъ ребенка служилъ даже въ легіонахъ Императора. Но возгорѣлась война и Императоръ, забывъ честь и святую обязанность хранить договоръ, предалъ ярости своихъ воиновъ всѣхъ заложниковъ въ Аквилеѣ и всѣхъ служившихъ у него германцевъ. Одна Голевинта успѣла спастись какимъ-то чудомъ, унося уже пораженнаго и облитаго кровью сына своего. Переноса съ энергіею своего племени и съ твердостью материнской любви всѣ лишешія бѣгства, она успѣла достигнуть этого неприступнаго мѣста, и жлетъ здѣсь или смерти, или появленія Готовъ, въ рядахъ которыхъ стоитъ и братъ ея Германрикъ, единственная подпора несчастной вдовы и сироты. Если армія Аларика опоздаетъ еще днемъ, то мать и сынъ погибнутъ съ голода, не отмстивъ полнымъ убійцамъ. Желаніе мести наполняетъ все существо Голевинты, она забыла все остальное и горитъ только мщеніемъ ненавистному Риму.

Но время проходитъ, наступаетъ ночь. Голевинта, потерявъ уже надежду на приходъ Готовъ и на свое спасеніе, въ отчаяніи хватаетъ своего полумертвлаго сына и бросается къ

озеру, въ холодныхъ волнахъ котораго она рѣшается прекратитъ свою жизнь..... какъ вдругъ до ея слуха доходить отдаленный, слабый звукъ, который останавливаетъ ее и заставляетъ быстро забиться ея сердце. Ея чуткое ухо узнаетъ звуки трубы. Это Готы. Въ ближайшемъ лѣсу, до того времени безмолвномъ, замѣтно уже какое-то движеніе, и скоро изъ него выходитъ передовая цѣпь воиновъ, они разсыпаются во всѣ стороны, осматриваютъ каждый кустъ, каждый камень, и скоро замѣчаютъ знаки Голевинты. По ея желанію ее приводятъ къ Германрику. Юный вождь съ затаенною яростью выслушиваетъ разсказъ о коварной измѣнѣ Римлянъ, и грозитъ имъ страшнымъ мщеніемъ за убійство своихъ родныхъ и единоплеменниковъ; между тѣмъ поручаетъ своего израненнаго племянника старой Сибиллѣ, она старается поддержать его жизнь разными приговорами и травами, но все напрасно, блѣдный ребенокъ умираетъ. Безъ слезъ приняла мать еще теплый трупъ своего сына, смерть котораго еще болѣе раздуваетъ въ ней пламя мести. Аларикъ общается своимъ воинамъ отлать на грабежъ великую столицу міра и теперь ни что не можетъ удержать толпы варваровъ, они какъ бѣшенный потокъ, прорвавшій плотину, быстро стремятся къ Риму.

За эту, столь величественною, поэтическою и полною драматизма картиною, слѣдуетъ другая, совершенно ей противоположная. Авторъ переноситъ читателя въ Равенну, въ то время еще омываемую волнами Адриатическаго моря. Сюда удалился лѣнивый и безнечный Гонорій, оставивъ Римъ напроизволь судьбы. На галлерей дворца толпятся алчные придворные, честолюбивые философы, наивные поэты, оборванные артисты. Недалеко отъ нихъ сидитъ блѣдный молодой челоуѣкъ, самаго жалкаго вида. Это Гонорій, тѣнь прежнихъ великихъ властителей Рима, занимающійся любимымъ своимъ дѣломъ, кормленіемъ птицъ. Окруженный курами и цѣлыми семьями цыплятъ, онъ щедро сыплетъ имъ зерна на мраморный помостъ галлерей. Между тѣмъ въ другомъ концѣ дворца, въ большой пріемной залѣ, придворныя красавицы собрались около Ветраніо, могущественнаго сенатора, только-что пріѣхавшаго изъ Рима съ какимъ-то извѣстіемъ къ Императору. Но не это извѣстіе такъ занимаетъ дамъ. Имъ хочется удержать въ Равеннѣ Ветраніо, богатаго, знатнаго и вмѣстѣ съ

тѣмъ прекраснаго мужчину, который обладаетъ всѣми качествами философа, оратора, поэта, музыканта, скульптора и въ добавокъ самаго тонкаго гастронома. Послѣ всего этого понятно, какъ бы пріятно было для всего двора, если бы Ветраніо согласился остаться въ Равеннѣ. Но онъ непоколебимъ и только насмѣшливою улыбкою отвѣчаетъ на ихъ опасенія, чтобы Готы не пришли къ Риму. Онъ занятъ мыслью о созданіи статуи Минервы и съ радостью готовъ принять за модель одну изъ бѣлокуроухъ германскихъ дѣвъ, прославившихся какъ своею строгою нравственностью, такъ и величественною, спокойною красотою.

Это ревностное служеніе богинѣ мудрости не помѣшало однако Ветраніо завести интригу. (Вильки Коллансъ самъ употребилъ это слово, хотя и несовсѣмъ кстати для V вѣка). Недалеко отъ его дворца живетъ христіанинъ Нумерій, который въ негодованіи на всеобщее развращеніе нравовъ и соблазны въ самой церкви, оставилъ мръ и ведетъ самую строгую аскетическую жизнь, принуждая къ ней и свою дочь Антонину. Но пылкая, поэтическая душа Антонины съ трудомъ подчиняется суровымъ правиламъ Нумерія. И вотъ однажды она слышитъ чудные звуки лютни. Душа ея проснулась, какъ-будто найдя то, чего давно искала; притягиваемая волшебною музыкою, она, тихонько отъ отца, приходитъ къ дворцу сенатора. Ветраніо видитъ ее и пораженъ ея чудною, еще неполнѣй развившеюся красотою; но всѣ его старанія тронуть ея сердце остаются напрасными. Она не обращаетъ вниманія на его сладкія, льстивыя слова; болѣе равнодушно, нежели съ негодованіемъ отклоняетъ его ласки. Но когда Ветраніо беретъ свою лютню и своею игрою уноситъ воображеніе молодой дѣвы въ заоблачныя страны поэзіи, тогда онъ снова подчиняетъ ее своему вліянію, которое тотчасъ же исчезаетъ при первыхъ словахъ любви. Это странное, неразгаданное созданіе сильно заинтересовало Ветраніо и зазвало многія струны его сердца, которыя такъ упорно молчали, несмотря на всѣ старанія любезныхъ патриціянокъ, окружавшихъ его при дворѣ.

Всякій, хотя немного знакомый съ обыкновенною формою авглійскихъ романовъ, догадается, что эти два эпизода служатъ исходною точкою всего романа; что эта двойная завязка послужитъ поводомъ ко многимъ столкновеніямъ обстоятельствъ и наконецъ приведетъ къ общей развязкѣ.

Ветранио для достиженія своей цѣли усиѣлъ посредствомъ одного жреца, притворившагося христіаниномъ и вкрадшагося въ доверенность Нумерія, внушить послѣднему подозрѣніе насчетъ чистоты Антонины, и тотъ, подчиняясь вліянію своего мнимаго едновѣрца въ минуту негодованія прогоняетъ свою невинную дочь. Агенты Ветранио преслѣдуютъ ее; ей приказываютъ оставить Римъ, гдѣ она искала убѣжище, и безпріютная дѣвушка выходитъ изъ города и попадаетъ въ руки Готовъ, подступившихъ къ Риму. Какимъ-то чудомъ сохранивъ свою невинность и жизнь, она доходитъ до Гермаврика. Онъ тронутъ ея молодостью и красотою, и, уже чувствуя зарождавшуюся въ немъ любовь, рѣшается спасти ее отъ кровавой мести своей сестры, которая усиѣла исторгнуть у него обѣщаніе не пощадить перваго Римскаго плѣнника. Но это нарушеніе клятвы стоитъ ему дорого. Голевинта открываетъ тайное убѣжище молодой христіанки и въ одну бурную ночь застаетъ тамъ Гермаврика тихо нашептывавшимъ Антонинѣ слова любви и поражаетъ своего брата. Въ то время являются Гунны, посланные Аларикомъ взять Гермаврика живымъ или мертвымъ и доканчиваютъ его.

Послѣ многихъ драматическихъ и нѣсколько неправдоподобныхъ происшествій, Антонина опять попадаетъ въ Римъ, находитъ тамъ своего отца, узнавшаго ея невинность и переноситъ вмѣстѣ со всѣми гражданами всѣ ужасы голода, причиняемаго блокадою города. Терпя страшную нужду и видя своего отца почти умирающимъ, Антонина рѣшается однажды выйти, чтобы вскаты какихъ либо средствъ существованія. Послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ она случайно заходитъ во дворецъ Ветранио. Извѣженный Римлянинъ готовился съ толпою гостей погибнуть, подобно Сарданпалу среди бѣшеной оргіи, но внезапный приходъ Антонины переѣнилъ его намѣренія. Онъ рѣшается жить, чтобы владѣть ею. Новая гроза собирается надъ головою молодой дѣвушки. Между тѣмъ Голевинта, помня причину смерти Гермаврика, рѣшается во что бы то ни стало найти свою плѣницу и отмстить ей. Переодѣтая, она приходитъ въ Римъ, въ свитѣ пословъ Аларика, прибывшихъ сюда съ мирными предложеніями и начинаетъ свои преслѣдованія за Антониною. Нумерій скрывается съ своею дочерью въ одномъ изъ повинутыхъ языческихъ храмовъ и находитъ тамъ вѣчно слѣдящую за ними Голевинту и того

жреца, который такъ подло оклеветалъ Антонину. Тутъ разыгрываются послѣднія сцены романа, которыя однако занимаютъ цѣлыя полтома. Оказывается, что этотъ фанатическій жрецъ, готовый принести въ жертву богамъ невинную Антонину, братъ Нумерія, о которомъ онъ давно уже не имѣлъ извѣстій. Голевинта поражаетъ Антонину, но рана была несмертельна, и дѣвушка выздоравливаетъ. Голевинта же погибаетъ въ объятіяхъ какого-то бронзоваго дракона адской машины, скрытой въ подземельяхъ храма.

«Антонина» первый опытъ молодаго романиста, обратилъ всеобщее вниманіе при своемъ появленіи. Романъ этотъ, написанный со всѣмъ жаромъ юношескихъ лѣтъ, наполненъ многими наивностями, которыя не выдутъ изъ-подъ пера опытнаго писателя; при нѣкоторой несвязности представляетъ много прелестныхъ подробностей, послѣднихъ явный отпечатокъ таланта Вильки Коллинса. Хотя старый жрецъ нѣсколько напоминаетъ звонаря Квазимодо изъ Notre Dame de Paris, но для многихъ англійскихъ читателей, незнакомыхъ съ твореніями Виктора Гюго, это лицо можетъ быть интереснымъ по своей новизнѣ. Любители классицизма, прочитавъ этотъ романъ, оставутся довольны точностью и вѣрностью исторической стороны его. Онъ удовлетворяетъ также и строгой нравственности степенныхъ читателейъ, сохранивъ невинность героини, избѣгшей сѣтей Ветраніо и опасной любви Германрика. Вообще выгодное впечатлѣніе, произведенное этимъ романомъ Вильки Коллинса, защититъ его отъ строгой критики. Такая удача, всеобщее одобреніе могли увлечь молодаго писателя. Вообразивъ, что онъ призванъ воскресить историческій романъ, онъ пошелъ бы по ложному пути и потерпѣлъ бы многія неудачи. Хотя бы подобный роль сочиненій и соответствовалъ современному настроенію общества, но онъ требуетъ всегда болѣе зрѣлости и опытности и не допускаетъ преобладанія драматическаго элемента, какъ у Вильки Коллинса. Для возбужденія интереса въ читателѣ, историческій романъ долженъ представлять не борьбу страстей, а состояніе и отношеніе разныхъ классовъ общества въ извѣстную эпоху. Можно допустить нѣкоторый драматизмъ только для оживленія разсказа, для того, чтобы послѣдній не представлялъ простаго набора матеріаловъ, но всякое увлеченіе воображенія писателя произведетъ избытокъ этого элемента и удалитъ его отъ цѣли. Весь романъ путается и представляетъ разнохарактер-

ную наружность, подобно злавию, сооружаемому по разнымъ планамъ и свидѣтельствующему о непостоянствѣ человѣческой природы.

Въ предисловіи къ своему второму роману Вильки Коллинсъ признается, что онъ долго колебался при выборѣ его содержанія между предметомъ взятымъ изъ исторіи и рассказомъ о ежедневной жизни общества, не стараясь проникнуть его намѣреній и не разгадывая, что бы вышло, еслибы онъ занялся исторіею. Нельзя не одобрить его выбора. Его второе произведеніе до сихъ поръ пользуется большимъ успѣхомъ.

Его «*Базиль*» простой и трогательный рассказъ; за исключеніемъ нѣкоторыхъ лишнихъ подробностей и утомительныхъ сценокъ, онъ составляетъ если не образцовое произведеніе, то по-крайней-мѣрѣ очень удачный очеркъ нравовъ, подходящій нѣсколько къ «*Жанъ Эйръ*» (*Jane Eyre*) и «*Мари Бартонъ*» (*Mary Barton*) и носить вмѣстѣ съ тѣмъ отпечатокъ лучшаго и положительнаго воспитанія и лучше отражаетъ направленія своего вѣка и страны. Остановимся и разовьемъ эту мысль. Мысль Бронте и мистриссъ Гаскель, (*miss Bronte, mistress Gaskell*), романы которыхъ мы выше упомянули, писательницы талантливыя, но произведенія ихъ носятъ слишкомъ глубокій отпечатокъ ихъ происхожденія и воспитанія. Въ нихъ нѣтъ того мирнаго, тихаго безпристрастія, которымъ иногда даже слишкомъ отличается совершенная наблюдательность; въ нихъ слишкомъ рѣзко говорится въ пользу протестантовъ и требуется преобразованія общества. Совершенно другой духъ у Вильки Коллинса. Его взглядъ на вещи видѣнъ повсюду, а невысказывается съ важностью въ какихъ-нибудь великолѣпныхъ фразахъ. Вездѣ проглядываютъ свободныя мысли, его ненависть къ лицемерію, къ тщеславнымъ предразсудкамъ, и къ страшному корыстолюбію, которымъ отличается современная Англія. Онъ ненавидитъ однообразнаго напѣва и мелочныя требованія ложнаго пуританизма, и допуская еще дворянское тщеславіе, какъ поводъ къ благотворительнымъ дѣламъ, онъ немилосердно смѣется надъ нимъ, когда оно высказывается въ пустыхъ претензіяхъ. Съ необыкновенною ироніею и презрѣніемъ говорить онъ о денежной аристократіи, его корыстолюбивомъ эгоизмѣ и ухваткахъ то дерзко нахальныхъ, то низкопоклонныхъ, о его пренебреженіи ко всему поэтическому и духовному въ жизни человѣческой. Все это онъ выражаетъ просто, какъ

выражалъ бы и всякій сильно чувствующій человѣкъ, нѣсколько не впадая въ проповѣдываніе, потому, что онъ говоритъ по убѣжденію, отъ полноты сердца. Его постоянно веселое расположеніе духа, его снисходительная пронія, его сарказмы безъ горечи вполне обнаруживаютъ эту счастливую натуру человѣка развитаго, человѣка успѣвшаго изучить людей, не возненавидѣвъ всего рода человѣческаго и допускающаго бѣдному человѣчеству двѣ привязанности: любовь прекраснаго и любовь истиннаго.

Съ такимъ настроеніемъ Вильки Коллиансъ выбралъ въ героя своего новаго романа человѣка изъ высшей аристократіи, столь мало доступной обыкновеннымъ писателямъ, но которая по разнымъ связямъ его отца была хорошо знакома молодому романисту. Базиль происходитъ отъ древней, аристократической фамиліи; отецъ его, гордясь своимъ происхожденіемъ, помнитъ, какія обязанности и права даетъ оно. У него самыя фанатическія понятія о чести, деликатность его доведена до самой мелкой утонченности. Выше всего онъ ставитъ происхожденіе, такъ сказать, по роду, расу, а не званіе. Пусть королева дѣлаетъ кого хочетъ перами, но онъ никогда не признаетъ своими равными этихъ выскочекъ счастья. Еслибы случилось, что въ одинъ и тотъ же день пришли къ его обѣду подобный выскочка и какой нибудь бѣдный учитель иностраннаго зыка, изгнанный изъ своего отечества, но гдѣ его фамилія вписана въ древнѣйшія лѣтописи, то почетное мѣсто и честь вести къ столу хозяйку дома достались бы послѣднему, какъ благороднѣйшему, а не богатѣйшему; вновь созданный лордъ, хоть владѣй онъ миліонами, долженъ будетъ опустить флагъ передъ пустымъ кошелькомъ и древними грамотами бѣдняги въ истертыхъ платьѣхъ.

Этотъ напыщенный вельможа даже въ дѣтяхъ своихъ уважаетъ родъ, къ которому онъ имѣетъ честь принадлежать, — обращается съ ними съ нѣкоторымъ почтеніемъ и вѣжливостью. Потерявъ свою жену, предметъ его рыцарскаго вниманія, онъ занимается теперь дочерью и надѣется, что его дѣти, видя такое уваженіе къ себѣ, поймутъ свое собственное достоинство. Всякая ложь ихъ считается величайшимъ преступленіемъ, самая простительная шалость, которую плебей едва бы замѣтилъ въ своемъ сынѣ, становится важнымъ проступкомъ, потому что дѣти его должны избѣгать пятна на своемъ гербѣ.

Но не всякій можетъ имѣть такое глубокое уваженіе къ геральдическимъ отличіямъ. Старшій братъ Базилъ, вышедши изъ университета, гдѣ онъ надѣлалъ множество долговъ и которые всѣ безпрепятственно были уплачены его отцемъ, скоро завелъ интригу съ дочерью одного изъ своихъ арендаторовъ. Отецъ находить это унизительнымъ для своего имени и приказываетъ Ральфу оставить Англію. Ральфъ ѣдетъ на материкъ Европы, гдѣ къ нему привьются еще многіе недостатки, которые не разъ будутъ мучить патриотизмъ этого Брута во фракѣ. Скрывая родительскую скорбь, гордый аристократъ остался только съ Базилемъ и Кларою, нѣжно любившими другъ-друга.

Судьба особенно благоволила къ Базилю, онъ казался вполне счастливымъ. — Всѣ пути къ славѣ и почестямъ были ему открыты. Желалъ ли онъ вступитъ въ духовное или военное званіе, или завѣяться дѣлами высшей администраціи, или надѣть мантию адвоката, или засѣдать въ парламентѣ; вездѣ ожидали его успѣхи и отличія. Базилъ выбралъ карьеру адвоката, не потому чтобы юридическія науки его занимали, не думая вовсе ни о большихъ денежныхъ выгодахъ этого званія, ни о развитіи дара слова, столь важнаго и необходимаго для государственнаго человѣка въ Англій, но только потому, что эта должность оставляла ему много свободнаго времени, котораго ему было нужно для созданія своего перваго историческаго романа. Собравъ на континентѣ всѣ нужные для того матеріалы, онъ возвращается въ Англію въ надеждѣ блестящаго успѣха, который заставилъ бы его отца смотрѣть снисходительнѣе на литературныя занятія. Здѣсь авторъ «Базилъ» замѣтно сливаетъ свою собственную личность съ личностью героя романа.

Съ самаго начала уже видѣнъ характеръ Базилъ и его блестящій, но поверхностный и неглубокій умъ, замѣтно пылкое воображеніе, а также душевная слабость, преклоняющаяся предъ болѣе твердою волею, его неспособность бороться съ препятствіями. Базилъ самъ рассказываетъ свою жизнь, и потому было бы неестественно, еслибы онъ такъ строго разбиралъ свои недостатки, какъ этого можно ожидать отъ третьяго лица.

При прежнихъ понятіяхъ о романѣ никто и не подумалъ бы основать весь интересъ на какой-нибудь встрѣчѣ въ ли-

лижансь молодого человекъ съ дѣвушкою, смазливое личико которой заставило впервые зашевелиться его сердце. Со всѣмъ другое допускается теперь, когда всякій считаетъ правомъ печатать мелкія обстоятельства своей жизни и думать возбудить интересъ, выставляя свой пустой характеръ и волненія своихъ страстей.

Базиль, прельщенный роскошною красотою незнакомки, ея цвѣтущею юностью, ея чуднымъ взглядомъ, стыдливимъ и въ то же время общающимъ столько блаженства, забылъ все на свѣтѣ и бросился за нею. Мгновенное размышленіе остановило его, но недолго боролся онъ съ увлеченіемъ развивающейся страсти и вполнѣ предался ей. Ему удалось снова увидѣть свою незнакомку на балковѣ; онъ рѣшается на ложь, чтобы узнать ея имя; наконецъ, подкупивъ служанку, усиливаетъ говорить съ предметомъ своихъ желаній. Молодая дѣвушка, изумленная и нѣсколько испуганная, отвѣчала ему однако безъ презрѣнія и гнѣва и не подала ему повода ни надѣяться, ни отчаяваться. Первый шагъ сдѣланъ. Базиль выманиваетъ второе тайное свиданіе, общая тотчасъ же проситъ руки своей возлюбленной у ея родителей. Но какъ объяснить имъ свое внезапное предложеніе. Проведя восемь дней въ лихорадочномъ состояніи, онъ наконецъ рѣшается, и, не сказавъ ничего ни отцу, ни сестрѣ, отправляется просить руки миссъ Маргариты, единственной дочери богатаго негоціанта Шервина, изумленного этимъ предложеніемъ.

Какъ человекъ положительный, онъ начинаетъ длинныя переговоры съ пылкимъ юношею. Базиль, какъ ни ослѣпленъ своею страстью, понимаетъ и даетъ понять своему будущему тестю, что не должно затрогивать предрасудки вѣхъ общества и необходимо совершить бракъ тайно. Тогда опытный торговецъ, соглашаясь на это предложеніе, требуетъ соблюденіе всѣхъ формальностей и полного обезпеченія противъ нарушеній такого союза. Пользуясь преимуществомъ своей опытности и жаромъ юноши, онъ диктуетъ ему свои условія. Бракъ будетъ совершенъ тотчасъ же, но Базиль долженъ дать слово не требовать своихъ супружескихъ правъ въ теченіе цѣлаго года. Въ продолженіе этого времени онъ можетъ посѣщать ихъ домъ въ качествѣ гостя и иногда только въ отсутствіи постороннихъ пользоваться нѣкоторыми правами жениха.

Вилки Коллинсъ приводитъ множество случаевъ, обнаруживающихъ нравственныя мученія, переносимыя Базилемъ и почти добровольно имъ на себя наложенныя. Сколько неприятныхъ объясненій съ отцемъ и сестрою, которыя напрасно добиваются причины, непонятной переменѣны происшедшей въ Базилѣ. Сколько ударовъ его первой и довѣрчивой любви отъ холоднаго эгоизма г. Шервина.

Скоро стало закрадываться въ его душу нѣкоторое сомнѣніе. Его идеаль, эта дѣвушка, для которой онъ пожертвовалъ своею блестящею будущностью, иногда казалась ему вовсе не такъ совершенною и возвышенною, какою она являлась ему въ лучезарныхъ мечтахъ; мало-по-малу онъ началъ разочаровываться въ своихъ прежнихъ иллюзіяхъ. Скоро послѣ свадьбы Базиля, Шервинъ представилъ ему своего перваго прикащика, Манніона, только-что возвратившагося съ материка, куда онъ ѣздилъ по дѣламъ и порученіямъ своего хозяина.

Послѣ нѣсколькихъ словъ Базиль по проникательности пріобрѣтенной имъ въ высшемъ кругу, увидѣлъ въ г. Манніонѣ не только отличнаго дѣловаго человѣка, но и настоящаго джентльмена, со всѣми качествами свѣтскаго человѣка, замѣтилъ его необыкновенный тактъ, знаніе приличій, его способность владѣть собою, кстаті промолчать и также кстаті подать свое мнѣніе. Но какимъ образомъ подобный человѣкъ попалъ въ службу грубаго Шервина? что заставило его занимать такую низкую, темную должность, откуда онъ взялся? кто его знаетъ? Настоящее ли его имя Манніонъ? Некому было отвѣтить на эти вопросы. Шервинъ по рекомендаціи благонадежнаго человѣка принялъ Манніона въ должность перваго прикащика, обѣщавъ не собирать никакихъ свѣдѣній о немъ. Скоро усердіе и умъ этого человѣка доставили ему полное довѣріе хозяина. Манніонъ съ необыкновенною точностью исполнялъ всѣ порученія, велъ жизнь уединенную, часто доказывалъ свою непоколебимую честность и даже взялся безвозмездно воспитывать дочь своего патрона. Шервину больше ничего не было нужно. Онъ былъ вполне доволенъ своимъ прикащикомъ.

Озабоченный сперва тайнственностью, окружавшею это новое лицо, Базиль понемногу начиналъ привыкать къ его холоднымъ, но приличнымъ манерамъ и даже чувствовать къ

нему нѣкоторое довѣріе. Манніонъ, которому открыты всѣ семейныя тайны, былъ всегда готовъ оказать услугу Базилю. Между тѣмъ столкновенія между Шервинымъ и его зятемъ не прекращаются; первый старается пріобрѣсть болѣе вліянія надъ Базилемъ, тотъ же всячески ждетъ случая сбросить съ себя эту несносную тиранию. Манніонъ видитъ эти постоянныя неудовольствія между тестемъ и зятемъ, и предлагаетъ однажды послѣднему употребить въ дѣло, конечно, невидимыми путями нѣкоторыя вліянія, которыя онъ имѣетъ на своего хозяина. Базиль не совсѣмъ охотно соглашается на это. Скоро представился Манніону случай доказать свою силу. Онъ успѣваетъ склонить Шервина согласиться на просьбу, въ которой онъ долго отказывалъ своему зятю и теперь Базиль дѣлается обязаннымъ человѣку, внушавшему ему какое то предубѣжденіе, а можетъ быть и ревность.

Долго тянется для Базиля годъ испытанія, много терпитъ онъ непріятностей, много переноситъ горя и уже начинаетъ отчаиваться въ счастья, котораго онъ ожидалъ отъ прекрасной Маргариты, хотя скоро она будетъ вполне принадлежать ему. Неровность ея характера и безрестаннныя капризы часто мучатъ Базиля. То она цолна нѣжности и страсти, то нестерпимо холодна, то какъ-бы стыдится своего мужа, то старается избѣгать его. Чтобы не возбудить подозрѣній въ отцѣ и не потерять привязанности своей сестры, Базиль соглашается на ихъ просьбы, ѣхать съ ними хотя на нѣсколько дней въ одинъ изъ древнихъ замковъ ихъ фамиліи. Возвратившись къ своей женѣ, Базиль находитъ ее блѣдною и перемѣнившешюся. Она объясняетъ это грустью разлуки, но остается попрежнему холодною съ нимъ. Манніонъ тоже какъ-будто много страдалъ въ его отсутствіе, онъ изнуренъ чѣмъ-то и избѣгаетъ взглядовъ Базиля. Гроза собирается надъ головами этихъ трехъ лицъ.

Между тѣмъ годъ приходитъ къ концу. Еще день и Базиль наконецъ достигнетъ своего счастья, въ надеждѣ котораго онъ ожидалъ такъ много. Тихое уединеніе жлетъ молодыхъ. Они должны провести медовый мѣсяцъ вдали отъ городскаго шума. Базиль, въ ожиданіи будущаго счастья и блаженства, забываетъ всѣ прежнія страданія. Но судьба выбрала именно эту мивуту, чтобы поразить его бѣдное сердце и разомъ сокрушить всѣ его надежды.

Онъ былъ жертвою низкой пизѣны, не случайной, но предуготовленной в вѣдѣнную уже давно. Она должна была разразиться тогда, когда безчестіе Базиліа могло уже пасть и на его фамилію. Маргарита служила только орудіемъ твердой воли, господствовавшей надъ нею и исполнѣ воспользовавшейя своимъ вліяніемъ. Манніонъ, сдѣлавъ ее своею любовницею незадолго до того, какъ она должна была принадлежать Базилію, удовлетворялъ тѣмъ своему чувству мести. Онъ уже давно прельстился красотою Маргариты, хотя и видѣлъ всѣ ея недостатки, и такъ хорошо звалъ ее, что исполнѣ надѣясь на свое вліяніе, онъ не боялся соединиться съ нею узамъ брака. Эта послѣдняя надежда его исчезавшей уже молодости, послѣдній расчетъ его честолюбія, претерпѣвшаго много ударовъ, были почти уже приведены въ исполненіе, какъ вдругъ все было уничтожено неожиданнымъ предложеніемъ Базиліа, пробудившимъ внезапное честолюбіе въ сердцѣ молодой дѣвушки. Возвратившись въ Англію, Манніонъ, который постоянно мечталъ объ исполненіи своихъ плановъ, находить замужемъ вѣтривую и честолюбивую Маргариту, на слова которой онъ вполнѣ полагался. Но не это одно возбудило въ немъ чувство мести къ своему счастливому сопернику. Это чувство было наследственное ко всей фамиліи Базиліа. Однажды жизнь и честь отца Манніона находились по волѣ судьбы въ рукахъ отца Базиліа и суровый лордъ, не допуская чувства состраданія, не смягчилъ жестокости закона и не пощадилъ челоуѣка, которому онъ могъ спасти жизнь. Отцовскій позоръ палъ и на его жену и сына. Послѣдній, лишившись скоро и матери, долго боролся съ несправедливыми прелразсудками, лишавшими его возможности возбудить въ комъ либо чувства состраданія и желаніе помочь. Естественно, что онъ съ негодованіемъ отвергъ помощь, предложенную ему виновникомъ его несчастій какъ доказательства своего безпристрастія. Сперва онъ думалъ побѣдить всѣ поставляемыя ему преграды энергіею, силою воли и способностями, но отъ излишняго напряженія онъ скоро былъ не въ силахъ продолжать борьбу. Всюду отвергнутый, униженный, онъ долженъ былъ оставить свое опозоренное имя, перейти въ другую сферу и составить тамъ карьеру своими трудами.

Вотъ причина страшной ненависти Манніона, вотъ что заставило его такъ безжалостно поступить съ бѣднымъ Базилемъ,

который сначала ничего не подозревая, наконецъ узнаеть страшную интригу. Лихорадочная ярость овладѣваетъ всѣмъ его существомъ, долго не можетъ онъ вникнуть во весь ужасъ этой взмѣны, и первая ясная мысль его — была мысль о мести. Выйдя изъ дому, куда онъ незамѣтно слѣдовалъ за Манниономъ и его любовницею, онъ останавливается въ темной улицѣ и отсылаетъ наемную карету, въ которой пріѣхали преступники. Глубокая тишина царствуетъ около него.

«Среди этой тишины, «говорить Базиль» я вдругъ слышу «тихий, но твердый голосъ. «Когда этотъ человекъ выйдетъ, «я убью его!» Я говорилъ безсознательно, затаенная мысль «шевелила мои губы. Я не колебался, не думалъ ни о себѣ, «ни о ней. Сердце не могло уже болѣе страдать; въ немъ «была смерть. Моя мысль принадлежала одной смерти.

«Въ ту минуту, когда я ждалъ, что они выйдутъ, чтобы во «время возвратиться домой, я слышу тяжелую и правильную «походку ночного сторожа совершавшаго свой обходъ. При «входѣ въ узкій переулочекъ онъ остановился, зѣвнулъ, потя- «нулся и началъ свистать... Неужели Маннионъ застанеть «его здѣсь?... При этой мысли кровь застывала въ моихъ жи- «лавахъ. Къ счастью сторожъ пересталъ свистать, осмотрѣлъ «ближайшую къ себѣ дверь, потомъ другую, и проворчалъ «хриплымъ голосомъ, «здѣсь уже я все осмотрѣлъ, пойдемъ въ «другую улицу.» И повернувъ назадъ, онъ началъ удаляться, «глаза мои ни на одну секунду не спускались съ ужаснаго «дома... Все было тихо. Человекъ, жизнь котораго была мнѣ «нужна, не появлялся.

«Какъ мнѣ помнится, прошло минутъ десять и дверь отвори- «лась... Я услышалъ голоса Манниона и лакея, который уча- «ствуя въ интригѣ, доставилъ мнѣ случай войти въ этотъ «домъ. Берегитесь, говорилъ онъ, теперь не совѣмъ безопасно «на улицахъ. Маннионъ не понималъ настоящаго смысла этихъ «словъ, и успокаивалъ свою подругу, приписывая это предо- «стереженіе желанію получить лишнюю награду. «Богъ съ «вами!» отвѣчалъ лакей, очень много думаютъ о вашихъ «деньгахъ, да и о васъ самихъ... и сильно хлопнувъ дверью, «ушелъ. Маннионъ остался на произволъ судьбы.

«Послѣ минутной тишины, я слышу, что Маннионъ говоритъ «своей соумышленницѣ, что онъ пойдетъ за каретою, которая «должна быть близко и чтобы она между тѣмъ запер-

«ла наружную дверь и ожидала его. Онъ вошелъ въ улицу. «Тишина окружала насъ. Ничего не было слышно, кромѣ его шаговъ. Никто не могъ видѣть нашей будущей борьбы и по-смѣшать ей. Онъ былъ въ моихъ рукахъ. Смерть приближа-лась къ нему вѣстѣ со мной.

«Онъ окинулъ взглядомъ всю улицу, ища свой экипажъ; не «находя его, онъ быстро повернулся, чтобы воротиться на-«задъ. Мы встрѣтились лицомъ къ лицу. Не давъ ему сказать «ни слова, ни хорошенько разглядѣть меня, я схватилъ его за «горло.

«Онъ былъ выше и плотнѣе меня и боролся какъ человекъ «сповявшій, что дѣло идетъ о его жизни, но я не выпустилъ «его ни на секунду; зато ему удалось увлечь меня въ переу-«локъ, шаговъ на десять отъ улицы. Я чувствовалъ на моемъ «лбу его ускоренное дыханіе—признакъ скорого удушья. Онъ «съ яростью бросался изъ стороны въ сторону и подымая «свои сжатые кулаки, старался ударить меня въ голову и оглу-«шить; но я держалъ его вытянувъ руки и не давалъ ему со-«браться съ силами. Подвигаясь впередъ, я скоро почувство-«валъ подъ ногами мелкій камень. Въ переулкѣ поправляли «мостовую и былъ разсыпанъ щебень. Жажда крови, достиг-«шая до высшей степени, внушила мнѣ страшное намѣреніе. «Я схватилъ его одною рукою за затылокъ, другую за воротъ «и изо всѣхъ силъ бросилъ лицомъ внизъ на острый ка-«мень. Онъ остался недвижимъ, можетъ быть мертвымъ, но я «желая упитъся его кровью, нагнулся, чтобы снова приподнять «его и бросить на камни, чтобы кромѣ жизни отнять у него «и самую форму человѣческую. Въ это время посреди безмол-«вія ночи я услышалъ какъ дверь отеля отворилась... Я оста-«вилъ тѣло моего соперника, и безсознательно бросился туда.

«На ступеняхъ лѣстницы этого проклятаго жилища, гдѣ бы-«ла схоронена моя честь, я увидѣлъ женщину, которая предъ «лицемъ Бога и его проповѣдника приняла мое имя и клялась «мнѣ въ вѣрности.

«При видѣ ея, меня проняла дрожь стыда и отчаянія, страш-«ная боль сердца разомъ уняла мою ярость. Я какъ бы оч-«нулся отъ страшнаго сновидѣнія и тотчасъ же впалъ въ ка-«кое-то безпамятство. Мои мысли смѣшались. Я хотѣлъ что-«то сказать, но никакъ не могъ вырвать ни одного слова изъ «моей груди. Безмолвно и безъ слезъ, я подошелъ къ ней,

«взялъ ее за руку и потащилъ далѣе отъ этого поворота дома. Совершенно машинально влекъ я ее за собою, занятый смутною мыслью не отпускать ее ни на шагъ отъ себя, пока «не выскажу ей всего, что было на моемъ сердцѣ и что до «сихъ поръ не хотѣлъ произнести мой языкъ. Что это было «именно, я не могу объяснить себѣ теперь.»

«Какая-то мольба слышалась изъ ея усть, но когда наши «глаза встрѣчались, эта мольба была заглушаема продолжительнымъ, глухимъ стономъ. Она была мертвенно блѣдна, лице «ее было неподвижно, глаза блестѣли страшнымъ блескомъ безумія, угрызеніе совѣсти и страхъ совершенно преобразили ее. Она была отвратительно страшна.»

«Я тащилъ ее по направленію къ скверу (Sg'vare), вдругъ «мысль о группѣ, который я оставилъ въ переулкѣ, остановила «меня. Моя прежняя энергія, поддерживаемая яростью, уже «пропала при видѣ этой жевщины. Я начиналъ уже терять «силы и нетвердо держался на ногахъ. Ея прерывистое дыханіе, «лихорадочный стукъ зубовъ и умоляющій шопотъ, «вызванный страхомъ заставляли меня самого трястись послѣ «всѣхъ этихъ потрясеній. Мои пальцы, сжимавшіе ея руку, «дрожали. Потъ катился градомъ. Боясь упасть, я схватился «за рѣшетку, близъ которой мы проходили. Въ это самое мгновѣніе «она вырвалась изъ моей руки какъ отъ слабаго ребенка «и, испустивъ слабый крикъ, бросилась къ другому концу улицы.»

«Повинуясь какому-то инстинктивному желанію остановить ее, «я, шатаясь какъ пьяный, послѣдовалъ за нею. Но скоро уже «я не могъ достигъ ее; она скрывалась изъ виду. Я продолжалъ «идти все прямо предъ собою, самъ не зная куда, «терявъ всякое понятіе о времени и пространствѣ. То я кружилъ «около одного и того же мѣста, то бросался все прямо, «прямо. Мнѣ все казалось, что она только-что прошла передо мною, «что я ступаю по ея слѣдамъ, что она только-что «вырвалась изъ моихъ рукъ. Не знаю, въ какой улицѣ я наткнулся «на двухъ ночныхъ гулякъ, они остановились, обернулись и глядѣли мнѣ въ слѣдъ. Одинъ, принявъ меня за пьянаго, «началъ смѣяться, другой убѣждалъ его перестать, говоря, «что онъ видѣлъ мое лице при свѣтѣ фонаря, и что я не пьянъ, «а помѣшанъ!»....

Базила находятъ безъ чувствъ въ какой-то улицѣ и прино-

сать въ домъ его отца. Ни отецъ, ни Клара изъ безсвязныхъ словъ, произносимыхъ Базилемъ въ лихорадочномъ бреду, не могутъ никакъ понять, что съ нимъ было. Дѣлая тысячу предположеній, они ждутъ его выздоровленія, чтобы добиться должнаго объясненія. Происходитъ страшная сцена, когда блѣдный больной, едва оправившійся отъ своей лихорадки, собирается съ силами и признается во всемъ отцу, умоляя его сжаляться надъ нимъ. Но аристократическая гордость не можетъ вынести этого удара. Заглушивъ чувства отца, гордый лордъ не можетъ простить своему сыну его скрытное поведение и постыдное родство. Дрожа и блѣдный отъ гнѣва, онъ встаетъ, беретъ съ полки своей библіотеки книгу всегѣ болѣе нмъ уважаемую, послѣ библіи, — герольдическую книгу своей фамиліи, каждая страница которой посвящена кому-нибудь изъ членовъ рода, представляя его имя, изображеніе и краткую біографію.

Страница, предназначенная для Базиля, уже украшена его мнѣиатурнымъ портретомъ и носить число и день его рожденія. На остальномъ мѣстѣ должна быть помѣщена его біографія.

« Если я признаю васъ моимъ сыномъ » говоритъ его отецъ, если я допущу васъ остаться подъ одною кровлею съ моею дочерью, то я долженъ буду вписать сюда ваше безче-
« стіе и безславіе, которое въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ не
« оскверняло этихъ страницъ. Пятно, наложенное на васъ ва-
« щимъ недостойнымъ бракомъ и послѣдовавшими обстоятель-
« ствами, вписанное сюда моею рукою, падетъ и на весь благо-
« родный родъ нашихъ брѣлковъ и на всѣ послѣдующія поко-
« лѣнія. Этого невозможно допустить. Я васъ не хочу болѣе
« звать и смотрю на васъ какъ на своего личнаго врага и на
« врага моего рода. Назвать васъ моимъ сыномъ было бы свя-
« тотатствомъ и оскорбленіемъ для моего рода и для моихъ
« дѣтей, для Клары и даже для Рольфа. . . . Вы навсегда поте-
« ряли ваше мѣсто въ этихъ почтенныхъ лѣтописяхъ. Дай Богъ,
« чтобы я могъ также забыть прошлое, какъ я уничтожаю эту
« страницу! »

Вырванный листъ падаетъ къ ногамъ Базиля, совершенно уничтоженнаго этимъ страшнымъ проклятіемъ. Затѣмъ отецъ его, съ высокомерною холодною, подаетъ ему листъ бумаги, предлагая написать денежныя условія, подъ которыми онъ согласится отказаться отъ своего имени и обречь себя на вѣч-

ное изгнаніе, самъ онъ заравѣ на все согласенъ. Но тутъ несчастный Базиль въ самомъ избыткѣ горя находитъ довольно силъ, чтобы отвергнуть это новое униженіе. Это неповиновеніе приводитъ въ бѣшенство отца, онъ оскорбляетъ, грозитъ сыну. Въ это время Клара, которую нѣжное участіе къ брату привлекло къ дверямъ комнаты, побѣдивъ свою робость и уваженіе къ власти отца, входитъ въ комнату. Ея опущенные глаза, блѣдность, тихій, дрожащій голосъ ясно доказываютъ, что она все слышала. Отецъ приказываетъ ей удалиться, но она въ первый разъ въ жизни не повинуется его голосу, и обращаясь къ отцу и брату, молитъ ихъ именемъ жены и матери прекратить и забыть это дѣло. Но все напрасно. Базиль оставляетъ навсегда родительскій кровъ.

Изъ уваженія къ таланту г. Вильки Коллинса, мы не будемъ распространяться о развязкѣ его романа, такъ вѣрно и искусно до сихъ поръ веденнаго. Она напоминаетъ намъ многія дюжинныя произведенія и недостойна даровитаго писателя. Расскажемъ ее только въ нѣсколькихъ словахъ. Манніонъ, изуродованный въ борьбѣ съ Базилемъ, питаетъ къ нему еще болѣшую ненависть, и выйдя изъ больницы, гдѣ его лечили, объясняетъ Базилю причины своей ненависти, объявляя ему очень любезно, войну до самой своей смерти. Маргарита, воротившаяся къ отцу, думала сперва по его совѣту оправдываться предъ Базилемъ и выставивъ себя жертвою черныхъ интригъ, и подтверждая свою невинность, требовать хирургическихъ правъ. Казалось бы, Манніону слѣдовало поддерживать ее планъ.

Напротивъ, онъ заставляетъ ее оставить домъ отца и жить съ нимъ. Но Маргарита прожила не долго, она заразилась какою-то болѣзною въ госпиталѣ, гдѣ жила по волѣ Манніона и умираетъ. Великодушный Базиль, забывъ прошлое, прибѣгаетъ къ ней и принимаетъ послѣдній вздохъ ея. Манніонъ, слѣдя за нимъ также невидимо, присутствуетъ при этомъ. Даже на ея могилѣ Базиль встрѣчаетъ этого человѣка, слѣдящаго за всякимъ его шагомъ, подобно грозному привидѣнію. Эти преслѣдованія пугаютъ слабый умъ и воображеніе молодого человѣка. Онъ, по обѣщанію, данному отцу и даже по совѣту Клары, рѣшается оставить Лондонъ, скрывъ свои слѣды отъ Манніона, но Манніонъ не выпускаетъ его изъ виду, слѣдуетъ за нимъ и безпрестанно напоминаетъ о своемъ страшномъ присутствіи. Базиль не вынесъ бы этихъ

преслѣдованій, если бы провидѣніе не избавило его отъ нихъ. Манніонъ находитъ смерть и конецъ своей ненависти на днѣ пропасти, по краю которой онъ слѣдовалъ въ одно туманное утро за своимъ Базилемъ. Базиль переживаетъ всѣхъ и по смерти отца даже возвращается въ свой домъ, но разбитый и измученный перенесенными имъ несчастіями и преслѣдованіями судьбы. Какъ молодое деревцо, пригнутое снѣгомъ къ землѣ, не можетъ уже выпрямиться, такъ и онъ на всю жизнь сохраняетъ свои горкія воспоминанія, безвыходную грусть, униженный видъ и любовь къ уединенію.

Повидимому мы менѣе думали выставить достоинство этого романа г. Вильки Коллинса, нежели отыскать его недостатки. Это совершенно безнамѣренная несправедливость объяснится сама-собою, если мы короче познакомимся съ характеромъ достоинства и недостатковъ этого романа. Недостатки заключаются въ самомъ ходѣ, развитіи всего романа, что необходимо было изложить, чтобы познакомить читателя съ этимъ произведеніемъ. Главныя же достоинства заключаются въ самой формѣ изложенія, въ тѣхъ блестящихъ и свѣжихъ краскахъ, которыми переданы эти событія. Эти-то краски невозможно было передать въ такомъ краткомъ обзорѣ. Также нельзя было намъ скрыть всѣ мелодраматическія несообразности окончательной развязки. Удивительная логичность и связь въ изложеніи и развитіи событій, всѣ мельчайшіе эпизоды и подробности особенно хороши въ этомъ романѣ. Характеры удивительно вѣрны. Отецъ Базиля есть прекраснѣйшій типъ человѣка высшаго класса, многія похвальныя качества котораго иногда кажутся пороками; въ иныхъ мѣстахъ даже проглядываетъ насмѣшка надъ этимъ классомъ. Торговый людъ, надутый своимъ богатствомъ, иногда безчестно пріобрѣтеннымъ, раболѣпный предъ аристократіею, которой онъ завидуетъ, наменный съ подчиненными, и ко всѣмъ случаямъ и отношеніямъ жизни примѣняющій свою привычку расчитывать, — имѣетъ прекраснаго представителя въ лицѣ г. Шервина отца Маргариты. За нимъ, какъ-бы для того, чтобы еще ярче выставить всѣ свойства этого человѣка, стоитъ блѣдная личность его жены, совершенно уничтожающейся предъ волею своего мужа, и несчастной матери, которая должна безмолвно видѣть, какъ готовится и совершается безчестіе ея дочери. — Уничтожаясь подъ адскимъ вліяніемъ Манніона, она не смѣетъ открыть его

замысловъ и старается только разными путями возбудить въ Базилѣ подозрѣніе и тѣмъ хотя нѣсколько предостеречь его. Только одна близкая смерть можетъ заставитьъ ее говорить, освобождая отъ ига, которое положила на нее судьба. Очень эффектная сцена, когда этотъ блѣдный остовъ, поднимаясь со смертнаго одра, обвиняетъ свою дочь, какъ участницу въ интригѣ.

На второмъ планѣ романа стоитъ Ральфъ, личность очень хорошо повятая и переданная. Послѣ буйной молодости, проведенной на континентѣ, Ральфъ возвращается въ Англiю, совершенно преобразовавшись. Одна ловкая кокетка, французженка, хотя несовсѣмъ молодая, но съ очень твердою волею, взялась передѣлать его и скоро создала изъ Ральфа самаго послушнаго супруга. Онъ не отстаетъ отъ жены, какъ дрессированная левретка, не смѣетъ опоздать къ обѣду, отказывается себѣ во многомъ, для того, чтобы увеличить средства своей жены и даже въ случаѣ нужды—о! великая жертва!—аккомпанируетъ на скрипкѣ своей супругѣ и повелительницѣ, когда она играетъ на фортепіанахъ. Доброта сердца, еще университетская горячность, британская веселость, незаглушенная парижскою жизнью, выкупаютъ смѣшныя стороны этой личности и вмѣсто карикатуры представляютъ субъектъ очень часто встрѣчаемый.

Изъ всего этого можно достаточно судить о достоинствахъ «Базилы».

Г. Вильки Коллинсъ сдѣлалъ бы большую ошибку, еслибы послѣ всеобщаго одобренія знатоковъ и большей части читателей, которые, можетъ быть и не читали его «Анговины», вообще послѣ громаднаго успѣха своего «Базилы», снова обратился бы къ историческому роману. Его третій романъ (Hide and Seek) взятъ также изъ современной жизни. Нельзя ставить это новое произведеніе на одну ступень съ «Базилемъ», потому что хотя въ немъ и виднѣнъ талантъ рассказчика и наблюдателя, но утомительная разтянутость отнимаетъ у него много интереса. Обольщенная дѣвушка покидаетъ родительскій кровъ, чтобы слѣдовать за своимъ любовникомъ, но онъ скоро оставляетъ ее, и она, умирая, поручаетъ свое дитя какой-то труппѣ комедіантовъ. Сирота эта попадаетъ къ одному честному артисту, который, не желая разстаться съ своею пріемною дочерью, старается скрывать по-возможности всѣ слѣды ея происхожденія.

Какой-то американецъ, прѣхавшій изъ Калифорніи, случайно проникаетъ тайну ея рожденія и по разнымъ неожиданнымъ обстоятельствамъ открываетъ всѣ подробности этой тайны и наконецъ узнаетъ въ этой молодой дѣвушкѣ свою племянницу, дочь своей сестры. Данныя самыя пустыя, интрига избитая, и потому лишенная почти всякаго интереса. Странно, что г. Вильки Коллинсъ увлекся этимъ сюжетомъ; удивительно, что онъ не задалъ себѣ вопросъ, могутъ ли подобныя положенія дѣствующихъ лицъ возбудить любопытство читателей. Онъ могъ понять, что располагая съ такою свободою совершенно случайныя обстоятельства, которыя открыли тайну рожденія молодой дѣвушки, тайну сперва представленную имъ совершенно непроницаемою, онъ тѣмъ отнимаетъ у главнаго дѣйствующаго лица, дяди изъ С. Франциско, все достоинство, которое онъ могъ получить въ глазахъ читателя своею провидательностію. Довольно оригинально было бы ввести въ среду образованнаго общества этого полундѣйца, огрубѣвшаго отъ постоянной жизни въ лѣсу, и теперь употребляющаго свою ловкость на разъясненіе тайны, вмѣсто преслѣдованій бизона или лоси: но тогда автору пришлось бы приписывать этой личности честь открытія малѣйшаго слѣда этой тайны. Мы вполне сознаемъ трудность выполненія задачи такъ, какъ мы ее предлагаемъ, но были случаи, что исполнялись еще труднѣйшія задачи, да притомъ нельзя отклониться отъ выполненія условій, которыя приняли на себя совершенно свободный выборъ того или другаго содержанія.

Несмотря на все это, этотъ романъ г. Вильки Коллинсъ лучше многихъ современныхъ романовъ, если не по своему содержанію, нѣсколько избитому и худо развитому, то по особенному искусству изложенія и по превосходному описанію характеровъ.

Одна личность Валентина Блейта (Valentin Blyte), живописца воспитавшаго Мари Грайсъ (Mari Grice) бѣдную сироту, одна эта личность можетъ выкупить многіе недостатки романа. Г. Вильки Коллинсъ, воспитанный въ мастерской своего отца и знакомый со всѣми классами живописцевъ, богатыхъ и бѣдныхъ, могъ превосходно изобразить этотъ типъ посредственныхъ живописцевъ, которыхъ такое огромное число и на которыхъ иногда такъ сильно клеветаютъ; живописцевъ, проводящихъ счастливую жизнь въ темной неизвѣстности, среди меч-

таній о славѣ, и только своимъ добродушіемъ и великодушіемъ выкупающихъ свое ничтожество. Валентинъ Блейтъ, сынъ богатаго негодіанта, отказался отъ своего богатства для гордой независимости, и для блестящей будущности, о которой онъ мечталъ. Онъ предпочелъ мастерскую магазину и предпочелъ бы всѣмъ лучшимъ частямъ Англіи бѣдную дѣвушку, благосклонно выслушавшую его признаніе. Напрасно ему замѣчать, что эта дѣвушка, одержимая наследственною болѣзнію, будетъ ему болѣе въ тягость, нежели въ наслажденіе жизни, онъ остался непоколебимъ. Онъ любитъ свою возлюбленную, также какъ и живопись, для нея самой, съ самымъ высокимъ самоотверженіемъ. Какъ же не любить этого Валентина? Какъ не сочувствовать этому тихому счастью, которому онъ предается, всегда веселый, улыбающійся, заботящійся только о своей Лавиніи; думая только о ея развлеченіи и о удовлетвореніи небольшимъ прихотямъ роскоши въ ея спальнѣ, за двери которой она не выходитъ.. Маленькое тщеславіе дополняющее счастье живописца, заставляя его забыть и равнодушіе публики, отказы принять его работы на выставку и обилныя предложенія купцовъ; это тщеславіе бросаетъ легкую тѣнь на безукоризненную честность, деликатность, веселость и благотворительность этого артиста.

Рѣдкой герой романа, самый безукоризненный и щедро одаренный природою можетъ сравниться въ достоинствѣ съ этимъ второстепеннымъ лицомъ, способнымъ только на роли мало-важныя (*utilités*). Герои перваго раза создаются воображеніемъ. Эта же личность создана Богомъ, какъ и всѣ люди, и живетъ, со всѣми безпорядочными привычками, простою дѣятельностью, съ вѣчнымъ энтузіазмомъ кстати и не кстати. Валентинъ ходитъ легкими шагами по своей мастерской, переходя отъ одной огромной картины къ другой. Это два послѣднія произведенія его пылаго генія. Любуясь то однимъ, то другимъ, онъ дѣлаетъ, по собственному замѣчанію, до 15 миль въ сутки. Этими двумя картинами Блейтъ хочетъ нанести ударъ прежнему презрѣнію публики и пріобрѣсть ея благосклонность, которая непременно должна замѣнить прежнее равнодушіе при видѣ, Золотога вѣка (*l'Age d'or*) «и «Колумбъ въ виду Америки (*Christophe Colomb decouvant le Nouveau Monde*). «Блейтъ не сомнѣвается въ этомъ и сперва устраиваетъ у себя частную выставку, пригласивъ всѣхъ своихъ друзей, начиная со старой

графини Бремблдоунъ (Brambledown) до послѣдняго родственника своего лакея. Мастерская тщательно выметена, карзины прибраны, стѣны покрыты эскизами и гравюрами.

Сердце Блейга сильно бьется подъ его коротенькою жокеткою. Онъ всѣмъ съ жаромъ жметъ руки, и своимъ собратьямъ, которые пришли не съ совсемъ дружескими чувствами, и добрымъ мѣщанамъ, которые непременно должны восхищаться его картинами; онъ всѣхъ принимаетъ равно радушно, ласково, съ желаніемъ расположить въ свою пользу.

«... Лихорадочная дѣятельность его до пріѣзда гостей была «ничто въ сравненіи съ тѣмъ безпрестаннымъ движеніемъ, «которое овладѣло имъ, когда онъ увидѣлъ, что всѣ уже собрались. Едва первый гость вошелъ въ мастерскую, Блейтъ ни «на минуту не оставался въ покоѣ и не молчалъ. Онъ не «остановился бы ни на минутку до самаго ухода всѣхъ, если- «бы лэди Бремблдоунъ не удалось остановить его.

«Послушайте, Блейтъ, воскликнула высокопочтенная графиня, «несчитавшая нужнымъ употреблять слово «господи» ни «съ кѣмъ изъ своихъ друзей, послушайте Блейтъ, я ничего «не понимаю въ вашей картинѣ «Колумбъ», вы хотѣли объяснить ее. Когда же вы начнете?

«Сію минуту графиня, сію минуту. Я только ждалъ, чтобы «всѣ собрались, отвѣчалъ Валентинъ, схватывая муштабель и «свертокъ бумаги, связанный голубою ленточкою. «Не знаю, «удобно ли вамъ будетъ... я рѣшился на бумагѣ изложить нѣ- «которыя мысли объ искусствѣ вообще... какъ предисловіе къ «моей картинѣ «Колумбъ». Эта картина болѣе всѣхъ другихъ «моихъ произведеній требуетъ предварительнаго истолкованія. «Вотъ мои мысли... всѣ какъ онѣ есть тутъ на бумагѣ. Не «удовольно будетъ комунибудь прочесть ихъ вслухъ, а я «буду указывать на картинѣ все, что соотвѣтствуетъ имъ? Я «прошу этой услуги, только потому, что было бы нѣсколько «странно, еслибы я самъ читалъ свое мнѣніе о своей же ра- «ботѣ... Неудовольно будетъ комунибудь?... повторилъ г. Блейтъ, «обходя кругъ своихъ гостей и предлагая свой манускриптъ. «Но никто не предложилъ своихъ услугъ. Иногда робость «бываетъ такъ заразительна.

«Ну полно, Блейтъ, воскликнула лэди Бремблдоунъ, читайте «сами! Что тутъ страннаго. Всякой можетъ говорить о себѣ! «Я терпѣть не могу слишкомъ скромныхъ людей, это просто

«лицемѣры. Читайте сами и говорите о себѣ все хорошее. Вы «имѣете на то право болѣе многихъ своихъ собратій, вы принадлежите къ аристократіи по таланту, а объ такой аристократіи и стоить только говорить, прибавила достопочтенная «лэди, нюхая табакъ и посматривая на почтенныхъ мѣщанъ, «обкружавшихъ ее, какъ будто хотѣла имъ сказать: каково-то «говорить вдовствующая графиня.

«Ободренный Валентинъ помѣстился подъ своимъ Колумбонъ и развернулъ свой манускриптъ.

«Что за чудакъ этотъ Блейтъ! шепнула одна дама кому-то «сидѣвшему сзади ея.

«И что за сволочь набралъ онъ сюда! отвѣтилъ тотъ по- «казывая глазами на дверь, гдѣ въ праздничныхъ костюмахъ «робко толпились простые слушатели.

«Картины, которыя я имѣю честь выставить передъ вами, «началъ Валентинъ, не спуская глазъ съ бумаги, написаны «на основаніи одного начала...

«Позвольте Блейтъ, прервала лэди Брембльдунъ, которая «чуткимъ ухомъ услышала не лестный отзывъ одного изъ при- «сутствующихъ и рѣшилась тотчасъ же торжественно дока- «зать свой либерализмъ... позвольте Блейтъ, не здѣсь ли тотъ «честный садовникъ, съ которымъ я такъ много говорила по- «слѣдній разъ?.. Это онъ, кажется, тамъ за дверью. Чтожъ «онъ не входитъ? Поди сюда, мой милый, поди, стань за мо- «имъ кресломъ.

«Садовникъ подошелъ, недовольный тѣмъ, что обратилъ «всеобщее вниманіе и стыдась стука своихъ сапоговъ.

«Подойди сюда!.. Ну, какъ поживаешь?.. здорово ли твое «семейство?.. что ты тамъ сталъ у двери? Ты также гость у «Блейта и имѣешь полное право, какъ и всѣ, войти сюда. «Стань тутъ, слушай со вниманіемъ и развивай свои понятія. «Теперь все идетъ впередъ... Вашъ классъ тоже подвигается, «да и пора... Ну, продолжайте, Блейтъ!

«Графиня снова начала начинать свой востъ табаконъ, бро- «сивъ недовольный взглядъ на особу говорившую о сволочи.

«Написаны на основаніи начала, продолжалъ Блейтъ, которое «легко объяснить. Я осмѣливаюсь дѣлить все искусство на двѣ «большія категоріи: пейзажъ и фигуры. Разсматривая эти два «рода произведеній въ высшемъ ихъ развитіи, можно дать имъ «названія искусства пасторальнаго и искусства мистическаго.

«Моя картина «Золотой вѣкъ» есть опытъ искусства пасторального. Въ моемъ же «Колумбъ въ виду Америки» я стараюсь соблюсти по мнѣ силамъ искусство мистическое.

Въ томъ же родѣ продолжаетъ Блейтъ, размахивая своимъ муштабелемъ, говорить о идеалахъ, о дѣйствительности, о природѣ, поэзіи, философіи и о высокомъ съ счастливымъ убѣжденіемъ многихъ людей, объясняющихъ разными непонятными теоріями свои непонятныя произведенія. Послѣ первой главы садовникъ старается улизнуть; лэди Брембльдунъ громко аплодируетъ.

«Браво, Блейтъ, браво! вотъ это понятно, либерально, глубоко! браво! . Садовникъ, куда ты уходишь?»

«Это настоящая философія искусства, милэди... сущая правда, сущая философія, замѣчаетъ г. Жимбль, торговецъ картинъ».

«Непонятна! говорить шепотомъ критикъ г. Хемлокъ скульптору г. Булливану.

«Что непонятно? спрашиваетъ г. Булливанъ».

«Да критическая теорія г. Блейта».

«О, въ высшей степени непонятна!».

Далѣе въ своихъ мысляхъ объ эстетикѣ и искусствѣ, Блейтъ имѣлъ несчастіе замѣтить, что для выраженія трудолюбивой молодости Колумба и его энергіи въ борьбѣ съ судьбою, онъ представилъ особое развитіе его *biceps flegor cubite*.

— «Господи Боже мой, что это такое *biceps*? воскликнула лэди Брембльдунъ».

«*Biceps flegor cubite*, ваше Сіятельство, началъ тотчасъ же «бывшій тутъ докторъ, восхищенный, что можетъ показать свои познанія въ анатоміи предъ знатною графиней, — это мускулъ расположенный на такъ называемой...»

«Взгляните сюда, графиня, сюда. Вотъ *biceps*, прервалъ «его Валентинъ, ударяя муштабелемъ по картинѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ была нарисована рука Колумба, страшно вздутая, «такъ что, казалось, она прорветъ замшевый рукавъ его полукафтана... *biceps*, графиня, это мускулъ удивительной силы...»

— «Который начинается двумя вѣтвями или головками, продолжалъ докторъ...»

«И служить, прервалъ опять г. Блейтъ, извините докторъ, «это особенно важно... и служить...»

«Нѣтъ, извините, прервалъ его въ свою очередь нѣсколько

«разсерженный докторъ, говоря о мускулѣ, нужно прежде сказать о его положеніи, а потомъ уже о томъ, къ чему онъ «служить... Въ анатоміи принято правило...

« Но, любезный докторъ... воскликнулъ Валентинъ.

« Нѣтъ, ужъ позвольте, быстро возразилъ докторъ, вы поймите мою настойчивость... Это мое дѣло... Я не могу пропустить неправильныя объясненія системы мускуловъ...

« Я никакой системы не объясняю, кричалъ Блейтъ съ жаромъ, махая руками на своего Колумба, я говорю только...

« Что должно сперва описать, на что служить мускулъ, прежде чѣмъ указать его мѣсто въ тѣлѣ человѣка... продолжалъ докторъ съ геройскою настойчивостью; нѣтъ, любезный г. Блейтъ, я не могу допустить этой грубой ошибки, никакъ не «могу!...

« Но позвольте мнѣ сказать хоть два слова, кротко спросилъ Блейтъ...

« Двѣ сотни словъ, и объ чемъ вы хотите, отвѣчалъ докторъ, съ улыбкою полуснисходительною, полунасмѣшливою, но «васчетъ этого...

« Какъ, мнѣ не говорить объ искусствѣ заревѣлъ г. Блейтъ, «ударяя своимъ муштабелемъ по полотну, которое издало глухой звукъ, подобно литаврѣ. Я хотѣлъ только сказать, что «Колумбъ въ своей молодости, живя на кораблѣ, часто лазилъ «по снастямъ и работалъ весломъ и потому его biceps особен- «но развился вслѣдствіе частаго упражненія, что я и пред- «ставилъ на моей картинѣ и тѣмъ вполне охарактеризовалъ «физическую организацію Колумба...

«Я ничего другаго и не хотѣлъ сказать, докторъ, ничего «другаго... Что же касается до мѣста находженія...

« Biceps flexor cubite, ваше сіятельство, снова началъ упрямый докторъ имѣеть двѣ головки, отчего и въ наукѣ онъ «названъ biceps, т. е. двуголовымъ. Одна изъ этихъ голо- «вокъ...

« Вотъ-то скотина! педантъ! шепнулъ Хемлокъ своему другу.

« Онъ славный былъ бы скульпторъ! замѣтилъ тотъ.

« Беретъ свое начало во впадинѣ чашки scapula; подъ scapula должно разумѣть...

« Нельзя ли попросить г. Блейта, прервалъ его любезный и

«всему удивляющійся Жимбль, продолжать чтеніе его артистическихъ мыслей?».

« Должно разумѣть живую часть плеча, или лопатку... И какъ впадина чашки...»

« Я тронуть, г. Жимбль, началъ Валентинъ, вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ, выраженнымъ отъ лица всего общества, но мнѣ болѣе нечего читать. Я думалъ кончить этимъ замѣчаніемъ насчетъ Колумба и предоставить остальное на судъ достопочтенныхъ зрителей...»

« Едва онъ сказалъ это, какъ часть присутствующихъ направилась къ выходу, или не надѣясь на свое знаніе дѣла, или для того, чтобы дать мѣсто вновь прибывшимъ навстрѣчу, къ которымъ бросился и Блейтъ.»

Мы выписали эту сцену въ мастерской Блейта, какъ потому, что она довольно занимательна, также особенно потому, что носитъ отпечатокъ истины, будучи взята изъ воспоминаній самого автора. Что же касается до созданія самой личности Блейта, то нельзя вполне приписать ее г. Вильки Коллинсу, потому что очень похожую личность находимъ мы у Бальзака въ его повѣсти Пьерръ Грассу (Pierre Grassou), гдѣ онъ представляетъ всѣ бѣдствія и неприятели, которыя сопровождаютъ ремесло живописца. Сравнивъ англійскій типъ съ французскимъ, надо сознаться, что первый не изученъ такъ строго и подробно, и не съ такимъ увлеченіемъ и любопытствомъ, какъ французскій. Зато благосклонное расположеніе духа и филантропическое направленіе г. Вильки Коллинса даютъ совсѣмъ другой интересъ Валентину Блейту, нежели какой находимъ въ Пьерръ Грассу. Первый возбуждаетъ сочувствіе нѣсколько презрительное, но искренное и добродушное; второй же можетъ возбудить только сильное презрѣніе и нетерпимость всѣхъ ему подобныхъ. Вообще это маленькій недостатокъ таланта Бальзака. У него нѣтъ никакой снисходительности къ людямъ, нѣтъ примиряющей терпимости, онъ возбуждаетъ недовѣріе и ненависть къ человѣчеству. Онъ не трогаетъ читателя, но поражаетъ его и потому впечатлѣніе имъ производимое недолговременно. У Вильки Коллинса совершенно противоположный недостатокъ. Онъ иногда льститъ, но не по расчету, а отъ полноты добраго и честнаго сердца. Есль ему приходится иногда, какъ и всѣмъ романистамъ, вывести въ своемъ романѣ какое вѣбудь гнусное преступленіе, онъ дѣлается какъ-то нерѣшителенъ и какъ бы

стыдится и расклевается за своихъ героевъ. Зато онъ вполне доволенъ и счастливъ, когда можетъ описать полное благополучіе выводимыхъ имъ личностей. Онъ любитъ описывать, и своими описаніями заставляетъ всѣхъ любить веселость, молодость, откровенность и свободу домашней жизни, характеры равные, сердца чистыя, великодушныя и прямыя. Потому понятно, отчего г. Вильки Коллинсъ нашелъ такую симпатію, такое сочувствіе во всѣхъ своихъ читателяхъ. Это доставило ему тотъ обширный успѣхъ, которымъ онъ теперь пользуется, дорога къ славѣ, столь крутая и утесистая для многихъ сдѣлалась для него. Даже критика отличаетъ и ласкаетъ его. Старые ветераны искусства дружески приняли въ свои ряды этого молодого и веселаго рекрута, не дожидаясь его выслуги. Такъ Чарльзъ Дикенсъ пригласилъ недавно отборное общество на домашній спектакль. Играли небольшую мелодраму, въ двухъ актахъ. Онъ самъ занялъ главную роль, его сынъ и дочь играли съ нимъ. Прочія роли заняли многіе замѣчательные художники и драматическіе писатели. Стенфильдъ (Stanfield), одинъ изъ лучшихъ пейзажистовъ Англіи, предложилъ написать декорацию и занавѣсъ.

Кто же былъ этотъ счастливый писатель, такъ блистательно начавшій свое драматическое искусство и котораго пьеса (maid-en play) была такъ благосклонно принята лучшими писателями и художниками Англіи? Не нужно и говорить, что это былъ счастливый сынъ Коллинса, крестьянкъ Вильки, авторъ Базилъ.

Его маленькая драма «Маякъ» происходитъ среди моря въ узкой башнѣ маяка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ бующими волнами; здѣсь живутъ три сторожа: Ааронъ Гурнокъ (Aaron Gurnock), Яковъ Даль (Jacob Dale) и Мартинъ Гурнокъ (Martin Gurnock), сынъ Аарона. Страшная буря, продолжающаяся уже нѣсколько дней, прервала всѣ сношенія ихъ съ землею, вся провизія ихъ истощилась и имъ остается голодная смерть. Въ эту минуту Ааронъ, готовясь предстать предъ лицомъ Верховнаго Судьи, открываетъ сыну свое участіе въ одномъ ужасномъ преступленіи. Въ одну туманную ночь одна дама, путешествовавшая на лошади и потерявшая своихъ слугъ в дорогу, заѣхала въ его рыбацью хижину, прося гостепріимства. Къ несчастію для нея, мѣшокъ съ серебромъ, привѣшанный у ея сѣдла, предъстлилъ товарища Аарона.

Онъ умертвилъ путешественницу и убѣдилъ слабого Аарона раздѣлить пополамъ добычу. Съ этого времени Ааронъ не зналъ покоя, совѣсть безпрестанно мучила его и мученія его усилились еще болѣе, когда онъ узналъ, что участвовалъ въ убійствѣ прамѣрной христіанки, благотворительницы всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ. Ее звали леди Грасъ (lady Grace).

Мартинъ Гурнокъ убить призваніемъ отца. Онъ чувствуетъ, что безчестіе его преступнаго родителя падаетъ и на него, и грозящую голодную смерть считаетъ достойнымъ наказаніемъ Неба. Но едва кончился разговоръ его съ отцомъ, какъ Яковъ Даль съ вершины маяка кричитъ, что видитъ какую-то барку; это ожидаемая провизія. Фебе Даль (Phoebe Dale) дочь Якова и невѣста Мартина, презирая опасность, рѣшается спасти своего отца и жениха. Въ первую минуту счастья и восторга она не замѣчаетъ принужденной холодности, съ которою Мартинъ принимаетъ и благодаритъ ее, считая себя недостойнымъ дать ей свое имя. Новое обстоятельство развлекаетъ всѣхъ. Какому-то судну грозитъ опасность разбиться о прибрежныя скалы. Нужно помочь ему. Всѣ, кромѣ Аарона, берутся за дѣло. Онъ же, мрачный и угрюмый, садится къ огню, но крикъ Фебе скоро выводитъ его изъ неподвижности. Погибающее судно приближается къ маяку и Фебе, слѣдившая за нимъ глазами, громко читаетъ надпись на кормѣ: «Леди Грасъ». Это имя вырываетъ страшный крикъ ужаса и угрызения изъ груди старика... занавѣсъ падаетъ.

Во второмъ актѣ буря на морѣ кончилась, но начинаетъ разыгрываться буря сердець обитателей маяка. Яковъ Даль удивленъ внезапною холодностью Мартина къ своей дочери и приходитъ въ негодованіе, когда не можетъ добиться никакого объясненія отъ своего будущаго зятя. Но какъ Мартину открыть позоръ своего отца? Между тѣмъ Ааронъ, видя худыя послѣдствія своего равнаго признанія, объявляетъ сыну, что все, что онъ говорилъ, было только бредъ разгоряченнаго воображенія. Молодой человекъ, привыкшій вѣрить своему отцу, сбивъ съ толку и не знаетъ, что ему думать и дѣлать. Въ недоумѣніи, онъ умоляетъ отца сказать рѣшительно правду ли онъ рассказывалъ вчера, или лгалъ.

«Я лгалъ» говоритъ отецъ. «Ты сказалъ правду» говоритъ какой-то голосъ. Это страшное обвиненіе произноситъ дама подъ вуалью, одна изъ пассажирокъ спасеннаго вчера брига.

Ааронъ въ ужасѣ падаетъ къ ея ногамъ. Онъ узнаетъ фигуру, ростъ и голосъ женщины, убійство которой лежитъ тяжелымъ камнемъ на его сердцѣ. Но кто же это? Она сама, или тѣнь ея? Это сама лэди Грасъ, спасенная какимъ-то чудомъ, допускаемымъ только для развязки драмы. Она осталась жива, несмотря на то, что была зарыта въ землю своими убійцами. Она великодушно прощаетъ Аарона, который уже не будетъ такъ мучиться, какъ прежде. Его жертва осталась жива. Мартинъ успокоиваетъ свою совѣсть и женится на Фебе Даль.

Эта небольшая драма, съ такимъ успѣхомъ сыгранная у Дикенса и потомъ еще разъ тѣми же актерами, въ пользу какого-то вновь открытаго госпиталя, эта драма есть послѣднее произведеніе автора, которыми мы занимаемся. Мы предсказываемъ блестящую будущность г. Вильки Коллинсу, особенно если онъ не увлечется постояннымъ счастьемъ и столь милостивымъ вниманіемъ, которыми онъ до сихъ поръ пользовался, и не будетъ слишкомъ смѣлъ и небреженъ. Онъ обладаетъ всеми качествами хорошаго романиста, особенно же замѣчательна его способность рассказывать и тонкая наблюдательность. Но въ то же время онъ имѣетъ нѣкоторые недостатки, неизбежные въ его лѣта. Онъ смотритъ на жизнь съ самой поэтической стороны и во всемъ видитъ только хорошее. Какая нибудь внезапно блеснувшая мысль увлекаетъ его и онъ развиваетъ ее до появленія новой. Онъ не изучаетъ, не глубоко анализируетъ характеры выводимыхъ имъ лицъ, но набрасываетъ ихъ смѣлою, искусною рукою; это эскизы, а не картины, точно также и разныя положенія въ его романахъ не совсѣмъ зрѣло обдуманы, одно растянута, другое сжато. Но теперь уже не время Мармонтеля, когда довольно было имѣть горячее воображеніе и владѣть слогаемъ, чтобы написать романъ. Романъ, какъ картина правовъ современной жизни, требуетъ болѣе основательнаго, глубокаго изученія разныхъ личностей характеровъ и положеній. Чтобы занять видное мѣсто между современными зна-

* Г. Вильки Коллинсъ печатаетъ теперь новый романъ въ періодическомъ изданіи *Fraser's Magazine* подъ заглавіемъ Манктоны Випскаотскаго Аббатства. Начало этого романа напоминаетъ фантастическія сказки Эдгара Поэ (Poe).

менностями въ литературѣ, мало одного воображенія и дара словъ, нужно болѣе труда и зрѣлости мысли.

Г. Вильки Коллинсъ обладаетъ всѣми средствами, чтобы современемъ достигнуть этого мѣста. Поощренный первыми успѣхами и при отличномъ, совершенно особенномъ воспитаніи, онъ смѣло можетъ стремиться къ этой цѣли. Кто можетъ, напримѣръ, лучше его описать намъ жизнь артистовъ, или представить пользу, а иногда и вредъ приносимый покровительствомъ аристократіи, при содѣйствіи которой развилось столько талантовъ, но зато сколько и погибло.

Такое, такъ сказать, особенное положеніе въ обществѣ, еще непришедшемъ въ порядокъ, даетъ ему прекрасный случай изучить его со всѣхъ сторонъ. Вильки Коллинсъ обладаетъ многими познаніями и нѣкоторою опытностью, что не всѣмъ дается въ такой степени.

Многое предвѣщаетъ ему успѣхъ, но онъ долженъ хорошенько понять всѣ трудности своего назначенія, всѣ эти подводные рифы, которые нужно очень твердо помнить, чтобы умѣть избѣгнуть.

Особенно должно избѣгать всякаго заимствованія у кого бы то ни было. Оригинальность идеи и развитія ея только могутъ довести молодого автора до ожидаемой славы. Публика, читавшая «Кокетонувъ», «Давида Коперфильда», «Ярмарку тщеславія», не можетъ быть удовлетворена «Антониною», «Базилемъ».

Нуженъ еще шагъ впередъ, и мы надѣемся, что г. Вильки Коллинсъ, съ новыми силами, опытностью и энергіею совершить этотъ рѣшительный шагъ и вполнѣ оправдаетъ возбужденное имъ общее сочувствіе и одобреніе, отъ души нами раздѣляемое.

А. ПЛАНСОНЪ.

II. ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

ВОКАЛЬНАЯ МУЗЫКА ВО ФРАНЦІИ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX ВѢКА.

Въ первой половинѣ настоящаго вѣка музыка, болѣе чѣмъ всѣ прочія отрасли искусства, измѣнила свое направленіе и свой

характеръ. Въ 1801 году, въ составѣ Парижской «Оперы» было много артистовъ, любимыхъ публикою, но которые своими талантами не заслуживали той славы, какую они пользовались. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были Лэне (Lainé), Керонъ (Chéron), Лансъ (Lays), Андриенъ (Andrien), и г-жи Мальяръ (Maillard) и Арманъ (Armand). Изъ нихъ Лэне и Керонъ не повидали даже главнѣйшихъ правилъ искусства пѣнія. Лансъ сперва занимался законовѣдѣніемъ и готовился въ адвокаты. Онъ жилъ въ одномъ изъ небольшихъ городовъ южной Франціи и тамъ прославился своимъ прекраснымъ голосомъ. Слава эта дошла до Парижа, и Ланса пригласили дебютировать на театрѣ оперы. Сначала онъ былъ этимъ недоволенъ, но блестящій успѣхъ заставилъ его отказаться отъ прежнихъ намѣреній. Г-жа Мальяръ начала свое драматическое поприще съ танцевъ. Но, однажды Бертонъ, директоръ Оперы, услышавъ ея пѣніе, нашелъ, что она владѣетъ прекраснымъ голосомъ и пригласилъ ее въ составъ оперной труппы.

Съ 1801 по 1815 годъ на театрѣ Оперы даны были произведенія слѣдующихъ композиторовъ: Крейцера, Николо, Кател'я, Гретри, Стейбелта, Мегюл'а, Жаден'а, Керубини, Паизиелло, Лефевра, Лахнита, Калькбрвеннера, Лезюера, Шорга, Далайрака, Гаво, Блангини, Персио, Спонтини, Пиччини, Фіокки, Бертонъ и Паер'а. Изъ нихъ Крейцеръ болѣе всѣхъ трудился для Оперы. Онъ былъ одаренъ замѣчательною способностію къ сочиненію, что доказывается множествомъ комическихъ оперъ, которыми онъ заслужилъ себѣ почетное мѣсто въ ряду лучшихъ композиторовъ того времени. Онъ особенно заботился о томъ, чтобы сообщать своей музыкѣ тотъ именно характеръ, какой соотвѣтствовалъ самому содержанию поэмы. Вслѣдствіе такого направленія, произведенія его, какъ напр. Іоанна д'Аркъ, Павелъ и Виргинія, Лодоиска, Шарлотта и Вертеръ, Осала Лила—отличаются оригинальнымъ стилемъ. Въ оперѣ «День Маратонской битвы» Крейцеръ хотѣлъ создать чисто греческую музыку,—но незнаніе чѣмъ отличалась древняя музыка отъ новѣйшей, было непреодолимымъ къ тому препятствіемъ. Постоянный успѣхъ комическихъ оперъ Крейцера подаль ему мысль приняться за серьезную оперу. Опера «Астиванекъ» была первою его попыткою. Затѣмъ явились Аристиппъ, Авель, Мартовскій триумфъ, опера-балетъ, Орфоламма и Вавилонская царица. Эти произведенія Крейцера ниже его комическихъ оперъ.

Впоследствии онъ сдѣланъ былъ профессоромъ въ консерваторіи.

Николо Изуаръ (Nicolo Isouard) писалъ въ одно время съ Крейцеромъ и даже иногда оба артисты трудились вмѣстѣ. «Фламиній въ Коринѣ» и «Маленькій пажъ или государственная темница» принадлежатъ обоимъ композиторамъ. Въ наше время подобнаго сотрудничества уже не встрѣчается.

Катель, ученый музыкантъ и основатель науки контрапункта, приобрѣлъ извѣстность своимъ *De profundis*, написаннымъ для какой-то погребальной церемоніи. Потомъ онъ написалъ партію «Семирамиды», которая, несмотря на свои замѣчательныя достоинства, не имѣла рѣшительно никакого успѣха. Его «Баядерки» напротивъ того имѣли счастье понравиться публикѣ.

Композиторъ Виятеръ, пользовавшійся въ то время извѣстностью въ Германіи и Италіи, былъ несчастливъ въ Парижѣ. Его опера «Касторъ» упала съ перваго же представленія.

Стейбельтъ, живя въ Парижѣ, не довольствовался славою отличнаго піаниста и задумалъ испытать свои силы въ какомънибудь лирическомъ произведеніи. Въ это время Сегюръ, окончившій свою поэму Ромео и Джульетта, полагаясь на дарованіе Стейбельта, поручилъ ему написать музыку къ своей поэмѣ. Но директоръ Оперы отказался поставить ее на сцену. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, композиторъ предложилъ свое произведеніе дирекціи комической Оперы. Оно было принято, поставлено на сцену и имѣло блистательный успѣхъ. Въ 1806 году, Стейбельтъ написалъ «Праздникъ Марса», миеологическую интермедію. Ее хотѣли дать на празднествахъ, которыя готовились по случаю возвращенія Наполеона, послѣ побѣды его подъ Аустерлицемъ.

Произведеніямъ Мегюля не посчастливилось на театрѣ Оперы. Этотъ же композиторъ обладалъ огромнымъ талантомъ, который, казалось, ручался за вѣрный успѣхъ. Явленіе нѣсколько странное, но оно объясняется вкусомъ того времени.

Жаденъ писалъ очень много и особенно для комической оперы; но произведенія этого композитора едва пережили эпоху своего появленія.

Въ 1803 г. на французской сценѣ появился «Анакреонъ» Керубини, одно изъ замѣчательнѣйшихъ лирическихъ произведеній того времени. Керубини занимался музыкою какъ истин-

ный артистъ и любилъ искусство болѣе чѣмъ рукоплесканія толпы. Онъ не заботился о мелочныхъ украшеніяхъ, о поддѣльныхъ красотахъ, которыми другіе композиторы увлекали публику, — и потому его опера «Анакреонъ» была принята весьма холодно.

Паизиелло написалъ оперу «Прозерпина.» Въ ней много блестящихъ мотивовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ много и недостатковъ.

Лефевръ сочинилъ нѣсколько небольшихъ оперъ, которыя въ одно время съ успѣхомъ давались на бульварныхъ театрахъ, но потомъ были совершенно забыты. — Лефевръ былъ музыкантъ знающій, но обладавшій въ слабой степени способностью создавать и творить.

Калькбреннеръ, отецъ знаменитаго піаниста, прибылъ въ Парижъ въ 1799 году. Находясь въ Неаполѣ въ то время, когда тамъ были французскія войска, онъ познакомился со многими офицерами и съ ними пріѣхалъ во Францію. Калькбреннеръ былъ хорошій композиторъ; многія изъ его оперъ даны были съ успѣхомъ и на Берлинскомъ театрѣ. Ему принадлежатъ ораторіи «Саулъ» и «Взятіе Іерихона.» Сотрудникомъ Калькбреннера былъ Лакхитъ (Lachnith), который написалъ «Лакедемонскіе Праздники», лирическую драму въ греческомъ вкусѣ. Она осталась неизданныю, несмотря на всѣ старанія автора поставить ее на сцену.

Лезюеръ, капельмейстеръ перваго консула, занявшій эту должность послѣ Паизиелло, былъ композиторъ самый народный въ свое время. Необыкновенный успѣхъ его оперы «Барды» записанъ въ лѣтописяхъ французской лиры. Лезюеръ сочинилъ также обѣдню для коронаванія Императора и за этотъ трудъ получилъ отъ Наполеона драгоцѣнный подарокъ съ надписью: «*Императоръ Французовъ автору «Бардовъ.»*» Ни одинъ изъ артистовъ не получалъ еще такой лестной награды. Спустя три мѣсяца, на сценѣ Оперы поставленъ былъ «Тріумфъ Траяна» подъ именемъ Лезюера, но собственно опера эта принадлежала другому композитору. «Смерть Адама» оригинальная опера Лезюера, поставленная на сцену въ 1809 году, заставила говорить о себѣ всѣхъ артистовъ. Лезюеръ объявилъ, что новое произведеніе его было попыткой возсоздать первобытную музыку во всей ея патріархальной чистотѣ. За новостью такого рода музыки приходилось вѣрить композитору на-слово. Од-

нако половина слушателей усомнилась въ справедливости такого открытія и между вѣрующими и невѣрующими возникла длинная полемика.

Композиторы Порты и Гаво извѣстны были только потому, что писали. Произведенія ихъ не имѣли успѣха.

Блангини ограничивался сначала одними романсами, которые очень нравились публикѣ. Комическія оперы ему удавались; попытка же его написать серьезную оперу «Нефѣали» осталась безъ успѣха.

Персюв былъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ профессоровъ консерваторіи. Онъ вступилъ въ оперу въ качествѣ учителя пѣнія, а потомъ сдѣлался членомъ дирекціи этого театра. Будучи хорошимъ музыкантомъ, принадлежа Оперѣ и видя поживаемые на сценѣ лавры, Персюв и самъ принялся за сочиненіе оперы. Еще прежде написалъ онъ ораторію «Переходъ черезъ Черное море» и нѣсколько комическихъ оперъ, данныхъ на театрѣ Feudeau. Публика принимала эти произведенія благосклонно. Новою же оперою «Леонидъ» былъ недоволенъ и самъ авторъ; но вскорѣ «Тріумфъ Траяна» удовлетворилъ волю самолюбія артиста. Успѣху этой оперы много содѣйствовали вѣщнія обстоятельства, какъ-то: случай, для котораго она была написана, великолѣпная постановка ея на сцену и сотрудничество Лезюера. Музыка Персюва, написанная имъ къ поэмѣ Бауръ-Лорміана «Освобожденный Іерусалимъ» не нашла сочувствія въ публикѣ, которой «Тріумфъ Траяна» нравился больше. Вскорѣ и эта опера исчезла изъ репертуара. Случай этотъ возбудилъ сильную вражду между имъ и Коронемъ, другимъ музыкантомъ. Каждый изъ нихъ искалъ тогда мѣста директора Королевской Академіи музыки. Персюв объявилъ открытую вражду предпочтенному сопернику. Между подчиненнымъ и начальникомъ начались нескончаемыя распри. Персюв выхлопоталъ приказаніе поставить на сцену «Освобожденный Іерусалимъ,» — чего никакъ не хотѣлъ его противникъ. Коронъ, узнавши объ этомъ, тотчасъ же, до полученія офіціальнаго приказанія, велѣлъ уничтожить всѣ декорации, необходимыя для этого представленія, и матеріалъ употребилъ въ дѣло для другихъ оперъ. Когда пришло приказаніе, то его уже нельзя было исполнять безъ новыхъ значительныхъ издержекъ, на которыя дирекція не могла согласиться.

Изъ прочихъ сочиненій Персею наиболѣе замѣчательны балеты: Улиссъ, Нива и Сельское испытаніе.—

Но замѣчательнѣе всѣхъ предыдущихъ дѣятелей на музыкальномъ поприщѣ былъ композиторъ Спонтини. Произведенія его занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи искусства и даже современники отдавали имъ полную справедливость. Спонтини пріѣхалъ въ Парижъ изъ Италіи, гдѣ написалъ нѣсколько партій для тамошнихъ театровъ. Здѣсь же онъ началъ свою дѣятельность на театрѣ Feydeau.

Первыя его три произведенія, поставленныя на сцену, возбудили весьма посредственное вниманіе. Однако Императрица Жозефина довѣрила ему управленіе придворною музыкою. Въ покровительствѣ этой Принцессы Спонтини нашелъ для себя очень важную опору. Жуи, его сотрудникъ въ «Мильтонѣ» предложилъ Оперѣ свою поэму подъ заглавіемъ «Весталка» Мегюль и Керубини прочли поэму, но оба отказались отъ нея, потому-что она не возбудила въ нихъ никакого вдохновенія. Тогда Жуи, уже ничѣмъ не рискуя послѣ отказа извѣстныхъ композиторовъ, довѣрилъ ее молодому музыканту Спонтини. Когда партія была готова, дирекція не слишкомъ о ней заботилась. Однако по желанію Императрицы искорѣ начались репетиціи, а вмѣстѣ съ ними и новыя огорченія и досады для композитора. Спонтини не былъ одаренъ отъ природы тою легкою способностью, съ какою творятъ другія сочинители, и былъ еще неопытенъ въ новомъ для него родѣ музыки, а потому онъ не могъ передать съ перваго разу въ точности мысль поэмы. При исполненіи, композиторъ замѣтилъ въ своемъ произведеніи много слабыхъ сторонъ и недостатковъ и рѣшился ихъ исправить. Настойчивость его въ этомъ случаѣ была желѣзная: при каждой репетиціи онъ дѣлалъ новыя перемѣны и поправки въ своей партіи. Напрасно жаловались пѣвцы на безпрестанныя измѣненія въ музыкальномъ текстѣ,—Спонтини оставался въ непоколебимой рѣшимости не прежде исполнить публично свою партію, пока не достигнетъ возможной для него степени совершенства.

Объ этихъ раздорахъ Спонтини съ актерами Оперы узнала и публика. Стали говорить о слабомъ дарованіи композитора. Когда наступилъ день представленія, Спонтини долженъ былъ бороться не только съ равнодушіемъ, но и съ предубѣжденіемъ слушателей. Къ счастью, публика на этотъ разъ была безпри-

страшна и съ восторгомъ рукоплескала «Весталкѣ.» Успѣхъ ея былъ рѣдкій и почти двадцать лѣтъ она не сходила со сцены лирическихъ театровъ. Къ голосу публики присоединился и голосъ Института, присудившаго Спонтини премію, учрежденную Наполеономъ для замѣчательнѣйшаго произведенія, которое появится въ продолженіи десятилѣтняго періода. Успѣху Спонтини много содѣйствовали и его противники. Завидуя славу чуждаго имъ композитора, члены консерваторіи упрекали его во множествѣ ошибокъ противъ правилъ музыки. Слушатели же, которые удивлялись въ «Весталкѣ» глубокому, драматическому чувству, богатому воображенію и могущественному колориту, нисколько не заботились о повѣркѣ: справедливы-ли упреки противниковъ Спонтини, а напротивъ того желали, чтобы всѣ полу-ученые музыканты, неумолимо строгіе къ партіціи «Весталки»—погрѣшали бы противъ правилъ искусства точно также, какъ и Спонтини.

Изъ многихъ другихъ поэмъ, предложенныхъ Спонтини, онъ избралъ «Фердинанда Кортеса», потому что эта поэма давала ему возможность сообщить своей музыкѣ новый характеръ, совершенно отличный отъ предыдущей его оперы. На этотъ разъ для него была опасность другаго рода: она уже заключалась не въ предубѣжденіи публики, а въ ея увѣренности въ высокомъ дарованіи композитора. Очевидно, что публика многого отъ него потребуетъ и новое произведеніе должно оправдать ея ожиданія. Спонтини вполне достигъ этой цѣли. Партіція «Фердинанда Кортеса» была оригинальна и не имѣла ничего общаго съ «Весталкою.» Многія прекрасныя аріи и энергическія сцены этой оперы заслужили единодушное одобреніе. Послѣ этого Спонтини десять лѣтъ ничего не писалъ для сцены. Причиною этому были занятія по управленію Италіянскимъ театромъ, ввѣреннымъ ему послѣ перваго представленія «Фердинанда Кортеса.» Только въ 1814 году онъ снова принялся за перо и написалъ «Pélage ou le Roi et la paix.» Эта опера была дана по случаю прибытія въ Парижъ Людовика XVIII.

Фиокки, авторъ многихъ оперъ, поставленныхъ на Италіянскихъ театрахъ, пріѣхалъ въ Парижъ еще во время Наполеона. Первый его дебютъ на театрѣ Feydeau былъ неудаченъ. Потомъ въ 1810 году, когда готовилась торжественная церемонія для раздачи десятилѣтнихъ премій, композитору Фиокки

поручили написать оперу «Софокль» и хотѣли дать ее при этомъ торжествѣ. Но по разнымъ обстоятельствамъ предполагавшаяся раздача премій не состоялась и потому «Софокла» поставили на сценѣ Оперы. Ожиданія композитора не оправдались; знатоки оцѣнили въ партиціи «Софокла» ея высокій стиль, но публика не нашла въ ней ничего, чтобы заслуживало особеннаго вниманія.

Бертонъ посвящалъ себя исключительно комической оперѣ. Этотъ родъ музыки болѣе всего согласовался съ его способностями. Не чувствуя никакого расположенія къ драматической музыкѣ, онъ и не искалъ случая писать для сцены Оперы. Хотя Бертонъ и сочинилъ для нея двѣ партиціи: «Похищеніе Сабинокъ» и «Китайскій земледѣлецъ», — но не основывалъ на нихъ никакого права на титулъ драматическаго композитора. Слава его была упрочева на сценѣ Комической Оперы.

Точно также и Паеръ оставался равнодушнымъ къ рукописаніямъ публики, посѣщавшей Оперу. Это равнодушіе отчасти непонятно, потому что Паеръ имѣлъ всѣ дарованія драматическаго писателя. Конечно, ему трудно было бороться съ своимъ соотечественникомъ Спонтини, пожинавшимъ лавры на сценѣ Оперы, но покровительство Наполеона могло его поддержать. Паеру, осыпанному благодареніями Аустерлицкаго побѣдителя, стоило сказать одно слово и всѣ поэты представили бы ему на выборъ свои лучшія сочиненія. Но Паеръ былъ человѣкъ положительный, искавшій выгодъ существенныхъ. Онъ не оправдалъ ожиданій Наполеона, который вызвалъ его въ Парижъ, въ надеждѣ, что этотъ отличный и знаменитый музыкантъ окажетъ дѣятельное содѣйствіе развитію музыкальнаго искусства во Франціи. Ничего подобнаго не случилось. Наполеонъ пріобрѣлъ въ Паерѣ только искуснаго и звяющаго начальника для своей придворной музыки.

Что же касается до средствъ Оперы, въ этотъ періодъ времени, то они были ограничены. Было нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ, но нельзя указать ни на одного такого артиста, который бы своими дарованіями имѣлъ вліяніе на характеръ и способъ музыкальнаго исполненія. Пѣвецъ Нурри (Nourrit) дебютировалъ въ 1803 году. Онъ имѣлъ пріятный голосъ и исполнялъ свои роли съ сознательною отчетливостію. Однако старые ветераны-любители прекрасную и умную методу

исполненія Нурри находили безцвѣтною, безжизненною. Новое же поколѣніе, къ счастью, успѣло поддержать дебютанта. Къ этой же школѣ принадлежала и пѣвица Шевалье, потомъ г-жа Браншю (Branchu), обладавшая энергическимъ и выразительнымъ голосомъ. Спонтини обласавъ ей успѣхомъ «Весталки.»

Въ одно время съ г-жею Браншю пѣла и д-ца Арманъ (Armand). Она держалась старой школы. Изъ прочихъ пѣвцовъ и пѣвицъ этого времени замѣчательны Лавинь (Lavigne), д-ца Полина и Левассеръ (Levasseur).

Вообще составъ оперной труппы былъ далеко не такъ многочисленъ, какъ въ настоящее время. Притомъ и самый репертуаръ не отличался богатствомъ и трудностью исполненія; слѣдовательно средства Оперы были пропорціональны современнымъ потребностямъ.

Въ 1815 году перемѣнилась Дирекція Оперы и дѣла ея очень поправились, благодаря множеству иностранцевъ, или вѣрнѣе сказать офицеровъ союзническихъ войскъ, находившихся тогда въ Парижѣ. Сборы въ кассѣ Оперы были огромны. Между тѣмъ музыкальная дѣятельность того времени представляетъ не много замѣчательнаго: композиторы по большей части трудились надъ сочиненіемъ оперъ *кстати*, для какогонибудь торжественнаго случая и даже писали ихъ общими силами, въ сотовариществѣ. Ясно, что отъ трудовъ подобнаго рода нельзя было ожидать ничего высокаго, художественнаго. Такимъ-то образомъ композиторы Перскій, Крейцеръ, Бертонъ и Спонтини написали оперу «Бога соперники» по случаю брака Герцога Беррійскаго.

Между тѣмъ Опера нуждалась въ какомънибудь произведеніи болѣе значительномъ для оживленія своего скуднаго репертуара. При этомъ благоприятномъ для композитора обстоятельстве Спонтини поставилъ на сцену свою оперу «Olympie». Художники замѣтили въ ея партиціи нѣсколько хорошихъ страницъ, но она не имѣла того успѣха, какого ожидалъ отъ нея самъ композиторъ. Въ 1820 г. Спонтини получилъ мѣсто капельмейстера при дворѣ Короля Прусскаго. Съ того времени онъ навсегда разстался съ французской сценой.

Крейцеръ, казалось, навсегда ограничилъ свою дѣятельность официальными операми и балетами. Музыка, написанная имъ для балета «Венеціанскій карнавалъ» очень мила. Въ

1823 г. онъ поставилъ на сцену оперу «Ipsiboé», содержаніе которой заимствовано изъ нѣкогда знаменитаго романа Виконта д'Арленкура. Этимъ произведеніемъ Крейцеръ заключилъ свое драматическое поприще. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ хотѣлъ-было поставить на сцену послѣднее свое произведеніе, написанное имъ съ особенною любовью и стараніемъ, но онъ не могъ добиться исполненія своего желанія. Крейцеру было отказано, несмотря на его знаменитость и заслуги, оказанныя имъ Оперѣ въ качествѣ композитора, капельмейстера и директора музыки.

Бертонъ не слишкомъ много трудился для Оперы. Уже было замѣчено, что сцена героическая была не по его характеру. Написанная имъ опера «Roi de Sicile» выдержала весьма немного представленій и потомъ была совершенно забыта.

Лебрень (Lebrun), бывшій капельмейстеромъ въ церкви St. Germain-l'Auxerrois, вступилъ въ Оперу, гдѣ надѣялся имѣть большой успѣхъ, благодаря своему пріятному голосу, который казался ему чрезвычайно сильнымъ. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, онъ вскорѣ оставилъ поприще героевъ третьяго разряда и принялъ на себя обязанность завѣдывать пѣніемъ въ Академіи музыки. Въ ту эпоху, когда Лебрень еще не отказывался отъ своей претензіи быть артистомъ-исполнителемъ, онъ искалъ славы и на поприщѣ драматическаго композитора. Театръ Feydeau поставилъ около двѣнадцати комическихкихъ его оперъ; а въ 1815 г. директоръ Оперы принялъ отъ Лебрена и поставилъ на сцену партицію «Соловья.» Музыка была самая посредственная, но любители того времени находили ее прелестною; собственно же они были увлечены блестящею вокализациею г-жи Альбертъ Гаммъ. Лебрень же принималъ рукоплесканія на свой счетъ. Однако «Соловей» вскорѣ исчезъ изъ репертуара Оперы, но зато долго оставался на провинціальныхъ театрахъ и вездѣ, гдѣ только была пѣвица, умѣвшая дѣлать румлады, да хорошій для нея помощникъ флейтистъ, тамъ уже непремѣнно давали эту оперу.

Послѣднимъ произведеніемъ Персюи былъ балетъ «Венеціавскій карнавалъ», написанный имъ вмѣстѣ съ Крейцеромъ. Въ 1817 году, когда его назначили директоромъ Оперы, онъ предался исключительно занятіямъ по своей новой должности

и пересталъ писать. Благоразуміемъ и дѣятельностію онъ привелъ въ порядокъ запутанныя дѣла первой лирической сцены во Франціи. Къ числу затруднительныхъ обстоятельствъ Оперы относилось крайнее истощеніе репертуара и совершенный недостатокъ въ произведеніяхъ, которыя могли бы возбудить любопытство публики. При такомъ недостаткѣ слѣдовало обратиться къ старому забытому репертуару. Выборъ Персюи палъ на «Данаидъ» Сальери. Онъ поручилъ Спонтини подновить эту оперу и сочинить къ ней новую вакханалію. Пышная постановка на сцену довершила остальное. Весь Парижъ бросился смотрѣть эту оперу и Персюи остался въ-барышахъ.

Ученый теоретикъ Рейха (Reicha) на дѣлѣ былъ менѣе чѣмъ посредственнымъ композиторомъ. Онъ, какъ и всѣ, дебютировалъ на театрѣ Feydeau оперою «Cagliostro», которая не выдержала строгости, а по увѣренію другихъ, справедливости партера. Несмотря на первую неудачу, Рейха рѣшился попытать счастья на сценѣ болѣе значительной и написалъ для нея другую оперу «Natalie». Однако и это произведеніе унало; впрочемъ публика Оперы изъ вѣжливости находила въ немъ нѣкоторыя достоинства. Главный же недостатокъ въ сочиненіяхъ Рейха состоялъ въ отсутствіи мелодіи, что даже нѣсколько странно, потому что самъ композиторъ написалъ цѣлый трактатъ о мелодіи. Въ музыкѣ, какъ и во всемъ прочемъ, теорія легче практики. Опера «Сафо», данная въ 1822 году, также не имѣла успѣха. Съ того времени Рейха отказался отъ театра.

Густавъ Дюгазонъ былъ изъ числа тѣхъ музыкантовъ, которые пускаются на артистическое поприще, не спросивши себя, есть-ли въ нихъ призваніе къ художеству, или нѣтъ. Претерпѣвъ нѣсколько пораженій на театрѣ Feydeau, Дюгазонъ обратился къ Оперѣ съ предложеніемъ ей партиціи трехъ балетовъ. Тогда не слишкомъ строго разбирали этотъ роль музыки; лишь бы балетъ плѣнялъ глаза, а объ ухахъ не беспокоились. Въ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ Дюгазонъ многимъ заимствовался отъ другихъ композиторовъ.

Совершенно противоположнаго Дюгазону характера былъ Швейцгёферъ, композиторъ также по части хореграфической музыки. Другіе артисты слишкомъ много полагались на свои силы. Швейцгёферъ слишкомъ мало довѣрялъ себѣ. Первый

балетъ его «Прозерпина», данный въ 1818 г., обратилъ на себя вниманіе знатоковъ. Потомъ написалъ онъ балеты «Клара и Мельхталь», «Земира и Азоръ», въ которыхъ очень много прелестныхъ и граціозныхъ мелодій. Вообще произведенія Шнейцгёфера мыслями и достоинствами богаче многихъ другихъ оперъ, которыя славились въ то время.

Эмонъ, хорошіи скрипачъ и заботливый капельмейстеръ, сдѣлался композиторомъ по случаю. Почтенный Бульи написалъ поэму «Jeux Floraux» и просилъ Эмона написать къ ней музыку. Поэму дали на сценѣ Оперы, но публика осталась равнодушна и къ поэмѣ и къ музыкѣ. Эмонъ однако же не потерялъ надежды на успѣхъ; онъ написалъ еще три оперы: Веледу, Абуфера, Алкиду и Омсала, но ни одна изъ нихъ не была принята на сцену.

Доссуанъ (Daussoigne) былъ самый несчастный композиторъ, котораго неудачи преслѣдовали неотступно. Получивъ отъ Вьенне поэму «Аспазія и Периклъ», Доссуанъ сочинилъ къ ней музыку съ мѣстнымъ характеромъ, напоминавшимъ будто бы счастливое время древней Греціи. Но все напрасно! «Аспазія» не понравилась публикѣ. Спустя вѣсколько времени Дирекція Оперы, намѣреваясь поставить на свою сцену «Стратовику» Мегюля, поручила Доссуану написать къ ней речитативы. На этотъ трудъ, исполненный удачно, Доссуанъ имѣлъ полное право, какъ племянникъ Мегюля. Музыка, написанная имъ къ другой поэмѣ «Deux Salm» имѣла одинаковую участь съ первымъ его произведеніемъ. Послѣ этого Доссуанъ отказался отъ теривстаго поприща композитора.

Сверхъ исчисленныхъ нами дѣятелей на музыкальномъ поприщѣ, въ лѣтописяхъ Оперы съ 1815 по 1830 г. еще два раза встрѣчается имя Боальдѣ по случаю представленія двухъ его оперъ: «Blanche de Provence» и «Pharamond.»

Гарсіа, не довольствуясь славою пѣвца, задумалъ сдѣлаться знаменитымъ композиторомъ. Но былъ ли онъ къ тому способенъ, это другой вопросъ. Какъ бы то ни было, но Гарсіа, видя успѣхъ своихъ произведеній на главнѣйшихъ сценахъ Италіи и даже въ Итальянской Парижской Оперѣ, осмѣлился наконецъ добиваться славы и на сценѣ Королевской Академіи музыки. «Смерть Тасса» была первая его опера, данная на этой сценѣ. Публика, цѣнившая вполнѣ перваго тенора, отка-

зала въ своихъ похвалахъ композитору и «Смерть Тасса» ушла съ перваго же представленія. Однако Гарсія, не теряя надежды на успѣхъ, въ слѣдующемъ 1822 году написалъ новую оперу «Флорестанъ или Совѣтъ Десяти».—Послѣ паденія и этой оперы Гарсія уже не осмѣливался болѣе пытаться счастья на поприщѣ, къ которому онъ не былъ призванъ.

Николо Изуаръ оставилъ одну неоконченную партицію пьесы, подъ заглавіемъ: «Аладивъ, или волшебная лампа». Габенекъ, вступившій въ управленіе Оперою, нашель, что это произведеніе, по своему содержанію и по возможности поставить его роскошно на сцену, могло имѣть большой успѣхъ. Изуаръ написалъ только два акта; оставалось сочинить еще три акта. Трудъ этотъ порученъ былъ Бенинкори. Произведенія его, исполнявшіяся только оркестромъ, весьма нравились публикѣ. Однако два сочиненія его «Галатея» и «Гезіодъ», представленные имъ въ Дирекцію Оперы, оставлены были безъ вниманія. Бенинкори выжидалъ терпѣливо болѣе благопріятныхъ для себя обстоятельствъ.

Наконецъ порученіе Габенека окончить Аладина было для него счастливымъ случаемъ выказать свое дарованіе. Начали разучивать Аладина съ особеннымъ усердіемъ. Но смерть, почти-внезапная, не дала ему насладиться осуществленіемъ своихъ надеждъ. Черезъ нѣсколько недѣль по смерти Бенинкори опера была представлена съ такимъ успѣхомъ, который вполне могъ бы вознаградить ея композитора. «Волшебная лампа» замѣчательна какъ послѣднее произведеніе двухъ композиторовъ Изуара и Бенинкори. Богатая постановка на сцену была существенною причиною успѣха этой оперы, собственно же музыкальными достоинствами она весьма не богата.

Къ этой эпохѣ принадлежитъ и композиторъ Соръ. Публика, слушая въ концертахъ гитариста Сора, который усиливался исторгнуть изъ своего инструмента несвойственные ему звуки, вовсе не подозрѣвала, что она имѣетъ дѣло съ замѣчательнымъ композиторомъ. Фердинандъ Соръ сочинялъ симфоніи, оперы и церковную музыку. Артисты находили, что онъ хорошій музыкантъ, публика же видѣла въ немъ только искуснаго гитариста и не обращала вниманія на его произведенія, въ которыхъ было много достоинствъ. Написанный имъ балетъ «Candrilion», при участіи д-цы Бигаттини, весь-

ма талантливей артистки, имѣлъ успѣхъ необыкновенный. Только въ этомъ произведеніи Сора любители наконецъ отдали композитору должную справедливость. Въ 1823 г. на сценѣ Оперы дебютировалъ Герольдъ (Hérolde). «Lasthenie» была первымъ его произведеніемъ. Эта опера обѣщала весьма многое, но содержаніе ея было не по вкусу того времени; любовь, или лучше сказать удивленіе къ тому, что выдавалось за Греческое или Римское, уже охладѣла и потому публика приняла первое произведеніе Герольда весьма холодно. Въ слѣдующемъ году Герольдъ и Оберъ написали партицію оперы «Vendome en Espagne». Эта опера была сочинена по случаю взятія крѣпости Трокадеро французскими войсками, подъ предводительствомъ Герцога Ангумейскаго. Успѣхъ новаго произведенія Герольда былъ временный. Съ тѣхъ поръ Герольдъ писалъ одиѣ балеты, которые по своимъ музыкальнымъ достоинствамъ служили лучшимъ доказательствомъ того, что онъ обладалъ неподдельнымъ талантомъ. Позднѣе онъ снова началъ писать для сцены драматической; но объ этихъ трудахъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

1826 годъ ознаменованъ въ исторіи музыки событіемъ весьма важнымъ, а именно появленіемъ на Французской сценѣ произведеній новаго композитора—Россини. Въ это время первая лирическая сцена находилась въ большомъ упадкѣ: въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ на ней давались произведенія весьма посредственныя и публика нисколько имъ не сочувствовала. Министръ Королевскаго Двора заключилъ съ Россини контрактъ, по которому композиторъ обязался посвятить всю свою дѣятельность Французской Оперѣ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы отъ него не требовали немедленно новой оригинальной партиціи, а позволяли бы ему начать съ перелѣвки своихъ старыхъ произведеній. Въ слѣдствіе этого Россини выбралъ для Французской сцены свою оперу «Магомекъ» и сдѣлалъ изъ нея новую «Осада Коринѳа». Для богатаго воображенія Россини не трудно было перемѣнить кое-что въ Итальянской партиціи, одно выкинуть, другое прибавить и перелѣвать речитативы, но гораздо труднѣе было создать средства для исполненія этой оперы. Въ ней была новая система пѣнія, которая не имѣла ничего общаго съ старинною лирическою декламаціею. Россини долженъ былъ

преобразовать и побѣдить привычки артистовъ, не хотѣвшихъ отказаться отъ своихъ предразсудковъ. Только молодой пѣвецъ Адольфъ Нурри былъ въ состояніи понять новаго композитора и помочь ему. Россини потребовалъ новыхъ исполнителей и между ними первое мѣсто заняла д-ца Чинти, позднѣе г-жа Даморо. Противъ такихъ переменъ и нововведеній возстали приверженцы старой школы, но большинство публики поняло, что Опера вступила на новый, хорошій путь. Въ слѣдующемъ году Россини передѣлалъ другую свою оперу «Моисей». Онъ изучалъ характеръ Французской сцены и результатъ показываетъ, что изученіе это не осталось безплоднымъ. Преобразованія въ пѣніи продолжались съ успѣхомъ. «Моисей» былъ исполненъ такъ удачно, что даже противника Россини приняла его сторону.

Между тѣмъ публика ждала съ нетерпѣніемъ какой нибудь новой партіи Россини; но онъ потребовалъ отсрочки, и для удовлетворенія нетерпѣливости любителей передѣлалъ еще одну изъ Итальянскихъ своихъ оперъ *Il viaggio á Rheims*, сочиненную по случаю коронаванія Карла X; «*Il viaggio*» превратилась въ «*Le Comte Ory*». Россини прибавилъ къ ней множество новыхъ номеровъ, замѣчательныхъ по своему блестящему характеру. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что онъ, перелазывая свои итальянскія оперы на Французскій ладъ, умѣлъ какъ-ни-надо лучше привариваться ко вкусу парижской публики.

Наконецъ появился «Вильгельмъ-Тель». Здѣсь геній композитора выказался во всемъ своемъ величій. Новое произведеніе совершенно отличалось отъ «Семирамиды», «Отелло» и «Сивильскаго Цирюльника—трехъ партій, которыя обозначаютъ періоды развитія генія Россини, какъ композитора итальянскихъ оперъ.

Нѣкоторые упрекали парижскую публику въ томъ, что она не вполне оцѣнила «Вильгельма-Теля»,—но опера эта, несмотря на множество новыхъ геніальныхъ произведеній, появившихся на сценѣ Оперы, постоянно возбуждала восторгъ въ публикѣ и до сихъ поръ не исчезла изъ репертуара. Мы считаемъ излишнимъ говорить о достоинствахъ партіи Вильгельма-Теля; каждый любитель знаетъ ее почти наизусть.

Еще прежде появленія «Вильгельма-Теля» на сценѣ Оперы

поставлено было новое произведеніе Обера, имѣвшее успѣхъ необыкновенный. Оберъ долгое время трудился только для Комической Оперы. Но громкія рукоплесканія, которыми публика встрѣчала каждое произведеніе Обера, подали ему мысль приняться за трудъ болѣе значительный, а именно за сочиненіе оперы драматической. Новый родъ музыки, за который принимался Оберъ, требовалъ отъ композитора, чтобы онъ обладалъ и особеннымъ дарованіемъ. Друзья Обера боялись за успѣхъ его предпріятія; но «*La muette de Portici*» разсѣяла ихъ опасенія. Новая музыка Обера отличалась энергією, свѣжестію и граціозностью мелодій. Успѣхъ этой оперы еще тѣмъ замѣчательнѣе, что она была поставлена на сцену въ одно время съ произведеніями Россіи, на которыхъ сосредоточивалось исключительное вниманіе публики.

Вскорѣ «*La muette de Portici*» была дана почти на всѣхъ главнѣйшихъ театрахъ Европы.

III. НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

РАЗУМЪ У ЖИВОТНЫХЪ *Любопытные рассказы изъ ихъ жизни.* (Пѣзъ новѣйшихъ изданій Бродериха и Томсона).

Многіе путешественники по разнымъ странамъ свѣта оставили намъ самыя поразительныя и чудесныя рассказы о житіи-бытій и нравахъ разныхъ животныхъ. Правда, многихъ писателей обвиняли въ вымыслахъ или въ преувеличеніяхъ, но въ основѣ все-таки есть много правды. Но и наблюденія зоологовъ не во всѣхъ случаяхъ могутъ похвастаться вполне достоверными. Известно, никто такъ не увлекается пристрастіемъ какъ спеціалистъ, который почти всегда влюбленъ въ свой предметъ и видитъ въ немъ больше, чѣмъ бы слѣдовало. Вообще, въ цѣломъ всѣ эти повѣствованія, болѣе или менѣе вѣрны истинѣ, но часто рассказчикъ какого-нибудь любопытнаго явленія естественной исторіи не имѣлъ удобнаго случая подвергнуть свои наблюденія строгому анализу и помѣстилъ его съ подробностями — очень интересными — по выведеннымъ

рѣшительно а priori, т. е. изъ умозаключенія, которое, какъ и всѣ дѣла человѣческія, часто бываетъ ошибочно.

Между тѣмъ, представленныя имъ факты, особливо если еще имя его пользуется авторитетомъ, получаютъ гражданственность въ области науки и повторяются адептами съ слѣпою увѣренностію.

Исполненныя занимательности сочиненія Бродерипа и Томсона «Замѣтки естествоиспытателя» и «Животныя съ ихъ страстями» преисполнены подобными разсказами; но къ сожалѣнію надо сознаться, что изъ десятка развѣ девять досто-вѣрны, а десятый ужъ непремѣнно изукрашенъ и ужъ черезъ-чуръ изященъ для истины. Вотъ нѣкоторыя извлеченія изъ этихъ любопытныхъ книгъ и еще изъ другаго сочиненія Бродерипа, изъ его «зоологическихъ отдохновеній,» гораздо прежде вышедшихъ въ свѣтъ.

Само-собой разумѣется, что мы не будемъ останавливаться на повѣрьяхъ или сагахъ; что народъ слыхалъ въ своемъ невѣжествѣ или легковѣрїи, не принадлежитъ наукѣ. Существуетъ, напримѣръ, сказаніе, что крокодилъ сперва проглатываетъ цѣлкомъ все туловище человѣка, а голову оставляетъ на закуску. Обглодавъ ее до черепа, страшное животное, желая добраться до мозга, плачетъ надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока слезой не размягчитъ костей и не раскроетъ ихъ. Мы не владемся здѣсь въ дальнѣйшія розысканія отъ этого-ли сказанія произошла въра въ сокрушительную силу слезъ крокодила, или наоборотъ, сказаніе взялось изъ дѣйствительнаго факта.

Есть, напротивъ, разсказы, которые кажутся неправдоподобными, только съ перваго взгляда, а въ дѣйствительности совершенно справедливые. Таковъ, напримѣръ, слѣдующій разсказъ, приводимый Бродерипомъ. У одного индѣйца была гремучая змѣя, которую онъ сдѣлалъ ручною и всегда носилъ съ собою въ ящикѣ, называя ее своимъ «дѣдушкою.» Французскій путешественникъ Пинписавъ встрѣтился съ нимъ въ сентябрѣ. Въ это время индѣецъ обыкновенно ходилъ на зимнюю охоту и змѣю свою выпускалъ изъ ящика на волю.

Путешественникъ замѣтилъ ему: «Какъ же ты выпускаешь змѣю, которую такъ любишь и которая тебѣ доставляетъ доходъ.» — «А что же, — отвѣчалъ индѣецъ, весной она опять

придетъ ко мнѣ. Пиввисансъ усомнился въ этомъ. Тогда индѣецъ предложилъ ему значительное пари, и въ маѣ слѣдующаго года, въ назначенный день оба встрѣчаются на томъ же мѣстѣ. Ждутъ день — змѣя не является. Французъ торжествуетъ.

Но владѣлецъ змѣи, чтобы не лишиться выгоднаго заклада, предлагаетъ удвоить его противъ прежняго, если два слѣдующіе дня змѣя не явится. Предложеніе принято, и что же? На другой же день змѣя дѣйствительно явилась и сама вползла въ свой ящикъ. Мы не видимъ здѣсь ничего невѣроятнаго. Гремучія змѣи вообще умны, понятливы, и непривычны къ зимнимъ странствіямъ: оттого естественно, что выпущенное на волю животное, найдя себѣ невдалекѣ отсюда убѣжище, заснуло въ немъ. Ко времени прибытія индѣйца, оно, вѣроятно, несовсѣмъ еще освободилось отъ органическаго своего оцѣпенѣнія, но разъ пробудившись и слыша знакомыя призывныя заклинанія, оно, разумѣется тотчасъ же бросилось на призывный голосъ.

У Томсова, даже самая классификація естественной исторіи основана на характеристическихъ чертахъ, замѣчаемыхъ у разныхъ животныхъ. — Замѣчено, что пауки любятъ музыку. Дижонваль наблюдалъ паука, который всякій разъ останавливался на потолокъ, прямо надъ головою молодой дамы, когда она начинала играть на гитарѣ, и слѣдовалъ за нею, если она перемѣняла мѣсто.

Славный віолоннистъ Бертовъ, часто видалъ паука, который во время его упражненій выползалъ изъ-за обоевъ и наконецъ до того сблизился съ нимъ, что при первыхъ ударахъ смычка являлся къ нему на лютитръ.

Ленцъ рассказываетъ про гуся, который повсюду леталъ за арфистомъ, достававшимъ себѣ прожитаніе, играя по деревьямъ, а Бинглей о голубѣ, который жилъ по-сосѣдству съ молодой пьянисткою, и лишь только слышалъ звуки арии изъ Генделевой оперы «Адметъ», — то прилеталъ къ окну и не прежде возвращался на голубятню, какъ по окончаніи пьесы, къ которой, повидимому, чувствовалъ особенное пристрастіе.

Другой совершенно противоположный фактъ, представляетъ собака, которая или сама не одарена была музыкальнымъ чувствомъ, или не могла выносить музыки своего хозяина и при всякомъ удобномъ случаѣ, старалась утащить у него куда-ни-

будь смычекъ. — И тархъ разсказывалъ басню о лошаки, которая заслуживаетъ вниманіе. Навьюченное солью животное оступилось однажды въ воду и, выбравшись изъ рѣки, почувствовало столь пріятное облегченіе въ бремени, что съ тѣхъ поръ такіа купанья сдѣлались у него любимымъ путевымъ развлеченіемъ. Желая исцѣлить лошака отъ этой склонности, хозяинъ нагрузилъ его корзинами съ губкой, и отяжѣвшая ноша, вынесенная имъ на этотъ разъ изъ воды, дѣйствительно произвела ожидаемый результатъ.

«Докторъ Пеликанъ былъ свидѣтелемъ, какъ, собравшись вокругъ отверстія винной бочки, стая крысъ макала въ него хвосты, и потомъ облизывала ихъ. Иессе приводитъ подобное же о крысахъ у сосуда съ масломъ. Но это ничто въ сравненіи съ обезьяной, г. Дегранире, которой дали стклянку съ анисовою водкой: вытянувъ, сколько могла достать оттуда водки, обезьяна принялась насыпать песку въ остальное, пока не выбѣжалъ и весь остатокъ. Левальянъ, африканскій путешественникъ имѣлъ при себѣ въ дорогѣ собакъ и обезьяну: Уставая, обезьяна взбиралась на спину собакамъ, и такимъ образомъ обыкновенно продолжала свой путь; но одна изъ собакъ умѣла отъ этого избавляться, она не трогалась въ такомъ случаѣ съ своею ношей съ мѣста, — и обезьяна, простоявъ нѣсколько времени и боясь отстать, соскакивала, и бросалась въ погоню за караваномъ. Главную роль въ психологій животныхъ играетъ слонъ — своею смышленостью. Онъ является героемъ тысячи случаевъ. Слонъ одного изъ офицеровъ бенгальской арміи былъ имъ порученъ, на время отсутствія, сторожу, который, по обыкновенію обкрадывалъ слѣдовавшую слону порцію пищи. Прибытіе хозяина обрадовало бѣдное, полуголодное животное. Вотъ принесли ему при хозяинѣ обычную порцію, разумѣется, уже полную, что же дѣлаетъ слонъ? онъ дѣлитъ ее на двѣ части, меньшую долю, какая ему выдавалась у наемщика, беретъ себѣ и жадно поглощаетъ, а остальную, не докасаясь до нея отодвигаетъ, какъ бы со страхомъ къ сторожу, и хоботомъ начинаетъ всыпать ее въ его мѣшокъ. Владѣлецъ повялъ краснорѣчивую сноровку слона, взобличавшую сторожа въ воровствѣ; онъ допросилъ его и тотъ во всемъ сознался.

Вотъ другой разсказъ о слонѣ, подобно прельдущему, вполне достоверный и чрезвычайно характерный Настоящую по-

вѣстью обязаны мы г-жѣ Бродерингъ, она говоритъ о словѣ парижскаго ботаническаго сада. Живописцу, занимавшемуся тамъ эюдами животныхъ, нужно было для картины изобразить слона въ известной позѣ. Мудрость слона не простирается еще такъ далеко, чтобы уразумѣть самому, что его желаютъ видѣть съ выпрямленною головою и поднятýmъ кверху хоботомъ; и потому художникъ взялъ себѣ въ помощь мальчика съ лоткомъ яблокъ, которыя онъ долженъ былъ кидать одно за другимъ слону въ пасть, чтобы такимъ образомъ заставить его постоянно держать хоботъ кверху. Запасъ яблокъ былъ не малъ, но и живописецъ не обладалъ талантомъ схватывать предметъ съ магическою быстротою и переславать его на полотно, а потому работа замедлилась такъ долго, что мальчикъ, по приказанію художника, началъ обманывать слона, время отъ времени, бросалъ ему пустую горсть вмѣсто яблока. Несмотря однако же на эти обидныя продѣлки и правыя притязанія обманутыхъ надеждъ, страсть къ лакомому яству обуздывала терпѣніе слона, и онъ, измѣряя глазами сокровища еще набитаго мѣшка, ловилъ безпечно и пустыя посылки, и весело давилъ долежавшія яблоки, то и другое, повидимому, съ одинаковымъ хладнокровіемъ. Когда же наконецъ послѣднее яблоко было брошено и проглочено, и пустой мѣшокъ убранъ, слонъ совершенно натурально подходитъ къ своему пойлу, чтобы занить ѣду. Между тѣмъ художникъ додѣлываетъ еще нѣкоторыя черты эскиза, вдругъ застигнутъ онъ страшнымъ и съ чрезвычайною силою и мѣткостью направленнымъ изъ хобота слона душемъ воды, полъ которымъ и рисунокъ смывается съ полотна, и творецъ его весь съ головы до ногъ вымоченъ. Отплативъ за свою обиду учредителю всей этой забавы, слонъ не трогаетъ мальчика, бывшаго простымъ орудіемъ артиста, и, съ самодовольною гордостью, продолжаетъ расхаживать по своей кѣтѣ, выражая торжество свое громкими криками.

Любопытный примѣръ раздражительности обезьянъ находимъ мы у Томсона. Патеръ Барбасонъ, воспитавшій у себя орангутанга, такъ приучалъ его къ себѣ, что тотъ вездѣ за нимъ слѣдовалъ, и потому на время церковнослуженія оставляемъ былъ запертымъ въ комнатѣ. Разъ какъ-то животное проскользнуло однако же за патеромъ въ церковь и взобралось на каедральный балдахинъ, гдѣ спокойно сидѣло до начала проповѣди; за проповѣдью же, приползши на самый край и глядя сверху

на проповѣдника, обезьяна начинаетъ передразнивать всѣ его движенія такъ дико и смѣшно, что всѣ прихожане обхвачены неодолимымъ смѣхомъ. Патеръ выѣ себя отъ этой несвоевременной веселости, жестокими увѣщаніями грянулъ противъ этого неуважительнаго невниманія; но угрозы не имѣютъ дѣйствія, паства не перестаетъ хохотать, и тѣмъ сильнѣе становятся крики проповѣдника. Обезьяна съ такимъ неутомимымъ усердіемъ и точностію копируетъ и эту сцену, что наконецъ присутствующіе не владѣютъ болѣе собой, и спѣшатъ изъ храма. Наконецъ уже одинъ изъ приближенныхъ успѣшилъ подойти къ проповѣднику, и разрѣшилъ загадку, объяснивъ ему присутствіе обезьяны, съ такою ревностію за одно съ нимъ подвизавшейся во время рѣчи. Пойманная и выведенная послѣ этого церковнослужителями виновница смуты, унесѣтъ на лицѣ своемъ выраженіе обиженной невинности.

Собака, отправлявшая у господина разныя посылки, и повоски, бѣжала подвечеръ, съ корзинкою горячихъ пастетовъ для его ужина, просѣлками домой, какъ вдругъ ей заступаютъ дорогу пара дворняшекъ и прямо кидаются къ ея корзинѣ. Собака бѣшено схватилась съ однимъ изъ неурядителей, другой вторгаетъ въ сѣбное: боемъ нельзя уже было спасти обреченный погибели пастетовъ, и дѣло состоитъ уже въ томъ, кому ихъ сѣбсть, тогда собака немедленно оставляетъ своего прогнаника, и, въ томъ убѣжденіи, что на пирожное одна изъ трехъ она имѣетъ право, — спѣшитъ къ корзинѣ и сама поглощаетъ остатки.

Переходимъ опять къ разсказамъ о слонѣ. Въ Макассарѣ, слоновожатый досталъ себѣ кокосовый орѣхъ и разбилъ его, съ деспотическимъ звѣрствомъ, на передней части головы слона. На другой день случилось имъ проходить мимо кокосовыхъ орѣховъ, выставленныхъ на улицѣ для продажи, слонъ, взявъ одинъ изъ нихъ, затѣялъ колотить орѣхъ на головѣ жоатаго, слѣдствія этого воздаянія были смертельны. Впрочемъ, вообще, слонъ очень хорошо умѣетъ соразмѣрять величину возмездія за нанесенную обиду, и бываетъ при этомъ правдивъ, добръ и великодушенъ. На ярмаркѣ, посѣтитель кормилъ сперва слона хорошами правиками, давая ихъ поодиначкѣ, потомъ подолжая забаву добавилъ ему цѣлый мѣшокъ самага ѣдкаго сорта пряностей. Слонъ, мучимый болью, глотаетъ

безпреставно ведра воды, и шутникъ, остереженный объ опасности, едва успѣлъ переступить черезъ порогъ, какъ ведро полетѣло ему вслѣдъ. Спустя годъ, тотъ-же человекъ пришелъ опять, съ привиками въ одномъ карманѣ и перечневыми лепешками въ другомъ. Начавъ съ приниковъ, смѣло принимается онъ за ѣдкое печенье, и хочетъ потчивать имъ слона; но лишь только онъ успѣлъ отвѣдать, тотчасъ это привело ему на память, какъ съ нимъ подшутили годъ назадъ, онъ вскидываетъ гостя за платье на воздухъ. Одежда разрывается отъ тяжести, хозяинъ падаетъ на землю, у слона остаются оборванные полы и часть нижняго платья. Онъ разложилъ ихъ передъ собой и, обшаривъ тщательно карманы, поѣлъ настоящіе приники, а прочіе растопталъ ногами, а полы откинулъ прочь.

Павіаны Капской колоніи также воинственны, повидимому, какъ и самыя Кафры. Лейтенантъ Шиппъ (Shipp), съ двадцатью человекъми, хотѣлъ отбить множество верхняго и нижняго платья, похищеннаго большими павіанами. Онъ пошелъ обходомъ, чтобы отрѣзать мародерамъ пещеры; но замѣтивъ это, обезьяны отдѣлили небольшой отрядъ стеречь входы, и распредѣлили посты. Видѣли, какъ занялись они потомъ набраніемъ большихъ камней, подъ главнымъ начальствомъ стараго, сѣдовласаго павіана, который, казалось, съ властію генерала, раздавалъ приказанія; и когда наконецъ европейскіе солдаты пошла наприступъ, то были приняты такою страшною картечью огромныхъ камней, что британцамъ оставалось уступить поле сраженія павіану.

Не менѣе забавна индѣйская басня про обезьяну — сказаніе въ шутливомъ родѣ. Путникъ странствовалъ съ обезьяной и козой, и для пищи имѣлъ у себя завасть рису и молока. Проходя около пруда, онъ пріостановился, чтобы выкупаться и потомъ располагалъ подкрѣпить себя ѣдой. Пока онъ купался, обезьяна поѣла его кушанье и, чтобы свалить съ себя вину на козу, отерла о ея бороду свой ротъ и лапы: продолжка достигла своей цѣли, путникъ принялъ козу за виновницу бѣды и прилично наказалъ ее.

Слѣдующая басня про осла стѣбитъ нашей обезьяны. Ослиный разумъ вообще невысоко цѣнится, только тутъ едва ли нѣтъ погрѣшности. Ослы весьма часто замысловаѣе, чѣмъ мы думаемъ, а притомъ они добронравны. У бѣдлаго посильщика, въ Англии, оселъ былъ единственнымъ товарищемъ въ

трудахъ, и сверхъ того всегда, бывало, хромоногий работникъ, въ дорогахъ для облегченія себя въ ходьбѣ, держался за хвостъ своей скотины. Въ одно изъ своихъ странствій, суровою зимой, осель съ господиномъ были застигнуты метелью. Осель съ трудомъ выбрался изъ-подъ снѣгу, но господинъ еще былъ погребенъ безпомощно; — животное, добравшись до него, становится такъ, чтобъ хвостъ его пришелся на протяженіе руки товарища. Носильщику осталось только ухватиться за него и выгнать на ослѣ изъ погребел.

Еще возвращаемся къ слонамъ, и приволимъ черту, отличающую у нихъ тактъ и любовь къ дѣтямъ. Сторожъ индѣйскій оставляетъ иногда слона, на длинной цѣпи, одного, на привязи, когда уходитъ въ лѣсъ отыскивать ему кормъ; онъ часто ввѣряетъ ему стеречь своего малютку, и въ этомъ случаѣ слонъ исполняетъ дѣло съ замѣчательною внимательностью: даетъ дитяти свободу ползать у своихъ ногъ, но если ребенокъ достигаетъ конечной черты цѣпи и въ опасности отъ него уйти; онъ бережно достаетъ его хоботомъ и переноситъ опять въ средину круга.

Заключаемъ о слонахъ еще одною исторійкой, слышанною нами изъ устъ путешественника, коротко знакомаго съ Индеей. По этому разсказу выходитъ, что слонъ переноситъ разныя послуги и работы, отнюдь однакоже не терпитъ надъ собою слѣпаго произвола, и именно если переходятъ съ нимъ извѣстныя условія, напр., определенное число рабочихъ часовъ, такъ что закону о десятичасовой суточной работѣ могло бы послужить это животное сильнымъ подтвердительноымъ доводомъ.

— Однажды нѣсколько человекъ силились вытащить изъ воды огромный тюкъ, свалившійся за бортъ съ ихъ корабля. Дѣло было вечеромъ, когда проходила партія слоновъ, возвращавшихся домой съ работы. Капитаномъ слѣвано предложеніе нанять слона, чтобы скорѣе кончить дѣло. Былъ подведенъ одинъ, ему надѣли канаты на голову, но какъ онъ, казалось, ни бился изо-всей силы, дѣло однакожъ не подвинулось ни-на-волось; подвели еще одного на помощь, и то напрасно; наконецъ ихъ поставили столько, сколько позволяло мѣсто, но работѣ не помогли и тѣмъ. Пришлось оставить усилія, и отпустить слоновъ домой. На слѣдующее утро, опять ихъ гнали на работу, и опять слѣлана проба съ однимъ слонкомъ; на этотъ

разъ, онъ съ такою легкостію вытащилъ разомъ тѣкъ, какъ намъ не вытащить гростинки.

Разскажамъ о добросердіи, благодарности и вѣжности животныхъ вѣтъ конца. Крысу одинъ арестантъ въ Женевѣ слѣлалъ до-того ручною, что она спала у него на груди. Однажды, наказанная за проступокъ, она сбѣжала, но гнѣвъ и страхъ умерли въ ней, любовь еще жила, и, по истеченіи мѣсяца, звѣрокъ опять пришелъ въ темницу. Послѣ узникъ былъ освобожденъ, и позабылъ на радостяхъ о своей подругѣ заключеніи; покинутая крыса забила въ старое тряпье его одѣла, голодала, пицала, и околѣла въ третій день.

Врачу попалась въ Дуврѣ, на улицѣ, раненая собака, изъ породы ищеекъ; — онъ привелъ ее къ себѣ, вылечилъ въ два дня, и отпустилъ опять на волю. Собака побѣжала въ свой домъ, но не забыла, и, по-своему, добра безъ оплаты не оставила! Нѣсколько недѣль, прибѣгала она къ доктору ежелдневно, и, усерднымъ виляньемъ хвоста, видимо хотѣла дать понять чувства призвательной радости, а потомъ убѣгала.

— Виляніе хвостомъ, видимо и извѣстно, ходячая монета у собакъ, и коль-скоро, по этому курсу, изъ докторскаго счета у собаки долгу болѣе на душѣ не оставалось, прекратились и повседневныя посѣщенія ищейки.

НѢЧТО О ПРОИЗВОДСТВѢ СТЕАРИНОВЫХЪ СВѢЧЕЙ.

Джоржъ Вильсонъ управляющій дѣлами Price's candle Company, въ Бельмонтѣ, читалъ въ Обществѣ ремеслъ статью о производствѣ стеариновыхъ свѣчей, изъ которой мы заимствуемъ слѣдующія историческія свѣдѣнія.

Французскому химику Шеврею мы обязаны теоріей производства стеариновыхъ свѣчей.

Въ 1811 году Шевреиль началъ свои изслѣдованія о составѣ и свойствахъ разнаго рода жира; онъ открылъ, что животный жиръ есть соль, состоящая изъ твердой кислоты—маргариновой и изъ основанія—глицерина; въ 1814 году открылъ онъ въ свиномъ жирѣ жидкую кислоту—олеиновую, которая образуетъ главную составную часть многихъ родовъ жира. — Изслѣдованія свои Шевреиль продолжалъ нѣсколько лѣтъ и въ

1823 году издалъ замѣчательное свое сочиненіе: *Recherches chimiques sur les corps gras d'origine animale*, за которое ему отъ Общества поощренія назначена недавно премія въ 12,000 франковъ.

Первое приложеніе ученыхъ открытій Шеврея къ практикѣ сдѣлалъ де Милли въ Парижѣ, начавшій свою фабрикацію свѣчей въ 1852 году съ большимъ успѣхомъ; онъ назвалъ свои свѣчи, *bougies de l'étoile*, потому что фабрика его находилась недалеко отъ заставы звѣзды. Чтобы отдѣлить жирныя кислоты отъ глицерина, съ которымъ онѣ соединены, де Милли варилъ сало съ известковымъ молокомъ; причемъ жирныя кислоты, отдѣляясь отъ глицерина, соединялись съ известью, отъ которой ихъ отдѣляли посредствомъ сѣрной кислоты; а олеиновую кислоту отъ маргариновой отдѣляли простымъ прессованіемъ.—Это такъ называемое обмыливаніе посредствомъ извести и до сихъ поръ употребляется.

Впрочемъ этотъ способъ обходится довольно дорого; потому что для полученія маргариновой кислоты надобно употребить почти въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе сала, по вѣсу.—Компанія, названная нами выше, побѣдила отчасти это препятствіе; въ 1830 году она получила привилегію разлагать масло кокосовыхъ орѣховъ на твердыя и жидкія составныя его части.—Но свѣчи приготовленныя изъ этого стеарина имѣли мало успѣха, потому что съ нихъ надобно было снимать. — Джемсъ Вильсонъ стараясь сдѣлать какъ можно дешевле свѣчи для освѣщенія по случаю бракосочетанія Англійской Королевы, нашелъ, что смѣсь изъ стеарина, полученнаго изъ кокосоваго масла, съ стеариною кислотою (чистою маргариною кислотою) даетъ прекрасныя свѣчи, при которыхъ употребленіе щипцовъ излишне.—Это суть извѣстныя составныя свѣчи (*composite candles*).

Слѣдующій шагъ на пути къ усовершенствованію былъ—очищеніе жирныхъ кислотъ перегонкою.—Джоржъ Гьюну первому пришла мысль перегонять эти кислоты въ аппаратѣ безъ доступа воздуха; эту мысль онъ правель въ исполненіе, вмѣстѣ съ гг: Джоржемъ Вильсономъ и Гонсомъ, перегоняя жирныя кислоты въ атмосферѣ водяныхъ паровъ, что имѣло хорошій успѣхъ.

Въ настоящее время мы, говорятъ г. Вильсонъ, поступаемъ при производствѣ свѣчей такъ:

Сырой матеріалъ нашъ пальмовое масло, вмѣстѣ съ крѣпкою сѣрною кислотою подвергается температурѣ 350° F. (141° R.); пальмаваго 20 масла беремъ 1 центнеровъ, а крѣпкой сѣрной кислоты 6³/₄ центнера или почти одну двадцатую часть масла.— Глицеринъ при этомъ разлагается и пары сѣрнистой кислоты отдѣляются въ значительномъ количествѣ, самый же сырой матеріалъ превращается въ смѣсь жирныхъ кислотъ, имѣющихъ темный цвѣтъ и высокую точку плавленія.— Смѣсь кислотъ отмываютъ, для отдѣленія отъ нея угольныхъ веществъ и частицъ сѣрной кислоты, и потомъ перегоняютъ въ кубѣ перегочномъ, изъ котораго воздухъ вытѣсненъ парами.— Паръ нагрѣвается въ такой же системѣ трубъ, которая употребляется на нагрѣваніе воздуха вдуваемаго въ домовыя печи; употребленіе пара высокой температуры сберегаетъ кубы и уменьшаетъ потерю при перегонкѣ.

Прежде думали, что для полученія хорошихъ стеариновыхъ свѣчъ необходимо употребленіе мышьяка, который былъ вскорѣ замѣненъ дорогимъ воскомъ.—Прежде лили массу для свѣчей, имѣвшую 92° R., въ холодныя формы и какъ она требовала много времени для остыванія, то при этомъ могла происходить кристаллизациа, въ слѣдствіе которой поверхность свѣчей дѣлалась неровною: мышьякъ и воскъ препятствовали образованію кристалловъ и свѣчи получали при этомъ болѣе ровную поверхность.— Но вскорѣ убѣдились, что употребленіе мышьяка имѣетъ худыя послѣдствія; а открытіе—что при разливкѣ въ формы стеариновой кислоты, при температурѣ близкой къ ея застыванію, не образуется совершенныхъ кристалловъ и поверхность свѣчей получается совершенно ровная—совсѣмъ уничтожилось употребленіе мышьяка и воска.

На огромной фабрикѣ Price и Co, въ Бельмонтѣ, приготовляются слѣдующіе сорта свѣчей: 1) Belmont sperm—изъ пальмитиновой кислоты, выжатой въ горячемъ состояніи, 2) Belmont wax—тотъ же матеріалъ, только окрашенный гуммигутъ въ желтый цвѣтъ (въ угодность прихотямъ высшаго общества въ Англіи); 3) Best composite—тотъ же матеріалъ, смѣшанный съ стеариномъ изъ кокосоваго масла, и потомъ три сорта нисшаго качества.

БУМАГА ДЛЯ ПИСЬМА И РИСОВАНІЯ ИЗЪ ХЛОПЧАТОЙ БУМАГИ.

Г. Карль Кармаршъ пишетъ объ этой бумагѣ слѣдующее.

Въ 1846 году, Даусъ, въ Англіи, получилъ привилегію на приготовленіе хлопчатобумажной матеріи, которая могла бы замѣнить писчую бумагу.—Журналы вскорѣ сообщили объ этой новости; но въ извѣстіяхъ ихъ, заимствованныхъ изъ London Journal of arts, было очень много неопредѣленнаго и неяснаго, какъ это почти всегда бываетъ въ описаніяхъ английскихъ привилегій.—Объ этомъ изображеніи почти и забыли; но Лондонская всемирная выставка показала, что въ Англіи и Франціи это изобрѣтеніе приложено на практикѣ и что польза его не подлежитъ сомнѣнію.—На выставкѣ находилась тонкая, блестящая, просвѣчивающая хлопчатобумажная ткань, которая съ большою пользою замѣняетъ соломенную или лаковую бумагу, употребляемую для перерисовки чертежей и проч.—На выставкѣ же находились образчики чертежей на этой бумагѣ, которыя показывали, что на ней можно тушевать и накладывать краски.—Я видѣлъ потомъ чертежи на этой бумагѣ въ чертежной г. Арменго, въ Парижѣ.

Французы называютъ бумагу эту Papier toile; (бумага-полотно) а Англичане Writing and tracing cloth или Vellum cloth.—Она имѣетъ до 0,9 метровъ ширины и метръ въ длину продается въ Парижѣ 2 франка 25 сент.; а въ Лондонѣ ярдъ—одинъ шиллингъ; или же взять цѣлую штуку въ 24 ярда, то ярдъ уступаютъ за 10 пенсовъ.—И такъ въ Англіи бумага эта дешевле, нежели во Франціи, что происходитъ отъ различія ткани.

Оба сорта матеріи, английская и французская, не очень мягки и такъ сильно просвѣчиваютъ, что черезъ нихъ можно видѣть даже самыя тонкіе чертежи и копировать ихъ; впрочемъ английская бумага прозрачѣе,—цвѣтъ ея бѣлый и блескъ превосходный; французская же немного желтовата или грязноватобѣда и блескъ ея (лоскъ) не такъ хорошъ. Если къ тому прибавить еще дешевизну, то английская бумага превзойдетъ далеко французскую.—Оба сорта бумаги очень хороши для письма обыкновенными чернилами; для черченія инструментами (рейс-федерами), для тушовши и наложенія красокъ посредствомъ кисти; но карандашъ лучше будетъ на французской бумагѣ,

потому что она менѣе гладка.—Блескъ (лоскъ) того мѣста, гдѣ положены мокрыя краски, исчезаетъ; а противоположная сторона сохраняетъ его болѣе или менѣе.—Написанное чернилами, даже очень легко, не сходитъ совершенно при смываніи водою, но твердость и лоскъ матеріи теряются при этомъ.—Бумага эта имѣетъ много преимуществъ въ сравненіи съ обыкновенно-употребляемою; она прочнѣе и не ломается при складываніи, легко свертывается, не желтѣетъ отъ времени, имѣетъ болѣе пріятный цвѣтъ, и т. д.

Прекрасныя качества бумаги заставили меня узнать, изъ чего она сдѣлана и какъ приготовлена.

Я взялъ кусокъ этой матеріи, размягчилъ его въ водѣ, вымылъ и высушилъ; отъ этого лоскъ сошелъ съ нея и мнѣ представилась простая хлопчатобумажная ткань, нити которой сдѣлались круглыми, тогда какъ до операціи онѣ были плоскія.—Точное взвѣшиваніе отмѣренной пробы и счетъ нитей показали, что англійская бумага сдѣлана изъ нитей № 60 и 70, а французская изъ № 90 и 100°; вѣсъ ихъ тоже различенъ.—И такъ эту матерію надобно отнести къ хлопчатобумажному батисту или жаковнету, если не брать въ соображеніе аппретуру ткани.

Чтобы открыть, изъ чего состоитъ аппретура, я пробовалъ матерію пемытую, и капля винноспиртовой содовой тинктуры произвела на ней темнофіолетовое пятно.—Вода, въ которой матерію варилъ я послѣ выпариванія, дала липкую жидкость, получившую отъ содовой тинктуры индиго-голубой цвѣтъ.—Эти пробы дали ясныя доказательства присутствія въ матеріи крахмала. Если кусокъ матеріи нагрѣтъ сильно у печки или на пламени свѣчи, то она пристаеетъ къ пальцамъ; то же самое можно замѣтить, когда кусокъ матеріи зажечь отъ свѣчки и потомъ потушить указательнымъ и большимъ пальцами. Французская бумага имѣла въ этихъ случаяхъ большую липкость, что я приписываю большому количеству воска въ аппретурѣ. Потомъ я взялъ довольно большую пробу англійской бумаги; отдѣлилъ отъ нея аппретуру посредствомъ вывариванія и мытья и нацѣпалъ ее въ горячемъ клейстерѣ изъ картофельной муки. (которая даетъ клейстеръ болѣе прозрачный, нежели крахмалъ изъ пшеницы), въ которую было прибавлено нѣсколько воска; сжавши и выправивши бумагу рукою, я просушалъ ее и, по-

ложивъ между обыкновенною бумагою , прошелъ по ней утюгомъ. Несмотря на несовершенство этой операціи , я получилъ продуктъ , цвѣтъ котораго былъ почти такой же , какъ и парижской papier-toile; прозрачностію своею и другими свойствами полученный мною продуктъ тоже близко подходилъ къ ней. Я увѣренъ , что съ небольшимъ измѣненіемъ , операція эта дастъ хорошую бумагу , хотя настоящій способъ ея приготовленія еще неизвѣстенъ.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ПИСЧЕЙ БУМАГИ ВЪ АНГЛІИ.

Главнѣйшія фабрики , приготовляющія писчую бумагу для Соединеннаго Британскаго Королевства , находятся въ Англіи и здѣсь преимущественно въ графствахъ Кентъ (гдѣ въ особенности готовится самая тонкая бумага для письма и рисованія) , Lancaster , Berk , Hereford и Derby. Количество приготовляемой бумаги постоянно увеличивается ; а цѣна на нее уменьшается ; такъ что въ 1843 году цѣны на бумагу составляли только половину цѣнъ , бывшихъ въ 1801 году. Но въ Англіи въ сравненіи съ другими государствами цѣна на бумагу еще высока , что происходитъ отъ значительной пошлины на нее , наложенной на фабрики. Съ октября мѣсяца 1836 года пошлина на всѣ сорта бумаги составляетъ $1\frac{1}{2}$ пенса за фунтъ. Ежегодную производимость бумажныхъ фабрикъ оцѣнивають въ 3,000,000 фунтовъ стерлинговъ ; вывозъ изъ государства простирается только до 300,000 фунтовъ стерлинговъ и слѣдовательно девять десятыхъ потребляется внутри королевства.

Фабрики не могутъ получить въ самой Великобританіи необходимаго количества тряпья для бумаги и фабриканты принуждены привозить его изъ-за границы и даже употреблять частію и хлопчатую бумагу.

Огромное количество тряпья для бумажныхъ фабрикъ Англіи получаетъ изъ Венгріи черезъ Fieme и это тряпье , какъ говорятъ , даетъ самую крѣпкую бумагу. вмѣстѣ съ холщевымъ тряпьемъ упогребляются старыя веревки и канаты , пакля и различныя остатки изъ механическихъ прядилень льна. Изъ смоляныхъ веревокъ и канатовъ приготовляютъ извѣстную бумагу , для различныхъ упаковокъ употребляемую. Хлоп-

чатая бумага въ особенности примѣшивается къ тряпью при приготовленіи печатной бумаги и количество ея доходить иногда до $\frac{9}{16}$ всей массы;—въ особенности рекомендуютъ бумагу, приготовленную съ примѣсю хлопчатой бумаги, для обоевъ и литографіи.

Сортировка тряпья въ Англіи производится съ большаю стараніемъ ручною разборкою; причемъ легко и лучше отдѣляются всѣ негодныя части.

Писчая бумага, даже бумага для писемъ, употребляется въ Англіи довольно толстая (плотная); самая fashionable бумага для писемъ почти такая же толстая, какъ пергаментъ, разумѣется изъ самой лучшей массы и чрезвычайно гладкая. Письма дѣловыя пишутъ на болѣе тонкой бумагѣ, называемой Bank-post, которой 15,900 до 34,100 квадратныхъ дюймовъ вѣсятъ только фунтъ.

И эта часть промышленности имѣла на Лондонской всемирной выставкѣ самыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ представителей.

РАСТЕНІЕ ЮТА.

Растеніе это въ Остиндіи считается негодною травою и достигаетъ до 10 футовъ длины. Волокна его очень легко рвутся; а потому ихъ употребляютъ только на приготовленіе самыхъ обыкновенныхъ тканей, состоящихъ изъ грубыхъ нитей; но они очень хороши для чески, а потому легко могутъ служить для поддѣлки полотна. Волокна этого растенія во множествѣ привозятся нынѣ въ Англію и служатъ для поддѣлки разныхъ тканей; потому что они длинны, тонки и дешевы. Употребленіе этихъ волоконъ при приготовленіи тканей изъ пеньки или льна, надобно разсматривать, какъ невыгодную для покупателей поддѣлку, потому что волокна очень ломки или легко разрываются. При покупкѣ полотна надобно быть въ настоящее время еще болѣе осторожнымъ, нежели прежде; потому что ввозъ юта постоянно увеличивается.

IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И ОЧЕРКИ ПРАВОВЪ.

БРУССА. (Статья Виконта де-Болдна.)

Довольно долгое пребываніе мое въ Бруссеъ даетъ мнѣ право говорить объ ней подробно; но, какъ художникъ, откровенно признаюсь, что пребываніе въ ней показалось мнѣ слишкомъ краткимъ: чтобы достаточно насладиться жизнью въ этомъ «Парадизѣ» * (такъ прозвали этотъ городъ аравитяне, изгнанные изъ Иберіи), въ немъ нужно навсегда остаться.

Всякое утро изъ Константинополя отходитъ пароходъ, который пересѣкаетъ Мраморное море и въ семь или восемь часовъ доставляетъ васъ въ Гемлекъ, городокъ, лежащій на азіатскомъ берегу, у Кинейской бухты. Въ этомъ мало замѣчательномъ мѣстечкѣ останавливаются лишь для того, чтобы запастись лошадьми и проводниками.

По выѣздѣ изъ Гемлека, вы сперва ѣдете вдоль берега залива, а потомъ переправляетесь вплавь черезъ потокъ, знаменитый въ мѣтологіи. Здѣсь-то Гиласъ, дорогой другъ Геркулеса, былъ похищенъ нимфами, очарованными его красотой, и именно въ ту минуту, когда онъ захотѣлъ зачерпнуть воды изъ этого источника. Опечаленный Геркулесъ покинулъ аргонавтовъ и принялся странствовать по Мизіи, въ надеждѣ отыскать друга. Ежегодно, въ воспоминаніе такого бѣдствія, жители отправлялись въ Полидромійскія рощи и тамъ, съ тирсомъ въ рукахъ, хоромъ призывали красиваго Гиласа навсегда погибшаго.

Начиная съ деревеньки Энгурджикъ, гдѣ взорамъ вашимъ снова представляется Муданскій заливъ, подобно озеру, окаймленному зеленью, дорога то подымается, то опускается среди красивыхъ холмовъ, расположенныхъ между отраслями Катырлійскихъ или Аргонтовійскихъ горъ. Каприфолій, рододендроны, жасмины, клематиты и тысячи благоухающихъ цвѣтовъ растутъ по окраинамъ дороги.

Послѣ четырехчасовой ѣзды, вы достигаете деревни Демир-техъ, знаменитой своими ваннами, и отсюда, по направленію

* Персидское слово, означающее садъ.

къ западу, въ концѣ обширной равнины, вы видите Брусу, амфитеатромъ построенную на послѣднихъ отлогостяхъ Олимпа, котораго вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Изъ этого соборища злавій, потонувшихъ въ утреннемъ туманѣ, которое издали можно было принять за серебряную пелену воды, выбѣгали къ небу, на подобіе бѣлыхъ наядъ, минареты, купола, мечети и великолѣпныя бани. Какой ландшафтъ! Здѣсь, подъ неприкосновенною тѣнью этого терпентиннаго дерева, близъ котораго я сдержалъ свою лошадь, можно свѣять восхитительный видъ Брусы.

Вліяніе, которое производятъ на васъ величіе и красота мѣстности, еще болѣе усиливается историческими воспоминаніями. Такъ это Олимпъ, Мизійскій Олимпъ, конечно, не столь знаменитый, какъ его соименникъ въ хребтѣ Пиндскомъ, но зато обширнѣе и горделивѣе его. Правда, боги его рѣдко посѣщали, но поэты его воспѣвали и онъ играетъ роль въ великихъ событіяхъ исторіи.

Расположеніе Брусы достойно похвалы Оттоманской имперіи; теперь, болѣе нежели когда-нибудь, она ея символъ. Подобно ей вся преданная нѣги и роскоши, она, кажется, забываетъ своя права на титулъ столицы и предпочитаетъ теперешнее безмятежіе своей минувшей славы.

Обширная равнина, которая стелется у ногъ ея и орошается Нилуфаромъ, богаче и живописнѣе одвообразной Ларисской долины. Этотъ потокъ, ее оживляющій, течетъ, прозрачный, многочисленными рукавами, неся на себѣ цѣлыя стаи аистовъ, фламинго и другихъ водяныхъ птицъ. Виноградники, тутовья и фиговые деревья, олеандры и мирты образуютъ по берегамъ его или правильныя плантаціи, или природныя боскеты, обвитыя ползучими растеніями и гигантскими камышами, которые напоминаютъ вамъ Аркадію.

Брусса была основана, по словамъ Пльвія, Аннибаломъ, во время пребыванія послѣдняго при дворѣ Виоанскаго царя Прузія. Знаменитый Кароагенянинъ, желая возблагодарить царя за гостепрѣимство, назвалъ его именемъ городъ. Пруза превратилась у турокъ въ Бурсу или Брусу.

При Митридатѣ Брусса была уже укрѣплена; но, не столь важная, какъ Никея и Никомедія, она въ правительственномъ отношеніи зависѣла отъ нихъ. Послѣ пораженія Митридата, при Цизикѣ, Лукулломъ, Триарій осадилъ Прузу и овладѣлъ ею.

Съ тѣхъ поръ она осталась подъ владычествомъ Римлянъ, что подтверждается находящимися въ ней до сихъ поръ монетами, на которыхъ изображены римскіе императоры, съ надписью: *Vibenna*. Подъ владычествомъ греческихъ императоровъ городъ значительно увеличился, сдѣлавшись торговымъ пунктомъ между Византією и внутренней Азіей. Константинопольскіе вельможи часто посѣщали ее, благодаря ей знаменитымъ ваннамъ и цѣлебнымъ горячимъ источникамъ, содержащимъ въ себѣ особенно много сѣры и солей. Константинъ V и Теоодіа, его вторая супруга, посѣтивши Бруссу лѣтомъ 797 года, совершенно излечились тамъ отъ недуговъ, противъ которыхъ усилія византійскихъ врачей оказались тщетными.

Въ концѣ IX вѣка кочевые народы стали угрожать греческой имперіи, а въ 940 году одинъ принцъ изъ дома Гамаданъ Сеифъ-эль-Даудель овладѣлъ Бруссю послѣ осады, продолжавшейся цѣлый годъ, и велѣлъ разрушить городскія стѣны. Греки, снова овладѣвшіе нѣскольکو времени спустя, этимъ городомъ, обновили укрѣпленія. Несмотря на частыя войны, о которыхъ было бы здѣсь неумѣстно говорить, греки сохранили за собою Бруссю до самаго появленія Осмава. Этотъ основатель Оттоманской имперіи три раза осаждалъ городъ, но не могъ взять его. Будучи уже старъ и болѣвъ, онъ передалъ все въ руки сына своего Орканъ, который приказалъ двумъ отличнѣйшимъ своимъ военачальникамъ, Тимуру и Балабану, соорудить въ равнинѣ два укрѣпленія, съ цѣлью прервать сношенія города съ моремъ.

Послѣ семимѣсячной непрестанной борьбы Орканъ проникъ въ предмѣстья города и ихъ разрушилъ. Тогда императоръ Андроникъ приказалъ городу сдать на капитуляцію, но съ условіемъ получить тридцать тысячъ червонцевъ. Это было въ 1325 году (726 году гаджры). Османъ на смертномъ одрѣ получилъ извѣстіе объ этой побѣдѣ и завѣщалъ, чтобы ему воздвигли гробницу въ новой столицѣ оттоманскихъ императоровъ.

Этотъ прелестный городъ, подъ владычествомъ султановъ, не переставалъ быть столицею Оттоманской имперіи, до самаго завоеванія Магометомъ II Византію, которая отнынѣ стала уже столицею турецкихъ султановъ. Укрѣпленія Бруссы, которыя еще теперь виднѣются, были сооружены Магометомъ III для

огражденія города отъ нападеній разбойничьихъ шаекъ, опустошавшихъ тогда Малую Азію.

Пожары, въ особенности случившіеся въ 1490 году, который истребилъ большую часть города, осады и наконецъ постройки новѣйшихъ временъ были причиною того, что отъ римскаго владычества не осталось никакихъ слѣдовъ.

Въ Бруссѣ находится укрѣпленный замокъ, окруженный еще стѣнами, нѣкогда опоясывавшими старій городъ. У подножія замка лежитъ самый городъ, а за нимъ предместье Мурадъ-Магалесси. Жителей въ Бруссѣ считается 80,000, изъ числа которыхъ 60,000 турокъ или мусульманъ, 7000 или 8000 армянъ, живущихъ въ восточной части города, на крайнихъ отлогостяхъ Олимпа, 4000 или 5000 грековъ, обитающихъ въ части города, прилежащей къ равнинѣ, и 2000 или 3000 евреевъ, гнѣздящихся въ западной части Бруссы.

Такое топографическое расположеніе жителей, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ ихъ положенію въ имперіи. Дѣйствительно, армяне, благодаря своему уму и ловкости, пользуются здѣсь всеобщимъ уваженіемъ и часто достигаютъ важнѣйшихъ должностей въ государствѣ. Греки—факторы и слуги, а евреи, всѣми презираемые, занимаются только мелкою торговлею.

Брусса, по своему положенію, есть главный городъ первостепеннаго пашалыка и мѣстопребываніе греческаго и армянскаго митрополитовъ. За исключеніемъ мечетей, гробницъ и бавъ (заслуживающихъ вниманія), вы не найдете въ Бруссѣ никакого архитектурнаго памятника, которыми изобилуютъ города итальянскіе; зато ея красивое мѣстоположеніе искупаетъ этотъ недостатокъ. Дома — настоящіе шалѣ, выкрашенные розовымъ, зеленымъ, желтымъ и голубымъ цвѣтомъ; большая часть изъ нихъ окружены огромными деревьями, покрыты ползучими растеніями и виноградными лозами, то висящими надъ обрывами, на двѣ которыхъ бѣгутъ потоки, то сгруппированными по уступамъ скалъ, позади которыхъ тянется голубой силуэтъ Олимпа или виднѣтся богатая Нилуфарская долина.

Какое богатое народонаселеніе! Какія живописныя одежды! Здѣсь господствуетъ это великое азіатское племя, гордое, благородное, роскошное! Главный предметъ промышленности есть шелководство; здѣсь вы можете прослѣдить всю его исторію, начиная съ разведенія тутовыхъ деревьевъ и воспитанія шел-

квичныхъ червей до приготовленія самыхъ дорогихъ шелковыхъ тканей. Шелководство—вечернаемый источникъ довольства для этого края славяшагося своими шелковыми матеріями въ своемъ родѣ неуступающимъ дамаескимъ.

Брусса, если вѣрить историкамъ, имѣла прежде 365 мечетей. Теперь число ихъ убавилось; впрочемъ, еще насчитываютъ 174 джами (мечеть съ минаретомъ) и 24 медждъ (мечеть безъ минарета). Въ Бруссе находится: 14 чарчи или безестивъ (базары) и 18 хава или караванъ-сараявъ. Бань безчисленное множество; дѣйствительно, по милости теплыхъ и холодныхъ источниковъ, которыми изобилуетъ Олимпъ, и отъ которыхъ проведены каналы во всѣ кварталы, въ каждомъ домѣ можно устроить фонтанъ и баню.

Изъ числа мечетей, девять достойны описанія, какъ образцы турецкаго и персидскаго зодчества. Большая мечеть Угу-Джами оригинальнѣе прочихъ; она построена въ центрѣ города, на самомъ высокомъ пунктѣ. Это обширное четырехугольное зданіе расположеніемъ своимъ нисколько не походитъ ни на прочія Брусскія мечети, ни на Св. Софію, въ Константинополѣ. Его можно считать образцемъ архитектуры первыхъ временъ исламизма. Его основаніе—четыреугольникъ, каждая сторона котораго равняется 100 метрамъ; онъ раздѣленъ на 25 равныхъ частей шестнадцатью столбами, которые поддерживаютъ 24 купола или свода. Средній куполь покрытъ только желѣзнымъ трельяжемъ, сквозь который видна лазурь неба; проникаютъ лучи солнца и капли дождя, падающія въ великолѣпный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора. Этотъ бассейнъ, изъ котораго бьетъ фонтанъ не изсѣченъ въ полу, но возвышается въ видѣ осьмьюгольной вазы, въ которой плаваютъ рыбы, считаемыя мусульманами священными. Ничего нельзя себѣ представить живописнѣе и восточнѣе этого бассейна. Журчаніе воды подлѣ глубокими сводами, роскошная, оживленная природа подлѣ этого безмолвнаго архитектурнаго памятника, все это представляетъ собою контрастъ, полный прелести!

Мы назовемъ теперь, какъ любопытную для археолога, мечеть Ильдиримъ-Баязида, потомъ мечеть Эмиръ-Султана, стоящую на вершинѣ холма среди рощи изъ кипарисовъ и гранатовыхъ деревьевъ, господствующей надъ всѣмъ городомъ; наконецъ недалеко отъ послѣдней, лучшую и богатѣйшую изъ

всѣхъ мечетей, именно Могаммеда I, сына Ильдирима. Ее называютъ также Зеленою мечетью (Ишиль-Илгарети). Съ точки зрѣнія искусства чисто восточнаго, ее можно предпочесть Константинопольскимъ мечетямъ. Передъ входомъ, сънимаемымъ огромнѣйшимъ чинаромъ, бьетъ фонтанъ, знаменитымъ въ странѣ чистотою и сладостью воды. Большая дверь есть образецъ роскоши. Карнизъ изъ краснаго гранита отдѣляетъ ее отъ мечети. Арабская надпись тянется вокругъ длинною лентою. Арабски, украшающіе косяки, самая форма ниши, въ которой сдѣлана дверь, все это прелестно и вполнѣ заслуживаетъ вниманія художниковъ. Постройка одного этого входа потребовала трехлѣтнихъ постоянныхъ усилій и суммы въ 40 000 дукатовъ. Карнизы около оконъ и фризы, тоже изъ краснаго гранита, покрыты надписями и арабесками удивительной работы. Чтобы войти въ мечеть, надо пройти въ низкую и глубокую дверь. Такой таинственный входъ приличенъ всѣмъ магометанскимъ храмамъ. Широкая завѣсъ и полный прелести полумракъ должны скрывать святилище отъ взора невѣрныхъ. На своѣ, подъ этимъ вторымъ входомъ, золотая надпись на лазурномъ полѣ означаетъ имена строителей и годъ сооруженія. Внутренность, подобно тому, какъ и въ мечети Бенезидъ-Джами, основана двумя куполами, расположенными чисто въ турецкомъ вкусѣ: одинъ за другимъ. Но что впервые бросается въ глаза, что особенно обращаетъ на себя вниманіе артиста и археолога, такъ это мозаическія украшенія изъ фаянса, которыя тянутся вдоль каедръ и по мелкости и по чистотѣ работы, кажутся мраморными кружевами. Мѣсто для султана, выходящее окномъ (въ персидскомъ вкусѣ) въ мечеть и расположенное надъ входомъ, обложено эмалированными израсцами, въ которыхъ господствуетъ темно-синій цвѣтъ. Внизу, по обѣ стороны отъ входа, находятся двѣ ниши (губба), тоже выложенныя эмалированными израсцами, цвѣта бирюзоваго и лапис-лазули, испещренныя бѣлыми, черными, красными и золотыми арабесками. Стѣны, украшенныя по краямъ фаянсовыми израсцами, обложены въ верхней части большими мраморными плитами, а своды и капители украшены прекрасными изваяніями. Миграбъ (священная ниша), похожая рисункомъ на главную дверь, тоже обложена гранитною лентою, а призматическія изваянія ея полусвода выложены фаянсовыми израсцами рѣдкой красоты. По близости отъ этой мечети находится гробница султана. Без-

спорно, это въ своемъ родѣ образцовое произведеніе. Осмигранная, какъ почти всѣ *тюрбѣ* въ Константинополѣ, эта гробница обложена вся, включая сюда и куполъ, покрываломъ изъ эмалированныхъ израсцевъ того чуднаго зеленовато-голубаго цвѣта, котораго яркость ни съ чѣмъ несравнима. Это настоящій бирюзовый дворецъ, который при лучахъ солнца горитъ ярче золота.

Теперь поспѣшимъ на базары; дѣятельность ихъ свидѣтельствуешь, что несмотря на конкуренцію англичавъ, торговля здѣсь еще процвѣтаетъ. На востокѣ вы часто посѣщаете базары, во-первыхъ, потому что здѣсь найдете прохладу и вторыхъ, чтобы любоваться длиною вереницею лавокъ, наполненныхъ всевозможными товарами, и оживленною картиною толпы, снующей взадъ и впередъ. Базаръ, въ которомъ продаютъ преимущественно пряности, плоды, говядину и рухлядь, значительное прочихъ; онъ занимаетъ цѣлый кварталъ. Но всѣхъ любознательнѣе это Шадирванли-базаръ, похожій на Константинопольскій. Въ центрѣ его главнаго прохода находится ротонда, въ которую вы входите чрезъ аркады, чисто въ арабскомъ вкусѣ, что придаетъ всей ротондѣ рѣзкій восточный колоритъ. По выходѣ изъ Шадирванли-базара, вы вступаете въ Валукъ-базаръ. Это не что иное, какъ улица, опоясанная лавками, надъ которою столбѣтнія виноградныя лозы образуютъ непроницаемый сводъ. Кое-гдѣ лучи солнца пробиваются сквозь этотъ сводъ зелени и падая золотымъ дождемъ на улицу, придаютъ всей картинѣ восхитительный эффектъ. Прибавьте къ этому пейзажу великолѣпныя одежды *зейбековъ* (нѣчто въ родѣ сельскихъ сторожей), ростомъ съ Геркулеса, съ чудными, выразительными лицами, съ огромными тюрбанами и съ рукавами касающимися земли, представьте себѣ все это — и вы поймете, что такая картина достойна кисти Декана. Въ концѣ этой аллея вы берете вправо и скоро выходите изъ города по тѣнистой аллеѣ, которой сводъ образуютъ виноградныя лозы, каприфолій, клематиты, вьющіеся около деревьевъ, опоясывающихъ дорогу, и сплетающихся надъ вашими головами; эта дорога идетъ къ источникамъ Олимпа. Бань находится здѣсь отъ 18 до 20; всѣхъ же вообще бань слишкомъ три тысячи. Обиліе источниковъ и любовь мусульманъ къ омовеніямъ, частое совершеніе которыхъ предписывается Кораномъ, объясняютъ такое ихъ множество. Цѣна въ баняхъ удивительно низкая:

три или четыре парички для бѣдныхъ и сорокъ для богатыхъ и для иностранцевъ.

Легко понять, что въ Бруссу, столицу молодой и могучей династїи, скоро сдѣлавшуюся однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ востока, со всѣхъ странъ Азіи и Африки начали стремиться, несметными толпами, муллы, хаджи и дервиши, извѣстные строгостью жизни, добрыми дѣлами или поэтическимъ творчествомъ. Этотъ прелестный городъ естественно долженъ былъ поправиться пустынноикамъ и монахамъ. Въ послѣднее время Бруссу приобрѣла особеннаго рода извѣстности: она назначена быть постояннымъ мѣстопребываніемъ Абд-эль-Кадеру.

ХАДЖИ НАСРЪ-ЭЛЬ-ДИНЕ (Арабское преданіе.)

Если любопытство артиста приведетъ васъ въ Каиръ, то не забудьте посѣтить долину Халифовъ, ибо не увидавъ этого живописнаго мѣста, вы не получите полного понятія о красотѣ пейзажей Востока. Среди памятниковъ древности, разбросанныхъ по этой долинѣ, глазъ вашъ останавливается на марабутъ, рѣзко отличающагося отъ прочихъ зданій. Спросите, надъ чьимъ прахомъ онъ возвышается, и вашъ драгоманъ, въ картинныхъ выраженіяхъ, столь свойственныхъ сынамъ Аравіи, расскажетъ вамъ преданіе о Хаджѣ Насрѣ-эль-Дине. Вотъ оно:

Въ столицѣ халифовъ, во время Омара, жилъ любимецъ пророка, одинъ изъ лучшихъ мусульманъ, когда-либо поклонившихся Аллаху. Жизнь его была — долгая молитва и непрерывная цѣль добрыхъ дѣлъ. Всѣ любили его, всѣ уважали его, какъ святаго. Счастье однако улыбалось ему только половину: съ младенчества, съ той поры когда онъ сталъ лепетать имя пророка, онъ питалъ въ себѣ надежду отправиться на поклоненіе въ Мекку и умереть не прежде, какъ облобызавъ святую землю. Однако печальные года напоминали ему о близкой кончинѣ, а онъ все-таки не могъ осуществить своего намѣренія. Онъ набожно собиралъ, нерѣдко подвергая себя лишениямъ, деньги, нужныя на это путешествіе; но всякій разъ, когда сумма становилась значительною и тѣмъ приближала его къ цѣли, доброе и сострадательное сердце его, स्वा-

лившись валъ несчастіями другихъ, побуждало его раздавать бѣднымъ всѣ деньги, собранныя съ такимъ трудомъ.

Наконецъ религиозное чувство до того стало упрекать его, что онъ рѣшился закрыть свое сердце состраданію и въ наискорѣйшемъ времени привести въ исполненіе свое святое намѣреніе.

Приближался день отъѣзда. Приготовленія къ путешествію дѣлались хаджею съ тою мудрою медленностью, съ тою мелочною заботливостью, которыя характеризуютъ масульманина, особенно въ этомъ важнѣйшемъ событіи его жизни. Хаджи Насръ-эль-Дине приготовлялся къ этому набожному торжеству молитвами и умовленіями, многочисленнѣе обыкновеннаго.

Наканунѣ отъѣзда, при восходѣ солнца, горя ветерѣніемъ увидать вдали путь, по которому онъ отправится въ Мекку, онъ поднялся на гору Каттанъ. Тамъ онъ возблагодарилъ Аллаха за твердость, которую онъ ниспослалъ ему въ исполненіи своего намѣренія и общалъ, на возвратномъ пути раздать нищимъ все что только не будетъ для него существенно — необходимо. Чего не былъ готовъ общать добрый Насръ-эль Дине въ эту минуту восторга и благодарности! Онъ видѣлъ уже себя у гробницы пророка, обладателемъ всѣхъ сокровищъ, общанныхъ хаджи: имъ самыя прохладныя рощи, лучшіе шербеты, красивѣйшія гуріи! Вѣтерокъ, играя на верхушкахъ пальмъ, лепеталъ что-то незъяснимо сладостное: для Хаджи это была небесная гармонія. Востокъ румянился отъ перваго поцѣлуя солнца; вся природа дышала такою вѣгою и красотой, какой никогда не замѣчалъ въ ней Насръ-эль-Дине. Выйдя наконецъ изъ этого долгаго, сладостнаго забытья, Хаджи еще разъ помолился и отправился домой — но ангелъ состраданія, улыбнувшійся, когда Хаджи поклонился неподавать болѣе милостыни, послѣдовалъ за нимъ.

На порогѣ своего дома Хаджи Насръ-эль-Дине увидѣлъ женщину, которая горько плакала. Издохшая курица лежала у ногъ ея. Женщина съ жадностью смотрѣла на нее, не смѣя однако дотронуться.

— Отчего ты плачешь Китша? спросилъ ее Насръ-эль-Дине, и зачѣмъ глядишь на эту курицу? Развѣ ты не знаешь, что пророкъ запретилъ употреблять въ пищу дохлыхъ животныхъ?

Китша стала плакать пуще прежняго и, всхлипывая, отвѣчала:

— Ты знаешь, у меня семеро дѣтей; мой мужъ давно уже умеръ, а я очень бѣдна! Пророкъ добръ, Насръ-эль-Дине. Быть можетъ онъ лучше позволить питаться этой курицею, нежели умереть съ голоду. Я не прикоснусь къ этой курицѣ, но дѣти мои!... дѣти!... Насръ-эль-Дине, они просятъ у меня пищи, они ждуть меня, а я ничего не могу дать имъ! Думаешь-ли ты, что пророку пріятно будетъ, если я допущу этихъ бѣдняжекъ умереть съ голоду? Если ты вѣришь этому, о, я тогда оставляю эту курицу, ибо я прежде всего хочу повиноваться Аллаху!

И Китша, въ пылу отчаянія, упала ницъ. Тронутый ея разсказомъ и добрыми качествами души, Хаджи забылъ и клятву, и пилигримство, и все о чемъ мечталъ, на что надѣялся уже столько лѣтъ; состраданіе взяло верхъ и онъ положилъ въ руку бѣдной вдовы всѣ деньги, накопленныя имъ для предстоящаго путешествія.

— Возьми Китша; пророкъ тебя награждаетъ! Бѣги къ твоимъ дѣтямъ! Вотъ тебѣ хлѣбъ на многіе дни! Китша припадаетъ къ ногамъ Насръ-эль-Дине, благодаритъ его и съ лицомъ сіяющимъ радостью, бѣжитъ, какъ безумная, въ свою бѣдную лачужку, гдѣ полученное золото прольетъ столько радости!

Душа Насръ-эль-Дине уивается этимъ добрымъ поступкомъ, подобно тому, какъ земля, изсушенная солнцемъ, уивается благодѣтельнымъ дождемъ, но вдругъ Хаджи останавливается; онъ повялъ, что потеря всѣхъ денегъ лишаетъ его возможности предпринять путешествіе и въ первый разъ въ жизни онъ раскаивается въ томъ, что поднесъ чашу благотворительности къ устамъ бѣдняка. Онъ воротился домой, убитый горестью.

На слѣдующее утро Хаджи снова отправился на вершину горы Каттана. Слезы потекли у него ручьями, когда онъ увидѣлъ многочисленную и пышную толпу поклонниковъ, зарудившую равнину. Убирали палатки, навьючивали верблюдовъ, прощались съ остающимися родственниками и друзьями. Шумъ и говоръ этой толпы были для Насръ-эль Дине грознымъ голосомъ упрекавшей его совѣсти. Онъ долго плакалъ, и когда цѣпь пилигримовъ скрылась изъ виду, ему казалось, что душа его покинула и устремилась въ слѣдъ за караваномъ мольщиковъ. Последніе лучи солнца золотили уже землю, а

Насръ-эль-Дине все стоялъ на томъ же мѣстѣ, съ головой обращенной къ той свѣтящейся точкѣ, которую указываетъ звѣзда пророка.

Однако Хаджи сталъ вести очень спокойную жизнь. Онъ самъ удивлялся, обрѣтая въ самомъ себѣ какое-то внутреннее спокойствіе, такъ мало гармонировавшее съ его несуществившими надеждами. Счастливые сны навѣвали на него, по ночамъ, сладкія воспоминаія. Часто посланникъ неба являлся къ нему и сладкимъ голосомъ говорилъ ему: «Насръ-эль-Дине! Отдайся милосердію Аллаха! Онъ не покинулъ тебя!» Не смѣя, безъ душевной скорби, мечтать объ этой благодатной странѣ, которую ему никакъ не удавалось посѣтить, Хаджи старался забыть о пилигримахъ, ибо при мысли о нихъ, душа его, впрочемъ добрая и мягкая, становилась завистливою и раздражительною.

Вотъ наконецъ радостные крики жителей Каира привѣтствуютъ караванъ молещниковъ, возвращающихся изъ путешествія въ Мекку. И старъ, и малъ, бѣгутъ ему навстрѣчу. Одинъ только Насръ-эль-Дине заперся у себя и сталъ плакать и молиться. Вдругъ тысячи голосовъ провозносятъ его имя. Онъ выходитъ изъ дому. Старѣйшіе хаджи, завидѣвъ его, бросаются къ его ногамъ, дѣлуютъ его руки и платье. Насръ-эль-Дине, видя это, смутился.

— Какъ? хаджи! Вы у моихъ ногъ! вскричалъ онъ. Что причиною такой незаслуженной мною чести, навѣрно, противной пророку? Я долженъ пасть къ вашимъ ногамъ и облобызать священныи прахъ вашихъ бабушъ!

— К чему притворяться? отвѣчалъ ему старѣйшій изъ хаджи. Мы знаемъ, Насръ-эль-Дине, что пророкъ любитъ тебя больше всѣхъ насъ! Какимъ путемъ ты воротился? Ты былъ вмѣстѣ съ нами. Когда мы отправились въ дорогу, ты для всѣхъ насъ служилъ примѣромъ твоею набожностью и поведеніемъ столь отличнымъ и сообразнымъ законамъ пилигримства. Это ты, который въ Минехъ умѣлъ выбрать въ залогъ самые круглые каменья и бросить ихъ въ *чертову дыру*, у подошвы Арарата. Мужество, съ которымъ ты переносилъ дорогою усталость, лишенія, посты—восхищало старѣйшихъ изъ насъ, подобно тому, какъ до твоего путешествія твои добродѣтели, кротость, милосердіе, умѣнье разъяснять наши духовные законы — составляли нашу гордость. Расскажи намъ, Насръ-эль-Ди-

не, какъ ты воротился? Конечно, пророкъ повелѣлъ одному изъ своихъ небесныхъ служителей перенести черезъ пустыню?

Насръ-эль-Дине былъ такъ смущенъ, что только могъ отвѣчать слезами. Онъ теперь сталъ объяснять себѣ причину спокойствія души, во время его мнимаго пилигримства и началъ понимать предначертанія Аллаха. Отъ избытка радости онъ лишился чувствъ, его отнесли домой и тихій голосъ, который такъ часто усыплялъ его горестъ, и на этотъ разъ возвѣстилъ ему новую милость Аллаха. Тронутой добродѣтелью своего слуги, Аллахъ повелѣлъ *ангелу милосердія* принять обликъ Насръ-эль-Дине и совершить вмѣсто него святое путешествіе въ Мекку, такъ что всѣ добрыя дѣла послѣдняго были приписаны правовѣрному Хаджи, столь достойно чтившему своими благодѣяніями Аллаха.

Скоро эта вѣсть облетѣла весь Каиръ. Всякій хотѣлъ видѣть Хаджи, говорить съ любимцемъ пророка. До самой смерти Хаджи каждый годъ повторялось подобное чудо; моельщники отпраплялись въ Мекку въ сопровожденіи двойника Насръ-эль-Дине *ангела милосердія*.

Хаджи былъ всеѣмъ такъ уважаемъ, что по смерти ему воздвигли памятникъ среди гробницъ халифовъ. Давая ему почетное мѣсто между усыпальницъ своихъ владыкъ, Египетъ почтially тѣмъ милосердіе Аллаха и добродѣтели его слуги.

V. АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, И НОВОСТИ.

СОЛОМОНЪ ДЕ-КО СУМАЗЕРОДЪ.

Одна Англійская дама, принадлежащая къ числу тѣхъ туристокъ, которыя съ карандашемъ и альбомомъ въ рукахъ, съ прекрасно переплетеннымъ дорожникомъ и полнымъ кошелькомъ, пробѣгаютъ берега Гвадалквивира, Луары и Рейна, собираетъ въ своихъ недавно изданныхъ путевыхъ замѣткахъ, замѣчательное письмо знаменитой Маріоны де-Лормъ. Она говоритъ въ немъ о гениальномъ челоѣкѣ, непризнанномъ соотечественниками, котораго наконецъ постигла самая ужасная участь.

Письмо писано 210 лѣтъ тому назадъ и слогъ его похожъ на слогъ г. Севиньи. Она сообщаетъ слѣдующее:

«Согласно вашему желанію, я показываю англійскому лорду, маркизу Ворчестеръ, Парижъ.

«Я хожу съ нимъ, или скорѣе, онъ водить меня отъ одной примѣчательности къ другой. Онъ выбираетъ тѣ изъ нихъ, которыя посерьезнѣе и важнѣе; онъ говоритъ очень мало и слушаетъ очень внимательно, устремляя свои большіе голубые глаза, какъ будто желая лучше проникнуть мысль. Онъ всегда недоволенъ отвѣтами и видитъ все иначе какъ ему показываютъ.

«Вы это могли бы заключить изъ одного только посѣщенія въ Бисетръ. Онъ воображалъ, что какой-то сумасродъ—геній; и еслибъ этотъ сумасшедшій не былъ совершенно бѣшенъ, вашъ лордъ навѣрно попросилъ бы выпустить его и увезъ бы съ собою въ Англию, чтобы слушать съ утра до вечера его вздоръ. Въ Бисетрѣ мы прошли чрезъ дворъ дома умалишенныхъ и полумертвая отъ страха, я прижалась къ спутнику. За желѣзною рѣшеткою я увидѣла страшное лице и услышала слѣдующія слова: «я безумный, я право безумный; я слышалъ открытіе, которое обогатитъ того, кто его приметъ!» «Что же онъ открылъ?» спросила я проводника «О! ничего особеннаго, сказалъ тотъ, пожимая плечями. Вы никогда не отгадали бы употребленіе пара производимаго кипячею водою; онъ говоритъ и бредитъ день и ночь про силу паровъ!» Я смѣялась.

«Его фамилія, продолжалъ привратникъ, Соломонъ де Ко. Года четыре тому назадъ онъ пріѣхалъ изъ Нормандіи, доложить о своемъ изобрѣтеніи королю, представляя ему свое сочиненіе, о томъ, какія дивныя дѣйствія можетъ имѣть открытая имъ сила. Тельги и корабли могутъ быть приводимы въ движеніе, говорилъ онъ, и по его словамъ все чудесное и невѣроятное можетъ исполниться».

Онъ отдалъ свое сочиненіе его Преосвященству кардиналу — министру Мазарини, который не слушая сумасброднаго нормандца оставилъ слова его безъ вниманія. Но Соломонъ де Ко слѣдовалъ за кардиналомъ неотступно и упрямо, и такъ надобдалъ ему объясненіями и подробностями своего сумасброднаго изобрѣтенія, что тотъ приказалъ посадить его въ Бисетръ, гдѣ онъ уже сидитъ три года, и, какъ вы слышали, кричитъ всѣмъ посѣителямъ, что онъ безумный, что онъ

сдѣлалъ только драгоценное изобрѣтеніе! Книга, въ которой онъ описываетъ это изобрѣтеніе, принадлежитъ мнѣ».

Лордъ Ворчестеръ, который не пропустилъ ни слова, глубоко задумался. — Онъ потребовалъ книгу, прочелъ нѣсколько страницъ и сказалъ: «Этотъ человекъ не сумасшедшій! Въ Англіи его не посадили бы въ этотъ домъ; ему бы отдали княжескія почести! Пустите меня къ нему! Я желалъ бы спросить его кое о чемъ».

Ему отворили дверь; спустя нѣсколько времени, лордъ пришелъ назадъ печаленъ и задумчивъ. «Да, теперь онъ безумный, сказалъ онъ; несчастіе и заключеніе въ этомъ домѣ помрачили его разумъ. Но вы отвѣтите за его безуміе!» Когда вы его бросили въ эту каморку, вы заключили въ ней «величайшаго генія и довели его до сумасшествія». — Мы ушли, но Ворчестеръ не переставалъ говорить о немъ.

Къ занимательному письму Маріоны де Лормъ мы присовокупляемъ то, что Соломонъ де Ко въ молодости своей находился въ Гейдельбергѣ, при дворѣ Пфальцкаго Курфирста и занимался тамъ составленіемъ архитектурныхъ рисунковъ. Курфирстъ совѣтовался съ нимъ при постройкахъ и устройствѣ садовъ, — и нынѣ еще между примѣчательностями графа Граймберга въ Гейдельбергскомъ замкѣ находится примѣчательная картина, рисованная Соломономъ де Ко. — Она изображаетъ Гейдельбергскій замокъ за 230 лѣтъ назадъ.

VI. МЕЛКІЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

РОКОВОЙ ДУБЪ.

Всѣмъ извѣстны преданія о русалкахъ, кievскихъ вѣдьмахъ и другихъ подобныхъ существахъ отечества нашего, которыя и нынѣ еще имѣютъ во мнѣніи народномъ нѣкоторое вліяніе на судьбу человѣческую. Для разнообразія я расскажу-то, что слышалъ въ Курляндіи, полной воспоминаній о феодалныхъ рыцарскихъ временахъ, и жизнь которой, равно какъ нравы, обычаи и преданія, намъ, русскимъ, мало извѣстны.

Тамъ вся власть была въ рукахъ чародѣевъ и маговъ; Калиостро и Меснеръ нашли подражателей, и при появленіи ихъ исчезли сѣлфы, наяды и русалки.

Въ августѣ 1855 года, я путешествовалъ по Россіи, или какъ у насъ говорится, проѣзжалъ чрезъ разныя мѣста, остававляясь вездѣ, гдѣ встрѣчалъ что-либо занимательное, напоминающее старину, служащее живою страницей нашей исторіи, или просто привлекающее глаза богатствомъ природы. А потому прельщенный мѣстоположеніемъ одной изъ приморскихъ долинъ въ Курляндіи и зная, что въ окрестности находится нѣсколько древнихъ замковъ, уже въ развалинахъ, съ которыми соединены историческія воспоминавія, я рѣшился провести здѣсь нѣсколько дней. Экипажъ мой остановился предъ обширнымъ постоялымъ дворомъ, устроеннымъ, по словамъ кучера, со всѣмъ возможнымъ удобствомъ, соединеннымъ съ нѣмецкою расчетливостью. Вечеръ былъ очаровательный. Луна въ полномъ блескѣ медленно двигалась изъ-за сосѣднихъ горъ, покрытыхъ лѣсами, и черный ихъ силуэтъ величественно рисовался на безоблачномъ небѣ, а во всякой группѣ деревьевъ я видѣлъ замки и башни. Приказавъ людямъ устроить мнѣ квартиру, я отправился бродить, дышать воздухомъ долины, мечтать о прошедшемъ. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ извилистой тропинки, ведущей къ ручью, увидѣлъ я сѣлаго старика, сидящаго на скамейкѣ, устроенной повидимому для отдыха поднимающихся на довольно крутую гору, на вершинѣ которой находилась моя гостиница и деревня. Передъ скамейкой простиралась обширная площадь, оканчивающаяся съ одной стороны утесами, съ другой обрывомъ, на краю котораго дубъ, прожившій многіе вѣки, горло поднималъ чело, хотя на немъ не оставалось уже болѣе ни вѣтвей, ни листьевъ, украшавшихъ его юные годы, и дикіе кустарники, расположившись въ мѣстахъ, гдѣ были прежде вѣтви, безжалостно питались послѣдними жизненными соками гиганта. Встрѣча старика была исполненіемъ всѣхъ моихъ желаній; я видѣлъ въ немъ исторію страны, а его бодрая наружность и умное лицо, ярко освѣщенное луною, обѣщали мнѣ въ немъ свѣжую память и здравый расудокъ. Я приблизился къ нему со всѣмъ почтеніемъ, должнымъ его лѣтамъ; онъ былъ вѣжливъ, почти ласковъ. Разговоръ начался съ погоды, его занятій, какъ богатаго земледѣльца и т. п. Когда я пришелъ къ цѣли моего путешествія

и просилъ его разсказать одно изъ фантастическихъ или поэтическихъ преданій, соединенныхъ съ окружающими насъ утесами и развалинами, онъ улыбнулся, закурилъ свою длинную трубку на коротенькомъ чубукѣ, и началъ такъ:

— Хорошо. Сегодня суббота, и я могу свободно съ вами оставаться. Воспоминанія о давно-минувшемъ—для меня жизненный элементъ; мнѣ девяносто одинъ годъ, я лишился дѣтей и близкихъ, и живу только прошедшимъ. Я рѣдко говорю объ немъ, потому что рѣдко встрѣчаю людей занимающихъ меня; съ вами дѣло другое. Но вы не спрашиваете меня о рыцаряхъ, населявшихъ страну эту, о геройскихъ ихъ подвигахъ, о крови, пролитой въ этой долинѣ, вы оставляете это на завтра и просите меня разсказать о преданіяхъ этихъ замковъ и ущелій, о дѣлахъ, которые въ часы, подобные этому, выказывали здѣсь свою силу и дѣятельность; пожалуй! духи пережили рыцарей. Первыхъ я не помню, повѣрье о вторыхъ во всей силѣ господствовало и въ мое время, чародѣи и колдуны наполняли всю страну. Еще нынѣ ни одинъ изъ поселенцевъ нашихъ въ ночное время не перейдетъ за этотъ камень, лежащій между дубомъ и нами; днемъ даже немногіе рѣшатся дотронуться до коры дуба, сѣсть въ тѣни его ствола.

Я слушалъ его разсказъ не переводя духа. Онъ нѣсколько призадумался, вздохнулъ, какъ-бы сожалѣя о прошедшихъ годахъ своихъ и продолжалъ:

— Семьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ — да, мнѣ было четырнадцать, — подъ дубомъ этимъ находился домикъ, котораго краеугольнымъ камнемъ былъ тотъ самый, который я вамъ только-что указывалъ; въ домикѣ жилъ пастухъ, который съидъ колдуномъ. Всѣ его боялись, и вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ спрашивали его совѣта. Когда дѣвушка хотѣла знать имя своего будущаго жениха, она обращалась къ нему; если горячка свирѣпствовала въ окрестностяхъ, онъ долженъ былъ изрекать таинственныя слова, и во всѣхъ важныхъ событіяхъ онъ былъ оракуломъ и совѣтникомъ.

Около того-же времени графъ Готардъ фонъ Голенбургъ Экъ-Шёнгаузенъ, молодой офицеръ въ русской службѣ, женился и переѣхалъ съ женою въ свой замокъ Голенбургъ, котораго развалины видны съ того утеса. Въ день свадьбы графъ подарилъ женѣ богатый фермуаръ старинной работы, стоявшій болѣе тридцати тысячъ талеровъ, и просилъ ее тщательно бе-

речь его, потому что онъ уже нѣсколько вѣковъ находился въ ихъ родѣ.

Обязанности службы потребовали присутствія графа въ Петербургѣ. Уѣзжая онъ сказалъ жевѣ: «Береги двѣ вещи: свое сердце и фермуаръ».

Прошло нѣсколько дней.

Въ это время весело жили въ Голенбургѣ. Молодая, веселая графиня любила тавцы и празнества. Среди удовольствій и блестящаго общества, она умѣла сберечь сердце, но въ одно утро замѣтила, что драгоценный фермуаръ исчезъ.

Представьте себѣ ея отчаяніе. Предметъ, принадлежащій нѣсколькимъ поколѣніямъ и заключающій на тридцать тысячъ рублей драгоценныхъ камней! Она плакала, какъ ребенокъ; всѣ розыски были напрасны.

— Какъ я скажу объ этомъ графу? спрашивала она себя безпрерывно. Томимая этою мыслию, она отказалась отъ всѣхъ удовольствій и вскорѣ заболѣла.

Тогда одинъ изъ друзей написалъ графу:

«Вы въ Петербургѣ веселитесь, и хорошо дѣлаете. Между тѣмъ графиня страдаетъ, она больна. Не слѣдуетъ такъ долго оставлять молодую жену, возьмите отпускъ и пріѣзжайте».

Въ то время и письма иначе ходили, и ѣхать надо было по крайней-мѣрѣ двѣ недѣли, а графиня тоскуя, начала вянуть, какъ роза въ рукѣ дѣвицы.

Одна изъ камеръ-фрейлинь, тронутая ея горемъ, сказала ей, что знаетъ колдуна, живущаго недалеко за рѣкою, который умѣетъ между-прочимъ, отыскивать потеряныя вещи. Утопающій хватается за соломенку, а графиня, хотя очень набожная, тотчасъ рѣшилась идти къ нему.

— Впрочемъ для предосторожности и большаго успѣха я переодѣнусь, и мы пойдемъ, какъ двѣ служанки.

Простое платье, бѣлый ситцевый чепчикъ и нѣсколько красныхъ и синихъ лентъ были скоро надѣты, и онѣ отправились пѣшкомъ, трепча на каждомъ шагу; а чрезъ полчаса онѣ были у дверей домика, находившагося подъ лубомъ.

Волшебникъ тотчасъ угадалъ, съ кѣмъ идетъ дѣло.

— Напрасно вы переодѣвались; меня нельзя обмануть; я знаю, что вы графиня Экъ-Шенгаузъ, а это ваша камеръ-фрейлиня; — знаю о вашей потерѣ, и открою вамъ гдѣ находится фермуаръ, только съ однимъ, весьма важнымъ условіемъ.

— Какое это условіе? спросила молодая женщина дрожащимъ голосомъ.

— Условіе то, чтобы вы никогда никому не говорили объ оказанной мною вамъ услугѣ; если-же скажете, то чрезъ восемь дней умрете.

— Я на все согласна, отвѣчала графиня, едва живая отъ страха.

— Слѣдуйте за мною.

Подожли къ дубу; колдунъ поставилъ подъ деревомъ большую чашу изъ чистаго серебра, наполненную водою; говорилъ надъ нею страшныя слова, размахивалъ жезломъ; бросалъ вверхъ разныя листья и травы и вода перемѣнилась въ зеркало.

— Смотрите со вниманіемъ на ту воду: что вы въ ней видите?

— О, Боже! вскрикнула графиня, вотъ моя уборная, мой диванъ, мой шкафъ, мои зеркала, вся моя мебель.

— Подъ занавѣсами, въ углубленіи окна, вы ничего не видите?

— А, да! вижу, это, кажется, человѣкъ; да, это старый докторъ? Зачѣмъ-же онъ въ моемъ будуарѣ?

Надо вамъ знать, что маленькій веселый старичекъ, докторъ Вицбау, болѣе поэтъ, нежели докторъ, болѣе охотникъ, нежели поэтъ, а вообще весьма любезный человѣкъ, былъ нуженъ, какъ пятое колесо у г. Лангвагена. — Въ теченіе пятидесяти лѣтъ онъ забавлялъ жителей замка своими шутками, лечилъ собачекъ и попугаевъ, сочинялъ стихи на всѣ торжественные случаи, на всѣхъ охотахъ являлся во всемъ вооруженіи, устраивалъ театры, гулянья, игралъ въ мячикъ и былъ пріятный и полезный человѣкъ.

Графиня продолжала смотрѣть на воду.

— Боже мой, что я вижу! докторъ отпираетъ мои ящики, открываетъ шкатулку, беретъ фермуаръ, кладетъ его въ карманъ! Да это ужасно! Что вы дѣлаете! отдайте этотъ драгоценный залогъ! Помогите, схватите его! кричала виѣ себя графиня.

— Тише, сударыня, сказалъ волшебникъ. Не забудьте, что вы должны сохранить тайну; я знаю, какъ это трудно женщинамъ, но помните объ ужасныхъ послѣдствіяхъ вашей неосторожности. — Теперь вы увидите другіе предметы.

Новые кабалистическіе знаки опять перемѣнили образы, пред-

ставляющіеся въ водѣ. Зеркало представляло комнату доктора Вицбау. Въ углу стояло огромное дубовое бюро со множествомъ ящичковъ; въ одномъ изъ нихъ графиня увидѣла свой фермуаръ.

— Довольно-ли вы узнали? спросилъ чародѣй.

— О, да! ты удивительный человекъ! и при этомъ она отдала ему кошелекъ, полный золота.

Возвратившись въ замокъ, она тотчасъ переодѣлась и отправилась во флигель, гдѣ жилъ докторъ. Графиня объяснила изумленному хозяину, что ей надоѣли пустыя зады ея, и она для разнообразія рѣшилась сама посѣтить добраго друга. Какъ у него было много рѣдкостей, то она попросила позволенія осмотрѣть ихъ.

— Васъ зѣвѣтъ ни что не можетъ интересовать; это все вещи весьма обыкновенныя въ сравненіи съ сокровищами замка.

— Напротивъ, я вижу прекрасное оружіе и рѣкія картины; да и самое это бюро большая рѣдкость, старинная рѣзьба его лучше всякой новой; я увѣрена, что въ немъ много потайныхъ ящичковъ и секретовъ.

Говоря это, она отворила роковой ящикъ и вынула фермуаръ. Вицбау былъ у ногъ ея.

— Я погибъ, если вы не скажитесь надо мною, простоналъ онъ.

— Будьте спокойны, я васъ не погублю; освободите меня только отъ своего общества, и старайтесь излечиться отъ маніи брать чужія вещи.

Счастливая и веселая, графиня возвратилась въ замокъ. Въ то же время мостъ былъ опущенъ, и передъ крыльцомъ остановился экипажъ.

— А! воскликнулъ молодой графъ, обнимая жену. Ко мнѣ писали, что вы тоскуете и умираете, но какъ я радъ, что вижу васъ веселою, свѣжею и въ цвѣтущемъ здоровьи.

— Я въ эту минуту вдвойнѣ счастлива, во-первыхъ потому, что вы возвратились, во-вторыхъ...

— Да! сказалъ старикъ, вставая со скамейки и укладывая въ карманъ трубку: графиня забыла условія чародѣя и рассказала мужу все происходившее подъ этимъ дубомъ. Черезъ восемь дней, всѣ видѣли въ церкви гробъ, обитой чернымъ сукномъ, въ немъ лежало тѣло мертвой графини, и всѣ тогда же узнали о причинѣ ея смерти. Да! прошло семьдесятъ семь лѣтъ, все перемѣнилось: на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ чародѣя, рас-

тетъ можжевелникъ; дубъ, потерявъ свои вѣтви и листья, покрылся мхомъ; замокъ представляетъ груду развалинъ, едва напоминающихъ о его величии; прошло цѣлое поколѣнiе; однѣ женщины не перемѣнились: онѣ всегда готовы давать клятвы, но ни что въ мiрѣ не заставитъ ихъ сдержать ихъ, если только представится случай поболтать.

КУПЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ. *Разсказъ Чарльза Диккенса.*

Мэтьюсъ, леванскій купецъ, съ самаго ранняго возраста провелъ свою жизнь въ погонѣ за счастьемъ, бороздя моря и сушу отъ востока до запада, и отъ сѣвера до юга вплоть до самаго Тихаго океана. Когда онъ возвратился наконецъ въ Тарсъ, городъ въ которомъ онъ родился, онъ былъ еще въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ и богатъ значительно. Какъ человѣкъ осторожный, благоразумный и опытный, онъ почелъ первымъ долгомъ засвидѣтельствовать свое почтенiе турецкому губернатору, которому онъ, чтобы заслужить благорасположенiе, поднесъ въ знакъ своей преданности полный кошелекъ пехиновъ и драгоценное жемчужное ожерелье, потомъ онъ началъ думать о комфортѣ и построилъ себѣ на берегу рѣки превосходный домъ, окруженный садомъ; въ этомъ всемъ снабженномъ приютѣ, вознамѣрился провести остатокъ дней своихъ послѣ столькихъ лѣтъ своей бродячей жизни. Большая часть его согражданъ почитала его за самаго счастливейшаго изъ смертныхъ; но тѣ, которые были съ нимъ въ короткихъ отношенiяхъ и пользовались его полною довѣренностию, знали, что Мэтьюсъ былъ расположенъ къ самой глубокой и постоянной меланхолiи. Когда покинулъ онъ въ молодости своей городъ Тарсъ, въ немъ оставались отецъ его, мать, братья и сестра, здоровые, бодрые, довольные, сколько возможно, своей судьбой, хотя и до крайности бѣдные. Мэтьюсъ часто думалъ:

— Когда только Богъ поможетъ мнѣ обогатиться, я обогащу всѣхъ своихъ родственниковъ. Но увѣ! рука смерти всею своею тяжестью пала на всю его семью, и истребила послѣдовательно одного за другимъ. Онъ не нашелъ явкого изъ нихъ, съ кѣмъ бы могъ раздѣлить свое богатство... Вотъ причина,

что онъ былъ постоянно грустенъ, задумчивъ и мраченъ до крайности!..

Богатый купецъ Мэтыасъ былъ очень часто предметомъ толковъ мелкихъ торговцевъ Тарскаго базара, любившихъ въ досужее время поболтать между собою и посудить о томъ, кто какъ долженъ себя вести и поступать.

Однажды вечеромъ, Ганна, портовой, христіанинъ, обратившись къ своему сосѣду по базарной лавкѣ, мѣнялу еврею, закричалъ ему:

— Сосѣдъ, ей, сосѣдъ! я готовъ прозакладывать всю мою лавку, что купецъ Мэтыасъ совершенно развеселится, когда обзаведется женою. Я бьюсь объ закладъ, что онъ выберетъ себѣ, въ самомъ непродолжительномъ времени, красивѣйшую изъ всѣхъ нашихъ Тарскихъ дѣвушекъ, и заведетъ семейство, которое будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, покуда будутъ существовать въ Тарсѣ жители.

Еврей сдѣлалъ на это предложеніе только одинъ вопросъ, съ самымъ значительнымъ видомъ:

— А какъ ты дорого цѣнишь свою лавку? Весь твой товаръ заключается въ двухъ трехъ парахъ одеждъ, которыя возвратили тебѣ заказчикъ, въ двухъ ножницахъ, которыя давно заржавѣли, старой скамьѣ и нѣсколькихъ моткахъ шелку... и въ чемъ еще? полагаю, что я перечелъ все... Ты немногимъ жертвуешь, вызывая меня на подобный закладъ!

Христіанинъ портовой закурилъ губы и прочелъ молитву, чтобы воздержаться отъ желанія раздѣлаться какъ слѣдуетъ съ своимъ сосѣдомъ за мнимое оскорбленіе, и потомъ отвѣчалъ:

— Ты знаешь, что я въѣшнюю весной купилъ на рынкѣ молодую негритянку, чтобы провожать мою жену, когда она ходитъ гулять въ общественный садъ съ маленькимъ моимъ сыномъ. Я ставлю въ закладъ Зарифатъ, — это имя негритянки — противъ чего ты хочешь? Приемешь ли вызовъ?

Еврей подумалъ нѣсколько минутъ, опустивъ на грудь сѣлую бороду. Онъ вспомнилъ, что, сорокъ лѣтъ тому назадъ, онъ тоже вернулся изъ своихъ странствованій съ мѣшками полными денегъ и тоже нашелъ домъ свой пустымъ и вымершимъ, но съ той поры жилъ всегда одинокимъ, задумчивымъ, заботясь только объ томъ, чтобы прибавлять цехинъ къ цехину *махбудъ* къ *махбуду*.

Старый еврей былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что человѣку, дожившему до зрѣлаго возраста, не остается ничего болѣе любить какъ золото, имѣющее одинаковую прелесть какъ для еврейскаго сердца, такъ и для христіанскаго и магометанскаго. Припокинувъ рѣшительно голову, мѣняло сказалъ христіанину:

— Пожалуй, я согласенъ. Держу пятьсотъ пиастровъ противу твоихъ пятьсотъ, что въ теченіи пяти лѣтъ отъ этого дня купецъ Мэтьясъ не будетъ еще женатъ.

— Идетъ! отвѣчала портной.

Бившіеся объ закладъ попросили сосѣдей быть свидѣтелями, каждый изъ нихъ смѣялся тайкомъ такому безмысленному спору.

Мэтьясъ не замедилъ узнать о томъ, что происходило, по его поводу, между христіаниномъ и евреемъ. Проходя однажды по базару, онъ остановился предъ лавкой портнаго и сказалъ ему съ строгимъ видомъ:

— Неосторожный и неблагообразный человѣкъ, зачѣмъ рѣшился ты пожертвовать наудачу суммою превышающею твое состояніе и спорить о будущности, которая можетъ быть извѣстна только одному небу? Я осмотрѣлъ всѣхъ молодыхъ дѣвицъ одного съ нами исповѣданія и сердце мое осталось спокойно. Я предсказываю тебѣ, что будешь непремѣнно жертвою твоего сосѣда еврея.

— Государь мой, отвѣчала улыбаясь портной, честному и благообразному человѣку, невозможно оставаться цѣлую жизнь въ одиночествѣ. Если вамъ угодно войти въ мое жилище и посмотрѣть на мою жену и маленькаго сына, котораго негрятянка Зарфатъ качаетъ на рукахъ своихъ, вы переѣдете на мѣреніе и пожелаете быть столько же счастливыми, сколько я. Быть можетъ вы не съ такимъ вниманіемъ всматривались, съ какемъ должно; стоить только упомянуть мнѣ о Нирганѣ, дочери нашего булочника, прекрасной, стройной и величественной какъ королева, дѣвицъ; она достойна быть вашей подругой, и если вы желаете, жена моя вынче же вечеромъ сдѣлаетъ роднымъ ея и ей самой предложеніе отъ вашего имени.

Мэтьясъ нахмурилъ сперва сильно брови, но кончилъ тѣмъ, что только покачалъ головой и удалился съ видомъ человѣка, котораго умъ былъ чѣмъ-то занятъ. Еврей подсмѣивался надъ портнымъ и говорилъ ему:

— Ганна, за какую сумму желаешь ты, чтобы я уступилъ тебѣ мой выгрышъ? Хочешь ли дать мнѣ сто цехиновъ и я прощу тебѣ остальной долгъ?

Портной отвѣчалъ:

— Въ пять лѣтъ, одинъ отшельникъ стеръ своими поцѣлуями и слезами камень величавой съ эту скамейку; въ продолженіи пяти лѣтъ ледяное сердце купца Мэтьяса можетъ еще растаять.

И въ-самомъ-дѣлѣ съ разговора съ портнымъ Мэтьясъ не былъ уже такъ твердо увѣренъ въ себѣ, какъ онъ то полагалъ до того времени. Въ голову его часто залетала мысль, что, можетъ быть, портной былъ правъ, и что жизнь его точно идетъ очень грустно въ одиночествѣ.

— Богъ не для того создалъ человѣка, чтобы онъ оставался одинъ, думалъ Мэтьясъ; быть можетъ мнѣ придется въ послѣдствіи раскayаться въ моемъ упрямствѣ; точно было бы гораздо лучше избрать себѣ подругу сердцу — но гдѣ найти ее? Между всѣми вѣтренными дѣвушками Тарса если хоть одна, съ которою бы жизнь моя не показалась мнѣ еще скучнѣе? матери не научили ихъ ничему доброму, кромѣ какъ думать объ нарядахъ, да заниматься собственной своей особой. Какъ могутъ такіа причудливыя и себялюбивыя существа найти хоть малѣйшее удовольствіе въ обществѣ человѣка, который, испытавъ всѣ тяжкія огорченія въ мѣрѣ, желаетъ дожить срокъ до перехода въ другой мѣрѣ терпѣливо и спокойно.

Эти размышленія глубоко тронули и взволновали Мэтьяса, но между тѣмъ не усилили его мрачнаго расположенія. Они напротивъ были развлеченіемъ для души его, постоянно погруженной въ однообразныя думы. Онъ пересталъ уже преслѣдовать постоянно одну и ту же идею; онъ началъ обращать кругомъ любопытный взоръ, сталъ посѣщать семейства нѣкоторыхъ друзей своихъ и приваялся за вторичное изученіе всѣхъ совершенствъ и всѣхъ недостатковъ ихъ молоденькихъ дочерей. Намѣреніе его было скоро отгадано и надъ Мэтьясомъ начали тихонько шутить.

— Онъ желаетъ, говорили насмѣшники, спасти портнаго христіанина отъ разоренія.

На долю еврея досталось также не мало насмѣшекъ отъ приходившихъ мѣнять деньги.

Между тѣмъ Мэтьясъ, хотъ и встрѣчалъ не одну прекра-

свую дѣвушку, бросающую на него самые одобрительныя взгляды, но сердце его оставалось попрежнему холодно; ни одна изъ дѣвицъ не оказалась достойною его привязанности и чувства.

Мэтьясъ внезапно удалился отъ общества, заперся въ своемъ домѣ, и не принимая никого въ продолженіи цѣлаго года, впалъ опять въ самую глубокую задумчивость. Подъ конецъ этого срока, одиночество его начало дѣлаться ему ощутительно и онъ пожелалъ развлекать себя прогулками. Каждое утро Мэтьясъ приказывалъ сѣдлать мула и отправлялся въ горы. Тамъ, оставивъ мула подлѣ присмотра служителя, онъ сходилъ на землю и бродилъ между утесами и ложбинами, ожидая для своего возвращенія того только часу, когда солнце совершенно не опустится за далекия вершины.

Однажды, прельщенный свѣжестью одной долины, Мэтьясъ зашелъ такъ далеко, что не могъ никакъ вернуться къ вечеру къ тому мѣсту, гдѣ былъ оставленъ служитель и мулъ. Увидя, что онъ заблудился, Мэтьясъ принужденъ былъ войти въ первую попадающуюся ему на глаза пещеру, чтобы провести въ ней ночь.

Онъ скоро заснулъ, и проснулся не прежде поздняго утра, когда солнечный лучъ, проникая разсѣлину утеса, началъ падать на смежившіяся его рѣсницы. Вставши и помолвившись, Мэтьясъ спустился въ зеленѣющую долину, орошаемую маленькой рѣчкой, которая вытекала изъ сосѣднихъ горъ. Въ то время, когда онъ оглядывалъ окрестность, чтобы отыскать настоящую дорогу, замѣтилъ онъ молодую дѣвушку, бѣгавшую за вырвавшеюся изъ рукъ ея коровою, которая шла прямо по направлению той пещеры, гдѣ Мэтьясъ провелъ ночь.

— А! подумалъ онъ, такъ какъ корова эта идетъ въ мою сторону, то я намѣренъ остановить ее и пастушка покажетъ мнѣ за это дорогу въ Тарсъ.

Рѣшившись на это, Мэтьясъ приподнялъ широкія полы своей восточной одежды и, будучи силенъ и ловокъ, не побоялся пуститься въ погоню за коровою, которая вырвалась, желая только порѣзвиться, и скоро успѣлъ схватить ее за веревку, привязанную къ рогамъ.

— Да благословить тебя небо, незнакомецъ! вскрѣчала молодая дѣвушка, едва переводя дыханіе отъ скората бѣгу и при-

нимая изъ рукъ Мэтьяса веревку. Еслибы я потеряла *нахарахъ*, меня бы за все больно прибили.

— У кого бы достало на это столько жестокости, лия мое? спросилъ Мэтьясъ, всматриваясь въ лицо молодой пастушки и любуясь ея тонкими чертами.

— Дервиши, отвѣчала она, притягивая къ себѣ *нахарахъ*. Еще разъ благодарю тебя, сильный и снисходительный незнакомецъ.

Мэтьясъ не забылъ справиться о дорогѣ, ведущей въ Тарсъ и принялся шагать рядомъ съ молодою пастушкой, дѣлая ей различные вопросы. Онъ узналъ, что дѣвушка была дочерью одного невольника, привалележавшаго дервишской общинѣ, находившейся среди тѣхъ горъ, и что служба ея заключалась въ томъ, что она каждое утро выводитъ на пастбище коровъ.

— Не слѣдуй за мною далѣе, сказала она Мэтьясу, когда они приблизились къ ущелью, изъ котораго вытекала маленькая рѣчка, потому что мнѣ запрещено разговаривать со всѣми, ко-го могу я только встрѣтить.

Мэтьясъ съ минуту колебался, задумался, спросилъ о дорогѣ, простился съ красивой коровницей и возвратился въ свой великогнѣнный домъ, унося въ своемъ воображеніи одинъ только образъ.

— Какой я разсѣянный, я позабылъ спросить объ ея имени, подумалъ онъ на другой день утромъ; необходимо нужно узнать о немъ, чтобы послать ей награжденіе за ея услугу.

И подъ этимъ предлогомъ онъ сѣлъ на своего мула и направилъ его къ горамъ. Совершивъ обыкновенную свою прогулку, Мэтьясъ отыскалъ вчерашнюю пещеру, провелъ въ ней вторую ночь и, прежде чѣмъ завлалась заря, проснулся, и былъ уже въ долинѣ.

Черезъ нѣсколько времени нетерпѣливаго ожиданія Мэтьясъ увидѣлъ наконецъ пять или шесть коровъ, выхотившихъ изъ ущелья, а за ними молодую дѣвушку, которая погоняла ихъ хлыстомъ, держа на веревкѣ шаловливую *Нахарахъ*. Коровница тотчасъ узнала Мэтьяса.

— Незнакомецъ, сказала она ему улыбаясь, ты мнѣ нисколько не нуженъ нынѣшнее утро и не можешь сдѣлать никакой услуги, развѣ только пособишь мнѣ вести коровъ моихъ на водоемъ.

— Очень охотно, отвѣчалъ Мэтьясъ, принимая это предло-

женіе не за шутку и приготовляясь исполнить на-дѣль свое общаніе.

Молодая коровница остановила его:

— Потихе, потихе, сказала она. Если ты точно намѣренъ помочь мнѣ, то больше всего наблюдай за черною коровою; необходимо, чтобы она шла первою; иначе она изранитъ рогами остальныхъ.

Выслушавъ это предостереженіе, Мэтьясъ сръзаль сукъ и принялся кричать: гу! гу! какъ настоящей пастухъ; но едва только дотронулся онъ хлыстомъ до спины черной коровы, которую онъ велъ на-привази, то, она рванулась и потащила за собою Мэтьяса по цѣлому луку, такъ что, когда онъ успѣлъ остановить ее и вернулся весь запыхавшись, остальные коровы уже напились и молодая дѣвушка, сидя на берегу рѣки, сплетала изъ цвѣтвъ гарланду на рога Нахарахъ. Она встрѣтила Мэтьяса самымъ громкимъ смѣхомъ.

— Ты не знаешь своего новаго званія, сказала она ему, какъ тебѣ нестыдно!

Нѣсколько пристыженный этимъ шутливымъ упрекомъ, Мэтьясъ проклялъ въ душѣ своей черную корову, заставившую его такъ долго бѣгать по всей долинѣ и очень опасался, не показался ли онъ смѣшнымъ въ глазахъ молодой дѣвушки. Впрочемъ, тревожное состояніе его продолжалось недолго, и чрезъ нѣсколько минутъ онъ уже сидѣлъ рядомъ съ новою своею знакомкой, шутилъ и велъ съ нею веселый разговоръ. Мэтьясъ узналъ, что ее зовутъ Кориной.

Въ головѣ Мэтьяса бродили самыя пламенные надежды и онъ рѣшился непремѣнно жениться, если только молодая коровница не отвергнетъ его предложенія... потому что, несмотря на все его богатство, которое онъ сравнивалъ съ бѣдностію Корины, чтобы придать себѣ нѣсколько смѣлости и самоувѣренности, онъ былъ такъ робокъ, что не осмѣлился въ этотъ день ни слова говорить ей о той нѣжной страсти, которая вдругъ запала подъ неприступную броню его сердца.

Предъ вечеромъ они разстались и Мэтьясъ общался снова явиться на другой день.

Онъ исполнилъ свое слово съ самою строгою точностію и въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль ежедневныя свиданія не прерывались. Мэтьясъ былъ счастливъ какъ нельзя болѣе; сердце его трепетало такимъ сладостнымъ чувствомъ, какого

онъ никогда не испытывалъ отъ самаго своего младенчества. Наконецъ, однажды Мэтьясъ вооружился всею своею рѣшимостію и объявилъ Коринѣ, что онъ намѣренъ взять ее съ собою, жениться на ней и сдѣлать ее обладательницей всѣхъ своихъ сокровищъ.

— Господинъ мой! отвѣчала она ему съ удивленіемъ и съ простодушіемъ, что говоришь ты? развѣ ты вдругъ потерялъ разсудокъ? неужели ли ты позабылъ, что я дочь невольника и невольница сама и что никакая человѣческая власть не въ силахъ освободить меня?

— За деньги можно освободить тебя, дочь моя, отвѣчалъ Мэтьясъ молодой дѣвухѣ.

— Никакъ! возразила Корина. По древней привилегіи, данной султанами этой дервишской общинѣ, всѣ невольники и невольницы должны находиться въ ея собственности навсегда. Если кто нибудь изъ людей свободнаго состоянія обратитъ вниманіе на невольницу дервишей и пожелаетъ на ней жениться, нужно для этого много жертвъ. Онъ долженъ отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ и сдѣлаться самъ со всѣми своими потомками навсегда невольникомъ дервишей. Вотъ причина, по которой въ прошедшемъ году не женился на мнѣ свинопасъ Скандаръ, предлагавшій дервишамъ двадцать лучшихъ поросятъ за мою свободу, но между тѣмъ отказавшійся потерять свою собственность.

Мэтьясъ поблагодарилъ въ душѣ своей небо, одаривши Скандара такою нерѣшительностію и слабостію характера, и отвѣчалъ улыбаясь:

— Повѣрь мнѣ, Корина, что дервиши ваши, какъ и другіе мусульмане, любятъ деньги... Кто не любитъ ихъ въ мірѣ, дитя мое! Нѣтъ, я куплю тебя, во что бы то мнѣ ни стало, чтобы сдѣлать тебя подругою цѣлой моей жизни.

— Какая несбыточная мысль! прервала она восторженными словами Мэтьяса, покачивая головой... Развѣ вы не слышали, что дервиши прошедшій годъ отказались отъ двадцати лучшихъ и самыхъ откорюченныхъ поросятъ...

— Я дамъ за тебя двадцать мѣшковъ полныхъ золота, дитя мое! вскричалъ Мэтьясъ, раздраженный упрямствомъ прекрасной коровницы.

— Это безразсудно! прошептала она, съ легкимъ вздохомъ, который еще болѣе воспламенялъ намѣреніе Мэтьяса.

— Почему?

— Потому что я не стою такой высокой цѣны и притомъ же торговать меня у дервишей значитъ терять попустому время, они ни за что не продадутъ меня, вы слышали, что я приводила вамъ въ примѣръ.

— Клянусь святымъ Марономъ, вскричалъ Мэтьясъ, что я въ состояннн купить у султана дѣлую дервишскую общину!

Мэтьясъ немного ошибался въ этомъ случаѣ: дервишская сельская община была одною изъ самыхъ богатѣйшихъ на всемъ востокѣ; а начальникъ, управлявшій ею, самый упрямый и гордый человекъ изъ всѣхъ османлы.

Когда Мэтьясъ явился къ нему, съ самыми выгодными предложеніями, начальникъ дервишей привелъ тарскаго кунца въ совершенное отчаяніе своимъ отвѣтомъ. Онъ рѣшительно объявилъ, что Корина не можетъ быть выкуплена ни за какія сокровища въ мірѣ.

— Если ты хочешь на ней жениться, прибавилъ онъ, окинувъ Мэтьяса такимъ взглядомъ, который показался ему взглядомъ самого сатаны, то нужно, чтобы ты отдалъ все свои сокровища общинѣ и сдѣлался самъ нашимъ невольникомъ.

При этомъ подтвержденнн, бѣдный влюбленный возвратился въ Тарсъ въ самомъ грустномъ расположеннн, разсуждая про себя:

— Мнѣ невозможно добровольно лишиться не только всего моего состоянн, которое я съ такими трудностями копилъ въ продолженн нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, но и самой свободы; какъ человекъ благоразумный и уже пождой, я не долженъ ими жертвовать изъ любви къ этой молодой дѣвушкѣ. Постараюсь позабыть ее.

Принявъ это намѣренн, Мэтьясъ пытался позабыть Корину, ставъ снова посѣщать своихъ знакомыхъ и прогуливаться съ утра до вечера по базару. Мѣняло Еврей, замѣтивъ его однажды, закричалъ ему:

— Хвала и привѣтъ мудрому человеку, который не хочетъ стѣснять своего существованн присутствнемъ въ домѣ его женщины.

Мэтьясъ взглянулъ на него, нахмуривъ брови и отвернувшись съ негодованнемъ; потомъ, къ удивленн всѣхъ торговцевъ, подошелъ къ лавкѣ хрнстіанина портнаго, сѣлъ съ нимъ рядомъ, взялъ его дружески за руку и сказалъ въ полголоса:

— Запри поскорѣй лавку, другъ мой, и сведи меня къ себѣ, показать, какъ ты предлагалъ мнѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, взглянуть на твою жену и на твоего ребенка.

— На котораго? спросилъ портной. У меня теперь ихъ трое: Георгій, Елисавета и Анна.

— Ты мнѣ покажешь ихъ всѣхъ троихъ, отвѣчалъ Мэтьясъ, а также и негрятянку Зарефать.

— О! возразилъ портной, я далъ ей свободу и она вышла замужъ за продавца рису, который держитъ лавку на углу, вонъ, этой улицы.

— Кажется, подумалъ Мэтьясъ, что самому небу угодно, чтобы всѣ на свѣтѣ женились и выходили замужъ.

Портной заперъ лавку и привелъ богатаго купца въ свою квартиру. Тамъ онъ показалъ ему все свое семейное сокровище, молодую жену съ тремя пухленькими ребятами. Новая негрятянка, по имени Зарахъ, замѣнившая первую, мѣсила на дворѣ квашню.

— Другъ мой, спросилъ купецъ портнаго, что бы ты сдѣлалъ, если бы по волѣ судьбы суждено было тебѣ избрать между этими тремя драгоценными для тебя существами и свободою—отказаться жить съ ними вмѣстѣ, или сдѣлаться невольникомъ?

— Люди живутъ же счастливо и въ невольничествѣ у хорошихъ господъ! отвѣчалъ портной, подернувъ плечомъ, но никто въ мѣрѣ не можетъ существовать не чувствуя къ чему нибудь привязанности.

Мэтьясъ успѣшилъ выйти отъ портнаго, и возвратился домой; приказалъ сѣдлать поскорѣй мула и поѣхалъ въ дервишскую общину. На дворѣ онъ увидѣлъ толпу людей. У входа подъ воротами стоялъ одинъ дервишъ.

— Я пріѣхалъ, сказалъ ему Мэтьясъ, отказаться отъ моего богатства и независимаго положенія, чтобы жениться на Коринѣ.

— Уже опоздалъ, отвѣчалъ ему дервишъ: свинюхазъ Скандаръ привелъ всѣхъ своихъ свиней; ему уже надѣваютъ на шею ошейникъ, и тѣ, которыхъ ты видишь здѣсь на дворѣ, прибыли быть свидѣтелями при его бракѣ съ Кориной.

Мэтьясъ со стономъ ударилъ себя въ грудь, соскочилъ съ мула и началъ съ силою расталкивать локтями толпу, крича

во весь голосъ, что въ этотъ день кромѣ его дервиши не будутъ имѣть другаго невольника.

На этотъ неожиданный крикъ прибѣжалъ начальникъ дервишей и, узнавъ о случившемся, отвѣчалъ Мэтьясу съ насмѣшливою улыбкой:

— Свинопасъ пришелъ первый и потому по давности времени долженъ имѣть преимущество!

Мэтьясъ съ воплемъ повторилъ свою просьбу, но начальникъ дервишей отвѣчалъ съ тою же непреклонностію:

— Свинопасъ пришелъ первый!

Къ счастью Мэтьяса, поспѣшили къ нему на помощь другіе дервиши. Рассчитавъ, какія значительныя выгоды могла имѣть ихъ община отъ богатствъ купца, они безъ лицепріятія объявили, что Мэтьясъ имѣлъ болѣе правъ сдѣлаться ихъ невольникомъ, чѣмъ Скандаръ, потому что колебался не такъ долго и оказался рѣшительнѣе; при этомъ они предложили узвать и мѣтвѣ самой Коривы. Начальникъ дервишей спросилъ ее тогда, что она думаетъ объ этомъ спорѣ и какъ рѣшить его?

Видя одинаковую рѣшимость обоихъ соперниковъ, Корина осудила несчастнаго свинопаса остаться свободнымъ и отвѣчала:

— Пусть надѣнутъ ошейникъ на шею купца!

Свадебный обрядъ былъ совершенъ безъ всякаго замедленія, и въ то время, когда начальникъ дервишей самъ исполнялъ его, казначей общины дервишъ Боатъ поѣхалъ на мулъ Мэтьяса вступить въ обладаніе всѣмъ его имуществомъ, которое должно было поступить потомъ подъ его вѣдѣніе.

Говорятъ, что Мэтьясъ не выразилъ ни малѣйшаго знака сожалѣнія о потерянныхъ сокровищахъ, погружившись весь въ созерцаніе прелестей своей молодой супруги.

Единственное снисхожденіе, которое сдѣлалъ ему начальникъ дервишей, по вниманію къ пользѣ, которую онъ доставилъ общинѣ, состояло въ томъ, что ему позволено было ходить вмѣстѣ съ Коривой на пастбище.

Между тѣмъ Тарскій паша, узнавъ о случившемся съ Мэтьясомъ, воспыла въ самомъ сильномъ гнѣвомъ; приказалъ осѣдлать коня, созвалъ свою стражу и, прилично вооруженный, явился въ дервишскую общину, приказывая привести къ себѣ немедленно начальника дервишей.

— Знай, дервишъ, сказалъ онъ ему, что Мэтьясъ мой и

сдѣловательно не можетъ быть вашимъ невольникомъ, чтобы богатство его перешло отъ города, которымъ я управляю, въ вашу общину. Мэтьясъ человекъ великодушный, хорошей гражданни и слишкомъ щедръ, чтобы я могъ съ нимъ разстаться!

Признательный паша заступался такъ за Мэтьяса по поводу подареннаго ему кошелька и драгоценнаго жемчужнаго ожерелья и еще болѣе по случаю нѣкоторыхъ займовъ, которые онъ сдѣлалъ до этого безъ всякихъ процентовъ у щедрого Мэтьяса, у котораго и впредь надѣялся найти всегда открытый сундукъ при первой необходимости.

Начальникъ дервишей, видя что ему придется сопротивляться человекѣ довольно могущественному, сложилъ, въ знакъ согласія, на груди руки, и послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, и паша и дервишъ разстались очень довольные другъ другомъ.

И такъ, послѣ мѣсячнаго невольничества, Мэтьясъ и жена его были потребованы предъ торжественное собраніе всѣхъ дервишей, въ которомъ имъ объявили, что условія, предложенныя при бракѣ были только испытаніемъ постоянства ихъ обоюдныхъ чувствъ. Почти все богатство купца было ему возвращено и онъ опять переселился въ свой пышный городской домъ, сопровождаемый густою толпой жителей, громко хвалившихъ его за его геройскій подвигъ. Мэтьясъ, разумеется, пожертвовалъ значительную сумму денегъ въ пользу дервишской общины и смотрѣлъ сквозь пальцы на другую довольно значительную сумму, которую Богъ казначей не чувствовалъ въ себѣ ни силы, ни твердости возвратитъ ему.

Щедрый и справедливый купецъ съ лихвою вознаградила стараго еврея за проигранный имъ закладъ, а христіанину портному послалъ такой богатый подарокъ, что тотъ не имѣлъ уже съ той поры надобности прибѣгать къ помощи иглы для поддержанія своего семейства.

Народное предавіе любитъ до сего времени говорить о томъ земномъ счастьи, которымъ наградила Корина своего мужа, часто повторявшаго:

— Съ богатствомъ или безъ богатства, невольникомъ или независимымъ, жена моя Корина одна достаточна, чтобы внести блаженство подъ всякій кровъ и утѣшить сердце самое печальное.

ДѢВИЧІЙ ЗАМОКЪ. (The Maiden Castle).

I.

Въ июльскій вечеръ, при неподобнѣйшемъ закатѣ солнца, какой можно только видѣть на морѣ, мистеръ Блакъ, помощникъ капитана корвета «Клэйморъ», сидя на одной изъ носовыхъ каронадъ, разсказывалъ обступившимъ его матросамъ про свои чудесныя кампаніи въ Индіи. Вдругъ вахтенный вскричалъ: «Земля! Земля! Шотландскія горы!»

Мистеръ Блакъ прервалъ свой разсказъ, быстро вскочилъ на ноги и, вынувъ изъ кармана своей куртки съ золотыми пуговицами, маленькую подзорную трубу, направилъ ее по указанному вахтеннымъ направленію.

— Что, правда? вскричали въ одинъ голосъ матросы.

— Да, дѣти! отвѣчалъ мистеръ Блакъ, вонъ тамъ, съ подвѣтренной стороны, видно черное облако и, быть-можетъ...

— Шотландскія горы! Шотландскія горы! снова закричалъ вахтенный.

— Правда! Правда! У молодца глаза зоркіе! продолжалъ старый морякъ. Вотъ Пикъ Гигантовъ, какъ его называютъ наши горцы; мы завтра будемъ въ Эдавбургѣ. Ну-же дѣти! вскричалъ онъ, вскочавъ на палубу, грянемте ура! въ честь нашей старушки Шотландіи!

Радостныя восклицанія, крики ура! были отвѣтомъ на слова мистера Блака. Даже корветъ, паруса котораго, освѣщенные послѣдними лучами заходящаго солнца, граціозно надулись отъ попутнаго вѣтерка, запрыгалъ по волнамъ, какъ бы привѣтствуя родимую землю.

Скоро, наступившая ночь подернула туманомъ поверхность водъ. Крики смолкли. Эхо уже не повторяло болѣе: Шотландскія горы!

Эти дорогія горы, пробудившія столько воспоминаній въ сердцахъ безстрашныхъ моряковъ, скоро исчезли въ ночной мглѣ.

II.

Полулежа на вахтенной скамьѣ, молодой Артуръ Макдональдъ, капитанъ корвета «Клэйморъ», беззаботно вдыхалъ въ

себя ароматный дымъ гаванской сигары. Онъ не принялъ никакого участія во всеобщей радости. Давно привыкъ онъ считать океанъ своею настоящею родиною; земля не манила его къ себѣ. И въ-самомъ-дѣль, развѣ мать или сестра ждали его, возвращавшагося послѣ трехлѣтняго отсутствія, на морскомъ берегу, съ распростертыми объятіями, съ молитвою и благословеніемъ? Нѣтъ! Ничье сердце не забьется радостно, когда онъ ступитъ на берегъ: онъ круглый сирота!

Богатый, знатнаго рода, лордъ Макдональдъ, конечно, могъ бы достигнуть какой-нибудь важной должности; но ему очевь скоро наскучилъ свѣтъ, въ которомъ такъ часто порокъ озолоченъ, а добродѣтель гонима, эгоизмъ скрывается подъ личиною дружбы, а коварство подъ маскою любви. Онъ убѣжалъ на свой корабль, промѣнявъ житейское море на волны океана; здѣсь природа иная: она возвышаетъ умъ, облагораживаетъ сердце и лепечетъ таинственные слова, слышимыя и въ тихомъ вѣтеркѣ и въ ревѣ урагана.

И такъ, Артуръ съ грустью смотрѣлъ на приближавшееся окончаніе этого долгаго путешествія. Вотъ, отчего онъ и не думалъ вставать со скамейки. Онъ то безмолвно любовался синимъ небомъ, усыпаннымъ серебряными блестками, которыя, отразившись въ водѣ, катились потомъ вмѣстѣ съ прозрачною волною; то съ восхищеніемъ прислушивался къ плеску воды, разсѣкаемой его красивымъ корветомъ. Вдругъ, среди ночи, удивленный неправильными движеніями судна, онъ простеръ руку по направленію вѣтра, подумалъ съ-минуту, и, обернувшись, увидѣлъ за собою группу черныхъ, волнистыхъ облаковъ, казавшихся какими-то чудовищами, готовыми ринуться на корветъ.

Капитанъ всталъ и закричалъ въ рупоръ:

— Все на палубу, по мѣстамъ! удвойте бдительность!

Потомъ, приказавъ убрать паруса съ кормовой части корвета, онъ отправился на корму.

Черезъ четверть часа сдѣлалось такъ темно, что только привычка руководила матросами въ исполненіи получаемыхъ приказаній.

Море забушевало; вѣтеръ страшно завылъ; волны стали яростно набѣгать другъ-на-друга; какой-то глухой шумъ послышался вдале; вотъ, онъ усиливается, приближается вмѣстѣ съ

пѣнистыми валами и почти въ то же мгновеніе раздается страшный трескъ. Шквалъ налетѣлъ на корветъ, и вотъ теперь судно, побуждаемое невидимою силою, то опускается въ бездну воду, то подымается на гребни валовъ, то ложится на одинъ бокъ, то на другой, подобно жертвѣ чудовища, которое, прежде-чѣмъ пожрать ее, наслаждается ея мученіемъ.

Среди рева бури, треска мачтъ и скрипа снастей все еще слышится голосъ капитана:

— Все-ли паруса убраны? спрашиваетъ онъ у вахтеннаго офицера.

— Все до одного, отвѣчаетъ послѣдній.

— А вѣтеръ дѣлается-ли постояннѣе?

— Попржевему дуетъ то съ востока, то съ запада.

— Да, ваше высокоблагородіе, замѣчаетъ одинъ матросъ, разбойники — вѣтры, кажется, воюють другъ съ другомъ, и провались я сквозь землю, если они не выбрали мѣстомъ битвы палубу «Клэймора».

— Чай, и на томъ свѣтѣ не будетъ темнѣе этого, подхватилъ другой; буря такъ бросаетъ насъ со стороны на сторону, что и самъ бѣсъ не разберетъ, гдѣ мы теперь.

— Смирно! вскричалъ Артуръ, которому показалось, будто вдали что-то мелькнуло... Вдругъ огненная лента прорѣзала мглу и раздирающій вопль вырвался изъ груди капитана:

— Дѣвичій Замокъ!* Мы передъ Дѣвичьимъ Замкомъ, повторилъ онъ; подъ вѣтромъ мель! Надо поворачивать! Дружнѣе, ребята, живѣе! Нельзя терять ни минуты!

Онъ не успѣлъ еще кончить, какъ приказаніе его уже было исполнено. Корветъ, перемѣнивъ направленіе, описалъ длинную дугу, и на палубѣ явственно слышалось клокотанье буруновъ надъ подводными рифами передъ Дѣвичьимъ Замкомъ.

Когда опасность миновалась, капитанъ указалъ вѣмъ матросамъ на свѣтящуюся точку, похожую на лампаду, какъ-бы висящую въ воздухѣ надъ тою страшною скалою, которую они такъ счастливо избегли. Пока буря продолжалась, мало обращали вниманія на этотъ спасительный огонекъ; но когда вѣтеръ стихъ, облака разсѣялись и луна снова показала свое

* *The Maiden Castle*, Дѣвичій Замокъ, находится близъ Эдинбурга и такъ названъ потому, что некогда короли Шотландіи заключали въ немъ дочерей своихъ.

серебряное чело, всякій невольно спрашивалъ себя, не призракъ-ли это? дѣйствительно-ли диво случилось наяву? Чтожь касается до Артюра, то онъ не зналъ, что и подумать: огненную ленту онъ видѣлъ собственными глазами и не сомнѣвался въ томъ, что она зажжена на берегу, какою-то благодѣтельной рукою, которой «Клэйморъ» и его экипажъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ.

Парасвѣтъ слѣдующаго дня Артюръ снова подошелъ къ Дѣвичьему Замку, къ его подводнымъ рифамъ, о которые едва не разбилося его судно въ прошлую ночь, и долго смотрѣлъ изъ своей подозрительной трубки на его старинную башню и разбросанныя развалины; но, не открывъ ничего, чѣмъ могло бы объясниться ихъ ночное приключеніе, онъ направился къ гавани.

III.

Въ десять часовъ утра корветъ бросилъ якорь въ Единбургской гавани. Артюръ тотчасъ велѣлъ спустить лодку и вышелъ на берегъ.

Едва успѣлъ молодой лордъ вступить въ свой замокъ и принять поздравленія старыхъ слугъ своего семейства, какъ, горя нетерпѣніемъ посѣтить Дѣвичій Замокъ, онъ вскочилъ на лошадь и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже внѣ города, на дорогѣ къ старому замку, въ которомъ, говоритъ шотландское преданіе, Пикты заключали дочерей своихъ, когда отправлялись на войну.—Доѣхавъ до деревеньки, расположенной у подножія горы, на которой высился замокъ, онъ соскочилъ съ лошади, съ цѣлью собрать тутъ нужныя свѣдѣнія.

Первый, попавшійся ему на-глаза домъ, стоялъ при началѣ большой улицы и былъ обитаемъ портнымъ Хомпсономъ, что прохожіе узнавали изъ огромной вывѣски, закрывавшей большую часть лицевой стороны дома. Артюръ вошелъ въ него, не обративъ вниманія на молодую дѣвушку, которая работала на порогѣ лавки.

— Эй! Мистеръ! сказалъ онъ.

— Что угодно вашей милости? спросилъ небольшого роста челоуѣкъ съ улыбающимся лицомъ. Платье? Шивель? Вышитую куртку? Я надѣюсь угодить вамъ не хуже, а можетъ-быть даже и лучше какого-нибудь перваго Единбургскаго портнаго.

— Вѣрю; но скажите мнѣ, не живетъ-ли кто-нибудь въ Дѣвичьемъ Замкѣ?

— Никто не живетъ въ немъ... Вы позволите снять мѣрку?

— Какъ, никто!.. Да вѣдь за развалинами кто-нибудь да смотритъ; вѣрно, есть привратникъ или какой-нибудь анахоретъ, который служить въ капеллѣ?

— Какъ бы не такъ! Во времена Пиктовъ, пожалуй! Тогда здѣсь было дѣвичье стадо, былъ, вѣроятно, и пастырь; но теперь... Я сейчасъ покажу вамъ новое платье, которое я сшилъ господину Констэблю.

— Ненадо.

— Какъ вамъ угодно.

— Не знаете-ли вы кого-нибудь, кто бы могъ сообщить мнѣ точныя свѣдѣнія о Дѣвичьемъ Замкѣ?

— По всему видно, что ваша милость пришли не съ намѣреніемъ заказать платье! Пусть будетъ по-вашему! Перестанемте же говорить объ этомъ! Чтожъ вамъ угодно?

— Я уже сказалъ вамъ.

— Помню, помню! Вамъ угодно собрать свѣдѣнія о древнемъ зданіи, которое вонъ тамъ, на горѣ?

— Именно.

— Повѣрить-ли ваша милость словамъ моимъ?

— Я васъ слушаю.

— Итакъ, имѣю честь вамъ доложить, что замокъ — теперь гряда развалинъ, непосѣщаемая даже и путешественниками; чортъ меня побери, если я хоть разъ видѣлъ одного изъ нихъ. Не такъ-ли, Анна? прибавилъ, портной оборотившись къ молодой работницѣ, которая утвердительно кивнула ему головою.

Артуръ въ первый разъ примѣтилъ ту, къ которой Хомпсонъ обратился съ вопросомъ. Взоръ его помутился, дрожь пробѣжала по всему тѣлу, онъ остановился, полный удивленія и восторга.

— Поздравляю васъ, мистеръ Хомпсонъ, сказалъ онъ; ваша дочка первѣйшая красавица во всемъ Соединенномъ Королевствѣ!

— Дочка! Она совсѣмъ не дочь моя!

— Тѣмъ хуже для васъ; право, отецъ этого ангела долженъ быть счастливѣйшій смертный!

— Да, если счастлива жизнь заgrabная.

— Возможно-ли?

— У нея нѣтъ ни отца, ни матери; не во гнѣвъ будь сказано вашей милости; да, она сирота.

— Сирота! вскричалъ Артюрь, сирота! Бѣдное дитя!

Въ эту минуту Анна подняла глаза свои, полные слезъ, на молодаго лорда, какъ бы благодаря его за участіе, и тотчасъ же снова опустила ихъ на свою работу.

— Впрочемъ, продолжалъ Хомпсонъ, чаю вамъ сказать правду: она у меня умница, скромна и пока въ заказахъ недостатка не будетъ, она всегда найдетъ у меня работу.

— Въ такомъ случаѣ, перебилъ Артюрь, пріѣзжайте ко мнѣ завтра въ Единбургъ и я васъ снабжу работою на долгое время.

— Не угодно-ли вашей милости сказать мнѣ свое имя и адресъ?

— Лордъ Артюрь Макдональдъ; всякому извѣстенъ мой домъ.

— Лордъ Макдональдъ! вскричалъ Хомпсонъ, немного рас-
терявшись.

— Я самый.

— И вамъ, милордъ, угодно сдѣлать мнѣ честь...

— Предложить вамъ шить на мой домъ; развѣ вы имѣете чтонибудь противъ этого?

— Отнюдь нѣтъ, милордъ, но это предложеніе меня такъ радостно поразило, что я боялся вѣрить ушамъ своимъ. Ну же моя добрая Анна! прибавилъ онъ, обращаясь къ ней, привеси-ка сюда мою книгу, да запиши въ ней большими буквами имя его милости, милорда Макдональда?

— Позвольте мнѣ избавить васъ отъ этого труда, сказалъ Артюрь, взявъ перо изъ дрожащей руки Анны; потомъ, устремивъ взоръ свой на милую дѣвушку, онъ подписалъ свое имя въ книгѣ мистера Хомпсона и вышелъ изъ дому.

IV.

Разсѣянный, задумчивый, поднялся капитанъ «Клэймора» на вершину горы, посѣтилъ развалины замка и скоро, самъ того не замѣчая, очутился въ ста шагахъ отъ лавки мистера Хомпсона. Онъ ничего не примѣтилъ во все время своей прогулки: образъ Анны постоянно носился между нимъ и тѣмъ предметомъ, на который онъ глядѣлъ.

Ея полный благодарности взглядъ, который она бросила на него за одно только произнесенное имъ слово участія; ея скромность, красота — все это не выходило у него изъ головы. И вотъ теперь онъ снова увидѣлъ ее, сидящую въ прежнемъ положеніи, на порогѣ лавки, за своей работой. Онъ не могъ довольно налюбоваться ею; вдругъ молодая дѣвушка подняла голову и увидѣла его; глаза ихъ встрѣтились, она покрасѣла, опустила ихъ и уже болѣе не подымала.

Наступившія сумерки напомнили Артуру о цѣли его пріѣзда въ Дѣвичій Замокъ; онъ упрелнулъ себя въ слабость и въ томъ, что такъ дурно выполнилъ свое намѣреніе; онъ твердо рѣшился исполнить его непременно завтра, не останавливаясь болѣе въ деревнѣ, гдѣ жила Анна. Чтобы утвердиться въ этомъ намѣреніи, онъ отправился въ таверну *Трехъ Якорей*, въ увѣренности найти тамъ своихъ храбрыхъ матросовъ, обязанныхъ, какъ и онъ, спасеніемъ жизни таинственному маяку, который вспыхнулъ на береговомъ утесѣ. Дѣйствительно, таверна была набита матросами, шировавшими тутъ съ ихъ земляками. Предметомъ шумныхъ разговоровъ служило именно приключеніе прошедшей ночи и приходъ капитана придавъ имъ еще большую занимательность. Начались споры. Одинъ считалъ это за чудо, совершившееся съ «Клэймеромъ», другой за электрическую искру; третій утверждалъ, что иногда во время грозы выходитъ изъ земли огонь; четвертый, напротивъ того, отрицалъ это. Дошла очередь до разсказовъ, о привидѣніяхъ, о призракахъ съ огненными волосами и, можетъ быть, начали бы вызывать съ того свѣта дѣвицу, вѣкогда жившихъ въ замкѣ, еслибы не вмѣшался въ разговоръ одинъ горецъ. Онъ утверждалъ, что, каждую ночь, какая то бѣлая женщина съ фонаремъ въ рукѣ, бродитъ по зубчатымъ стѣнамъ замка; клялся, что онъ и многіе изъ его товарищей видѣли ее, но что страхъ ихъ былъ такъ великъ, что они не осмѣливались подходить къ ней. Вошедшій въ эту минуту въ таверну старикъ-рыбакъ подтвердилъ слова горца. Я тоже, сказалъ онъ, въ одинъ вечеръ, когда закинулъ сѣть вдоль береговыхъ утесовъ, видѣлъ надъ своей лодкою не только огонекъ, но и бѣлое платье сальфиды.

Раздавшійся въ эту минуту звонъ для тушенія огня пресѣкъ дальнѣйшій разговоръ и все разбрелось по домамъ. Лордъ Макдональдъ не послѣдовалъ общему примѣру. Сильно затрунутое

любопытство влекло его на гору, и два часа спустя, тѣ самые, которые недавно съ нимъ цировали, могли бы въ свою очередь принять его за привидѣнiе, бродящее на развалинахъ Дѣвичьего Замка.

V.

Напрасно обыскавъ развалины стараго замка, лордъ Макдональдъ сѣлъ на отломокъ утеса, откуда открывался прекрасный видъ на море. Подперевъ голову рукою и устремивъ взоръ свой къ тѣмъ скаламъ, о которыя въ прошлую ночь «Клэйморъ» непременно бы разбился, еслибъ счастливый случай не спасъ его, — онъ припоминалъ себѣ все слышанное о таинственномъ существѣ, посѣщающемъ каждую ночь это покинутое жилище. Вдругъ легкiй шорохъ вывелъ его изъ задумчивости; обернувшись, онъ увидѣлъ что-то бѣлое, быстро скользившее вдоль развалившихся стѣнъ стариннаго замка.

Вскочить и броситься преслѣдовать это бѣлое привидѣнiе было для Артюра дѣломъ минуты. Уже онъ близокъ былъ къ привидѣнiю, различалъ его человѣческiй образъ и надѣялся постигнуть его на одномъ возвышенiи на которое оно взбѣжало съ быстротою молнiи, какъ вдругъ оно исчезло.

Въ себя отъ удивленiя, но увѣренный въ томъ, что глаза не обманули его и что онъ дѣйствительно видѣлъ живое существо, пробѣжавшее среди этихъ покинутыхъ развалинъ, а притомъ, болѣе чѣмъ когда-либо желая разгадать эту тайну, молодой лордъ прижался къ одному изъ угловъ башни, висящей прямо надъ водою и не двигался съ мѣста.

Скоро, на вершинѣ этой самой башни появилась женщина, закутанная въ бѣлое покрывало. Нѣсколько времени стояла она неподвижно, подобно статуѣ, на этомъ высокомъ пьедесталѣ; потомъ она отвязала свой шарфъ, замахала имъ надъ головою, чтобы удостовѣриться, что вѣтеръ унеслъ концы его въ открытое море, послала нѣсколько поцѣлуетъ волнамъ, какъ бы прощаясь съ ними, и снова удалилась.

Артюръ вздрогнулъ. Пока онъ сомнѣвался въ истинѣ разсказовъ, слышанныхъ имъ въ тавернѣ *Трехъ Якорей*, онъ чувствовалъ себя и бодрымъ, и храбрымъ; но когда онъ ясно увидѣлъ, что ничего не было преувеличеннаго, что все было истинно, — тогда рѣшимость его пропала, силы его покинули и

противъ воли онъ до-того поддался чувству страха, что стоялъ какъ вкопанный. Скоро бѣлая женщина прошла мимо его такъ близко, что ея платье едва не касалось его, а онъ не смѣлъ протянуть руку, чтобы схватить ее, не смѣлъ даже идти за нею и довольствовался только слѣдовать за ней глазами.

Но она не покинула разваливъ. Возвратившись къ холмику, о которомъ мы упоминали, она оставовилась у подножія его, стала на колѣви передъ широкою плитою и начала молиться.

Тогда Артуръ, стыдясь своего страха, вышелъ изъ своего убѣжища и тихо подошелъ къ ней; но въ эту минуту непонятное чувство страха и почтенія приковало его къ мѣсту... Передъ нимъ стояла не волшебница, не сѣльфида, не какое-либо сверхъестественное существо, родившееся въ воображеніи суевѣрныхъ шотландскихъ горцевъ; но молодая, набожная женщина; голова ея была наклонена долу, грудь подымалась, уста шептали ангельскую молитву... а онъ стоялъ въ пѣмомъ удивленіи, сдерживая дыханіе, изъ боязни прервать ея молитву.

Вдругъ молодая женщина подняла голову, откинула вуаль, отбросила свои роскошные волосы и Артуръ узналъ въ ней... работницу мистера Хомпсона.

— Анна! вскричалъ онъ.

Изумленная и испуганная, молодая дѣвушка хотѣла бѣжать. Онъ удержалъ ее.

— О! Останься и не бойся ничего, сказалъ онъ ей голосомъ, полнымъ душевнаго волненія.

— Вы! Зѣсь! возразила Анна, еще не оправившись отъ испуга, причиненнаго ей неожиданнымъ появленіемъ Артура; вы въ дѣвичьемъ Замкѣ въ такую пору!

— Я пришелъ сюда повинуюсь влеченію сердца; оно меня не обмануло: я тебя здѣсь встрѣтилъ. Но открой мнѣ: что особенно важное могло побудить тебя прійти ночью въ это пустынное мѣсто?

— Я вамъ открою это, милордъ, и тогда вы вѣрно пожалѣете обо мнѣ! Тогда, не правда-ли, вы меня оставите одну выполнять мой священный долгъ?

— Долгъ? Но какой же?

— Молиться на могилѣ моей матери!

— Твоя мать лежитъ тутъ... подъ этимъ камнемъ... О! Приди! Мы помолимся вмѣстѣ!

— Вы, милордъ, вы? На колѣняхъ передъ этою плитою? О! Я теперь не боюсь!

Артуръ нѣсколько минутъ молчалъ, какъ бы приходя въ себя; потомъ, сжавъ руки молодой работницы въ свои, онъ произнесъ трогательнымъ голосомъ:

— Послушай, Анна; я одинъ изъ тѣхъ людей, которые глубоко вѣруютъ въ пути Промысла. Отправляясь сегодня утромъ къ мистеру Хомпсону, а ночью на эти развалины, вѣрь, я повиновался только голосу Свыше, который посылалъ меня къ тебѣ, чтобы сдѣлаться твоимъ покровителемъ, другомъ, братомъ... Вѣришь-ли ты этому?

— Милордъ!

— Нѣтъ! Ты этому не вѣришь! Еслибы вѣрила, то открыла бы мнѣ свою тайну, сказала бы, кто ты!

— Мистеръ Хомпсонъ вамъ сказалъ уже, милордъ, что я сирота. Страшное событіе лишило меня въ одно и то же время и отца, и матери!

— Бѣдная! У насъ общая съ тобою судьба. Я тоже сирота! О, говори! Мое сердце умѣетъ чувствовать, глаза умѣютъ плакать!

— Отецъ мой, сказала Анна дрожащимъ голосомъ, былъ арматоромъ въ Эдинбургѣ. Годъ тому назадъ, онъ возвращался съ мыса Доброй Надежды и везъ съ собою все свое имущество. Это плаваніе его было послѣднимъ. Матушка и я пришли въ Дѣвичій Замокъ, чтобы издали привѣтствовать его судно. Завидѣвъ его, мы замахали платками, указывая на гавань и ожидали, что батюшка направитъ туда путь свой. Тщетная надежда! Поднявшійся вѣтеръ принудилъ его идти въ открытое море; настала ночь; поднялась страшная буря, а мы все оставались въ замкѣ, надѣясь рано утромъ слѣдующаго дня увидѣть снова его судно! Увы! Мы увидѣли только остатки этого судна! Оно среди ночной темноты, гонимое вѣтромъ, налетѣло на подводныя скалы и разбилось. Матушка блѣдная, едва переводя дыханіе, съ горькою улыбкою смотрѣла на остатки судна, то приносимые, то уносимые волной... вдругъ какой-то трупъ ударился о скалы... при видѣ его мы вскрикнули и пали на колѣни... Милордъ! Мы узнали трупъ батюшки! Бѣдное дитя, я забывала свое горе, стараясь утѣшить матушку... Матушка, милая матушка! говорила я ей, придите въ себя... и я приподвела голову ея... она была холодна; я по-

ложила руку на сердце: оно не билось! Милорды! Матушки не стало!..

— Но, что случилось съ тобою, бѣдное дитя? спросилъ Артуръ послѣ минутнаго молчанія.

— Увы! продолжала Анна, заливаясь слезами, я кричала, звала на помощь! никто не явился на мой зовъ и я лишилась чувствъ... Два дня спустя, я узнала отъ мистера Хомпсона, что нѣсколько горцевъ, отдавъ послѣдній долгъ той, которую смерть такъ жестоко у меня похитила, перенесли меня къ нему въ домъ... Милорды! Вотъ, здѣсь могила моей матери! Здѣсь я произвела обѣтъ, который буду выполнять до послѣднихъ минутъ жизни, обѣтъ — приходите каждую ночь молиться на ея могилѣ; а когда вѣтеръ гудитъ и буря воетъ, ставить на вершину башни маленькій маякъ, съ цѣлью не допускать нашихъ несчастныхъ моряковъ, если это возможно, приближаться къ опасному берегу.

При этихъ словъ хъ командиръ *Клэймора* почувствовалъ, что сердце у него запрыгало отъ радости; онъ готовъ былъ заключить Анну въ своихъ объятіяхъ, назвать ее своею спасительницею; но онъ удержался.

— Не далѣе, какъ вчера, продолжала работница мистера Хомпсона, мнѣ послышался шумъ корабельныхъ снастей; а такъ какъ ночь была очень темна, то, боясь, что не замѣтятъ моего огонька, я сожгла свой шарфъ.

— Но гдѣ же остатки его? вскричалъ Артуръ, внѣ себя отъ восторга. Вѣтеръ ихъ унесъ, не такъ-ли? А я отдалъ бы за нихъ все мое состояніе!.. Послушай, Анна! Твое мужество, твоя трогательная дочерняя любовь даровала жизнь ста-пятидесяти морякамъ. Скажи: чѣмъ можно отплатить тебѣ за такое благодѣяніе?

— Что вы говорите? Возможно-ли? Мнѣ посчастливилось при помощи этого шарфа предохранить корабль отъ береговыхъ подводныхъ рифовъ!

— А корабль этотъ, который безъ тебя разбился бы о скалы, подобно судну твоего отца, — былъ мой! Моряки, которымъ ты спасла жизнь, — мои матросы! Понимаешь-ли теперь, длячего пришелъ я въ эту ночь въ Дѣвичій Замокъ?

— Возможно-ли, милорды!..

— Анна! Мое состояніе въ твоихъ рукахъ! Распоряжайся имъ, говори, приказывай!

— Если вы полагаете, что обязаны мнѣ чѣмъ-нибудь, то вы имѣете средства отблагодарить меня: много есть вдовъ и сиротъ, у которыхъ море все похитило; отыщите ихъ, помогите имъ, вы меня этимъ осчастливите!

— Нельзя-ли намъ вмѣстѣ ихъ отыскивать, вмѣстѣ помогать? Отвѣчай, Анна!

— Милордъ!..

— Дочь моряка, откажешь ли ты принадлежать моряку, любящему тебя до-безумія; я на колѣняхъ умоляю тебя принять отъ него все, что твое мужество ему возвратило.. Анна! Мое имя, сердце, жизнь — все принадлежить тебѣ!..

— Вы забываете, милордъ, что я бѣдная сирота!

— Ты ангель! Еще до нашей встрѣчи на развалинахъ этого замка, я прочелъ въ твоемъ взорѣ начало моего счастья; я полюбилъ тебя. Представь же себѣ мою радость, мой восторгъ, когда я узналъ, что люблю ту, которой обязанъ жизнью!.. Анна! Я люблю тебя! Люблю всѣми силами души!

— Довольно, милордъ!.. Я не могу вамъ принадлежать!..

— Что я слышу!

— Это невозможно!

— Невозможно? О, такъ ты меня не любишь!

— Между вами непреодолимая преграда, сказала Анна, голосомъ, которому хотѣла придать твердости.

— Умоляю тебя, объяснись!

— Передъ образомъ Пресвятой Дѣвы я дала обѣтъ посвятить себя охраненію нашихъ несчастныхъ моряковъ отъ опасностей на этомъ негостепріимномъ берегу; обѣтъ этотъ сталъ для меня вдвое дороже, священнѣе, съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что вы ему обязаны спасеніемъ жизни... Я не нарушу его!

— Это обѣщаніе перестанетъ имѣть силу, когда ты будешь моею!

— Но, чтобы принадлежать вамъ, Артуръ, мнѣ нужно передъ алтаремъ произнести клятву.

— Да.

— А я не въ силахъ измѣнить первой!

— Ты приводишь меня въ отчаяніе.

— Мой другъ! Я связана торжественной клятвою, данной на могилѣ моей матери. Никто не властенъ снять съ меня этотъ обѣтъ.

— Но я завтра же освобожу тебя отъ него, вскричалъ Артуръ, какъ-бы вдохновенный Свыше; да, Анна! Богъ вложилъ тебѣ въ сердце святую мысль посвятить жизнь на спасеніе несчастныхъ пловцевъ; мнѣ же небо открыло средство слѣзть тебя счастливо. Прощай, Анна! До завтра!

— Но какое же ваше намѣреніе?

— Ты завтра узнаешь.

И Артуръ убѣжалъ.

Сердце молодой дѣвушки радостно забилось, полное надежды и любви. Анна провела остальную часть вочи въ молитвѣ на могилѣ матери.

VI.

Вечеру слѣдующаго дня, когда луна тихо и величаво взошла на горизонтѣ, командиръ *Клэймора*, сопровождаемый всѣмъ экипажемъ, остановился передъ лавкою мистера Хомпсона, на порогѣ которой попрежнему работала молодая дѣвушка.

— Анна, сказалъ ей капитанъ, договоръ, взаимно насъ связывающій, написанъ на могилѣ твоей матери. Договоръ этотъ отнюдь не унычтожаетъ, напротивъ того, увѣковѣчиваетъ трогательный твой обѣтъ, спасши жизнь мою и моихъ спутниковъ; приди, прочти, удостовѣрься!

Молодая работница, окруженная всѣми матросами съ *Клэймора*, позволила вести себя въ Дѣвичій Замокъ, къ тому холму, у подножія котораго покоились бранные останки ея матери.

На этомъ мѣстѣ возвышался огромный сигнальный крестъ, съ устроеннымъ на немъ маякомъ, освѣщавшимъ весь берегъ.

При видѣ этого, Анна припала къ могильной плитѣ, и дрожащимъ голосомъ прочла слѣдующее:

«Здѣсь покоится прахъ жены одного несчастнаго моряка. Да будетъ этотъ маякъ, сооруженный надъ ея могилой, по обѣту дочери ея, лэди Анны Макдональдъ, всегдашнюю путеводною звѣздою моряка во время бури!»

— Макдональдъ—это моя фамилія, сказалъ Артуръ. Прикажешь ли стереть ее?

— О, пѣтъ! вскричала молодая дѣвушка, подавая ему руку; теперь я навсегда твоя!

НАСТАВНИЦА,

или

ПАНСИОНЪ ВЪ БРЮССЕЛЪ.

АНГЛІЙСКІЙ РОМАНЪ.

Соч. 1-жи Куреръ-Белль. (Шарлоты Брокни).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XI.

Только-что Жоржета выздоровѣла, г-жа Бекъ отослала ее въ деревню къ бабушкѣ, гдѣ гостили прочія ея дѣти. Я очень любила этого ребенка и чувствовала теперь себя совершенно одинокою посреди дома, гдѣ все кипѣло жизнью и движеніемъ. Подругъ было довольно, но ни одной по-сердцу. Всѣ гувернантки дѣлали мнѣ авансы, но я ни съ кѣмъ не сближалась. Старшая была очень честная женщина, но съ ограниченнѣмъ умомъ, безъ возвышенныхъ чувствъ, думавшая только о себѣ. Вторая, парижанка, гордилась этимъ титуломъ, много заботилась о своей наружности, но не имѣла сердца. Я не замѣчала въ ней ни вѣры,

ни правилъ, и ни къ кому истиннаго расположенія — все было одной маской, она старалась только о томъ, какъ лучше выказать себя! Къ дурнымъ ея наклонностямъ присоединилась еще жадность къ деньгамъ; въ этомъ послѣднемъ она сходилась съ третьей гувернанткой, отличавшейся скупостью и страстью нажиться. При видѣ золотой монеты, глаза ея зажигались адекимъ огнемъ. Однажды она позвала меня въ свою комнату и показала мнѣ кучу денегъ, около четырехъ сотъ франковъ, все пятифранковыми монетами, плодъ своей бережливости. Птичка не бережетъ такъ своихъ яичекъ, какъ берегла эта двадцатипятилѣтняя дѣвица свое сокровище.

Парижанка, напротивъ того, была и жадна къ деньгамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ расточительна. У ней много было долговъ и жалованье свое она тотчасъ расточала, на платья, косыночки и разныя косметическія принадлежности. Это была настоящая эпикуреянка, сердце ея было холодно для всякаго добраго чувства. Я какъ теперь вижу ея худошавую фигуру, желтое худое лицо, тонкія губы и выдавшійся подбородокъ. Она была смертельнымъ врагомъ всякой работы и любила одни только удовольствія.

Начальница очень понимала парижанку. Однажды, когда она откровенно мнѣ говорила о ней, я спросила: — Зачѣмъ же держите ее?

— За тѣмъ, отвѣчала она, что ея боятся самыя непокорныя воспитанницы. Дѣвица Зеля Сен-Шерръ, имя парижанки, дѣйствительно умѣла водворять порядокъ между самыми строптивыми пансіонерками, и притомъ безъ всякаго гнѣва и усилія. — Я очень хорошо знаю, говорила начальница, что дѣвица Зеля безъ правилъ, что не должно раскрывать ея прошлаго; но она умѣетъ сохранять приличія, держать себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ, что производитъ хорошее впечатлѣніе и па воспитанницъ и на ихъ родственниковъ. Чего же болѣе....

До каникулъ оставалось еще два мѣсяца, между тѣмъ приближался день именинъ начальницы. Церемоніаль этого дня предоставлялся въ полное распоряженіе дѣвицы Сен-Пьерръ, начальница показывала видъ, что не знаетъ, какія дѣлаются приготовления, и въ-особенности не вѣдаетъ о подпискѣ для поднесенія ей богатаго подарка; между тѣмъ наединѣ былъ слѣдующій разговоръ:

— Что желаете вы получить нынѣшній годъ?

— Я не желаю, чтобъ дѣти понапрасну тратились, отвѣчала начальница чадолубивымъ голосомъ, который однакожь не обманулъ Сен-Пьерръ, потому что она тотчасъ ее перебила.

— Полноте перемониться: скажите мнѣ, что именно желаете: драгоценную ли вещьцу, или что изъ фарфора или серебра?

— Ну, пожалуй, какую-нибудь бездѣлицу, полдюжины, напримѣръ, чайныхъ ложечекъ.

И результатомъ подписки былъ подарокъ изъ серебра въ пять сотъ франковъ.

Вотъ обыкновенная програма праздника: торжественное поднесеніе подарка, обѣдъ въ саду, комедія представляемая гувернантками и воспитанницами, балъ и ужинъ. Чегожь болѣе? Зелія умѣла всѣмъ хорошо распорядиться, выключая только театральнаго представленія.

Но это и была самая трудная часть програмы. Роли были розданы за мѣсяць и распредѣленіе ихъ требовало большаго такта. Сен-Пьерръ натурально не могла взять на себя токого труда, который по праву переходилъ на профессора французской литературы, Поля, Эмануеля, Лафатера, которому одолжена я поступленіемъ въ пансіонъ г-жи Бекъ, въ критическій вечеръ пріѣзда моего въ Брюссель. Никогда я не присутствовала на драматическихъ урокахъ г. Поля, но часто видала его, когда онъ проходилъ по площадѣ, такъ звалась у насъ большая комната, отдѣляющая

столовую и дортуары отъ классовъ. Лѣтомъ, по вечерамъ, я слышала, какъ онъ громкимъ голосомъ давалъ воспитанницамъ уроки и имя его въ разныхъ анекдотахъ безпрестанно повторялось въ моихъ ушахъ. Миссъ Женевра Фаншавъ, наша старинная знакомая, была избрана для важнѣйшей роли въ пьесѣ, она посвящала мнѣ большую часть своихъ досуговъ, и передразнивала слова и жесты профессора. Женевра находила его страшнымъ уродомъ, голосъ его раздражалъ ея уши. Признаюсь, что этотъ сухой человѣчекъ, съ черными плотно остриженными волосами, съ широкимъ лбомъ, впалыми щеками, орлинымъ носомъ, пронзительнымъ взглядомъ и рѣзкими манерами производилъ и на меня не слишкомъ пріятное впечатлѣніе. Обращеніе его съ импровизированными актрисами показывало до какой степени онъ былъ раздражителенъ. Безпрестанно онъ бранилъ ихъ за холодность. Голосъ его раздавался какъ труба, и когда Женевра, Матильда или Бланка пискливо повторяли за нимъ тираду, можно представить себѣ его нетерпѣніе.

— Да, это настоящія куклы, вскрикивалъ профессоръ, тѣло безъ души! Не принести ли сюда электрическую машину, чтобъ хотя посредствомъ ея извлечь изъ васъ искры? Нѣтъ, я рѣшительно отъ васъ отказываюсь.

И онъ дѣйствительно отказался отъ трагедіи, которую самъ сочинилъ и которую хотѣлъ поставить на сцену. Онъ разорвалъ ее въ мелкіе клочки и пришелъ на другой день съ комедіей. Комедія пошла лучше и профессоръ могъ наконецъ вбить ее въ тупыя головы нашихъ актрисъ.

Зелія Сен-Пьерръ присутствовала всегда при урокахъ г. Поля и, судя по разговорамъ, утонченныя манеры парижанки, вниманіе, съ какимъ она его слушала, похвалы, искусно расточаемыя ею профессору, произвели на него хорошее впечатлѣніе. Дѣвица Зелія

могла легко понравиться; но къ несчастію, внушаемое ею чувство не могло быть продолжительно.

Наканунѣ праздника начальницы, классовъ не было. Вездѣ мыли и чистили, весь домъ былъ верхъ ногами, отъ нижняго этажа до верхнихъ комнатъ нигдѣ не было мѣста, гдѣ бы приклонить голову. Я отправилась въ садъ, ходила по аллеямъ, садилась на скамейкахъ и искала попеременно то солнца, то тѣни. Мнѣ кажется, въ этотъ день я не сказала ни кому и двухъ словъ; но проходя чрезъ классы, могла видѣть приготовленія къ празднику, небольшой театръ былъ уже устроенъ и г. Поль Эмануель декламировалъ что-то съ жаромъ на генеральной репетиціи.

Наконецъ великой день насталъ; знойное солнце блистало на безоблачномъ небѣ. Двери и окна отворены были настежь, во всемъ пансіонѣ царствовала радость и свобода. Гувернантки и пансіонерки въ пилльёткахъ сошли въ столовую завтракать. Имѣя въ перспективѣ свои вечерніе наряды, всѣ были довольны и счастливы въ утреннемъ неглиже. Въ девять часовъ явился одинъ изъ важнѣйшихъ лицъ для праздника, парикмахеръ, и столовая превратилась во временный будуаръ. Всѣ пансіонерки, поочередно, переходили чрезъ его вскусныя руки и всѣ вышли съ проборами протянутыми съ математическою точностію и съ греческими коронками, блестящими, какъ полированная черепаха. Дошла очередь и до меня, я не могла вѣрить зеркалу, что сдѣлалось съ моею головою. Эта гирлянда изъ черныхъ граціозно сплетенныхъ волосъ, неужели точно мнѣ принадлежала? не прибавилъ-ли онъ чужихъ? Чтобъ удостовѣриться, я осторожно дергала волоски, стараясь не испортить прически. Дѣйствительно парикмахеръ былъ великой артистъ своего дѣла. Столовая затворилась и въ дортуарахъ начались безконечныя полосканья. Время, употребленное нашими пансіонерками для ихъ туалетовъ, казалось мнѣ непонятною загадкою, судя по просто-

тѣ наряда. Бѣлое кисейное платье, голубой кушакъ (цвѣта невинности), бѣлыя или палевыя перчатки, вотъ все въ чемъ состояла форменная одежда этого дня. Платья шли ко всѣмъ, какъ нельзя лучше; наши молоденькія брюссельки, не имѣя граціозной гибкости, составляющей истинную красоту женщины, отличались сегодня своими миловидными формами. Гувернантки также всѣ были въ бѣломъ и голубомъ цвѣтахъ. Одна я отличалась; какъ тѣнь посреди этой блестящей, прозрачной группы. Я не осмѣлилась подобно имъ явиться въ бѣломъ, но такой праздникъ и настоящее время года требовали отъ меня костюма болѣе легкаго чѣмъ обыкновенный. Пересмотрѣвъ двѣнадцать лавокъ, я выбрала наконецъ крепъ, съ розовымъ отливомъ и моя швея сдѣлала изъ него все возможное. Она сказала мнѣ, что эта матерія, очень невидная, очень траурная и что тѣмъ болѣе нужно позаботиться о фасонѣ. Она говорила правду, ни одна бездѣлушка, ни одинъ цвѣтокъ не украшалъ моего наряда; увы! у меня не было и природныхъ розъ, свойственныхъ англичанкамъ.

Въ обыкновенные дни забываются эти маленькія неудобства, но въ дни торжественные позволено пожалѣть, что не обладаешь красотой!

Впрочемъ я чувствовала себя свободнѣе въ моемъ темномъ платьѣ, нежели бы въ другомъ, менѣе скромномъ нарядѣ. Г-жа Бекъ поощряла меня своимъ примѣромъ; костюмъ ея былъ также мало замѣчателенъ, какъ и мой, выключая богатаго браслета и брошки, осыпанной драгоценными камнями. Мы встрѣтились съ нею на лѣстницѣ и она одобрительно улыбнулась мнѣ, не потому, что этотъ костюмъ шелъ ко мнѣ; для нея рѣшительно, все было равно — хороша-ли я въ немъ или нѣтъ, но она замѣтила, что я одѣта прилично и пристойно; приличіе и пристойность составляли для начальницы самое главное. Встрѣтившись еще разъ со мною, она остановилась, положила на

плечо мое свою руку въ перчаткѣ и слѣлала мнѣ на-
ухо нѣсколько колкихъ замѣчаній насчетъ нѣкото-
рыхъ гувернантокъ, которыхъ нарядъ передъ этимъ
вслухъ хвалила. — Не смѣшно-ли пожилымъ женщи-
намъ наряжаться, какъ пятнадцатилѣтнимъ дѣвушкамъ? Не похожа ли Сен-Пьерръ на старую актрису
въ роли молоденькой пастушки?

Одѣвшись часа два раньше всѣхъ, я не ходила въ
садъ, гдѣ ставили длинные столы для обѣда; между
тѣмъ класныя комнаты были въ это время пустехонь-
ки, тамъ все было чисто и свѣжо, вымытые полы
едва успѣли просохнуть. Множество натуральныхъ
цвѣтовъ было брошено по угламъ и между окнами,
на которыхъ висѣли на этотъ день бѣлыя, какъ снѣгъ
занавѣсы.

Я вошла въ первый классъ и вынувъ изъ библиоте-
ки, отъ которой у меня былъ ключъ, книгу, судя по
заглавію, довольно интересную, сѣла и начала ее
читать. Стеклянная дверь нашей библиотеки отво-
рялась прямо въ садъ. Вѣтви акаціи касались оконъ,
листья ихъ мѣшались съ большимъ кустомъ розъ, во-
кругъ котораго жужжали пчелы. Это жужжаніе, аро-
матъ цвѣтовъ и пріятная лѣтняя теплота повергли
меня въ задумчивость, близкую къ усыпленію. Душа
моя была въ другой далекой странѣ, посреди какой-
то улыбающейся долины мечтательнаго міра. Ударъ
звонка въ мгновеніе ока привелъ меня опять въ Брюс-
сель; звонъ самый пронзительный, какого я еще ни-
когда не слыхала. Правду сказать, звонокъ г-жи Бекъ
дѣйствовалъ на мои нервы всегда непріятно.

Съ самаго утра звонокъ не умолкалъ. Всѣ ужасно
какъ суетились, а пуще всѣхъ парикмахеръ, да швея,
которые хорошо понимали въ этотъ день важное зна-
ченіе свое. Что же будетъ послѣ полудня, когда
вольноприходящія пансіонерки станутъ пріѣзжать въ
каретяхъ и фіакрахъ, а вечеромъ нагрянуть и род-
ственники ихъ смотрѣть комедію. При такихъ обстоя-

тельстввахъ можно-ли было обращать вниманіе на какой-нибудь ударъ звонка; но этотъ ударъ точно былъ необыкновенный, я вся вздрогнула, мечты мои разсѣялись, какъ отъ полночнаго крика пѣтуха, разсѣивающаго всѣ призракѣ. Книга вырвалась изъ моихъ рукъ и упала къ ногамъ.

Я нагнулась, чтобъ ее поднять, вдругъ слышу скорые, но твердые шаги, раздающіеся по корридору, площадкѣ, по первому и второму отдѣленіямъ, по большой залѣ, и приближающіеся ко мнѣ чрезъ первый классъ; двери въ бібліотеку были отворены и я увидѣла г. Поля Эмануеля, профессора литературы, въ ермолкѣ и пальто.

Приблизясь ко мнѣ, г. Поль остановился; глаза его, казалось, меня пожирали. Чего ему отъ меня хотѣлось?

— Вы не угадываете? сказалъ онъ.

— Что такое?

— Я имѣю къ вамъ большую просьбу.

— Говорите, г. Поль, я къ вашимъ услугамъ.

— Вы можете сыграть роль въ комедіи, не правда-ли?

— Но, г. Поль!..

— Оставьте пустую скромность. Я замѣтилъ по лицу вашему, въ тотъ вечеръ, какъ вы пріѣхали въ Брюссель, хотя и не дотрогиваясь до вашего черепа, что вы имѣете спеническія дарованія.

— Много чести; но...

— Оставьте это но. Я принесъ вамъ роль.

— Роль? для меня? Я васъ не понимаю.

— Вы меня очень хорошо понимаете, потому что сами собою сдѣлали удивительные успѣхи во французскомъ, такіе успѣхи, что я, какъ профессоръ, долженъ завидовать. Я принесъ вамъ роль изъ водевиля, который будутъ играть сегодня вечеромъ.

Я не могла вѣрить ушамъ моимъ. Этотъ маленькой странной человѣчекъ не смѣется-ли надо мной?

— Отвѣчайте мнѣ да или нѣтъ, продолжалъ онъ. — вашъ отвѣтъ рѣшить : долженъ-ли я питать къ вамъ впредь уваженіе. Вотъ, что случилось : Луиза Вандеркельгофъ сказалась больною. Она лишалась, говорить, голоса, какъ это бываетъ съ знаменитыми пѣвицами, которыя насмѣхаются надъ директоромъ и публикой. Меня она не вадуетъ своей мнимою болѣзней. Это штука, которую хочетъ сыграть со мною жеманная фламандка, потому что завидуетъ нашей кокеткѣ миссъ Женеврѣ Фаншавъ. Дѣло въ томъ, чтобъ въ нѣсколько часовъ выучить роль Луизы Вандеркельгофъ. Просить объ этомъ Брюссельку, все равно, что писать на водѣ. Итакъ я обращаюсь къ англичанкѣ; я прошу ее вытащить меня изъ глубокаго колодца, въ которой я попалъ, если не хочетъ она меня тамъ оставить.

Множество возраженій разомъ представилось уму моему. Какъ взяться за роль на языкѣ для меня чужомъ, которымъ я еще не совершенно владѣю и притомъ въ нѣсколько часовъ выучить эту роль! мысль явиться на театрѣ передъ многочисленной публикой также меня устрашала.

— Мнѣ нужно имѣть отъ васъ да или нѣтъ, повторилъ г. Поль. И этотъ человекъ, обыкновенно вспыльчивый, казалось, ожидалъ изъ устъ моихъ приговора къ жизни или смерти.

— Чтожъ, принимаете?

— Принимаю.

Лицо его просіяло; но намъ предстояло еще многое. — Вотъ роль, прочитайте ее вслухъ яснѣе.

Чтеніе мое несовсѣмъ его удовлетворило; лобъ его иногда морщился; раза два я замѣтила, что онъ пожимаетъ плечами; даже разъ топнулъ ногою; но это было въ обыкновеніи его, я хорошо знала г. Поля, не могъ же онъ въ одну минуту переродиться и сдѣлаться любезнымъ за оказанную ему услугу. Въ свою очередь, онъ прочиталъ роль и заставилъ меня послѣ

себя ее повторить. Роль эта была довольно неблагодарная, роль Фата: чтобы сыграть хорошо, не нужно показывать ни ума, ни сердца. Два соперника оспаривают руку кокетки. Одинъ изъ нихъ человекъ честный, но въ родѣ необдѣланнаго алмаза, прозваннаго — субреткой въ пьесѣ, неповоротливый медвѣдемъ; другой петиметръ, повѣса. — И эту роль г. Поль мнѣ предназначаетъ.

— Почемужъ нѣтъ? возразилъ г. Поль. Вы будете чужеземнымъ мотылькомъ. Вашъ британскій акцентъ придаетъ роли остроту, которой можетъ-быть недостааетъ ей. Это будетъ очень хорошо. Между-тѣмъ въ саду слышались веселые голоса и между зеленью мелькали бѣлыя платья. — Скорѣй! скорѣй! вскричалъ г. Поль, скрывайтесь! Вы должны быть теперь однѣ, чтобъ выучить вашу роль. Поищемъ уединеннаго мѣстечка; слѣдуйте за мною.

Прежде чѣмъ я успѣла что-либо отвѣтить, онъ помчалъ меня какъ вихрь, въ первый, второй и даже третій этажъ, или лучше сказать въ уединенный чердакъ и заперъ меня тамъ на ключъ. Онъ такъ хорошо зналъ весь домъ и всѣхъ живущихъ въ немъ, что могъ бы сыскать для меня и другую темницу.

Чердакъ этотъ, въ которомъ зимой было холоднее Гренландіи, а лѣтомъ жарче Африки, былъ загроможденъ ящиками и разнымъ хламомъ. Старыя платья висѣли по стѣнамъ; паутина падала съ потолка; таракановъ и другихъ насѣкомыхъ расплодилось множество; крысы жили тутъ цѣлыми обществами; а молва надѣляла этотъ чердакъ и еще кое-чѣмъ, говорили, что по-временамъ показывается тутъ монахиня. Одинъ уголъ и днемъ былъ очень темень. Старая занавѣсъ защищала отъ пыли и солнца ветхія салоны и шубы, висѣвшіе на гвоздяхъ. Изъ этого угла и являлось, по рассказамъ, таинственное привидѣніе. Я не вѣрила этой баснѣ, но меня безпокоила хуже привидѣнія большая черная крыса, которая нисколько меня не боялась,

всего же противнѣе для меня были тараканы. Невыносимая жара заставила меня отворить слуховое окно, чтобъ впустить немного свѣжаго воздуха. Пустой большой ящикъ, на которомъ стоялъ другой маленькой, и куда я вскарабкалась, служилъ мнѣ треномъ; больше всего старалась я не измять моего новаго платья.

Сначала я думала, что взялась за невозможное, но пьеса была невелика, а слѣдовательно и роль моя. Я стала учить ее потихоньку, а потомъ повторяла вслухъ, чтобъ приучить себя говорить передъ публикой и устрашить теперешнихъ моихъ слушателей — крысъ. Большая черная крыса въ самомъ дѣлѣ скрылась за занавѣсъ, но длинный хвостъ ея все еще торчалъ оттуда, и лишь только я умолкла, она опять явилась на сцену. Такъ прошло все послѣобѣденное время. Я ничего не ѣла съ самаго завтрака; мнѣ казалось жестокимъ держать меня, какъ осужденную въ темницѣ и заставлятъ умирать съ голоду, когда всѣ другія сидятъ въ саду за вкуснымъ обѣдомъ. Звонъ поминутно раздавался; слышно было, какъ подѣзжали экипажи. Въ послѣдній разъ я повторила мою роль съ большимъ жаромъ на голодный желудокъ. Когда я оканчивала, ключъ повернулся въ двери и г. Поль явился въ полномъ нарядѣ.

— Пойдетъ! пойдетъ! Я слышалъ вашу декламацию; васъ только и ждуть, чтобъ начать пьесу.

— Но, сударь...

— Опять но!

— Я умираю съ голоду.

— Правда! правда! Я и не подумалъ объ этомъ! Пойдемте въ кухню.

Кухарка дала мнѣ чашку кофею со сливками, а г. Поль принесъ маленькихъ пирожковъ съ кремомъ; не знаю, почему онъ догадался, что я ихъ очень люблю.

— Кушайте, кушайте, говорилъ онъ, не давая мнѣ времени проглотить. Я не хочу, чтобъ вы считали меня

Синей-Бородой, который запираетъ женщинъ и морить ихъ съ голоду. Готовы-ли вы теперь сударыня? могу ли я взять васъ подъ руку?

Я не имѣла никакихъ возраженій, и онъ пустился такими скорыми шагами, что я должна была бѣжать за нимъ. Достигнувъ площадки, онъ остановился на минуту. Площадка была ярко освѣщена, двери классовъ и двери въ садъ отворены были настежь. Вездѣ разставлены были померанцевыя деревья и кусты душистыхъ цвѣтовъ. Дамы и мужчины, родственники пансіонерокъ большею частію уже пріѣхали. Въ классныхъ комнатахъ цѣлая перспектива свѣженькихъ личекъ, бѣлыхъ кисейныхъ платицъ и голубыхъ кушаковъ освѣщалась блескомъ взятыхъ на-прокатъ люстръ. Въ глубинѣ возвышался театръ съ зеленымъ занавѣсомъ и рядомъ лампъ.

— Какъ вамъ все это кажется?

Я находила все прекраснымъ, но внутреннее волненіе отняло у меня языкъ.

Г. Поль замѣтилъ это и сказалъ мнѣ: — посмотримъ, имѣютъ ли англичанки присутствіе духа.

— Не безпокойтесь, отвѣчала я; но, признаюсь, желала бы, чтобъ все это уже кончилось. Неужели намъ надо переходить черезъ всю толпу?

— Нѣтъ, ненужно. Мы пройдемъ садомъ.

Свѣжій ночной вѣтерокъ оживилъ меня. Луна не блистала, но огонь отъ люстръ освѣщалъ аллею; небо усѣяно было звѣздами; ночь была настоящая итальянская, въ атмосферѣ не было ни малѣйшей влажности.

Черезъ садъ мы подошли къ стеклянной двери, ведущей въ первый классъ, которая тоже была отворена. Г. Поль увлекъ меня въ маленькую комнату, отдѣляющую первый классъ отъ большой залы; ослѣпительный свѣтъ этой комнаты, говоръ и шумъ и задушающій жаръ совершенно меня уничтожили.

— Тихе! тихе! сударыни! у васъ здѣсь настоящій

хаосъ, Вавилонское столпотвореніе! Голосъ профессора тотчасъ водворилъ нѣкоторый порядокъ.

Три четверти воспитанницъ, будущія зрительницы спектакля, оставили комнатку, въ которой до того толпились. Остальныя, по знаку г. Поля, стали въ одну группу, это были актрисы, которымъ г. профессоръ меня и представилъ. Всѣ остолебли. Какъ! англичанка будетъ играть роль во французскомъ водевилѣ? это невѣроятно! Женевра Фаншавъ не менѣе была изумлена. Въ костюмѣ записной кокетки, она была прелестна; мысль предстать предъ многочисленной публикой нисколько ее не утешала; но ей казалось смѣшнымъ, даже унижительнымъ, что я должна буду за ней ухаживать. Хорошъ же мой денди—бывшая нянька!

Г. Поль, казалось, не замѣчалъ гримасъ, шопота и едва удерживаемаго смѣха. Онъ привыкъ чтобъ все покорялось его волѣ.

— Поспѣшите же одѣваться, сударыня.

— Какъ, одѣваться?

— Натурально, для вашей роли! вскричала Зелія Сен-Пьерръ. Я буду служить вамъ комнатнымъ мальчикомъ. Посмотрите какимъ вы будете славнымъ денди!

Не торопитесь, подумала я, сговорчивость моя не дойдетъ до того, чтобъ я одѣлась въ мужское платье; пусть г. Поль бросаетъ на меня свои огненные взгляды. Уже Сен-Пьерръ взяла меня за руку, я вырвалась и рѣшительнымъ, хотя дрожащимъ голосомъ объявила мое совершенное несогласіе.

Г. Поль оставался безгласенъ и недвижимъ.

— Спѣшите, моя дорогая, продолжала Сен-Пьерръ, очевидно готовая подтрусить на мой счетъ. Мы сдѣлаемъ изъ васъ премилаго Фата, преобразимъ хорошенькую англичанку въ французскаго льва!

Хорошенькая англичанка! была чистая насмѣшка. Я вовсе не была хороша, и очень это знала.

Однакожь змѣя обвивала меня своими кольцами.

— Вотъ полный костюмъ ; нѣтъ ни въ чемъ недостатка. Только васъ и ждуть , чтобъ поднять занавѣсъ.

— Остановитесь, сказалъ наконецъ г. Поль; оставляя неподвижность и молчаніе , не принуждайте дѣвицу Люси. И обращаясь ко мнѣ : — Вы не хотите надѣть мужскаго платья ; между тѣмъ вы согласились взять роль. Говорить болѣе нечего , мы не будемъ играть водевиля и все тутъ. Слова г. Поля привели всѣхъ въ изумленіе и въ особенноти миссъ Женевру Фаншавъ , которой хотѣлось блеснуть въ роли кокетки.

— Предоставьте мнѣ это уладить, сказала я г. Полю и водевиль сыграется. Дайте мнѣ галстухъ , жилетъ и пальто. Все это принадлежало брату одной изъ воспитанницъ и я надѣла сверхъ моего платья ; волосы поправила на манеръ мужской и взявъ въ одну руку шляпу, въ другую перчатки и палочку : — я готова, сударь, выдти на сцену.

Г. Поль, котораго чело прояснилось, посмотрѣлъ на меня съ довольнымъ видомъ.

— Ну, чтожь , комедія въ пансіонѣ имѣетъ свои приличія и свои вольности, замѣтилъ г. Поль.— Пусть будетъ по-вашему, сударыня; можетъ быть правда и на вашей сторонѣ. Итакъ ободритесь, побольше хладнокровія, анломба и дѣло пойдетъ.

Какой карнавалъ! вскричала Зелія Сен-Пьерръ. Половина мужчины, половина женщины! всѣ помрутъ со смѣху.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, сказала я начиная выходить изъ себя, — вы заставляете меня жалѣть , что я не мужчина, конечно съ условіемъ, чтобъ и вы были не женщиной?

— Для чего же это, прекрасная англичанка?

— Для того , чтобъ потребовать отъ васъ удовлетворенія за насмѣшки.

— Послѣ пьесы, послѣ пьесы ! вскричалъ г. Поль.

У меня есть ящикъ съ пистолетами къ вашимъ услугамъ. Старинная вражда между Франціей и Англійей никогда не погаснетъ!

Торжественная минута наступала. Г. Поль сказалъ намъ краткую рѣчь, подобно тому, какъ говоритъ генераль солдатамъ, готовымъ идти на приступъ. При поднятіи занавѣса, три дѣйствующія лица должны были быть на сценѣ; но мнѣ первой надлежало говорить.

— Не смотрите на публику, шепталъ мнѣ на ухо г. Поль, и не думайте о ней. Воображайте себѣ, что находитесь на чердакѣ и декламируете роль свою передъ крысами.

Звонокъ раздался, занавѣсъ подняли, большая зала наводнена была свѣтомъ, многочисленное блестящее общество представилось моимъ глазамъ, но я на него не смотрѣла. Въ глазахъ моихъ мелькали старые ящики, источенные червями столы, черная жирная крыса, да тараканы.

Первыя слова я произнесла дурно. Я не столько боялась публики, сколько собственнаго моего голоса, который былъ нецатураленъ. Наконецъ я его какъ будто бы поймала, языкъ мой развязался, и я ни о чемъ болѣе не думала, какъ о лицѣ, которае представляла, и г. Поль, стоявшемъ за кулисами и исполнявшемъ должность суфлера. По-мѣрѣ того, какъ я приходила въ себя, въ свою очередь стала замѣчать и гру прочихъ актрисъ. Многія играли очень хорошо; но больше всѣхъ отличалась миссъ Женевра; роль кокетки шла къ ней, какъ нельзя лучше, она была въ своей стихіи. Мнѣ показалось, что она въ самомъ дѣлѣ хочетъ сдѣлать мою конкурету, привязать меня къ своей колесницѣ, принудить Люси Мортонъ быть менѣе холодною, когда ей вздумается чваниться предъ нею; но вскорѣ я замѣтила, что взгляды ея, улыбки относятся не ко мнѣ. Докторъ Жанъ стоялъ въ амбразурѣ окна и былъ выше всѣхъ цѣлою головою, казалось,

что онъ не могъ хвалиться теперь своею нечувствительностію. Мое самолюбіе, признаюсь, было затронуто, я все болѣе и болѣе одушевлялась, желая побѣдить въ одно время и медвѣдя пьесы и доктора Жана; изъ этихъ двухъ соперниковъ у меня составилось одно лицо. Миссъ Женевра не менѣе меня одушевлялась; и мы придали бѣдному водевилю такую страсть, которой не подозрѣвалъ и самъ авторъ. Г. Поль, осыпая насъ похвалами въ антрактѣ, пррсилъ однакожъ умѣрить нѣсколько нашу пылкость—тщетное предостереженіе: Женевра хотѣла деспотически властвовать надъ всѣми сердцами; а я старалась уничтожить медвѣдя и доктора Жана. То, что я испытала въ этотъ вечеръ, не желала, чтобъ когда нибудь повторилось, и ни для г. Поля, и ни для кого на свѣтѣ, не согласилась бы опять войти на театральныя подмостки, потому что чувствовала въ себѣ сценическое призваніе и страшилась его.

По окончаніи спектакля, г. Поль, бывшій дотолѣ на горячихъ угляхъ, въ свою очередь совершенно преобразился. Отвѣтственность его миновалась и онъ могъ сложить съ себя директорскую важность. Никогда мы не видали его такимъ веселымъ, такимъ любезнымъ; онъ дружески пожималъ намъ руки и объявилъ, что со всѣми нами танцуетъ.

— Я не танцую, былъ мой отвѣтъ.

— Будете танцовать! возразилъ г. Поль.

Я нашла однакожъ средство избавиться отъ вторичной выставки и забившись въ уголъ смотрѣла на балъ, какъ смотрятъ на картину въ оптическое стеклышко.

Миссъ Женевра была царицею бала, какъ прежде была царицею спектакля; невозможно танцовать съ большею легкостію и граціей. Она могла бы держаться въ воздухѣ на крыльяхъ бабочки, хотя питалась не сокомъ ароматныхъ цвѣтовъ, а хорошимъ англійскимъ ростбифомъ и не прежде принималась за сла-

сти, какъ удовлетворивъ свой аппетитъ болѣе существенною пищею.

Въ этотъ вечеръ она истребила порядочное количество пирожковъ съ кремомъ и мороженаго.

Всѣ допускались смотрѣть спектакль, но не всѣ могли участвовать въ танцахъ. По заведенному въ пансіонѣ порядку, воспитанницы танцевали между собою, исключеніе было только въ пользу г. Поля, профессора литературы, родственника начальницы, которая, натурально, за него ручалась. Г. Поль, конечно, не былъ опасенъ для молодыхъ дѣвушекъ, но такая привилегія очень не нравилась братцамъ воспитанницъ. Тщетно старались утѣшить этихъ господъ, поднося имъ почаще сладкихъ пирожковъ.

Г-жа Бекъ сама, какъ драконъ, наблюдала за шумливою молодежью.

— Позвольте одну только кадрили, съ этой прекрасной блондинкой, сударыня?

— Одинъ только кружокъ вальса съ прелестной брюнеткой?

— Молчите, господа, отвѣчала шалунамъ начальница, уважайте правила нашего пансіона. Нельзя, нельзя сюда, г. гимназистъ, извольте занять свое мѣсто. А если вамъ большая охота танцевать, такъ танцуйте другъ съ другомъ.

Только доктору Жану позволено было бродить по всѣмъ заламъ. Докторъ вѣдь-существо особенное; притомъ и видъ у него почтенный и поступь такая важная! Я думала, что мнѣ грѣзится, когда онъ сказалъ начальницѣ:

— Нельзя-ли протанцевать контрдансъ съ одной изъ вашихъ воспитанницъ?

— Нельзя, даже и со мною, отвѣчала начальница. Неужели вы волкъ въ овечьей шкурѣ? Прочь, прочь изъ моей овчарни.

И докторъ Жанъ, нѣсколько сконфуженный, долженъ былъ отретироваться за раздѣляющую черту.

Подъ конецъ бала, Женевра, вѣроятно, утомившись отъ танцевъ, почти упала на скамейку и обвивъ меня руками, сказала: Люси, милая Люси!

— Что такое? спросила я довольно сухо.

— Какъ вы меня сегодня находите?

— Какъ и всегда. Развѣ вы нездоровы? можетъ быть кушали много сладостей?

— Какая вы злая. Я васъ спрашиваю: находите-ли меня хорошенькою? Если скажете — нѣтъ, тѣмъ хуже для васъ, потому что я сейчасъ осмотрѣла себя съ головы до ногъ, въ большомъ зеркалѣ начальницы, которое принесли сюда для праздника. Подите и посмотритесь сами.

— Не имѣю никакой охоты.

— Развѣ вы завидуете?

— Завидую! Кому?

— Ну, такъ пойдемъ.

Я подошла съ ней къ трюмо, передъ которымъ миссъ Женевра и сама вертѣлась и меня во всѣ стороны поворачивала, потомъ съ улыбкой поправивъ свои русые шелковые волосы, кушакъ и складки платья... и сдѣлавъ мнѣ милый реверансъ:

— А что бы вы дали, чтобъ быть на моемъ мѣстѣ? спросила она меня очень наивно.

— Не дала бы и мелкой, даже фальшивой монеты.

— Вы не откровенно говорите.

— Почему?

— Потому, что имѣете тысячу причинъ завидовать мнѣ.

— Пожалуйте, скажите ихъ мнѣ, я послушаю.

— Во-первыхъ, я принадлежу къ почетной фамилии; отецъ мой не богатъ, но дворянинъ, а дядя мой съ большимъ достаткомъ. Мнѣ восемнадцать лѣтъ, не лучшей-ли это возрастъ? Я воспитывалась на матерпкѣ и выучилась музыкѣ, танцамъ, хорошимъ манерамъ. Конечно, не мнѣ говорить, что я хороша собою; но вы сами не найдете меня дурною. Гдѣ я ни

покажусь, меня тотчас окружаетъ рой обожателей. Даже здѣсь, на этомъ вечерѣ, я успѣла сдѣлать двѣ жертвы, и умирающій взглядъ, брошенный мнѣ однимъ изъ этихъ несчастныхъ, привелъ меня въ такую веселость. Надо было видѣть, какими глазами смотрѣли другъ на друга оба соперника.

— Всѣ сказали?

— Нѣтъ, я могу привести вамъ еще нѣсколько преимуществъ; но, посмотримъ теперь, какой вамъ выпалъ жребій. Вы умны, но до какой доведены были крайности, когда согласились быть нянькою дѣтей г-жи Бекъ, по прїѣздѣ вашемъ въ Брюссель! Вы говорите, что вамъ двадцать три года, вѣрю, но все-таки вы старше меня пятью годами. Я не говорю, что вы дурны собою, однако нельзя сказать, чтобъ были хороши, иначе имѣли бы обожателей; вы бы говорили тогда о вашихъ жертвахъ, какъ говорятъ другія губернанти и не кусали бы себѣ губы, когда касаются этого предмета. Даже Зелія не выходитъ изъ пансіона безъ того, чтобъ не сдѣлать конкетовъ. Не имѣю-ли я послѣ этого причины жалѣть о васъ и не имѣете-ли вы права жаловаться на судьбу, какъ говорить въ баснѣ дубъ тростнику.

— Берегитесь, что въ свою очередь и я не напомнила вамъ одной басенки.

— Ну, такъ поговоримъ о другомъ.

— О вашихъ, если угодно, жертвахъ, миссъ Жевневра. Любопытно бы было знать имена ихъ.

— Пожалуй, я вамъ скажу, одного зовутъ Исидоромъ, другаго Альфредомъ.

— И эти звѣзды еще видны на горизонтѣ?

— Вы нынче очень любопытны. Пойдемте со мною, я вамъ покажу ихъ.

И она пошла гордо передо мною; но вдругъ повернувшись сказала: — Вы не можете хорошо ихъ видѣть изъ классовъ. Начальница не дозволяетъ имъ переступать за очарованную черту, пойдемте черезъ

садъ , потомъ черезъ корридоръ , мы можемъ пройти близехонько отъ нихъ . Если увидятъ насъ , то побранятъ , но что за бѣда !

Альфредъ былъ маленькаго роста , съ незначительнымъ , но правильнымъ профилемъ ; я видѣла его сначала въ профилѣ . Этотъ денди не то , чтобы былъ слишкомъ малъ , но черты лица у него были мелкія и , по словамъ миссъ Женевры Фаншавъ , руки и ноги его болѣе походили на женскія ; онъ всегда былъ завитъ , въ узкихъ перчаткахъ , съ непогрѣшительнымъ галстухомъ , а что всего важнѣе — командовалъ эскадрономъ .

— Какъ онъ вамъ кажется ?

— Да , его можно бы срисовать , какъ сахарную статуетку . Я не удивляюсь болѣе , что онъ вамъ нравится .

— А еслибъ вы видѣли его въ обществѣ ! онъ танцуетъ ...

— Какъ подвижная кукла въ маріонеткахъ .

— Вы , какъ лисица въ баснѣ , миссъ Люси !

— Какая лисица ? А ! вспоминаю : лисица нашла маску , вертѣла ее во всѣ стороны и вскричала : хороша голова , да мозгу нѣтъ !

— Нѣтъ , нѣтъ , я говорю о лисицѣ и виноградѣ . Вы желали бы имѣть такихъ адоратѣровъ , да они зелены для васъ .

— О ! миссъ Женевра , будьте снисходительны ; не говорите о раѣ тому , кто напередъ изъ него исключень .

— Однакожъ согласитесь , что онъ хорошъ ?

— Зависитъ отъ вкуса .

— Неужели вы лучше захотите любить какого-нибудь горбатаго Эзопа ?

— Можетъ-быть . Но покажите мнѣ Исидора .

— Альфредъ... продолжала миссъ Женевра , она не могла съ нимъ разстаться... Альфредъ успѣлъ попасть на нашъ балъ чрезъ протекцію своей тетушки и подъ

предлогомъ , что двоюродный братецъ какой-то изъ нашихъ пансіонерокъ. Можете себѣ представить, какъ я пріятно удивлена была его присутвіемъ , и вотъ почему я съ такимъ жаромъ играла пьесу и отъ всей души танцевала. Я была счастлива, какъ царица. Онъ смотрѣлъ на меня и восхищался.

— Но другой, другой! гдѣ же онъ? гдѣ этотъ красавецъ Исидоръ?

— Я не говорю, что онъ хорошъ собою.

— Такъ онъ дурень?

— Не дурень, но его нельзя сравнивать съ Альфредомъ: онъ слишкомъ массивенъ , притомъ его бакенбарды такого смѣшнаго цвѣта, красные или оранжевые. Знаете теперь кто это?

— Право нѣтъ. Вы хотите уморить меня отъ нетерпѣнія.

— Берегитесь , сударыни . вы здѣсь на сквозномъ вѣтру, сказалъ намъ знакомый голосъ.

— Благодарю за предостереженіе , докторъ Жанъ, поспѣшно я отвѣчала, но я не чувствую здѣсь сквознаго вѣтра.

— Вы имѣете крѣпкое тѣлосложеніе, возразилъ докторъ, и это для васъ неопасно ; но ваша подруга не должна бы ходить здѣсь безъ платка.

— Помилуйте , сказала Женевра , я задыхаюсь отъ жара!

— Вы танцевали и разгорячились, сударыня, платье на васъ эфирное, долго-ли простудиться.

— Еще проповѣдь ! вскричала миссъ Женевра такимъ фамилярнымъ пренебрежительнымъ тономъ, что я удивилась.

Я не скрыла ей моего удивленія, когда мы немного отъ него удалились.

— Такъ-то вы благодарите доктора Жана за добрый совѣтъ?

— О! Исидоръ за такую бездѣлицу не разсердится. Исидоръ и докторъ Жанъ были одно и то же лицо. Бѣдный докторъ!

XII.

Послѣ праздника даннаго въ честь начальницы, началось серьезное ученіе для приготовленія къ экзамену, за которымъ слѣдовала раздача наградъ. Самолюбіе подстрекало и профессоровъ и гувернантокъ и воспитанницъ.

Мнѣ было также не легко. Надлежало вбить въ девяносто болѣе или менѣе тушыхъ головъ правила англійскаго языка и биться еще хотя о сколько-нибудь сносномъ произношеніи губныхъ и зубныхъ свистящихъ буквъ.

Великой, страшный день наступалъ. Профессоръ литературы принялъ на себя обязанность экзаменатора во всѣхъ классахъ, выключая англійскаго языка и крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ бразды школьнаго властителя, не допуская къ себѣ никакого помощника. Начальница сама готова бы была сдѣлать нѣсколько вопросовъ изъ географіи, любимой своей науки (которую, мимоходомъ сказать, весьма хорошо преподавала), но и она покорялась въ этомъ случаѣ деспотизму своего ученаго родственника. Г. Поль, устранивъ такимъ образомъ главный штабъ пансіона, долженъ былъ возсѣсть на эстраду одинъ, или почти одинъ, потому что маленькое мѣстечко на ней принадлежало и мнѣ, въ качествѣ испытательницы англійскаго языка, что весьма не нравилось профессору, но дѣлать было нечего, онъ не зналъ этого языка.

Г. Поль былъ очень самолюбивъ, любилъ показывать себя передъ публикой и хотя часто проповѣды-

валъ о скромности, но самъ не исполнялъ этой добродѣтели.

Вечеромъ наканунѣ экзамена, я прогуливалась по саду, равно какъ гувернантки и воспитанницы, но любя уединеніе, поспѣшила въ запрещенную аллею.

Вдругъ явился туда г. Поль, онъ курилъ сигару; особеннаго вида пальто какъ-то странно, даже грозно на немъ сидѣло; кисточка ермолки покрывала его лѣвой високъ; черные бакенбарды были взъерошены, какъ шерсть у разсерженной кошки; глаза блистали, какъ метеоръ сквозь тучу.

— Итакъ, сказалъ онъ мнѣ сердитымъ, отрывистымъ голосомъ, завтра вы будете сидѣть подлѣ меня царицей. О! о! у васъ не мало самолюбія!

— Я готова была бы сейчасъ же отказаться отъ этой роли.

— Еслибъ вы и могли отказаться, то не откажетесь. Напрасно вы притворяетесь, какъ Сикстъ Пятый до избранія его въ папы, я васъ угадываю и понимаю. Многіе въ этомъ домѣ смотрятъ на васъ, какъ на тѣнь скользящую по стѣнѣ, и не обращаютъ на васъ вниманія; но я давно васъ наблюдаю, и еслибъ имѣлъ еще какое сомнѣніе, оно исчезло бы послѣ представленія нашего знаменитаго водевиля. О! съ какимъ жаромъ вы сыграли свою незначительную роль! и когда увѣрены были въ успѣхъ, какой огонь горѣлъ въ вашихъ глазахъ! Это было изверженіе волкана запыланнаго снѣгомъ. Съ тѣхъ поръ я васъ разумѣю.

— Почему, сударь, вы не возьмете на себя труда экзаменовать и въ англійскомъ языкѣ?

— Я не знаю и трехъ словъ; или, пожалуй, знаю три слова, напримѣръ, какъ называется солнце, луна и звѣзды, но безъ пошады и ихъ коверкаю. Всѣго бы лучше было не дѣлать совсѣмъ экзамена въ англійскомъ языкѣ, если вы на это согласны.

— Отъ всего моего сердца , только бы согласилась начальница.

Г. Поль принялся опять курить свою сигару, и послѣ минутнаго молчанія, сказалъ :

— Дайте мнѣ вашу руку, сударыня, и не обращайтесь вниманія на то , что я вамъ сейчасъ говорилъ. Я честолюбивъ и долженъ понимать честолюбіе другихъ. Притомъ вы здѣсь иностранка, вы должны зарабатывать себѣ хлѣбъ, какъ и я. Надобно, чтобъ въ Брюсселѣ знали, что вы учите англійскому языку, потому что всякая партикулярная служба не надежна; вы можете разстроиться съ г-жею Бекъ и пожелать свободы. Будемъ же друзьями, завтра я постараюсь сколько можно облегчить новый для васъ трудъ.

Экзамень сошелъ съ рукъ какъ нельзя лучше, раздача наградъ была на слѣдующій день и каникулы начались.

Эти каникулы, никогда я ихъ не забуду! Боже мой! какая вдругъ сбѣлалась пустота въ пансіонѣ: начальница въ первый же день уѣхала къ своимъ дѣтямъ, въ деревню, расположенную на берегу моря; всѣ гувернантки разбрелись по своимъ родственникамъ; профессоры тоже оставили городъ, кто поѣхалъ въ Парижъ, кто на воды, въ Остенде; г. Поль, ревностный католикъ, отправился въ Римъ, объ этомъ путешествіи, по словамъ его, онъ мечталъ съ дѣтства своего. Въ пансіонѣ остались только бѣдная учительница англійскаго языка, кухарка Готонъ, да одна пансіонерка, совершенная идиотка, которую мачиха не благоразсудила взять къ себѣ.

Въ отсутствіе дѣйствительныхъ занятій я невольно предавалась мечтамъ. Меня утрашали эти нескончаемыя восемь недѣль принужденнаго бездѣйствія. Бездущность представлялась мнѣ песчаною степью, безъ малѣйшаго уголка зелени, безъ всякаго деревца. Чего мнѣ ждать на этомъ свѣтѣ! Маленькая идиотка, по крайней-мѣрѣ, не понимала своего несчастія и одино-

чества. Я старалась какъ можно лучше ее кормить и держать въ теплѣ, потому что она очень была зябка. Она просила только одного — кушать, да грѣться на солнцѣ; когда же не было солнца, я сама разводила для нея большой огонь въ каминѣ. Ея дремлющія способности совершенно согласовались съ такою инерціею; ея разумъ, сердце, глаза были въ полномъ усыпленіи; для идіотки полнымъ блаженствомъ была эта нравственная летаргія, отъ которой я съ ужасомъ отвращалась, какъ отъ страшнаго ничтожества.

Въ первыя три недѣли каникулъ погода была тихая и пріятная, но въ четвертую и пятую настали дни сырые и бурные. Не понимаю, отчего эта перемѣна въ атмосферѣ сдѣлала на меня такое непріятное впечатлѣніе; обыкновенно я предпочитала бурю и дождь ясной и сухой погодѣ, но теперь дурное время дѣйствовало какъ-то губельно на мою нервную систему.

Къ счастью моему, одна добрая старушка, тетка маленькой идіотки взяла ее къ себѣ погостить. Съ меня спала большая обуза; я, до сихъ поръ, не могла ни выходить съ этой дѣвочкой, ни покидать ее на минуту; это было точно обиженное созданіе; идіотка рѣдко говорила, просиживала по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ и дѣлала удивительныя гримасы. Я бы лучше согласилась стеречь какого-нибудь дикаго звѣря, чѣмъ эту несчастную дѣвушку; полагаю, что всякая сердобольная сестра, взявъ ее на руки, подверглась бы величайшему испытанію.

По отъѣздѣ идіотки начались мои прогулки изъ дому. Сначала я не уходила далеко отъ улицы Фоссетъ, но потомъ мало-по-малу подвигаясь все далѣе дошла разъ до городской заставы и рѣшилась переступить ее. Наконецъ кругъ моихъ прогулокъ весьма расширился. Я ходила по полямъ, лугамъ, рошамъ и деревнямъ, не знаю и сама какимъ! Посѣщала кладбища: католическое и протестантское, гдѣ можетъ быть найдется и

для меня мѣстечко. Идея о смерти мнѣ нравилась, потому что я страдала отъ избытка жизни, которую не знала къ чему приложить. Говорятъ, что природа не терпитъ пустоты, такъ и я не терпѣла одиночества, но какъ его избѣгнуть? Ни дружба, ни любовь не улаждала моей жизни, я не знала никого, рѣшительно никого, и, блуждая цѣлый день, томимая душевной жаждой, возвращалась домой при лунномъ свѣтѣ съ тѣми же мрачными мыслями.

Въ моихъ уединенныхъ прогулкахъ какъ грустно мнѣ было сравнивать положеніе другихъ съ моимъ собственнымъ. Г-жа Бекъ жила теперь съ матерью своею, съ дѣтьми и, безъ сомнѣнія, съ многочисленными друзьями на берегу моря; Зелія Сен-Пьерръ порхнула въ Парижъ, прочія гувернантки разѣхались по своимъ родственникамъ; Женевра Фаншавъ путешествовала для удовольствія на югѣ. Глазамъ ея представлялись живописныя сцены; сентябрьское солнце блистало для нея на плодоносныхъ равнинахъ и роскошныхъ виноградникахъ; для нея луна посеребрела своимъ свѣтомъ очерки горъ на дальнихъ горизонтахъ; всѣ добрые геніи окружали ее и ласкали своими крыльями! Никогда она не чувствовала одиночества, потому что была любима; любовь соединяетъ невидимою магнитною нитью сердца, хотя бы ихъ раздѣляли далекія моря. Счастливая Женевра! Правду ты говорила, что я должна завидовать тебѣ!

Начались равноденственные бури, я продолжала рыскать по полямъ и схватила наконецъ препорядочную лихорадку. Цѣлые девять дней, въ дождь и вѣтеръ оставалась я въ своей комнатѣ, наполненной призраками моей больной головы.

Добрая Готонъ хотѣла позвать доктора, но я рѣшительно воспротивилась этому, обѣщая, что пойду сама, какъ будетъ немного легче, посоветоваться съ медикомъ, только, натурально, что не съ докторомъ Жаномъ.

Однажды вечеромъ я была не въ бреду, но подъ вліяніемъ страшныхъ въ прошлую ночь грезъ, между которыми играла не послѣднюю роль монахиня; я одѣлась и, несмотря на слабость и дрожь, рѣшилась выдти изъ дому; уединеніе и тишина большого дортуара были мнѣ въ тягость. Вѣтеръ продолжалъ шумѣть, дождь тоже падалъ, но съ меньшею силою. Казалось, что сумерки принесли съ собою нѣкоторое успокоеніе и что небо сжалось надъ землею. Я думала, что могу дышать свободнѣе внѣ дома, въ которомъ заживо была погребена. Я вышла, въ намѣреніи пробраться какъ можно дальше за городъ. Такое предпріятіе, въ такой часъ, при моей слабости, показываетъ, что я была не въ нормальномъ состояніи, но, еще разъ повторяю, что я не была въ бреду, потому что позаботилась надѣть мантилію.

Звонъ колоколовъ остановилъ меня на дорогѣ; мнѣ казалось, что они зовутъ меня; я вошла въ церковь. Расписанныя стекла, освѣщаемыя потухающею зарею, сообщали внутренности храма слабый пурпуровый цвѣтъ. Подобно другимъ, я встала на колѣна на каменную плиту, служба кончилась, свѣчи потушили, только теплились двѣ лампадки, одна передъ алтаремъ, другая передъ исповѣдной. Многія кающіяся ожидали своей очереди; находясь возлѣ нихъ, я замѣтила, что многія выходящія отъ исповѣди имѣли покойныя свѣтлыя лица. Одна старушка, съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ, стоявшая передо мною и до которой дошла очередь исповѣдываться, сказала мнѣ потихоньку: «идите прежде меня, я еще не приготовилась».

Я машинально повиновалась, и вошла въ исповѣдную, говоря самой-себѣ: можетъ-быть, я найду здѣсь утѣшеніе. Священникъ и не посмотрѣлъ на меня, но, наклонивъ голову, подставилъ свое ухо къ моимъ губамъ. Безъ сомнѣнія, это былъ достойный и благо-

честивый старецъ , я смутилась и могла только промолвить: — отецъ мой... я протестантка.

Тогда онъ на меня посмотрѣлъ ; это былъ не туземный духовный; его открытое чело, выразительный взглядъ , все обличало въ немъ француза. Онъ спросилъ меня ласковымъ голосомъ, какъ же я обращаюсь къ нему будучи протестанткой.

Я обращаюсь къ вамъ, отецъ мой, потому, что страдаю , не имѣю ни дружескаго совѣта, ни утѣшительнаго слова, я чувствую что умираю.

— Дочь моя, не имѣешь ли ты чего на совѣсти?

Я успокоила его на этотъ счетъ, и старалась, какъ могла, изобразить ему состояніе моей души. Повидимому, онъ былъ удивленъ и пораженъ моими словами.

— Дочь моя, проси милосердія у Того, Который говорить: придите ко мнѣ всѣ страждущіе и я успокою васъ. Я не отвергаю тебя отъ моей исповѣди, но ты нашла меня неприготовившимся. Въ первый разъ встрѣчается со мною подобный случай. Я долженъ самъ прежде подумать , чтобъ дать тебѣ добрый совѣтъ.

— Отецъ мой , вы выслушали меня съ благосклонностію и этимъ уже доставили мнѣ великое утѣшеніе. Я чувствую , что съ меня спало большое бремя. Должна-ли я теперь удалиться?

— Дочь моя, сказалъ онъ голосомъ, который, какъ я увѣрена , шелъ изъ его сострадательнаго сердца, ты можешь теперь удалиться , но приходи почерпать миръ душевный къ источнику мира. Свѣтъ своими ложными, обольстительными удовольствіями не можетъ плѣнить тебя ; всегда онъ будетъ для тебя юдолюю плача. Господь, посѣщающій насъ въ дни нашей печали, внушилъ тебѣ настоящій твой поступокъ. Спѣши войти въ лоно Римско-Католической церкви. Ты говоришь, что страдаешь и нездорова. Когда здоровье твое позволитъ, приходи опять ко мнѣ, но какъ пер-

ковъ эта обширна и холодна и какъ ты не всегда можешь здѣсь найти меня, то помни адресъ мой, на улицѣ Маговъ, номеръ 10-й. Я всегда бываю дома въ десять часовъ утра.

Я поблагодарила старца-священника и завернувшись въ мантилію, вышла изъ церкви, съ спокойнымъ духомъ, но лишь-только очутилась на улицѣ, лихорадочная дрожь опять началась со мною.

Ночь уже наступила, вездѣ горѣли фонари. Естественно, я поспѣшала въ улицу Фоссетъ; но, по несчастію, эта часть города была мнѣ мало извѣстна и я заблудилась посреди узкихъ, извилистыхъ улицъ. Чѣмъ далѣе я шла, тѣмъ болѣе терялась въ этомъ лабиринтѣ.

Буря, немного утихнувшая въ сумерки, съ новою силою разразилась ночью. Сѣверозападный вѣтеръ съ градомъ и дождемъ хлесталъ мнѣ прямо въ лицо, несмотря на вуаль мою; пронзительный холодъ проникалъ меня всю. Напрасно наклоняла я голову, чтобъ сколько-нибудь защищать себя отъ урагана, трудъ былъ тщетный, я чувствовала, что теряю послѣднія свои силы. Кружась около одного и того же мѣста, я старалась приблизиться къ одной старинной церкви, уже подходила къ главному входу, и хотѣла сѣсть на ступени, но вдругъ и церковь и портикъ и ступени исчезли; мнѣ показалось, что я лечу въ бездну. Со мной сдѣлался обморокъ.

ХІІІ.

Гдѣ была душа моя во время длиннаго обморока? Въ какихъ невѣдомыхъ странахъ блуждала она? Тайна эта осталась съ нею; въ памяти моей не сохранилось ни малѣйшаго слѣда, ни одинъ уголь завѣсы не приподнялся и воображенію не было никакой пищи.

Можетъ быть, она долетала до небесныхъ селеній, можетъ быть, настаивала для нея часъ покоя и разлуки съ тѣломъ. Но ангелъ не допустилъ ее до порога вѣчности и трепещущую привелъ опять въ прежнюю темницу, сказавъ въ утѣшеніе: «Молись и надѣйся.» Но не безъ борьбы послѣдовало новое соединеніе духа и матеріи, если судить по тому, что я вытерпѣла. Глаза мои раскрылись, но я видѣла все чрезъ кровавую завѣсу; слухъ возвратился мнѣ громовыми ударами, раздававшимися въ больной моей головѣ, и я получила сознаніе жизни, чувствуя какой-то неопредѣленный ужасъ. Я не знала, гдѣ я, и между какими существами? Ни одинъ предметъ не походилъ самъ на себя; стѣна казалась не стѣной; лампа не лампой. Призраки могли быть и дѣйствительными существами. Мало-по-малу чувства мои и способности пришли однакожъ въ прежнее равновѣсіе и жизнь получила правильный ходъ, я поняла, что нахожусь не въ томъ мѣстѣ, гдѣ упала, т. е. близъ ступенекъ главнаго входа въ церковь. Стѣны, окна, потолокъ защищали меня отъ дождя и непогоды. Меня перенесли въ домъ, но въ какой домъ?

Натурально, я думала, что нахожусь въ пансіонѣ, на улицѣ Фоссетъ; очнувшись вполонину, я старалась узнать, гдѣ меня положили: въ большомъ дортуарѣ или въ одномъ изъ маленькихъ? Ни одна мебель не походила на нашу. Не было ни длиннаго ряда кроватей, ни ряда оконъ. Не положили ли меня въ комнату г-жи Бекъ? Постепенно я стала различать большія, обитыя голубою штофною матеріею кресла и удостовѣрилась, что нахожусь въ хорошо меблированной комнатѣ. Дрова пылали въ каминѣ; желтаго цвѣта коверъ съ голубыми арабесками, покрывалъ полъ; легкія гирлянды незабудокъ вились по стѣнамъ между мириадами золотыхъ, какъ въ осень листьевъ. Зеркало въ богатой рамѣ висѣло между двумя окнами. Оно показало мнѣ, что я лежала не на постели, а на диванѣ. Я похожа

была на привидѣніе; глаза мои были необыкновенно велики и впали въ орбиты, волосы чернѣе прежнихъ, можетъ быть, отъ противоположности съ блѣднымъ лицомъ моимъ. Все меня удостовѣряло, что нахожусь въ незнакомомъ мнѣ домѣ.

Видно, что я несовершенно еще пришла въ себя; потому что, присматриваясь на большое голубое кресло, нашла его знакомымъ. Гдѣ-то я его видала, равно какъ два табуретки и въ особенности маленькой чернаго дерева съ рѣзьбой стуликъ.

Удивленная, что вижу давно знакомые мнѣ предметы, я продолжала разсматривать маленькую комнату. Надъ каминомъ находились два овальные, акварельные портрета, которые я знала на память: это были женскіе портреты; сколько разъ я считала жемчужинки въ ихъ пышной, напудренной прическѣ. Черная лента, обвивавшая ихъ лебединья шея, ихъ косыночки, кружевные манжеты, все мнѣ въ подробности было извѣстно, какъ-бы вещи собственнаго моего туалета. Каминъ украшенъ былъ двумя китайскими статуетками и маленькими изъ японскаго фарфора чашечками не болѣе яичной скорлупы и выполированными, какъ эмаль. Посрединѣ была еще алебастровая классическая подъ стекляннмъ колпакомъ группа. Я узнавала всѣ особенности, всѣ малѣйшія недостатки, даже непримѣтныя трещинки въ этихъ игрушкахъ.

Гдѣ-жъ я была? Въ какомъ мѣстѣ свѣта и годѣ нашей эры? Всѣ эти вещи говорили мнѣ о другой странѣ, а другомъ времени. Десять уже лѣтъ прошло, какъ я со всѣмъ этимъ разсталась. Гдѣ-жъ я была теперь?

Какая-то человѣческая фигура, мало гармонировавшая со всѣмъ меня окружающимъ, двигалась, и приближалась ко мнѣ. До сихъ поръ я не замѣчала ее, потому что она сидѣла въ углу. Это была служанка, въ чепцѣ, въ коленкоровомъ цвѣтномъ платьѣ. Она не говорила ни по-англійски, ни по-французски, и какъ я не разумѣла ни слова по-фламандски, то не могла ничего узнать отъ

нея о своемъ положеніи. Она, съ своей стороны, всячески за мной ухаживала, намочила мои виски и лобъ холодною ароматическою водою; поправила подушки, на которыя я опиралась, и сдѣлавъ знакъ, чтобъ я молчала и оставалась въ покоѣ, начала опять вязать чулки подлѣ моего дивана.

Гдѣ же я была? Я вспомнила исторію Бедредина Гассана, который во время сна перенесенъ былъ изъ Каира къ воротамъ Дамаска. Не перенесъ-ли и меня Геній во время бури отъ ступеней церкви черезъ море въ спокойный и тихій приютъ старой Англій? О! нѣтъ, этотъ приютъ давно уже не существуетъ! Его лары и пенаты неизвѣстно куда улетѣли.

По-временамъ, служанка поднимала на меня свои глаза. Вѣроятно, замѣчая, что мнѣ не хорошо, она оставила свой чулокъ, подошла къ маленькому столику, взяла рюмку, налила въ нее воды и, пустивъ нѣсколько капель изъ небольшой стеклянки, поднесла ко мнѣ. Я выпила эту темную жидкость. Былъ-ли это какой таинственный эликсиръ или просто успокоительное питье, не знаю, только виски мои перестали биться; пульсъ утихъ; болѣзненные члены, мускулы, нервы заснули, такъ сказать, прежде меня. Я въ одно время потеряла желаніе и способность къ движенію. Внимательная служанка поставила между лампою и мною экранъ. Я видѣла, какъ она встала, но не видала, какъ уже воротилась на мѣсто. Между этими двумя моментами я заснула.

Когда я проснулась, все измѣнилось. Меня окружалъ свѣтъ, но не теплый лѣтній свѣтъ, а блѣдный осенній. На этотъ разъ, я увѣрена была, что нахожусь въ пансіонѣ. Дождь стучалъ въ окна; деревья качаемыя вѣтромъ стонали; слѣдовательно, передъ домомъ былъ садъ. Я чувствовала ознобъ, видѣла всѣ предметы чрезъ бѣлое покрывало, потому что кровать моя была съ мяткалевыми занавѣсами.

Я отдернула эти занавѣсы и, вмѣсто длиннаго дор-

туара съ бѣлыми стѣнами, увидѣла маленькую съ зелеными обоями комнатку; вмѣсто пяти большихъ голыхъ оконъ, одно съ прекрасными кисейными драпери; вмѣсто двѣнадцати выкрашенныхъ столиковъ съ чашками и умывальниками, хорошенькой розоваго дерева туалетъ, съ резервуаромъ, вставленнымъ въ бѣлый мраморный столикъ; разныя принадлежности изъ блѣдно-зеленаго фарфора и обшитую кружевомъ подушечку. Я поспѣшила задернуть занавѣсы, потому что испугалась. Чего же? того, что меня обманываютъ мои чувства, что грезы разстроеннаго воображенія принимаю за дѣйствительность. Этотъ зеленый фарфоръ мнѣ также очень былъ извѣстенъ.

Ольней! Ольней! Мои пятнадцать лѣтъ! Вы какъ бы воскресли въ этомъ магическомъ зеркалѣ. Эта алая атласная подушечка, съ золотою посреди гирляндой, обшита кружевами, это была моя работа. Я бросилась съ постели, схватила подушечку, чтобъ лучше разсмотрѣть ее и нашла на ней шифръ L. L. G. вышитый золотымъ бисеромъ; это были начальныя буквы моей крестной: Луиза-Люси Граамъ.

Неужели я въ Англiи? неужели въ Ольней? Я подняла штору и думала, что увижу спокойную улицу, старые милостивые домики, чистую мостовую Аннинской улицы, и на концѣ ея башни стариннаго монастыря... или если все это былъ одинъ призракъ, то грязную брюссельскую улицу и мокрый садъ, судя по настоящей погодѣ.

Но я увидѣла совсѣмъ другое. Рѣшетчатый полисадникъ покрытъ былъ пожелтѣлыми листьями, еще не сорванными вѣтромъ, на лугу возвышались стройныя деревья, какихъ я давно не видывала. Эти деревья покачивались отъ октябрьскаго вѣтра и кучи желтыхъ сухихъ листьевъ крутились въ вихрѣ. Далѣе высокія буковые деревья закрывали мнѣ картину.

Я возвратилась на свою постель; но и въ моемъ маленькомъ альковѣ не могла оторвать глазъ отъ

одного акварельнаго портрета изображавшаго молодого человека пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, свѣжаго, какъ розанъ, съ русыми волосами, имѣвшими золотистый отливъ. Какъ не узнать было этихъ благородныхъ и выразительныхъ чертъ лица, этой легкой, нѣсколько проницательской улыбки. Это былъ онъ, мальчикъ съ золотыми волосами, достигшій юношескаго возраста. Я не могла удержать себя отъ восклицанія: «Джонъ Граамъ!»

— Кто зоветъ Граама! отвѣчалъ не замогильный, но звучный женской голосъ и я увидѣла у своего изголовья новый призракъ, призракъ моей крестной.

Я старалась подавить въ себѣ крикъ удивленія.

— Гдѣ я нахожусь, сударыня?

— Въ спокойномъ мѣстѣ, дитя мое. Вы, кажется, сегодня очень взволнованы.

— Вы говорите по-англійски, сударыня?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчала она, иначе, какъ бы мы могли разумѣть другъ друга. А васъ, дитя мое, и спрашивать нечего, что вы англичанка, это видно по вашему лицу. Мой сынъ, впрочемъ, тотчасъ узналъ васъ; вы принадлежите къ пансіону г-жи Бекъ, въ качествѣ учительницы англійскаго языка.

— Тысячу разъ благодарю васъ сударыня, за ваше гостепріимство, но скажите, ради Бога, какъ я здѣсь очутилась?

— Объ этомъ скажетъ вамъ мой сынъ. Но вы еще слабы и вамъ нельзя много говорить; онъ позволилъ вамъ завтракать, когда оставилъ васъ лихорадка и будетъ апетитъ.

Я охотно выпила чашку чаю и съѣла кусочекъ жаркого, которое моя крестная (я не могла уже болѣе сомнѣваться, что вижу предъ собою г-жу Граамъ) поспѣшила отъ меня взять. Этотъ легкий завтракъ подкрѣпилъ мои силы и я съ терпѣніемъ могла ждаты до двухъ или трехъ часовъ, когда служанка принесла мнѣ бульену и сухарей.

Когда насталъ вечеръ , мнѣ было скучно лежать одной въ этой маленькой комнатѣ ; служанка , говорившая только по-фламандски , не могла доставлять мнѣ никакого развлечения . Дождь лилъ ливнемъ , вѣтеръ вылъ . Мнѣ бы хотѣлось быть въ этомъ гостеприимномъ семействѣ , видѣть сына моей крестной . Но нельзя же было самой на это навязываться . Вѣрно , они сами пригласятъ меня , но когда ? Я однакожь , на всякой случай , стала одѣваться и лишь только окончила свой туалетъ , какъ вошла крестная .

Она очень обрадовалась нашедши меня одѣтою . взяла подъ руку и повела въ низъ , въ голубую залу , по лѣстницѣ покрытой мягкимъ ковромъ ; во всемъ видѣнъ былъ отличный комфортъ ; большой огонь пылалъ черезъ рѣшетку камина ; лампа распространяла янтарный свѣтъ ; на столѣ приготовленъ былъ чай со всеми принадлежностями . Я узнала серебряную урну старинной формы , массивной чайникъ того же металла , фарфоровыя тонкія прозрачныя чашки съ золотыми и алыми арабесками и сдобный хлѣбъ , особеннаго вида , какой всегда былъ у насъ въ Ольней и теперь лежалъ передъ незанятымъ мѣстомъ , какъ въ старинное время предъ Граамомъ , который очень его любилъ .

— Садитесь сюда на диванъ , сказала мнѣ г-жа Граамъ , замѣчая , что я начинаю шататься . Я была еще очень слаба и слишкомъ взволнована . Она хотѣла посадить меня почти противъ огня , но я не могла выносить сильнаго свѣта и предпочла спрятаться въ темный уголъ , какъ бывало дѣлала маленькая Полли . Крестная мнѣ въ этомъ не препятствовала , имѣя всегда правиломъ , не принуждать никого подъ предлогомъ учтивости . Поджидая сына , она стала читать журналъ и я могла разсматривать ее на свободѣ . Мистрисъ Граамъ было не менѣе пятидесяти лѣтъ , однакожь она не походила на развалины . И подъ осень своей жизни , она была свѣжа , какъ весною , даже самая зима , казалось , пощадить остатки ея кра-

соты, хотя угрюмая старица и рѣдко оказываетъ такую благосклонность женщинамъ. Что касается до ея характера, то, вообще говоря, онъ былъ ровный и покойной, хотя изрѣдка мистрисъ Граамъ и обнаруживала нетерпѣніе и живость.

Читая журналъ, она все прислушивалась къ звонку, но звонокъ молчалъ. Мистрисъ Граамъ не хотѣла показать своего безпокойства, но мнѣ ясно было, что сердце моей крестной не на мѣстѣ.

— Десять минутъ опоздалъ, сказала она, взглянувъ на свои часы. Въ ту же секунду она отвернулась отъ журнала и наклонила немного голову по направленію къ двери. Вскорѣ и я услышала, что желѣзная рѣшетка отворяется и по хрупкому песку раздаются скорые шаги. Наконецъ зазвенѣлъ колокольчикъ: Граамъ возвратился.

— Это ты, Граамъ? сказала она, худо скрывая улыбку удовольствія.

— Кому же быть другому, матушка? отвѣчалъ не слишкомъ пунктуальный сынъ, упавъ въ большія голубыя кресла, которыя мистрисъ Граамъ только-что оставила.

— Ты заслуживаешь холодной чай за то, что такъ поздно приходишь.

— Не знаю, что я заслуживаю, но урна никогда такъ весело не распѣвала и нынѣшній вечеръ вы меня, конечно, не накажете холоднымъ чаемъ.

— Садись же за столъ, лѣнивецъ, и полно нѣжить-ся на старушечьихъ креслахъ.

— Кто оставляетъ свое мѣсто, говаривалъ кардиналъ Мазаринъ, тотъ его теряетъ. Я нашелъ свободный тронъ и занялъ его; но каково здоровье нашей больной?

— Больная чувствуетъ себя такъ хорошо, благодаря продолжительному отсутствію доктора, что можетъ сама дать тебѣ отчетъ о своемъ здоровьи.

Я вышла изъ угла. Граамъ всталъ и подошелъ ко мнѣ съ примѣтнымъ участіемъ.

— Кажется, не надо и спрашивать, что вамъ теперь лучше, Миссъ Люси.

— Гораздо лучше, докторъ Жанъ, отвѣчала я. Что докторъ Жанъ и Граамъ было одно и то же лицо, въ этомъ я болѣе не сомнѣвалась, но рѣшилась поддерживать свое инкогнито, потому что считала нескромнымъ предъявить свои права на новыя ласки и услуги.

Когда пили чай, докторъ Жанъ былъ очень ко мнѣ предупредителенъ. Послѣ чаю, онъ наложилъ подушекъ въ уголъ дивана и заставилъ меня тутъ сѣсть. Онъ и мистрисъ Граамъ придвинулись къ огню. Я замѣтила, что крестная пристально на меня смотритъ.

— Какое удивительное сходство! сказала она наконецъ. Примѣтилъ-ли ты Граамъ?

— Какое сходство? Какіе глаза вы дѣлаете, матушка; вы какъ будто ясновидящая.

— Скажи, отвѣчала мистрисъ Граамъ, кого напоминаетъ тебѣ эта молодая дѣвушка? Особенно съ профиля, это поразительно!

— Право, матушка, я не могу догадаться.

— Ты домашнимъ докторомъ въ улицѣ Фоссетъ, и ничего мнѣ не сказалъ о такомъ сходствѣ.

Граамъ раскрылъ свои большіе глаза, но бѣдная Люси Мортонъ, видно, не оставила и слѣда въ его памяти. Самолюбіе мое нѣсколько страдало, что онъ такъ долго не можетъ разгадать этой загадки.

— Докторъ Жанъ, сказала я, послѣ того, какъ мы разстались въ Ольней, имѣлъ такъ много занятій, что, натурально, не могъ узнать Люси Мортонъ въ учительницѣ англійскаго языка въ пансіонѣ г-жи Бекъ.

— Люси Мортонъ! Да, это она, вскричала мистрисъ Граамъ и бросилась меня обнимать. Но этимъ и кончилась вся сцена. Крестная не любила расточаться въ изъясненіяхъ.

— Мое единственное извиненіе, сказалъ Граамъ, состоитъ развѣ въ томъ, что и вы, миссъ Люси, меня не узнали; впрочемъ, вамъ дѣйствительно трудно было узнать шалуна-мальчишку въ важномъ докторѣ!

— О! Несмотря на эту важность, фізіономія доктора Жана пробуждала мои воспоминанія, но ваше французское имя Жанъ сбивало меня съ толку.

— Мистрисъ Граамъ прекратила наши взаимныя извиненія, сдѣлавъ мнѣ двадцать вопросовъ. Я рассказала ей всю мою исторію, съ того дня, какъ съ ней разсталась.

Граамъ внимательно слушалъ мою исповѣдь. Въ свою очередь, они мнѣ тоже рассказали про свои испытанія; они также должны были бороться съ несчастіемъ; но крестная моя, женщина съ духомъ, нашла въ своемъ сынѣ крѣпкую опору. Джонъ Граамъ родился подъ счастливой звѣздою. Окончивъ медицинскія науки въ Единбургѣ, онъ слушалъ лекціи въ Парижѣ и поселился потомъ съ своей матерью въ Брюссель. Многія удачныя леченія, умная, благородная, пріятная наружность, доставили ему извѣстность между проживающими въ Брюсселѣ англичанами и онъ пріобрѣлъ большую практику. Мѣсяца уже три мистрисъ Граамъ поселилась въ загородномъ домѣ въ полумиле отъ столицы. Воздухъ брюссельской, кажется, не нравился моей крестной, хотя она и наслаждалась цвѣтущимъ здоровьемъ. Она привезла изъ Англій часть старинной ольнейской мебели. Оттого-то я и была удивлена, видя знакомыя мнѣ кресла, зеркало, серебряный самоваръ, китаяской, японской и англійской фарфоръ, и приняла всѣ эти вещи за призракъ.

— Но пора, миссъ Люси Мортонъ, успокоиться, сказалъ Граамъ; завтра докторъ Жанъ сдѣлаетъ ей допросъ о причинѣ разстройства ея здоровья. Оставивъ на долю лихорадки, которая нѣсколько дней продолжается, ваша крестница, милая матушка, чрезвычайно измѣнилась съ іюля мѣсяца, когда я видѣлъ ее

такую рѣзвою въ роли Шалуна въ одномъ французскомъ водевилѣ.

— Я бы спросила въ свою очередь доктора Жана, по какому случаю нашла я убѣжище подъ этимъ гостепріимнымъ кровомъ?

— Прежде надо спокойно уснуть, дитя мое, возразила мистрисъ Граамъ, а завтра мы вамъ все расскажемъ.

Спокойно! Да, я счастлива была, что нашла старинныхъ друзей; но холодный разсудокъ говорилъ мнѣ, что недолжно слишкомъ преувеличивать этого счастья, а воздерживать порывы сердца; я молила Провидѣніе, подкрѣплявшее меня въ несчастіи, внушить мнѣ благоразумное хладнокровіе въ теперешнемъ благополучіи. Неожиданный источникъ брызнулъ для меня въ странѣ чужой и безплодной; я могла утолять имъ свою жажду; но воображенію моему не слѣдовало чистѣйшій кристалль обращать въ уповтельной напитокъ.

На другой день я проснулась рано; въ ту минуту, какъ я начала одѣваться, въ комнату мою вошла мистрисъ Граамъ и спросила меня не съ ума-ли я сошла? Моя крестная имѣла настойчивую волю, безъ всякаго однакожь тиранства. Сынъ ея иногда ей сопротивлялся; но я никогда. Черезъ двѣ минуты, я опять была узницей въ постели.

— Вы не оставите вашей комнаты ранѣ вечера, слышите-ли, Люся. Сынъ мой далъ мнѣ самыя строгія на этотъ счетъ приказанія; я исполняю только его волю. Сейчасъ принесутъ вамъ завтракъ.

Она въ-самомъ-дѣлѣ возвратилась съ завтракомъ; поставила его на столикъ и сѣла въ ногахъ моей постели.

— Я бы охотно провела съ вами весь день и принесла сюда мою работу, еслибъ не запретилъ мнѣ это Граамъ; особенно онъ не дозволяетъ много говорить; вамъ нужно совершенное спокойствіе, иначе угро-

жаеть нервическая горячка. Я говорю это, милая Люси, чтобъ вы знали. Прощайте же до вечера.

День показался мнѣ очень длиннымъ, но я провела его въ пріятномъ полузабвеніи. Мою маленькую комнату я уподобляла гроту на берегу моря. Все въ ней было бѣло и зелено, какъ пѣна и морскія волны. Каймы обоевъ походили на раковины; на углахъ потолка изображены были дельфины; красную атласную подушечку можно было принять за кораллъ, такъ рѣзко отличалась она отъ бѣлаго и зеленого. Сирена могла бы смотрѣться въ это зеркало похожее на морскую воду. Когда я закрыла совсѣмъ глаза, то мнѣ слышался шумъ морскихъ волнъ и вой вѣтра, который крутилъ сухіе листья и разбивался о фасадъ дома.

Наступила ночь; Марфа принесла огонь и помогла мнѣ одѣться. Сошедши въ залу, я нашла тамъ доктора Жана, который въ этотъ день рано кончилъ свои визиты. Стоя возлѣ окна, онъ продолжалъ читать мелкую печать журнала при слабомъ свѣтѣ зари. Огонь пылалъ въ каминѣ, но еще ничего не было приготовлено для чая.

Крестная, кажется, цѣлый день была внѣ дома и теперь заснула въ своихъ большихъ креслахъ. Граамъ подошелъ ко мнѣ, и, боясь разбудить матушку, говорилъ со мною тихимъ голосомъ.

— Привыкаете-ли вы къ нашей уединенной жизни въ этомъ замкѣ, сказалъ онъ улыбаясь; вѣдь домъ, въ которомъ мы живемъ, настоящій замокъ, или, если угодно, сельская обитель: это названіе будетъ скромнѣе. Домъ этотъ назывался еще террасою. Строеніе было въ старинномъ стилѣ и имѣло бы хорошій видъ съ дороги, еслибъ не закрывали его старинныя буковые деревья. — Вотъ встала и луна, какъ вы, миссъ Люси; не правда-ли, какъ хороша она черезъ эти обнаженныя деревья?

Граамъ, говоря это, не могъ удержаться, чтобъ не вздохнуть. Я знала, къ кому этотъ вздохъ относится.

— Развѣ луна не всегда хороша, докторъ Жанъ?

— Луна имѣетъ затмѣнія, миссъ Люси, сказалъ онъ улыбаясь и съ ироническимъ тономъ; потому что сентиментальная роль луннаго обожателя не совсѣмъ къ нему шла. Притомъ царица ночи, говоря языкомъ миссъ Женевры Фаншавъ, не была его любимицей. Ему хотѣлось, конечно, поговорить о единственномъ предметѣ своихъ мыслей, и я почти готова была придти къ нему на помощь. Довольно было бы прозвѣсти имя его идола, оно уже было на моихъ устахъ, но онъ заговорилъ совершенно о постороннемъ предметѣ.

— Первый мой утренній визитъ, сказалъ онъ, прѣча на этотъ разъ любовь свою въ карманъ и оставляя луну одиныхонько протекать по безоблочному своду, первый мой визитъ былъ въ улицу Фоссетъ, чтобъ успокоить вашу Готонъ и объявить ей, что находитесь въ хорошихъ рукахъ. Повѣрите-ли, что она не примѣтила еще вашего отсутствія? Она все думаетъ, что вы находитесь въ большомъ дортуарѣ и намѣревалась снестъ къ вамъ сегодня, какъ управится съ работой, прохладительное питье... Эта Готонъ, кажется, такъ вы называете ее, довольно странная для больныхъ сидѣлка.

— Въ этомъ не виновата бѣдная Готонъ, докторъ Жанъ, я такъ часто не принимала ея услугъ, и не только отказывалась отъ лекарства, но и отъ котлетокъ, что она напоследокъ прекратила бесполезныя прогулки въ дортуаръ.

— Отчего же г-жа Бекъ не взяла васъ на каникулы съ собою? Зачѣмъ она оставила васъ одну въ домѣ, гдѣ являются привидѣнія? Вы не вѣрите привидѣніямъ?

— Можетъ быть и вѣрю.

— Видно, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались католичкой,

въ ожиданіи сдѣлаться монахиней, подобно той, которая у васъ прогуливается?

— Католичкой, я! кто сказалъ вамъ такую новость, докторъ Жанъ?

— Тотъ, кто поручилъ мнѣ васъ.

— Поручилъ! вскричала я отъ удивленія; но вы мнѣ еще не сказали, какъ очутилась я въ вашемъ домѣ.

— О! это престранная исторія. Я провелъ цѣлый день у одной особы, которая была въ самомъ опасномъ положеніи и подверглась рѣдко случающейся болѣзни. Мнѣ только разъ довелось наблюдать ее въ парижскомъ госпиталѣ... но, это не будетъ вамъ не интересно. Припадки больного немного утишились, опасность миновалась и я торопился возвратиться домой. Кратчайшая дорога лежала чрезъ нижній городъ, ночь была темная и бурная съ дождемъ, но я однакъ рѣшился избрать эту дорогу. Проходя мимо старинной церкви, принадлежащей къ монастырю Бегинокъ, я увидѣлъ при свѣтѣ лампы, зажженной подъ портикомъ, стараго монаха, стоящаго на колѣнахъ подлѣ лежавшей безъ чувствъ женщины. Я тотчасъ узналъ старца-монаха, встрѣчая его часто у постелей больныхъ богатыхъ и бѣдныхъ, но чаще у изголовья послѣднихъ. Этотъ почтенный старецъ, думаю, что французъ; онъ выше бельгійскаго духовенства умомъ, познаніями и челоуѣколюбіемъ.

— Это ваша соотечественница, сказалъ онъ мнѣ, спасите ее, докторъ, если есть еще время; въ ней, кажется, нѣтъ никакихъ признаковъ жизни...

— Эта соотечественница, продолжалъ Граамъ, нужно-ли говорить вамъ, была учительница англійскаго языка въ пансіонѣ г-жи Бекъ? Добрый монахъ сказалъ мнѣ еще, что въ тотъ же самый вечеръ вы были у него на исповѣдѣ, онъ замѣтилъ, что вы поражены какимъ-то несчастіемъ или сильнымъ страданіемъ. Разстройство вашего лица и то, что вы ему сказали...

— Что я ему сказала! но я, право, ничего не помню, что говорила.

— Успокойтесь. Все, что вы ему говорили, останется для всѣхъ тайною. Ваша исповѣдь, полагаю впрочемъ, не заключала въ себѣ ничего ужаснаго, судя по благосклонности къ вамъ стараго монаха. Видя васъ виѣ себя, онъ послѣдовалъ за вами, желая знать вашу кровь. Можетъ быть онъ желалъ узнать, кто вы; но любопытство въ такую жестокую погоду не могло быть главною для него причиною; тутъ дѣйствовало, конечно, состраданіе, а можетъ быть и тайная надежда привести заблудшую овцу къ стаду, надежда—оправдываемая вашею исповѣдью.

— Не смѣйтесь, докторъ Жанъ, надъ бѣдной Люси, которая страдала тѣломъ и душой. Я имѣла нужду въ утѣшеніи и получила его отъ отца Силлы; я не забыла его имени и никогда не забуду; но прошу васъ не говорить ему о моемъ. Онъ вздумаетъ обращать меня, но трудъ будетъ напрасенъ. Родившись протестанткой, я и умру протестанткой; но если сдѣлаюсь богатой, пошлю отцу Силлѣ денегъ для его бѣдныхъ.

— А! вотъ просыпается хозяйка террасы! воскликнулъ Граамъ. Пріятны-ли были сновидѣнія, милая матушка? Какія новости расскажете намъ изъ царства Фей? Видя васъ въ такомъ легкомъ, воздушномъ снѣ, я думалъ о Титаніи нашего стараго Шекспира.

— Молчи, негодный! Ты заставишь меня вспомнить о Боттомѣ.

— Миссъ Люси, какъ вы находите эту стрѣлу? Шутить съ матушкой не находка!

— Не находите-ли, Люси, сказала мнѣ, въ свою очередь, крестная, что если Граамъ непоходитъ точь въ точь на Боттома, то начинаетъ походить на Джонъ Буля? У тебя такое же и имя, любезнѣйшій сыночекъ; берегись походить на тѣзку и въ особенности не сдѣлайся такимъ пузатымъ. Помните-ли, Люси, то время,

когда онъ былъ тонокъ, какъ оса? а теперь похожъ на ротмистра тяжелой кавалеріи?

Этотъ второй вечеръ прошелъ также пріятно, какъ и первый, даже пріятнѣе. Больше было свободы, искренности, разбѣна мыслей у всѣхъ троихъ; не касались только вопроса о миссъ Женеврѣ. Когда я воротилась въ мою комнату, слезы не выступали изъ глазъ моихъ, какъ вчера и я перешла въ область сновидѣній путемъ усѣянными прекрасными, какъ майскіе цвѣты, мечтами.

XIV.

Въ первые дни пребыванія моего въ резиденціи террасы, всякой разъ когда Граамъ садился подлѣ меня, или расхаживая вдоль и поперегъ комнаты съ серьезнымъ видомъ, я не могла тотчасъ не вспомнить о миссъ Женеврѣ Фаншавъ, имя ее такъ и хотѣло у меня вырваться; я думала наградить Граама и излить для него всѣ сокровища изъ рога изобилія. Но доселѣ все ограничивалось двумя тремя краткими разговорами, почти монологами.

— Ваша пріятельница, сказалъ онъ мнѣ однажды, путешествуетъ во время вакацій, вѣрно, изъ одного удовольствія.

— Пріятельница! Это слово не совсѣмъ пріятно было для моего слуха, но чтобъ не огорчить доктора, я ограничилась однимъ удивленіемъ и спросила его: кого онъ разумѣетъ моею пріятельницею?

— Я поздравляю васъ съ многими пріятельницами, возразилъ онъ; но, натурально, говорю о ней...

— А!

— Миссъ Женевра Фаншавъ, продолжалъ онъ, не поѣхала-ли съ Шолмондели въ южную Францію?

— Да.

— Вы, безъ сомнѣнія, въ перепискѣ съ ней?

— Нѣтъ; я даже вамъ скажу, что и не добивалась этой чести.

— По-крайней-мѣрѣ вы видѣли ея письма?

— Да, которыя она писала къ своему дядѣ.

— Стилъ ея долженъ быть простъ и вмѣстѣ остроумень; по письмамъ еще скорѣе можно судить о человѣкѣ. Бюфонъ говорилъ, что въ стилѣ виднѣнъ «весь человѣкъ». Какой блистательный умъ у вашей молодой пріятельницы и какая вмѣстѣ съ тѣмъ простота души! Примѣтили-ли вы въ ней хотя одинъ недостатокъ?

Я молчала. Зачѣмъ указывать на пятна въ солнцѣ.

— Можетъ быть, она немного вѣтрена? прибавилъ онъ; ложный блескъ свѣта ее ослѣпляетъ; мнѣ кажется, что Шолмондели не слишкомъ хорошее для нея знакомство. Это люди тщеславные, поверхностные. Миссъ Женевра уважаетъ васъ гораздо болѣе чѣмъ ихъ.

Я продолжала молчать.

— Она опять будетъ ваша, продолжалъ докторъ Жанъ; желалъ бы я тоже сказать о ней и въ отношеніи къ самому себѣ; но тотъ франтъ, котораго вы видѣли на вечерѣ у г-жи Бекъ, нравится ей болѣе меня. Вы не скажете — нѣтъ?

— Ни нѣтъ, ни да, отвѣчала я. Миссъ Женевра не посвятила меня въ свои тайны. Если вы спросите мое мнѣніе, я отвѣчу вамъ: докторъ Жанъ, вы унижаетесь сравнивая себя съ этою выпускною куклою, которая двигается точно на шуркѣ; но любовь слѣпа и миссъ Женевра можетъ на него смотрѣть, какъ вы смотрите на нее, другими нежели я глазами.

Мое пребываніе въ террасѣ продлилось на двѣ недѣли послѣ вакацій. Граамъ объявилъ, что миссъ Люси Мортонъ не можетъ еще занять своихъ обязанностей въ пансіонѣ, крестная моя тотчасъ велѣла везти себя въ улипу Фоссетъ, видѣлась съ начальницей и по-

лучила отъ нея болѣе нежели я ожидала, то есть, кромѣ дозволенія мнѣ отсрочки, г-жа Бекъ вызвалась навѣстить меня.

Дѣйствительно, однажды она прѣѣхала къ намъ въ фіакръ; ей можетъ быть хотѣлось видѣть житье-бытье доктора Жана. Мѣстоположеніе и внутреннее убранство террасы, повидимому, ее удивили; она все очень хвалила; голубую залу назвала великолѣпною комнатою. Г-жа Бекъ громко поздравляла меня съ такими любезными и почтенными друзьями, сдѣлала и мнѣ приличный комплиментъ. Между тѣмъ вошелъ докторъ Жанъ, тутъ посыпались новыя восклицанія о прекрасномъ *замкѣ*, о достопочтенной *хозяйкѣ*, о цвѣтущемъ здоровьи доктора, который еще болѣе оживился и такъ умно улыбался отъ преувеличенныхъ похвалъ г-жи Бекъ. Изъ учтивости и чтобъ сдѣлать нѣсколько вѣпросовъ о пансіонѣ, я проводила ее до фіакра. Когда она сѣла въ карету и дверцы хлопнули, какая внезапная сдѣлалась перемѣна! Улыбка и радость исчезли; начальница показала мнѣ строже и сердитѣе судьи на креслахъ, точь-въ-точь какъ я видала ее въ ночныхъ прогулкахъ. Странная маленькая женщина, которой цвѣтущая полнота такъ мало гармонировалась съ ея лукавствомъ.

Съ своей стороны я поздравила доктора Жана, что начальница принимаетъ такое живое участіе въ его здоровьи. Онъ отъ всей души этому смѣялся и повторялъ неумолкаемые ея комплименты. Граамъ имѣлъ отчасти юмористическій характеръ и былъ премилый собесѣдникъ, когда только не думалъ о миссъ Женеврѣ Фаншавъ.

Въ эти двѣ недѣли, несмотря на свои занятія, докторъ Жанъ вездѣ намъ сопутствовалъ. Не знаю, какъ онъ успѣвалъ и съ нами быть и дѣлать свои визиты. Никогда не замѣчала я его усталымъ или не-въ-духъ. Онъ даже вызвался быть моимъ чичероне и я въ это короткое время лучше узнала Брюссель, его окрест-

ности и жителей, нежели въ восемь мѣсяцевъ доселѣ проведенныхъ въ пансіонѣ.

Крестная моя любила благотворительствовать, но сынъ ея исполнялъ эту добродѣтель еще въ большемъ размѣрѣ. Я удостовѣрилась въ этомъ сопровождая его по нижнему городу, гдѣ были самые населенные и самые бѣдные кварталы и гдѣ онъ исполнялъ не только обязанности врача, но и филантропа. Еслибъ я должна была читать панегирикъ доктору Жану, я бы умолчала о его погрѣшностяхъ; да, онъ имѣлъ свои погрѣшности. Слабость природы человѣческой проявлялась въ немъ и съ другихъ сторонъ, не говоря уже о владычествѣ надъ его сердцемъ миссъ Женевры Файщавъ. Къ чувству собственнаго достоинства, которое было похвально, онъ примѣшивалъ частицу самолюбія и, должно-ли сказать, немного эгоизма. Докторъ Жанъ, не переставая быть откровеннымъ и чистосердечнымъ, показывалъ себя неодинаковымъ въ людяхъ и дома. Любилъ чтобъ его хвалили, любилъ чтобъ имъ занимались. Ко всякому вниманію, ко всякой предупредительности онъ былъ чувствителенъ и признателенъ; но, повторяю, онъ любилъ доставлять удовольствіе и другимъ.

Благодаря ему, я осмотрѣла всѣ публичные музеи въ Брюсселѣ, но наши экскурсіи не остановились на этомъ. Докторъ Жанъ, казалось, имѣлъ талисманъ Аладина; предъ нимъ растворялись двери всѣхъ картинныхъ галлерей и кабинетовъ рѣдкостей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Чичероне снисходительный и обладающій тактомъ, никогда онъ не настаивалъ, чтобъ я удивлялась той или другой картинѣ, но предоставлялъ мнѣ руководствоваться собственнымъ моимъ инстинктомъ. Этотъ инстинктъ служилъ мнѣ лучше нежели приговоры записныхъ судей. Въмѣсто того, чтобъ безотчетно удивляться художественному произведенію, потому только, что всѣ его хвалятъ, я поняла, что хорошая картина также рѣдка, какъ и хо-

рошая книга. Я не боялась, смотря на такъ-называемыя мастерскія произведенія принадлежащія громкимъ именамъ, говорить себѣ: — это нисколько не походить на природу; это небо не небо; деревья не деревья. Эти самодовольныя, улыбающіяся женщины какія-то богини, а не смертныя. Небольшія картины Фланманской школы казались мнѣ болѣе оконченными, несмотря на ихъ слишкомъ обыкновенные сюжеты. По-крайней-мѣрѣ, находишь истину въ простонародной живописи этой школы. Я очень любила разные виды, сцены природы, когда гениальная кисть художника умѣла бросить на полотно: снѣгъ, лунный свѣтъ, бурю, заходящее солнце. Я видѣла портреты только что неговорящія, такъ бымы они живы и выразительны!

Иногда докторъ Жанъ оставлялъ меня любоваться этими произведеніями, а самъ отпраплялся навѣстить по сосѣдству какого-нибудь больного. Однажды, рано поутру, я находилась почти одна въ извѣстной галлерей, передъ картиной самаго большаго размѣра, поставленной въ хорошемъ свѣтѣ и окруженной балюстрадой, возлѣ которой находилась покойная бархатная скамейка для большей удобства посѣтителей. Эта картина, вѣрно, почиталась перломъ всего собранія; она представляла женщину въ увеличенномъ видѣ, очень полную и покоящуюся на отоманѣ. Можно было спросить: почему она такъ мало одѣта, когда вокругъ нея было такъ много драпировки? Еще менѣе понятенъ былъ окружающій ее беспорядокъ, зачѣмъ такъ много этихъ банокъ и стклянокъ, или если угодно, амфоровыхъ чашъ, перемѣшанныхъ на первомъ планѣ съ цвѣтами? Справясь съ каталогомъ, я увидѣла, что эта матеріальная и не слишкомъ скромная красавица называется «Клеопатрою.»

Картина мнѣ не нравилась, зато скамейка была очень покойна. Я сѣла на нее и любовалась не тѣломъ красавицы, а разными подробностями, розами, чаша-

ми, драгоценностями и проч., потомъ думала совсѣмъ о другомъ. Нечувствительно галерея стала наполняться. Я все сидѣла предъ Клеопатрой, но вовсе о ней не помышляла, а разсматривала маленькую картину изображающую цвѣты и дикіе плоды, гнѣздышко изъ моха, съ яичками, какъ вдругъ выведена была изъ мечты моею легкимъ ударомъ по плечу; я обернулась и была лицомъ къ лицу съ Полемъ Эмануелемъ, котораго считала въ Римѣ.

— Что вы тутъ дѣлаете? сказалъ онъ мнѣ обыкновеннымъ своимъ отрывистымъ голосомъ.

— Видите, отдыхаю.

— Полно лѣниться. Встаньте, возьмите мою руку и перейдемъ на другую сторону.

Я машинально ему повиновалась.

— Гдѣ же дамы вашей компаніи? спросилъ онъ.

— Моей компаніи! Но я здѣсь одна.

— Съ кѣмъ же пришли сюда?

— Я пришла съ докторомъ Жаномъ; но онъ на минуту меня оставилъ, чтобъ навѣстить одного больного.

— И онъ васъ подвелъ къ Клеопатрѣ?

— Нѣтъ, сударь, я сама подошла къ ней.

При этихъ словахъ, волосы Поля готовы были подняться, но къ счастью они были острижены подъ гребенку.

— Странныя женщины эти англичанки, вскричалъ онъ. Хвалятъ ихъ скромность, приличіе; но мальчикъ, сударыня, мальчикъ потупить глаза предъ этой картиной!

— Она довольно дурна, отвѣчала я, и согласна, что надо отвращать отъ нея глаза; но я смотрѣла не на нее когда вы вошли, а на эту маленькую картину, съ цвѣтами и плодами, одна свамейка меня соблазнила.

— Вотъ вамъ другая. Садитесь тутъ, пока докторъ не справится съ своимъ больнымъ или пока я не позволю вамъ встать.

— Но, сударь!

— Но, сударыня!

— Какой гадкой уголъ! Какія дурныя картины!

Въ самомъ дѣлѣ картины были очень плоховаты. Въ каталогѣ онѣ были подѣ названіемъ: *Жизнь Женщины*. Первая изображала молодую дѣвушку, выходящую изъ церкви, съ молитвенникомъ въ рукахъ; вторая — невѣсту, на колѣнахъ предѣ нагоемъ, въ длинномъ бѣломъ вуалѣ, съ обычнымъ букетомъ цвѣтовъ на головѣ, третія — молодую мать, съ заботливымъ лицомъ, возлѣ колыбели, въ которой покоился круглолицый ребенокъ, какъ полная луна и который страдалъ развѣ отъ избытка здоровья. Въ четвертой наконецъ являлась вдовица, ведущая за руку маленькую дѣвочку, обѣ въ глубокомъ траурѣ, дѣвочка возлагала вѣнокъ на красивый памятникъ. Идея четырехъ картинъ можетъ быть была хороша и трогательна, но выполненіе самое посредственное. Смотря на эту простонародную идилію скорѣе хотѣлось смѣяться чѣмъ плакать.

Зрители однакожъ толпились вокругъ Клеопатры и въ особенности зрительницы; но, по словамъ г. Поля, это все были дамы; и что прилично было смотрѣть дамамъ, того ни подѣ какимъ видомъ не дозволялось дѣвицамъ. Тщетно старалась я оспоривать это странное мнѣніе, онѣ заставилъ меня молчать. Едва-ли когда подобный маленькій деспотъ занималъ профессорскую кафедру. Отойдя на минуту, онѣ опять сѣлъ возлѣ меня.

— Я слышалъ, что вы были нездоровы, сказалъ онѣ мнѣ.

— Да, но теперь я совсѣмъ поправилась.

— Гдѣ же вы провели каникулы?

— По большей части въ улицѣ Фоссетъ, а остальное время у мистрисъ Граамъ.

— Она вамъ родня?

— Она мнѣ крестная мать.

— Г-жа Бекъ оставила васъ одну?

— Нѣтъ. Я имѣла для компаніи Марію Брокъ, идіотку.

Г. Поль пожалъ плечами; противуположныя чувствованія мгновенно измѣнили его физіономію; онъ хорошо зналъ Марію Брокъ; давая уроки въ третьемъ отдѣленіи, онъ всегда боролся съ собою. Наружность дѣвочки, ея скрытный, раздражительный нравъ внушали ему глубокую антипатію. Съ другой стороны несчастіе этой идіотки вызывали его состраданіе, снисходительность.

— Что вы сдѣлали съ Марією Брокъ? спросилъ онъ меня по минутномъ молчаніи.

— Продолжительное пребываніе съ нею глазъ на глазъ, признаюсь вамъ, для меня было невыносимо.

— О слабодушіе! Вы никогда не можете сдѣлаться сестрою милосердія.

— Я дѣлала все, что могла; но когда пріѣхала за нею ея тетка, признаюсь, я чувствовала, что съ меня сняли великую ношу. Всякой на моемъ мѣстѣ и вы сами, сударь...

— Не говорите обо мнѣ; я мужчина. Женщины, достойныя этого имени, должны превосходить нашу грубую, себялюбивую натуру, когда идетъ дѣло до подвиговъ милосердія.

— Я употребляла, вѣрьте сударь, всевозможныя старанія для ея физическаго благосостоянія, но что касается до моральнаго, вы сами ее знаете, она благодарила меня гримасами.

— И вы не имѣли полного терпѣнія, потому что бѣдная идіотка платила вамъ неблагодарностію. Не такова истинная любовь, любовь самаритянина. Ваша добродѣтель фарисейская, а я такъ возвышалъ васъ въ моемъ мнѣніи! Сдѣлаться больною, потому что уха-

живали за ребенкомъ. — идиотомъ ! Нѣтъ , сударыня, вамъ далеко до того, чтобъ быть сестрой милосердія. Ступайте восхищаться вашей Клеопатрой.

— Но, я вамъ сказала, что не восхищаюсь ею. Я нахожу ее... а какъ вы сами находите?

— Эта картина, говорю вамъ, возмутительна. По правдѣ; ваше протестантское воспитаніе удивляетъ меня; васъ ни что не можетъ смутить и еслибы, прости меня Господи, бросили васъ въ огненную печь Балтазара, мнѣ кажется, вы вышли бы изъ нея цѣлехоньки, не потерявъ хладнокровія.

— Прошу васъ, сударь, немного посторониться?

— Посторониться, зачѣмъ?... Что вы тамъ видите? Развѣ нашли въ этой группѣ молодыхъ людей вашего доктора или другаго знакомаго?

— Да, мнѣ кажется, что узнаю одного.

Нельзя было сомнѣваться: этотъ франтъ, закинувшій назадъ голову, съ лорнетомъ на глазу, левъ съ женскими руками, гордость своего парикмахера и портнаго, громовая стрѣла, болѣе опасная для прекраснаго пола, чѣмъ для непріятелей Бельгіи, былъ ротмистръ Дю Гамель. Но вотъ является и докторъ; онъ приближается къ группѣ молодыхъ людей, смотритъ чрезъ голову своего соперника на ту же картину, которая такъ всѣхъ занимаетъ. Вскорѣ онъ отвращаетъ отъ нея свои взоры; взглядъ его остается холодень, но пренебрежительная миная говоритъ довольно.

— Что вы думаете о Клеопатрѣ? спросила я его выходя изъ галлерей.

— Я не раздѣляю мыслей этого болвана, который сейчасъ объявлялъ, что находитъ тутъ типъ сладострастнаго. Эта жирная женщина мнѣ противна; мой идеалъ на противоположномъ полюсѣ. Можно-ли сравнивать эту мулатку — великаншу съ Женеврой.

Однажды утромъ, мистрисъ Граамъ неожиданно вошла въ мою комнату и просила меня отворить мой коммодъ, чтобъ показать ей мои платья. На это требовалось немного времени.

— Вамъ надобно сдѣлать новое платье, сказала она. Моя портниха внизу, я велю послать ее къ вамъ. Что касается до матеріи, объ этомъ ужъ не безпокойтесь.

Черезъ два дня, портниха принесла миѣ примѣрить розовое барежевое платье. Розовое платье! оно для меня также было странно, какъ костюмъ китайской мандаринки.

— Слава Богу, оно къ вамъ идетъ! вскричала крестная. Розовой цвѣтъ приличенъ вашему возрасту, вы будете прекрасны нынѣшній вечеръ.

Я сначала думала, что никакая сила въ свѣтѣ не заставитъ меня надѣть розоваго платья, но крестная рѣшила иначе. Надлежало ѣхать въ большой концертъ, который давался главнымъ филармоническимъ обществомъ; всѣ знаменитости консерваторіи будутъ въ немъ участвовать; потомъ разыграется въ пользу бѣдныхъ лотерея. Ихъ Бельгійскія Величества удостоятъ этотъ концертъ своимъ посѣщеніемъ. Приличный туалетъ былъ необходимъ, изъ уваженія къ королевской фамиліи. Граамъ, приславъ намъ билеты, сказалъ чтобъ мы были готовы къ семи часамъ.

Я на все согласилась. Черная блондовая мантилія смягчала слишкомъ видный, розовый цвѣтъ моего платья. Мистрисъ Граамъ была въ темнозеленомъ бархатномъ. Я старалась слѣдовать за ней, боясь встрѣтиться съ Граамомъ. Что подумаетъ онъ о моемъ нарядѣ?

— Люси, вотъ вамъ цвѣты, сказалъ онъ, подавая букетъ; улыбка его ободрила меня, видно что онъ не

обратилъ вниманія на туалетъ мой. Впрочемъ платье мое было безъ оборокъ и всякихъ украшеній. Только прозрачность матеріи и яркость цвѣта меня утѣшала; но какъ Граамъ не осудилъ, то я и примирилась съ моимъ костюмомъ.

Давно мы уже были въ цѣпи каретъ, наконецъ подъѣхали къ фасаду большаго, ярко освѣщеннаго дома и вступили въ главный ходъ, гдѣ была толпа любопытныхъ. Я не могла ничего различать, пока не очутилась на великолѣпной, покрытой мягкимъ малиновымъ ковромъ, лѣстницѣ, ведущей къ большимъ затвореннымъ дверямъ, завѣшаннымъ алымъ сукномъ.

Двери растворились, лишь только дотронулся до нихъ докторъ Жанъ. Мы вошли въ большую круглую залу, которой стѣны и потолокъ казались изъ матоваго золота. Карнизы и пилястры блистали тоже золотомъ и чистѣйшимъ алебастромъ, гирлянды лилій перемѣшаны были съ золотыми листьями. Занавѣсы, ковры и подушки — всѣ были малиноваго цвѣта. Въ центрѣ купола висѣла ослѣпительная масса, казавшаяся мнѣ изъ горнаго кристалла, которой граненныя стеклышки горѣли ярче свѣтлѣйшихъ звѣздъ. Это, читатель, была просто люстра, но она мнѣ показалась твореніемъ генія, который долженъ былъ невидимкой носиться въ воздухѣ и хранить свое сокровище.

Мы подходили къ тому мѣсту, гдѣ должны были сѣсть, какъ одна группа, подвигавшаяся со стороны противоположной, привлекла на себя мое вниманіе. Она состояла изъ дамы, пожилыхъ лѣтъ, въ зеленомъ бархатномъ платьѣ, изъ мужчины гордой осанки и изъ дѣвушки возлѣ нихъ въ розовомъ платьѣ и въ черной блондовой мантильи. Заблужденіе мое было не продолжительно; огромное зеркало, между двумя пилястрами, произвело его: наша группа въ немъ отразилась, и я, въ первый разъ въ жизни, увидѣла себя съ ногъ до головы, такъ какъ другіе меня видятъ.

Сердце у меня невольно сжалось; желательно бы было найти себя лучше, но могла я быть и хуже.

Съ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, можно было окинуть взоромъ всю обширную блистательную залу. Сначала мнѣ показалось, что она совершенно полна, но это такъ казалось, потому что волны посѣтителей безпрестанно прибывали. Мало я видѣла настоящихъ красавицъ; зато туалеты дамъ были вообще изящны и роскошны. Театръ, или, лучше сказать, обширная платформа также стала наполняться. Посрединѣ ея стояли два большіе флигеля; группа молодыхъ дѣвушекъ, какъ бѣлая гирлянда расположилась вокругъ инструментовъ. Это были воспитанницы консерваторіи, предводительствуемая человѣкомъ имѣвшимъ всѣ признаки артиста, большую бороду, бакены и длинные висящіе волосы. Знаменитый пианистъ, профессоръ музыки, весьма славился въ Брюсселѣ; дважды въ недѣлю онъ приходилъ въ пансіонъ г-жи Бекъ давать уроки музыки тѣмъ изъ воспитанницъ, родственники которыхъ могли платить за нихъ. Его звали г. Жозефъ Эмануель; онъ былъ родной братъ г. Полю, по отцу. Г. Поль считалъ себя также наставникомъ въ консерваторіи.

Я улыбалась, видя его въ своей стихіи; онъ любилъ выставять себя предъ многочисленной публикой и выказывать передъ ней свое значеніе. Но какое ему было дѣло до воспитанницъ консерваторіи, когда онъ едва могъ различать одну ноту отъ другой? Я спрашивала себя объ этомъ и не могла изъяснить неожиданнаго его появленія, ни чѣмъ другимъ, кромѣ желанія помочь своему брату, который по слабому характеру затруднился бы управлять этимъ женскимъ народомъ. Но лишь только показались на платформѣ извѣстные виртуозы и были одобрительно привѣтствуемы собраніемъ, г. Поль, блуждавшій дотолѣ по залѣ, какъ комета, мгновенно скрылся предъ любимыми публикой

созвѣдїями ; второстепенность была для него невыносима.

Оставалась одна только часть залы еще незанятою, гдѣ стояли два широкія кресла подъ балдахиномъ и отъ нихъ тянулись широкія скамьи со спинками, покрытыя малиновымъ бархатомъ.

По данному знаку, двери растворились, оркестръ заигралъ національный гимнъ и ихъ Величества вступили въ залу. Заботливый и задумчивый видъ короля остался въ моей памяти, равно какъ и менѣе характеристической, но бурбонской типъ молодой королевы. И великіе изъ людей имѣютъ свои заботы! Королева показала мнѣ кроткою и милостивою принцессою. Она много занималась своимъ сыномъ, который облокотился на ея колѣна и, повидимому, старалась разсѣять короля, говоря ему, вѣроятно, о наивныхъ замѣчанїяхъ ребенка. Король слушалъ улыбаясь, но задумчивость опять возвращалась когда переставалъ говорить его ангелъ. Впрочемъ это мои собственныя наблюденія. Король и королева пользовались общою любовію въ Брюсселѣ и всѣмъ извѣстно какую добрую память оставила по себѣ королева Луиза во всей Бельгіи.

Дворъ и иностранные посланники послѣдовали за королевской фамиліей и заняли мѣста по обѣимъ сторонамъ креселъ. Дамы сѣли на скамьяхъ, кавалеры стояли. Первыя въ бархатѣ и атласѣ съ перьями на головахъ блистали драгоцѣнными камнями и брилліантами, вторые своимъ чернымъ цвѣтомъ не производили хорошаго эффекта въ ярко освѣщенной залѣ. Правая сторона отъ королевы предоставлена была исключительно молодымъ дѣвицамъ, настоящему цвѣту аристократіи; онѣ старались отличиться какою-то воздушной граціей; хотя и не всѣ походили на Сильфидъ. Многія изъ этихъ дѣвушекъ въ шестнадцать и семнадцать лѣтъ, имѣли формы двадцатипятилѣтнихъ англичанокъ. Ихъ бѣлые, розовые, блѣдно зеленые

или голубья платья наноминали весну и небо; однакожь я знала двухъ изъ этихъ ангеловъ дѣвицъ Матильду и Анжелику, которыя никогда не умѣли перевести ни одной страницы изъ *Векфильдскаго Священника*. Въ продолженіи трехъ мѣсяцовъ знаменитая Матильда сидѣла за столомъ противъ меня и я не могла надивиться, какъ она могла истреблять столько тартинокъ и пить такъ много пива.

Но вотъ еще знакомый мнѣ ангелъ, онъ отличается отъ другихъ красавицъ гибкостію своего стана и прекрасными русыми волосами, которые спускаются локонами до самыхъ плечъ. Миссъ Женевра Фаншавъ была восхищена собою и, повидимому, гордилась, что находится такъ близко къ королевской фамиліи. Я еще не смотрѣла на доктора Жана; но, желая знать, замѣтилъ ли онъ миссъ Женевру, старалась прислушиваться къ его короткимъ отвѣтамъ на замѣчанія матери. Я даже подслушала удержанный имъ вздохъ. О чемъ онъ вздыхалъ? Не о томъ ли, что предметъ его страсти находится въ эту минуту въ недоступномъ для него кругу? Но не говорилъ ли онъ самъ, что препятствія составляютъ соль любви? Что мѣшаетъ имъ обмѣняться взглядами. Посмотримъ, будетъ ли она къ нему благосклонна? Для меня это было очень любопытно; но я старалась, какъ можно быть въ тѣни, чтобъ Женевра не замѣтила моего розоваго платья. Быстрые ея глаза окидывали всю залу и остановились на мистрисъ Граамъ и ея сынѣ. Взглянувъ пристально на послѣдняго, она взяла лорнетъ, чтобъ лучше рассмотреть мою крестную, и потомъ смѣясь шептала что-то на ухо своей сосѣдкѣ.

У меня вѣрно не будутъ спрашивать отчета о вокальномъ и инструментальномъ концертѣ, который походилъ на всѣ подобныя, хотя и имѣлъ для меня прелесть новизны. Граамъ, по временамъ, когда музыка умолкала, дѣлалъ мнѣ весьма умныя замѣчанія. Я уже думала, что онъ не видитъ миссъ Женевры.

— Она здѣсь, сказала я.

— Знаю.

— Она пріѣхала съ Шолмондели? Извините, что я такъ любопытна.

— Миссъ Женевра принадлежитъ здѣсь къ обществу мистрисъ Шолмондели, тогда-какъ сама мистрисъ Шолмондели принадлежитъ къ обществу англійской посланницы, а посланница къ свитѣ королевы.

— Женевра видѣла васъ?

— Полагаю; нѣсколько разъ я смотрѣлъ на нее и могъ наслаждаться зрѣлищемъ, отъ котораго вы были пощажены.

— Пощажена! Это слово меня удивило, я не просила однакожъ изъясненія, которое и безъ того тотчасъ мнѣ было дано.

— Миссъ Женевра, сказалъ Граамъ, сегодня имѣетъ подругой молодую особу изъ высшаго круга, получившую отличное воспитаніе. Я былъ приглашаемъ для пользованія ея благородной матери и очень сомнѣваюсь, чтобъ миссъ Женевра выиграла въ мнѣніи леди Сарры, избравъ въ нынѣшній вечеръ предметами своихъ насмѣшекъ людей весьма скромныхъ.

— Кого же?

— Меня и мою матушку. Что касается до меня, то пусть себѣ; но, матушку мою! Это для меня больно. Я въ первый разъ вижу, что надъ ней смѣются.

— Стоитъ-ли думать объ этомъ, докторъ Жанъ. Миссъ Женевра сегодня въ веселомъ расположеніи духа и готова смѣяться надъ цѣлымъ свѣтомъ. Это не отъ дурнаго сердца, а просто отъ глупости. Для такой вѣтренной дѣвочки, какъ она, что можетъ быть священнаго?

— Вы забываете, миссъ Люси, что я не привыкъ считать миссъ Женевру за вѣтренную дѣвочку. Она была для меня совсѣмъ другое, она была, какъ говорится, ангеломъ моихъ думъ.

Никогда я не замѣчала такого мрачнаго огня въ голубыхъ глазахъ Граама.

— Люси, прибавилъ онъ, говоря мнѣ на ухо, посмотрите на мою матушку и скажите мнѣ откровенно, что вы въ ней находите?

— То же, что и всегда, нахожу въ ней умную, благородную женщину, какія рѣдко встрѣчаются и въ высшемъ кругу; что касается до ея наряда, то рѣшительно нѣтъ ни малѣйшаго повода критиковать его.

— Я также думаю, но, повидимому, не такъ думаетъ эта болтуня. Издѣваться надъ моей матушкой! О! мечта моя исчезла.

Послѣ концерта началась лотерея.

Г. Поль явился опять на сцену и распоряжалъ всѣми приготовленіями. Къ другому это бы не шло и можно бы вспомнить басню о мухѣ и дорожныхъ; но не такъ было съ г. Полемъ: по его знаку мгновенно убирались флигеля и всѣ инструменты, его пронзительные глаза, блѣдное, но оживленное лице обличали энергическую природу, не доставало ему только хладнокровія.

Передъ начатиемъ лотереи данъ былъ небольшой роздыхъ. Многія особы, уставшія сидѣть на одномъ мѣстѣ ходили взадъ и впередъ, разговаривали и громко смѣялись. Даже королевское отдѣленіе представлялось болѣе оживленнымъ. Король разговаривалъ съ двумя или тремя генералами; королева, оставивъ свои кресла, прошла вдоль скамьи молодыхъ дѣвицъ и привѣтствовала каждую изъ нихъ ласковымъ словомъ или улыбкой. Двѣ англичанки Леди Сарра и Женевра Фаншавъ не были также забыты. Женевра была въ полномъ восхищеніи, потому что здѣсь присутствовалъ и графъ Дю-Гамель. Я замѣтила его въ числѣ придворной свиты, въ ту же минуту, какъ замѣтилъ и Граамъ.

— Не жарко-ли здѣсь, матушка, сказалъ онъ. Не угодноли вамъ освѣжиться.

— Ступай съ Люси, отвѣчала мистрисъ Граамъ, я лучше останусь на мѣстѣ.

Воздухъ подъ колоннадой былъ очень свѣжъ; но Граамъ не обращалъ на это вниманія; къ счастью, я запаслась шалью. Ночь была превосходная, звѣзды блистали.

— Отчего вы такъ задумчивы, Люси? спросилъ Граамъ, неужели оттого, что сказалъ я вамъ.

— Я боюсь, отвѣчала, что вамъ нанесли рану.

— Да, ударомъ лангета, который едва оцарапалъ кожу. Обращать въ смѣхъ мою матушку! и держа шляпу поверхъ густыхъ своихъ волосъ, онъ прибавилъ: — благодарю васъ, миссъ Женевра, благодарю! вы болѣе для меня не опасны.

Съ этой минуты Граамъ сдѣлался привѣтливѣе и веселѣе.

Возвращеніе домой не менѣе было пріятно; но нашъ кучеръ, проведши все время концерта въ кабакѣ, сбился съ дороги. Небо обложилось тучами, не видно было ни зги, а между тѣмъ мы все болтали; наконецъ мистрисъ Граамъ спросила: — не унесли-ли ночью нашъ замокъ на край свѣта?

Граамъ высунулъ голову въ окно и, не видя ничего кромѣ обширныхъ полей, окаймленныхъ низкими ивами, велѣлъ кучеру остановиться, сѣлъ на козлы и взялъ самъ возжи. Благодаря ему, мы наконецъ чрезъ полтора часа пріѣхали. Марта, кухарка, насъ не забыла. Въ каминѣ разведенъ былъ большой огонь и насъ ожидалъ добрый ужинъ. Вошедши въ свою комнату, я освободилась отъ розоваго платья и черной мантии и, могу сказать, что чувствовала себя гораздо счастливѣе нежели когда ихъ надѣвала. Не многія изъ дѣвицъ, которыя такъ блистали въ концертѣ, могли сказать о себѣ то же.

XVI.

Чрезъ три дня я должна буду вступить опять въ пансіонъ г-жи Бекъ. Я считала на часахъ почти всѣ секунды этихъ трехъ дней. Чего бы я не дала, чтобъ замедлить ихъ ходъ? Но они такъ быстро летятъ.

— Люси не оставитъ насъ сегодня, сказала ласково крестная моя за завтракомъ: я выпрошу новую отсрочку.

— О! нѣтъ, прошу васъ. Надо же проститься и вступить въ свои обязанности.

Возвращеніе мое въ улицу Фоссетъ зависѣло отъ Граама, который вызвалъ меня проводить, а между тѣмъ онъ имѣлъ на цѣлой день занятія. Отъ этого мистрисъ Граамъ и ея сынъ совѣтывали мнѣ отложить отъѣздъ до завтрашняго утра; но мнѣ хотѣлось скорѣе все кончить. Я не могла имъ сказать, что чувствовала себя подобно узнику приговоренному къ смерти и умоляющему скорѣе прекратить его страданія. Такъ точно и я не имѣла силы долѣе мучиться.

Было уже темно, какъ докторъ Жанъ высадилъ меня изъ своей кареты у входа въ пансіонъ г-жи Бекъ. Фонарь горѣлъ, ноябрьскій дождь, мелкій и пронзительный, шелъ съ самаго утра. Мокрая мостовая отражала свѣтъ фонаря, какъ въ тотъ вечеръ, когда я стояла передъ этимъ домомъ, въпервый разъ безъ крова и убѣжища. Въ тотъ вечеръ докторъ Жанъ также провожалъ меня. Я никогда ему объ этомъ не напоминала, но если этотъ случай изгладился изъ его памяти, для меня онъ останется навсегда драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніемъ.

Граамъ позвонилъ; дверь тотчасъ отворилась, потому что въ это время приходили за полупансіонерками; Розина не дремала.

— Не входите, сказала я ему, но онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ярко освѣщенной передней. Мнѣ не хотѣлось, чтобъ онъ замѣтилъ мои слезы.

— Не унывайте, Люси, въ матушкѣ и во мнѣ вы имѣете настоящихъ друзей, которые васъ не позабудутъ.

— Я тоже никогда не забуду, докторъ Жанъ.

Мы пожали другъ другу руки и онъ вышелъ уже за дверь, но тотчасъ опять возвратился. Вѣрно, ему показалось, что мало сказалъ мнѣ въ утѣшеніе.

— Люси, прибавилъ онъ, вамъ будетъ скучно посреди людей вамъ неблизкихъ?

— Да, особенно сначала, отвѣчала я.

— Матушка моя будетъ васъ навѣщать... а у меня есть другая идея. Я буду писать вамъ все, что придетъ мнѣ въ голову.

— Какое сердце! подумала я: и отвѣчала ему со вздохомъ. Не налагайте на себя такого труда, докторъ Жанъ. У васъ не будетъ времени, чтобъ писать ко мнѣ.

— О! я найду его. Прощайте.

Онъ ушелъ. Тяжелая дверь захлопнулась; прощай мое счастье!

Не давая себѣ времени думать, чтобъ не слишкомъ растрогаться, я поспѣшила войти въ комнату г-жи Бекъ, чтобъ сдѣлать ей церемоніальный визитъ. Она приняла меня ласково и привѣтливо, но не слишкомъ была разговорчива и минутъ чрезъ десять меня отпустила. Изъ комнаты г-жи Бекъ я пошла въ столовую, гдѣ пансіонерки приготовляли свои уроки. Тамъ приняли меня, какъ мнѣ казалось, очень дружелюбно. Теперь ни что болѣе не мѣшало мнѣ отправиться въ дортуаръ, тамъ я сѣла на край кровати моей, не столько усталая, сколько взволнованная:

— Будетъ-ли писать ко мнѣ Граамъ?

Разсудокъ отвѣчалъ мнѣ:

— Зачѣмъ ему писать къ тебѣ.

— Пусть напишетъ онъ ко мнѣ хоть разъ, старецъ немилосердный, не хочу быть подъ твоей Ферулой, ты былъ всегда ко мнѣ какъ злая мачиха; всегда бранишь, все видишь въ черномъ и если дать тебѣ волю, готовъ вырвать у меня и самую надежду!

Разсудокъ готовъ былъ возражать и заставить меня вновь проливать слезы, но на помощь мою пришла надежда: — Усни, сказала она, усни съ миромъ, я позолочу твои сновидѣнія.

И она сдержала свое слово! Но пришелъ день, мечты разсѣялись и разсудокъ опять свѣдѣлъ у моего изголовья, сумрачный, какъ тогдашняя погода. Дождь стучалъ въ стекла оконъ; вѣтеръ по-временамъ гнѣвно ревѣлъ, ночная лампа погасла съ дымомъ. Я жалѣла о тѣхъ, которые морально страдаютъ. Наступившее утро подѣйствовало на меня благотѣльно; какъ-будто рукой гиганта я была вырвана съ постели и въ минуту одѣта. Суровость воздуха была для меня полезна, и чтобъ успокоить мои нервы, я прибѣгнула къ обыкновенному моему средству, выпила стаканъ ледяной воды.

Колоколъ пробилъ общую побудку. Сошедши прежде всѣхъ въ столовую залу, я сѣла возлѣ печки, общество такое было пріятно, потому что сѣверный вѣтеръ выстуживалъ комнату.

Согрѣваясь, я разсуждала о жизни и ея перемѣнахъ. Какъ вчерашнее мало походило на сегодняшнее! Блуждая въ пустынѣ, мнѣ не только дано было видѣть обѣтованную землю, но я провела въ ней нѣсколько дней, теперь надлежало опять жить въ бесплодной степи.

Печь нагрѣвала не одну столовую, но и такъ-называемую площадку. Въ стѣнѣ, къ которой она примыкала, сдѣлано было окно, чрезъ которое можно было глядѣть изъ одной комнаты въ другую. Въ этомъ самомъ окнѣ показалась мнѣ греческая феска, лобъ и наблюдающіе меня глаза. Станный домъ! — нельзя

пролить слезы безъ того, чтобъ не явился шпионъ и обыкновенно женскаго рода; но на этотъ разъ шпиономъ былъ мужчина, и кто же другой, кромѣ г. Поля могъ блуждать въ такой утренней часъ по классамъ, гдѣ иногда онъ бралъ книги изъ библіотеки.

— Вы печальны, сударыня?

— Чѣму же мнѣ радоваться, сударь, однакожь я не печальна.

— Печальны, доказательствомъ этому служатъ двѣ слезинки на вашихъ щекахъ, слезинки горьче морской воды. Зачѣмъ глядѣть на меня такими удивленными глазами? Хотите, скажу вамъ, на кого вы теперь похожи?

— Скажите.

— На птичку, которая на минуту вырвалась изъ клѣтки, и которую опять туда засадили. Гм! свобода конечно очень нравится женщинамъ, притомъ нельзя же равнодушно разставаться съ друзьями.

Молчаніе мое не было понято г. Полемъ; я желала остаться одна; къ счастью колоколъ, собирающій на молитву, заставилъ и его и меня удалиться. Я успѣла осушить глаза и лице мое было также ясно и спокойно, какъ у всѣхъ, выключая однакожь одного, которое сіяло необыкновенною радостію. Черезъ столъ бѣлая ручка протянулась къ моей, я не могла не сдѣлать того же. Никогда миссъ Фаншавъ не цвѣла такимъ полнымъ здоровьемъ, щеки ея уподоблялись двумъ яблокамъ. Я не видала еще ее съ концерта, гдѣ она такъ торжествовала, но мнѣ кажется сегодня она была еще лучше въ своемъ простомъ темно-голубомъ платьицѣ, нежели въ бальномъ блестящемъ нарядѣ. Темный цвѣтъ платья еще лучше выказывалъ бѣлизну ея тѣла, свѣжесть лица, и прекрасные русые пепельнаго цвѣта волосы.

— Какъ я рада видѣть васъ, Тимонъ! сказала она по-англійски. Тимонъ было одно изъ десяти или двѣнадцати насмѣшливыхъ прозваній, которыми она такъ

щедро меня надѣляла, за то, что я такъ мало ею восхищаюсь. — Васъ недоставало мнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Вы имѣете, что нибудь поручить мнѣ, можетъ быть чулки заштопать?

— Всегда та же, всегда. Но зачѣмъ же бранить, не зная въ чемъ дѣло?

Безкорыстіе миссъ Женевры было мнѣ по опыту подозрительно.

— Что же вамъ угодно?

— Сдѣлать важный нашъ обмѣнъ. Вы все еще любите это невкусное питье, которое намъ даютъ за кофей?

— Я вижу, что вы все еще любите брюссельскія тартинки, — онѣ всегда къ вашимъ услугамъ, Женевра.

Прежде каникулъ, мы обыкновенно дѣлили съ нею мѣну: я давала ей хлѣбъ съ масломъ, который она всегда кушала съ большимъ аппетитомъ, и давала мнѣ немного кофейю, отъ котораго я не отказывалась, чтобъ не оскорбить ея самолюбія. Когда намъ доводилось что-нибудь дѣлить съ нею на фермѣ, куда ходили пить молоко, я всегда предоставляла ей львиную часть.

Послѣ завтрака, миссъ Женевра поймала меня въ саду; у ней въ рукахъ была большая музыкальная тетрадь.

— Ступайте скорѣе за фортепіано, я сказала ей.

— Опять Диогенъ! опять не заслоняй мнѣ солнца! Но солнца нѣтъ, миссъ Люси. Время такое же сѣрое, какъ ваше платье, моя дражайшая... а кстати о платьѣ, я видѣла васъ въ богатомъ нарядѣ. Какая швейка сдѣлала вамъ это восхитительное розовое платье? Вы мнѣ дадите ея адресъ?

— Финалъ насмѣшкамъ.

— Я не смѣюсь, по чести. Не разсердитесь-ли и вы также, какъ Исидоръ? Онъ былъ взбѣшенъ, не правда-ли? Я это знаю. Онъ замѣтилъ, что я смѣя-

лась съ леди Саррою надъ походкою и туалетомъ нѣсколько странными моею будущей матушки.

— Позвольте сомнѣваться, чтобъ мистрисъ Граамъ сдѣлалась когда нибудь вашей матушкой.

— Я съ этимъ согласна, возразила она. Но, моя-ли вина, что леди Сарра смѣялась?

— Леди Сарра слишкомъ хорошо воспитана, чтобъ дозволить себѣ надъ кѣмъ бы то ни было смѣяться.

— А я, вы хотите сказать, не такъ хорошо воспитана? Ахъ, Боже мой! я просто желала кольнуть Писидора.

— Вы хорошо успѣли въ этомъ. Въ свою очередь, онъ тоже довольно посмѣялся надъ вашимъ важнымъ чаньемъ.

— Скажите лучше, что онъ ревновалъ меня къ другому.

— Можетъ быть, но, пара вамъ садиться за фортепiano.

У меня эта фраза всегда была наготовѣ, когда миссъ Женевра слишкомъ надоѣдала мнѣ своими откровенностями и особенно болтаньемъ о ротмистрѣ Дю Гамелѣ, котораго она считала будущимъ своимъ мужемъ. Что касается до насмѣшекъ надъ докторомъ Жаномъ, я останавливала ихъ вопросомъ: отправлены-ли къ нему браслетъ, ожерелье и серги.

Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ жизнь моя приняла обыкновенную рутину. Однажды, послѣ обѣда, я проходила чрезъ площадку, чтобъ попасть въ первое отдѣленіе и слушать лекцію французской литературы, которую читалъ г. Поль, какъ вижу нашу придверницу Розину, олицетворенную беззаботностью. Одна рука ея была опущена въ карманъ передника, а въ другой она держала письмо, адресъ котораго гувернантка Зелія Сень-Пьерръ внимательно читала и разсматривала печать.

Письмо! Точно такое письмо я видѣла эту ночь во снѣ. Магнетическая струя влекла меня къ этому письму; но какое жестокое было бы для меня разочаро-

ваніе, особенно при парижанкѣ, еслибъ письмо было не ко мнѣ. Другая помѣха! скорые шаги профессора литературы раздавались по корридору. Еслибъ я сидѣла скромно за моимъ попитромъ во время его прихода и весь классъ молчалъ, онъ не могъ бы ничего сказать, но, встрѣтивъ меня на площадкѣ, г. Поль кольнулъ бы меня, что праздно шатаюсь. Я бросилась въ классъ и едва водворилось молчаніе, обѣ половинки дверей хлопнули и г. Поль явился.

Вошедши въ классъ, онъ кинулъ на меня сердитый взглядъ, потомъ, опустивъ руку въ карманъ своего пальто, вынулъ оттуда письмо, то самое, какое я видѣла у Розины, и бросилъ его ко мнѣ на столикъ. — Это къ вамъ!

Поступокъ былъ невѣжливъ, но въ сердцѣ моемъ не было мѣста для двухъ чувствованій. Это письмо было предметомъ моихъ мечтаній, бумага блистала, какъ чистѣйшая эмаль, на алой печати были буквы I. G. и пакетъ какъ я замѣтила, заключалъ въ себѣ не маленькую записочку, а по-крайней-мѣрѣ цѣлый листъ бумаги. Адресъ былъ написанъ мелко, но твердымъ почеркомъ; печать была совершенно круглая. Итакъ я держала въ своихъ почти дрожащихъ рукахъ, исполненіе моей единственной и самой сладостной надежды. Онъ думалъ обо мнѣ. Я чуть-чуть не позабыла поблагодарить г. Поля.

Профессоръ вошелъ на кафедру. Лишь только онъ принялъ на себя бразды правленія, мое присутствіе тутъ становилось ненужнымъ, я думала, что могу выдти изъ класса и дѣйствительно вышла. Отправясь въ большой дортуаръ и опасаясь, чтобъ г-жа Бекъ за мной не послѣдовала, такъ какъ она успѣвала быть вездѣ, я отперла ящикъ моего коммоды, вынула шкатулку и положила въ нее письмо, вдоволь насмотрѣвшись на него и поцѣловавъ печать съ восхищеніемъ, но вмѣстѣ со стыдомъ и страхомъ. Наконецъ я заперла шкатулку и коммодъ и возвратилась въ классъ,

вѣря въ сбыточность волшебныхъ сказокъ. Это письмо, которое я даже не распечатала, переносило меня въ міръ фантастическій, очаровательный. Но голосъ г. Поля привелъ меня въ міръ дѣйствительный. Возвращаясь въ классъ, гдѣ присутствіе мое не было необходимостію, я оказывала г. Полю этимъ только учтивость, но между тѣмъ колебалась войти. Голосъ его гремѣлъ, какъ громъ. Лишь только я появилась, молнія упала на меня.

— Рѣшительно, вскричалъ онъ, надобно, чтобъ профессоръ французской литературы отказался отъ своей должности. Не знаю, приведетъ ли классъ въ порядокъ учительница англійскаго языка; что касается до меня, я нахожу, что у всѣхъ головы выворочены наизнанку; только и видишь ужимки да гримасы. Не знаю, какіе дѣлаютъ успѣхи въ языкѣ англійскомъ, а въ моемъ предметѣ ровно никакихъ и даже пятятся назадъ, какъ раки. Какое произношеніе! какой стиль! Но гдѣ тутъ до стиля! Надо обратиться къ самымъ первымъ началамъ ортографіи. Мнѣ скажутъ, что это не мѣшаетъ получать записочки на атласной, золотообрѣзной бумагѣ; но для чего тогда профессоръ литературы, когда достаточно учителя одной азбуки? Вотъ двѣ или три уже плачутъ, потому что не могутъ насмѣхаться мнѣ въ глаза. Я же виноватъ; я не знаю, что говорю; я дуралей. Не такъ-ли вы думаете, миссъ Люси? Ваша британская флегматичность должна осудить меня? Эта флегматичность очень заразительна, это я вижу; мои слушательницы скоро выдутъ изъ повиновенія. Мнѣ не остается здѣсь ничего болѣе дѣлать. И г. Полю всталъ со стула, какъ бы намѣреваясь уйти.

Эта сцена очень взволновала воспитанницъ, и какъ она становилась болѣе и болѣе трагическою, то было довольно слезъ. Я сама, признаться, чувствовала, что глаза мои сдѣлались влажны. Можетъ-быть, въ моихъ слезахъ было столько же и радости, сколько горести,

что, конечно, происходило отъ противоположныхъ ощущеній. Г. Поль, котораго мое молчаніе и вниманіе къ моему шитью раздражали, тотчасъ успокоился, замѣтивъ мои слезы. Этотъ странный человѣчекъ имѣлъ очень зоркіе глаза.

— Вотъ и миссъ Люси также плачетъ, вскричалъ онъ. Надѣюсь, что это не отъ словъ, сказанныхъ въ минуту вспыльчивости, которыя уносятъ вѣтеръ. Этотъ примѣръ чувствительности, по-крайней-мѣрѣ, долженъ послужить вамъ урокомъ, мои сударыни. Я не отчаиваюсь зажечь въ васъ священный огонь любви къ наукамъ, если ваши сердца не такъ жестки, какъ головы.

И г. Поль, разглагольствуя такимъ образомъ, развертывалъ новый, или только-что вымытый, фуляръ.

— Вы показали, сударыни мои, неожиданную чувствительность и я сожалѣю, что не могу предложить каждой изъ васъ... Но, пусть миссъ Люси возьметъ мой фуляръ и да будетъ это знакомъ нашего общаго примирѣнія. Я вижу, что надо снисходить къ вашимъ недостаткамъ, какъ вы снисходите къ моей блузѣ и греческой фескѣ, когда этикетъ, можетъ-быть, требуетъ, чтобъ я являлся сюда въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, потому что многія между вами принадлежатъ къ самому высшему кругу и гордятся сидя въ королевскихъ ложахъ. Но, полно говорить объ этомъ.

Я поспѣшила на помощь къ г. Полю, видя, что такая развязка принимается одобрительно всѣми. Взяла его фуляръ, сдѣлала знакъ, будто-бы отираю имъ слезы и отдала ему назадъ. Возвратясь потомъ на свое мѣсто, я бросила работу и обратилась вся въ слухъ. Никогда не былъ такъ краснорѣчивъ г. Поль. Эта забавная сцена окончилась для него настоящимъ триумфомъ. Если иногда въ его характерѣ было что-то похожее на филина, то чаще онъ уподоблялся благороднымъ хищнымъ птицамъ, и въ этотъ день, раз-

бирая образцовыя произведенія французской литературы, онъ парилъ орломъ.

— Ну, теперь, ступайте перечитывать ваше письмо, сказалъ онъ мнѣ, выходя изъ класса.

— Но я его еще не читала.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! Что же вы читали, выходя изъ класса?

— Ничего.

— Такъ поспѣшите удовлетворить вашему любопытству.

— Но, сударь, это письмо отъ моего друга; я знаю напередъ, что оно содержитъ...

— Вы говорите, отъ вашей подруги? и онъ устремилъ на меня испытующій взоръ, какъ въ первый вечеръ у г-жи Бекъ.

— Нѣтъ, сударь, отъ друга.

— Слава Богу. Вы бы дурно поступили, еслибъ не были со мною откровенны. Мужской почеркъ былъ очень замѣтенъ.

Въ тотъ же вечеръ, когда приходящія воспитанницы разошлись по домамъ, звонокъ умолкъ, лампа въ столовой засвѣтилась и начальница ушла въ свою комнату бесѣдовать съ пріѣхавшими къ ней гостями и родною матерью, я сошла въ кухню и попросила, въ противность заведенному у насъ порядку, у доброй моей Готонъ свѣчку:—извольте, сказала она, хоть двѣ, если вамъ угодно.

Со свѣчкой въ рукахъ, я возвратилась потихоньку въ большой дортуаръ, гдѣ, къ большому неудовольствію, нашла одну изъ воспитанницъ въ постелѣ. Неудовольствіе мое еще увеличилось, когда я замѣтила, что это миссъ Женевра Фаншавъ. Она притворилась свящею; но, вѣрно, тотчасъ откроетъ глаза, чтобъ жаловаться мнѣ о своихъ страданіяхъ, если точно больна, или будетъ повѣрять мнѣ свои сердечныя тайны, когда болѣзнь ея мнимая. Едва примѣтное движеніе рѣсницъ заставило меня подозрѣвать,

что сонъ ея притворень, и потому съ драгоценнымъ моимъ письмомъ я рѣшилась идти въ какой набудь пустой въ эту пору классъ. Неудача преслѣдовала меня: сегодня была середина и въ эту самую минуту принимались мыть классы, по заведенному порядку. Такая операція дѣлалась дважды въ недѣлю; скамьи взгромождены были на стулья; полъ былъ забрызганъ кофейною гущею, что у брюсселекъ замѣняетъ въ этомъ случаѣ чайные листы. Надо было искать другаго убѣжища.

Я сняла съ гвоздя извѣстный ключъ; взбѣжала, не переводя духа, по лѣстницамъ три этажа и очутилась на черной, узкой уединенной площадкѣ. Отворивъ старую дверь, вошла въ глубокой холодной чердакъ. Тутъ ужъ, вѣрно, никто мнѣ не помѣшаетъ, даже и сама начальница. Я захлопнула за собою дверь и поставила свѣчу на ветхой изломанной коммодѣ. Къ счастью, я запаслась большимъ платкомъ, потому что на чердакъ была невыносимая стужа. Съ нетерпѣніемъ я вынула завѣтное письмо и разломала печать.

— Длинно или коротко оно? Вотъ былъ первый вопросъ.

Письмо было длинно.

— Холодно или дружественно?

Дружественно.

Я судила такъ, имѣя разгоряченное воображеніе; но холодный разсудокъ сказалъ бы мнѣ, что оно гораздо незначительнѣе, чѣмъ я его себѣ представляла.

Но должно припомнить, что я такъ мало имѣла надежды получить его и что мое сердечное желаніе наконецъ исполнилось. Бѣдная наставница при трепетномъ свѣтѣ дымной свѣчи, оплывающей отъ осенняго вѣтра, свободно проникавшаго въ разбитое слуховое окно, читающая простое дружеское письмо, не промѣняла бы теперь своей судьбы ни на что въ свѣтѣ.

Граамъ писалъ ко мнѣ, и видно, что писалъ съ удовольствіемъ. Перо его быстро и много бѣгало по

бумагъ. Онъ вспоминалъ мнѣ, какія мѣста мы вмѣстѣ посѣщали, о чемъ говорили и разсуждали. Этимъ онъ возвышалъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ и я гордилась.... Но что это значить?... Неужели въ самомъ-дѣлѣ бываютъ привидѣнія?... Неопредѣленный шумъ послышался въ длинномъ уединенномъ чердакѣ: сначала я подумала, что это должна быть знакомая мнѣ большая черная крыса, но такой шумъ не можетъ быть отъ крысы; не шумъ ли это отъ летучей мыши, испуганной свѣтомъ, или жужжаніе большой ночной бабочки? Нѣтъ, это скорѣе походило на шумъ легкихъ шаговъ, на шорохъ платья.

Я уже сказала, что на чердакѣ была вѣшалка съ старыми на ней платьями. Можетъ быть, онѣ качались и шумѣли отъ вѣтра, который такъ былъ силенъ что едва не задувалъ свѣчку; какъ бы то ни было, мною овладѣлъ неизъяснимый страхъ. Боже мой! что это значить! Я вижу ее, точно ее, въ глубинѣ чердака, стоитъ монахиня въ черномъ платьѣ и съ чѣмъ-то бѣлымъ на головѣ!

Я не кричала, ноги мои подкосились. Еслибъ привидѣніе приблизилось ко мнѣ, я бы лишилась чувствъ; но оно отъ меня удалялось. Я имѣла еще силы подбѣжать къ двери и спуститься съ лѣстницы, сама не знаю какъ. Я не потеряла еще разсудка и не испугала воспитаницъ, собранныхъ въ столовой. Я вошла въ маленькую комнату г-жи Бекъ, гдѣ она находилась съ г-жею Киндъ, своею матерью, съ г. Викторомъ Киндомъ, своимъ братомъ и еще однимъ господиномъ, который въ эту минуту разговаривалъ съ г-жею Киндъ, обернувшись спиной къ двери.

— Слава Богу, что здѣсь есть мужчины! Скорѣе на чердакъ, скорѣе, скорѣе! Я сейчасъ видѣла тамъ что-то очень странное.

— Что же такое? спросила г-жа Бекъ, довольно сухо. Вы, вѣрно, видѣли свою тѣнь, моя милая; зачѣмъ вамъ было ходить на чердакъ?

— Такъ, сударыня! я вамъ скажу послѣ, но....

— Но что же наконецъ вы видѣли? возразила начальница, смотря на меня недовѣрчиво.

— Я видѣла монахиню!

Раздался общій смѣхъ.

— Воспользуйтесь случаемъ, докторъ Жанъ, вскричала начальница, привидѣнія не показываются часто.

Какое было мое удивленіе, когда въ господинѣ, который, обратясь спиною къ двери, разговаривалъ съ матерью начальницы, узнала я доктора Жана.

— Позвольте ли мнѣ освидѣтельствовать чердакъ? спросилъ онъ.

— Я тоже буду въ этой экспедиціи, сказалъ Жоржъ Киндъ.

— И я тоже, прибавила начальница, взявъ лампу; но главное, не дѣлать никакого шума въ домѣ. Воспитанницы цѣлый годъ будутъ грѣзить о монахинѣ, которая приснилась вамъ, миссъ Люси, если только это не было разстройствомъ вашего воображенія. Что вы скажете, докторъ?

— Позвольте мнѣ сначала видѣть, а потомъ судить.

При входѣ нашемъ на чердакъ, свѣча моя была потушена и письмо исчезло.

— Письмо мое! письмо мое! вскричала я какъ сумашедшая, письмо мое, которое я читала въ ту минуту, какъ явилась монахиня!

Докторъ Жанъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я молчала. Осмотръ чердака продолжался. Начальница замѣтила нѣкоторый беспорядокъ въ старыхъ платьяхъ, висѣвшихъ на вѣшалкѣ; но монахини не было слѣдовъ.... Какіе же слѣды можетъ оставлять по себѣ привидѣніе?

— Письмо мое! письмо!

— Молчите, сказалъ мнѣ на ухо докторъ Жанъ, я поднялъ его. Вѣтромъ бросило его на полъ.

Остатокъ вечера мы провели у начальницы, гдѣ очень смѣялись надъ моимъ страхомъ, однакожъ просили меня держать въ секретѣ явленіе монахини.

Пансіонъ г-жи Бекъ сдѣлался бы баснею въ Брюсселѣ, еслибъ разносились такія сказки.

— Но это не сказка, возразила я.

— Я ссылаюсь на доктора, отвѣчала Начальница. Не правда ли, докторъ, что больное воображеніе можетъ видѣть вездѣ призраки? Если не хотите сказать этого вслухъ, то скажите потихоньку миссъ Люси.

— Вы грустны, Люси, сказала потихоньку Граамъ. Вамъ нужно разсѣяніе. Приходите къ намъ чаще. Счастіе можно уподобить вѣжному растенію, за которымъ нуженъ хорошій уходъ, я это знаю; матушка и я постараемся облегчить вамъ этотъ трудъ.

— Благодарю васъ, докторъ Жанъ, но счастье, прибавила я улыбаясь, растеніе не здѣшняго свѣта, его нельзя воздѣлывать, — это небесная манна, которую Богъ посылаетъ только избраннымъ своимъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 5.

ПРОСТУДА У БАМШИНА.

КОМЕДИЯ-ВОДВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Переводъ съ французскаго.

АКТЕРА С. БОЙКОВА.

**Представлена была въ первый разъ въ
Александринскомъ театрѣ, въ бенефисъ
Г-жи Левкѣевой 27 мая 1856 г.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АДОЛЬФЪ ДЮПРЕ. *Г. М. Максимовъ.*
МАРГАРИТА, его жена. *Г-жа Левкеева.*
ГОРТЕНЗИЯ. *Г-жа Алекина.*
ЭДУАРДЪ. *Г. Ширевъ.*
ЖАКЪ, слуга. *Г. Антополини.*

Залъ. Въ глубинѣ посрединѣ каминъ, по сторонамъ его два окна, изъ которыхъ видны два окна въ противоположномъ домѣ. Съ лѣвой стороны двѣ двери. Двери съ правой стороны на первомъ планѣ. На каминѣ часы и овы вазы. Съ лѣвой стороны на первомъ планѣ зеркало, подъ нимъ столъ. По обѣимъ сторонамъ камина два кресла. У кресла съ лѣвой стороны столикъ, на немъ рабочая корзинка. На аван-сценѣ съ лѣвой стороны другой столикъ, на немъ журналъ модъ, подлѣ—кресло. Съ правой стороны на аван-сценѣ диванъ, передъ нимъ столъ. Сонетки по обѣимъ сторонамъ камина.

I.

ДЮПРЕ, сидитъ на диванѣ въ задумчивости; ЖАКЪ, высовывая съ осторожностію голову въ дверь съ правой стороны на второмъ планѣ.

Жакъ. Тсъ! тсъ!

Дюпре. Кто тамъ?

Жакъ. Это я, сударь.

Дюпре. Что съ тобою? Какой странный взглядъ! Точь въ точь Отелло, когда онъ приходитъ въ спальню Дедемоны.

Жакъ. Вы одинъ?

Дюпре. Ты, кажется, видишь, глупецъ.

Жакъ. А я все боялся...

Дюпре. Чего?

Жакъ. Нѣтъ-съ, ничего, я такъ... Вотъ видители въ чемъ дѣло: я сейчасъ встрѣтилъ господина Буржуа...

Дюпре, (вставая) А!

Жакъ. Онъ велѣлъ сказать вамъ, что будетъ васъ ждать къ себѣ завтракать.

Дюпре, (идя налѣво и смотря въ дверь). Тише говори.

Жакъ. Онъ-бы и самъ зашелъ сюда, да...

Дюпре. Знаю, знаю, довольно.

Жакъ. Онъ проситъ васъ быть у него въ 12 часовъ.

Дюпре, (съ робостію) Хорошо, хорошо.

Жакъ. Тамъ много будетъ молодыхъ людей.

Дюпре. Довольно! довольно! молчи.

Жакъ. Еще велѣлъ сказать, что завтракъ будетъ великолѣпный, вы повеселитесь вдоволь ..

Дюпре. Да замолчишь ли ты? Чортъ тебя возьми!

Жакъ. Помилуйте! чѣмъ же я провинился?

Дюпре. Ты мнѣ надоѣлъ! любишь много говорить!

Жакъ. Я хотѣлъ въ точности исполнить порученіе.

Дюпре. Убирайся вонъ! и смотри никому ни слова.

Жакъ. Слушаю-сь. (*Уходитъ*).

Дюпре, (одинъ). Милый Буржуа!.. какъ онъ обо мнѣ заботится! Вотъ ужъ истинно рѣдкій другъ!.. Онъ знаетъ, что мнѣ будетъ это приятно, — мнѣ, который прежде считался парижскимъ львомъ, который былъ свободенъ какъ птица, а теперь... То есть, я теперь тоже птица, да только въ клеткѣ... по милости моей жены... Вотъ скоро два года, какъ я живу подъ надзоромъ полиціи... это я говорю потому, что жена моя настоящій городской сержантъ... Не подумайте, чтобъ она была дурна собою... о, нѣтъ! напротивъ, она очень мила! Какая у ней дивная талія!.. А попка!.. что за попка! просто, объѣденъ! да вотъ вы сами ее увидите и убѣдитесь, что я сказалъ правду. А взглядъ! какой взглядъ! я вамъ и описать не могу, что это такое! однако это что-то такое чрезвычайно мило!.. Что же касается до моего дома, то это, просто, бастилія, потому что я одинъ изъ него не дѣлаю шагу... На всѣ приглашенія записки моихъ друзей я постоянно пишу отвѣты въ слѣдующемъ родѣ: я не выхожу изъ дому безъ жены, я не завтракаю безъ жены, я не обѣдаю безъ жены. Конечно, я знаю, что прежніе мои друзья смѣются надо мною, сочиваятъ на меня самыя нелѣпыя исторіи и все вѣдь это потому только, что я ихъ не приглашаю къ себѣ... Что дѣлать, друзья? И радъ-бы, да жена этого не хочетъ. (*Послѣ молчанія*). А вѣдь если разсудить хорошенько, и спроецтѣ самого себя: для чего я женился? Право и самъ не знаю... Я полагаю, что эта фантазія пришла мнѣ въ то время, когда я былъ зараженъ сплиномъ... Вы можетъ быть думаете, что я влюбился въ мою жену? Совѣмъ нѣтъ... Это случилось вотъ какъ: я былъ на одномъ вечерѣ, гдѣ кромѣ меня, не было ни одного холостаго человѣка... Я подумалъ: отчего это всѣ женятся, а я нѣтъ? Дай-ка и я женюсь, — и женился. Между нами будь сказано, послѣ я не однажды раскаявался, да уже было поздно и въ особенности когда вспомнишь, что прежде я былъ свободенъ, дѣлалъ что хотѣлъ, волочился за хорошенькими женщинами! Бывало ночи напролетъ проводишь съ ними! Не подумайте,

однако, чтобы я не любилъ моей жены... Нѣтъ; напротивъ, она мнѣ очень нравится и я бы былъ самымъ счастливѣйшимъ человѣкомъ, еслибы только жена моя не была ревнива. И вѣдь до чего ревнива! представьте себѣ, что она ни сама никуда не выѣзжаетъ, ни меня никуда не пускаетъ, постоянно сидитъ со мною и вотъ нынче въ первый еще разъ случилось, что я сижу одинъ почти три четверти часа, когда она и минуты безъ меня не можетъ пробыть. О! еслибы я только могъ, съ какимъ удовольствіемъ воспользовался бы приглашеніемъ Буржуа!.. А впрочемъ, кто же мнѣ мѣшаетъ это сдѣлать? Какъ кто? А жена? Чтоже такое? Покричитъ, посердится, да вѣдь тѣмъ и кончится... Рѣшено, ѣду на завтракъ!.. (*Снимаетъ съ головы феску и кладетъ ее на столъ съ лѣвой стороны*). Жакъ!

Жакъ, (*входя изъ дверей съ правой стороны на второй планъ*). Что прикажете?

Дюпре. Шляпу и перчатки.

Жакъ (*съ удивленіемъ*) Какъ! вы уходите?

Дюпре. Ну, да.

Жакъ. Одинъ?

Дюпре. Да, да.

Жакъ. Безъ жены?

Дюпре (*теряя терпѣніе*) Ну, да, да, да! Пожалуйета, безъ разговоровъ. Дѣлай, что тебѣ велятъ!

Жакъ. Слушаю-сь. (*Уходитъ въ дверь съ правой стороны на первомъ планѣ*).

Дюпре. Однако, который часъ? (*Вынимая изъ кармана часы*). Уже 12, надо поторопиться... Они уже, я думаю, меня ждутъ. (*Жакъ входитъ и подаетъ ему шляпу и перчатки*).

Жакъ. Развѣ вы не будете дома завтракать?

Дюпре. Нѣтъ.

Жакъ. А что прикажете сказать вашей супругѣ?

Дюпре. Ничего. (*Самъ съ собою*). Странно! что сдѣлалось съ женою, что она все еще не идетъ сюда? Ужъ не уѣхала ли она? Жакъ!

Жакъ. Что прикажете?

Дюпре. Гдѣ жена?

Жакъ. У себя въ комнатѣ, одѣвается.

Дюпре. Хорошо, ступай. (*Жакъ уходитъ въ комнату направо на первомъ планѣ*).

Дюпре, (*хочетъ уйти и подоидя къ двери съ правой сто-*

роны на второмъ планн, вдругъ останавливается). Однако хорошо ли это будетъ, если я отправлюсь завтракать съ друзьями? Не будетъ ли это предосудительно женатому человѣку? И что, наконецъ, меня ожидаетъ на этомъ завтракѣ? Вино, вино и вино... (Ставитъ шляпу на столикъ у зеркала, снимаетъ перчатки и кладетъ ихъ въ карманъ). Нѣтъ... рѣшено!.. Я не пойду! пускай Буржуа говорить, что хочетъ, а я не пойду! Пусть назовутъ меня колнакомъ, дуракомъ, чѣмъ хотять, мнѣ все равно, я остаюсь. Однако жена моя порядочная кокетка!.. Цѣлый часъ сидеть за туалетомъ... А! наконецъ вотъ и она!

II.

ДЮПРЕ и МАРГАРИТА.

МАРГАРИТА. Вотъ и я, мой другъ; ты, я думаю, соскучивлся дожидаясь меня?

ДЮПРЕ. Какъ къ тебѣ идетъ это платье!

МАРГАРИТА. Ты находишь?

ДЮПРЕ. Развѣ ты уѣзжаешь?

МАРГАРИТА. Да, мой другъ.

ДЮПРЕ. Куда?

МАРГАРИТА. Къ кузинѣ, она проситъ меня къ себѣ по какому-то очень важному дѣлу. Я послала Жака нанять карету.

ДЮПРЕ. Знаешь что, мой другъ, чтобъ избавить тебя отъ неприятности ѣздить въ наемной каретѣ, я хочу купить тебѣ купе, — пусть будетъ у тебя свой собственный экипажъ.

МАРГАРИТА. Ахъ, какъ ты милъ! Дай тебя расцѣловать!

ДЮПРЕ. Сколько тебѣ угодно.

МАРГАРИТА. Не хочешь ли ты ѣхать вмѣстѣ со мной?

ДЮПРЕ. Пожалуй, — я же кстати такъ давно не видалъ твоей кузины.

МАРГАРИТА. Какъ давно? Да вѣдь мы были у нея на прошедшей недѣлѣ.

ДЮПРЕ. Ахъ! вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! Теперь припоминаю: у нея тогда были двѣ дамы, ты еще меня приревновала къ одной изъ нихъ.

МАРГАРИТА. А зачѣмъ ты съ нею такъ долго говорилъ?

ДЮПРЕ. Ты неразсудительна, мой другъ,—нельзя же мнѣ было не отвѣчать на ея вопросы.

МАРГАРИТА. Но вы смотрѣли на нее такими глазами...

ДЮПРЕ. Полно, полно, душа моя, тебѣ такъ показалось...

МАРГАРИТА. Нѣтъ, не показалось, — я очень хорошо это видѣла.

ДЮПРЕ. Ты кажется не перестанешь ревновать меня.

МАРГАРИТА (*идя къ камину*). И кто вамъ сказалъ, что я ревную? Я только не хочу казаться смѣшною въ глазахъ другихъ... Но чтобы и нынче не повторилось то же самое, такъ я одна побѣду къ кузинѣ, а вы останетесь дома.

ДЮПРЕ. Но...

МАРГАРИТА. Я такъ хочу! Слышите ли вы? Я такъ хочу!

ДЮПРЕ. Слышу, слышу... Только не сердись, пожалуйста... Я все сдѣлаю по твоему... Ты знаешь, что я самый снисходительный мужъ... Изволь, я остаюсь и буду ждать тебя, сидя у камна, какъ старый подагрикъ... Надѣюсь, теперь ты довольна? Да? (*Съ послѣдними словами онъ идетъ и садится въ кресла у камна*).

МАРГАРИТА (*идя къ нему*). И ты будешь сидѣть тутъ? Ты никуда не уйдешь?

ДЮПРЕ. Никуда.

МАРГАРИТА. Честное слово?

ДЮПРЕ. Ну, да.

МАРГАРИТА. Нѣтъ, ты скажи: честное слово.

ДЮПРЕ. Честное слово.

МАРГАРИТА. Теперь я вѣрю.

ЖАКЪ (*входя изъ двери съ правой стороны на второмъ планѣ*). Карета у подъѣзда.

МАРГАРИТА. Хорошо... Жакъ, принеси мужу халатъ. (*Жакъ уходитъ направо въ дверь на первомъ планѣ*). Здѣсь немножко свѣжо... (*Беретъ со столика феску и надѣваетъ ее на голову мужа*). Надѣнь феску.

ДЮПРЕ. Къ чему?

МАРГАРИТА. Она къ тебѣ такъ идетъ.

ДЮПРЕ. А мнѣ такъ кажется, что я въ ней точь въ точь лампа подъ абажуромъ. (*Жакъ приноситъ халатъ*).

МАРГАРИТА. Надѣнь же халатъ, мой другъ.

ДЮПРЕ. Увѣряю тебя, что мнѣ ничуть не холодно.

МАРГАРИТА. Я прошу тебя. Какой ты, право, капризный.

ДЮПРЕ. Но...

МАРГАРИТА. Я этого хочу, понимаешь ты? (*Помогает Жаку надеть на мужа халатъ. Жакъ уходитъ въ дверь съ правой стороны на первомъ планъ унося съ собою его сюртукъ*). Поди же сидь теперь въ это кресло, (*сажаетъ его*). Вотъ такъ, и сиди смирно... Я скоро возвращусь... Прощай же, мой другъ, мой милый Адольфъ! Такъ ты никуда не уйдешь?

ДЮПРЕ. Вѣдь я тебѣ сказалъ, мой другъ.

МАРГАРИТА. Прощай же, прощай. (*Идетъ и воротается*). Смотри же, никуда не уходи.

(*Уходитъ въ дверь съ правой стороны на второмъ планъ*).

III.

ДЮПРЕ одинъ, потому ГОРТЕНЗИЯ.

Какъ вамъ это покажется? Она съ такой миленькой гримасой упраниваетъ меня остаться дома, что, право, нѣтъ возможности ей въ этомъ отказать. (*Встаетъ*). Она находитъ, что ко мнѣ очень идетъ эта феска. . Еслибы въ эту минуту увидѣлъ меня Буржуа, онъ, право, умеръ-бы со смѣху... Да... да... смѣйтесь господа!.. А у меня жена такая, что подобной наврядъ ли скоро найдешь... Однако, чѣмъ-бы мнѣ заняться во ожиданіи ея возвращенія! Развѣ чтеніемъ?.. Это-бы меня нѣсколько разсѣяло... Но у меня нѣтъ ни одной занимательной книги... Жена моя сожгла все романы, которые у меня были, подъ предлогомъ, что будто-бы они портятъ нравственность... (*Садясь на диванъ*). И такъ за неимѣніемъ лучшаго, попробую заснуть... Это, во-первыхъ, избавитъ меня отъ скуки, а во-вторыхъ, говорятъ, когда спишь, такъ не грѣшишь. (*Закрываетъ глаза*). Я думаю, у Буржуа все уже собралось... Можетъ быть, въ настоящую минуту они пьютъ мое здоровье... (*Музыка въ оркестрѣ*). Можетъ быть, онъ пригласилъ на завтракъ даже маленькую Альфонсину, балетную корифейку, за которой я до женитбы волочился... И которая еще меня такъ безсовѣстно обманула... Отвѣчая на мою любовь, она въ то же время подавала надежду одному провинціалу изъ Амьена, съ которымъ я однако никогда у ней не встрѣчался... Послѣ я узналъ, что это дѣлалось

такимъ образомъ: когда я выходилъ отъ нея въ одну дверь, она входилъ въ другую... Вотъ послѣ этого и встрѣжилъ женщину... (*Засыпая*). Еще упрекаютъ насъ въ непостоянствѣ... а сами... право... скорѣй... (*Засыпаетъ*).

Гортензія (*за кулисами*). Милостивый государь!..

Дюпре (*не трогаясь съ мѣста*). Это ты, Жакъ?

Гортензія. Послушайте, сударь!..

Дюпре (*просыпаясь*). Что такое? Кто мнѣ зоветъ? — Никого! (*Протираетъ глаза*). Нѣтъ, вѣрно мнѣ это принилось.

Гортензія. Отвѣчайте мнѣ, я васъ прошу.

Дюпре. Нѣтъ, дѣйствительно говорить... Но гдѣ? Это странно.

Гортензія. Умоляю васъ, выслушайте меня.

Дюпре (*вставая*). Да, я не ошибаюсь, этотъ голосъ выходитъ съ улицы... (*Идетъ къ окну съ лѣвой стороны и поднимаетъ занавѣсь*). Что я вижу? Женщина! Да это очень занимательно... Но чего же ей отъ меня надо? А она очень мила!.. Она смотритъ на меня и смѣется... Показываетъ что-то знаками... Что же мнѣ дѣлать? Нельзя же мнѣ остаться такъ, подлѣ стекла, точно птица въ клеткѣ. (*Отворяетъ окно и раскланивается съ ней*). Сударыня, вамъ со мной угодно говорить? Я васъ слушаю.

Гортензія. Вы отгадали, но теперь, увидя васъ, я боюсь рѣшиться.

Дюпре. Развѣ я такъ страшень?

Гортензія. О, нѣтъ! совершенно напротивъ.

Дюпре (*всторону*). Да она женщина со вкусомъ!.. (*Снимаетъ феску и снова кланяется ей*). Вы очень любезны, сударыня.

Гортензія. Просьба, съ которой я хочу къ вамъ обратиться, можетъ быть, заставитъ васъ заключить обо мнѣ дурное мнѣніе... Если разсудить, оно и въ самомъ дѣлѣ странно, что молоденькая дѣвушка повѣряетъ свои чувства совершенно незнакомому ей человеку.

Дюпре. Ничего, ничего, — вы смѣло можете положиться на мою скромность. (*Всторону*). А какъ въ это время жена вернется?

Гортензія. Болѣе мѣсяца, какъ я живу въ этомъ домѣ, но мнѣ до сихъ поръ не удавалось говорить съ вами, потому что ваша жена никуда почти не выѣзжаетъ, теперь же я узнала, что она нѣтъ дома, вотъ почему я и рѣшилась обратиться къ вамъ съ просьбою... Увѣряю васъ, что одно только отчаяніе привудило меня рѣшиться на этотъ поступокъ... Тетушка моя запрещаетъ мнѣ лю-

бить... О! сударь! имѣйте состраданіе къ моей любви!.. Я скорѣе въ состояніи умереть, чѣмъ забыть ее!

ДЮПРЕ (*всторону*). Ой, ой! какая бѣдовая!

ГОРТЕНЗІЯ (*прислушиваясь*). Я слышу шумъ... Кто-то ѣдет!

ДЮПРЕ (*всторону*). Боже мой! Если это моя жена.—я пропалъ!

ГОРТЕНЗІЯ. Можетъ быть, это моя тетушка. . И я ничего еще не успѣла сказать вамъ... Возьмите это письмо, оно вамъ все объяснитъ и закройте скорѣе ваше окно. (*Бросаетъ изъ окна письмо къ ногамъ Дюпре и запираетъ окно; Дюпре запираетъ также свое*).

ДЮПРЕ (*поднимая письмо*). Посмотримъ, что она пишетъ...

(*Взглянувъ направо*). Вотъ и жена!.. Что дѣлать? Куда спрятать это письмо?.. (*Ищетъ*). Въ карманъ моего халата не ловко... какъ нибудь еще выпадетъ... А!.. прекрасная мысль .. въ ту вазу!..

(*Кладетъ письмо въ вазу съ правой стороны на каминъ*). И чтобъ не было никакого подозрѣнія, займу опять прежнее мѣсто. (*Садится въ кресла съ правой стороны у камина*).

IV.

ДЮПРЕ и МАРГАРИТА. (*входя изъ второй двери съ правой стороны и идя къ мужу*).

МАРГАРИТА. Вотъ я и возвратилась, мой другъ... Кажется, не заставила себя долго ждать... Я такъ торопилась скорѣе увидѣть тебя!.. Что же ты дѣлалъ во время моего отсутствія? (*Говоря это, она снимаетъ шаль и шляпку, которыя кладетъ на столикъ подъ зеркаломъ*).

ДЮПРЕ. Ты видишь, — ждалъ тебя.

МАРГАРИТА. Съ нетерпѣніемъ?

ДЮПРЕ. Конечно... Ты очень хорошо знаешь, что единственное мое желаніе быть всегда съ тобою. (*Всторону*). Бѣдная жена! какъ я ее обманываю!

МАРГАРИТА. Я это знаю.

ДЮПРЕ. Что такое?

МАРГАРИТА. Я увѣрена, что ты говоришь правду.

ДЮПРЕ. Неужели ты могла во мнѣ сомнѣваться?

МАРГАРИТА. Какъ ты думаешь, зачѣмъ меня просила кузина?

ДЮПРЕ. Напримѣръ? (*Чихаетъ*).

МАРГАРИТА. Чтобъ посоветоваться со мною о бальномъ нарядѣ. Я застала ее окруженную цвѣтами, кружевами, лентами.

ДЮПРЕ. Въ-самомъ-дѣлѣ? (*Чихаетъ*).

МАРГАРИТА (*съ удивленіемъ*). Что съ тобою?..

ДЮПРЕ (*вставая*). Ничего, я чихнулъ.

МАРГАРИТА (*съ подозрѣніемъ, вставая*). А!

ДЮПРЕ (*чихая*). Это-наконецъ несносно!

МАРГАРИТА. А позвольте васъ спросить: гдѣ это вы изволили получить насморкъ?

ДЮПРЕ. Гдѣ? Конечно здѣсь.

МАРГАРИТА. Здѣсь! у камина?

ДЮПРЕ. Ну, да, здѣсь у камина.

МАРГАРИТА. Какъ вы, однако, мило лжете!

ДЮПРЕ. Я?

МАРГАРИТА. Молчите, сударь!..

ДЮПРЕ. Но я тебя увѣряю...

МАРГАРИТА. Нѣтъ, я все теперь понимаю!..

ДЮПРЕ. Да выслушай...

МАРГАРИТА. Вы уходили изъ дому?

ДЮПРЕ. Увѣряю тебя честно, что я шагу не дѣлалъ изъ этой комнаты.

МАРГАРИТА. Такъ я вамъ и повѣрила.

ДЮПРЕ. Если ты не вѣришь мнѣ, спроси Жака.

МАРГАРИТА. Вотъ нашли человѣка! Да онъ съ вами за одно... Онъ дѣлаетъ все, что вы ни прикажете.

ДЮПРЕ. Маргарита! другъ мой!

МАРГАРИТА. Я больше не другъ вашъ! Напротивъ, я бѣдная, обманутая женщина!.. Съ этой минуты все кончено между нами... О! Боже мой! какъ я жестоко въ васъ ошиблась!

Вы повѣса, волокита!..

Васъ теперь узнала я...

ДЮПРЕ.

Успокойся Маргарита...

Прежде выслушай меня.

Увѣрю, понапрасну

Обвиняешь ты меня!..

МАРГАРИТА.

Какъ жестоко, какъ ужасно!

Обманулася въ васъ я!..

Съ вами, сударь, всё сношенья

Я прервать теперь должна.

ДЮПРЕ.

И имѣй вотъ тутъ терпѣнье,

Какъ расходится жена!..

МАРГАРИТА.

Должно намъ теперь разстаться,

Не жена я больше вамъ!..

ДЮПРЕ.

Ужъ отъ васъ и такъ признаться,

Я давно страдаю самъ.

МАРГАРИТА. Завтра же я перееду къ моей маман... Все ей расскажу... Она за меня заступится.

ДЮПРЕ. Матушка ваша тутъ несколько не виновата, а вы сами... То есть, не столько вы, сколько вашъ несносный характеръ.

МАРГАРИТА. Что такое? У меня несносный характеръ! Боже мой! этого только не доставало!

ДЮПРЕ. Нѣтъ, тутъ лопнетъ всякое человѣческое терпѣнiе! Если такъ,—хорошо! Переѣзжайте къ вашей матушкѣ, я васъ не удерживаю,—мало этого, я даже свѣтую вамъ это сдѣлать.

МАРГАРИТА. Я все открою маменькѣ, все расскажу ей объ вашемъ поведенiи... И не теперь, такъ послѣ, но ужъ я узнаю, гдѣ вы получили насморкъ... Я надѣлаю шуму и, если будетъ нужно, я подамъ на васъ жалобу въ судъ.

ДЮПРЕ. Сколько я помню, у насъ нѣтъ постановленiя, наказывать за насморкъ.

МАРГАРИТА (идя къ камину). Слѣйтесь, слѣйтесь сколько вамъ угодно... Увидимъ, кто-то послѣ будетъ смѣяться.

ДЮПРЕ. Сдѣлайте милость, сударыня, нельзя-ли потише... Могутъ услышать наши люди! (*Чихаетъ*).

МАРГАРИТА. О! это ужасно! (*Садится на диванъ*).

ДЮПРЕ. Да, вы правы, действительно ужасно! Въ продолженіе двухъ лѣтъ какъ я имѣю несчастіе называться вашимъ мужемъ, ваша ревность не даетъ мнѣ ни минуты покоя... Наконецъ, мнѣ наскучило быть подъ игомъ вашего деспотизма.. Рѣшено: я тоже переѣзжаю.

МАРГАРИТА (*вставая*). Я васъ не удерживаю.

ДЮПРЕ. Я очень радъ, что могу воспользоваться снова свободой!.. Я опять возвращусь къ моимъ друзьямъ, они болѣе не будутъ имѣть права называть меня колнакомъ!.. Вивать свобода!..

Теперь я временемъ, собой

Располагать могу свободно,

Я снова, снова холостой!

И дѣлаю что мнѣ угодно.

Никто не вправѣ запретить

Съ друзьями мнѣ повеселиться;

Я жизнью новой стану жить,

Напроезжую велочиться!

(*Уходитъ въ дверь съ правой стороны на правомъ планѣ*).

V.

МАРГАРИТА, потомъ ЭДУАРДЪ.

(*Падая въ кресла съ правой стороны у камина*). Злой человекъ! Какой ужасный характеръ!.. Такъ поступить со мною! (*Вставая, подходитъ къ аван-сценѣ*). Со мною, которая была такъ добра для него, которая всегда была съ нимъ неразлучна, не оставляла его ни на одну минуту!..

О, Боже мой, какъ я несчастна!

Могла ль когда предвидѣть я,

Чтобъ тотъ, кого любила страстно,

Вдругъ обманулъ теперь меня!..

Теперь должна я отказаться

Отъ правъ на мужа моего...

Но грустно будетъ съ нимъ разстаться....

Я всю еще люблю его.

Но терпѣніе, терпѣніе — и я отмщу ему, отмщу ужасно... Я также воспользуюсь моею свободою... Буду выѣзжать на балы, я не дурна собою, — за мною будутъ волочиться, я стану кокетничать... Это до него дойдетъ — и онъ умретъ съ досады. (*Садится на диванъ*). О! еслибъ только мнѣ представился случай.

Эдуардъ (*за кулисами*). Сударыня!

Маргарита (*живо вставая*). Кажется, онъ меня зоветъ. (*Прислушиваясь*). Нѣтъ, мнѣ послышалось. (*Снова садясь*). Онъ не думаетъ больше обо мнѣ. Онъ одѣвается теперь, чтобы отправиться, можетъ быть, еще на какое нибудь свиданіе... Такъ поступить со мной! О! вы мнѣ дорого за это заплатитесь!..

Эдуардъ. Сударыня! сударыня!

Маргарита (*вставая*). Кто меня зоветъ? (*Осматриваясь*). Никого! странно!

Эдуардъ. Удостоите выслушать меня!

Маргарита. Нѣтъ, я не ошибаюсь... Кто-то зоветъ меня... (*Подойдя къ окну съ правой стороны и поднимаетъ штору*). Что я вижу! Молодой человекъ! Да онъ очень недурень собою?... Онъ показываетъ знаками, чтобы я открыла окно... Нѣтъ, это невозможно. А можетъ быть я могу оказать ему какую нибудь услугу... Рѣшусь. (*Открываетъ окно съ правой стороны*).

Эдуардъ (*въ противоположномъ окнѣ*). О, благодарю, благодарю васъ!

Маргарита (*съ боязнію*). Говорите тише, сударь.

Эдуардъ. Не бойтесь ничего, сударыня... Насъ никто не услышитъ... Всѣ окна заперты... О! я не знаю какъ благодарить васъ!..

Маргарита. Вы взволнованы!.. Можетъ быть, вамъ угрожаетъ какая опасность!..

Эдуардъ. Сударыня! вы видите передъ собою самаго несчастнѣйшаго изъ вашихъ сосѣдей!

Маргарита. Однако...

Эдуардъ. И къ довершенію всего, самаго несчастнѣйшаго изъ людей!

Маргарита. М. Г.

Эдуардъ. О, умоляю васъ, выслушайте меня! Та, которую я люблю, такъ прекрасна!..

Маргарита. Ради Бога, сударь, замолчите!

Эдуардъ. Будьте спокойны, насъ никто не услышитъ... Вотъ

уже мѣсяць, какъ я живу въ этомъ домѣ, подлѣ нея... страстная любовь овладѣла мною...

МАРГАРИТА. Но особа вами любимая платитъ ли вамъ взаимностию?

ЭДУАРДЪ. Я увѣренъ, что она страдаетъ также какъ и я... О! еслибы я только ни отъ кого не зависѣлъ!.. Но къ несчастію моему, дялюшка узналъ мою тайну... Теперь за мною наблюдаютъ, запрещаютъ мнѣ видѣться съ нею... перехватываютъ мои письма...

МАРГАРИТА (*всторону*). Бѣдный молодой человекъ! Какъ онъ любитъ меня!..

ЭДУАРДЪ. Сегодня же должно все рѣшиться, пусть она... (*Въ комнату мужа слышно паденіе стула*)..

МАРГАРИТА (*въ испугъ*). Боже! это мой мужъ!.. Отойдите отъ окна, сударь, прошу васъ...

ЭДУАРДЪ. Еще слово... одно только слово!..

МАРГАРИТА. Нѣтъ! невозможно!..

ЭДУАРДЪ. Если такъ, то возьмите это письмо, оно вамъ все объяснитъ. (*Бросаетъ къ ея ногамъ письмо; она тотчасъ же затворяетъ окно*).

МАРГАРИТА. Боже мой! Какъ бьется мое сердце!.. Но это письмо... Что въ немъ заключается?.. Прочту. (*Прислушиваясь*). Кажется, сюда идетъ мой мужъ!.. Куда бы спрятать это письмо, чтобы онъ его не нашелъ?.. А! въ рабочую корзинку. (*Прячетъ письмо въ корзинку и садится на диванъ*).

VI.

МАРГАРИТА и ДЮПРЕ.

ДЮПРЕ. Признаться, я уже не предполагалъ васъ здѣсь встрѣтить.

МАРГАРИТА. Я также думала, что вы уже уѣхали.

ДЮПРЕ. Я понимаю, какъ вамъ должно быть непріятно мое присутствіе!..

МАРГАРИТА. Я думаю, что вы также будете очень рады, когда я васъ избавлю отъ моего.

ДЮПРЕ. Однако, какъ вы удачно отгадываете мои мысли!

МАРГАРИТА. Вы мнѣ жалки, сударь... Но я еще вамъ отомщу! (*Идетъ къ правой сторонѣ*).

ДЮПРЕ. Ужъ не считаете ли вы меня ревнивымъ? Вотъ это

мло! Увѣряю, что ревную васъ на столько, сколько вы меня къ вашей рабочей корзинкѣ. (*Дѣлаетъ движеніе открыть ее, Маргарита смотритъ на него съ испугомъ*).

МАРГАРИТА. Вы слишкомъ самолюбивы... Я теперь такъ мало объ васъ забочусь, что, право, мнѣ-бы рѣшительно было все равно, влюбилась ли бы вы въ женщину, или въ эту вазу. (*Дотрогивается рукою до вазы*).

ДЮПРЕ. И прекрасно! Стало-быть, мы разстанемся какъ нельзя спокойнѣе.

МАРГАРИТА. Конечно.

ДЮПРЕ (*всторону*). Я бы вовсе не желалъ, чтобъ она увидала письмо моей сестры.

МАРГАРИТА (*всторону*). Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ нашелъ письмо моего соседа.

ДЮПРЕ (*всторону*). Скоро ли она уйдетъ отсюда?

МАРГАРИТА (*всторону*). Неужели онъ здѣсь останется?

ДЮПРЕ. Я васъ не удерживаю, сударыня.

МАРГАРИТА. Я также прошу васъ не церемониться со мною.

ДЮПРЕ. Мое почтеніе, будьте здоровы! (*Идетъ направо*).

МАРГАРИТА. Прощайте. (*Идетъ налево*).

(*Идя къ дверямъ они нѣсколько разъ оборачиваются, чтобы взглянуть другъ на друга, но подойдя къ дверямъ останавливаются, какъ будто что-то вспомнивъ*).

ДЮПРЕ. Это довольно странно!

МАРГАРИТА. Это удивительно!

ДЮПРЕ. Куда это я ихъ положилъ?

МАРГАРИТА. Гдѣ я его оставила? нѣтъ ли его въ карманѣ вашего сюртука?

ДЮПРЕ. Чего?

МАРГАРИТА. Моего вѣера?

ДЮПРЕ. Не попали ли они какъ нибудь къ вамъ въ карманъ?

МАРГАРИТА. Что такое?

ДЮПРЕ. Мой помочилъ.

МАРГАРИТА. Вы съ ума сошли, сударь?

ДЮПРЕ (*идя налево*). Какъ это могло вамъ придти въ голову!

МАРГАРИТА (*сидя на диванѣ*). Однако, надо же мнѣ найти его.

ДЮПРЕ (*на противоположной сторонѣ*). Я долженъ ихъ отыскать. (*Молчаніе. Идетъ къ жезлу*). Еслибы онъ еще былъ

вашей работы, такъ я бы не беспокоился, но вѣдь я заплатилъ за нихъ Дюфуру 25 франковъ... Еще разъ повторю вамъ, сударыня, отдайте мнѣ мои помочи!.. *(Садится съ лѣвой стороны)*.

МАРГАРИТА *(встала и идя къ нему)*. Еслибы вѣрѣ былъ подаренъ вами, такъ я не жалѣла бы объ этой потерѣ, но я купила его въ магазинѣ Жиро за 60 франковъ... Еще разъ говорю вамъ: отдайте мнѣ мой вѣрѣ!..

ДЮПРЕ. Но вы очень хорошо знаете, сударыня, что у васъ его никогда не было.

МАРГАРИТА. Я очень хорошо знаю, что вы никогда не носили помочей. Да и кто же теперь носить помочи?..

ДЮПРЕ *(сердито)*. Я ношу, сударыня! Понимаете ли вы? ношу! *(Послѣ молчанія, оба встанутъ въ одно время и дергаютъ за соннетку)*.

ЖАКЪ *(входя изъ дверей съ правой стороны на второмъ планѣ)*. Что прикажете?

МАРГАРИТА. Ступай сейчасъ къ Дюфуру и купи мужу помочи. *(Даетъ ему денегъ и садится на диванъ съ лѣвой стороны)*.

ДЮПРЕ *(давая деньги Жаку)*. Жакъ! отправляйся сию минуту въ магазинъ Жиро и купи женѣ вѣрѣ. *(Садится съ правой стороны, Жакъ уходитъ въ дверь направо на второмъ планѣ)*.

МАРГАРИТА. Ваше желаніе, сударь, будетъ исполнено.

ДЮПРЕ. Вы сейчасъ получите вѣрѣ, сударыня.

(Молчаніе).

ЭДУАРДЪ *(за кулисами)*. Сударыня!

МАРГАРИТА *(вздвигнувъ)*. Что такое?

ГОРТЕНЗИЯ *(за кулисами)*. М. Г!

ДЮПРЕ *(также)*. Что такое?

МАРГАРИТА. Вы мнѣ говорите?

ДЮПРЕ. Что вамъ угодно?

МАРГАРИТА. Мнѣ? ничего.

ДЮПРЕ. И мнѣ ничего.

ЭДУАРДЪ *(за кулисами)*. Сударыня!

ГОРТЕНЗИЯ *(также)*. Послушайте, сударь!... *(Онъ и жена въ одно время оборачиваются другъ къ другу)*.

МАРГАРИТА. Вы меня зовете?

ДЮПРЕ. Вы меня зовете?

МАРГАРИТА. Нѣтъ.

ДЮПРЕ. Нѣтъ.

Эдуардъ. Удостоите меня выслушать.

Гортензія. Выслушайте меня!

Маргарита. Но однако, вы мнѣ говорите?

Дюпре. Нѣтъ, напротивъ, вы.

Эдуардъ и Гортензія (*вмѣстѣ*). Сударыня! М. Г!

Дюпре (*встаетъ, жена также. Взглянувъ въ окно*). А! такъ это вотъ гдѣ говорятъ! (*Подходитъ къ окну направо. Маргарита къ окну налево*). Молодой человѣкъ!

Маргарита. Молоденькая дѣвушка!

Дюпре (*женѣ*). Поздравляю васъ, сударыня! онъ очень недурень собою.

Маргарита. Говоря безъ лести, она, сударь, довольно мила.

Дюпре (*всторону*). А! у жены моей есть сосѣдъ!

Маргарита (*также*). А! у моего мужа есть сосѣдка!

Дюпре (*подходя къ женѣ*). Вамъ очень нравятся брюнеты, сударыня?

Маргарита. Вы равнодушны къ блондинкамъ? Любовь изъ окна въ окно!.. Это что-то въ новомъ родѣ.

Дюпре. Да, признаюсь, что подобнаго я никогда не слыхалъ.

Маргарита.

Нѣтъ, уже такого оскорбленья
Перенести не въ силахъ я!

Дюпре.

А вы въ какое положенье
Теперь поставили меня.

Маргарита.

На что же это все похоже,
Я, сударь, спрашиваю васъ?

Дюпре.

А на повѣрку вышло что же?
Слѣвой кривому колетъ глазъ!

Маргарита. Замолчите, сударь!.. Вы фатъ!..

Дюпре. А вы кокетка!

Маргарита. Я вамъ не позволю волочиться.

Дюпре. Я вамъ запрещаю разговаривать съ этимъ молодымъ
человѣкомъ.

МАРГАРИТА. Такъ вотъ на зло же вамъ буду. (*Отворяетъ окно*).

ДЮПРЕ. Я вамъ докажу, что я васъ нисколько не боюсь. (*Отворяетъ другое. Противуположныя окна тотчасъ же за- творяются*).

МАРГАРИТА. Видите ли, я была увѣрена, что она не посмѣетъ показаться мнѣ.

ДЮПРЕ. Да и вашъ господинъ куда-то спрятался.

(*Отходятъ отъ оконъ*).

МАРГАРИТА. Я этого такъ не оставлю! Я еще вамъ отомщу! (*Садится на диванъ*).

ДЮПРЕ. Ну, да и я также въ долгу у васъ не останусь. (*Садится на другой*).

МАРГАРИТА. Однако, какъ здѣсь стало холодно. (*Чихаетъ*).

ДЮПРЕ. Да, нельзя сказать, чтобъ было тепло. (*Чихаетъ*).

МАРГАРИТА. Извольте, сударь, запереть окно!

ДЮПРЕ. Не угодно ли вамъ будетъ закрыть ваше!

(*Встаютъ и зашворяютъ окна, онъ съ правой стороны, она съ лѣвой*).

ДЮПРЕ. Знаете ли, какая мнѣ пришла великолѣпная мысль. Такъ какъ мы оба имѣемъ причины не выѣзжать изъ этой квартиры, такъ раздѣлимъ эту комнату на двѣ равныя части... Ваша будетъ эта, т. е. vis-à-vis съ сосѣдомъ...

МАРГАРИТА. А ваша vis-à-vis съ сосѣдкой?

ДЮПРЕ. Пожалуй. (*Встаетъ*).

МАРГАРИТА. Я согласна. (*Также встаетъ*).

ДЮПРЕ. Такъ позвольте мнѣ отправиться на мою половину.

МАРГАРИТА. Я васъ только хотѣла объ этомъ просить. (*Раскланиваются*). М. Г.

ДЮПРЕ. Мое почтеніе, сударыня. (*Онъ идетъ калѣво, она направо и садятся*).

ЖАКЪ (*входя*). Принесъ, сударыня. (*Отдаетъ ей пакетъ*).

МАРГАРИТА. Хорошо.

ЖАКЪ (*подавая футляръ мужу*). Вотъ вѣрь, сударь.

ДЮПРЕ. Хорошо.

МАРГАРИТА (*Жаку*). Ступай.

ДЮПРЕ. Останься. (*Ставитъ кресло на средину комнаты*). Ты позовешь сюда столяра.

ЖАКЪ (*съ удивленіемъ*). Столяра?

ДЮПРЕ. Ну, да, глупецъ!

Жакъ. Слушаю—съ. (*Уходитъ*).

Дюпре. Сударыня! не угодно ли вамъ получить вашъ вѣрь.

Маргарита (*вставая*). Вотъ вамъ ваши помочи! (*Мпняются вещами, она бросаетъ вѣрь, даже не взглянувъ на него*). Этотъ вѣрь нкуда не годится.

Дюпре (*также*). Помочи и подавно! (*Бросаетъ ихъ. Беретъ стулъ и ставитъ его на средину рядомъ съ кресломъ; Маргарита съ своей стороны дѣлаетъ то же, потомъ садятся спиною одинъ къ другому*).

Маргарита (*не оборачиваясь*). Вы, кажется, очень не въ духъ?

Дюпре. Да и вы также не совсѣмъ.

Маргарита. Я не виновата, что Жакъ такъ глупъ.

Дюпре. Я тоже нсколько не причиною, что вашъ слуга такой дуракъ.

Гортензiя. М Г!

Маргарита. Васъ зовуть.

Эдуардъ. Сударыня!

Дюпре. Васъ зовуть.

Маргарита. Пожалуйста, не стѣсняйтесь.

Дюпре. Вообразите себѣ, что меня здѣсь нтъ.

Маргарита. Предположимъ, что здѣсь уже поставлена перего-родка.

Дюпре (*всторону, вставая*). Нарочно буду любезничать, чтобъ только взбѣсить ее. (*Отворлетъ окно съ лъвой стороны*).

Маргарита (*всторону, вставая*). Вотъ на зло ему буду любезничать съ этимъ молодымъ человѣкомъ. (*Отворлетъ окно съ правой стороны*).

Дюпре, (*Гортензiи, которая показывается въ окнѣ*). Прелестная сосѣдка! наконецъ-то я васъ вижу!

Маргарита, (*Эдуарду, который также показывается въ окнѣ*). Милый сосѣдь! я въ восторгѣ видя васъ!

Дюпре. Еслибъ вы знали, какъ я теперь счастливъ!

Маргарита. Еслибъ вы знали, какъ я довольна!

Гортензiя. Я тоже.

Эдуардъ. И я.

Гортензiя. Тетушка согласна на нашу свадьбу.

Эдуардъ. Дядюшка позволлъ мнѣ жениться.

Гортензiя. Наконецъ я буду женою того, кого такъ страстно люблю!

Эдуардъ. Я въ восторгѣ, что женюсь на той, которую обожаю!

Гортензія. Не отсылайте моего письма.

Эдуардъ. Разорвите мою записку, она теперь болѣе не нужна. Благодарю васъ за участіе, которое вы во мнѣ приняли.

Гортензія. Я никогда не забуду вашей услуги, добрый сосѣдь. *(Гортензія и Эдуардъ затворяютъ свои окна).*

Дюпре *(всторону, затворяя окно)*. Не отсылайте моего письма.

Маргарита *(всторону, затворяя свое)*. Разорвите мою записку.

Дюпре. *(всторону)*. А я, глупецъ, вообразилъ!...

Маргарита *(всторону)*. И я могла подумать!...

Дюпре *(всторону, читая письмо)*. «Милый Эдуардъ..» — А меня вѣдь зовутъ Адольфомъ... Теперь все ясно.

Маргарита *(всторону, читая записку)*. «Милая Гортензія.» — Мое имя Маргарита... Нѣтъ болѣе сомнѣній!..

Дюпре *(всторону)*. Что же это за инстинкція?..

Маргарита *(всторону)*. Какая жестокая ошибка! *(Оба повертываются спиною одинъ къ другому)*.

Дюпре. Я думаю, она никогда мнѣ этого не проститъ.

Маргарита. Онъ вѣчно будетъ на меня сердиться. А мнѣ бы-это было очень непріятно, потому что я такъ люблю его...

Дюпре. Я не перенесу этого, потому что никогда не въ состояніи буду забыть ее.

Маргарита. *(всторону)*. Еслибъ я могла...

Дюпре. Еслибъ я смѣлъ...

Маргарита. Только мнѣ очень стыдно...

Дюпре. Я краснѣю отъ совѣсти...

Маргарита *(всторону, приближаясь къ мужу)*. Попробую переступить границу.

Дюпре *(всторону, также подходя къ ней)*. Рискну перейти за черту. *(Сойдись спиною одинъ съ другимъ остаются)*.

Маргарита. Ну-съ, сударь?

Дюпре. Ну-съ, сударыня?

Маргарита. Эти молодые люди теперь очень счастливы.

Дюпре. Да, потому что они любятъ другъ друга.

Маргарита. А меня вы развѣ презираете?

Дюпре. А вы меня ненавидите?

Маргарита. Вы очень хорошо знаете, что я васъ люблю, неблагодарный!

ДЮПРЕ. И что я васъ обожаю! (*Повертывается лицомъ другъ къ другу*).

МАРГАРИТА (*взглянувъ въ окно*). Наши сосѣди подходятъ другъ къ другу.

ДЮПРЕ. Будемъ имъ подражать. (*Онъ улыбается, она бросается къ нему на шею и целуетъ его*). Постой, мой другъ, на одну минуту...

МАРГАРИТА. Что такое?

ДЮПРЕ. Позволь мнѣ чихнуть. (*Чихаетъ*).

МАРГАРИТА. О! Теперь сколько тебѣ угодно.

ДЮПРЕ. А что ты скажешь, если теперь кто нибудь спроситъ тебя, гдѣ я простудился?

МАРГАРИТА. Я скажу: у камна.

Мы были вполнѣ бы довольны судьбою,
Когда бъ угождать вамъ могли мы всегда,
И если вы нашей довольны игрою,
Прошу васъ: похлопайте намъ, господа.
Вывѣсть: Мы просимъ: похлопайте намъ, господа.

К О Н Е Ц Ъ .

2030, 7082

ПАНТЕОНЪ

выходить съ марта мѣсяца, ежемѣсячно, въ первыхъ числахъ. Онъ состоитъ изъ **12** книжекъ, въ **25** печатныхъ листовъ каждая, съ **12** нумерами «**РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ.**» Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты*: русскихъ знаменитыхъ лицъ, писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ **16 р. 50 к.**

**ПОДПИСКА НА 1856 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
исключительно**

Въ *С. Петербургъ*: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, въ Большой Морской, въ домъ Коссиковской.

Въ *Москвѣ*: въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. За подписку же, принятую гдѣ бы то ни было въ *другихъ мѣстахъ*, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Всѣ лица подписывающіяся на Пантеонъ текущаго года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ**, КОГДА-БЫ ОНИ НИ ПОДПИСАЛИСЬ.

Цѣна за полное изданіе Пантеона за 1852, 1853, 1854 и 1855 годы: — съ пересылкою 20 р. сер. за каждый годъ. Для новыхъ подписчиковъ, желающихъ укомплектовать все изданіе, цѣна за каждый годъ остается 16 р. 50 коп. А кто пожелаетъ взять всѣ годы вмѣстѣ — 50 р. с. за всѣ; за пересылку прилагается 10 р. с.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю Федору Алексѣевичу Кони, адресуя письма на его имя: «въ *С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ Лыткина.*»